

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**

ISSN 2079-1690

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ**

*Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по группам научных специальностей:
5.2. Экономика; 5.4. Социология; 5.5. Политология*

№ 1

**Ростов-на-Дону
2024**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ**

*Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-71827
от 08 декабря 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)*

*Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»*

Главный редактор

ИГНАТОВА Т. В.,

Заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
доктор экономических наук, профессор

Зам. главного редактора

ЧЕРКАСОВА Т. П.,

доктор экономических наук, профессор

Члены редколлегии:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne (France); **Eugene Nivorozhkin**, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London (Great Britain); **Ford Lumban Gaol**, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta (Indonesia); **Атанесян А. В.**, докт. полит. наук, проф., Ереванский государственный университет (Армения); **Султонов З. С.**, канд. экон. наук, доц., Таджикский государственный университет коммерции (Таджикистан); **Кадол Н. Ф.**, докт. экон. наук, доц., Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины (Беларусь); **Ушаков Д. С.**, докт. экон. наук, проф., Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);

Арсеньева В. А., докт. экон. наук, доц.; **Дзахова Л. Х.**, докт. полит. наук, проф.; **Дробышевская Л. Н.**, докт. экон. наук, проф.; **Змияк С. С.**, докт. экон. наук, доц.; **Золочевская Е. Ю.**, докт. экон. наук, проф.; **Кислицын С. А.**, докт. ист. наук, проф.; **Козлюк Н. В.**; докт. экон. наук, доц.; **Колядин А. П.**, докт. экон. наук, проф.; **Крюкова Е. М.**, докт. экон. наук, проф.; **Миляева Л. Г.**, докт. экон. наук, проф.; **Овчаренко Р. К.**, докт. социол. наук, доц.; **Понеделков А. В.**, Заслуженный деятель науки РФ, докт. полит. наук, проф.; **Попова Е. А.**, докт. полит. наук, доц.; **Скворцов Н. Г.**, докт. социол. наук, проф.; **Сологуб В. А.**, докт. социол. наук, проф.; **Чернова О. А.**, докт. экон. наук, доц.

Адрес редакции: 344002, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 70/54.

Тел. 8-863-279-41-62,

e-mail: pustovalova-nn@ranepa.ru

<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

**RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
SOUTH-RUSSIA INSTITUTE OF MANAGEMENT**

ISSN 2079-1690

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*The journal is included into the list of reviewed scientific publications where
main research results of dissertations for the degree of Candidate
and Doctor of Science in specific scientific fields:
5.2. – economic science; 5.4. – sociology; 5.5. – politology*

№ 1

**Rostov-on-Don
2024**

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*Certificate of registration of the mass media ПИ № ФС 77 – 71827 from 08.12.2017
issued by Federal Service for Supervision of communications, information technologies
and mass media (Roskomnadzor)*

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

The Editor in Chief	Tatyana V. Ignatova, Honored Worker of Higher School of Russian Federation, Doctor of Economic science, professor
Vice-Editor in Chief	Tatyana P. Cherkasova, Doctor of Economic science, professor

Editorial Board:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne, France; **Eugene Nivorozhkin**, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London, Great Britain; **Ford Lumban Gaol**, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta, Indonesia; **Arthur V. Atanesyan**, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Armenia; **Natalia F. Kadol**, Doctor of Economics, Docent, Francisk Skarina Gomel State University (Belarus); **Zoirsho S. Sultonov**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Tajik State University of Commerce (Tajikistan); **Denis S. Ushakov**, PhD, Professor, Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand); **Valeria A. Arsenieva**, Doctor of Economic Science, Docent; **Larisa Kh. Dzakhova**, Doctor of Political Science, Professor; **Larisa N. Drobyshevskaya**, Doctor of Economic Science, Professor; **Sergey S. Zmiyak**, Doctor of Economic Science, Docent; **Elena Yu. Zolochevskaja**, Doctor of Economic Science, Professor; **Sergey A. Kislitsyn**, Doctor of Historic Science, Professor; **Natalya V. Kozlyuk**, Doctor of Economic Science, Docent; **Alexander P. Kolyadin A**, Doctor of Economic Science, Professor; **Elena M. Kryukova**, Doctor of Economic Science, Professor; **Larisa G. Milyaeva**, Doctor of Economic Science, Professor; **Roman K. Ovcharenko**, Doctor of Sociology, Docent; **Alexander V. Ponedelkov**, Honorary Scientist of RF, Doctor of Political Science, Professor; **Ekaterina A. Popova**, Doctor of Political Science, Docent; **Nikolay G. Skvortsov**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Vladimir A. Sologub**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Olga A. Chernova**, Doctor of Economic Science, Docent.

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54.

Tel: 8-863-279-41-62.

E-mail: pustovalova-nn@ranepa.ru

<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ	9
<i>А. В. Баранов, О. В. Котлярова, И. В. Янин.</i> «Внутренний клиент» в работе центров «Мои документы»	9
<i>И. А. Вальдман, Р. В. Горбовский, М. В. Паратунов, Е. А. Путинцева.</i> Основные проблемы и барьеры клиентоцентричной трансформации системы государственного управления	20
<i>Ю. В. Гаврилова.</i> Теоретическое осмысление HRM в концепте инновационно-ориентированного менеджмента образовательной организации	32
<i>И. Ф. Денисенко.</i> Проблемы совершенствования федерализма и системы публичной власти в процессе образования новых субъектов Российской Федерации.....	41
<i>Н. В. Капустина.</i> Анализ аспектов проектного управления в современных условиях: риски и критерии успешности.....	47
<i>В. В. Келарев, Г. Н. Лесникова, А. В. Баженов.</i> Особенности современного управления развитием сферы физической культуры и спорта в России	53
<i>И. А. Маньковский.</i> Потенциал применения институционализма в качестве теоретической основы государственного управления	59
<i>Р. К. Овчаренко, Е. В. Халамбалян.</i> Антикризисное управление отечественными предприятиями в условиях неопределенности	67
<i>Д. Н. Сырцов, Ф. Б. Мирзаева.</i> Цифровая трансформация в сфере образования: вопросы терминологии и управления	76
<i>Е. Н. Тованчова.</i> Транспарентность государственного управления и двойные стандарты в международных отношениях: риски и угрозы	84
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ	90
<i>Н. Н. Ажогина, Л. В. Китаева.</i> Многополярность в сфере валютных отношений как основа справедливого обмена в мировой экономике.....	90
<i>К. А. Волошина.</i> Влияние криптовалюты на развитие российской экономики: угрозы и экономические возможности.....	97
<i>А. Д. Грачева, И. А. Лебедев, Н. В. Капустина.</i> Риски трансформации наркоторговли с использованием криптовалют.....	104
<i>Ю. С. Евлахова.</i> Невзаимозаменяемые токены (NFT): технология, экосистема и рынок активов	110
<i>С. С. Змияк, Д. Е. Иванова, В. Е. Иванов, В. В. Шукель.</i> Инструментарий государственной поддержки устойчивого развития малого и среднего предпринимательства РФ.....	118
<i>С. А. Литвинова.</i> Методологические основы функционирования институциональной среды ипотечного жилищного кредитования.....	125
<i>Т. В. Подольская, Д. С. Ушаков, А. Д. Володина.</i> Иммерсивные технологии в туризме: потенциал и перспективы развития отраслевой экономики впечатлений	134
<i>А. В. Попов, Д. В. Кротов, С. И. Самыгин.</i> Человеческие ресурсы в условиях цифровой экономики	143
<i>Л. И. Проняева, И. Г. Давыдкин.</i> Государственное регулирование развития малого бизнеса в социальной сфере.....	150
<i>Л. А. Стрельникова.</i> Механизм финансирования инновационной деятельности российских предприятий	159

ПОЛИТОЛОГИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА	168
<i>М. А. Аствацатурова, С. Т. Мильдзихов.</i> Механизмы обратной связи органов государственной власти и граждан: некоторые социальные и политические смыслы.....	168
<i>Д. К. Григорян, А. А. Ханджян.</i> Трансформация политической идентичности в информационном обществе: пределы и противоречия.....	175
<i>О. Ю. Керимов.</i> Российская модернизация в контексте социокультурного дискурса.....	181
<i>Е. Н. Кондратенко, Д. К. Григорян, Н. С. Делов.</i> Формирование теоретических подходов к анализу экстремизма и терроризма в киберпространстве.....	187
<i>Линь Лэй.</i> Китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество на фоне стратегии «Поворот на Восток».....	194
<i>В. А. Лихотинский.</i> Русская политическая мифология: бессознательные истоки и основное содержание.....	201
<i>А. В. Панков.</i> Цивилизационно-элитологический подход: актуальная смена исследовательской оптики	209
<i>Э. Б. Уртаева.</i> Инструменты контрпропаганды в условиях гибридного внешнеполитического противоборства	217
<i>Г. В. Ярошенко, В. В. Комерцов, С. С. Шестаков.</i> Перспективы сотрудничества Российской Федерации и стран Средней Азии в сфере безопасности	224
ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ	231
<i>Я. В. Артамонова, С. С. Барсуков, А. А. Суханова.</i> Биометрические технологии: отношение населения и преодоление рисков.....	231
<i>И. М. Вакула, Н. Х. Гафиатулина, Н. С. Пичко.</i> СМИ как инновационный четвертый институт власти в эпоху развития масс-медиа	237
<i>Н. С. Котова, Л. А. Томашевская, Н. А. Колесникова.</i> Репрезентация культурной идентичности студентов в рамках дисциплины «Межкультурная коммуникация»	244
<i>Н. Н. Покровская, Э. Б. Авакова, А. А. Кузнецов.</i> Социокультурная регуляция гражданской позиции молодежи в цифровой среде	251
<i>М. М. Шахбанова.</i> Прозелитизм и прозелитская деятельность: оценка и восприятие в общественном сознании дагестанской молодежи	257
СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ	264
<i>С. В. Багликов.</i> Программы Европейского союза в сфере содействия международному развитию: территориальное распределение помощи.....	264
<i>К. А. Власенко.</i> Финансовое обеспечение инвестиционных проектов предприятий в контексте экосистемы замкнутого цикла	271
<i>А. М. Газданов.</i> Экологическая безопасность как приоритет внутренней политики РФ.....	278
<i>А. В. Глазков.</i> Традиционализм как фактор политической стабильности в современном российском обществе.....	283
<i>З. Б. Джинджолия.</i> Власть: развитие и элиминация.....	289
<i>Н. Ю. Дмитриев.</i> Партнерская модель взаимодействия властных элит и гражданского общества и проблемы ее становления в современной России.....	295
<i>Б. Х. Дреев.</i> Концептуальные основы кластеризации региональной экономики в целях обеспечения ее устойчивого развития и роста инвестиционной привлекательности.....	300
<i>В. В. Карагачев.</i> Экологическое образование и культура в контексте цифровой модернизации.....	307
<i>О. О. Керимов.</i> Взаимодополнительный характер статусно-альтиметрических, диспозициональных и десизионных характеристик в исследовании военных элит	313
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ	319

CONTENTS

PROBLEMS OF MANAGEMENT	9
<i>Alexey V. Baranov, Olga V. Kotlyarova, Ilya V. Yanin</i> The "internal client" in the work of the "My Documents" centers	9
<i>Igor A. Valdman, Rostislav V. Gorbovskiy, Maxim V. Paratunov, Elena A. Putintseva</i> Main problems and barriers of the client-centered transformation of the public administration system.....	20
<i>Julia V. Gavrilova</i> Theoretical understanding of HRM in the concept of innovation-oriented management of an educational organization	32
<i>Ivan F. Denisenko</i> Problems of improving federalism and the system of public authority in the process of formation of new subjects of the Russian Federation.....	41
<i>Nadezhda V. Kapustina</i> Analysis of aspects of project management in modern conditions: risks and success criteria.....	47
<i>Vladimir V. Kelarev, Galina N. Lesnikova, Alexander V. Bazhenov</i> The peculiarities of modern management of physical culture and sports development in Russia.....	53
<i>Igor A. Mankovskiy</i> The potential of applying institutionalism as a theoretical framework for public administration	60
<i>Roman K. Ovcharenko, Ervand V. Khalambashvan</i> Anti-crisis management of domestic enterprises in conditions of uncertainty	67
<i>Dmitry N. Syrtsov, Farida B. Mirzaeva</i> Digital transformation in education: terminology and management issues	76
<i>Elena N. Tovanchova</i> Transparency of public administration and double standards in international relations: risks and threats	84
PROBLEMS OF ECONOMICS	90
<i>Natalia N. Azhagina, Lyudmila V. Kitaeva</i> Multipolarity in the field of currency relations as the basis for fair exchange in the global economy.....	90
<i>Kristina A. Voloshina</i> The impact of cryptocurrency on the development of the Russian economy: threats and economic opportunities.....	97
<i>Anna D. Gracheva, Igor A. Lebedev, Nadezhda V. Kapustina</i> The risks of transforming the drug trade using cryptocurrencies	104
<i>Yulia S. Evlakhova</i> Non-fungible tokens (NFT): the technology, the ecosystem and the asset market.....	110
<i>Sergey S. Zmiyak, Daria E. Ivanova, Vyacheslav E. Ivanov, Valery V. Shukel</i> Tools of state support for the sustainable development of small and medium-sized enterprises of the Russian Federation.....	118
<i>Svetlana A. Litvinova</i> Methodological foundations of the functioning of the institutional environment of mortgage housing lending.....	125
<i>Tatiana V. Podolskaya, Denis S. Ushakov, Anastasiya D. Volodina</i> Immersive technologies in tourism: potential and prospects for the development of the industry experience economy.....	134
<i>Alexander V. Popov, Dmitry V. Krotov, Sergey I. Samygin</i> Human resources in the digital economy	143
<i>Lyudmila I. Pronvaeva, Igor G. Davvdkin</i> State regulation of small business development in the social sphere.....	150
<i>Larisa A. Strelnikova</i> The mechanism of financing innovative activities of Russian enterprises.....	159
POLITOLOGY AND ETHNOPOLITICS	168
<i>Maya A. Astvatsaturova, Sergey T. Mildzikhov</i> Feedback mechanisms of public authorities and citizens: some social and political meanings	168
<i>David K. Grigoryan, Artur A. Khandjyan</i> Transformation of political identity in the information society: limits and contradictions	175

Oleg Yu. Kerimov	
Russian modernization in the context of socio-cultural discourse	181
Evgenia N. Kondratenko, David K. Grigoryan, Nikita S. Delov	
Formation of theoretical approaches to the analysis of extremism and terrorism in cyberspace	187
Lin Lei	
Sino-Russian trade and economic cooperation against the backdrop of the "Eastern Pivot" strategy	194
Vladislav A. Likhotskiy	
Russian political mythology: unconscious origins and main content	201
Andrey V. Pankov	
The civilizational-elitist approach: the actual change of research optics	209
Elina B. Urtaeva	
Tools of counterpropaganda in the context of hybrid foreign policy confrontation	217
Galina V. Yaroshenko, Vyacheslav V. Komertsov, Stanislav S. Shestakov	
Prospects for cooperation between the Russian Federation and Central Asian countries in the field of security	224
SOCIOLOGY PROBLEMS	231
Yana V. Artamonova, Sergey S. Barsukov, Anna A. Sukhanova	
Biometric technologies: the attitude of the population and overcoming risks	231
Ivan M. Vakula, Natalya Kh. Gafiatulina, Natalya S. Pichko	
Media as an innovative fourth institution of power in the era of mass media development	237
Nina S. Kotova, Lyudmila A. Tomashevskaya, Nina A. Kolesnikova	
Representation of students' cultural identity within the framework of the discipline "Intercultural Communication"	244
Nadeida N. Pokrovskaya, Elina B. Avakova, Artem A. Kuznetsov	
Socio-cultural regulation of youth civic consciousness in the digital environment	251
Madina M. Shakhbanova	
Proselytism and proselytizing activities: assessment and perception in the public consciousness of Dagestan youth	257
YOUNG SCIENTISTS	264
Sergei V. Baalikov	
European Union development assistance programmes: territorial aid allocation	264
Konstantin A. Vlasenko	
Financial support for investment projects of enterprises in the context of a closed-loop ecosystem	271
Albea M. Gazdanov	
Environmental safety as a priority of the internal policy of the Russian Federation	278
Alexander V. Glazkov	
Traditionalism as a factor of political stability in modern Russian society	283
Zurab B. Dzhindzholava	
Power: development and elimination	289
Nikita Yu. Dmitriev	
The partnership model of interaction between power elites and civil society and the problems of its formation in modern Russia	295
Bimbolat Kh. Dreev	
Conceptual foundations of clustering of the regional economy in order to ensure its sustainable development and growth of investment attractiveness	300
Vladislav V. Karagachev	
Environmental education and culture in the context of digital modernization	307
Oleg O. Kerimov	
The complementary nature of status-altemetric, dispositional and divisional characteristics in the study of military elites	313
REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES	319

«Внутренний клиент» в работе центров «Мои документы»

Алексей Викторович Баранов¹, Ольга Владимировна Котлярова²,
Илья Владимирович Янин³

^{1,3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

²Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Владимир, Россия

¹baranov-av@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3004-9684>

²olya-apriori@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5077-6339>

Аннотация. В статье представлено исследование, посвященное выявлению степени удовлетворенности внутреннего клиента (сотрудников офисов «Мои документы» новых субъектов РФ). Анализируется степень их удовлетворённости собственной профессиональной деятельностью, видением профессиональных перспектив, взаимодействием с руководителями и заявителями МФЦ. На основе проведенного опроса и проанализированных результатов сформулирована система предложений, внедрение которых, по мнению авторов, повысит уровень клиентоцентричности в работе с внутренним клиентом, а значит увеличит эффективность взаимодействия сотрудников МФЦ и граждан, нуждающихся в помощи государства.

Ключевые слова: внутренний клиент, государство для людей, клиентоцентричность, МФЦ, удовлетворенность внутреннего клиента

Для цитирования: Баранов А. В., Котлярова О. В., Янин И. В. «Внутренний клиент» в работе центров «Мои документы» // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 9–19. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-9-19>. EDN BKFSEK

Problems of Management

Original article

The "internal client" in the work of the "My Documents" centers

Alexey V. Baranov¹, Olga V. Kotlyarova², Ilya V. Yanin³

^{1,3}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

²Vladimir branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia

¹baranov-av@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3004-9684>

²olya-apriori@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5077-6339>

Abstract. The article presents a study devoted to identifying the degree of satisfaction of an internal client (employees of the My Documents offices in new regions). The degree of their satisfaction with their own professional activities, vision of professional prospects, interaction with managers and applicants of the MFC is analyzed. Based on the conducted survey and the analyzed results, a system of proposals has been formulated, the implementation of which, according to the authors, will increase the level of client-centricity in working with an internal client, and therefore increase the effectiveness of interaction between MFC employees and citizens in need of state assistance.

Keywords: client-centricity, government for people, internal client, MFC, internal customer satisfaction

For citation: Baranov A. V., Kotlyarova O. V., Yanin I. V. The "internal client" in the work of the "My Documents" centers. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):9-19. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-9-19>. EDN BKFSEK

Федеральный проект «Государство для людей» создан и реализуется для повышения уровня доверия к власти со стороны населения посредством повышения удовлетворённости граждан уровнем собственной жизни¹. Сутью проекта является внедрение принципов клиентоцентричности в процессы взаимодействия общества и власти.

Клиентоцентричность как ведущая социальная тенденция изменяет формат взаимодействия государства и общества. Говоря проще: государство держит в фокусе внимания рядовые и экстремальные ситуации, в которые попадают люди, и помогает выйти из проблемных ситуаций быстро, безопасно и комфортно. Клиентоцентричная культура обоюдна, то есть включает взаимное уважение общества и государства². Открытость информации и прозрачность процессов, общая система и единый подход в процессе предоставления услуги, отсутствие сбоев в коммуникации обеспечивают консультационную помощь и полноценность информирования населения, а также своевременное и легкое получение услуги [1]. Со стороны граждан клиентоцентричность проявляется как уважительное отношение и к представителям властных структур, и к власти в целом.

Опираясь на концепцию «Государство для людей» в качестве клиента рассматривается гражданин Российской Федерации или иностранец, то есть *любой человек* в конкретных жизненных условиях, со всеми бытовыми и социальными изменениями и нуждами. Клиентами также выступают *представителями бизнес-сообществ и предприниматели* [2–3], так как работа государства направлена, в том числе, и на формирование и развитие бизнес-сообщества, укрепляющего экономическое положение страны [4]³. Клиентом является и *представитель властных структур, государственный или муниципальный служащий, а также любой представитель организации, ассоциируемой у граждан российского общества с государством*⁴.

Именно третья категория клиентов обеспечивает связь между государством и обществом, определяет качество межведомственного взаимодействия и публичность власти, то есть объединяет всех участников.

Мы убеждены, что система многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг изменила коммуникационный ландшафт взаимоотношений общества и власти. МФЦ стало брендом, ассоциируемым у российских граждан с государством.

Изучение функционирования системы МФЦ [5–6], составление компетентного портрета сотрудника центра «Мои документы» [7], повышение культуры обслуживания в МФЦ [8], изучение барьеров и вызовов, сдерживающих развитие кадрового капитала системы МФЦ [9] давно находятся в рамках научных интересов исследователей. Мы считаем, что стандарт внутреннего клиента имеет непосредственное отношение к представителям центров «Мои документы», а значит клиентоцентричность как ключевой подход должен использоваться в процессе профессионального развития сотрудников МФЦ.

С целью внедрения клиентоцентричного подхода [10] в процесс профессионального развития сотрудников МФЦ был проведен опрос среди представителей центров «Мои документы» новых субъектов Российской Федерации: *Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей*. В опросе участвовало 146 респондентов. Проанализируем результаты, полученные в процессе опроса.

Респонденты читали утверждение, имеющее непосредственное отношение к ним и их профессиональной деятельности. С точки зрения политического восприятия у них возникала определенная реакция на соответствующее утверждение. Они в той или иной степени принимали

¹ Стандарт «Государство для людей»

https://www.economy.gov.ru/material/file/00db16ac60dcff6084d1bcf2e611703e/standart_gosudarstvo_dlya_lyudey.pdf

² Декларация клиентоцентричности *deklaraciya_cennostey_klientocentrichnosti.pdf* (economy.gov.ru)

³ Стандарт «Государство для бизнеса»

https://www.economy.gov.ru/material/file/1c2a46f36cdb6a10d60077df579e12c6/standart_gosudarstvo_dlya_biznesa.pdf

⁴ «Стандарт для внутреннего клиента»

https://www.economy.gov.ru/material/file/7a1ea4e73feb468654274385902d9610/standart_dlya_vnutrennego_klienta.pdf

или не принимали истинность сформулированных суждений. На каждое утверждение респондентом было предложено 4 варианта ответа: «Да, это верно»; «В основном это так, но бывают сбои»; «Это желательно, однако на практике это не совсем так»; «Обычно не так».

Формулировки суждений были заимствованы из Федерального проекта «Государства для людей» и непосредственно из стандарта для внутреннего клиента. Нами были отобраны 9 вопросов, отображающих основные требования к профессиональной деятельности, предполагающей профессиональное развитие сотрудников.

Суждение 1. «Сотрудники видят гарантированную защищенность при выполнении должностных обязанностей» (рис. 1)

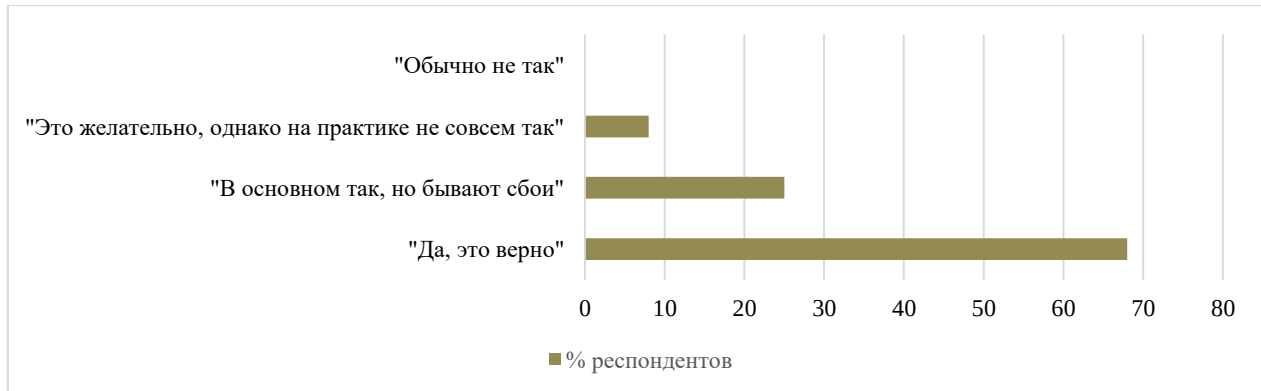

Рис. 1. Реакция респондентов на суждение «Сотрудники видят гарантированную защищенность при выполнении должностных обязанностей»

Fig. 1. Respondents' reaction to the judgment "Employees see guaranteed security in the performance of official duties"

Система МФЦ воспринимается как часть государства, с которым у населения новых регионов только начинают складываться взаимоотношения, в процессе становления таких отношений возникает большое количество барьеров. Близость военных действий, перебои и нестабильность обеспечения населения продовольствием и другими товарами, отсутствие налаженной инфраструктуры жизнедеятельности общества в совокупности не обеспечивают удовлетворенность общественности в безопасности, комфорте, определенности. Управление новыми регионами предполагает сложные трансформационные процессы. На сегодняшний день любой житель новых территорий не чувствует себя в безопасности и не может спокойно планировать собственную жизнь и жизнь своих близких.

Однако, несмотря на усложненность и стрессовость жизненных ситуаций, в которых оказываются сотрудники отделений МФЦ новых регионов, результаты опроса демонстрируют уверенность сотрудников в том, что государство обеспечивает безопасность их жизнедеятельности и профессиональной деятельности. Обратим внимание на то, что 68% респондентов на суждение о том, что «сотрудники видят гарантированную защищенность при выполнении должностных обязанностей» отреагировали: «Да, это верно», 25% опрошенных ответили: «В основном так, но бывают сбои». И только 8% респондентов выбрали ответ: «Это желательно, однако на практике это не всегда так». Ни один из сотрудников офисов «Мои документы» не выбрал ответ «Обычно не так». Результаты демонстрируют высокий уровень доверия со стороны внутреннего клиента к работодателю и государству в целом несмотря на то, что базовая потребность в безопасности не может быть удовлетворена полностью в актуальной геополитической ситуации.

В процессе динамичных трансформаций и цифровизации внутренние клиенты нуждаются в вовремя обновляемой официальной информации, которая закреплена в нормативно-правовой документации в связи с тем, что сотрудники МФЦ не могут дезинформировать граждан, получающих консультационную услугу. В этой связи межведомственные взаимодействия постоянно совершенствуются, ликвидируются бюрократичность и формализм. Это значит, что для скоростного своевременного решения проблемы, с которой обращается заявитель, в прямом доступе сотрудника МФЦ должна находиться та документация, в которой зафиксированы возможности решения проблемы. Одним из самых значимых барьеров является неумение граждан четко сформулировать клиентский

запрос. Заявители приходят в МФЦ, создаются очереди, а процесс обслуживания и непосредственно консультирования замедляются в связи с тем, что граждане не могут объяснить или не понимают собственный запрос, с которым обращаются к сотрудникам МФЦ. Часто они объясняют свое обращение в МФЦ чьим-то советом («подсказала соседка или знакомая», «сказали, что надо», «все пошли, значит и мне это нужно»). Поэтому сотрудники вынуждены не просто объяснять, что могут предложить органы власти с точки зрения услуг, удовлетворяющих запросы, они должны подкреплять свои рекомендации документами, прежде всего нормативно-правовыми документами, к которым важно иметь быстрый и беспрепятственный доступ.

Суждение 2. «Сотрудники обеспечены беспрепятственным (без необходимости формирования дополнительных запросов) доступом к утвержденной регламентной документации» (рис. 2)

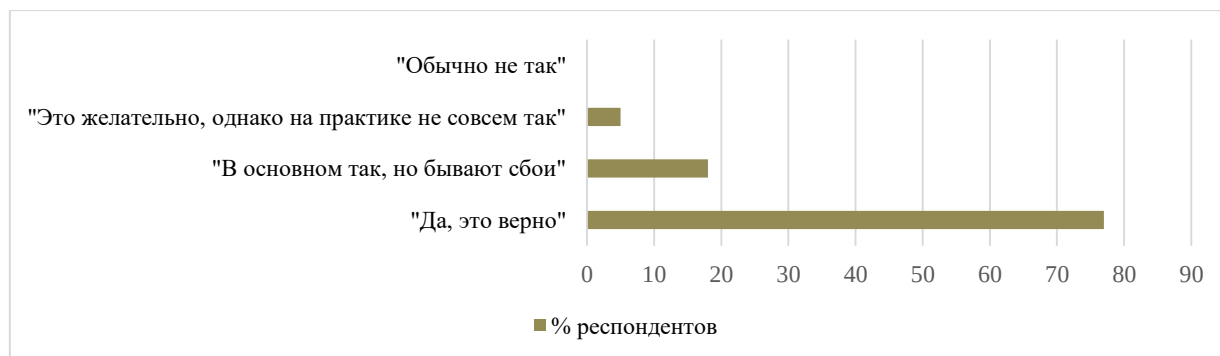

Рис. 2. Реакция респондентов на суждение: «Сотрудники обеспечены беспрепятственным (без необходимости формирования дополнительных запросов) доступом к утвержденной регламентной документации»

Fig. 2. Respondents' reaction to the judgment: "Employees are provided with unhindered (without the need to form additional requests) access to approved regulatory documentation"

Анализируя полученные результаты, отметим, что 77 % респондентов уверены в том, что они всегда имеют беспрепятственный доступ к регламентной документации, 18 % опрошенных подтверждают, что в основном это так, однако иногда наблюдаются сбои, и только 5% опрошенных говорят о том, что это желательно, на практике все бывает немного иначе.

Суждение 3. «Постановка рабочих задач, решаемых сотрудниками, не противоречит утвержденной регламентной документации» (рис. 3)

Рис. 3. Реакция респондентов на суждение: «Постановка рабочих задач, решаемых сотрудниками, не противоречит утвержденной регламентной документации»

Fig. 3. Respondents' reaction to the judgment: "The statement of work tasks solved by employees does not contradict the approved regulatory documentation"

Нужно осознавать, что деятельность структур государственного сектора и системы многофункциональных центров строго регламентируется законодательством. Однако в действительности сотрудники МФЦ и представители госструктур могут находиться в ситуациях, когда формулируемые руководителем задачи или задачи, формируемые в процессе профессиональной деятельности, не могут быть решены при помощи одобренных законом и действующих механизмов.

Клиентоцентричность, направленная на внутреннего клиента, исключает подобные затруднительные ситуации. Сотрудник МФЦ должен быть уверенным в том, что все задачи, лежащие в рамках его компетенции, могут быть решены посредством законных механизмов и не требуют поиска дополнительных решений и тем более обращения к не проверенным или сомнительным способам, противоречащим служебной, корпоративной и профессиональной этике. В этой связи показательны результаты, продемонстрированные респондентами. Отметим, что 82 % сотрудников МФЦ подтверждают, что постановка рабочих задач, исходящая от руководителей, не противоречит регламентной документации, находится в строгих рамках законодательства и служебных профессиональных обязанностей.

Суждение 4. «Сотруднику понятны суть, условия и варианты выполнения поставленных задач» (рис. 4)

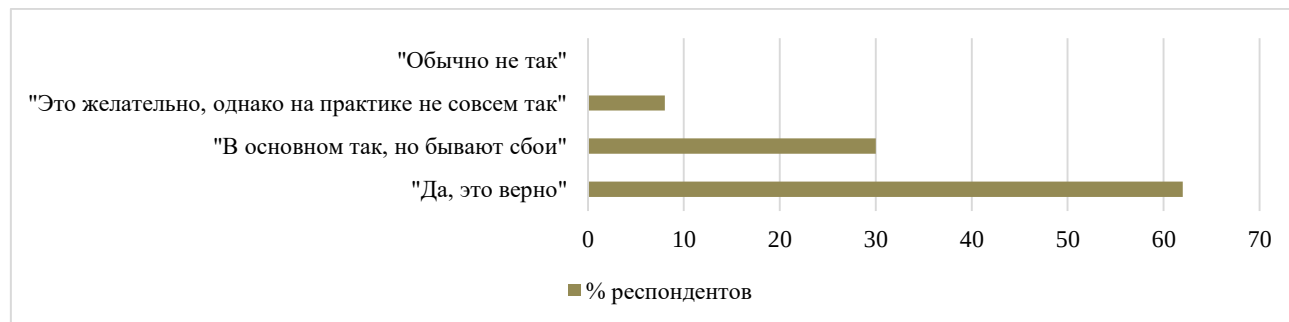

Рис. 4. Реакция респондентов на суждение:

«Сотруднику понятны суть, условия и варианты выполнения поставленных задач»

Fig. 4. Respondents' reaction to the judgment: "The employee understands the essence, conditions and options for completing the tasks"

Обратим внимание на то, что профессиональная деятельность сотрудников МФЦ достаточно глубоко интегрирована с профессиональной деятельностью государственных гражданских и муниципальных служащих. По сути, те и другие специалисты являются внутренними клиентами, их профессиональные обязанности сконцентрированы на выполнении задач различной сложности. Часто при решении таких задач специалисты сталкиваются с противоречивыми вводными, то есть очевидный выход из проблематичной ситуации не может быть осуществлен в связи с тем, что он противоречит бюрократическим процедурам или регламентным документам.

В связи с вышесказанным ключевым условием к качественному выполнению своих обязанностей, а также условием, определяющим удовлетворённость собственной работой, выступает понимание, осознание специалистами сути поставленных перед ним задач, определение условий, которые позволят выполнить поставленные задачи, а также варианты выполнения поставленных задач.

Посмотрим на результаты опроса: 62 % респондентов подтверждают полную ориентацию в рабочих вопросах и задачах, с которыми сталкиваются, 30 % респондентов, говорят о том, что периодически бывают сбои, то есть они либо не до конца понимают суть поставленных задач, либо не видят логичных решений. Не большое количество опрошенных, 8 % подтверждают, что на практике не всегда суть рабочих процессов прозрачна для исполнителей.

Однако большинство респондентов «держат руку на пульсе», осознают происходящие изменения, понимают суть задач, видят законные выходы из проблемных ситуаций. Это значит, что такие сотрудники более удовлетворены эффективностью собственной профессиональной деятельности, а также они способны предусматривать возможные барьеры и проектировать способы их преодоления.

Любое задание или управленческое решение должно быть понятно исполнителям, от осознания и принятия управленческого решения зависит эффективность его исполнения. Не менее значимым становится присутствие обратной связи в процессах взаимодействия сотрудников и руководителей. Обратная связь от руководства должна быть постоянной и конструктивной. Конструктивизм должен преобладать и в моменты критики исполнителей. Такая обратная связь,

указывающая на недостатки и профессиональные пробелы, но высказанная с уважением и в этической форме, может быть названа развивающей. Результаты проведенного исследования фиксируют следующее мнение респондентов по поводу постоянства обратной связи и ее качества. Больше процент опрошенных, 62 % получает конструктивную обратную связь от руководителей постоянно, меньший процент, 30 % подтверждают наличие обратной связи, но не подтверждают ее постоянство, 8 % опрошенных демонстрируют недостаточность обратной и конструктивной обратной связи со стороны руководства.

Суждение 5. «Сотрудник получает развивающую обратную связь от руководителя после выполнения задачи или блока работ» (рис. 5)

Рис. 5. Реакция респондентов на суждение: «Сотрудник получает развивающую обратную связь от руководителя после выполнения задачи или блока работ»

Fig. 5. Respondents' reaction to the judgment: "An employee receives developing feedback from a supervisor after completing a task or a block of work"

Суждение 6. «Решение рабочих задач может решаться сотрудниками удаленно» (рис. 6)

Рис. 6. Реакция респондентов на суждение «Решение рабочих задач может решаться сотрудниками удаленно»

Fig. 6. Respondents' reaction to the judgment "The solution of work tasks can be solved by employees remotely"

Два формата профессиональной деятельности (онлайн и офлайн) предполагает больше возможностей. Совмещение форматов подразумевает, что проблема, возникшая внезапно, может быть решена сотрудником удаленно, для решения многих обыденных вопросов не обязательно личное присутствие специалиста на рабочем месте. Конечно, в условиях развития новых регионов, подобные нестандартные решения встречаются достаточно редко. Судя по результатам опроса 21 % респондентов не имеют никакой возможности осуществлять деятельность удаленно, и в данный момент сотрудники не видят перспектив внедрения удаленного формата решения рабочих вопросов. Однако 54 % опрошенных сталкивались с ситуацией, когда те или иные рабочие задачи могут решаться дистанционно.

Безусловно, все процессы предоставления государственных и муниципальных услуг регламентированы на каждом этапе. Специалисты МФЦ должны следовать четким и полным инструкциям, в которых пошагово прописаны все точки взаимодействия с внешними клиентами, с заявителями, а также с органами власти, предоставляющими услуги. Поэтому говорить о самостоятельном планировании и организации рабочих процессов сотрудников офисов «Мои документы»

можно достаточно условно. Однако с точки зрения клиентоцентричности, каждый субъект профессиональной деятельности должен и может иметь возможность выстраивать и регулировать процесс собственной профессиональной деятельности.

Суждение 7. «Сотруднику предоставляется возможность планировать и организовывать рабочий процесс»

Рис. 7. Реакция респондентов на суждение: «Сотруднику предоставляется возможность планировать и организовывать рабочий процесс»

Fig. 7. Respondents' reaction to the judgment: "The employee is given the opportunity to plan and organize the workflow"

Обратим внимание на то, что данные опроса подтверждают, что у 6 % респондентов создается ощущение, что они не могут планировать и организовывать рабочий процесс, в котором участвует. На наш взгляд это достаточно тревожный показатель, который значимо учитывать в процессе работы с кадрами. 16 % опрошенных уверены, что планирование и организация являются прерогативой самих сотрудников, но на практике не всегда возможно самостоятельно управлять процессами планирования и организации рабочих процессов. Не очень высокий процент, 12 % сотрудников, участвующих в исследовании, подтверждают, что самостоятельно планируют и организуют рабочие процессы, однако периодически возникают сбои. И все же самый высокий процент респондентов, 66 % подтверждают, что свободно и самостоятельно планируют и организуют рабочие процессы.

Суждение 8. «Сотрудникам, работающим в стрессовом режиме, систематически оказывается психологическая поддержка» (рис. 8)

Рис. 8. Реакция респондентов на суждение «Сотрудникам, работающим в стрессовом режиме, систематически оказывается психологическая поддержка»

Fig. 8. Respondents' reaction to the judgment "Psychological support is systematically provided to employees working in a stressful mode"

Проблема большого скопления граждан актуальна для новых регионов. Дело в том, что отделение МФЦ становится для посетителей своеобразной точкой притяжения, где они пытаются проводить время, общаться друг с другом, добиваться социальной помощи. Очень большой процент посетителей МФЦ обращаются «не по адресу»: пытаются приобрести товары и продукты, требуют решения вопросов, не имеющих отношения к услугам, предоставляемым через МФЦ. Граждане негодуют, ругаются, ведут себя агрессивно, что принципиально усложняет процесс

обслуживания заявителей. Такая обстановка, в принципе, рушит все процессы этичного взаимодействия. Обстановка близости СВО усугубляет напряжение общественности, поэтому в новых регионах процесс обслуживания граждан в МФЦ сопряжен со множеством неясных, стрессовых ситуаций.

Результаты опроса подтверждают, что больший процент респондентов демонстрирует потребность в услугах штатного психолога. Это еще один тревожный и насущный вопрос, на который стоит обратить внимания в процессе применения принципов клиентоцентричности в работе с внутренним клиентом. Обратим внимание, что 37 % респондентов считают, что на практике не хватает психологической поддержки, а 17 % опрошенных считают, что она отсутствует совсем. Интересными показались результаты, подтверждающие, что также 37 % опрошенных считают, что психологическая помощь и поддержка стабильно и непрерывно оказывается. Возможно, в разных отделениях МФЦ сформированы разные по сплоченности команды, в некоторых из которых взаимовыручка, наставничество, коллективное творчество формируют психологическую поддержку.

Суждение 9. «Руководитель систематически мотивирует сотрудников к проявлению инициативы» (рис. 9)

Рис. 9. Реакция респондентов на суждение: «Руководитель систематически мотивирует сотрудников к проявлению инициативы»

Fig. 9. Respondents' reaction to the judgment: "The head systematically motivates employees to take the initiative"

Заострим внимание на том, что удовлетворенность внутреннего клиента собственной профессиональной деятельностью и нацеленность на профессиональное развитие подтверждаются заинтересованностью и готовностью сотрудника проявлять свою активность. Важно понимать, что только специалисты МФЦ имеют возможность видеть недостатки и сильные стороны рабочих процессов «изнутри», оценивать препятствия и барьеры, мешающие межведомственному взаимодействию и своевременному и качественному предоставлению услуг населению. В этой связи поддержка инициативы со стороны руководства становится мощным стимулом, позволяющему сотруднику МФЦ проявить себя в качестве неравнодушного сотрудника. Результаты опроса демонстрируют, что 72 % опрошенных подтверждают, что действующий руководитель предоставляет возможность проявления инициативы, таким образом стимулируя активность сотрудников, 17 % опрошенных подтверждают, что в процессе предоставления профессиональной инициативы бывают сбои, а 11 % опрошенных говорят, что предоставление инициативы остаётся формальным.

В заключение позволим себе вывод о том, что не все результаты исследования ожидаемы и очевидны. Это говорит о том, что изучение мнения внутреннего клиента является неотъемлемой частью клиентоцентричного подхода в работе с сотрудниками офисов «Мои документы».

Исследование удовлетворённости внутренних клиентов возможностями профессионального развития позволяет утверждать следующее.

1. В связи с тем, что сотрудники МФЦ осознают и вполне объективно оценивают барьеры, сложности и проблемы, затрудняющие их профессиональную деятельность и непосредственно профессиональное развитие, важно проводить внутренние мониторинги, позволяющие видеть потребности и мотивы внутренних клиентов.

2. Деятельность HR-специалистов по адаптации, мотивации и обучению сотрудников должна быть централизованной и системной, в этой связи особо значимым становится подготовка сотрудников отделов кадров, ориентированных на внутренних клиентов.

3. Механизмы наставничества активно интегрированы в систему многофункциональных центров, однако спорным кажется предположение, что механизм наставничества является универсальным. Важно учитывать инициативу и готовность специалиста выступать в качестве наставника, потому что эта функция доступна не для всех специалистов МФЦ.

4. В процессе подготовки и переподготовки кадров, а также в рамках корпоративного (внутрисистемного обучения или обмена практиками) важно создавать и внедрять кастомизированные образовательные программы, мероприятия, проекты, то есть контенты, соответствующие запросам внутренних клиентов.

5. Нужно отметить высокий уровень удовлетворенности, более 60%, уровнем профессиональной и личной безопасности, которые представляют им работодатель и государство в целом. Однако в условиях управления новыми регионами кажется особо значимым повышать уровень безопасности сотрудников. Важно обеспечивать безопасность в широком смысле слова. Безопасность жизни и профессиональной деятельности находятся под угрозой в связи с развитием внутреннего терроризма, неуравновешенного эмоционального состояния и неадекватного поведения некоторых категорий граждан. Сложно сформулировать конкретные меры по повышению уровня профессиональной безопасности. Отметим, что многие отделения МФЦ усиливают инфраструктуру безопасности.

6. Важно развивать клиентоцентричный принцип предоставления полноценной, проверенной и качественной информации. Это значит, что внутренним клиентам должен предоставляться беспрепятственный доступ к регламентной документации.

7. Значимо развитие осведомленности сотрудников в рабочих процессах и их специфике. Руководители должны открыто, целенаправленно, доступно, но этично доводить управленческие решения до сведения исполнителей для того, чтобы сотрудники осознавали суть и механизмы поставленных задач.

8. С позиции клиентоцентричности особо важным становится постоянная поддержка конструктивной, то есть объективной, справедливой и полезной обратной связи от граждан и руководителей.

9. Изменения форматов взаимодействия, углубление процессов цифровизации предполагают расширение спектра вопросов и задач, которые могут быть решаемы сотрудниками МФЦ в онлайн-формате или удаленно. Выбор форматов взаимодействия может осуществляться не только с позиции внешнего, но и с позиции внутреннего клиента.

10. Тревожным показателем кажется демонстрация потребности в постоянной психологической поддержке и помощи. Штатный психолог мог бы удовлетворить потребность внутренних клиентов и сопутствовать установлению эмоционального баланса. Штатный психолог посредством собственной деятельности может управлять процессом эмоционального выгорания специалистов МФЦ.

11. По-прежнему актуальным и значимым является развития внутренней корпоративной культуры клиентоцентричности, в которой руководители не останавливают деятельных сотрудников в предложениях по совершенствованию отдельного функционала и системной работы.

Сделаем вывод о том, что система МФЦ становится все более социально значимой в сознании гражданского общества современной России. Это говорит о том, что внутренние клиенты, то есть специалисты офисов «Мои документы» должны будут обеспечивать еще более сложную, скоростную и качественную связь между властными структурами, предоставляющими услуги, и заявителями, имеющими разнообразные системные потребности.

Список источников

1. Тарасенко А.О. Сущность клиентоцентричного подхода государства в социальной сфере среди незащищенных слоев населения // В сборнике: Актуальные проблемы жизнедеятельности региональных сообществ: экономика, управление, культура. Материалы Международной научной конференции. Под редакцией М.С. Сайдумова, Р.Р. Салгириева, Р.Х. Аюбян, Л.М. Исмаиловой. Грозный, 2022. С. 140-144.

2. Изакова Н.Б., Сычугова К.В. Маркетинг взаимоотношений: клиентоцентричная модель бизнеса // В сборнике: Экономические исследования и разработки 2019. Сборник статей III Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 2019. С. 24-26.

3. Юденко М.Н., Иванчикова А.В. Роль клиентоцентричного государства в развитии бизнеса // В сборнике: Современный менеджмент: проблемы и перспективы. сборник статей по итогам XVII национальной научно-практической конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 2022. С. 177-182.
4. Ойнер О.К., Пантелеева Е.К., Метелева Ю.И., Цыганкова Ю.М. Формирование клиентоориентированного подхода к бизнесу: концептуальная модель // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2018. № 2. С. 94-117.
5. Лимкина Н.А. На пути к сервисному государству: предоставление государственных и муниципальных услуг в республике Мордовия // В сборнике: Трансформация социальной структуры современного российского общества: состояние, динамика, тенденции. Социологический альманах. Материалы XIV Орловских социологических чтений. Под общей редакцией П.А. Меркулова, А.А. Алексеенко. Орел, 2022. С. 225-228.
6. Лолаева А.С. Предоставление государственных и муниципальных услуг посредством информационно-коммуникационных технологий как элемент электронной (цифровой) демократии // Право и политика. 2021. № 12. С. 89-101.
7. Баранов А.В., Котлярова О.В., Тагаев А.В., Ивлева О.А. Управление DIGITAL-компетенциями граждан посредством цифрового консультирования в центрах предоставления услуг «Мои документы» // Личность: ресурсы и потенциал. 2021. № 3 (11). С. 22-30.
8. Баранов А.В., Котлярова О.В., Тагаев А.В. Клиентоцентричность при удовлетворении образовательного запроса сотрудников центров «Мои документы» // В сборнике: Информационное развитие России: состояние, тенденции и перспективы. сборник статей XIII Всероссийской научно-практической конференции. Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС. Орел, 2022. С. 155-162.
9. Баранов А.В., Котлярова О.В., Тагаев А.В., Яковлева Н.А. Актуальные направления профессионального развития сотрудников центров «Мои документы» // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 4. С. 145-150.
10. Латышова Л.С., Липсиц И.В., Ойнер О.К., Карпова С.В., Фирсова И.А., Азарова С.П., Пантелеева Е.К., Рожков А.Г., Рожков К.Л. Клиентоориентированность: исследования, стратегии, технологии // Монография / Сер. Научная мысль. Москва, 2020.

References

1. Tarasenko A.O. The essence of the client-centric approach of the state in the social sphere among vulnerable segments of the population. In: *Current problems of the life of regional communities: economics, management, culture. Materials of the International Scientific Conference*. Edited by M.S. Saidumov, R.R. Salgiryev, R.H. Hakobyan, L.M. Ismailova. Grozny; 2022. 140-144. (In Russ.)
2. Izakova N.B., Sychugova K.V. Relationship marketing: a client-centered business model. In: *Economic research and development 2019. Collection of articles of the III International Research Competition*. Penza; 2019: 24-26. (In Russ.)
3. Yudenko M.N., Ivanchikova A.V. The role of the client-centered state in business development. In: *Modern management: problems and prospects. collection of articles on the results of the XVII national scientific and practical conference with international participation*. St. Petersburg; 2022: 177-182. (In Russ.)
4. Oiner O.K., Panteleeva E.K., Meteleva Yu.I., Tsygankova Yu.M. Formation of a client-oriented approach to business: a conceptual model. *Bulletin of the Moscow University. Episode 6: Economics*. 2018;(2):94-117. (In Russ.)
5. Limkina N.A. On the way to a service state: provision of state and municipal services in the Republic of Mordovia. In: *Transformation of the social structure of modern Russian society: status, dynamics, trends. The sociological almanac. Materials of the XIV Orel sociological readings*. Under the general editorship of P.A. Merkulov, A.A. Alekseenok. Orel; 2022:225-228. (In Russ.)
6. Lolaeva A.S. Provision of state and municipal services through information and communication technologies as an element of electronic (digital) democracy. *Law and Politics*. 2021;(12):89-101. (In Russ.)

7. Baranov A.V., Kotlyarova O.V., Tagaev A.V., Ivleva O.A. Management of DIGITAL competencies of citizens through digital consulting in the centers for the provision of services "My documents". *Personality: resources and potential*. 2021;3(11):22-30. (In Russ.).
8. Baranov A.V., Kotlyarova O.V., Tagaev A.V. Client-centricity in satisfying the educational request of employees of the centers "My documents". In: *Information development of Russia: status, trends and prospects. collection of articles of the XIII All-Russian scientific and practical conference*. The Central Russian Institute of Management is a branch of the RANEPА. Orel; 2022: 155-162. (In Russ.)
9. Baranov A.V., Kotlyarova O.V., Tagaev A.V., Yakovleva N.A. Actual directions of professional development of employees of the centers "My documents". *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(4):145-150. (In Russ.)
10. Latyshova L.S., Lipsits I.V., Oiner O.K., Karpova S.V., Firsova I.A., Azarova S.P., Panteleeva E.K., Rozhkov A.G., Rozhkov K.L. *Customer orientation: research, strategies, technologies*. Monograph. Ser. Scientific thought. Moscow; 2020. (In Russ.)

Информация об авторах

А. В. Баранов – заместитель директора ЮРИУ РАНХиГС.
О. В. Котлярова – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Владимирского филиала РАНХиГС.
И. В. Янин – магистрант по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление» ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

A. V. Baranov – Deputy Director, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.
O. V. Kotlyarova – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Vladimir branch of RANEPА.
I. V. Yanin – Master's degree in the field of training "State and Municipal Administration", South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.01.2024; одобрена после рецензирования 14.02.2024; принята к публикации 15.02.2024.

The article was submitted 23.01.2024; approved after reviewing 14.02.2024; accepted for publication 15.02.2024.

Основные проблемы и барьеры клиентоцентричной трансформации системы государственного управления

Игорь Александрович Вальдман¹, Ростислав Викторович Горбовский²,
Максим Владимирович Паратунов³, Елена Александровна Путинцева⁴

^{1, 2, 3, 4}Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

¹valdman-ial@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5063-1673>

²gorbovskiy-rv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2850-9648>

³paratunov-mv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0860-5305>

⁴putintseva-ea@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8194-1756>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, проведенного Центром внедрения клиентоцентричного подхода ВШГУ РАНХиГС, целью которого является определение основных проблем и барьеров при реализации федерального проекта «Государства для людей» на федеральном и региональном уровнях. В исследовании приняло участие более 350 государственных служащих, представляющих регионы РФ и федеральные органы исполнительной власти и проходивших обучение по программам клиентоцентричности РАНХиГС в сфере в 2023 г. Статья включает подробное описание существующих проблем в первый год массовой реализации федерального проекта, мнения участников исследования и предложения по возможным решениям и мерам преодоления проблем. К наиболее значимым проблемам, выявленным в ходе исследования, следует отнести: отсутствие кадрового обеспечения, дефицит профильных компетенций, недостаточное нормативное обеспечение проекта, негибкая система реализации проекта, нестыковка различных федеральных инициатив.

Ключевые слова: государственное управление, государственные услуги, клиент, клиентоцентричность, клиентоцентричный подход, процессы

Для цитирования: Вальдман И. А., Горбовский Р. В., Паратунов М. В., Путинцева Е. А. Основные проблемы и барьеры клиентоцентричной трансформации системы государственного управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 20–31. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-20-31>. EDN JZBMTB

Problems of Management

Original article

Main problems and barriers of the client-centered transformation of the public administration system

Igor A. Valdman¹, Rostislav V. Gorbovsky², Maxim V. Paratunov³, Elena A. Putintseva⁴

^{1, 2, 3, 4}Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

¹valdman-ial@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5063-1673>

²gorbovskiy-rv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2850-9648>

³paratunov-mv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0860-5305>

⁴putintseva-ea@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8194-1756>

Abstract. The article presents the results of a study conducted by the Center for Implementation of a Client-Centric Approach of GSPM of RANEPA, the purpose of which is to identify the main problems and barriers in the implementation of the federal project “State for People” at the federal and regional levels. The study involved more than 350 civil servants representing the regions of the Russian Federation and federal executive authorities and who were trained under RANEPA client-centricity programs in 2023.

The article includes a detailed description of existing problems in the first year of mass implementation of the federal project, the opinions of research participants and proposals for possible solutions and measures to overcome problems. The most significant problems identified in the study include: lack of staffing, lack of core competencies, insufficient regulatory support for the project, inflexible project implementation system, inconsistency of various federal initiatives.

Keywords: public administration, client, client-centricity, client-centricity approach, processes, public services

For citation: Valdman I. A., Gorbovsky R. V., Paratunov M. V., Putintseva E. A. Main problems and barriers of the client-centered transformation of the public administration system. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):20-31. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-20-31>. EDN JZBMTB

Введение

С 2022 г. на основании решения Правительства Российской Федерации началась реализация федерального проекта «Государство для людей» (далее – ФП)¹, который направлен на формирование клиентоцентричной культуры и реинжиниринг процессов взаимодействия государства со всеми категориями граждан и бизнеса. Проект призван повысить «отзывчивость» системы государственного управления, сделать взаимодействие человека и государства максимально бесшовным и удобным при получении необходимых сервисов и услуг в самых разных жизненных ситуациях.

Несмотря на то, что проблематика клиентоцентричной трансформации системы государственного управления является достаточно новой, она активно изучается и отражается в научных исследованиях. Особенности содержания понятия «клиентоцентричность» описаны в работе [1], вопросы построения клиентоцентричной модели государственного управления отражены в статьях [2–5], клиентоцентричность как репутационный фактор системы публичного управления в отечественной и зарубежной практике обсуждаются в статье [6], клиентоцентричность в условиях цифровой трансформации представлена в докладе [7], аспекты профессионального развития государственных гражданских служащих анализируются в исследовании [8]. Опыт развития служб занятости и оценки качества услуг для населения в контексте клиентоцентричного подхода представлена в работах [9–10]. Подход к построению системы показателей для оценки качества государственных услуг, ориентированных на граждан, отражен в международном докладе [11].

У каждого масштабного государственного проекта есть своя логика, специфика реализации, ожидаемые результаты и неожиданные эффекты. Поскольку ФП связан, прежде всего, с изменением культуры государственного управления, то важно зафиксировать те проблемы, барьеры и вызовы, с которыми сталкиваются федеральные и региональные органы власти при внедрении клиентоцентричного подхода в первый год массовой реализации проекта².

Следует отметить, что перечень проблем и вызовов, а также степень их значимости отличается у разных федеральных и региональных органов власти. Это связано со стартовой ситуацией к моменту вхождения в проект. Одни регионы находятся на продвинутом уровне с точки зрения внедрения клиентоцентричности – они имеют многолетний опыт процессного управления, составления реестра процессов, участия в различных инициативах (цифровая трансформация, бережливое производство, создание сети МФЦ и др.), оптимизации процессов, а также выделенную кадровую инфраструктуру (проектный офис, дополнительные штаты). Другие субъекты РФ находятся в самом начале погружения в культуру и процессы клиентоцентричного подхода. Аналогичная ситуация существует на федеральном уровне. Часть ведомств (например, Федеральная налоговая служба, Минтруд России, Росреестр, Счетная палата РФ) являются лидерами процессного управления и обладают серьезными компетенциями по созданию сервисов и услуг для внешних клиентов. Другие – только входят в федеральный проект. Прежде всего, это касается ведомств силового блока и ведущих контрольно-надзорную деятельность.

При этом практически все участники исследования сходятся во мнении, что клиентоцентричность – это не какое-то новое явление и отдельное направление в системе государственного

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 октября 2021 г. No 2816-р об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года.

² В 2023 году в федеральном проекте приняли участие все регионы России. В 2022 году в проекте участвовали федеральные органы власти и только 5 пилотных субъектов РФ.

управления, а неотъемлемая часть и важнейший элемент ее культуры. Чаще всего клиентоцентричность трактуется как человекоцентричность. Она создает удобство для человека во взаимодействии с государством, обеспечивает решение жизненных ситуаций и потребностей клиента, формирует большее доверие к государству.

Как отмечают представители органов власти, важно, что федеральный проект задает нужный вектор ориентации «на человека», оформляет соответствующую деятельность, предлагая методологию и полезные инструменты для внедрения. Кроме того, делает акценты на аспекты, которые ранее не были в фокусе пристального внимания государственных организаций – работа с внутренним клиентом и переход к процессному управлению, включая формирование реестра процессов и услуг на системной основе.

В настоящей статье представлена основная проблематика клиентоцентричной трансформации, выявленная в ходе специально организованного исследования, в котором приняло участие более 350 государственных служащих – участников программ повышения квалификации (ППК), проводимых Высшей школой государственного управления РАНХиГС в рамках федерального проекта «Государство для людей».

Основная проблематика реализации федерального проекта

В ходе исследования были выявлены 11 основных проблем. Дадим их характеристику, сгруппировав по принадлежности к одной из четырех областей: 1) ценности и приоритеты; 2) управление проектом; 3) практика реализации; 4) кадровый потенциал.

ЦЕННОСТИ И ПРИОРИТЕТЫ

Неприятие термина «клиент»

Данную проблему можно охарактеризовать через отношение к понятию «клиент» как к чуждому для сферы госуправления. Этот термин зачастую воспринимается как несущий излишнюю «материально-потребительскую» нагрузку, плохо учитывающий ценностную ориентацию на помощь человеку. При этом эту проблемой считать нельзя очень существенной и масштабной – среди участников проведенного опроса только 14,5% определяют как значимую и еще 22,4% согласны с тем, что это проблема, но далеко не самая значимая.

Неприятие понятия «клиент» среди государственных служащих в основном связано с отношением к этому слову как к пришедшему из бизнеса, с запада, и чужеродному для сферы государственного управления (мнение – «У нас нет никаких клиентов»).

Традиционно в государственном секторе принято обозначать обращающихся граждан как «заявителей», «пользователей услуг», «налогоплательщиков», что отражает одностороннюю природу взаимодействия, основанную на выполнении функций и предоставлении услуг в рамках законодательно установленных обязанностей. Такой подход не предполагает большой гибкости и ориентации на индивидуальные потребности граждан.

Понятие «клиент», характерное для коммерческого сектора, подразумевает двусторонние отношения, где каждая сторона имеет определенные ожидания и права. Клиент – не просто получатель услуги, но и активный участник процесса, чьи потребности являются отправной точкой для формирования предложения. Как отмечают некоторые респонденты, госслужащие просто «не хотят верить, что у них есть клиенты».

Также слово «клиент» часто ассоциируется с фразой «клиент всегда прав» и вызывает страхи и опасения по поводу увеличения и без того большой нагрузки и ответственности государственных служащих.

Возможные решения

Основное решение, которое предлагают респонденты, считающие проблему значимой, – использовать слово «человек». Этот термин расширяет смысловую нагрузку, направлен на поддержку человека и снимает потребительские коннотации, которые накладывает слово «клиент».

Вторым возможным решением является просвещение и смена представления о термине «клиент» и о сути клиентоцентричности, а также донесение ценности внедрения подхода не только для граждан, но и для самих для государственных служащих. Этот путь требует достаточно длительной и систематической работы.

Отсутствие ясных приоритетов при проведении клиентоцентричной трансформации

Данная проблема отмечается многими участниками исследования и более всего ощутима именно на уровне субъектов РФ. Ее суть заключается в отсутствии ясного видения реализации политики клиентоцентричной трансформации на федеральном уровне. Участники исследования отмечают, что не ясны ориентиры, направления и порядок движения к цели. Не предъявлены планы и приоритеты клиентоцентричной трансформации по ключевым федеральным ведомствам, реализующим основную долю услуг для населения – Минтруд России, Минпросвещения России, Минобрнауки России, Минздрав России и др. Непонятно, какие услуги и жизненные ситуации будут прорабатываться ими в первую очередь. Без такой информации в условиях ограниченности ресурсов трудно определить ограниченное число собственных процессов, сервисов и услуг, которые регион мог бы гарантированно реализовать.

Федеральные ведомства реже отмечают наличие такой проблемы, но некоторые подтверждают ее и выходят из ситуации самостоятельно определяя необходимые приоритеты. Например, так поступает Федеральная налоговая служба РФ.

Возможное решение

Решение данной проблемы достаточно понятно и требует от федеральных ведомств одного простого действия – определять свои приоритеты и планы и своевременно доводить их до региональных ведомств по отраслевой вертикали. При этом контроль за наличием такой информации должны осуществлять органы, ответственные за реализацию проекта.

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЕКТОМ**Не выстроена ясная система управления ФП**

Участники ФП, прежде всего субъекты РФ, сталкиваются со сложностью организации работ по проекту, вовлечения и координации региональных органов исполнительной власти. Такая ситуация связывается с отсутствием ясной системы управления и реализации проекта на федеральном уровне. Сотрудники органов исполнительной власти отмечают фрагментированность, отсутствие целостности в реализации проекта, что отражается в трех аспектах:

- не понятна управленческая структура проекта с полномочиями и ответственностью ключевых ведомств.
- не представлен целостный и ясный план реализации федерального проекта;
- нет понятных регламентирующих документов и набора действия по реализации проекта «сверху-вниз».

Отмечается отсутствие нормативных оснований для реализации проекта. Нет ключевых регламентирующих документов, на которые можно было бы ссылаться при реализации проекта в регионе.

Нет утвержденных рекомендаций по управлению проектом в регионе – какая должна или может быть структура управления, какие организационные структуры должны быть созданы – проектный офис или иные подразделения, отвечающие за внедрение принципов клиентоцентричности. Нет норм по кадровому обеспечению проекта. Нет законодательного закрепления ключевых понятий проекта – сервис, клиент – внешний и внутренний.

Также отмечаются не всегда реалистичные сроки получения результатов (в соответствии с контрольными точками проекта).

Возможные решения

Данную проблему следует учесть ответственным ведомствам (Аппарат Правительства РФ, Минэкономразвития России РФ, Минтруду России) при «донастройке» и корректировке проекта в последующие годы его реализации.

Также рекомендуется проводить ежеквартальный мониторинг хода реализации проекта (на основе сбора обратной связи от ФОИВ и субъектов РФ) и рассматривать его результаты на Межведомственной рабочей группе. В конце года – готовить предложения по корректировке реализации проекта на следующий год (при необходимости).

С целью устойчивой реализации проекта в последующие годы требуется принятие федерального нормативного акта (например, Постановления Правительства РФ) и рекомендательных норм по нормативному, кадровому, организационному, финансовому обеспечению проекта.

Несогласованность различных федеральных инициатив

К моменту старта федерального проекта «Государство для людей» (далее – ФП) в Российской Федерации реализуются несколько проектов и инициатив, связанных с проблематикой клиентоцентричности и оптимизацией государственных сервисов и услуг. Наиболее известные из них следующие:

1. ФП «Государство для людей» (Минэкономразвития России).
2. Цифровая трансформация государственного управления (Минцифры России)¹.
3. Концепция 24/7 (Минэкономразвития России)².
4. Региональные центры оптимизации услуг (Минэкономразвития России).
5. Проект «Эффективный регион» (ГК «Росатом»).
6. Институт региональных сервисных уполномоченных³ (Агентство стратегических инициатив).

Учет этих мероприятий важен для устойчивой реализации самого ФП, включая построение его системы управления. Особенно это касается регионального уровня, так как многие субъекты РФ, как правило, принимают участие сразу в нескольких из указанных инициатив. И в этом случае достаточно остро встает вопрос координации усилий и оптимизации ресурсов.

Участники опроса отмечают отсутствие взаимоувязки и понимания роли каждой из инициатив (проектов) при проведении клиентоцентричной трансформации на уровне ведомств и регионов. Во многом все они близки, но не согласованы между собой по ответственным, срокам, терминологии, механизмам и инструментам реализации, нормативному и организационному обеспечению, используемым информационным системам.

Прежде всего, такая рассогласованность сказывается на системе управления проектами. Когда проекты приходят в регион от разных федеральных ведомств, зачастую они курируются разными вице-премьерами (заместителями главы региона). Как следствие, возникают разные механизмы реализации, разные органы управления (от рабочей группы до совета при губернаторе), появляется межведомственная несогласованность, могут создаваться параллельные структуры для координации работ.

Также мы можем видеть расхождение в терминологии, когда один и тот же объект в разных проектах обозначается по-разному. Например, «клиентоцентричность» и «человекоцентричность»; «клиент», «пользователь» и «заявитель»; «клиентский сегмент» и «профилирование заявителя» и т.п.

Возможные решения

Для минимизации последствий данной проблемы могут применяться различные решения. Можно указать некоторые подходы, которые применяют субъекты РФ в своей работе.

- **Свой среди своих.** Региональная команда внедрения включает специалистов из других «клиентоцентричных» проектов. Например, Региональный сервисный управляющий входит в команду внедрения федерального проекта.

- **Команда с опытом.** Все в руках одной команды, с опытом ведения профильных проектов.

- **Наличие координирующей структуры.** Чаще всего это проектный офис, расположенный на базе одной из подведомственных организаций.

ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

Негибкая система реализации федерального проекта

Участники исследования в качестве одной из корневых проблем, которую трудно решать исключительно силами отдельных ведомств и регионов, недостаточную гибкость в реализации федерального проекта. Это проявляется в двух аспектах.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 октября 2021 г. № 2998-р об утверждении Стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 апреля 2022 г. № 837-р об утверждении Концепции перехода к предоставлению 24 часа в сутки 7 дней в неделю абсолютного большинства государственных и муниципальных услуг без необходимости личного присутствия граждан.

³ Реализуется в рамках Национальной социальной инициативы (НСИ) <https://asi.ru/social/nsi/>

Во-первых, ограничения, создаваемые федеральным законодательством. Многие процессы, особенно связанные с внутренним клиентом, регулируются федеральными законами, нормами и регламентами. Нет возможности своевременно и оперативно их корректировать и, как следствие, оперативно менять необходимые процессы, выстраивая сервисы и услуги под запросы клиентов.

Во-вторых, применяется единый «шаблон» реализации проекта. Это проявляется в одинаковом для всех Типовом плане мероприятий и требованиях к результатам без учета специфики деятельности ведомств и регионов и накопленного опыта к моменту реализации федерального проекта.

Региональные специалисты отмечают, что специфика субъекта РФ плохо учитывается при реализации федерального проекта. Не принимается во внимание накопленный опыт и путь, пройденный регионом к моменту участия в проекте. Нет возможности выстраивать свою траекторию его реализации.

Возможные решения

Данная проблема может решаться на федеральном уровне через изменение соответствующего законодательства. Прежде всего, нужно фундаментальное обновление принципов и подходов законотворчества и контроля за его исполнением. Например, нужны поправки в 414-ФЗ¹, чтобы субъекты РФ имели полномочия на своем уровне и могли принимать решения по перестройке процессов. При этом в рамках проекта целесообразно принять решение по подготовке дорожных карт проекта с учетом специфики и накопленного регионами и федеральными ведомствами опыта. Такой подход позволит реализовывать собственный «индивидуальный маршрут» реализации проекта и уйти от ненужной унификации мероприятий и результатов.

Недостаточное методическое обеспечение сопровождения проекта

Одна из сложностей реализации федерального проекта связана с его недостаточным методическим обеспечением. Около 40 % участников исследования сочли этот аспект значимой проблемой и отмечают отсутствие пошаговых рекомендаций, конкретных примеров реализации, удачных решений и описания чужого опыта, на который можно было опираться. Особенно насущной эта проблема является для регионального уровня.

Опираясь на интервью и письменные комментарии респондентов отдельно следует отметить, что в действительности проблему составляет не только недостаток методических материалов, но и сложности с систематизацией и доступностью имеющихся материалов. Участники проекта, которые не отмечают, что методических материалов недостаточно, при этом часто указывают на то, что существующие материалы не помогают в работе. Для такой ситуации выделяются четыре основные причины.

1. Сложность ориентации в существующих материалах.
2. Отсутствие наглядности и примеров.
3. Отсутствие пошагового плана.
4. Существующие методики недостаточно проработаны.

Возможные решения

С текущей ситуацией лучше всего справляются федеральные органы власти и субъекты РФ, которые уже имеют опыт в сфере клиентоцентричности или схожий релевантный опыт. Одно из решений, которые применяются, – обучение на местах своими силами. Регионы планируют или самостоятельно реализуют курсы методологической поддержки для своих коллег (Ульяновская область), на которых подробно обсуждают вопросы методики реализации проекта. В остальных случаях, участники решают стараются решать эту проблему через точечные обращения за помощью и консультациями к более опытным коллегам и экспертам Аналитического центра.

Самым логичным решением данной проблемы является разработка дополнительных и структурирование уже существующих методических материалов: создание унифицированных, легко читаемых и понятных всем руководств, которые бы включали четкие инструкции, пошаговые планы, примеры из практики и шаблоны.

¹ Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

Нескоординированное межведомственное взаимодействие

При разработке и реализации сервисов и услуг в рамках конкретных жизненных ситуаций нередко возникает необходимость участия в этом процессе различных ведомств. Участники проекта отмечают, что такое взаимодействия не всегда хорошо отлажено на разных уровнях управления – федеральном, региональном, федерально-региональном.

Далеко не всегда ФОИВы по отношению друг к другу действуют согласованно и оперативно при выработке и реализации процессов предоставления услуг. Одной из причин такой ситуации является разный уровень цифровой зрелости между ведомствами, что усложняет их взаимодействие и повышает издержки.

Имеют место трудности с получением необходимых данных от федеральных ведомств для предоставления региональных услуг. Отдельной сложной задачей в ближайшей перспективе станет реализация проекта на уровне муниципальных образований. Ввиду автономии органов местного самоуправления, наличия собственных регламентов и норм предоставления услуг потребуются преодоление административных барьеров при введении типовых муниципальных услуг, согласованных с требованиями субъекта РФ.

Возможные решения

Для преодоления или минимизации данной проблемы требуется, прежде всего, больший период времени участия в проекте, чтобы органы власти сработались и наладили координацию между собой.

Также важны специальные меры по обеспечению межведомственного взаимодействия:

- создание и обеспечение работы межведомственных рабочих групп (советов), которые решают и регулируют все вопросы совместной деятельности;
- закрепление в локальных нормативных актах зоны ответственности каждого из ведомств как на уровне федерального проекта, так и внутри самих ведомств (приказы и распоряжения руководителя);
- проведение систематического мониторинга хода реализации проекта и обеспечение подотчетности ведомств в ходе его реализации (контроль и отчетность);
- введение «лодочных» (общих) показателей деятельности, когда за результат несут ответственности все ведомства, от которых зависит полноценная реализация услуги или работы сервиса.

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Отсутствие должного кадрового обеспечения

Проблемой номер один по мнению подавляющего большинства участников исследования является отсутствие должного кадрового обеспечения, что становится значительным барьером в процессе внедрения клиентоцентричного подхода в органы государственной власти. Значимой проблемой этот аспект считают 64 % респондентов онлайн-опроса. Участники говорят об отсутствии дополнительных штатов и, как следствие, освобожденных специалистов, которые могут целевым образом работать под задачи клиентоцентричной трансформации. Таким образом, работа по федеральному проекту ложится дополнительной нагрузкой на действующих сотрудников. Ключевое следствие подобной ситуации – низкая мотивация сотрудников к реализации проекта, отношение к нему как к задаче с низким приоритетом.

В условиях трансформации это может напрямую сказаться на качестве реализации проекта. Нагрузка сверх рабочего времени означает потерю вовлеченности и мотивации сотрудников, что приведет к тому, что очень многое будет делаться, по словам самих респондентов, “для галочки”.

Возможные решения

Рассмотрим возможные решения, которые используются на практике:

1. Расширение штата за счет имеющихся ресурсов.
2. Введение новой должности под новую задачу – советник или заместитель руководителя органа власти по клиентоцентричности.
3. Оптимизация имеющихся штатов и высвобождение ставок под отдельное структурное подразделение или выделенных специалистов. А также пересмотр и перераспределение функционала у действующих сотрудников. Например, в Федеральной налоговой службе введена должность заместителя руководителя территориального органа по клиентоцентричности.

4. Создание под данную задачу организаций, подведомственных органу, ответственному за реализацию проекта в регионе. Или наделение существующей подведомственной организации дополнительными полномочиями через механизм госзадания.

5. Привлечение других организаций, которые ведут работы по оптимизации процессов, сервисов и услуг. В частности, роль профильных организаций по клиентоцентричности могут играть Региональные центры оптимизации, которые создаются в регионе в рамках Концепции 24/7 или Региональные центры компетенций по бережливому производству, создаваемые в рамках национального проекта «Производительность труда».

Дефицит необходимых компетенций

Еще одной существенной проблемой и серьезным вызовом для реализации проекта является ситуация с нехваткой у госслужащих профильных компетенций по реализации клиентоцентричного подхода. К таким компетенциям относятся – процессное управление (разработка и реинжиниринг процессов), определение клиентских профилей (выделение и описание клиентских сегментов), построение карт клиентского пути, работа с обратной связью, клиентоцентричная коммуникация (разработка правил/стандартов коммуникации с внешним и внутренним клиентом), социологическая подготовка.

На региональном уровне отмечается отсутствие внешних экспертов по вопросам клиентоцентричности, которых можно было бы привлекать в качестве консультантов и помощников. В том числе по причине достаточно высокой стоимости их труда на рынке.

Возможные решения

Для преодоления такой чувствительной проблемы напрашиваются два очевидных решения – 1) специалистов надо учить и выращивать внутри ведомств; 2) привлекать экспертов с рынка.

Как это сделать на практике? Предложим набор конкретных действий, возможных для реализации на федеральном и региональном уровнях.

Региональный уровень

- Разработка и реализация программ дополнительного образования на региональном уровне. Такие программы должны быть практико-ориентированы (под задачи внедрения клиентоцентричных изменений) и взаимоувязаны с системой повышения квалификации и профессионального развития государственных служащих.

- Сформировать на базе подведомственной организации, проектного офиса или другой профильной структуры региональную группу специалистов, которые будут сопровождать проведение клиентоцентричных изменений.

- Привлечение внешних экспертов и консультантов для выполнения конкретных работ и обучения местных специалистов.

Федеральный уровень

- Увеличить «критическую массу» специалистов ФОИВ и регионов, прошедших обучение по программам РАНХиГС в области клиентоцентричности. Предоставить возможность проходить обучение специалистам подведомственных организаций и муниципалитетов, входящих в региональные/ведомственные команды внедрения клиентоцентричности.

- Сформировать реестр региональных компетенций по клиентоцентричности (информационную базу), чтобы можно было обращаться к другим регионам за адресной помощью по конкретным вопросам.

Слабая вовлеченность в проект «первых лиц»

Позиция «первого лица» как лидера крайне важна при разворачивании и реализации сложных проектов, претендующих на изменение сложившейся культуры государственного управления. Эту проблему можно трактовать как слабую вовлеченность руководителя в тему клиентоцентричности, непонимание ее важности и, как следствие, снижения ее значимости среди приоритетов высшего руководства. Под «первыми лицами» понимаются руководители федеральных органов исполнительной власти, губернаторы и их заместители, руководители региональных органов власти.

Далеко не во всех регионах и федеральных органах власти имеет место указанная проблема, ее нельзя назвать масштабной. Теме не менее, 29 % респондентов – участников онлайн-опроса оценивают проблему как значимую, еще 20 % признают незначительной проблемой, для 33 % ответивших такая проблема отсутствует (остальные затруднились дать оценку).

Можно предположить, что основная причина указанной ситуации кроется в недостаточном нормативном оформлении проекта (о чем указывалось выше) и его слабом ресурсном обеспечении. Как правило за проект отвечают заместители губернаторов/руководителей ФОИВ, которые курируют множество направлений и вопросов. Ввиду своей высокой загрузки они уделяют клиентоцентричности недостаточно времени и внимания.

Возможные решения

Для вовлечения в проект губернаторов и руководителей ФОИВов трудно предложить какое-то универсальное решение. Здесь, скорее всего, будут работать примеры и хорошие практики, которые были достигнуты в проекте конкретными субъектами РФ и федеральными ведомствами, их руководителями. Такие практики должны активно представляться и пропагандироваться на федеральном уровне. Конечно, критерии оценки деятельности губернаторов также могут «работать» на задачу вовлечения «первых лиц». Для этого в них надо включать показатели, связанные с федеральным проектом.

На уровне региона для вовлечения руководителей можно использовать как типично-административные, так и нетипично-административные методы. К первым можно отнести:

- периодические совещания с Главой региона и представление результатов работы;
- систематические встречи (планерки) с должностным лицом, ответственным за реализацию федерального проекта в регионе,
- персональные поручения главы региона или ответственного за проект.

Ко вторым можно отнести методы, которые используются, например, в Республике Саха (Якутия). В регионе существует рейтинг жизненных ситуаций, за которые отвечают руководители профильных ведомств. Также введен институт персональных жизненных ситуаций (ЖС) – каждый руководитель органа власти получает свою небольшую жизненную ситуацию, которую изучает в режиме «тайного покупателя» и проходит весь клиентский путь. Затем представляет предложения по корректировке процесса предоставления услуги. И есть неформальная система профессионального признания – те руководители, которые проработали и изменили ЖС, получают персональную открытку со званием «Супер-агент» и набор брендированных конфет для его команды.

Программы обучения в ряде случаев оторваны от практики

Треть участников онлайн-опроса (33,5%) отмечают, что программы обучения внедрению клиентоцентричного подхода в ряде случаев «оторваны» от практики реализации проекта. Прежде всего, под этой формулировкой подразумевается то, что система обучения не отлажена под задачи проекта и не синхронизирована с этапами его реализации. Обучение во многих случаях отстает от сроков получения необходимых результатов проекта, а возможность направить на обучение членов команд внедрения – специалистов подведомственных организаций, муниципалитетов – вообще отсутствует. Также участники указывают на то, что лекторы не всегда понимают специфику процессов государственной службы и излагают материал в отрыве от практических примеров, без учета ограничений, в которых действуют органы государственной власти в целом и тех, которые дополнительно накладывает Федеральный проект.

Возможные решения

Среди решений, которые предлагают и применяют участники для нивелирования существующих сложностей, можно выделить следующие.

1. Синхронизация образовательных программ с этапами реализации проекта. Обучение необходимо проводить до срока получения необходимых результатов.

2. Содержание программ обучения строить преимущественно на материалах, примерах и кейсах, связанных со спецификой деятельности государственной службы. Примеры из бизнеса следует приводить как образцы хороших практик, которые полезно учитывать и возможно реализовать в федеральных ведомствах и регионах.

3. В ходе обучения организовывать больше мастер-классов, учебных визитов/выездов для детального знакомства с опытом работы отдельных ведомств и регионов.

Заключение

Подводя итоги, зафиксируем наиболее важные проблемы, возникшие при реализации федерального проекта, и сформулируем основные меры, которые было бы целесообразно предпринять для изменения сложившейся ситуации и повышения эффективности реализации проекта в последующие годы.

Прежде всего отметим, что по единодушному мнению участников проекта независимо от их принадлежности к той или иной профессиональной группе в ТОП-3 проблем в первый год массовой реализации федерального проекта «Государство для людей» вышли ситуации, связанные с отсутствием кадрового обеспечения, дефицитом профильных компетенций и недостаточным нормативным обеспечением проекта. Каждая из этих проблем является серьезным барьером для внедрения клиентоцентричного подхода в государственном управлении.

Ситуацию с недостаточным нормативным регулированием проекта отметим особо, она действительно является сильным сдерживающим фактором. С одной стороны, многие федеральные нормативно-правовые акты не позволяют оперативно и гибко менять сложившиеся процессы. С другой стороны, не хватает необходимого федерального решения для легитимной реализации проекта на уровне субъекта РФ.

Для регионального уровня дополнительно отмечаются еще несколько чувствительных проблем:

1. Негибкость реализации проекта и единые требования к планам работ и дорожным картам не учитывают потенциал и опыт, которые у ряда субъектов РФ уже были наработаны в предыдущие годы. Нет возможности выстраивать индивидуальный маршрут в проекте и ориентироваться на более актуальные результаты.

2. Отсутствие ясных ориентиров при проведении клиентоцентричной трансформации на уровне федеральных ведомств не позволяет определять региональные приоритеты, связанные с проработкой жизненных ситуаций, формированием наиболее востребованных у населения сервисов и услуг.

3. Нестыковка различных федеральных инициатив в сфере клиентоцентричности, вносит терминологическую путаницу, ослабляет координацию проектных усилий, заставляет распылять имеющиеся ресурсы (часто весьма ограниченные), не позволяет их оптимизировать.

С учетом предложений, высказанных участниками исследования, сформулируем наиболее актуальные предложения, которые следовало бы учесть при дальнейшей реализации федерального проекта.

1. С целью устойчивой реализации ФП требуется принятие федерального нормативного акта (например, Постановление Правительства РФ) и рекомендательных норм по нормативному, кадровому, организационному, финансовому обеспечению проекта. Особенно важны рекомендации по кадровому обеспечению проекта (штатные единицы, проектный офис и т.п.).

2. Повысить гибкость реализации проекта. Обеспечить возможность ФОИВам и субъектам РФ выстраивать свой «индивидуальный маршрут» по разработке и введению ЖС, сервисов с учетом накопленного опыта и ведомственных/региональных приоритетов.

3. Увеличить охват специалистов ФОИВ и регионов, прошедших обучение по программам РАНХиГС в области клиентоцентричности. Предоставить возможность проходить обучение специалистам подведомственных организаций и муниципалитетов, входящих в региональные/ведомственные команды внедрения клиентоцентричности.

4. Содержание программ обучения строить преимущественно на материалах, примерах и кейсах, связанных со спецификой деятельности государственной службы. В программы включать знакомство с опытом ведомств и регионов, которые на практике сумели провести клиентоцентричную трансформацию.

Список источников

1. Овсипян М. В. Клиентоцентричность: особенности понятия в контексте государственного управления // Современный менеджмент: проблемы и перспективы. СПб., 2022. С. 137–139.
2. Васильева Н. В. Развитие государственной службы на основе клиентоцентричного подхода // Современный менеджмент: проблемы и перспективы. СПб., 2022. С. 105–110.
3. Гетман А. Н. Стратегический курс на клиентоцентричную модель государственного управления // Современный менеджмент: проблемы и перспективы. СПб., 2022. С. 110–116.
4. Калинин А. М. Использование принципа клиентоцентричности в государственном управлении: повестка внедрения // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 3.
5. Чулковская Е. Н. Клиентоцентричность в деятельности государственных органов // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы IX Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 17–18 апреля 2023 г.: в 2-х т. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2023. Т. 1.
6. Леонтьева Л.С., Смирнова В.В. Клиентоцентричность как фактор формирования качества репутационных ресурсов системы публичного управления (отечественный и зарубежный опыт) // Вестник Московского ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2022. № 3.
7. Клиентоцентричный подход в государственном управлении: Навигатор цифровой трансформации / Под ред. О. В. Линник, А. В. Ожаровского, М. С. Шклярук. М.: РАНХиГС, 2020.
8. Баранов А. В., Котлярова О. В., Тагаев А. В. Клиентоцентричность в профессиональном развитии государственных гражданских служащих (опыт Краснодарского края) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 4. С. 9–16.
9. Вешкурова А. Б., Вашаломидзе Е. В., Рыжов Д. А. Клиентоцентричность как фактор развития службы занятости // Вестник евразийской науки. 2023 Т. 15. № 5.
10. Лищук Е.Н., Капелюк С.Д. Оценка качества услуг служб занятости при переходе на клиентоцентричный подход и цифровой формат // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 4.
11. World Bank. Indicators of Citizen-Centric Public Service Delivery. 2018. World Bank Publishing, Washington D.C.

References

1. Ovsipyan M. V. Customer centrality: features of the concept in the context of public administration. In: *Materials of XVIII conference "Modern management: problems and prospects"*. St. Petersburg, 2022, pp. 137-139. (In Russ.)
2. Vasileva N. V. Development of public service based on a client-centric approach. In: *Materials of XVIII conference "Modern management: problems and prospects"*. St. Petersburg, 2022, pp. 105-110. (In Russ.)
3. Getman A. N. Strategic course on the client-centric model of public administration. In: *Materials of XVIII conference "Modern management: problems and prospects"*. St. Petersburg, 2022, pp. 110-116. (In Russ.)
4. Kalinin A. M. Using the principle of customer-centricity in public administration: Agenda for implementation. *Public Administration Issues*. 2023;(3). (In Russ.)
5. Chulkovskaya E. *Client-Centricity in the Activities of State Bodies*. Ekaterinburg: Ural university press; 2023. (In Russ.)
6. Leontieva L. S., Smirnova V. V. Citizen-centricity as a formation factor of the reputational resources quality in public administration system (domestic and foreign experience). *Moscow University Bulletin. Series 21 Public Administration*. 2022;(3). (in Russ.)
7. *Client-centric approach in Public Administration: The Navigator of Digital Transformation*. Moscow: RANEPa; 2020. (In Russ.)
8. Baranov A. V., Kotlyarova O. V., Tagaev A. V. Client-centricity in the professional development of public civil servants (experience of the Krasnodar territory). *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(4):9–16. (In Russ.)

9. Veshkurova A. B., Vashalomidze E. V., Ryzhov D. A. The internal client-centeredness of the employment service. *The Eurasian Scientific Journal*. 2023;(15). (In Russ.)
10. Lishchuk E. N. and Kapelyuk S. D. Assessing the quality of employment services in the transition to a client-centric approach and digital format. *Public Administration Issues*. 2023;(4). (In Russ.)
11. *World Bank. Indicators of Citizen-Centric Public Service Delivery*. 2018 World Bank Publishing, Washington D.C.

Информация об авторах

И. А. Вальдман – заместитель директора Центра внедрения клиентоцентричного подхода ВШГУ РАНХиГС.
Р. В. Горбовский – ведущий специалист Центра внедрения клиентоцентричного подхода ВШГУ РАНХиГС
М. В. Паратунов – директор Центра внедрения клиентоцентричного подхода ВШГУ РАНХиГС.
Е. А. Путинцева – главный методист Центра внедрения клиентоцентричного подхода ВШГУ РАНХиГС.

Information about the authors

I. A. Valdman – Deputy Director of the Center for Implementation of a Client-Centric Approach, Graduate School of Public Management of RANEPA.
P. B. Gorbovsky – Lead Specialist of the Center for Implementation of a Client-Centric Approach, Graduate School of Public Management of RANEPA.
M. V. Paratunov – Director of the Center for Implementation of a Client-Centric Approach, Graduate School of Public Management of RANEPA.
E. A. Putintseva – Chief Methodologist of the Center for Implementation of a Client-Centric Approach, Graduate School of Public Management of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 07.02.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 26.02.2024.

The article was submitted 07.02.2024; approved after reviewing 22.02.2024; accepted for publication 26.02.2024.

Научная статья

УДК 331.1

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-32-40>

EDN JDGQDV

Теоретическое осмысление HRM в концепте инновационно-ориентированного менеджмента образовательной организации

Юлия Викторовна Гаврилова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
yugavrilova@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0391-576X>

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-концептуальные подходы к выработке мероприятий по управлению персоналом в инновационно-ориентированных образовательных организациях. Цель исследования – выявить наиболее актуальные теоретико-концептуальные подходы к повышению эффективности управления высшими учебными заведениями на данном этапе развития общества, с учетом потребностей работодателей и стратегий развития Российской Федерации. Методологическую базу исследования составили аналитический, компаративный и дедуктивный теоретические методы, а также труды отечественных и зарубежных ученых последних лет, посвященные изучению практик управления в различных образовательных организациях. Проанализировано, что в вузах применяются не только инновационные методы, но и жесткие директивные подходы, в которых предусматривается в случае низких показателей деятельности применять санкции к высшему руководству, вплоть до его замены на новые кадры. Показано, что в условиях возрастающей конкурентности среды, концепция наращивания потенциала управления человеческими ресурсами в образовательной организации заключается в поиске и удержании талантливых сотрудников на рабочем месте, а также в подборе оптимальных подходов и методов управления человеческими ресурсами.

Ключевые слова: высшее учебное заведение, HRM, инновационно-ориентированный менеджмент, образовательная организация

Благодарности: исследование выполнено в рамках проекта № 24-28-01624 РНФ «Трансформация управления человеческими ресурсами южного макрорегиона в контексте присоединения новых территорий».

Для цитирования: Гаврилова Ю. В. Теоретическое осмысление HRM в концепте инновационно-ориентированного менеджмента образовательной организации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 32–40. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-32-40>. EDN JDGQDV

Problems of Management

Original article

Theoretical understanding of HRM in the concept of innovation-oriented management of an educational organization

Julia V. Gavrilova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
yugavrilova@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0391-576X>

Abstract. The article discusses theoretical-conceptual approaches to the development of personnel management measures in innovation-oriented educational organizations. The purpose of the study is to identify the most relevant theoretical-conceptual approaches to improving the efficiency of management of higher educational institutions at this stage of social development, taking into account the needs of employers and development strategies of the Russian Federation. The study's methodology relied on analytical, comparative, and deductive theoretical approaches, drawing from recent research by both domestic and international scholars focused on examining management practices within different educational institutions. It is analyzed that universities use not only innovative methods, but also strict directive approaches, which provide for the application

of sanctions to senior management in case of low performance indicators, up to their replacement with new personnel. It is shown that in an increasingly competitive environment, the concept of building human resource management capacity in an educational organization is to find and retain talented employees in the workplace, as well as to select optimal approaches and methods of human resource management.

Keywords: HRM, personnel management, innovation-oriented management, educational organization, higher education institution

Acknowledgments: the research was carried out within the framework of the RNF project No. 24-28-01624 "Transformation of human resource management in the southern macro-region in the context of new territories incorporation"

For citation: Gavrilova Ju. V. Theoretical understanding of HRM in the concept of innovation-oriented management of an educational organization. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):32-40. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-32-40>. EDN JDGQDV

HRM и инновационно-ориентированный менеджмент образовательной организации

Будущее развитие экономики страны, во многом, определяется качественными человеческими ресурсами. Синтез технологий и знаний, мощные трансформации в деятельности в среде, развитие искусственного интеллекта и его внедрение во все сферы жизнедеятельности человека усложняют имеющиеся и разрабатываемые образовательные продукты и услуги, сокращая жизненный цикл знаний, затрагивая функциональность и результативность образовательных организаций (далее – ОО). На протяжении нескольких лет непрерывный процесс синтеза новых компетенций и выстраивание образовательных программ за счет применения инновационных подходов в управлении становятся одной из основных задач ОО [1].

Современный потенциал концепции управления человеческими ресурсами в ОО раскрыт не в полной мере [2]. Данная концепция связана с подбором оптимальных подходов и методов управления человеческими ресурсами, поиском и удержанием талантливых сотрудников на рабочем месте в условиях возрастающей конкурентности среды и уже длительный период времени является одним из важных предметов в области менеджмента [3].

Методология анализа инновационно-ориентированного HRM в образовательной организации

Отмечающиеся в современном обществе инновации: цифровизация, внедрение искусственного интеллекта, использование новационных достижений в менеджменте являются фундаментальными факторами эффективности деятельности ОО [4–5]. Возникают и экзогенные факторы в виде глобализации, изменений в геополитике, трансформации обмена учебными и научными кадрами между университетами различных стран, дефинирующие развитие образовательного пространства и инициирующие соответствующие изменения в сфере управления человеческими ресурсами ОО. Это может выражаться в более четкой подстройке под приоритеты зарубежных вузов в случае их успешности, адаптированном заимствовании соответствующего управленческого опыта. Это позволит выжить ОО в условиях конкурентной среды, сохранить достижения, которые, в определенной степени, являются наработками работающих в организациях сотрудников, а также оказывают важное воздействие на успешное создание новых университетов на базе имеющихся [6].

Чем более инновационным является образовательный продукт, либо услуга, тем меньше будет риск подражания со стороны конкурирующих ОО [7]. Конкуренция происходит за счет талантливых студентов и аспирантов, молодых ученых-сотрудников, перспективных управленцев – выходцев из научной среды, продолжающих осуществлять научную деятельность одновременно с руководящей работой, за счет участия в грантах, привлечения студентов на платное обучение. И чтобы быть инновационными, «организации должны понимать важность инвестирования в человеческие ресурсы; обучать талантливых специалистов новаторскому мышлению и действиям; демонстрировать положительные психологические способности; и предоставить чувство аутентичности для того, чтобы способствовать достижению организационных целей» [8].

Наиболее значимые исследования и разработки фундаментальных основ системы управления человеческими ресурсами представлены М. Армстронгом [9], Г. Хамелом и К. Прахаладом [10], Джей Б. Барни и А. Шароном [11], П. Боксал [12] и др. На постсоветском пространстве концепцию стратегического управления человеческими ресурсами разрабатывали Ю. Г. Одегов [13], Е. И. Лазарева [14–16], Ю. А. Масалова [17–18], М. В. Федоров [19], С. В. Волков [20] и др.

В трудах авторов затронуты проблемы конкуренции на рынке образовательных услуг, непрерывности процесса образования, при котором необходимо внедрять инновации непосредственно во время осуществления образовательной деятельности, трансформируя образовательное и управленческое пространство в процессе предоставления образовательных услуг, в условиях повышения многочисленных рисков. Повышение конкурентоспособности ОО можно достигнуть путем решения указанных проблем. Будучи услугой, предоставляемой специализированными учреждениями, образование не может быть отделено от людей, которые предоставляют эту услугу, исходя из своей компетентности и мотивации. Качество и результативность использования человеческих ресурсов заложено в основу повышения конкурентоспособности ОО.

Результаты теоретико-концептуального анализа инновационно-ориентированного HRM в образовательной организации

Концепция управления персоналом (HR-менеджмент) возникла в результате развития и совершенствования методов управления человеческими ресурсами в условиях усиления конкуренции, развития технологий и социально-экономических и культурных процессов в 80-е гг. XX в. Этот период характеризовался рядом ключевых изменений в мире бизнеса и управления, которые стали катализаторами развития HRM (рис. 1).

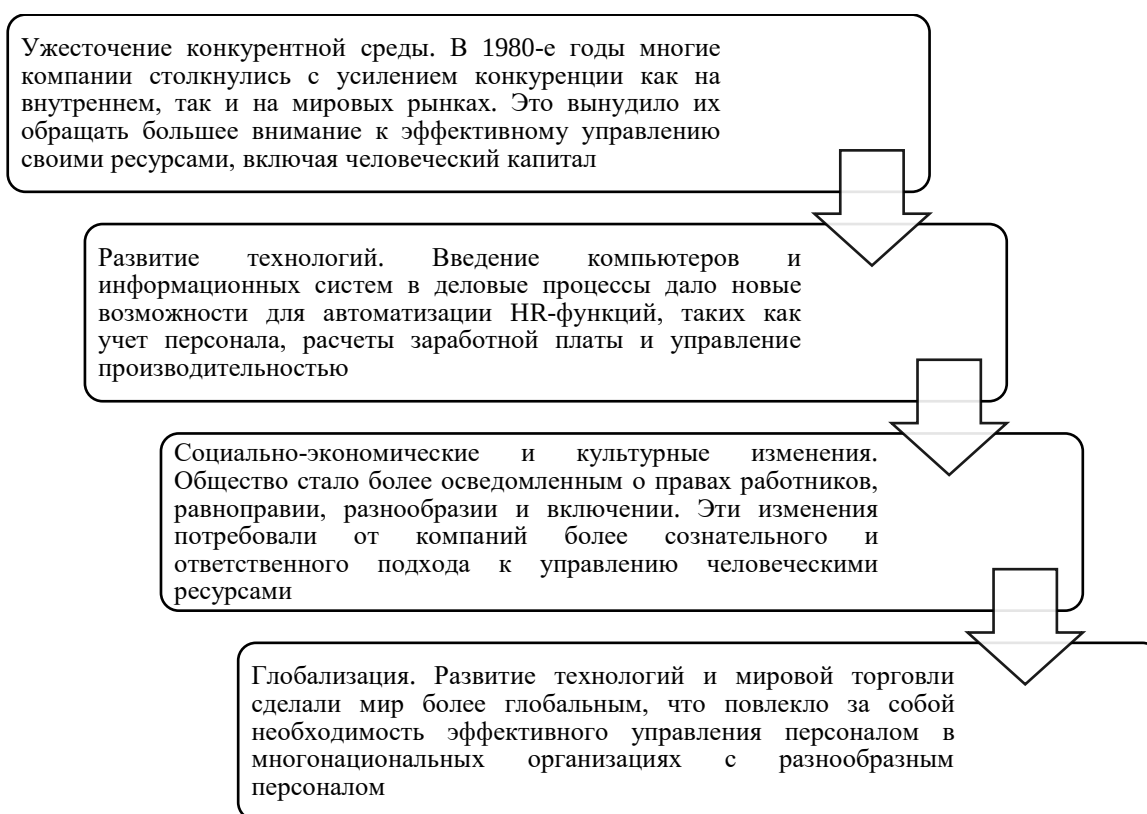

Рис. 1. Изменения в мире бизнеса и управления – катализаторы развития HRM¹

Fig. 1. Changes in the world of business and management – catalysts for the HRM development

В конкурентном пространстве ОО основной акцент делается на межорганизационном взаимодействии, создании совместных научных и образовательных продуктов (конференции, симпозиумы, проекты, научно-исследовательские разработки институтов). Изменения в HRM привели к тому, что его роль сместилась от традиционного низкофункционального управления персоналом к стратегической и целеустремленной функции, нацеленной на достижение бизнес-целей организации. Это также является особенностью HRM в ОО. ОО носят отличающийся характер

¹ Составлен автором.

от производственно-коммерческих субъектов. Закономерной является более тщательная проработка вопросов подбора, обучения и развития сотрудников, оценки производительности их деятельности и разработка различных видов мотивации в ОО, помимо материальных. Эти аспекты играют ключевую роль в обеспечении качества образования и достижении успехов в ОО (рис. 2).

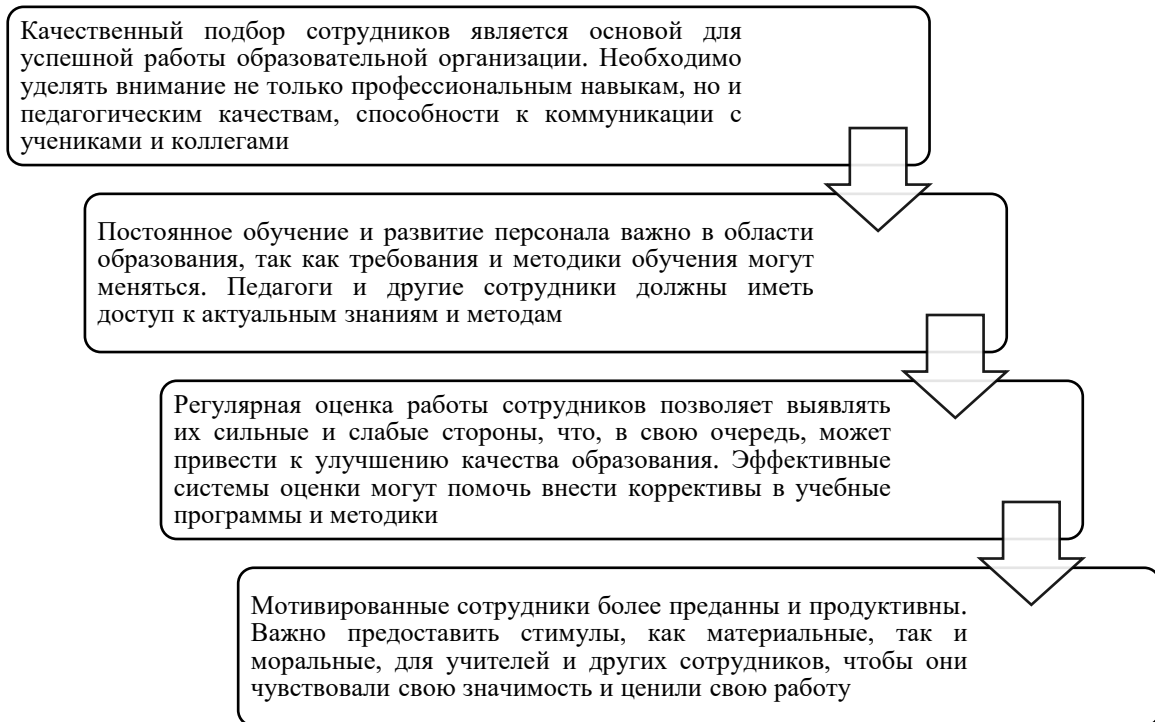

Рис. 2. Составляющие в обеспечении качества образования и достижении успехов в ОО¹

Fig. 2. Components in ensuring the quality of education and achieving success in EO

Среди основных задач HR-менеджмента допустимо указать представленные на рис. 3.

Обобщая совокупность системных изменений, допустимо утверждать, что они базируются на принципах, показанных на рис. 4.

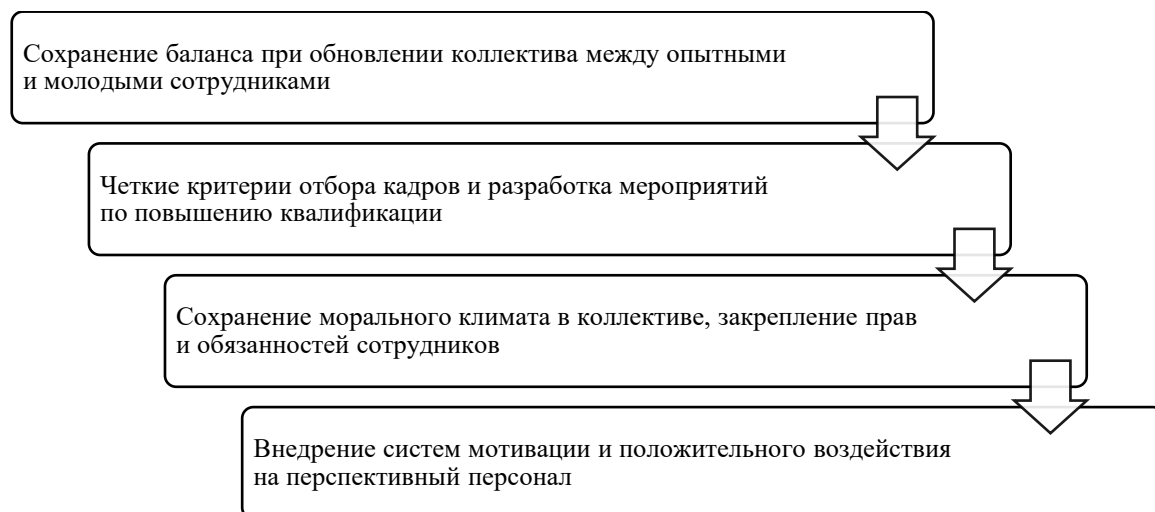

Рис. 3. Основные задачи HR-менеджмента²

Fig. 3. Main tasks of HR management

¹ Составлен автором.

² Составлен автором.

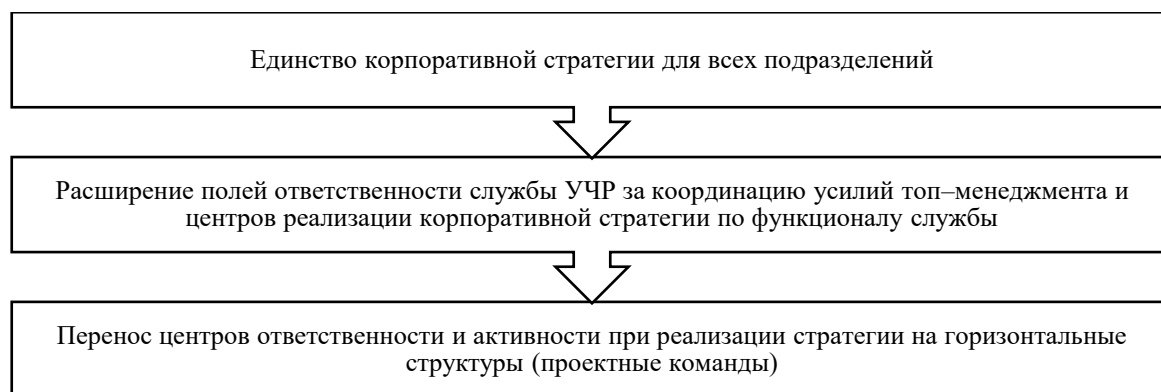
Рис. 4. Основные принципы в системных изменениях HR менеджмента¹

Fig. 4. Basic principles in systemic changes in HR management

HR-менеджмент в ОО имеет свои уникальные особенности и принципы, которые помогают обеспечить эффективное управление человеческими ресурсами и достижение образовательных целей (рис. 5). Системность и демократизация предполагают охват всего состава персонала и решение непрерывных задач, демократичность в методах управления и стиле руководства, оценку работников, учет мнений сотрудников, информирование работников о результатах и перспективах деятельности организации, возможность смещения руководства ОО в случае неэффективного менеджмента.

Рис. 5. Принципы HR-менеджмента в ОО²

Fig. 5. Principles of HR management in an EO

Следует отметить важность гибкого управления в инновационных условиях развития ОО. Так, результаты исследования показали, что 67 % из 280 руководителей и менеджеров считают, что устойчивые инновации необходимы для конкурентного преимущества ОО, а 70 % считают вопросы устойчивого развития важным фактором управления, что согласуется с исследованиями Е. И. Лазаревой [15].

¹ Составлен автором.² Составлен автором.

На рис. 6 приведены основные тенденции процессов общественного развития в аспекте совершенствования деятельности ОО.

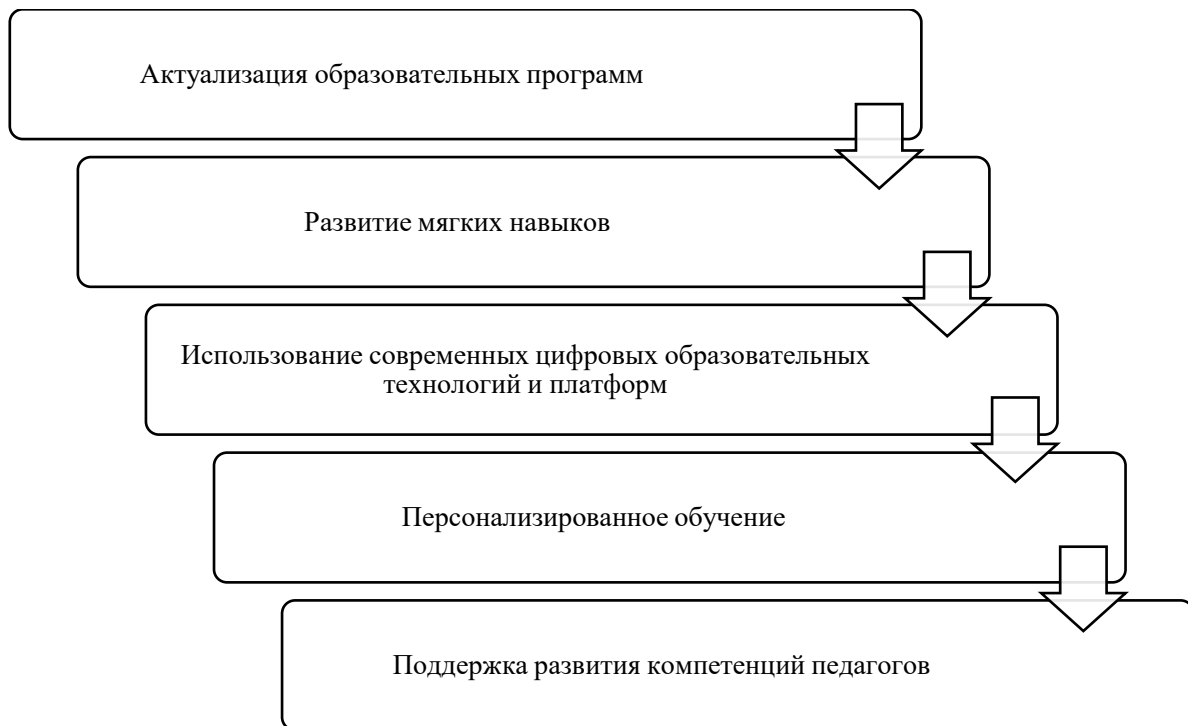

Рис. 6. Основные тенденции процессов общественного развития в аспекте совершенствования деятельности ОО¹

Fig. 6. Main trends in social development processes in terms of improving the EO activities

В целом, адаптация к быстро меняющемуся миру и обеспечение обучаемых сотрудников в ОО актуальными знаниями и навыками, расширение компетенций стали важными задачами для ОО, на которые выделяются значительные средства, и подготавливается соответствующий управляющий менеджмент.

Сотрудники являются одной из заинтересованных сторон организаций, значительная доля ответственности за качественный образовательный продукт возложена на них. Причем одной из особенностей ОО является то, что оказываемые услуги обладают изменчивостью, зависимостью не только от уровня образованности, профессионализма, подготовки, прохождения различных курсов повышения квалификации, но и склонностью к трансформациям, обусловленным различными проявлениями человеческого фактора.

Искусственный интеллект в настоящее время причисляется к материальным активам ОО, использующей его. Тогда как доля профессорского состава в университете отражается на репутационной составляющей ОО, позволяет достичь более высокого конкурса при поступлении, привлечь наиболее перспективных абитуриентов, которые впоследствии смогут создать новые научные открытия и обеспечить разработки [21]. Разработана концептуальная модель, в которой достигались три цели (рис. 7).

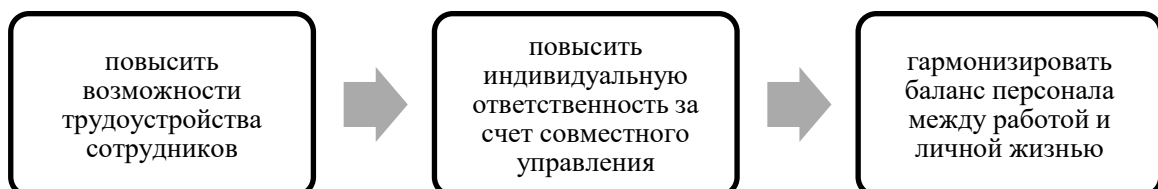

Рис. 7. Цели концептуальной модели

Fig. 7. Goals of conceptual model

¹ Составлен автором.

В модели получили развитие теории баланса между работой и личной жизнью. Предложена концепция трех типов представлений о прямых эффектах баланса между работой и личной жизнью, а также о корпоративной политике ОО (рис. 8).

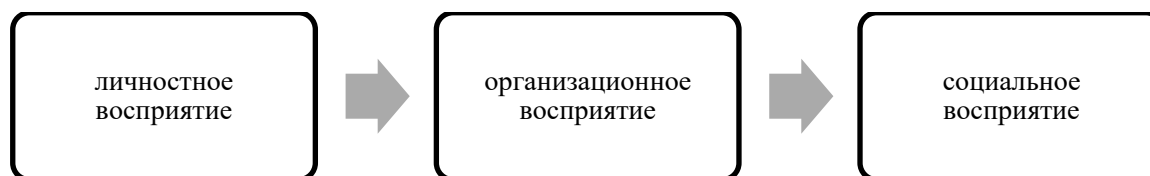

Рис. 8. Типы представлений о прямых эффектах баланса между работой и личной жизнью сотрудников ОО

Fig. 8. Types of ideas about the direct effects of work-life balance among employees of an EO

Обсуждение

Таким образом, возникает вопрос, всегда ли более тщательный контроль над рабочим и семейным графиком вырабатывает у сотрудников более осмысленный подход, каким образом восприятие человека влияет на баланс между работой и личной жизнью, обеспечивая гармонию труда и отдыха. Организации с соответствующим отношением и восприятием приносят пользу лояльным и преданным своему делу сотрудникам. Уровень гибкости управления человеческими ресурсами является внутренней характеристикой ОО. Вероятно, эту проблему можно решить с помощью трех концептуальных компонентов (рис. 9).

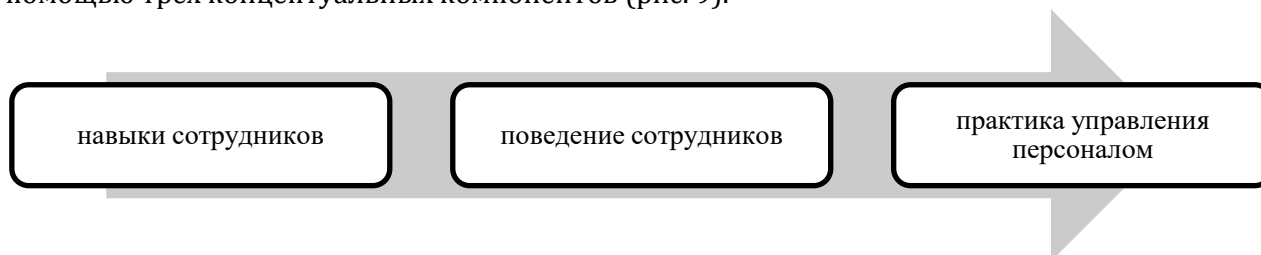

Рис. 9. Концептуальные компоненты повышения уровня гибкости HRM¹

Fig. 9. Conceptual components for increasing the level of flexibility in HRM

Заключение

Гибкость навыков сотрудников – число потенциальных альтернативных вариантов применения навыков. Гибкость поведения сотрудника представляет собой адаптируемость в отличие от рутинного поведения; это насколько сотрудники обладают широким репертуаром поведенческих сценариев, которые могут быть адаптированы к требованиям конкретной ситуации.

Гибкость практик управления сотрудниками ОО – HR-практики могут быть адаптированы и применены в различных сферах деятельности, в ситуациях или на различных площадках или подразделениях организации, а также скорость, с которой они могут быть сделаны адаптации и приложения, разработать гибкость ресурсов в такой степени, чтобы сотрудники могли иметь мотивацию и способность посвятить свои усилия как преподавательской, так и исследовательской деятельности.

Список источников

1. Сокур А. В. Управление человеческими ресурсами в обеспечении процессов цифровой трансформации бизнеса. 2023; дис. ... канд. экон. наук: 5.2.6. 170 с.
2. Introduction to Human Resource Management. Режим доступа: <https://www.drnishikantjha.com/books-collection/hrm-basic-notes.pdf> (дата обращения 10.10.2023)
3. Ehnert, I., Parsa, S., Roper, I., Wagner, M., & Muller-Camen, M. Reporting on sustainability and HRM: A comparative study of sustainability reporting practices by the world's largest companies // The International Journal of Human Resource Management. 2016; 27(1): 88-110.

¹ Составлен автором.

4. Mahmoud, M. A., Blankson, C., Owusu-Frimpong, N., Nwankwo, S., & Trang, T. P. Market orientation, learning orientation and business performance: the mediating role of innovation // *International Journal of Bank Marketing*. 2016; 34(5).
5. Fraj, E., Matute, J., & Melero, I. Environmental strategies and organizational competitiveness in the hotel industry: The role of learning and innovation as determinants of environmental success // *Tourism Management*. 2015; 46: 30-42.
6. Khajeheian, D. Audience Commodification: A Source of Innovation in Business Models // *Technology Innovation Management Review*. 2016; 6(8): 40-47.
7. Emami, A., & Dimov, D. Degree of innovation and the entrepreneurs' intention to create value: a comparative study of experienced and novice entrepreneurs // *Eurasia Business and Economics Society*. 2017; 7(2):161-182.
8. van Kerkhoff, L., & Szlezák, N. A. The role of innovative global institutions in linking knowledge and action // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2016; 113(17): 4603-4608.
9. Armstrong M., Brown D. Strategic Human Resource Management: Back to the future? A literature review. Institute for Employment Studies. Режим доступа: https://www.employment-studies.co.uk/system/files/resources/files/517_Strategic-Human-Resource-Management-Back-to-the-future-IES-CIPD-2019.pdf. (дата обращения 31.01.2024).
10. Хамел Г., Прахлад К. Конкурируя за будущее. Создание рынков завтрашнего дня. М.: Олимп-Бизнес, 2002.
11. Sharon A. Alvarez, Jay B. Barney, Phillip Anderson. Forming and Exploiting Opportunities: The Implications of Discovery and Creation Processes for Entrepreneurial and Organizational Research // *Organization Science*. 2012; 24(1): 301-317.
12. Boxall P., Macky K. High-performance work systems and organizational performance: Bridging theory and practice // *Asia Pacific Journal of Human Resources*. 2007; 45: 261-270.
13. Одегов Ю. Г. Сетевой HR-менеджмент 3.0 [Электронный ресурс]: монография / Одегов Ю. Г., Никулин Л. Ф., Половинко В. С. – Электрон. текстовые данные. Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2013.
14. Лазарева Е. И. Национальное благосостояние как интегрированный ресурс инновационно-ориентированного развития экономики: теория, методология и инструментарий исследования. 2010; Дисс. ... доктора экономических наук; Южный федеральный университет.
15. Лазарева Е. И., Хосроева Н. И. Инновационный менеджмент трендов развития человеческого потенциала российских регионов через призму глобальных целей устойчивого развития // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова*. 2020. № 3. С. 167–177.
16. Лазарева Е. И., Гаврилова Ю. В. Идентификация социально-экономических факторов развития человеческого капитала в HR-менеджменте организации // *Российский журнал менеджмента*. 2023. № 21 (1). С. 89–114.
17. Масалова Ю. А. Система управления качеством человеческих ресурсов // *Вестник ОмГУ. Серия: Экономика*. 2015. № 1. С. 81–85.
18. Масалова Ю. А. Качество человеческих ресурсов как объект управления в системе высшего образования // *Известия БГУ*. 2016. № 1. С. 107–114.
19. Федоров М. В. Стратегическое управление человеческими ресурсами // *УЭК*. 2013. № 11 (59).
20. Волков С.В., Ишбаев З.З., Штраус Л.С. Повышение эффективности управления образовательной организацией на основе внедрения информационно-коммуникационных технологий // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика*. 2023. № 1(35).
21. Anopchenko, T., Lazareva, E., Murzin, A. Network Approach for Innovation Economy Managers of International Level Education: Southern Federal University Experience. *SGEM 2016 Proceedings*. 2016; 1.1: 917-922.

References

1. Sokur A. V. *Human resource management in supporting digital business transformation processes*. 2023; dis. ... cand. econ. sciences. 170 p. (In Russ.)
2. Introduction to Human Resource Management. Available from: <https://www.drnishikantjha.com/booksCollection/hrm-basic-notes.pdf> [Accessed 10 October 2023].
3. Ehnert, I., Parsa, S., Roper, I., Wagner, M., & Muller-Camen, M. Reporting on sustainability and HRM: A comparative study of sustainability reporting practices by the world's largest companies. *The International Journal of Human Resource Management*. 2016; 27(1): 88-10.
4. Mahmoud, M. A., Blankson, C., Owusu-Frimpong, N., Nwankwo, S., & Trang, T. P. Market orientation, learning orientation and business performance: the mediating role of innovation. *International Journal of Bank Marketing*. 2016; 34(5).

5. Fraj, E., Matute, J., & Melero, I. Environmental strategies and organizational competitiveness in the hotel industry: The role of learning and innovation as determinants of environmental success. *Tourism Management*. 2015; 46: 30-42.
6. Khajeheian, D. Audience Commodification: A Source of Innovation in Business Models. *Technology Innovation Management Review*. 2016; 6(8): 40-47.
7. Emami, A., & Dimov, D. Degree of innovation and the entrepreneurs' intention to create value: a comparative study of experienced and novice entrepreneurs. *Eurasia Business and Economics Society*. 2017; 7(2): 161-182.
8. van Kerkhoff, L., & Szlezák, N. A. The role of innovative global institutions in linking knowledge and action. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2016; 113(17): 4603-4608.
9. Armstrong M., Brown D. Strategic Human Resource Management: Back to the future? A literature review. Institute for Employment Studies. Available from: https://www.employment-studies.co.uk/system/files/resources/files/517_Strategic-Human-Resource-Management-Back-to-the-future-IES-CIPD-2019.pdf. [Accessed 31 January 2024].
10. Hamel G., Prahalad K. *Competing for the future. Creating the markets of tomorrow*. Moscow; 2002. (In Russ.)
11. Sharon A. Alvarez, Jay B. Barney, Phillip Anderson. Forming and Exploiting Opportunities: The Implications of Discovery and Creation Processes for Entrepreneurial and Organizational Research. *Organization Science*. 2012; 24(1): 301-317.
12. Boxall P., Macky K. High-performance work systems and organizational performance: Bridging theory and practice. *Asia Pacific Journal of Human Resources*. 2007; 45: 261-270.
13. Odegov Yu. G., Nikulin L. F., Polovinko V. S. Network HR management 3.0. Omsk State University named F.M. Dostoevsky. 2013. (In Russ.)
14. Lazareva E. I. *National welfare as an integrated resource for innovation-oriented economic development: theory, methodology and research tools*. 2010; Diss. ... Doctor of Economic Sciences; Southern Federal University. (In Russ.)
15. Lazareva E. I., Khosroeva N. I. Innovative management of trends in the development of human potential in Russian regions through the prism of global sustainable development goals. *Bulletin of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*. 2020; 3: 167-177. (In Russ.)
16. Lazareva E. I., Gavrilova Yu. V. Identification of socio-economic factors of human capital development in HR management of an organization. *Russian Journal of Management*. 2023; 21 (1): 89-114. (In Russ.)
17. Masalova Yu. A. Human resource quality management system. *Bulletin of Omsk State University. Series: Economics*. 2015; 1: 81-85. (In Russ.)
18. Masalova Yu. A. The quality of human resources as an object of management in the system of higher education. *News of BSU*. 2016; 1: 107-114. (In Russ.)
19. Fedorov M.V. Strategic human resource management. *UEX*. 2013; 11 (59). (In Russ.)
20. Volkov S.V., Ishbaev Z.Z., Strauss L.S. Increasing the efficiency of management of an educational organization based on the introduction of information-communication technologies. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Economics*. 2023; 1(35). (In Russ.)
21. Anopchenko T., Lazareva E., Murzin A. Network Approach for Innovation Economy Managers of International Level Education: Southern Federal University Experience. *SGEM 2016 Proceedings*. 2016; 1.1: 917-922. (In Russ.)

Информация об авторе

Ю. В. Гаврилова – аспирант кафедры «Инновационный и международный менеджмент» факультета управления ЮФУ.

Information about the author

Yu. V. Gavrilova – PhD student, Department "Innovative and International Management" of the Faculty of Management, Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 02.02.2024; одобрена после рецензирования 16.02.2024; принята к публикации 19.02.2024.

The article was submitted 02.02.2024; approved after reviewing 16.02.2024; accepted for publication 19.02.2024.

Проблемы совершенствования федерализма и системы публичной власти в процессе образования новых субъектов Российской Федерации

Иван Федорович Денисенко

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия,
dif_gmu@rgups.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2774-4301>

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы совершенствования федерализма и системы публичной власти в процессе образования новых субъектов Российской Федерации. В контексте геополитических реалий, сложившихся в мире после распада СССР и образования на его территории ряда независимых государств, автором анализируются процессы, связанные с изменениями федеративного устройства путем реформирования действующих и принятия в состав России новых субъектов Федерации. Отмечается, что дальнейшее совершенствование федерализма и системы публичной власти в контексте образования новых субъектов Российской Федерации требует комплексного подхода, учитывающего многомерность и динамичность процессов, происходящих в современном российском обществе и в международных отношениях.

Ключевые слова: ДНР, Запорожская область, Конституция Российской Федерации, Крым, ЛНР, политическая элита, распад СССР, Россия, США, Украина, Херсонская область

Для цитирования: Денисенко И. Ф. Проблемы совершенствования федерализма и системы публичной власти в процессе образования новых субъектов Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 41–46. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-41-46>. EDN HAGRVW

Problems of Management

Original article

Problems of improving federalism and the system of public authority in the process of formation of new subjects of the Russian Federation

Ivan F. Denisenko

Rostov State University of Railway Engineering, Rostov-on-Don, Russia,
dif_gmu@rgups.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2774-4301>

Abstract. The article discusses the problems of improving federalism and the system of public authority in the process of formation of new subjects of the Russian Federation. In the context of the geopolitical realities that have developed in the world after the collapse of the USSR and the formation of a number of independent states on its territory, the authors analyze the processes associated with changes in the federal structure by reforming existing and accepting new subjects of the federation into Russia. It is noted that further improvement of federalism and the system of public authority in the context of the formation of new subjects of the Russian Federation requires an integrated approach that takes into account the multidimensional and dynamic processes taking place in modern Russian society and in international relations.

Keywords: collapse of the USSR, Russia, USA, Ukraine, Crimea, Donetsk People's Republic, Luhansk People's Republic, Zaporozhye region, Kherson region, Constitution of the Russian Federation, political elite

For citation: Denisenko I. F. Problems of improving federalism and the system of public authority in the process of formation of new subjects of the Russian Federation. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(1):41–46.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-41-46>. EDN HAGRVW

В последние десятилетия Российская Федерация столкнулась с рядом вызовов, связанных с образованием новых субъектов федерации, что ставит перед органами государственного управления задачи по совершенствованию федеральных отношений и адаптации системы публичной власти к изменяющимся условиям. Динамичный процесс территориальных изменений, включающий объединение регионов и формирование новых административных единиц, требует глубокого пересмотра подходов к распределению полномочий между федеральным центром и субъектами Федерации, а также между различными уровнями публичной власти внутри субъектов.

События начала 90-х гг. XX века, связанные с распадом Советского Союза и возникновением на его территории новых независимых государств, стали фактором изменения подходов политических элит к принципам государствообразования [1]. Что касается России, то несмотря на позиционирование правопреемницей СССР, первостепенными задачами построения её новой государственности стали такие, как модернизация государственного устройства и формирование системы государственного и муниципального управления кардинально отличающейся от существовавшей до 1991 года [2].

Если процесс формирования властной парадигмы в стране условно разделить на этапы, то к первому, безусловно, следует отнести период ухода от ещё сохранившихся с времён СССР основ советской партийно-государственной системы управления и создания новой конституционно-правовой модели демократического государства.

Фактором, осложняющим этот процесс стало то обстоятельство, что, находясь в стадии переходного периода, государственность новой России основывалась на законодательной базе, унаследованной от СССР и РСФСР. Именно это обстоятельство, сдерживало осуществление её перехода к новым принципам построения государства и системы государственного и муниципального управления.

К этому следует добавить, что сутью проблемы являлось и то, что в одном государстве, находящемся в стадии становления и поиска вектора своего развития, фактически действовали две совершенно несовместимые системы: новая президентская, основанная на принципах федерализма, и старая советская с её монополией на властные функции и коллективной ответственностью [3–4]. Эта ситуация приводила к неоднозначным государственным мерам, таким как внесение изменений в действующую Конституцию РСФСР, президентские указы и различные декларации, что усложняло и отодвигало завершение перехода к новому российскому государственному устройству.

Процесс изменения конституции РСФСР и введения новых законов усложнялся из-за острой конфронтации между двумя политическими группами - сторонниками реформ и их оппонентами, сторонниками социалистических идей. В сложившейся ситуации стало практически невозможным организовать законотворчество, обеспечивающее решение задач по осуществлению реформ и четкого взаимодействия между органами управления государством. А противостояние между исполнительными и законодательными органами власти, как на федеральном, так и на региональном уровнях достигли своего предела.

В целях мирного разрешения сложившейся политической обстановки, 12 декабря 1993 г. были проведены выборы в двухпалатное Федеральное Собрание – Совет Федерации и Государственную Думу, и референдум по проекту новой Конституции России, которая была одобрена большинством граждан, принявших в нем участие и стала законодательной базой становления и развития новой российской государственности.

Ряд его политических оппонентов считает, что поскольку в системе федеральных органов власти страны предусмотрен пост Председателя правительства, то полномочия Президента Российской Федерации, не являющегося главой исполнительной власти, к примеру, по осуществлению общего руководства правительством и назначению заместителей председателя правительства и федеральных министров, являются излишними.

Вместе с тем, следует признать, что несмотря на многолетнее пребывание В. В. Путина у власти, его деятельность на высших постах страны не только подвергается критике со стороны отдельных представителей политических партий и движений, но и положительно оценивается и поддерживается большей частью политической элиты и населения страны. Это показывают не только различные социологические опросы, но и всенародное голосование по поправкам в Конституцию Российской Федерации 2020 г.

Подобная постановка вопроса, касающегося необходимости изменения принципа построения федерализма в стране, не является новой. Так один из последних руководителей Советского Союза – Генеральный Секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов, помимо начатых реформ экономической сферы и политической системы, планировал отказаться от построения федерации по национально-территориальному принципу. «Давайте кончать с национальным делением страны. Представьте соображения об организации в Советском Союзе штатов на основе численности населения, производственной целесообразности, и чтобы образующая нация была погашена. Нарисуйте новую карту СССР»¹.

Модель нового государственного устройства, связанную с ликвидацией национальных автономий, настойчиво продвигал один из известных и авторитетных политиков современной России, создатель и бессменный руководитель политической партии ЛДПР В.В. Жириновский².

Свой вклад в построение федерализма и системы публичной власти в России внёс и её будущий первый Президент Б.Н. Ельцин. Результаты его позиции и практической деятельности в этом очень важном для постсоветской России вопросе и сегодня являются предметом обсуждения в научных кругах и среди политиков.

Связано это с тем, что в угоду ряду национальных образований, входящих в состав России, настойчиво добивавшихся повышения своего политического статуса, Б.Н. Ельциным, занимавшим в 1990 году пост Председателя Верховного Совета РСФСР, была обнародована его позиция, выраженная в фразе: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить»³. Это событие стало катализатором для процесса, известного в современной российской истории как "парад суверенитетов", который привел к сильной децентрализации власти. В результате этого произошел распад единого правового, экономического и информационного поля [5].

Подход к реформированию федеративного устройства в России кардинально изменился со сменой верховного руководства. В первую очередь это касается вектора действий федеральных органов власти и, прежде всего, самого президента страны. Конституционно-договорная с элементами конфедерации модель федеративного устройства России, с которой соглашался Б. Н. Ельцин, была заменена на конституционную, пути и механизмы которой стал определять Кремль [6–7].

В этой связи проблемой, наиболее обсуждаемой в научных кругах и в политической элите страны, стала необходимость дальнейшего изменения субъектного состава Российской Федерации.

Важно отметить, что формирование новых субъектов Федерации является частью процесса совершенствования федерализма и системы государственного управления в России. Этот процесс основывается на ключевых принципах конституционной системы России, таких как равноправие субъектов, государственный суверенитет, единство системы государственной власти и разграничение властных полномочий между Российской Федерацией и её субъектами.

Дополнительно, следует отметить, что последующие изменения в федеральной структуре России связаны с присоединением Республики Крым к Российской Федерации после событий 2014 года, когда Крым выразил желание не оставаться в составе Украины после государственного переворота, организованного США и западными странами [8].

Переформатирование федеративного состава Российской Федерации происходит на фоне коренных изменений современного мироустройства и системы международных отношений, сложившихся после Второй мировой войны и распада Советского Союза, с доминированием Соединённых Штатов Америки и примкнувших к ним стран Европейского Союза. Соединенные Штаты Америки активно стремятся утвердить своё господство в рамках международных отношений, используя для достижения этой цели различные методы без каких-либо ограничений. В результате военных конфликтов, инициированных США после 2001 г., потери среди людей составили 900 тыс. чел., а свыше 38 млн были вынуждены покинуть родину.

В контексте разработки новой модели мирового порядка и определения роли России в международном сообществе, важно учитывать, что США продолжают вести агрессивную политику и дестабилизирующие действия в отношении бывших советских республик и Российской Федерации. Одной из серьезных угроз для России является неонацистский режим на Украине, возникший после событий 2014 г.

¹ Андропов и проект демонтажа СССР. <https://aizen-tt.livejournal.com/515252.html>

² Ликвидация национальных автономий в России. <https://cyclowiki.org/wiki>

³ Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить. <https://cyclowiki.org/wiki>

«США и НАТО ускоренно разворачивали у границ нашей страны свои армейские базы, секретные биологические лаборатории, в ходе манёвров осваивали театр будущих военных действий, готовили подвластный им киевский режим, поработившую ими Украину к большой войне»¹.

В сложившейся ситуации, нельзя было не учитывать и то обстоятельство, что ряд представителей Запада неоднократно озвучивал свою позицию, которая заключается в том, что целью США и Европейского Союза является нанесение «стратегического поражения России». Понимая серьёзность положения, Россия была вынуждена реагировать на подобные заявления и действия соответствующим образом, так как речь идёт уже о существовании нашей страны и русского населения, проживающего на территории Украины.

4 и 5 октября 2022 г. Государственной Думой и Советом Федерации Федерального собрания Российской Федерации были единогласно одобрены договоры о принятии в состав России четырёх новых субъектов: двух республик – Донецкой и Луганской и двух областей – Запорожской и Херсонской, а Президентом РФ В.В. Путиным подписаны федеральные конституционные законы о принятии этих территорий в состав России [9, 10].

В контексте инкорпорации новых территорий в состав России, страна столкнулась с задачей разрешения вопросов, связанных как с конституционным, так и с международным правом. Основная проблематика в сфере конституционного права связана с положениями Федерального закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в её составе нового субъекта Российской Федерации». Согласно этому закону, Россия может присоединять иностранные государства или их части исключительно на основе взаимного согласия между Российской Федерацией и соответствующим государством².

Учитывая то обстоятельство, что получить от Украины её согласие не представлялось возможным, Россией была использована парадигма, успешно реализованная в 2014 г. при возвращении в свой состав Крыма:

- признание независимости, входящих в Россию субъектов;
- заключение с входящими территориями необходимых для этого международных договоров;
- принятие постановлений Конституционного Суда Российской Федерации;
- одобрение палатами Федерального Собрания Российской Федерации;
- подписание соответствующего федерального закона Президентом России.

Упреждая ситуацию, когда после процедуры вступления новых субъектов в состав Российской Федерации, политиками и средствами массовой информации Соединённых Штатов Америки и стран НАТО будет развёрнута безудержная кампания по обвинению России в аннексии территорий Украины и нарушении действующих международно-правовых норм, в основу всех действий по осуществлению процедуры присоединения ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей были положены аргументы, основанные на международном праве.

В контексте обсуждаемой проблемы, напомним некоторые из них:

1. В процессе создания СССР советскими органами власти методом волевых решений, без учёта мнения и волеизлияния населения территория Украинской Советской Социалистической Республики была сформирована из земель, на которых проживало русское население.

2. Развал СССР вопреки результатам общесоюзного референдума о сохранении Советского Союза, произошедший по инициативе и при непосредственном участии не имеющих на это полномочий лидеров России, Украины и Белоруссии, привёл к изменению правового положения и нарушению прав граждан, проживающих на этих территориях.

3. После распада СССР и объявления о своей независимости, власти Украины взяли курс на проведение целенаправленной политики по украинизации русского населения, препятствованию сохранению национальной, языковой, религиозной и культурной идентичности, насаждение идеологии агрессивного национализма и антирусского неонацизма.

¹ Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 21 февраля 2023 года. WWW.KP.RU: <https://www.kp.ru/daily/27468/4724024/>

² Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в её составе нового субъекта Российской Федерации» (с изменениями на 31 октября 2005 года. Российская газета, № 248, 03.11.2005).

4. Россия не преследовала цель нарушения целостности Украины. Об этом свидетельствует тот факт, что после государственного переворота 2014 г., именно она настояла на подписании Минских соглашений, которые устанавливали дальнейшее нахождение ДНР и ЛНР в её составе. Однако все последующие годы на территориях этих республик велись боевые действия, направленные на уничтожение русскоязычного населения, в том числе и граждан России. Более того, в 2023 г. последовало заявление бывших руководителей Украины и ФРГ Порошенко и Меркель о том, что их страны изначально не планировали выполнять эти соглашения, а под их прикрытием осуществлялась подготовка Украины к войне с Россией.

5. Сложившиеся обстоятельства побудили население, проживающее на названных территориях, реализовать свои гражданские и политические права на самоопределение в соответствии с положениями Устава ООН.

6. ДНР, ЛНР, Херсонская и Запорожская области в соответствии с уставом Организации Объединённых Наций реализовали своё законное право на создание независимого суверенного государства и свободное присоединение к другому независимому государству, определенному народом.

Процедура вхождения новых территорий в состав России завершилась внесением поправок в Конституцию Российской Федерации. При этом руководством страны намечен конкретный план интеграции новых субъектов в экономическую, финансовую и правовую системы государства, а также в систему органов власти на период до 2026 г.

Среди задач, которые предстоит решить в этот период:

- окончательное освобождение территорий, вошедших в состав России, от украинских националистов и иностранных наёмников;
- обеспечение безопасности населения России, в том числе, её новых субъектов;
- создание системы органов государственной и муниципальной власти, соответствующей Конституции Российской Федерации;
- решение задач по восстановлению, разрушенных в ходе боевых действий и диверсий жилищного фонда, объектов промышленности и агропромышленного комплекса, социальной сферы, транспорта и дорог;
- организация деятельности учреждений науки и образования, здравоохранения, социальной защиты и пенсионного обеспечения;
- уточнение и корректировка приоритетов, стиля и методов деятельности всех ветвей и уровней власти с учётом необходимости решения задач, возникших в результате количественного и качественного изменения федеративного устройства Российской Федерации и др.

В заключение следует подчеркнуть, что дальнейшее совершенствование федерализма и системы публичной власти в контексте образования новых субъектов Российской Федерации требует комплексного подхода, учитывающего многомерность и динамичность процессов, происходящих в современном российском обществе и в международных отношениях. Это, в свою очередь, предполагает не только законодательные и административные реформы, но и активное вовлечение граждан в процесс управления, что будет способствовать формированию более открытой, ответственной и эффективной системы публичной власти.

Список источников

1. Алехин А. Е., Ромакин И. А. Советский федерализм как конституционно-правовой феномен // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2023. № 3. С. 7–23.
2. Агафонова Е. В., Карнаухова М. В. Российский федерализм в историческом контексте // В сборнике: Международные отношения, регионоведение, образование. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Под ред. д. пед. н., проф. М.В. Карнауховой, к. ист. н., доц. А.В. Федуровой. Ульяновск, 2021. С. 63–66.
3. Ведзижев А. Б. Федерализм: вопросы политики и рекомендуемые изменения // Социально-экономическое развитие государства в условиях цифровой трансформации. Сборник научных трудов по материалам IV международной научно-практической конференции. Тверь, 2022. С. 21–25.
4. Иванчик И. С. Российский федерализм в свете конституционной реформы // Эпомен. 2021. № 65. С. 142–153.
5. Колесников Е. В., Углонова О. А. Российский федерализм: некоторые современные тенденции // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 1. С. 127–138.

6. Лютикова Е. Ю. Раскрытие социального потенциала новых территорий Российской Федерации // В сборнике: Теоретические и прикладные аспекты информационно-аналитического обеспечения инновационной экономики. Всероссийская научно-практическая конференция: сборник научных статей. Курск, 2023. С. 64–70.

7. Матафонова Ю.А. Федерализм как политический феномен: анализ методологических подходов и трактовок // В сборнике: Федерализм в современном публичном праве. собрание трудов V Международной научно-практической конференции. М., 2023. С. 94–102.

8. Ермошин П. Ю. Федеративный вопрос и новые субъекты РФ // Наука, техника и образование. 2015. № 1 (7). С. 57–58.

9. Мифтахов Р. Л., Белоусов А. И. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в новых субъектах Российской Федерации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. Т. 47. № 3. С. 62–66.

10. Тарасова Е. А. Управление социально-экономическим развитием региона // В сборнике: Экономика и региональное управление. Сборник статей международной научно-практической конференции. Брянск, 2017. С. 339–341.

References

1. Alekhine A. E., Romaykin I. A. Soviet federalism as a constitutional and legal phenomenon. *Historical and legal problems: a new perspective*. 2023;(3):7–23. (In Russ.)

2. Agafonova E. V., Karnaukhova M. V. Russian federalism in a historical context. In: *International relations, regional studies, education*. Collection of materials All-Russian scientific and practical conference. M.V. Karnaukhova, A.V. Fedulova (eds.). Ulyanovsk; 2021:63–66. (In Russ.)

3. Vedzizhev A. B. Federalism: policy issues and recommended changes. In: *Socio-economic development of the state in the context of digital transformation*. Collection of scientific papers based on the materials of the IV international scientific and practical conference. Tver, 2022: 21–25. (In Russ.)

4. Ivanchik I. S. Russian federalism in the light of constitutional reform. *Epomen*. 2021;(65):142–153. (In Russ.)

5. Kolesnikov E. V., Uglanova O. A. Russian federalism: some modern trends. *Legal policy and legal life*. 2023;(1):127–138. (In Russ.)

6. Lyutikova E. Y. Disclosure of the social potential of the new territories of the Russian Federation. In: *Theoretical and applied aspects of information and analytical support for the innovative economy*. All-Russian scientific and Practical conference: collection of scientific articles. Kursk; 2023:64–70. (In Russ.)

7. Matafonova Yu. A. Federalism as a political phenomenon: an analysis of methodological approaches and interpretations. In: *Federalism in modern public law*. Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference. Moscow; 2023:94–102. (In Russ.)

8. Yermoshin P. Yu. The federal question and the new subjects of the Russian Federation. *Science, technology and education*. 2015;1(7):57–58. (In Russ.)

9. Miftakhov R. L., Belousov A. I. Administrative and legal provision of national security in the new subjects of the Russian Federation. *Legal Bulletin of Dagestan State University*. 2023;47(3):62–66. (In Russ.)

10. Tarasova E. A. Management of socio-economic development of the region. In: *Economics and regional Management*. Collection of articles of the international scientific and practical conference. Bryansk; 2017:339–341. (In Russ.)

Информация об авторе

И. Ф. Денисенко – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой «Государственное и муниципальное управление» РГУПС.

Information about the author

I. F. Denisenko – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor, Head of the Department of State and Municipal Management, Rostov State University of Railway Engineering.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 02.02.2024; одобрена после рецензирования 28.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

The article was submitted 02.02.2024; approved after reviewing 28.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.

Анализ аспектов проектного управления в современных условиях: риски и критерии успешности

Надежда Валерьевна Капустина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,
nvkapustina@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5991-5200>

Аннотация. В рамках представленного исследования автором уделено внимание раскрытию сущности проектов, а также анализу причин их неэффективности. В рамках исследования автором было выявлено, что для управления любым проектом достаточно лишь несколько профессионалов и специалистов в данной области и использование системного подхода, который присутствует в проектном управлении, а также определено, что основным критерием успеха проекта является комплекс показателей, по которым дается оценка эффективности управления и реализации проекта. В рамках исследования были определены факторы и условия, от которых зависит успех проекта, выявлены основные причины рисков проекта.

Ключевые слова: план проекта, проектное управление, риск-менеджмент, управление проектом, успешность проекта, эффективность проекта

Для цитирования: Капустина Н. В. Анализ аспектов проектного управления в современных условиях: риски и критерии успешности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 47–52. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-47-52>. EDN EMXCNU

Problems of Management

Original article

Analysis of aspects of project management in modern conditions: risks and success criteria

Nadezhda V. Kapustina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
nvkapustina@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5991-5200>

Abstract. Within the framework of the presented research, the author pays attention to the disclosure of the essence of projects, as well as the analysis of the reasons for their inefficiency. As part of the study, the author revealed that only a few professionals and specialists in this field are enough to manage any project and use a systematic approach that is present in project management, and it was also determined that the main criterion for project success is a set of indicators by which the effectiveness of project management and implementation is assessed. The study identified the factors and conditions on which the success of the project depends. The main reasons for the risks of the project have been identified.

Keywords: project plan, project management, risk management, project effectiveness, project success

For citation: Kapustina N. V. Analysis of aspects of project management in modern conditions: risks and success criteria. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):47–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-47-52>. EDN EMXCNU

Управление проектами подразумевает контроль за реализацией проекта в различных отраслях. С каждым годом растет спрос на различные инновационные продукты или услуги, которые требуют проектного управления с целью их внедрения. Все это как раз и способствует созданию динамичной среды, благоприятствующей появлению новых проектов.

Проект – некоторое предприятие с изначально установленными целями, достижение которых определяет завершение проекта [1].

Несмотря на различия в целях проекта, в его сроках и эффективности, все они имеют несколько общих характеристик (рис. 1).

Рис. 1. Критерии проектов [2–4]

Fig. 1. Project criteria

Проекты, выполняемые в различных областях под руководством различных руководителей и управляемые проектными командами и специалистами, имеют заметные отличия. Выбор подходящего подхода к реализации проекта требует первоначального определения и глубокого анализа его особенностей и атрибутов. Таким образом, проект можно трактовать как ограниченную во времени инициативу, завершающуюся созданием отдельного продукта или услуги. Учитывая непостоянную природу проектов, важно признать, что каждый проект имеет определенное начало и завершение. Проект завершается при достижении поставленных целей или при осознании их недостижимости.

Проект можно рассматривать как ограниченное по времени начинание, которое приводит к созданию особого продукта или услуги [5]. Каждый проект имеет свое начало и конец в силу своей временной сущности. Проект завершается после достижения поставленных целей или признания их недостижимости. Важно отметить, что временной аспект относится не только к краткосрочным или долгосрочным проектам, но и означает определенное начало и завершение проекта, что подразумевает его непостоянство. Однако важно подчеркнуть, что большинство проектов направлены на достижение долгосрочных результатов. Кроме того, влияние проекта распространяется на экономическую, социальную, духовную и другие стороны жизни. Кроме того, продолжительность проекта может быть увеличена с учетом его влияния [6].

В рамках каждого проекта создается новый уникальный продукт или услуга. Успешная реализация проекта в значительной степени зависит от того, насколько четко была определена цель проекта.

Под целью проекта понимается конкретный результат, который разработчики желают получить в результате успешного завершения проекта.

Цели проекта характеризуют целый перечень первостепенных вопросов, которые имеют определенную связь с проектом, и включают в себя основные параметры: время (длительность и конкретные даты); результаты (продукция и услуги требуемого качества), издержки (человеко-часы и затраты) [2].

Результаты проекта могут варьироваться в различных направлениях, начиная от продуктов и производимых изделий, которые можно измерить, до предоставления услуг и разработки какой-либо новой технической или другой инновационной документации.

Проекты можно разделить по разным классификациям.

В зависимости от масштаба, предметной деятельности и структуры, существуют несколько видов проектов: монопроект (1 масштабная цель), мультипроект (несколько целей, которые связаны между собой, но при этом могут охватывать разные сферы) и мегапроект (направляется на решение 1 глобальной цели, при этом она может разделяться на множество подцелей, обычно такие проекты имеют большую длительность, а также использование большого количества ресурсов) [4].

Проекты можно разделить в зависимости от сфер деятельности, с которыми они связаны: выделяют такие проекты, как социальные, экономические, политические, технические, организационные и т. д.

По результатам проекта можно выделить такие его виды: исследовательские, пилотные, модельные и внедренческие [4].

В зависимости от предметной области выделяют: инвестиционные проекты, инновационные проекты, научно-исследовательские проекты, учебно-образовательные проекты и смешанные проекты [4].

Можно разделить проекты по длительности на краткосрочные проекты (длятся менее трех лет), среднесрочные проекты (длятся от трех до пяти лет), долгосрочные проекты (длятся от пяти лет) [4].

Проектное управление имеет отличительные черты от классической трактовки менеджмента.

Под управлением проектом стоит понимать непосредственное управление целой системой связанных между собой процессов, объединенных в рамках одного проекта. Главной задачей управления является достижение поставленной цели в условиях ограниченности времени, ресурсов и бюджета.

Важным различием между менеджментом и управлением проекта является масштабность проекта. В случае реализации крупного проекта требуется большее количество специалистов. В связи с этим возникает необходимость в системности, которым должно обладать проектное управление.

Также стоит отметить, что проектное управление можно понимать как отдельную область деятельности, в рамках которой происходит достижение конкретно поставленных целей в условиях ограниченности различных ресурсов (финансовых, трудовых и т. д.), а также управление рискам и, качеством и временем [1].

План проекта выступает в качестве первого критерия успеха реализации проекта. В случае, если план хорошо продуман и четко составлен, проще минимизировать возможные риски.

Существует много школ и международных, национальных стандартов управления проектами. Самые известные из них: PMBOK, PMI, PRINCE2, ISO 10006, P2M и другие. Профессиональные проектные менеджеры для повышения квалификации проходят сертификацию по конкретным стандартам. Все стандарты имеют общую основу, но при этом отличаются своей спецификой, в зависимости от характера создаваемого проекта, менеджер проекта может выбрать самый подходящий стандарт. из всех. Каждый стандарт подразумевает уникальный способ управление проектом и выделяет свои ключевые принципы управления проектом.

Как уже было отмечено, проект состоит из множества процессов. Под процессом в данном случае стоит понимать совокупность действий, приводящую к получению какого-либо результата.

Проекты делятся на эффективные и неэффективные (успешные и неуспешные) проекты. В среднем 70 % всех проектов являются неэффективными, и большая часть из них – это малый бизнес. Чтобы проект стал успешным, надо понимать основные критерии его успеха и пытаться им соответствовать [7].

Критерий успеха проекта – формируются комплексом показателей, по которым дается оценка эффективности управления и реализации проекта.

Успех проекта зависит от многого: от технического обеспечения, от изначальной стоимости капитала и вложений, от квалификации специалистов и всей команды управления проекта, даже

от темперамента заказчика. В зависимости от характера и вида проекта, существуют разные критерии его успеха. Но, несмотря на специфику и разность всех проектов, можно выделить основные пункты, которые включены в критерии эффективности и успешности любого проекта (рис. 2).

Рис. 2. Основные критерии эффективности и успешности проекта [4; 7–9]
Fig. 2. The main criteria for the effectiveness and success of the project

Менеджер проекта обязан определить и согласовать критерии эффективности и варианты их оценивания со всеми заинтересованными лицами проекта.

Перед стартом проекта желательно проанализировать причины возможных неудач проекта и возможные зоны рисков.

Главные причины неэффективности и источников риска проектов отражены в табл. 1.

Таблица 1 – Главные источники рисков и неэффективности проектов
(составлено автором на основании [3; 7–10])

Table 1 – The main sources of risks and inefficiency of projects

№ п/п	Источник риска	Характеристика источника
1	2	3
1	нет конкретных поставленных целей и задач	определены не по методологии SMART или CLEAR целей, в которых отсутствует конкретная информация о желаемых результатах или ожиданиях
2	недостаток ресурсного финансового обеспечения	это следует прописать в начале проекта в бюджете проекта, чтобы рационально проанализировать все возможные процессы, действия и затраты в зависимости от имеющихся финансов
3	изменение актуальности целей проекта	в ходе проекта изменились требования или же коренным образом поменялись приоритеты на рынке
4	нехватка поддержки высшего руководства	под этим также подразумевается отсутствие поддержки со стороны государства, если она необходима, например, разрешение на строительство на определенной территории, выдача субсидий, если это было необходимо

1	2	3
5	несоответствие команды требованиям проекта	может заключаться в недостатке квалификации, отсутствие необходимых компетенций, взаимонепонимания, различное видение целей и результат проекта у команды с менеджером проекта или заказчиком
6	неэффективная коммуникация и взаимодействие в проекте	отсутствие прозрачности проекта, неинформированность руководителя проекта, разные цели
7	недостаточность самоуправления	многие процессы должны протекать в проекте под самоконтролем, а менеджер проекта только лишь отслеживать результаты
8	демотивация	для повышения мотивации необходимо найти подход к каждой группе специалистов
9	отсутствие управления рисками в проекте	эффективная система риск-менеджмента проекта способствует превентивному подходу к управлению ими и соответственно своевременному выявлению индикаторов угроз
10	отсутствие эффективного распределения ресурсов	одной из основных задач проектного управления является выявление ресурсных резервов и эффективное их перераспределение

Таким образом, не всегда успешность в руководстве проекта приводит к его успеху. Бывают случаи, когда, например, проект завершается, закрывается раньше времени в связи с своей неактуальностью, изменением руководства, стратегии или приоритетов компании, или из-за определенных погодных условий и т. д. Успех проекта связан с определенным ожидаемым результатом, в то время как успешность управления проектом связана с определенными критериями эффективности проекта и эффективностью процесса управления рисками.

Список источников

1. Руководство к своду знаний по управлению проектами. Руководство PMBOK, 6-е изд. М.: Олимп-Бизнес, 2017 – 590с.
2. Калущин А. А., Солдаткин В. И. К вопросу о совершенствовании подготовки специалистов по «Эксплуатации железных дорог» // Наука и культура России. 2016. Т. 1. С. 334–336. EDN WISMQX.
3. Джавадова О. М., Гладкова А. В. Управление проектами: область, методология, система // Электронный научный журнал. 2019. № 1(23). С. 70–76. EDN YGCVF.
4. Экономико-прикладные проблемы системного управления инновационными программами и проектами: методология и современные подходы: Монография / Н. Г. Щеголева, Е. В. Алекаина, В. В. Володин [и др.]; Под общей редакцией В. И. Хабарова. М.: Московский финансово-промышленный университет "Синергия", 2020. 102 с. ISBN 978-5-4257-0454-2. EDN LTUTFM.
5. Асташова У. В. Проект и управление проектом: российская специфика // The Newman in Foreign Policy. 2022. Т. 6. № 69(113). С. 31–33. EDN EBLEQR.
6. Вареникова О. Б., Бобылева А. А., Голубев Д. В. Управление проектами в электроэнергетике // Colloquium-Journal. 2019. № 13-1(37). С. 59-60. DOI 10.24411/2520-6990-2019-10363. EDN SOMEPI.
7. Захарова Ю. Н., Куликов А. Ю. Методы и методологии разработки социальных проектов // Вестник Академии знаний. 2022. № 49(2). С. 117–122. EDN EODXKL.
8. Попов Е. В., Веретенникова А. Ю., Пинженина Д. В. Схема реализации социально-предпринимательского проекта // Менеджмент в России и за рубежом. 2019. № 6. С. 3–10. EDN NFWVGQ.
9. Mendigaliyev K. Y., Statsenko L. G. Project management in the construction industry of the Republic of Kazakhstan: maturity level analysis // Вестник университета Туран. 2023. No. 4(100). P. 334-345. DOI 10.46914/1562-2959-2023-1-4-334-345. EDN ADUBCF.

10. Покровская Т. И., Кашинцева В. Л. Инновационные социальные проекты в России: значение и возможности финансирования // Экономика и предпринимательство. 2019. № 7(108). С. 712–717. EDN UGCGMU.

References

1. *A guide to the body of knowledge on project management*. The PMBOK Manual, 6th ed. Moscow: Olympus-Business; 2017. 590 p. (In Russ.)
2. Kalushin A. A., Soldatkin V. I. On the issue of improving the training of specialists in "Operation of railways". *Science and Culture of Russia*. 2016;(1):334-336. EDN WISMQX. (In Russ.)
3. Javadova O. M., Gladkova A. V. Project management: area, methodology, system. *Electronic scientific journal*. 2019;1(23):70–76. EDN YYGCVF. (In Russ.)
4. *Economic and applied problems of system management of innovative programs and projects: methodology and modern approaches*: Monograph / N. G. Shchegoleva, E. V. Alekina, V. V. Volodin [et al.]; Under the general editorship of V.I. Khabarovsk. Moscow: Moscow Financial and Industrial University "Synergy"; 2020. 102 p. ISBN 978-5-4257-0454-2. EDN LTUTFM. (In Russ.)
5. Astashova U. V. Project and project management: Russian specifics. *The Newman in Foreign Policy*. 2022;6(69(113)):31–33. EDN EBLEQR. (In Russ.)
6. Varenikova O. B., Bobyleva A. A., Golubev D. V. Project management in the electric power grid. *Colloquium-Journal*. 2019;13-1(37):59–60. DOI 10.24411/2520-6990-2019-10363. EDN SOMEPJ. (In Russ.)
7. Zakharova Yu. N., Kulikov A. Yu. Methods and methodologies for the development of social projects. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2022;49(2):117–122. EDN EODXKL. (In Russ.)
8. Popov E. V., Veretennikova A. Yu., Pinzhenina D. V. Scheme of implementation of a social and entrepreneurial project. *Management in Russia and abroad*. 2019;(6):3–10. EDN NFWVGQ. (In Russ.)
9. Mendigaliyev K. Y., Statsenko L. G. Project management in the construction industry of the Republic of Kazakhstan: maturity level analysis. *Bulletin of the University of Turan*. 2023;4(100):334–345. DOI 10.46914/1562-2959-2023-1-4-334-345. EDN ADUBCF.
10. Pokrovskaya T. I., Kashintseva V. L. Innovative social projects in Russia: the importance and possibilities of financing. *Economics and entrepreneurship*. 2019;7(108):712–717. EDN UGCGMU. (In Russ.)

Информация об авторе

Н. В. Капустина – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Information about the author

N. V. Kapustina – Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Economic Security and Risk Management, Financial University under the Government of the Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 07.02.2024; одобрена после рецензирования 28.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

The article was submitted 07.02.2024; approved after reviewing 28.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.

Особенности современного управления развитием сферы физической культуры и спорта в России

Владимир Викторович Келарев¹, Галина Николаевна Лесникова²,
Александр Валентинович Баженов³

^{1, 2, 3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

³Вторая Санкт-Петербургская гимназия, Санкт-Петербург, Россия

¹vkclarev@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-6993-450X>

²g.lesnicova@yandex.ru

³bazhenovav@2spbg.ru

Аннотация. Современное управление сферой физической культуры и спорта (ФКиС) в условиях определенных ограничений для нашей страны вынуждает государственную систему совершенствовать направления существующих форм и методов управления. Одними из таких направлений являются правовые, организационно-административные методы. Специфика изменений в совершенствовании такими подходами связана с выстраиванием структуры правового управления и в концентрации управления на существующих видах управления: публичном, автономном и зрелищном. И по каждому такому виду управления есть достаточно национальных ресурсов.

Ключевые слова: управление сферой физической культуры и спорта, многофункциональная роль и социальная значимость ФКиС, направления механизма управления сферой ФКиС, правовая структура управления, виды государственного управления ФКиС

Для цитирования: Келарев В. В., Лесникова Г. Н., Баженов А. В. Особенности современного управления развитием сферы физической культуры и спорта в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 53–58. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-53-58>. EDN DKDIUW

Problems of Management

Original article

The peculiarities of modern management of physical culture and sports development in Russia

Vladimir V. Kelarev¹, Galina N. Lesnikova², Alexander V. Bazhenov³

^{1, 2, 3}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

³Second St. Petersburg Gymnasium, St. Petersburg, Russia

¹vkclarev@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-6993-450X>

²g.lesnicova@yandex.ru

³bazhenovav@2spbg.ru

Abstract. In the context of certain restrictions for our country modern management of physical culture and sports makes it necessary for the government system to improve the existing forms and methods of management. Organizational and administrative methods are one of those to be refined. The specifics of such improvements implies forming the legal management structure and focusing on the existing types of management: public, autonomous and entertaining. And each type can be provided with sufficient national resources.

Keywords: physical culture and sport management, multifunctional role of physical culture and sport management, legal management structure, types of governmental management of physical culture and sport

For citation: Kelarev V. V., Lesnikova G. N., Bazhenov A. V. The peculiarities of modern management of physical culture and sports development in Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):53-58. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-53-58>. EDN DKDIUW

Ни для кого не секрет, что темп жизни современного общества все больше ускоряется. И для того, чтобы успеть достичь многого в жизни требуется иметь крепкое здоровье и хорошую профессиональную выносливость. Именно эти черты и воспитываются в современном человеке через регулярные занятия физической культурой и спортом (далее – ФКиС). Кроме этого, физическая культура и спорт, помимо индивидуального воздействия человека, имеют и общественную ценность. В первую очередь это воздействие на долголетие жизни человека, которое значительно повышает трудовой потенциал общества. К примеру, увеличение средней продолжительности жизни россиян, повышение возраста их трудовой активности стало одним из аргументом повышения пенсионного возраста.

Во-вторых. Спорт в современном обществе – это своего рода социальный лифт, или площадка, на которой каждый человек общества может попробовать свои возможности в реализации своих целей. ФКиС влияет на образование, нравственность, культуру человека, дает ему испытания, которые его закаляют и способствуют выработке характера. И организованный спорт, совместно с бизнес-структурами стал значимым феноменом развлечения в общественных местах. Можно сказать, что зрелищные мероприятия, связанные с многими соревнованиями в жизни россиян, являются одними из самых популярных видов отдыха.

В-третьих. ФКиС самым активным образом воздействует на экономическую сферу общества и главное здесь в том, что воздействие ФКиС на человека способствует повышению качества его рабочей силы. Минимизация потерь рабочего времени, повышение производительности труда, отказ от вредных привычек – это лишь некоторые примеры, показывающие значимость ФКиС в экономике. Кроме этого, сам по себе феномен ФКиС создает в экономике целые отрасли, которые создают продукты, товары и услуги, продвигающие саму экономику. Туризм, спортивная одежда, услуги в сфере ФКиС и т. д., все это значительно повышают роль ФКиС в обществе.

Таким образом, можно сделать вывод, что физическая культура и спорт в современном обществе играют многофункциональную роль. Поэтому ФКиС выступают важнейшим социальным феноменом, смысл которого в создании потенциала развития будущего страны и обеспечения возможностей для ее дальнейшего процветания.

Именно поэтому государство уделяет значительное внимание развитию данной отрасли, совершенствуя при этом методы управления как на федеральном, так и на региональном уровне. Особенности развития механизма государственного управления сферой ФКиС состоят из ряда направлений:

- Совершенствование нормативно – правовой базы управления.
- Формирование организационно – административного механизма.
- Развитие материально – технической базы сферы ФКиС.
- Расширение воздействия финансово – экономического механизма.
- Использование потенциала социальных инструментов развития.

Рассмотрим особенности некоторых из данных направлений. Так, нормативно-правовая база опирается на Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»¹. В законе раскрыты ключевые принципы оперативного управления сферой ФКиС, дан анализ субъектов и объектов спортивной сферы, уточнены права и полномочия как региональных органов власти так и муниципалитетов, выделены инструменты развития физической культуры и спорта и другие важные положения.

¹ Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» №329 ФЗ от 4.12.2007 года. Электронные средства информации. Справочная система КонсультантПлюс. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cg>.

Любая отрасль экономики, в том числе и социальная, должны иметь стратегические горизонты своего развития. Именно на это и направлена «Стратегия развития физической культуры и спорта на период до 2030 года»¹. В этом документе выделены:

- миссия государства в сфере ФКиС;
- ценности нашего общества, на которые опирается Стратегия;
- принципы развития физкультуры и спорта;
- охарактеризовано состояние сферы на момент принятия Стратегии по самым различным направлениям ФКиС, а также определены цели, задачи, этапы и ожидаемые результаты.

Важным аспектом существующей Стратегии стоит отметить определение приоритетов деятельности, на которые государство будет опираться.

Другим ключевым документом развития сферы ФКиС является Федеральный проект «Спорт – норма жизни». Данный проект является важным элементом национального проекта «Демография» и представляет собой набор целей, методов и инструментов, которые определены Стратегией развития ФКиС до 2030 года. Так конкретные задачи проекта предполагают:

- дополнительное вовлечение в регулярные занятия по сравнению с 2018 годом – 3 млн граждан России;
- создание и развитие 704 муниципальных центров принятия норм «ГТО»;
- создание 8 региональных центров физкультурно-оздоровительного характера и многие другие задачи.

В данном федеральном проекте четко расписаны объемы и сроки финансирования, определены участники и ответственные стороны проекта. «Ключевым результатом федерального проекта является комплекс действий по активизации спортивно-массовой работы на всех уровнях, включающий в том числе организацию физкультурных мероприятий для всех категорий и групп населения (ежегодно свыше 260 мероприятий с общим охватом не менее 23 млн человек)»².

Приведенные примеры нормативных документов показывают и содержание механизма управления отраслью. Стратегия развития ФКиС определяет ключевые направления движения – Федеральный закон «О физической культуре и спорте в РФ» определяет характер отношений между субъектами управления, а Федеральный проект «Спорт – норма жизни» конкретизирует цели, инструменты по реализации поставленных задач. И таким образом все субъекты управления сферой ФКиС знают четко свои возможности, цели, инструменты и перспективы управления.

Анализируя механизм управления, заметим, что в практике управления ФКиС в нашей стране уже много лет сохраняется определенное разделение сфер управления. Так, механизм управления данной сферой разделяется на две составные части [1–2]:

1. Управление спортом высших достижений.
2. Управление вовлечением населения в сферу ФКиС и проведение массовых соревнований.

Управление профессиональным спортом занимаются федеральные и региональные органы власти вместе с федерациями, тренерским составом и специальными институтами.

Управление массовостью определены и вменяются муниципальным органам власти и их структурным подразделениям. Основные элементы и задачи такого управления сосредоточены в контроле за деятельностью спортивных муниципальных объектов (спортивных школ, организаций), обеспечение финансирования, регулярное проведение мероприятий на муниципальном уровне по различным соревнованиям и пропаганде здорового образа жизни и другие мероприятия.

Исходя из этого, виды управления исследуемой сферы достаточно специфические. Так, с точки зрения ряда экспертов в системе управления ФКиС стоит выделить следующие виды управления. Они представлены на рис. 1.

¹ Стратегия развития физической культуры и спорта на период до 2030 года. Правительство РФ. УТВЕРЖДЕНА распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 г. № 3081-р Электронные средства информации. <http://static.government.ru/media/files/Rr4JTrKDQ5nANTR1Oj29BM7zJBHXM05d.pdf>

² Федеральный проект «Спорт – норма жизни». Интернет-ресурсы. Режим доступа: <https://normasport.ru/about/>

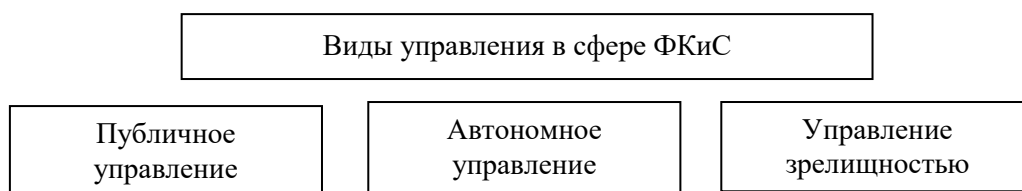

Рис. 1. Виды управления сферой ФКиС [3]

Fig. 1. Types of management of the sphere of physical culture and sports

Так, к примеру характеризуя механизм публичного управления в сфере ФКиС отметим, что вся политика такого управления согласовывается в интересах всего общества. Все мероприятия нацелены на достижения целей, в которых заинтересовано общество. Использование государственных ресурсов, материально-технической базы физкультуры и спорта согласовывается с социальными группами, общественностью, и этот процесс идет на разных уровнях: как на федеральном, так и на муниципальном. В целом, как принятие решений, так и их реализация включает в себя общественных контроль и общественную заинтересованность.

Автономное управление процессами физкультуры и спорта это система мер, мероприятий, которые реализуются частными собственниками физкультурно-спортивных учреждений. В данном случае речь идет о работе негосударственных или немunicipальных предприятий и объектов. Например, частные турниры по различным видам спорта, соревнования внутри фитнес клубов, фитнес центров и т. п.

Управления зрелищностью спортивных соревнований или мероприятий предполагает целых перечень форм и методов, которые должны решать следующие задачи:

- Информированность события и его маркетинговое продвижение.
- Выбор площадки проведения мероприятия с учетом прогнозируемого количества зрителей, условий проведения, обеспечения безопасности и т. д.
- Обеспечение трансляции и высокого уровня судейства.

Главная цель управления зрелищностью – создать все условия чтобы как участники соревнований, так и зрители получали удовольствие. Наша страна имеет большой опыт в создании зрелищности крупных международных соревнований. К примеру, Олимпийские игры в 2014 году в Сочи, Чемпионат мира по футболу в 2018 году, Универсиада в Казани и много, много других достойных и зрелищных событий.

Специфические черты управления сферой ФКиС проявляются в новых направлениях и траекториях ввиду того, что на общую сферу физкультуры и спорта значительно повлияли факторы международной внешней обстановки. К ним в первую очередь стоит отнести: наличие запрета на участие в международных соревнованиях; санкции, возложенные на многих ведущих спортсменов; специальная военная операция в Украине. Последний факт повлиял на сокращение финансирования сферы ФКиС и все эти ограничения требуют развитие и стимулирование сферы ФКиС новыми формами и методами [1].

Приведем примеры такой специфики в современных условиях, на которые необходимо сконцентрировать внимание органов власти [4]:

- Эффективное управление материально-технической сферой ФКиС. Дело в том, что данная инфраструктура по сути своей основа, площадка для всех занимающихся. И от того, насколько она используется результативно и эффективно зависят результаты как спорта высших достижений, так и его массовости.

- Нацеленность и контроль эффективного использования финансовых ресурсов сферы. Исходя из определенных ограничений следует переориентировать финансовые средства с одних задач на другие. Например, ограничения в международных соревнованиях позволяют направить средства, которые планировались выделить на участие в них, на спортивные объекты, на проведение соревнований внутри страны или в формате союзов, куда входит наша страна.

- Использование новых подходов и методов управления сферой ФКиС на основе опыта других отраслей и инноваций. Как за счет цифровых технологий, так и за счет средств телекоммуникаций. Это позволит значительно активизировать пропаганду здорового образа жизни и увеличить массовость в спорте [5].

Социальный механизм функционирования и развития ФКиС состоит из специальных социальных программ, которые позволяют решать задачи государственных программ развития данной сферы, и которые характеризуются массовостью участников. Так, для примера стоит привести программу, которая пользуется популярностью в нашей стране – ГТО. Институт ГТО «Готов к труду и обороне» принят Высшим советом физической культуры (ВСФК) ещё в 30-х годах XX века, и ориентировалась данная программа на развитие физической формы граждан.

С 2014 г. к комплексу ГТО присоединились более 17,4 млн россиян в возрасте от 6 до 70 лет и старше. Более 10,3 млн человек приступили к выполнению нормативов комплекса в центрах тестирования. Всего же к 2022 г. испытания ГТО на знак отличия прошли более 5,9 млн человек, из них¹:

- 2 140 408 человек на золотой знак отличия;
- 2 037 547 человек на серебряный знак отличия;
- 1 789 464 человека на бронзовый знак отличия.

К примеру, более 100 тысяч россиян выполнили нормативы комплекса ГТО на золотой знак отличия только в первом квартале 2022 года.

Примером других массовых мероприятий могут служить действующая система постоянной производственной гимнастики, ежегодные традиционные соревнования: «Кросс наций», «Дни здоровья», празднование «Дня физкультурника», лыжные и беговые марафоны («Лыжня России») и многие другие.

Подведем определенные итоги. В нашей стране создана государственная система управления сферой ФКиС. Она включает в себя нормативно-правовые основы, функции разделения полномочий между государственными и муниципальными органами власти. В стране существует достаточная материально-техническая база и осуществляется централизованное финансирование сферы ФКиС. Социальные аспекты управления выражаются в создании специальных институтов, позволяющих приобщать к регулярным занятиям физической культурой и спортом как можно больше граждан страны.

Таким образом, рассмотрев некоторые особенности современной специфики управления развитием сферой физической культуры и спорта, можно сказать, что для перспективного развития данной сферы необходимо совершенствовать систему управления в контексте формирования стратегии устойчивого развития в направлении создания национальной системы физкультурно-спортивного воспитания. Речь идет о системе воспитания, которая пронизывает каждого гражданина нашей страны потребностью и возможностями реализации своего желания укреплять себя, а значит и укреплять государство. По сути дела, создание национальной системы физкультурно-спортивного воспитания это политическая задача, так как от успеха ее реализации во многом зависит успешное будущее нашей страны.

Список источников

1. Арутюнова А. Е., Чайков Н. А. Перспективы управления сферой физической культуры и спорта в масштабах государства // Вестник Академии знаний. 2022. № 49 (2). С. 33–40.
2. Стрекалова Ю. Э. К вопросу о разграничении полномочий государственного регулирования в сфере физической культуры и спорта // Державинский форум. 2023. Т. 7. № 2 (26). С. 220–226.
3. Погорелый А. Е., Федосова Л. П., Федотова Г. В. основные направления совершенствования механизма государственного управления развитием физической культуры и спорта // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 1–2 (95). С. 66–69.
4. Коваленко Е. Ю., Шавандина О. А., Тыдыкова Н. В. Особенности государственного регулирования и управления в сфере физической культуры и спорта // Российско-азиатский правовой журнал. 2022. № 2. С. 17–24.
5. Айвазова Е. С., Сапрыкина В. В. К вопросу об управлении в области физической культуры и спорта // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 93–1. С. 8–10.

¹ Электронные средства информации. Интернет-ресурсы. Официальный сайт МАТЧ ТВ.
https://matchtv.ru/_sport/matchtvnews_N11583765_Nazvano_chislo_rossijan_vypolnivshih_normativy_GTO_na_zolotoj_znak_otlichija_v_2022_godu

References

1. Arutyunova A. E., Chaikov N. A. The prospects of managing physical culture and sports across the state. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2022;49(2):33–40. (In Russ.)
2. Strekalova Yu. E. On the issue of differentiating government regulation powers in the sphere of physical culture and sport. *Derzhavin forum*. 2023;7(2(26)):220–226. (In Russ.)
3. Pogorelyi A. E., Fedosova L. P., Fedotova G. V. The main directions of improving the mechanism of government management of physical culture and sports development. *Economy and business :theory and practice*. 2023;1–2(95):66–69. (In Russ.)
4. Kovalenko E. Yu., Shavandina O. A., Tydykova N. V. The peculiarities of state regulation and management in the sphere of physical culture and sports. *Russian-Asian law journal*. 2022;(2):17–24. (In Russ.)
5. Aivazova E. S., Saprykina V. V. On the issue of management in the sphere of physical culture and sports. *Development trends in science and education*. 2023;(93–1):8–10. (In Russ.)

Информация об авторах

В. В. Келарев – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

Г. Н. Лесникова – кандидат психологических наук, профессор кафедры физвоспитания ЮРИУ РАНХиГС.

А. В. Баженов – магистрант ЮРИУ РАНХиГС; заместитель директора по безопасности, Вторая Санкт-Петербургская Гимназия.

Information about the authors

V. V. Kelarev – Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

G. N. Lesnikova – Cand. Sci. (Psycholog.), Professor of the Department of Physical Education, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

A. V. Bazhenov – Graduate student, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA; Deputy Director for Security, Second St. Petersburg Gymnasium.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 17.01.2024; одобрена после рецензирования 09.02.2024; принята к публикации 10.02.2024.

The article was submitted 17.01.2024; approved after reviewing 09.02.2024; accepted for publication 10.02.2024.

Потенциал применения институционализма в качестве теоретической основы государственного управления

Игорь Александрович Маньковский

Минский филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова,
Минск, Беларусь, Mankovskiy.IA@rea.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3953-9575>

Аннотация. Государственное управление социально-экономическим развитием российского общества осуществляется в условиях беспрецедентных антироссийских санкций, чем обусловлена необходимость переосмысления подходов к экономическому анализу, выступающему теоретической основой разработки долгосрочных прогнозов социально-экономического развития и социально-экономической политики государства. В процессе экономического анализа в складывающихся условиях государственного управления наряду с экономическими необходимо учитывать иные значимые социальные явления и процессы, включая политическую и правовую системы, социальные ценности, имманентные российскому обществу, что возможно посредством применения институциональной экономической теории, основанной на междисциплинарном подходе к экономическому анализу. Однако, во-первых, основоположниками институционализма являются американские ученые, анализирующие американскую политико-правовую систему и культуру американского народа, что исключает непосредственное применение институционализма для анализа российской политико-правовой действительности и, во-вторых, к настоящему времени институционализм в единую экономическую теорию не сложился.

Исходя из того, что институционализм признан перспективным направлением развития экономической теории в статье указывается на необходимость его адаптации к социально-экономическим условиям развития российского общества, для чего, в первую очередь, следует выработать единые подходы к определению таких основных понятий, применяемых в российском институционализме, как «институциональная структура», «институциональная среда». Проводится анализ подходов американских и российских ученых к определению понятия анализируемых терминов, на основании которого, с учетом российской политико-правовой системы предлагаются авторские определения понятия «институциональная структура» и «институциональная среда». Обосновывается вывод о том, что применение указанных понятий в предлагаемой интерпретации в ходе институционального анализа соответствует междисциплинарному подходу к экономическому анализу, имманентному институционализму, направлено на становление институционализма как единой экономической теории, адаптированной к реалиям российского общества, способной выступать теоретической основой эффективного государственного управления.

Ключевые слова: российское общество, государственное управление, социально-экономическое развитие, экономический анализ, экономическая теория, междисциплинарный подход, институционализм, основные понятия, институциональная структура, институциональная среда, интеграция социальных и общественных наук, теоретическая основа эффективного государственного управления

Для цитирования: Маньковский И. А. Потенциал применения институционализма в качестве теоретической основы государственного управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 59–66. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-59-66>. EDN CLAMGQ

The potential of applying institutionalism as a theoretical framework for public administration

Igor A. Mankovsky

Minsk branch of Plekhanov Russian University of Economics, Minsk, Belarus,

Mankovskiy.IA@rea.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3953-9575>

Abstract. State management of the socio-economic development of Russian society is carried out in the context of unprecedented anti-Russian sanctions, which necessitates a rethinking of approaches to economic analysis, which is the theoretical basis for the development of long-term forecasts of socio-economic development and socio-economic policy of the state. In the process of economic analysis in the emerging conditions of public administration, along with economic ones, it is necessary to take into account other significant social phenomena and processes, including the political and legal systems, social values immanent in Russian society, which is possible through the application of institutional economic theory based on an interdisciplinary approach to economic analysis. However, firstly, the founders of institutionalism are American scientists who analyze the American political and legal system and the culture of the American people, which excludes the direct use of institutionalism for the analysis of Russian political and legal reality and, secondly, to date, institutionalism has not been incorporated into a unified economic theory. formed.

Based on the fact that institutionalism is recognized as a promising direction in the development of economic theory, the article points out the need for its adaptation to the socio-economic conditions of the development of Russian society, for which, first of all, it is necessary to develop common approaches to the definition of such basic concepts used in Russian institutionalism, as "institutional structure", "institutional environment". The analysis of the approaches of American and Russian scientists to the definition of the concept of the analyzed terms is carried out, on the basis of which, taking into account the Russian political and legal system, the author's definitions of the concept of "institutional structure" and "institutional environment" are proposed. The conclusion is substantiated that the use of these concepts in the proposed interpretation in the course of institutional analysis corresponds to an interdisciplinary approach to economic analysis, immanent institutionalism, is aimed at establishing institutionalism as a unified economic theory adapted to the realities of Russian society, capable of acting as a theoretical basis for effective public administration.

Keywords: Russian society, public administration, socio-economic development, economic analysis, economic theory, interdisciplinary approach, institutionalism, basic concepts, institutional structure, institutional environment, integration of social and social sciences, theoretical basis for effective public administration

For citation: Mankovsky I. A. The potential of applying institutionalism as a theoretical framework for public administration. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):59-66. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-59-66>. EDN CLAMGQ

Российское общество представляет собой сложную социальную систему, структуру которой составляют три основные подсистемы: духовно-идеологическая, политическая и экономическая, определяющие принципы устройства государства, процедуру избрания (назначения) высших органов государственного управления и политику социально-экономического развития.

Основной подсистемой российского общества, определяющей государственное устройство и принципы управления российским обществом, выступает политическая подсистема, структуру которой составляют два блока политических институтов, представляющих противопоставленные (не полностью совпадающие) интересы: блок политических институтов, представляющий интересы государства и блок политических институтов, представляющий интересы российского общества [1, с. 8]. Оптимальный баланс интересов государства и общества, позволяющий максимально удовлетворить интересы общества без ущемления интересов государства, выступает основой эффективного государственного управления и социально-экономического развития. Материальной основой государственного управления и развития российского общества является экономическая подсистема, функционирующая в пределах, определенных политикой социально-экономического развития и принятыми в ее исполнение нормативно-правовыми актами.

Политика социально-экономического развития разрабатывается в соответствии с утвержденной стратегией социально-экономического развития, основывающейся на долгосрочных

прогнозах социально-экономического развития и доминирующей в обществе экономической теории, в качестве которой сегодня выступает неоклассическая парадигма, которая в рамках экономического анализа не принимает во внимание социальные условия развития российского общества, что снижает достоверность экономических прогнозов [2, с. 58].

Однако в сложившихся для России геополитических условиях российское общество развивается под экономическим давлением недружественных стран, выраженным беспрецедентными антироссийскими санкциями [3, с. 26], чем обусловлена необходимость изменения подходов к экономическому анализу, выступающему теоретической основой разработки долгосрочных прогнозов социально-экономического развития и социально-экономической политики государства.

В процессе экономического анализа условий развития российского государства и общества необходимо принимать во внимание не только экономические аспекты государственного управления, но и политические отношения, складывающиеся внутри государства, место и роль государства в международных отношениях и глобальной экономике, принятые и разрабатываемые нормативно-правовые акты, их экономическую эффективность, а также поддерживаемые российским обществом социальные ценности, сконцентрированные в рамках духовно-идеологической подсистемы.

Экономической теорией, позволяющей проводить экономический анализ принимаемых политических решений, легализующих политическую волю нормативно-правовых актов, геополитических условий функционирования государства, менталитета российского народа, культурных традиций, сформировавшихся применительно к анализируемому периоду, уровня существующего в российском обществе правового нигилизма и некоторых других аспектов взаимодействия общества и государства является институциональная экономическая теория.

Институционализм признан перспективным динамично развивающимся направлением экономической теории, в рамках которого применяются междисциплинарный подход к экономическому анализу, что способствует интеграции социальных и гуманитарных наук, повышает достоверность экономического анализа. Вместе с тем, к настоящему времени, институционализм в единую экономическую теорию не сложился, имеет несколько параллельно развивающихся направлений с разными подходами к определению основных понятий институционализма в том числе таких, как «институциональная структура» и «институциональная среда». Кроме того, одной из проблем развития институционализма в России является тот факт, что институционализм как экономическая теория зародился в Соединенных Штатах Америки и основан на анализе Американской политической системы, англо-американской системы права, менталитета американского народа, его культурных традиций, не присущих российскому обществу. Применение институционализма в процессе анализа условий развития российского общества и государства требует его адаптации к сложившимся в России политическим, правовым, экономическим и культурным реалиям, для чего, в первую очередь, следует выработать единые подходы к определению таких основных понятий, применяемых в российском институционализме, как «институциональная структура», «институциональная среда», «институциональная матрица» и «институт» с учетом общеупотребимого значения в русском языке терминов, применяемых американскими институционалистами. С учетом ограниченного объема статьи далее рассмотрим подходы американских и российских институционалистов к определению таких понятий институционализма, как «институциональная структура», «институциональная среда».

Так, Д. Норт, являющийся «... создателем теории институциональных изменений, целью которой является выявление внутренних (эндогенных) факторов, способствующих изменению как отдельных институтов, так и институциональной структуры общества» [4, с. 123], определял институциональную структуру как «... современное демократическое общество со всеобщим избирательным правом» [5, с. 140].

Термин «общество», использованный при переводе на русский язык нортковского определения понятия «институциональная структура» в русском языке применяется в широком и узком смысле: «в широком смысле – совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей; в узком смысле – исторически конкретный тип социальной системы, определенная форма социальных отношений» [6, с. 1076], в том числе возникающих в процессе государственного управления.

Исходя из того, что термин «общество» раскрывается в русском языке как определенная форма социальных (общественных) отношений, а также из предложенного Д. Нортом определения

институциональной структуры, можно, с применением междисциплинарного подхода, имманентного институционализму, сделать вывод о том, что под институциональной структурой необходимо понимать форму государственного правления, представляющую собой «... способ организации государственной власти ...» [7, с. 55]. Вид формы правления (монархия или республика) выступает в качестве характеристики процедуры замещения высших государственных должностей и в совокупности с установленным в государстве политическим режимом (демократия, автократия, авторитаризм, тоталитаризм) характеризует применяемый в государстве метод государственного управления (совокупность приемов и правовых средств, используемых политической элитой в процессе государственного управления российским обществом).

Таким образом под институциональной структурой необходимо понимать закрепленную в Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (далее – Конституция) форму общественных отношений, возникающих в процессе государственного управления.

В российской экономической науке институциональная структура определяется как:

– «... совокупность взаимосвязанных институтов (формальных и неформальных отношений) ...» [8, с. 41];

– «... упорядоченное множество институтов, определяющее основные направления развития системы ...» [9, с. 37];

– «... система правил, норм, организаций ...» [10, с. 488].

Отдельные авторы под институциональной структурой понимают определенную совокупность органов. Так, И. В. Пилипенко отмечает, что «В институциональной структуре ЕАЭС ... наблюдается превалирование органов принятия стратегических решений ...» [11, с. 27–28], что, в принципе, соответствует содержанию термина «форма правления» и определению институциональной структуры, предложенному Д. Нормом в нашей трактовке, т. е. как совокупности органов государственного управления, присущих республиканской форме правления с демократическим политическим режимом, устанавливающих формальные правила общественного взаимодействия.

Следует отметить, что термином «структура» в русском языке обозначают «... (строение, расположение, порядок) совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе ...» [6, с. 1511], что не тождественно «... правилам, нормам, организациям, институтам, формальным и неформальным отношениям ...». Термин «структура», в целом, раскрывается как некоторая взаимосвязь, взаимозависимость определенных элементов (например, органов государственного управления. – *Прим. авт.*) соотносимых между собой в соответствии с определенной иерархией [12, с. 463].

Изложенное позволяет понятие «институциональная структура» рассматривать как совокупность, в первую очередь высших, органов государственного управления (Президент, Правительство, Федеральное Собрание), но не как систему правил, норм, организаций, совокупность формальных и неформальных отношений. Непосредственно указанные органы в процессе государственного управления оказывают прямое влияние на развитие российского общества, устанавливают различные ограничения для субъектов хозяйствования (экономических агентов), влияют на формы и направления распределения ограниченных ресурсов в российском обществе.

С определением институциональной структуры через «упорядоченное множество институтов; определенный набор институтов» можно согласиться, если категорию «институту» трактовать в значении органа государственного управления («институт президентства»; «институт парламентаризма» и т. п.).

Таким образом, под институциональной структурой следует понимать *совокупность органов власти, создание и функционирование которых на территории Российской Федерации предусмотрено Конституцией и иными нормативными правовыми актами, осуществляющих государственное управление социально-экономическим развитием посредством принятия формализованных управленческих решений в пределах компетенции, предоставленной российским обществом.*

Наряду с институциональной структурой в институционализме применяется понятие «институциональная среда», впервые введенное в научный оборот в 1971 году Л. Дэвисом и Д. Нормом, которые «... под институциональной средой понимают набор основополагающих политических, социальных и юридических правил ...» [13, с. 417].

Впоследствии Д. Норт указывает, что «... создание институциональной среды, благоприятствующей надежному выполнению контрактов, требует сложной институциональной системы

формальных правил, неформальных ограничений и контроля, которые сообща делают возможным осуществление трансакций с низкими издержками» [5, с. 80].

Д. Норт, и Л. Дэвис в рамках применяемого в институционализме междисциплинарного подхода анализировали влияние на экономическое развитие англо-американской правовой системы, кардинально отличающейся от применяемой в России континентальной правовой системы, которая не предполагает деление правил на политические, социальные и юридические, если иметь в виду «основополагающие» правила, на которые ссылаются ученые, т. е. правила, определяющие правовую основу развития общественных отношений. В качестве таких правил в России могут выступать исключительно правовые нормы (юридические правила). Кроме того, под социальными правилами в российской науке понимают «... установленные в обществе правила поведения, регулирующие отношения между людьми, социальными группами, общественными организациями» [14, с. 52], т. е. ни что иное как правовые нормы.

Применительно к системе неформальных ограничений, которая согласно утверждению Д. Нортона также требуется для создания институциональной среды следует отметить, что континентальная правовая система не предусматривает юридическую ответственность и, следовательно, возможность применения мер государственного принуждения к экономическим агентам, нарушившим неформальные правила, по сути, нормы морали, традиции, обычаи, иные социальные ценности. При этом существует достаточно большое количество участников экономических отношений, которые между дополнительной рентой вследствие оппортунистического поведения и общественным порицанием за несоблюдение неформальных ограничений выберут дополнительную ренту.

Этот факт необходимо учитывать в процессе установления элементов, составляющих институциональную среду, определения ее места в иерархической системе основных понятий институциональной экономической теории и степени влияния на развитие экономических отношений.

Термин «среда» понимается в русском языке как «Окружение, совокупность природных условий, в которых протекает деятельность человеческого общества ... Окружающие социально-бытовые условия, обстановка, а также совокупность людей, связанных общностью этих условий» [15, с. 759]. Исходя из значения термина «среда» в русском языке можно, применительно к институциональной экономической теории, этот термин толковать как совокупность. Однако необходимо разрешить один вопрос – институциональная среда совокупность чего – формальных норм, правил, процедур, неформальных ограничений, институтов.

В российской экономической науке институциональная среда понимается как «Правила игры ... базовые политические, социальные и правовые нормы ... Совокупность основополагающих политических, социальных и юридических правил ... Система правил, влияющих на распределение прав собственности ... Определённая форма организации отношений, совокупность формальных и неформальных рамок поведения ... Совокупность и правил, и организаций, и механизм реализации ограничений ... Сложная упорядоченная система базисных и инфраструктурных экономических институтов ...» [16, с. 1910]. Кондратов М.В. и Гаринов Р.И. предлагают «... под институциональной средой как экономической категорией понимать совокупность социально-экономических, организационно-экономических, технико-экономических и институционально-экономических отношений ...» [16, с. 1909]. Однако «... большинство авторов рассматривают институциональную среду как совокупность норм, правил, условий, определяющих поведение экономических субъектов ...» [17, с. 70–71].

Проведенный анализ подходов к определению понятия «институциональная среда» позволяет институциональную среду определить как *систему права Российской Федерации, выраженную через систему законодательства опосредующих в своем единстве и взаимообусловленности всю совокупность общественных отношений, складывающихся в результате государственного управления российским обществом.*

Содержание институциональной среды на федеральном уровне формируется высшими органами государственного управления (обусловлено институциональной структурой) в соответствии с политикой социально-экономического развития. Посредством системы права, формализованной через систему законодательства уполномоченные государственные органы, создают такие необходимые государству условия осуществления экономической деятельности, которые «... стимулируют одни виды деятельности и стигматизируют другие» [18, с. 676], способствуют привлечению в страну иностранных инвестиций или блокируют указанный процесс, стимулируют

рождаемость, приток или отток рабочей силы, являются основанием для возникновения или прекращения социальных конфликтов между государством и обществом, выступают в качестве основы возникновения, развития и прекращения большинства социальных процессов.

Такие понятия, как «неформальные ограничения», «неформальные институты», которыми оперирует Д. Норт в своих рассуждениях не целесообразно, по нашему мнению, включать в понятие «институциональная среда» по той причине, что составляющие их элементы (обычаи, общепринятые в обществе нормы морали, не легализованные нормами права деловые обыкновения, сложившееся в обществе деловая практика, понимание чести, достоинства, деловой репутации и т. п.) относятся к социальным ценностям нарушение (несоблюдение) которых не влечет в современном (цивилизованном) обществе каких-либо значимых последствий для личности или имущества нарушителя. В силу отсутствия правовой легализации соблюдение установлений, относящихся к социальным ценностям, не гарантируется государством, что позволяет нам рассматривать социальные ценности как явления реальной действительности, развитие которых следует отнести к трудно предсказуемым, и, следовательно, негативно влияющие на достоверность институционального анализа процессов государственного управления российским обществом. Вместе с тем, социальные ценности, как и основанные на них неформальные отношения, в обществе существуют и не могут полностью игнорироваться институциональной экономической теорией, что является основанием их учета в ходе институционального анализа как элементов духовно-идеологической подсистемы.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

В качестве элементов институциональной структуры следует рассматривать органы государственного управления, к которым в первую очередь относятся Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации и Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, являющиеся частью политической подсистемы российского общества и представляющие государство как систему политического управления российским обществом. В рамках институциональной структуры принимаются наиболее значимые для социально-экономического развития Российской Федерации управленческие решения посредством принятия нормативно-правовых актов в соответствии с компетенцией каждого органа государственного управления.

Институциональная среда как совокупность правовых норм выступает в качестве правового средства реализации функций государственного управления, возложенных на институциональную структуру, позволяет легализовать управленческие решения, принимаемые высшими органами государственного управления, устанавливает правила взаимодействия субъектов во всех сферах, значимых для государства, а также меры юридической ответственности, применяемые государством в случае нарушения установленных правил.

Применение таких основных понятий институционализма, как «институциональная структура» и «институциональная среда» в предложенной нами интерпретации в процессе институционального анализа российского общества, решений, принимаемых органами государственного управления, разрабатываемых нормативно-правовых актов соответствует междисциплинарному подходу к экономическому анализу, имманентному институционализму, направлено на становление институционализма как единой экономической теории, адаптированной к реалиям российского общества, способной выступать теоретической основой эффективного государственного управления.

Список источников

1. Маньковский И. А. Политическая система России как эндогенный фактор экономического развития // Вестник РЭУ. 2023. № 4. С. 5–14. DOI: 10.21686/2413-2829-2023-4-5-14
2. Маньковский И. А. Институциональная экономическая теория как научная основа перехода на новый технологический уклад: перспективы и условия применения // Экономическое возрождение России. 2022. № 4. С. 57–67. DOI: 10.37930/1990-9780-2022-4-74-57-67
3. Маньковский И. А. Эффективная экономическая политика как основа цифровой трансформации экономики и ее перехода на новый технологический уклад // Вестник Московского областного университета. Серия: Экономика. 2023. № 2. С. 25–34. DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-25-34
4. Гульбина Н. И. Теория институциональных изменений Д. Норта // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 283. С. 123–128.

5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнер. М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. 180 с.
6. Большой Российский энциклопедический словарь / Шеф-ред.: А. Е. Махов, Л. И. Петровская, В. М. Смолкин. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. 1887 с.
7. Бошно С. В. Форма государства // Право и современные государства. 2022. № 1. С. 53–64. DOI: 10.14420/ru.2022.1.5
8. Гусарова В. Ю. Специфика институциональной структуры инновационного экономического развития // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 3. С. 40–42.
9. Локалов А. А. Институциональная структура инновационной экономики // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 4 (43). С. 35–39.
10. Шестакович А. Г. О совершенствовании институциональной структуры управления инновационной деятельностью в России // Доклады Башкирского университета. 2019. Т. 4. № 5. С. 487–493. DOI: 10.33184/dokbsu-2019.5.5
11. Пилипенко И. В. Влияние евразийской интеграции на институциональную структуру экономики России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 11. № 2. С. 3–45.
12. Гавриленко В. Г., Никитенко П. Г., Ядевич Н. И. Экономика. Большой энциклопедический словарь. Том III. П–Я. Минск: Право и экономика, 2002. 832 с.
13. Попов Е. В. Институты / отв. ред. академик РАН А. Д. Некипелов. Екатеринбург: Ин-тут экономики УрО РАН, 2015. 712 с.
14. Ноздрин Н. А. Понятие социальных ценностей и социальных норм // Sciences of Europe. 2021. № 68-3 (68). С. 51–53. DOI: 10.24412/3162-2364-2021-68-3-51-53
15. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 994 с.
16. Кондратов М. В., Гарипов Р. И. Теоретические подходы к понятию «институциональная среда» // Фундаментальные исследования. 2013. № 11-9. С. 1908–1911.
17. Стратегическое управление социально-экономическим развитием: новые вызовы – новые решения / Л. В. Балабанова [и др.]; под науч. ред. Е. П. Мельниковой, О. И. Черноус. Донецк: Изд-во Донецкого национального технического университета; Автомобильно-дорожного института, 2019. 379 с.
18. Нуреев Р. М., Латов Ю. В. Рональд Коуз – человек и теорема // Историко-экономические исследования. 2021. Т. 22. № 4. С. 663–692. DOI 10.17150/2308-2488.2021.22(4).663-692

References

1. Mankovsky I. A. The political system of Russia as an endogenous factor of economic development. *Bulletin of the Russian University of Economics*. 2023;(4):5-14. (In Russ.). DOI: 10.21686/2413-2829-2023-4-5-14
2. Mankovsky I. A. Institutional economic theory as the scientific basis of transition to a new technological order: prospects and conditions of application. *The economic revival of Russia*. 2022;(4):57-67. (In Russ.). DOI: 10.37930/1990-9780-2022-4-74-57-67
3. Mankovsky I. A. Effective economic policy as the basis for the digital transformation of the economy and its transition to a new technological order. *Bulletin of the Moscow Regional University. Series: Economics*. 2023;(2):25-34. (In Russ.). DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-25-34
4. Gulbina N. I. D. North's theory of institutional changes. *Bulletin of Tomsk State University*. 2004;(283):123-128. (In Russ.).
5. North D. *Institutes, institutional changes and the functioning of the economy*. Translated from English by A. N. Nesterenko; preface and scientific ed. by B. Z. Milner. Moscow: Foundation of the economic book "BEGINNINGS", 1997. 180 p. (In Russ.).
6. *The Great Russian Encyclopedic Dictionary*. Editor-in-chief: A. E. Makhov, L. I. Petrovskaya, V. M. Smolkin. Moscow: The Great Russian Encyclopedia; 2007. 1887 p. (In Russ.).
7. Boshno S. V. The form of the state. *Law and modern states*. 2022;(1):53-64. (In Russ.). DOI: 10.14420/en.2022.1.5

8. Gusarova V. Y. The specifics of the institutional structure of innovative economic development. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2011;(3):40–42. (In Russ.).
9. Lokalov A. A. The institutional structure of the innovative economy. *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*. 2012;4(43):35–39. (In Russ.).
10. Shestakov A. G. On improving the institutional structure of innovation management in Russia. *Reports of Bashkir University*. 2019;4(5):487–493. (In Russ.). DOI: 10.33184/dokbsu-2019.5.5
11. Pilipenko I. V. The impact of Eurasian integration on the institutional structure of the Russian economy. *Economics and management: problems, solutions*. 2019;11(2):3–45. (In Russ.).
12. Gavrilenko V. G., Nikitenko P. G., Yadevich N. I. *Economics. A large encyclopedic dictionary*. Volume III. P–Ya. Minsk: Law and Economics; 2002. 832 p. (In Russ.).
13. Popov E. V. *Institutes*. Ed. Academician of the Russian Academy of Sciences A.D. Nekipelov. Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural branch of the Russian Academy of Sciences; 2015. 712 p. (In Russ.).
14. Nozdrina N. A. The concept of social values and social norms. *Sciences of Europe*. 2021;68-3(68):51–53. (In Russ.). DOI: 10.24412/3162-2364-2021-68-3-51-53
15. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. The V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language. – 4th ed., supplemented. Moscow: Azbukovnik; 1999. 994 p. (In Russ.).
16. Kondratov M. V., Garipov R. I. Theoretical approaches to the concept of "institutional environment". *Fundamental research*. 2013;(11-9):1908–1911. (In Russ.).
17. *Strategic management of socio-economic development: new challenges – new solutions* / L. V. Balabanova [et al.]; under the scientific editorship of E. P. Melnikova, O. I. Chornous. Donetsk: Publishing House of Donetsk National Technical University; Automobile and Road Institute; 2019. 379 p. (In Russ.).
18. Nureyev R. M., Latov Yu. V. Ronald Coase – the man and the theorem. *Historical and economic research*. 2021;22(4):663–692. (In Russ.). DOI 10.17150/2308-2488.2021.22(4).663-692

Информация об авторе

И. А. Маньковский – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Минского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Information about the author

I. A. Mankovsky – Cand. Sci. (Jurisprudence), Assistant Professor, Deputy Director of the Minsk branch of Plekhanov Russian University of Economics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 30.01.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 20.02.2024.

The article was submitted 30.01.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 20.02.2024.

Научная статья

УДК 65.01+331

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-67-75>

EDN ZNRLHM

Антикризисное управление отечественными предприятиями в условиях неопределенности

Роман Константинович Овчаренко¹, Ерванд Валерьевич Халамбашян²

^{1, 2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

¹ovcharenko-rk@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4974-4962>

²ervand_557@mail.ru

Аннотация: статья посвящена исследованию вопросов антикризисного управления отечественными предприятиями в условиях неопределенности. В рамках исследования делаются выводы на основе вторичного анализа результатов социологического опроса предпринимателей Ростовской области, проведенного в 2022 г. по проблеме влияния экономических ограничений на их деятельность, а также антикризисных мер. Предложена концептуальная модель антикризисного управления предприятием, а также меры превентивного, текущего и реактивного антикризисного управления в рамках основных направлений деятельности предприятия, связанных с маркетингом, сбытом, снабжением, производством или предоставлением услуг, а также финансами.

Ключевые слова: антикризисное управление, кризис, антикризисная модель, санкции, экономические санкции

Для цитирования: Овчаренко Р. К., Халамбашян Е. В. Антикризисное управление отечественными предприятиями в условиях неопределенности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 67–75. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-67-75>. EDN ZNRLHM

Problems of Management

Original article

Anti-crisis management of domestic enterprises in conditions of uncertainty

Roman K. Ovcharenko¹, Ervand V. Khalambashyan²

^{1, 2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹ovcharenko-rk@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4974-4962>

²ervand_557@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of issues of anti-crisis management of domestic enterprises in conditions of uncertainty caused by the coronavirus pandemic and economic sanctions. The study examines the results of a survey of entrepreneurs in the Rostov region in 2021 and 2022 on the impact of the coronavirus pandemic and economic restrictions on their activities, as well as the anti-crisis measures that respondents took in the face of existing threats. Based on the survey results, a conceptual model of enterprise crisis management was formulated, within which measures of preventive, ongoing, reactive crisis management were proposed within the main areas of the enterprise's activities related to marketing, sales, supply, production or provision of services, as well as finance.

Keywords: crisis management, anti-crisis model, sanctions, economic sanctions, pandemic, crisis, coronavirus pandemic

For citation: Ovcharenko R. K., Khalambashyan E. V. Anti-crisis management of domestic enterprises in conditions of uncertainty. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):67–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-67-75>. EDN ZNRLHM

Введение

В последние годы отечественные предприятия функционируют в условиях высокой степени неопределенности, что связано с глобальными вызовами, к наиболее значимым из которых имеет смысл отнести санкционное давление со стороны зарубежных государств.

Необходимо отметить, что вызовы, связанные с кризисами, достаточно сложно прогнозируемы. При этом, несмотря на совершенствование методов прогнозирования, развитие вычислительных мощностей различных систем и алгоритмов, позволяющих обрабатывать большие данные, динамичное развитие искусственного интеллекта и его широкое использование в целях прогнозирования, так называемые «черные лебеди» вполне возможны. И как подтверждение этого тезиса – кризисы последних лет, они стали настоящей неожиданностью для большинства хозяйствующих субъектов. При этом их влияние на деятельность хозяйствующих субъектов является достаточно сильным, в виду чего в современных условиях резко возрастает значимость инструментов противодействия кризисным явлениям, реализуемых в рамках системы антикризисного управления организацией.

Значимость антикризисного управления российскими предприятиями в настоящее время как никогда высока. Недружественная политика западных государств в отношении РФ, выраженная в форме жесткого санкционного давления на российский бизнес, формирует новые угрозы и вызовы для деятельности современных предприятий. С конца февраля 2022 г. у многих компаний усложнились схемы оплаты, нарушились цепочки поставок, резко упало число клиентов и, как следствие, выручка [1]. Все это привело к нарастанию кризисных явлений в деятельности хозяйствующих субъектов.

Антикризисное управление отечественными предприятиями в условиях неопределенности

Прежде чем рассматривать сущность антикризисного управления, необходимо остановиться на определении кризиса. Сам кризис является предметом исследования целого ряда разнообразных дисциплин, в их числе экономика, менеджмент, социология, политология и др. При этом именно социологическая наука дает широкий набор инструментов, проверенную и надежную методологию для исследования.

Сегодня выделяют экономический, политический, управленческий и иные понятия кризиса. Однако, само слово «кризис» изначально имеет греческое происхождение, и, как отмечает А. Б. Егоров, «греческое κρίσις происходит от глагола κρίνω, означающего «определять, выбирать», который прочно вошёл в античную судебную практику и обозначал все действия судебного процесса: обвинение, ведение судебного процесса, состязание сторон, а также вынесение приговора, при этом сохраняя общее значение «ведения дела в суде»; затем κρίσις приобретает и несколько новых значений: исход (битвы), спор, состязание, толкование (сна)» [2]. При этом негативного смысла в термине практически не имеется.

Более близко к общеупотребительному современному значению слово «кризис» начало использоваться в медицинском значении, согласно которому кризис – это состояние пациента, выход из которого ведет либо к его смерти, либо к возрождению. Применительно к организационному развитию данное определение достаточно удачно вписывается в современную концепцию антикризисного управления. Ведь действительно кризис, применительно к организации – это некое состояние, при котором функционирование организации не соответствует требованиям внутренней и внешней среды, и которое может привести, либо к ликвидации, либо к развитию организации. То есть здесь немаловажным является уклон на последствия кризиса, которые могут быть как отрицательными, так и положительными для организации. На практике нередко кризис позволяет организации выявить свои недостатки и выработать направления повышения эффективности своей деятельности. Попросту говоря кризис – это хорошее время для поиска новых возможностей, когда старые возможности стали недоступны. Так, к примеру, в условиях коронавирусных ограничений объем рынка розничной онлайн-торговли по оценкам исследовательского агентства Data Insight вырос с 1,7 трлн руб. в 2019 г. до 4,1 трлн руб. в 2021 г.¹, выручка крупнейшего маркетплейса Wildberries выросла со 116 млрд руб. в 2019 г. до 224 млрд руб. в 2021 г., что является

¹ Маркетинговое исследование. Интернет-торговля в России 2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://datainsight.ru/eCommerce_2021?ysclid=lsbj541j3z773212061

подтверждением того, что кризис, связанный с коронавирусом, стал временем новых возможностей для организаций, связанных с онлайн-торговлей. Аналогичным образом текущие негативные явления в экономике, связанные с санкционным давлением, также являются временем новых возможностей для целого ряда компаний, в первую очередь для тех, которые производят продукцию, способную заместить продукцию ушедших из России компаний, продукцию для нужд специальной военной операции, продукцию, имеющую высокий спрос на рынках развивающихся стран и др.

Все это подтверждает значимость инструментов антикризисного управления, которые в настоящее время являются источником механизмов для превращения текущих угроз в возможностей для развития.

Содержание антикризисного управления остается предметом научных дискуссий, в научной среде накоплено множество определений антикризисного управления. Так, Мызников И. А. определяет его как процесс оказания управленческого воздействия на факторы, которые возникают в результате противоречий его внутренней и внешней среды и приводят к потере равновесия в системе его функционирования [3]. По мнению Егорова С. О., Рыбкиной М. В., антикризисное управление – это процесс, в ходе которого реализуются различные способы для вывода хозяйствующего субъекта из ситуации, при которой он находится на грани банкротства или существует угроза его нормального функционирования [4]. Румянцев В. М., Пантелеев А. В. трактуют антикризисное управление, как постоянный, многоэтапный, комплексный процесс, предусматривающий выявление кризиса, избежание или сглаживание последствий кризисов в деятельности предприятия, поиск путей восстановления платежеспособности и улучшения финансового состояния предприятия [5].

Другие авторы антикризисное управление рассматривают с точки зрения системы управления предприятием. По мнению Фролова Р. П., это современная область управления, направленная на прогнозирование кризисных ситуаций, угрожающих функционированию экономического актива, минимизацию последствий возникших кризисных явлений и использование различных резервов для дальнейшего развития организации [6]. По мнению Мильчаковой Н. Н., Имамвердиевой М. И., антикризисное управление – это комплекс управленческих решений, согласно которому приоритетной задачей для предприятия является анализ кризисной ситуации и негативных последствий наступившего кризиса [7].

Ряд авторов определяют антикризисное управление через систему методов, инструментов, приемов и др. Так, по мнению Капицкой О. В., антикризисное управление – это совокупность методов, приемов, позволяющих распознавать кризисы, осуществлять их профилактику, преодолевать их негативные последствия, сглаживать течение кризиса [8].

По мнению Исхакова А. Т., Тазиевой Д. Т. антикризисное управление – это меры, которые заключаются в исследовании, предупреждении, предотвращении и преодолении переломных явлений на абсолютно всех уровнях экономики [9]. Достаточно краткое определение дают А. А. Крапоница, Е. В. Майоров, О. В. Пацук, отмечая, что антикризисное управление компанией представляет собой комплекс мер, направленных изначально на предотвращение кризиса в фирме, а затем на использование возможностей развития на данный период [10].

Существуют и иные определения антикризисного управления. Так, по мнению Малышева Д. А., это поддержание равновесия во всех подсистемах, обеспечивающее устойчивость к внешним воздействиям [11].

Рассмотрев представленные определения, необходимо отметить, что все они имеют право на существование. По нашему мнению, антикризисное управление – это система управления, которая направлена на комплексное применение конкретных методов и инструментов для предотвращения кризисов на предприятии, финансовых и экономических опасностей, а также снижение негативных последствий кризиса.

Вне всякого сомнения вызовы последних лет оказывают существенное негативное воздействие на деятельность отечественных хозяйствующих субъектов и повышают значимость системы антикризисного управления. Оценить такое влияние можно как путем исследования экономических показателей, так и на основании результатов тематических опросов.

В контексте рассматриваемой проблемы целесообразно проанализировать результаты исследований, касающихся влияния санкций на развитие малого бизнеса региона. В 2022 г. был проведен соответствующий опрос Ростовским муниципальным фондом поддержки предпринимательства – центром развития предпринимательства «Новый Ростов» среди предпринимателей

г. Ростова-на-Дону, в рамках которого предпринимателям было предложено оценить влияние санкций на их бизнес. Было опрошено 596 предпринимателей, в том числе в статусе индивидуальных предпринимателей (49 %), юридических лиц (47,5 %), остальные 3,5 % – самозанятые¹.

В случае с экономическими санкциями значительная часть опрошенных отметила, что не может однозначно оценить их влияние на свой бизнес, такой ответ дали 38,7 % респондентов. Об однозначно негативном влиянии санкций заявили только 29 %, а 20,3 % респондентов вообще указали на отсутствие какого-либо влияния экономических санкций на их работу. Обратим внимание и на интересную тенденцию – 10,3 % респондентов отметили, что данное влияние санкций носит положительный характер для их бизнеса, его развития.

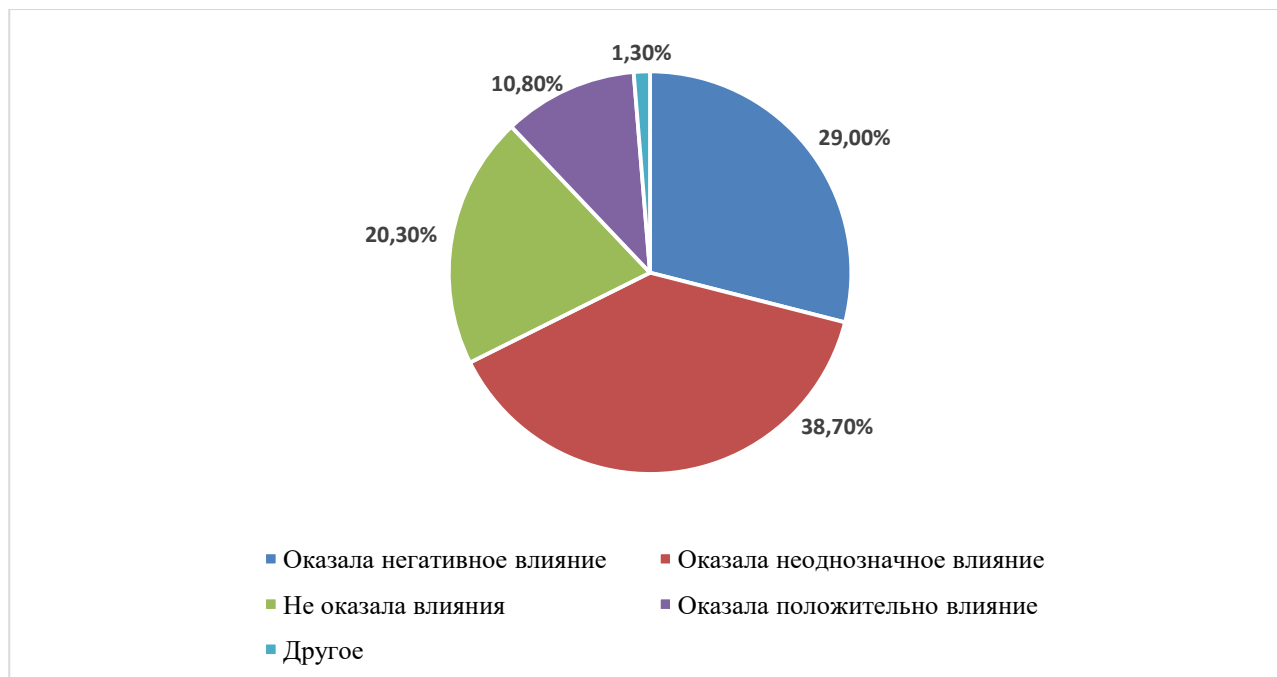

Рис. 1. Результаты ответа предпринимателей на вопрос «Каким образом экономические санкции повлияли на ваш бизнес»?²

Fig. 1. The results of the entrepreneurs' response to the question "How have economic sanctions affected your business"?

Таким образом отметим, что экономические санкции не принесли ожидаемого их авторами негативного эффекта.

Также в 2022 г. предпринимателям был задан вопрос об антикризисных мерах, которые они реализовали в рамках преодоления последствий текущего кризиса (результаты представлены на рис. 2).

Как видим, большая часть респондентов отметили, что они «работали в обычном режиме» (39 %). При этом наиболее популярными инструментами антикризисного управления в 2022 г. по итогам опроса стали: сокращение расходов на маркетинг (24 %); выпуск новой продукции. Менее популярны стали: обращение за мерами господдержки (13 %); снижение цен (12 %); сокращение заработной платы персонала (12 %); перевод части бизнеса в онлайн (12 %).

¹ Информационно-аналитический материал о результатах изучения состояния делового климата, в том числе проблем и перспектив развития малого и среднего предпринимательства, в городе Ростове-на-Дону. 22 декабря 2022 года [Электронный ресурс].

Режим доступа: https://подкрышей.рф/public/files/sociology_2022.pdf?ysclid=ls4gc9ad55878536054 (дата обращения: 05.02.2024).

² Там же.

В подобных условиях возрастает значимость формирования эффективной модели антикризисного управления отечественными предприятиями, главной целью которой является обеспечение финансово-хозяйственной устойчивости экономического субъекта, достижение целей его развития.

Задачи и направления антикризисного управления находят свое отражение в рамках определенной концептуальной модели, в которой можно выделить превентивное, текущее и реактивное антикризисное управление и соответствующие данным направлениям мероприятия. Указанные мероприятия должны учитывать основные направления деятельности предприятия, связанные с маркетингом, сбытом, продвижением, финансами, производством или оказанием услуг.

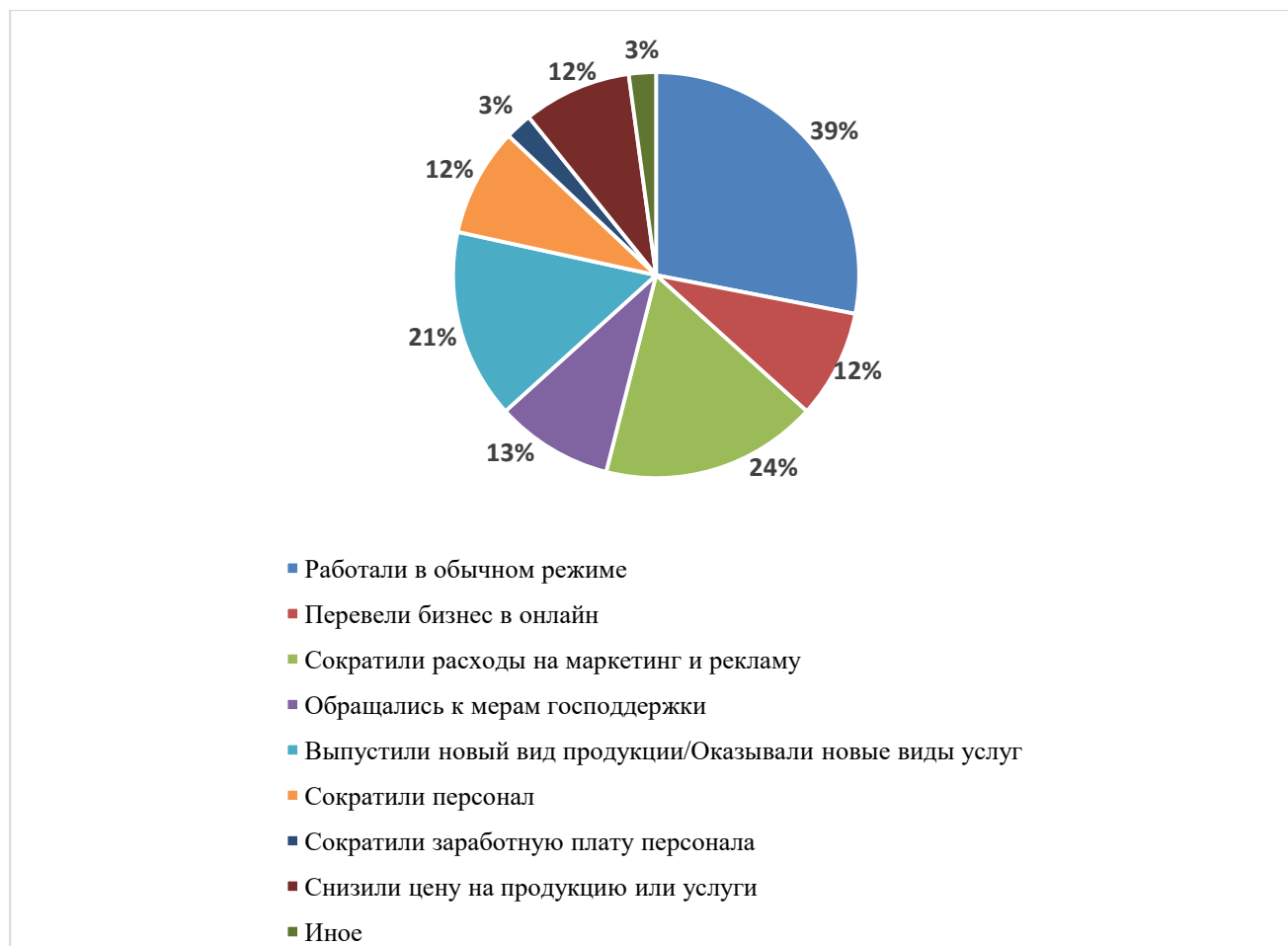

Рис. 2. Результаты ответа предпринимателей на вопрос:

«Была ли вынуждена Ваша компания прибегнуть к каким-либо антикризисным мерам в 2022 гг.»¹

Fig. 2. The results of the entrepreneurs' response to the question:

"Was your company forced to resort to any anti-crisis measures in 2022?"

Полагаем, что единой, универсальной для всех модели антикризисного управления вполне возможно быть не может. По нашему мнению, такую модель необходимо разрабатывать под каждое конкретное предприятие с учетом специфики условий его функционирования. При этом за основу при разработке подобной модели могут быть взяты разработки Шведовой Н. Ю., Черненко В. А. (рис. 3) [12].

¹ Информационно-аналитический материал о результатах изучения состояния делового климата, в том числе проблем и перспектив развития малого и среднего предпринимательства, в городе Ростове-на-Дону. 22 декабря 2022 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://подкрышей.рф/public/files/sociology_2022.pdf?ysclid=ls4gc9ad55878536054 (дата обращения: 05.02.2024).

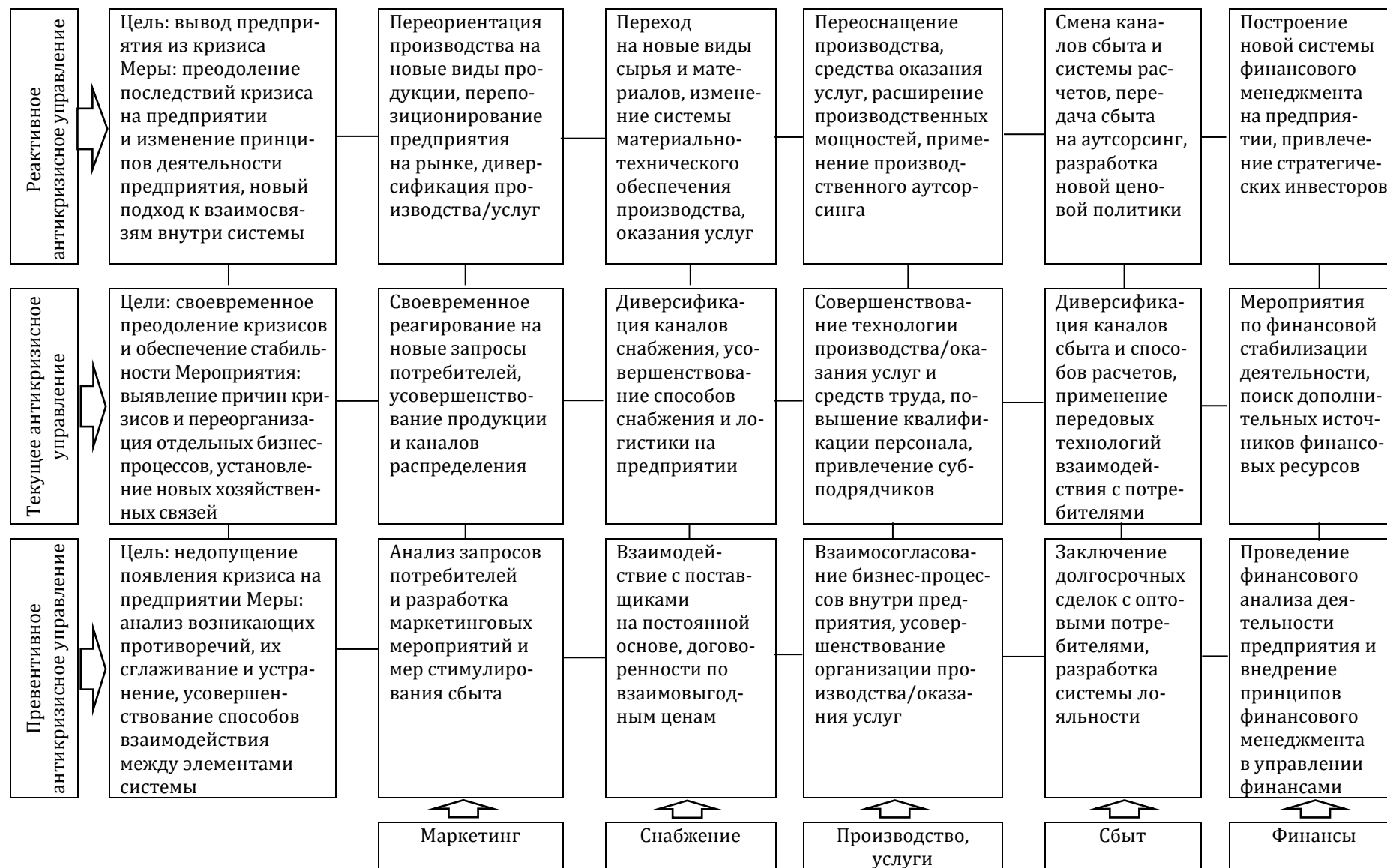

Рис. 3. Концептуальная модель антикризисного управления предприятием
 Fig. 3. Conceptual model of anti-crisis management of the enterprise

Представленная концептуальная модель отражает деятельность предприятия в условиях кризиса в основных сферах деятельности, таких как маркетинг, снабжение, производство/предоставление услуг, сбыт, финансы и др. При этом, как следует из представленной схемы, деятельность в системе антикризисного управления должна осуществляться на превентивном, текущем и реактивном уровне.

Систему превентивных и реактивных мер антикризисного управления предлагается рассматривать в рамках сочетания триады таких основных ее элементов, как: инструменты, методы и целевые ориентиры.

Если рассматривать основные методы антикризисного управления в рамках превентивных мер, то к ним относятся: антикризисный мониторинг, анализ чувствительности организации к кризису, формирование антикризисных стратегий, антикризисное планирование, стресс-тестирование. Их действие направлено на достижение определенных целевых ориентиров, таких как: поддержка ликвидности и платежеспособности, предупреждение рисков в деятельности организации, недопущение (минимизация) потерь, повышение безопасности бизнеса, профилактика потенциальных кризисных ситуаций и др. событий, разработка сценарного развития, индикаторный подход и система раннего предупреждения, анализ критических связей, SWOT-анализ [13].

Реактивное же антикризисное управление, которое внедряется в условиях реализованного кризиса, базируется на применении таких методов как: антикризисный мониторинг, санация, антикризисная реорганизация, антикризисная реструктуризация, ликвидация и т.д. [14]. Его реализация предполагает достижение ряда целей, в частности выход из кризиса и его локализация, восстановление ликвидности и платежеспособности, финансовой стабильности и докризисных параметров ведения бизнеса, предотвращение банкротства и т.д. Основными инструментами в рамках системы реактивных антикризисных мер определены: план реструктуризации, план реорганизации, планирование и прогнозирование, и др. Реактивное антикризисное управление осуществляется с использованием реструктуризационных, реорганизационных и ликвидационных методов в условиях финансовых и временных ограничений.

Заключение

Таким образом, по итогам нашего исследования можно заключить, что деятельность отечественных предприятий в условиях кризиса связана с целым набором рисков и угроз, которые должны учитываться предприятиями в рамках антикризисного управления. Анализ деятельности отечественных предприятий свидетельствует о том, что негативное влияние на их работу санкционных ограничений весьма незначительно, его масштабы не являются критичными или сколь либо значимыми. Более того, ряд бизнесменов отмечают положительную роль, которую санкции оказали на развитие их бизнеса.

Авторы полагают, что в современных условиях владельцам бизнеса имеет смысл принимать во внимание целесообразность разработки и внедрения с учетом специфики условий функционирования организации концептуальной модели антикризисного управления предприятием, учитывающей имеющиеся угрозы, а также предлагающей меры превентивного, текущего, реактивного антикризисного управления.

Список источников

1. Овчаренко Р. К., Рогожникова И. А. Государственная поддержка малого и среднего бизнеса под влиянием социально-политических трансформаций / В сборнике: Институциональные трансформации общественно-политической системы России: прошлое, настоящее, будущее. сборник трудов участников третьей международной научно-практической конференции. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления. Ростов-на-Дону, 2023. С. 154–157.
2. Егоров А. Б. Кризисы в истории Рима (события и проблемы) // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2013. № 12. С. 346–365.
3. Мызников И.А. Механизмы антикризисного управления промышленными предприятиями. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Донецк, 2023. 29 с.

4. Егоров С. О., Рыбкина М. В. Риски как объект антикризисного управления предприятием // Символ науки: международный научный журнал. 2022. № 6-1. С. 35–38.
5. Румянцев В. М., Пантелеев А. В. Антикризисное управление на предприятии: понятие и сущность // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 150–154.
6. Фролов Р. П. Сущность и содержание антикризисного управления в современной экономике // Казанский экономический вестник. 2022. № 3(59). С. 5–10.
7. Мильчакова Н. Н., Имамвердиева М. И. Идентификация понятия антикризисное управление // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2019. № 2. С. 119–124.
8. Капицкая О. В. Антикризисное управление в регионах РФ // ТДР. 2016. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antikrizisnoe-upravlenie-v-regionah-rf> (дата обращения: 05.02.2024).
9. Исхаков А. Т., Тазиева Д. Т. Антикризисное управление предприятием в условиях неопределенности // Стратегическое развитие социально-экономических систем в регионе: инновационный подход : материалы VI международной научно-практической конференции : сборник статей и тезисов докладов, Владимир, 03 июня 2020 года. – Владимир: Издательско-полиграфическая компания "Транзит-ИКС", 2020. С. 227–232.
10. Крапонина А. А., Майоров Е. В., Пацук О. В. Современные модели антикризисного управления // Решетневские чтения : Материалы XXVII Международной научно-практической конференции, посвященной памяти генерального конструктора ракетно-космических систем академика М. Ф. Решетнева , Красноярск, 08–10 ноября 2023 года. Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, 2023. С. 463–464.
11. Малышев Д. А. Антикризисное управление на пищевых и перерабатывающих промышленных предприятиях АПК: понятие, сущность, тенденции развития // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов : Сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции, Москва, 07 февраля 2023 года. М.: Печатный цех, 2023. С. 264–273.
12. Шведова Н. Ю., Черненко В. А. Антикризисное управление 4-е изд., пер. и доп. Учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2023. 466 с.
13. Корч Е. А., Дьяков С. А. Современная концепция антикризисного управления / В сборнике: Антикризисное управление: современные реалии, тенденции и прогноз. Сборник статей по материалам Национальной научно-практической конференции. Краснодар, 2020. С. 73–78.
14. Алешин А. С. Экономическая сущность и меры антикризисного управления на предприятии // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 5-1(87). С. 18–21.

References

1. Ovcharenko R. K., Rogozhnikova I. A. State support for small and medium-sized businesses under the influence of socio-political transformations. In: *Institutional transformations of the socio-political system of Russia: past, present, future. collection of works of participants of the third international scientific and practical conference*. Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, South Russian Institute of Management. Rostov-on-Don; 2023:154–157. (In Russ.)
2. Egoro, A. B. Crises in the history of Rome (events and problems). *Mnemon: Research and publications on the history of the ancient world*. 2013;(12):346–365. (In Russ.)
3. Myznikov I. A. *Mechanisms of anti-crisis management of industrial enterprises*. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences. Donetsk; 2023. 29 p. (In Russ.)
4. Egorov S. O., Rybkina M. V. Risks as an object of anti-crisis enterprise management. *Symbol of science: international scientific journal*. 2022;(6-1):35–38. (In Russ.)
5. Rumyantsev V. M., Panteleev A. V. Anti-crisis management at an enterprise: concept and essence. *Bulletin of Tver State Technical University. Series: Social Sciences and Humanities*. 2015;(1):150–154. (In Russ.)
6. Frolov R. P. The essence and content of anti-crisis management in the modern economy. *Kazan Economic Bulletin*. 2022;3(59):5–10. (In Russ.)
7. Milchakova N. N., Imamverdieva M. I. Identification of the concept of crisis management. *RISK: Resources, Information, Supply, Competition*. 2019;(2):119–124. (In Russ.)

8. Kapitskaya O. V. Anti-crisis management in the regions of the Russian Federation. *TDR*. 2016;(6). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/antikrizisnoe-upravlenie-v-regionah-rf> [Accessed 5 February 2024]. (In Russ.)
9. Iskhakov A. T., Tazieva D. T. Anti-crisis enterprise management in conditions of uncertainty. In: *Strategic development of socio-economic systems in the region: an innovative approach: materials of the VI international scientific and practical conference: collection of articles and abstracts of reports*, Vladimir, June 03, 2020. Vladimir: Publishing and printing company "Transit-IKS"; 2020:227–232. (In Russ.)
10. Kraponina A. A., Mayorov E. V., Patsuk O. V. Modern models of crisis management. In: *Reshetnev readings: Materials of the XXVII International scientific and practical conference dedicated to the memory of the general designer of rocket and space systems of academician M. F. Reshetnev*, Krasnoyarsk, November 08–10, 2023. – Krasnoyarsk: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev"; 2023:463–464. (In Russ.)
11. Malyshev D. A. Crisis management at food and processing industrial enterprises of the agro-industrial complex: concept, essence, development trends. In: *Current problems of science and education in the context of modern challenges: Collection of materials of the XVIII International Scientific and Practical Conference*, Moscow, February 07, 2023. Moscow: Printing shop; 2023:264–273. (In Russ.)
12. Shvedova N. Yu., Chernenko V. A. *Anti-crisis management 4th ed., trans. and additional Textbook and workshop for universities*. Moscow: Yurayt, 2023; 466 p. (In Russ.)
13. Korch E. A., Dyakov S. A. Modern concept of crisis management. In: *Crisis management: modern realities, trends and forecast*. Collection of articles based on the materials of the National Scientific and Practical Conference. Krasnodar; 2020:73–78. (In Russ.)
14. Aleshin A. S. Economic essence and measures of anti-crisis management at the enterprise. *Economics and business: theory and practice*. 2022;5–1(87):18–21. (In Russ.)

Информация об авторах

Р. К. Овчаренко – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии ЮРИУ РАНХиГС.

Е. В. Халамбащян – аспирант кафедры социологии ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

R. K. Ovcharenko – Dr. Sci. (Sociology), Professor, Head of the Department of Sociology, South Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

E. V. Khalambashyan – Postgraduate Student of the Department of Sociology, South Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.02.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 20.02.2024.

The article was submitted 03.02.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 20.02.2024.

Научная статья

УДК 65.011+37

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-76-83>

EDN ZKVLGS

Цифровая трансформация в сфере образования: вопросы терминологии и управления

Дмитрий Николаевич Сырцов¹, Фарида Бадавиевна Мирзаева²

^{1,2}Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия

¹syrtssov-dn@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1342-668X>

²farida.mirzaeva@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы терминологии и управления цифровой трансформацией в сфере образования. Показано, что на современном этапе развития общества эти процессы связаны с распространением и внедрением инновационных технологий, в т.ч. технологии искусственного интеллекта, специального программного обеспечения, виртуальной реальности и др., а также изменением требований к самому процессу обучения и его результатам. Авторами анализируется понятийный аппарат и пути развития цифровой трансформации в сфере образования, исследованы основные тренды на рынке электронного обучения в России и за рубежом, а также определены перспективы его развития и особенности новых цифровых навыков и компетенций его участников.

Ключевые слова: управление, технологии, цифровая трансформация, сфера образования, образовательный процесс, цифровое обучение, цифровые компетенции

Для цитирования: Сырцов Д. Н., Мирзаева Ф. Б. Цифровая трансформация в сфере образования: вопросы терминологии и управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 76–83. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-76-83>. EDN ZKVLGS

Problems of Management

Original article

Digital transformation in education: terminology and management issues

Dmitry N. Syrtssov¹, Farida B. Mirzaeva²

^{1,2}Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

¹syrtssov-dn@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1342-668X>

²farida.mirzaeva@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problems of terminology and management of digital transformation of education. It is shown that these processes are connected with the spread and implementation of innovative technologies, including artificial intelligence technology, practices and special software, virtual reality, etc., as well as with the change of requirements to the learning process itself and its results at the present stage of society development. The authors analyze the main terms, ways of digital transformation of education development, investigate the main trends in the e-learning market in Russia and abroad, as well as identify the prospects for its development and the features of digital skills and competencies of its participants.

Keywords: management, technology, digital transformation, educational process, digital learning, digital competencies

For citation: Syrtssov D. N., Mirzaeva F. B. Digital transformation in education: terminology and management issues. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):76–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-76-83>. EDN ZKVLGS

Введение. Цифровая трансформация активно воздействует на сферу образования. Внедрение в образовательный процесс новейших результатов технологического прогресса, таких как искусственный интеллект (ИИ), дополненная реальность (AR) и др. за последние 3-4 года, и особенно постпандемийный период, свидетельствуют о том что цифровая трансформация вышла на качественно новый уровень. Возникновение цифрового образования и использование современных информационных технологий образовательных процессах не является чем-то новым: цифровая образовательная среда уже активно формируется в последние несколько десятилетий. Еще в 2002 году Д. Джонсон и Л. Бакер одни из первых высказали о возможности применения цифровых технологий в образовании и описали свое представление о плюсах и минусах его цифровизации с точки зрения когнитивной и аффективной функций, повышения успеваемости учащихся, возможностей образования взрослых, а также изменений в педагогике, в улучшении технологических навыков педагога и в технологической интеграции [1]. Одновременно, возможность роста эффективности процесса обучения при использовании современных мощных квантовых компьютеров, программного обеспечения, облачных и др. технологий для дистанционного обучения и мониторинга учебного процесса, новых форм интерактивных методов взаимодействия с обучающимся требуют новых подходов к управлению образовательным процессом. Здесь надо отметить и разработку и внедрение в России государственных программ по поддержке и стимулированию цифровых преобразований в обучении, таких как «Приоритетный национальный проект «Образование» и «Цифровая образовательная среда» (2019–2024 гг.), а также «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"», что способствовало дальнейшему развитию данного тренда [2].

Другим важным фактором, оказывающим влияние на трансформацию сферы образования, является то, что компании-лидеры рынка, активно внедряя новейшие технологии [3] как фактор своего устойчивого развития и повышения конкурентоспособности на рынках, уделяют огромное внимание гибкой переподготовке и повышению квалификации сотрудников. Без новых актуальных компетенций персонала невозможно использование уникальных новейших технологий, способных коренным образом усилить рыночное положение компании или придать рынку дополнительную свободную от жесткой конкуренции сегментацию [4].

Таким образом, понятие цифрового образования становится гораздо шире традиционного понятия дистанционного онлайн-образования. Оно предполагает использование многочисленных программ, приложений и других цифровых продуктов для электронного обучения как удалённо, так и непосредственно в вузе, что неотрывно связано не только с содержанием собственно учебных процессов, но их организацией и управлением.

В новой динамично изменяющейся сфере образования наблюдается целый ряд открытых вопросов. Например, если возникшую проблему с недооснащенностью технологической базы образовательных учреждений можно назвать в основном решенной, то вопрос понятийного аппарата данной области все еще актуальными. Наблюдается недостаточность цифровых компетенций субъектов сферы образования, а терминология цифрового преобразования образовательной среды требует уточнения, непрерывной гармонизации и локализации новой лексики. Это сформировало новую парадигму образовательных процессов, требует новых подходов к их управлению и определяет востребованность результатов проводимого исследования.

Термины и определение. В многообразии используемых технологий и методов управления в области цифровой трансформации образования на первый план выходят вопросы терминологии. Важно понимать сущность и различия понятий, используемых для характеристики процессов цифровой трансформации в сфере образования, элементов ее формирующих, разграничение областей их применения.

В настоящее время в российских и зарубежных публикациях широко используется термин **«цифровое образование»**. Есть мнение, что цифровое образование направлено на «уменьшение количества затраченного времени на обучение при условии сохранения и/или повышения уровня приобретаемых знаний, умений и навыков» [5]. Чтобы лучше понять этимологию данного термина, определим значение «образования» как такового. К настоящему времени в научно-педагогической среде образование рассматривается как процесс и результат, и обобщающим термином образование определяется система воспитания и обучения личности, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, функций, опыта деятельности

и компетенций [6]. Такой же подход используется Законодательством Российской Федерации, где *образование* определяется как единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, как совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов¹.

Позиции авторов по трактовке термина «цифровое образование» отличаются. Так существует мнение, что **цифровое образование** можно идентифицировать с процессом организации взаимодействия между обучающими и обучающимися при движении от цели к результату в цифровой образовательной среде, основными средствами которой являются цифровые технологии, цифровые инструменты и цифровые следы как результаты учебной и профессиональной деятельности в цифровом формате. [7]. Другие вводят понятие цифровой образовательной среде или пространства, определяя его как набор базовых компонентов (виртуальная библиотека, платформа для вебинаров, система управления знаниями, облачные хранилища и др.), для обеспечения участникам образовательного процесса возможностей для обучения и его организации [8].

В зарубежной практике «цифровое образование»² определяется как инновационное использование цифровых инструментов и технологий для преподавания и обучения, часто называемыми расширенным обучением с использованием технологий (TEL) или электронным обучением, что создает привлекательные возможности такого обучения³.

Исследователи используют также термин «цифровая образовательная среда», что определяется как совокупность программных и технических средств, образовательного контента, необходимых для реализации образовательных программ в том числе с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, обеспечивающих доступ к образовательным услугам и сервисам в электронном виде [9]. Другие как ее важный признак отмечают возможность формировать образовательные траектории с учетом возможностей очного обучения и самообразования, предоставляя формат удобного поиска, механизмы рейтингования и учета результатов освоения различных образовательных элементов [10].

Законодательство Российской Федерации использует и термин «*электронное образование*» и определяет его как организацию «образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников»⁴.

Термин «*электронное образование*» используют и другие официальные документы⁵.

Во многом, появление понятие «электронное образование» связано с тем, что в современном мире, все что перешло в сферу интернета, часто определяется добавлением определения «электронный» или латинской приставки «е-». Однако, формальное добавление «электронный» (или приставки) часто не отражает значимых изменений и содержания основного понятия. В нормативных актах упоминаются термин *дистанционные образовательные технологии*, которые реализуются «в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном

¹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (в ред. от 04.08.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023). Режим доступа https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/

² Англ. «digital education».

³ The University of Edinburgh «What is digital education?», 2018. URL: <https://www.ed.ac.uk/institute-academic-development/learning-teaching/staff/digital-ed/what-is-digital-education>

⁴ Ст. 16 Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (в ред. от 04.08.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023). Режим доступа https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/9ab9b85e5291f25d6986b5301ab79c23f0055ca4/?ysclid=1q9kdex0ry543698028

⁵ Постановление Правительства РФ от 11 октября 2023 г. № 1678 «Об утверждении Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ». Режим доступа: <https://base.garant.ru/407816891/?ysclid=1q9kz0t8yy746807781>

(на расстоянии) взаимодействия обучающихся и педагогических работников»¹. Министерство образования и науки в 2013 г. дало объяснение ключевого отличия электронного обучения от дистанционного: первое не требует непосредственного взаимодействия обучающихся и педагогических работников, дистанционное обучение осуществляется в основном при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников².

С проникновением Интернета в образовательную среду и активным использованием в процессе обучения цифровых технологий возникают трудности и с использованием терминов «обучение» и «самообучение». Такая ситуация складывается, например, при получении обучаемым доступа к «онлайн-курсу» и изучении его в пассивном режиме, т.е. без обратной связи от преподавателя.

С нашей точки зрения, ключевым в электронном образовании, является то, что процесс обучения переносится в цифровую среду и должен быть организован с максимальным использованием его преимуществ, что предполагает решение широкого перечня управленческих задач, в отличие от самообучения, когда происходит процесс самостоятельного получения и усвоения знаний, в т.ч. и из источников, размещенных в сети Интернет, но без участия обучающей стороны. Что касается международных понятий «e-learning», то в зарубежных источниках понятие «e-learning» определяется как процесс в котором принимают участие электронные или цифровые устройства, представляющие и распределяющие образовательные материалы и поддерживающие межличностную коммуникацию³. Однако, другие справедливо полагают, что «электронный» или «цифровой» стало настолько всеобъемлющим, что границы их применения сложно очертить, любое деление уже устарело и современное обучение неэффективно вне цифровой среды. Примером может служить использование цифровых инструментов на очных занятиях, трансляцию учебного материала или взаимодействие со студентом в рамках образовательных платформ⁴. Можно говорить и о росте гибридных форм обучения. В 2023 г. компания Ambow Education Holding Ltd. запустила платформу HybriU AI, которая объединяет инструменты для дистанционного и очного обучения с множеством функций, ориентированных на колледжи и университеты по всему миру. С помощью запатентованной ИИ-технологии платформа поможет превратить традиционные учебные заведения в гибридные классы⁵.

Таким образом, положительным моментом электронного обучения (e-learning) является его гибкость - процесс передачи знаний (учебной информации, лекции, методические материалы и пр.) происходит в цифровой среде, где учащиеся имеют доступ к видео- и аудио контенту в любое время, в любом месте и с помощью различных устройств⁶.

Рынок образовательных цифровых технологий или как принято называть его в зарубежной практике EdTech – это совокупное определение элементов сферы образования, включая стартапы и их продукты, направленные на расширение и совершенствование технологической составляющей общего образовательного процесса, в т.ч. за счет разработки и внедрения программного обеспечения для поддержки и улучшения таких функций электронного образования, как мобильное обучение, персонализация курса, адаптивность и улучшение с помощью виртуальной и искусственной реальности, чат-ботов, машинного обучения и т. д. На наш взгляд, развитие этих двух неотъемлемых и взаимодополняющих составляющих определяют основное содержание управления современной цифровой трансформацией сферы образования.

¹ Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ (в ерд. от 04.08.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вст. в силу с 01.09.2023) - режим доступа https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/

² Письмо от 9 октября 2013 г. N 06-735 (от 8 октября 2013 г. N 06-731) о дополнительном профессиональном образовании Департамента государственной политики в сфере подготовки рабочих кадров и ДПО Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: <https://fgosvo.ru/uploadfiles/pddpo/06-735.pdf>

³ Kerres, Michael & de Witt, Claudia & Stratmann, Jörg. (2002). E-Learning. Didaktische Konzepte für erfolgreiches Lernen. URL: <https://j14d.org/index.php/ej14d/article/view/1054/923>

⁴ Дайджест 26 «EduTech: Тренды+Технологии+Стартапы», Сберуниверситет, 2023. URL: https://sberuniversity.ru/upload/edutech/digest/Digest_26.pdf?utm_source=email&utm_medium=content&utm_campaign=280923

⁵ Дайджест 24 «EduTech: Тренды+ Технологии+Стартапы», Сберуниверситет, 2023. URL: https://sberuniversity.ru/upload/edutech/digest/Digest_24.pdf

⁶ Ежегодный отчет Global Skills Report, Coursera., 2022. URL: <https://www.coursera.org/skills-reports/global>

На наш взгляд, важнейший признак «цифрового образования» – обеспечение освоения обучающимися образовательных программ в полном объеме независимо от их места нахождения, которое может быть достигнуто использованием совокупности новейших инструментов электронного обучения.

Оценка текущей ситуации на рынке образовательных технологий и перспектив его развития. По оценке экспертов Smart Ranking, с начала 2023 г. рынок образовательных услуг увеличился на 35 % по сравнению с первой половиной 2022 г. Выручка платформ из топ-100 превысила 52 млрд ₽. По словам участников рынка, рост вызван желанием повышать уровень своих знаний и навыков в кризис. Изначально эксперты прогнозировали рост EdTech-рынка на 15–20 %. Однако показатели многих компаний оказались выше запланированных¹. По данным Всемирного экономического форума, к 2025 г. рынок образовательных технологий вырастет из 300 млрд долл. сегодняшних до 342. В 2022 г. только на платформе Coursera учились более 100 млн чел.²

Приток капитала в EdTech привел к появлению новых стран-лидеров на рынке цифровых образовательных услуг, таких как Индия: EdTech-рынок Индии за год увеличился на 26 % и составил 18 % мирового объема. Совсем недавно индийская технологическая компания Vuju's презентовала три модели на основе искусственного интеллекта. Планируется, что они помогут повысить привлекательность обучения, задействуя интересы учащихся. Vuju's делает ставку на ИИ как на инструмент для оптимизации и персонализации процесса обучения. В июне EdTech-гигант объявил о выходе трех моделей-трансформеров на базе ИИ: Badri, MathGPT и TeacherGPT.

Российский рынок EdTech продолжает расти: по оценкам Smart Ranking, в 2022 г. рост суммарной выручки 100 крупнейших компаний в этой сфере составил 17 % по сравнению с 2021 г., а общий объем их выручки достиг 87 млрд ₽. Это связано с увеличением продаж в сегменте ДПО в IV квартале и активным ростом детского образования³. Текущее распределение и динамика рынка представлена в табл. 1.

Среди новых инструментов управления в условиях сфере образовательных услуг можно отметить появление коллабораций EdTech-стартапов с государственными образовательными учреждениями. Это подтверждает и недавнее исследование компании по созданию обучающих курсов Evelyn Learning: в декабре 2022 г. опрос 50 экспертов из разных стран, показал что 45 % экспертов считают, что сотрудничество стартапов с колледжами и другими образовательными учреждениями поможет получить обратную связь, устранить минусы и доработать продукт до более совершенной версии. Сегодня, вопрос цифровой трансформации для вузов перешел из потребности в очевидную необходимость. Проблема коммуникации между вузами, нередко находящимися в отрыве от стремительно меняющихся условий на рынке труда, и работодателями, зачастую не способных грамотно оформить свой запрос, вынуждает последних активно развивать корпоративные университеты. Они, в свою очередь, помогая «вырастить» сотрудников с необходимыми навыками, могут значительно снизить значимость вузовского образования, без должной трансформации.

Важно понимать, что в изменениях нуждается не только образование как система, но и сам образовательный процесс. Когда речь идет о вузах, часто понятие цифровой трансформации ошибочно отождествляют с автоматизацией процессов и внедрением системы дистанционного преподавания. Мы же говорим, об использовании новых, более эффективных технологий и инструментов. Это могут быть и индивидуальные образовательные траектории, и игровые симуляторы, и новые форматы оценки компетенций. Так, например, Тюменский государственный университет стал ярким примером внедрения таких инструментов, обучая на сегодняшний день более 10 000 студентов по индивидуальной образовательной траектории. Для сопровождения такой программы обучения ТЮмГУ потребовалась собственная цифровая платформа Modeus, к которой уже подключились и другие российские вузы, в том числе УрФУ и ТИУ⁴.

¹ URL:<https://smartranking.ru/ru/> Ежеквартальный рейтинг крупнейших компаний в сфере онлайн-образования от Smart Ranking.

² Five trends to watch in the edtech industry, McKinsey&Company, November 14, 2022. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/education/our-insights/five-trends-to-watch-in-the-edtech-industry#/>

³ URL:<https://smartranking.ru/ru/> Ежеквартальный рейтинг крупнейших компаний в сфере онлайн-образования от Smart Ranking.

⁴ <https://modeus.custis.ru/>

Таблица 1. Ежеквартальный рейтинг крупнейших компаний в сфере онлайн-образования от Smart Ranking. (Итоги за 3 кв. 2023г.)

Table 1. Quarterly ranking of the largest companies in the field of online education from Smart Ranking. (Results for Q3 2023)

№	Компания	Направление	Выручка (руб.)
			3 кв. 2022/3 кв. 2023
1	Skillbox Holding Limited (Skillbox, Geekbrains, Skillfactory, Mentorama, Lerna)	ДПО	3.500 млрд * 20.69 %
2	Группа компаний Skyeng (Skyeng, Skysmart, Skypro)	Дополнительное детское образование, Иностранные языки	3.100 млрд * 24.00 %
3	Корпорация «Синергия»	Бизнес-образование, Высшее образование, Дополнительное детское образование	3.028 млрд 100.00 %
4	Яндекс.Практикум	ДПО	1.800 млрд * 85.19 %
5	Компьютерная академия TOP	Дополнительное детское образование, ДПО	1.500 млрд * 74.62 %
6	Фоксфорд	Дополнительное детское образование	1.480 млрд 73.91 %
7	GetCourse	Разработка образовательных курсов, вебинаров и ПО	1.400 млрд 243.14 %
8	Like Центр	Бизнес-образование	1.305 млрд -22.64 %
9	Учи.ру	Дополнительное детское образование	1.250 млрд * 60.26 %
10	Умскул	Дополнительное детское образование	870 млн * 24.29 %

Источник: составлено авторами на основе ежеквартального рейтинга крупнейших компаний в сфере онлайн-образования от Smart Ranking¹.

Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова проводит работы по активному внедрению в образовательный процесс игровых и VR-симуляторов, например, для сердечно-легочной реанимации, обеспечивая студентам возможность получения новых необходимых компетенций в максимально приближенных к реальности условиях². Цифровые технологии сегодня находят применение не только в обучении, но и в организации учебного процесса. Так, в 2023 г. сотрудники Московского городского педагогического университета (МГПУ) разработали систему на основе ИИ, которая анализирует оценки и активность студента. На основе полученных данных платформа прогнозирует результаты экзаменов и риски отчисления³.

Безусловно, катализатором применения вузами цифровых инструментов стали, в том числе, и ограничения при COVID-19. Однако, такой форсированный переход показал, что не все участники системы готовы к нему. Интересные данные по мониторингу отношения профессорско-преподавательского состава вузов к изменениям, происходящим в сфере высшего образования, в 2022 г. опубликовал Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС. Согласно данному исследованию, лишь 31, 8% из выборки 24 337 участников профессорско-преподавательского состава вузов относятся положительно к изменениям цифровой трансформации, 15,6 % – отрицательно, 40,9 % – нейтрально, 11,7 % – затрудняются ответить. О том, что цифровая трансформация оказывает влияние на образовательный процесс конкретно в их вузе, осведомлены

¹ URL: <https://smartranking.ru/ru/> Ежеквартальный рейтинг крупнейших компаний в сфере онлайн-образования от Smart Ranking.

² <https://www.sechenov.ru/pressroom/news/-rossiyskaya-razrabotka-nauchit-spat-realnye-zhizni-v-virtualnoy-realnosti-/>

³ <https://www.mgpu.ru/ii-v-mgpu-otsenit-naskolko-studentam-interesno-na-zanyatii/?ysclid=lkmq66n01a990361908>

около 60 % опрошенных, 16 % ничего о ней не знают, а 22 % затрудняются сказать что-то определенное. Но выводы авторов исследования все же вселяют надежду: почти 90 % преподавателей вузов готовы принять смешанную модель обучения blended learning, когда часть обучения проходит дистанционно, а часть в офлайне, совмещающая в себе лучшие стороны двух форматов. Авторами также выявлены основные проблемы в умеренно-критичном восприятии преподавателями этого процесса цифровой трансформации: Первая проблема состоит в том, что в представлении большого числа преподавателей цифровая трансформация редуцирована до цифровизации учебного процесса, вторая проблема – это кризис институционального доверия между участниками¹.

На наш взгляд, в современных условиях при всем разнообразии форм и инструментов электронного образования, универсальной является гибридная форма обучения, в которой возможно в различных пропорциях сочетать онлайн и офлайн обучение. При онлайн-обучении роль наставника может быть сведена к минимуму и обучаемый переходит в режим самообучения. Целый ряд компетенций может быть получен при дистанционном взаимодействии с преподавателем или в режиме обратной связи. Одновременно некоторые компетенции сегодня практически невозможно получить без постоянной активной поддержки наставника/ментора, которую невозможно оказать дистанционно.

Заключение. Таким образом, можно говорить о будущей глобальной цифровой трансформации сферы образования, которая станет основой перехода от традиционного обучения к цифровому и гибриднему при увеличении количества и многообразия форм обучения на базе новых технологических решений и новых областей их применения.

По результатам проведенного исследования можно говорить о том, что при проектировании и управлении цифровой трансформацией в сфере образования ключевыми остаются цифровые компетенции и навыки, которые изменяются быстрее, чем традиционные. Однако, управляя цифровой трансформацией образования стратегически важным становится направление электронного обучения нацеленное на развитие творческого потенциала человека, его креативности, а также способностей к самообучению, поскольку в условиях быстрого развития технологий, полученные знания быстро устаревают, не успев сформировать навыки.

Список источников

1. Johnston J., Barker L. T. Assessing the impact of technology in teaching and learning: A sourcebook for educators. Institute of Social Research, University of Michigan, 2002.
2. Проблемы и перспективы цифровой трансформации образования в России и Китае. II Российско-китайская конференция исследователей образования «Цифровая трансформация образования и искусственный интеллект». Москва, Россия, 26–27 сентября 2019 г. / А. Ю. Уваров, С. Ван, Ц. Кан и др. ; отв.ред. И. В. Дворецкая; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
3. Филоsofova Т. Г., Суркова Ю. А. Особенности конкурентного поведения успешных компаний в цифровой экономике // *Экономика промышленности / Russian Journal of Industrial Economics*. 2020. № 13 (2). С. 182–192.
4. Kapitonov I. A., Voloshin V. I., Filosofova T. G., Syrtsov D. N. The Impact of Innovative Technologies on the Formation of a New Strategy for the Development of the International Oil and Gas Business // *Space and Culture, India*. 2019. V. 7. № 2. P. 27–38.
5. Чумаков Д. А., Болотина М. А. Цифровое образование на современном этапе: перспективы и проблемы // *Вестник молодежной науки*. 2021. № 1 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoye-obrazovanie-na-sovremennom-etape-perspektivy-i-problemy> (дата обращения: 11.05.2023).
6. Александрова О. А. Образование: доступность или качество – последствия выбора // *Знание. Понимание. Умение*. 2005. № 2. С. 83–93.
7. Вайндорф-Сисоева М. Е., Субочева М. Л. "Цифровое образование" как системообразующая категория: подходы к определению // *Московский педагогический журнал*. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoye-obrazovanie-kaksistemoobrazuyuschaya-kategoriya-podhody-k-opredeleniyu> (дата обращения: 10.12.2023).

¹ The Job Skills of 2023, Coursera., 2023. URL: <https://pages.coursera-for-business.org/rs/748-MIV-116/images/eBook-Job-Skills-of-2023.pdf>

8. Вайндорф-Сысоева М. Е., Субочева М. Л. Дидактика цифровой эпохи: некоторые аспекты развития // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 490. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/didaktika-tsifrovoy-epohi-nekotorye-aspekty-razvitiya> (дата обращения: 19.12.2023).
9. Методические рекомендации по формированию цифровой образовательной среды в образовательной организации / Сост.: Смирнова Е. Н. СПб.: ГБУ ДПО «СПбЦОКОиИТ», 2022. 71 с.
10. Природова О. Ф., Данилова А. В., Моргун А. Н. Структура цифровой образовательной среды: нормативно-правовые и методические аспекты // Педагогика и психология образования. 2020. № 1. С. 9–30.

References

1. Johnston J., Barker L. T. *Assessing the impact of technology in teaching and learning: A sourcebook for educators*. Institute of Social Research, University of Michigan, 2002.
2. *Problems and prospects of digital transformation of education in Russia and China. II Russian-Chinese Conference of Educational Researchers "Digital Transformation of Education and Artificial Intelligence"*. Moscow, Russia, September 26-27, 2019/ A. Yu. Uvarov, S. Wang, Ts. Kang, etc. ; ed. by I. V. Dvoretzskaya; National research. Higher School of Economics Univ., Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. (In Russ.)
3. Filosofova T. G., Surkova Yu. A. Features of competitive behavior of successful companies in the digital economy. *Russian Journal of Industrial Economics*. 2020;13(2):182–192. (In Russ.)
4. Kapitonov I. A., Voloshin V. I., Filosofova T. G., Syrtsov D. N. The Impact of Innovative Technologies on the Formation of a New Strategy for the Development of the International Oil and Gas Business. *Space and Culture, India*. 2019;7(2):27–38.
5. Chumakov D. A., Bolotina M. A. Digital education at the present stage: prospects and problems. *Bulletin of Youth Science*. 2021;1(28). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-obrazovanie-na-sovremennom-etape-perspektivy-i-problemy> [Accessed 11 May 2023]. (In Russ.)
6. Alexandrova O. A. Education: accessibility or quality – consequences of choice. *Knowledge. Understanding. Ability*. 2005;(2):83–93. (In Russ.)
7. Weindorf-Sysoeva M. E., Subocheva M. L. "Digital education" as a system-forming category: approaches to definition. *Moscow Pedagogical Journal*. 2018;(3). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-obrazovanie-kaksistemoobrazuyuschaya-kategoriya-podhody-k-opredeleniyu> [Accessed 10 December 2023]. (In Russ.)
8. Weindorf-Sysoeva M. E., Subocheva M. L. Didactics of the digital age: some aspects of development. *Bulletin of Tomsk State University*. 2023;(490). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/didaktika-tsifrovoy-epohi-nekotorye-aspekty-razvitiya> [Accessed 19 December 2023]. (In Russ.)
9. *Methodological recommendations on the formation of a digital educational environment in an educational organization*. Comp.: Smirnova E. N. St. Petersburg; 2022. 71 p. (In Russ.)
10. Prirodova O. F., Danilova A.V., Morgun A. N. The structure of the digital educational environment: regulatory and methodological aspects. *Pedagogy and psychology of education*. 2020;(1):9–30. (In Russ.)

Информация об авторах

Д. Н. Сырцов – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления инновационными проектами и цифровой трансформацией, директор отделения корпоративных программ обучения ВШКУ РАНХиГС, научный руководитель магистерской программы «Инновационный менеджмент и цифровая трансформация».

Ф. Б. Мирзаева – магистрант ВШКУ РАНХиГС.

Information about the authors

D. N. Syrtsov – Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the Department of Management of Innovative Projects and Digital Transformation, Director of the Department of Corporate Training Programs, Graduate School of Corporate Governance of RANEPa, Scientific Director of the Master's Program "Innovation Management and Digital Transformation".

F. B. Mirzaeva – Master's student, Graduate School of Corporate Governance of RANEPa.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.12.2023; одобрена после рецензирования 23.01.2024; принята к публикации 24.01.2024.

The article was submitted 22.12.2023; approved after reviewing 23.01.2024; accepted for publication 24.01.2024.

Научная статья

УДК 351+32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-84-89>

EDN ERTPXV

Транспарентность государственного управления и двойные стандарты в международных отношениях: риски и угрозы

Елена Николаевна Тованчова

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия,
Just_ien@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7123-8305>

Аннотация В статье рассматривается концепция транспарентности власти и её влияние на публичное управление и международные отношения. Авторы, включая Д. Торнтона, обсуждают транспарентность не как самоцель, а как инструмент повышения эффективности государственного управления, что демонстрируется на примере кредитно-денежной и валютной политики. Статья также освещает проблематику двойных стандартов в международной политике и их связь с уровнем транспарентности государственного управления, рассматривая двойные стандарты как инструмент информационной войны и выражение доминирования одних политических акторов над другими. В целом, статья подчёркивает важность транспарентности для устойчивости и эффективности как внутригосударственного управления, так и в контексте глобальных международных отношений в рамках минимизации использования различных девиантных политических инструментов, таких как двойные стандарты, призывая к более последовательному и справедливому подходу в международной политике.

Ключевые слова: государственное управление, транспарентность, двойные стандарты, международные отношения, информационная война

Для цитирования: Тованчова Е. Н. Транспарентность государственного управления и двойные стандарты в международных отношениях: риски и угрозы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 84–89. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-84-89>. EDN ERTPXV

Problems of Management

Original article

Transparency of public administration and double standards in international relations: risks and threats

Elena N. Tovanchova

Rostov State University of Railway Engineering, Rostov-on-Don, Russia,
Just_ien@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7123-8305>

Abstract. The article examines the concept of government transparency and its impact on public administration and international relations. The authors, including D. Thornton, discuss transparency not as an end in itself, but as a tool to improve the effectiveness of public administration, which is demonstrated by the example of monetary and monetary policy. The article also highlights the problems of double standards in international politics and their relationship with the level of transparency of public administration, considering double standards as an instrument of information warfare and an expression of the dominance of some political actors over others. In general, the article emphasizes the importance of transparency for the sustainability and effectiveness of both domestic governance and in the context of global international relations within the framework of minimizing the use of various deviant political instruments such as double standards, calling for a more consistent and equitable approach in international politics.

Keywords: public administration, transparency, double standards, international relations, information warfare

For citation: Tovanchova E. N. Transparency of public administration and double standards in international relations: risks and threats. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):84–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-84-89>. EDN ERTPXV

В современном мире, где глобализация и информационные технологии играют ведущую роль в формировании мирового политического ландшафта, транспарентность государственного управления и ее влияние на международные отношения становятся предметом все более пристального внимания ученых и политиков. Использование понятия «транспарентность» отражает стремление к открытости, доступности и прозрачности информации о деятельности органов публичного управления и ответственности перед обществом. Однако в практической плоскости обеспечение определённого уровня транспарентности сопряжено с рядом вызовов и противоречий, в первую очередь, в сфере международных отношениях, где могут использоваться различные девиантные инструменты давления для достижения политических целей, например, двойные стандарты, которые нередко становятся таким инструментом.

Определенную роль в анализе транспарентности сыграл Д. Торнтон. Его основная идея состоит в том, что транспарентность выступает не целью государственной политики, а ее средством, направленным на достижение эффективности публичного управления. Свою идею он убедительно обосновал на примере кредитно-денежной и валютной политики государства, проведя соответствующие количественные расчеты и определив конкретно измеряемые индикаторы.

Понятие политической ответственности Д. Лассеном характеризуется посредством двух важнейших черт: политической транспарентности и конкурентности. В этом контексте политическая транспарентность представляет собой лишь часть, хотя и очень важную, более общей системы, слагаемой из понятий политической ответственности и политической подконтрольности [1, с. 1].

Что касается отечественных ученых, то ими анализируемое понятие становилось предметом рассмотрения в контексте решения тех или иных проблем, относящихся к определенным сегментам социальной реальности, то есть в конкретно-практической сфере. Так, Г. В. Пызина рассматривает вопрос о значимости прозрачности и открытости властных структур в рамках обеспечения демократии и повышения эффективности управления политическими процессами. Учёный анализирует транспарентность публичной власти не только как способ достижения демократических целей, но и как инструмент повышения эффективности управленческой деятельности [2, с. 12].

С другой стороны, А. А. Коробов и С. А. Овчинников исследуют как транспарентность в действиях государственных и муниципальных служащих может служить инструментом для решения государственных проблем, связанных с информационно-политическими рисками и угрозами. В их работах акцентируется внимание на значении прозрачности для предотвращения рисков и управления угрозами, возникающими в политической сфере из-за недостатка информации. Эти исследования подчеркивают роль транспарентности (открытости и прозрачности) власти в создании условий для более эффективного и социально ориентированного управления обществом. [3].

Транспарентность власти оказывает влияние на процесс использования двойных стандартов как девиантных политических методов манипуляции, так как предполагает открытость и доступность информации о действиях публичных органов власти для общественности и международного сообщества. Это способствует подотчетности и подконтрольности международных акторов, тем самым может способствовать минимизации проявления двойных стандартов, поскольку делает более заметными любые несоответствия между декларируемыми целями и реальными действиями государства.

Когда правительство демонстрирует транспарентность, оно облегчает взаимное понимание и сотрудничество между странами, так как другие государства могут оценить истинные намерения и политику данного государства. Это может содействовать более справедливому и последовательному применению международных норм и снижению двойных стандартов, поскольку все стороны сталкиваются с общественным давлением в отношении соблюдения международных обязательств и принципов.

Рассмотрим подробнее политический феномен двойных стандартов. Так, В. Н. Казанцева рассматривает использование двойных стандартов как инструмент в информационных конфликтах, подчеркивая их роль в манипуляции общественным мнением и дезинформации [4, с. 113].

Е. В. Булипопова анализирует двойные стандарты как способ, с помощью которого одни политические силы устанавливают превосходство над другими, используя их в качестве механизма доминирования и контроля [5].

А. В. Ноздрин акцентирует внимание на процессе замещения одних концепций другими при сохранении их значений и взаимосвязей, что является ключевым аспектом двойных стандартов. Эти наблюдения позволяют глубже понять механизмы влияния двойных стандартов на международные отношения и внутриполитические процессы, а также их использование в стратегиях информационного противостояния и политической борьбы. Важность исследований в этой области обусловлена возрастающей актуальностью проблемы двойных стандартов в современном мире [6].

Данная проблематика имеет внушительную традицию изучения и в зарубежном политологическом дискурсе. Предметная сфера интересов располагается в той же самой области, что и в отечественной науке. Мы имеем в виду новый виток холодной войны, информационную борьбу, обострение международных проблем и конфликтов и их отражение в деятельности международных организаций вплоть до ООН. Рассмотрим ряд концепций, которые нам представляются наиболее интересными с точки зрения данной проблематики.

Согласно определению, данному Р. Купер, «двойной стандарт – это совокупность принципов, которые дают большую свободу одному человеку или группе, чем другому» [7, с. 76].

В соответствии с позицией Дж. Фридланда двойные стандарты представляют собой «правило, принцип, суждение и т.п. с точки зрения более строгого применения в отношении одной группы людей, обстоятельств и т.п., чем к другой» [8, с. 43].

По определению Д. Коула, твердые стандарты становятся гибкими и могут трансформироваться в двойные «...когда оценка одних и тех же действий субъектов варьируется в зависимости от того, в каких отношениях каждый из этих субъектов находится с оценивающим» [9, с. 27].

Манипулятивную природу двойных стандартов подчеркивает Дж. У. Рассел, по мнению которого они являются частью общего механизма информационно-коммуникативного пространства, созданного ради цели обеспечить преимущества в ходе интерпретации принятых в международном сообществе норм, направленных на регулирующие взаимодействия [10, с. 78].

Использование «двойных стандартов» в рамках международных отношений можно объяснить через два ключевых момента. С одной стороны, такая практика происходит из-за наличия стран-лидеров, действия которых основываются на своих собственных интересах, часто противоречащих интересам и целям других государств. С другой стороны, эти страны склонны к тому, чтобы интерпретировать установленные нормы и правила международного взаимодействия с определенной степенью гибкости, что позволяет им оправдывать свои агрессивные действия в рамках своих интересов, даже если такие действия могут казаться несоответствующими общепринятым стандартам.

Во-вторых, двойные стандарты применяются в том случае, когда акторы международной политики сталкиваются с недостаточной степенью определенности при выражении самих правил, допускающих двойную их трактовку.

В первом случае политика двойных стандартов объясняется субъективными факторами. Если коротко и по сути, то борьба за лидерство ввергает сильных игроков в соблазн применять обман и подтасовки, жонглировать игрой со смыслами в целях привлечения на свою сторону новых или удержания старых политических союзников.

Далее систематизируем возможные субъективные факторы, способные породить политику «двойных стандартов» в международных отношениях на мировой арене.

На первом месте необходимо разместить новый «старый» курс политики США, строящийся на основе убежденности американской элиты и разделяемого общественным мнением этой страны в том, что это государство обладает монопольным статусом «хранителя демократии», а также правильного (легитимного) «мирового порядка». Данные политические установки разделяются не только общественными кругами в самой Америке, но и населением многих других государств, особенно тех, которые подчиняют свою политику четко артикулированным намерениям стать частью западной цивилизации, находиться в едином фарватере, где принимаются общие для всего мира решения.

Среди таковых следует прежде всего назвать бывшие постсоциалистические страны Восточной Европы, стремящиеся своей некритической лояльностью продемонстрировать полное и абсолютное согласие с политикой США, чтобы как можно более четко продемонстрировать разрыв с политикой прежнего «социалистического лагеря». В этой ситуации широкое применение политики двойных стандартов оказывается возможным в силу того, что союзники США рассматривают данное государство в качестве гаранта спасения мира от хаоса и тирании.

Естественным продолжением такого отношения к американцам становится их убежденность в том, что даже сознательное применение обмана и манипуляций можно оправдать применением их во благо и для особо великих целей. Оправдание есть на все случаи жизни. США – это гарант мирового благополучия, преследующий достижение благих целей, оправдываемых любыми средствами. Складывается ощущение, что Соединенные Штаты являют собой образ мирового благотворителя, не имеющего собственных политических целей, идущих в разрез с интересами других государств. Между тем, подобного рода установки следует считать глубоко ошибочными, основанными на неверном понимании существующего политического момента.

Под второй причиной следует понимать возрождение роли и значения национального государства в мировой политике, которое ошибочно в начале 90-х годов XX века рассматривалось в качестве отживающего свой век политического рудимента, заменяемого более крупными региональными и даже общемировыми надправительственными объединениями и организациями. Еще два десятилетия назад казалось, что мировая политика будет подчиняться некоему универсальному порядку, способному подчинить себе нормативные основания для поведения основных политических акторов на международной арене. Предполагалось, что такая возможность основана на признании между разными государствами общих для всех универсальных человеческих ценностей, благодаря которым в прошлое уйдут конфликты между государствами, межнациональные и межрелигиозные противоречия.

В этих условиях начинается вестись борьба за монопольное право на трактовку положений международного права. Оно еще играет некоторую роль в урегулировании конфликтов между государствами, на него по-прежнему принято ссылаться, но делается это скорее по привычке, из страха, что ничем не прикрытый цинизм приведет к перешагиванию черты, за которой начнется хаос и мировые войны. Политика двойных стандартов выступает сдерживающим, хотя и в корне лицемерным механизмом поведения у современных субъектов мировой политики [11].

Третьим фактором, определим в более традиционном ключе и без глубокого теоретического анализа, является аморальность. Это качество неотъемлемо связано с политической деятельностью в целом, однако оно особенно выражено в сфере внешней политики. При этом властные структуры хорошо понимают, что в контексте международных отношений ложь и обман воспринимаются гораздо более снисходительно, чем в домашней политической арене. Здесь намного проще убедить избирателей, что это делает во благо их интересам. Дело в том, что внутренняя политика осознается через собственный «кошелек», свои ресурсные возможности, а внешняя воспринимается в большей степени эмоционально. Поэтому любая ложь, к которой в полной мере относятся и двойные стандарты, является коллективной формой лжи, солидарность с которой устанавливается во имя призрачных интересов.

Кроме причин субъективного плана, выступающих в роли факторов для массового применения практики «двойных стандартов», также нужно назвать еще причины объективного порядка, обозначенные нами следующим образом: отсутствие четкости и однозначности в существующих правилах мировой политики. Сама по себе идея универсальности (а в данном контексте – однозначности) международных норм родилась через убежденность в том, что мы вошли в стадию социального развития, определяемую как консенсус. Между тем, это не совсем правильно. Утверждения о возможности достичь единообразного взгляда на основные проблемы мирового развития основана на продвижении желаемого за действительное, и своими корнями уходит в типичный для западной цивилизации европоцентризм. В мире остается огромное количество проблем, истоки и характер которых воспринимаются в разных местах земного шара совершенно по-разному. До сих пор не выработаны не только общие основания для их разрешения, но также и общий взгляд на суть и причинный комплекс имеющихся конфликтов.

Оправдывается практика использования двойных стандартов в международных отношениях сложившейся международной конъюнктурой, в которой ведется борьба всех против всех,

растут масштабы информационных войн, методы которой становятся все более инновационными. По моему мнению, отказ от практики двойных стандартов позволит сделать политику более прозрачной и предсказуемой, что в свою очередь улучшит качество международных отношений и жизнь мирового сообщества в целом.

В заключение подчеркнем, что гарантирование национальной безопасности является ключевой задачей любого государства. Современный мир полон разнообразных угроз и вызовов, среди которых особое место занимают технологии, способные нарушить стабильность любой нации. Эра информации принесла человечеству не только новые возможности для прогресса, но и спровоцировала появление таких опасностей, как информационное оружие, выражающееся в масштабных кибератаках на ключевые государственные и военные инфраструктуры с целью похищения данных и влияния на политические процессы через манипуляции общественным мнением.

В ответ на эти вызовы требуется комплексный и систематизированный подход к обеспечению информационной безопасности, где все защитные мероприятия должны быть взаимосвязаны и логически обоснованы. В условиях быстро меняющегося информационного ландшафта население стремится к получению большего количества данных, что ставит перед учеными и государственными органами задачу найти оптимальный баланс между прозрачностью власти и защитой важной информации от внешних угроз. Это предполагает четкое регулирование информационных потоков в стране согласно нормативно-правовым актам, а также поиску оптимального баланса уровня транспарентности публичного управления.

Список источников

1. Lassen D. *Political Accountability and the Size of Government: Theory and Cross-Country Evidence*. Copenhagen, 2000.
2. Пызина Г. В. *Транспарентность исполнительной власти: сущность и механизмы реализации в современной России*: Автореф. дисс. к.п.н. М., 2006.
3. Силкин В. В. *Транспарентность исполнительной власти в цифровую эпоху* // Российский юридический журнал. 2021. № 4 (139). С. 20–31.
4. Казанцева В. Н. *Политика двойных стандартов в современном обществе* // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 4. Ч. 2.
5. Булипопова Е. В. *Двойные стандарты: проблема и понятие в дискурсивном пространстве современной политической теории* // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 112–118.
6. Денисенко И. Ф., Тованчова Е. Н. *Транспарентность как условие обеспечения эффективности и открытости органов государственной власти* // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 3 (154). С. 126–131.
7. Cooper R. *The New Liberal Imperialism* // The Observer. 2002. 7 April 2002.
8. Freedland J. *To keep Scotland, Britain must embrace the separatists* // The Guardian. 2015. 24 April.
9. Cole D. *Enemy-Aliens: Double Standards and constitutional freedoms in the war on terrorism*. N. Y., 2003.
10. Russel J. W. *Double standard: social policy in Europe and the United States*. NY, 2006.
11. Орлова К. О. *Транспарентность органов публичной власти в современных условиях российской действительности* / В сборнике: Государство и право в изменяющемся мире: 30 лет конституционного развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2023. С. 269–276.

References

1. Lassen D. *Political accountability and the size of government: theory and country data*. Copenhagen, 2000.
2. Pyzina G. V. *Transparency of executive power: the essence and mechanisms of implementation in modern Russia*: Abstract. Diss. Ph.D. Moscow; 2006. (In Russ.)
3. Silkin V. V. *Transparency of executive power in the digital age*. *Russian Law Journal*. 2021;4(139):20–31. (In Russ.)

4. Kazantseva V. N. The policy of double standards in modern society. *Modern scientific research and innovations*. 2014;4(2). (In Russ.)
5. Bulipopova E. V. Double standards: a problem and a concept in the discursive space of modern political theory. *Political linguistics*. 2011;1(35):112–118. (In Russ.)
6. Denisenko I. F., Tovanchova E. N. Transparency as a condition for ensuring the effectiveness and openness of public authorities. *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2023;3(154):126–131. (In Russ.)
7. Cooper R. The New Liberal imperialism. *The Observer*. 2002. April 7, 2002.
8. Friedland J. To save Scotland, Britain must accept the separatists. *The Guardian*. 2015. April 24th.
9. Cole D. *The Alien Enemy: Double standards and Constitutional freedoms in the war on terrorism*. New York, 2003.
10. Russell J. U. *Double standards: Social policy in Europe and the United States*. New York, 2006.
11. Orlova K. O. Transparency of public authorities in modern conditions of Russian reality. In: *State and Law in a changing world: 30 years of constitutional development*. Materials of the All-Russian scientific and practical conference. Nizhny Novgorod; 2023:269–276. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. Н. Тованчова – кандидат политических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление» РГУПС.

Information about the author

E. N. Tovanchova – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of the Department of State and Municipal Management, Rostov State University of Railway Engineering.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 02.02.2024; одобрена после рецензирования 28.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

The article was submitted 02.02.2024; approved after reviewing 28.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 90–96

State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(1):90–96

Проблемы экономики

Научная статья

УДК 336+339

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-90-96>

EDN DEFOPC

Многополярность в сфере валютных отношений как основа справедливого обмена в мировой экономике

Наталья Николаевна Ажогина¹, Людмила Васильевна Китаева²

^{1, 2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹natochka30-11@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6806-2476>

²lvk_vvk@mail.ru

Аннотация. В статье описана трансформация мировой валютной системы, которая происходит в последние два десятилетия, а также прогноз будущей архитектуры международных расчетов и резервов. К ключевым современным тенденциям авторы относят дедолларизацию, регионализацию, блоковость и борьбу за присвоение рентных доходов в рамках национальных экономических систем. Авторы констатируют, что дальнейшая трансформация мировой финансовой системы неизбежна, она приведет к демонтажу привычных институтов международных расчетов и автоматическому уничтожению санкций как института политического давления на национальные государства, и чем быстрее будет запущен этот процесс, тем выше вероятность экономического роста в блоках дружественных стран на основе глубокой экономической кооперации и общности интересов.

Ключевые слова: ренториентированное поведение, долларова рента, дедолларизация, регионализация, БРИКС, резервы, институты, финансовая инфраструктура

Для цитирования: Ажогина Н. Н., Китаева Л. В. Многополярность в сфере валютных отношений как основа справедливого обмена в мировой экономике // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 90–96. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-90-96>. EDN DEFOPC

Problems of Economics

Original article

Multipolarity in the field of currency relations as the basis for fair exchange in the global economy

Natalia N. Azhogina, Lyudmila V. Kitaeva

^{1, 2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹natochka30-11@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6806-2476>

²lvk_vvk@mail.ru

Abstract. The article is about the transformation of the global monetary system that has been taking place in the last two decades, as well as the forecast of the future architecture of international settlements and reserves. The authors refer to the key modern trends as de-dollarization, regionalization, blockism and the struggle for the appropriation of rental income within the framework of national economic systems. The authors state that further transformation of the global financial system is inevitable, it will lead to the dismantling of the usual institutions of international settlements and the automatic destruction of sanctions as an institution of political pressure on nation states, and the sooner this process is launched, the higher the probability of economic growth in the blocs of friendly countries based on deep economic cooperation and common interests.

Keywords: rent-oriented behavior, dollar rent, de-dollarization, regionalization, BRICS, reserves, institutions, financial infrastructure

For citation: Azhogina N. N., Kitaeva L. V. Multipolarity in the field of currency relations as the basis for fair exchange in the global economy. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):90–96. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-90-96>. EDN DEFOPC

Современный этап развития мировых экономических отношений, основанных на доминировании глобальной валюты, характеризуется как трансформационный, поскольку уже второе десятилетие происходят значимые подвижки от ключевого доминирования к альтернативным вариантам архитектуры глобального денежного рынка. Эти процессы актуальны как в теоретическом, так и в практическом аспекте.

Однополярная денежная гегемония США не является абсолютной и неизменной. Развитие мировой хозяйственной системы объективно требует изменений международной финансовой системы. Возникновение «долларового гегемона» на определенном этапе, в определённых геополитических и экономических условиях, следует рассматривать в парадигме жизненного цикла. Эффективный инструмент расчетов между странами проходит стадии создания и ухода из оборота. Это относится и к товарным деньгам, и к современным фидуциарным.

Преимущества существующей системы для государства, эмитирующего резервную валюту, имеют такую экономическую силу, что для ее защиты могут и используются все доступные средства. Борьба за сохранение этих преимуществ принимает разнообразные формы. Но со стороны собственника мировой валюты все средства хороши, так как это дает возможность: увеличивая спрос на национальную валюту, присвоить сеньораж; экспортировать внутреннюю инфляцию, экспортируя свою валюту в другие страны; финансировать дефицит своего государственного бюджета за счет более слабых государств.

Действия эмитента мировой валюты укладывается в категорию «рентоориентированное поведение». Институт мировой валюты дополняется правом формирования «международных правил», которые легитимизируют процесс перераспределения национального дохода и трансформации его в глобальную ренту. Этот механизм авторы подробно раскрыли в своей предыдущей работе [1]. Глобализация экономических процессов способствует реализации целей рентополучателя.

Однако современные геополитические процессы значительно изменили ситуацию в мировой экономике. Тенденции глобализации в мировом хозяйстве сопровождаются усилением локализации и регионализации. Геополитические амбиции развитых стран стимулируют процессы борьбы за государственный суверенитет. Страны-собственники реальных экономических ресурсов отказываются от статуса «поставщика ресурсов» в обмен на технологии и внедряют политику импортозамещения. Вследствие этого возникают новые связи в международных экономических отношениях, новые региональные геополитические и экономические союзы, основанные на равноправии и взаимной выгоде. Таким образом, происходит подрыв «монополии международных правил».

Немаловажным фактором, определяющим необходимость дальнейшей эволюции международной валютно-финансовой системы, является значительный рост ВВП развивающихся стран и сокращение доли США в мировом ВВП. Динамика значительная и не в пользу американской экономики: снижение с 40 % в 1960 г. до 24 % – в 2021 г.

Напомним, что основой Бреттон-Вудской системы, которая длительное время определяла положение доллара как международного средства расчетов и хранения резервов, выступила экономика США. Вторая мировая война, разрушившая страны Европы, СССР, Японию, послужила катализатором обогащения и укрепления американской экономики, а также возможности формирования статуса США как геополитического гегемона.

Утрата позиции ведущей экономики мирового хозяйства создает условия для ослабления роли доллара в сфере международных расчетов.

Можно провести параллели в истории, на которые ссылаются такие авторы, как В. Криворотов и Л. Бадалян: фунт стерлингов утратил значение мировой валюты, когда появились более производительные технологии, и новая экономическая мощь демонтировала как доминантный энергетический ресурс – уголь, так и всю глобальную валютную инфраструктуру, созданную Великобританией [2, с. 44].

Разрушительная сила военных конфликтов вносит свой вклад в экономическое развитие. В частности, война – это способ внеэкономического стимулирования доведения новых технологий до действующих вариантов. Административный ресурс государства является мощным инструментом, способным обеспечивать направление инвестиций в новую неотработанную индустрию. Критическая ситуация, связанная с экстремальными условиями войны, активизирует усилия государства в этой области, так как стоит вопрос не эффективного использования ресурсов, а выживания. Именно война развивает производственные мощности, которые в мирное время никому не нужны.

Используя производительную силу военных технологий и их потенциальное влияние на развитие гражданского сектора, Соединенные Штаты Америки стараются развернуть их исключительно в свою пользу. Для этого разжигаются локальные конфликты на территориях, значительно удаленных от собственной территории. Конфронтация сторон в значительной степени обеспечивается оружием американского производства. Основная цель – желание продлить существование глобального рынка международных расчетов, основанного на долларе.

Милитаризация доллара – это не только присвоение милитаристской ренты, основанной на продаже оружия в зонах развязанных Америкой конфликтов. Сам доллар, будучи резервной валютой, становится оружием, позволяющим сдерживать развитие экономики путем введения различных санкционных мер, например, заморозку суверенных валютных резервов.

По словам А. Антонова, возможность конфискации российских государственных активов властями США заставляет другие государства задуматься об отказе от использования доллара, поскольку подобные идеи Белого дома противоречат национальным интересам независимых государств и международному праву, а также подтверждают в очередной раз необходимость в переходе мирового сообщества к многополярности¹. Таким образом, политика Соединенных Штатов, вопреки здравому смыслу, подрывает доверие к национальной валюте как способу хранения резервов.

Ранее, в 70-х годах XX ст. министр финансов США Джон Коннэли заявил, обращаясь к иностранным контрагентам: «доллар – это наша валюта, но ваша проблема»².

Этот тезис прозвучал в связи с прекращением действия механизма золотого обеспечения и свободной конвертации доллара в золото. Актуализация этого тезиса только усиливается в связи с тем, что отрыв бумажного средства международных расчетов от реального актива расширил возможности эмитента реализовать свои экономические интересы в мировой экономике и перемещать незаработанный национальный доход других государств в свою пользу.

Использование доллара в качестве своеобразного санкционного инструмента для наказания государств, стремящихся к национальному суверенитету и выходу из зоны гегемонии США, неизбежно приводит к необходимости поиска альтернативных форм международных расчетов.

Однако в настоящее время срабатывает «обратная ловушка Фукидида». Термин ловушка Фукидида появился в связи с тем, что в мировом пространстве может происходить смена лидера. Новое, укрепляющее свои позиции государство, направляет свои усилия против действующего гегемона. Древнегреческий историк Фукидид таким образом рассматривал баланс сил между Афинами и Спартой.

В современных реалиях ловушка Фукидида работает в контексте отношений между долларом США и любыми потенциальными соперниками. В качестве ответа США, нынешний гегемон, использует все возможные инструменты для сдерживания потенциальных конкурентов³.

Внутренние социальные и экономические факторы в США, особенно процессы деиндустриализации, негативно сказываются на глобальном доминировании американской валюты, но одновременно требуют активизации в сфере борьбы за рентные доходы.

В связи с этим актуальной становится борьба за рентный доход от природных ресурсов, добываемых на территории США. Но для того, чтобы получить ренту, эти ресурсы должны быть

¹ В МИД России рассказали, сколько российских активов хочет украсть Украина – URL: NEWS.ru (дата обращения 28.01.24).

² Кадомцев А. Слишком дорогой: «доллар – это наша валюта, но ваша проблема» // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/37441> (дата обращения 11.01.2024).

³ Трапара В. Противостояние Китая и США: «обратная ловушка Фукидида» / ИМЭМО РАН. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/protivostoyanie-kitaya-i-ssha-obratnaya-lovushka-fukidida> (дата обращения 18.01.2024).

проданы, причем по цене, которая не только покрывает издержки, но и приносит ренту собственнику. Этому способствуют санкции на рынке энергетических ресурсов. Санкции решают несколько задач: ослабить экономику России, ограничив доходы от экспорта ресурсов; переключить страны Западной Европы на потребление американских ресурсов, обеспечивая одновременно и спрос, и рост цен на них.

Заметим, что указанные действия – это попытка ограничить развитие не только Российской Федерации, но и стран-лидеров Западной Европы. Следствием санкционной политики США, в которую активно вовлечены страны Европейского Союза, становится перелив европейского промышленного капитала в американскую экономику. Перелив стимулируется относительной дешевизной энергоресурсов в принимающем государстве, что дает возможность монетизировать собственную (американскую) природную ренту.

Санкционная политика имеет и обратный эффект: возможность активно перераспределять природную ренту из других государств в современных геополитических реалиях ограничивается.

Торговые ограничения, которые многократно увеличились с началом СВО, привели к росту цен на стратегически важные природные ресурсы. Причем, это касается не только энергоносителей, но таких важных минералов, как медь, никель, кобальт, литий.

Отметим, что рынки, предлагающие эти ресурсы высоко концентрированы. Добычу природных ресурсов невозможно перенести на другую территорию. Эти ресурсы бывает просто невозможно заменить или обеспечить достаточное количество заменителей. Дефицит природных невозобновляемых ресурсов приводит к сложности контроля цен на них, установления ценового потолка как формы санкционного давления и ограничения доходов стран-собственников природных ресурсов. К объективным факторам добавляется государственная политика, направленная на обеспечение высокой локализации производства и экспорт прямых инвестиций в дружественные страны, формирование вертикально интегрированных производств в рамках новых экономических коопераций.

Меры политики, направленные на перемещение производства в дружественные страны, и требования по уровню локализации производства также могут исказить ситуацию на рынке и повышать издержки.

Таким образом, санкции превращаются в бумеранг, который препятствует перераспределению ренты в мировом масштабе. Санкции против финансового сектора и золотовалютных резервов Российской Федерации в виде их заморозки и стимуляции процедур передачи дохода от них Украине, разворачивают разрушительный механизм существующей мировой финансовой системы, поскольку создают прецедент влияния военно-политических институтов на экономические и наоборот. Это делает очевидным небезопасность хранения золотовалютных резервов государств в любой форме кроме золота, находящегося на собственной суверенной территории.

Реализация национальных интересов большого количества государств, которые испытывают на себе последствия санкционной политики с использованием доллара как инструмента подавления государственного суверенитета, требует формирования новой финансово-валютной системы.

Дедолларизация должна идти не в направлении замены доллара на некую другую национальную валюту в качестве резервной, но в направлении создания принципиально новых расчетных средств, концептуально новой архитектуры международной валютной системы с учетом многополярного мира.

Выход из долларовой монополии и сложившейся международной финансовой системы кажется очевидно необходимым, но на этом пути существуют проблемы. Одна из важнейших – отсутствие альтернативных международных расчетных и платежных систем. Эта проблема тормозит развитие международных расчетов и является источником экономических конфликтов между странами, позволяя трансформировать монополию доллара в инструмент присвоения ресурсной ренты.

Как правило, активизация поисков новых форм международных расчетов происходит в условиях кризиса или при восстановлении экономической системы. Обсуждение таких вариантов в последний раз глубоко прорабатывалось после мирового финансово-экономического кризиса 2007-2009 гг. В частности, еще весной 2009 г. глава Народного банка Китая Чжоу Сяочуань предлагал на роль резервной валюты SDR – квазивалюту МВФ [3, с. 48].

Предполагалось, что наднациональная валюта гораздо проще будет устранять экономические дисбалансы. В частности, так называемые «битвы печатных станков» и прочие способы девальвации национальных валют. Однако для реализации этой идеи на практике требовалось вовлечение в эту систему новых валют, поскольку валютная корзина, созданная в 1969 году, имела очень ограниченный состав (44 % – доллар США, 34 % – евро, 11 % – японская иена, 11 % – британский фунт стерлингов). Помимо вовлечения новых валют в МВФ требовалось изменение квот, которое соответствовало бы количеству голосов, но уже давно не соответствует объему экономики различных государств, к примеру, квота Китая в несколько раз меньше доли китайского ВВП в мировой экономике, а квота Нидерландов в 2 раза больше ее доли ВВП.

Для того, чтобы трансформировать SDR, нужно пройти такой же путь, как от ЭКЮ к евро, то есть из условного платежного средства должна получиться полноценная валюта, имеющая твердую экономическую основу.

Однако современный кризис глобального мироустройства, тенденции к регионализации, блоковости, отсутствие общемировых экономических интересов ставят задачу появления единой наднациональной валюты под сомнения. Этому также способствует желание сохранять полную суверенность банковских систем национальных государств, а глобальная валюта выступает инструментом косвенного регулирования в руках МВФ и способствует идее появления так называемого Всемирного Центробанка, которая не может быть реализована в современных экономико-политических реалиях.

Торговые войны, развязываемые «гегемоном», встречают ответные действия со стороны укрепляющих свои позиции в мировой экономике государств, сокращая степень влияния доллара и осознания необходимости отказа от его использования в международных расчетах.

Проблема отсутствия международных платежных систем за пределами господства доллара может быть решена только путем создания наднациональных расчетных единиц в рамках кооперации дружественных стран.

Регионализация мировой валютно-финансовой системы – объективный процесс, отражающий тенденцию формирования многополярного мира.

Страны ШОС, БРИКС, а также страны Юго-Восточной Азии и Африки должны вместе создавать и развивать альянс торгово-экономического сотрудничества.

На начальном этапе этот процесс представляется как переход на взаимные расчеты в национальной валюте. Основой такой системы является увязка денежных потоков с реальными товарными потоками. Таким образом, обеспечивается справедливый обмен между странами и национальный доход присваивается населением, создавшим его, а не перераспределяется в пользу геополитического гегемона. Актуальной становится не специализация на денежно-финансовых операциях, а производство реальных благ, необходимых для жизнедеятельности человека.

Можно предположить, что в перспективе поднимется вопрос о формировании платежного средства для БРИКС в виде индексной валютной корзины, которая будет учитывать объем ВВП стран, размер государственного долга, золотовалютные резервы, сальдо платежного баланса и другие параметры. То есть некая аналогично SDR институционализированное платежное средство, однако созданное на близости экономической интеграции дружественных стран. Ограничением данной идеи может выступить то, странам сложно договориться о подобной сложной системе, и согласно историческим параллелям снова появится национальная валюта, которая сменит доллар как мировое платежное средство. Большинство экспертов в этом случае склоняются к юаню, однако опасаясь проблем нынешней Ямайской финансовой системы, порожденной свободно плавающими валютными курсами, предлагается вернуться к так называемым золотым стандартам для основных мировых валют. По мнению Р. Зеллика, это должно снизить волатильность на валютных рынках [4, с. 49].

Следует отметить, что на данный момент способы реализации новой инфраструктуры международных расчетов являются предметом жестких межгосударственных и научных дискуссий.

По мнению А. Шелепова, более 10 лет в рамках БРИКС обсуждается расширение использования во взаиморасчетах национальных валют, но процесс сталкивается с объективными трудностями. Например, при оплате рупиями российского экспорта в Индию возникает вопрос, что российским компаниям в дальнейшем делать с полученной индийской валютой. Единая валюта в целом может помочь процессу дедолларизации и одновременно сгладить трудности, связанные

с несбалансированностью торговли между странами, входящими в объединение. Но это – дело более отдаленной перспективы. И такая валюта вряд ли будет обеспечена золотом. На первом этапе достаточно реалистичным выглядит создание некой безналичной расчётной единицы наподобие европейского ЭКЮ в 1979–98 гг.¹

Традиционные темы для обсуждения в рамках БРИКС:

- глобальное управление;
- повестка в области устойчивого развития ООН;
- климатическая повестка;
- развитие системы внешнеторговых расчетов с использованием нацвалют.

В. Кузин отметил, что, создав новые стандарты международного сотрудничества, основанные на равенстве его членов, БРИКС доказал свою привлекательность. Включение в альянс Саудовской Аравии, ОАЭ и Ирана, при наличии в нём России, будет означать объединение, консолидацию важнейших производителей энергоресурсов. Их доля в общемировой добыче чёрного золота составляет, по различным оценкам, от 40 до 80 %, что оказывает значительное влияние на формирование мировых цен на нефть. Наличие в блоке крупнейших потребителей развивающегося мира – Китая и Индии – замыкает производственную цепочку, позволяет вести расчёты внутри объединения национальными валютами и, в перспективе, ставить вопрос о создании собственной валюты. Это обстоятельство делает БРИКС независимым от давления Запада и представляет его важным субъектом мировой политики, разрушая представления об однополярном мире².

На фоне отказа европейских стран от российских энергоресурсов при развитой инфраструктуре поставок, выстроенных за несколько предшествующих десятилетий, неизбежно ведет к деиндустриализации данного макрорегиона, а в совокупности с сокращением доли доллара и евро в международных расчетах, появлению новых мировых точек роста производства, подкрепленной новыми формами расчетных и резервных инструментов.

Появление альтернативных безопасных активов может стимулировать конец доминированию доллара. По мнению Г. Джеймса, «национальная эпоха в сфере денег завершается и что мир быстро движется в сторону денег, основанных на информации, а не на доверии к какому-то конкретному правительству»³.

В современном мире логичнее использовать более гибкие, приспособленные к изменениям средства, такие как цифровые валюты или платёжные системы, представляющие собой наднациональные денежные системы. В связи с этим следующий виток развития экономических процессов в сфере международных расчетов провоцирует начало конкурентной борьбы за создание и управление современной инфраструктурой подобной системы, а здесь сама ее архитектура может развиваться на базе национальных площадок, выпускающих национальные платежные инструменты. В частности, выпуск цифрового рубля и других банковских продуктов на основе технологии блокчейна, как презентация варианта цифрового платежного средства позволяют Российской Федерации продемонстрировать некие конкурентные преимущества в данной сфере.

Таким образом, дальнейшая трансформация мировой финансовой системы неизбежна, она приведет к демонтажу привычных институтов международных расчетов и автоматическому уничтожению санкций как института политического давления на национальные государства, и чем быстрее будет запущен этот процесс, тем выше вероятность экономического роста в блоках дружественных стран на основе глубокой экономической кооперации и общности интересов.

Благодаря таким значимым изменениям институты получения рентного дохода от природных ресурсов и фидуциарных платежных средств будут перераспределены между собственниками ресурса и эмитентами платежных средств, а не в пользу единого получателя, таким образом, рента примет свою первоначальную форму, когда она должна быть присвоена собственником ресурса напрямую без рентоулавливающих механизмов, поддерживаемых искусственно созданными институтами, такими как санкции.

¹ Экономист Шелепов: единая валюта БРИКС ускорит глобальную дедолларизацию // Информационное агентство REGNUM / URL: regnum.ru (дата обращения 30.01.2024).

² РФ и страны БРИКС планируют создать единую платформу оценки запасов полезных ископаемых. - Наука - ТАСС URL: tass.ru (дата обращения 30.01.2024).

³ Джеймс Г. Цифровой шок Никсона? // Project Syndicate URL: <https://www2.project-syndicate.org/commentary/digital-money-alternatives-to-dollar-by-harold-james-2021-07/russian> (дата обращения 05.01.2024).

Список источников

1. Ажогина Н. Н., Китаева Л. В. Институционализация рентоориентированного поведения государства в мировой экономике // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 85–90. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-85-90>
2. Рубченко М. На излете нефтяной эпохи // Эксперт. 27.09.2010–03.10.2010. № 38.
3. Зотин А. Всемирный центробанк // РБК. 2010. № 1.
4. Марухно А. Битва печатных станков // РБК. 2011. № 1.

References

1. Azhogina N. N., Kitaeva L. V. Institutionalization of rent-oriented behavior of the state in the world economy. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(2):85–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-85-90>
2. Rubchenko M. At the end of the oil age. *Expert*. 27.09.2010–03.10.2010;(38). (In Russ.)
3. Zotin A. The World Central Bank. *RBC*. 2010;(1). (In Russ.)
4. Marukhno A. Battle of printing presses. *RBC*. 2011;(1). (In Russ.)

Информация об авторах

Н. Н. Ажогина – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

Л. В. Китаева – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС

Information about the authors

N. N. Azhogina – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship, South Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

L. V. Kitaeva – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship, South Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.02.2024; одобрена после рецензирования 21.02.2024; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 01.02.2024; approved after reviewing 21.02.2024; accepted for publication 22.02.2024.

Влияние криптовалюты на развитие российской экономики: угрозы и экономические возможности

Кристина Александровна Волошина

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,
<https://orcid.org/0000-0002-9890-6761>

Аннотация. Современные тенденции развития экономики обуславливают курс на цифровизацию, что предполагает развитие предпринимательства в формате электронной среды, сбываемых цифровых товаров и услуг. Расчёты за услуги и товары в цифровой экономике производятся зачастую цифровой валютой. Однако ряд особенностей криптовалюты, таких как полная виртуальность, отсутствие единого хранилища, центра управления и центра эмиссии; абсолютная анонимность всех операций и другие создают ряд угроз для стабильности национальной и мировой экономики. Автором констатируется, что пробелы в российском законодательстве по отношению к криптовалюте ставят ряд ее преимуществ под сомнение, формируя их в качестве рисков и угроз. Так, например, наличие альтернативной платежной системы нарушает целостность национальной системы, в частности, Центральный Банк теряет монопольное право на эмиссию денег, а контрольно-надзорные органы теряют право и возможность контроля за денежным оборотом в стране.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровизация, цифровые деньги, транзакции, безопасность, мировой рынок

Для цитирования: Волошина К. А. Влияние криптовалюты на развитие российской экономики: угрозы и экономические возможности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 97–103. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-97-103>. EDN DDAGJZ

Problems of Economics

Original article

The impact of cryptocurrency on the development of the Russian economy: threats and economic opportunities

Kristina A. Voloshina

South Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-9890-6761>

Abstract. Current trends in economic development determine the course towards digitalization, which implies the development of entrepreneurship in the format of an electronic environment, marketed digital goods and services. Payments for services and goods in the digital economy are often made in digital currency. However, a number of features of the cryptocurrency, such as full virtuality, the absence of a single repository, control center and emission center; the absolute anonymity of all transactions and others create a number of threats to the stability of the national and global economy. The author states that gaps in Russian legislation in relation to cryptocurrency call into question a number of its advantages, forming them as risks and threats. For example, the existence of an alternative payment system violates the integrity of the national system, in particular, the Central Bank loses the monopoly right to issue money, and the supervisory authorities lose the right and ability to control the money turnover in the country.

Keywords: cryptocurrency, digitalization, digital money, transactions, security, global market

For citation: Voloshina K. A. The impact of cryptocurrency on the development of the Russian economy: threats and economic opportunities. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):97–103. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-97-103>. EDN DDAGJZ

В современном мире все сферы общественной жизнедеятельности связаны с информационными технологиями, в том числе и экономика. Цифровизация предполагает использование цифровых технологий. В данном случае речь не только об электронном документообороте или сдаче бухгалтерской отчетности по сети интернет, но и об использовании цифровой валюты в процессе экономической деятельности как средство платежа с определенной ликвидностью.

Зарождение цифровых денег и история криптовалюты связана с талантливыми личностями, сумевшими заразить своей идеей миллионы людей. Криптовалюта представляет собой набор концептов и технологий, которые совместно образуют основу для экосистемы цифровых денег¹.

Криптовалюту можно синонимировать с термином «виртуальные деньги», то есть это определенные криптографические коды, не имеющие никакого материального аналога.

Впервые, в 1982 г., Дэвид Чаум описал принцип работы анонимной платежной централизованной системы платежей. Уже спустя 16 лет впервые прозвучал термин b-money, предложенный программистом Вей Дей. В 2007 г. была запущена сеть блокчейн и Bitcoin версии 0.1., и в ноябре 2009 куплен первый биткойн Мартином Малми. С 2012 г. функционируют биржи криптовалюты и оборот их финансовых потоков растет ежегодно.

Криптовалюта как платежный инструмент имеет ряд отличительных черт:

- полная виртуальность;
- отсутствие единого хранилища, центра управления и центра эмиссии;
- отсутствие обеспеченности золотом;
- абсолютная анонимность всех операций;
- прозрачность и моментальное осуществление транзакций, с невозможностью отмены платежа;
- минимизация транзакционных издержек, в том числе возможность трансграничных переводов с минимальными комиссиями.

Эти черты обусловлены тем, что все созданные средства хранятся в блокчейне: распределенной, децентрализованной учетной книге, которая является базисом экосистемы криптовалют. Кошельки же, в свою очередь, содержат важные данные, которые позволяют пользователю получить доступ к этим средствам, непосредственно внутри блокчейна и, при правильном управлении, обеспечивают их безопасное хранение. Криптовалюта может обращаться в публичном и непубличном распределенном реестрах.

На сегодняшний день на рынке представлено более полутора тысяч криптовалют. При создании криптовалют возникли технологии, не имевшие ранее аналогов (рис. 1).

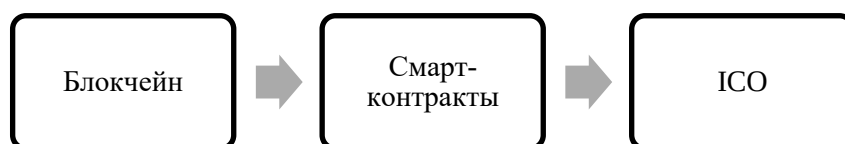

Рис. 1. Технологии создания криптовалют.
Составлен автором на основании источника [1]

Fig. 1. Cryptocurrency creation technologies

Самая популярная технология – это блокчейн. Его сущность заключается в том, что это децентрализованная, распределенная и часто публичная цифровая книга, состоящая из записей, называемых блоками, которая используется для записи транзакций на многих компьютерах, так что любой задействованный блок не может быть изменен задним числом, без изменения всех последующих блоков. Ни украсть, ни подделать, ни взломать хакерскими атаками эту платформу невозможно [2].

¹Антонопулос А. MasteringBitcoin [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://github.com/bitcoinbook/bitcoinbook>. (Дата обращения: 11.04.2023)

Рассмотрим основные виды криптовалют в мировом экономическом пространстве [3].

Биткоин в структуре мирового рынка криптовалют имеет 48 %. Текущий запас биткоинов составляет более 19,2 млн. С учетом того, что количество новых BTC за блок уменьшается вдвое каждые четыре года, ожидается, что последний Bitcoin будет сгенерирован в 2140 г. В 2023 г. стоимость одного биткоина составляет примерно 30500 тыс. долл. и постоянно меняется в зависимости от спроса на данную криптовалюту. Волатильность биткоина примерно 2,5 %.

Эфириум в структуре мирового рынка занимает 19 % и его цена составляет примерно 2 тыс. долл. за единицу, однако у него есть преимущество: добыча этого вида криптовалюты никогда не закончится. Данная криптовалюта имеет один из самых высоких показателей волатильности – 6,5 %.

Тетхер на третьем месте в рейтинге самых востребованных криптовалют и его объем в общей массе всех добываемых криптовалют в мире составляет почти 7 %. За один тетхер необходимо заплатить примерно 82 российских рубля, или чуть больше 1 доллара США. Также отметим особенности такой криптовалюты как Litecoin (LTC), которая была создана разработчиком Google – Чальзом Ли в 2011 г. В смысловом значении, данная криптовалюта схожа с биткоином, и создана с целью осуществления функции средства платежа, а также ее можно конвертировать в биткоины в чистом виде.

Криптовалюта – уникальный феномен, технические особенности которого существенным образом определяют экономические и юридические особенности. Криптовалюта с технической точки зрения – математический код, обращающийся в системе распределенного реестра – учетной записи, подтверждающей наличие криптовалюты.

С точки зрения российского законодательства, криптовалюта обладает двумя основными отличительными чертами:

- 1) Криптовалюта не является законным платежным денежным средством.
- 2) Криптовалюта не является электронным денежным средством [4, с. 62].

С момента создания криптовалюты прошло уже почти 15 лет. Тенденция к цифровизации и востребованность цифровой валюты усиливает влияние не только на современную экономику, но и на нормативно-правовую базу [5, с. 97].

Отдельный нормативно-правовой акт, регламентирующий деятельность и функционирование цифровой валюты на территории Российской Федерации, появился лишь в конце 2020 г., несмотря на то, что в 2017 г. в Государственную Думу был внесен законопроект от партии КПрФ «О системе распределенного национального майнинга». Суть данной законодательной инициативы сводилась к введению в оборот «крипторубля» как законного платежного средства. Также предложено было внести поправки в статью 140 Гражданского кодекса Российской Федерации. Данный законопроект остался в электронной базе Государственной Думы без рассмотрения.

Рассмотрим основные нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы функционирования рынка криптовалюты в Российской Федерации.

Одной из первых попыток законодателей регламентировать деятельность цифровых платежных систем были рекомендации «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют» Центробанк от 27 января 2014 г., где ЦБ высказал позицию, которой придерживается до настоящего времени о том, что все сделки с криптовалютой автоматически необходимо считать подозрительными и проверять, так как они носят спекулятивный характер, а также ЦБ поднимал вопрос обеспечения сопровождения сделок с применением криптовалюты в части отсутствия прямых обязательств субъектов правоотношений¹. Данная позиция была подкреплена следующим письмом Банка России от 4 сентября 2017 года «Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют). Предметом данного документа был вопрос о состоянии операций с криптовалютой, которые вне правового регулирования, начиная с момента выпуска и ввода в обращения данных платежных средств.

В рамках гражданско-правового регулирования, начиная с октября 2019 года, цифровые права являются объектом данной отрасли права.

¹ Информация Банка России от 27.01.2014 «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности биткойн» // Информационно-правовой портал «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/31258.html>

Правовой скачок произошел в 2020 г., после принятия Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 №259-ФЗ¹. Положения данного ФЗ регулируют отношения, возникающие при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов, особенности деятельности оператора информационной системы, также предметом регулирования выступают права и обязанности граждан, организаций, и государства при осуществлении валютных операций.

Термин «цифровая валюта» впервые появился в российском законодательстве в ФЗ № 259-ФЗ. В нем под цифровой валютой понимается совокупность электронных данных, которые могут быть приняты в качестве средства платежа или инвестиций. Такие активы не должны быть денежной единицей какого-либо государства. Также нормы данного ФЗ не только регламентируют понятие и сущность криптовалюты, но и строго ограничивают сферу применения данной платежной системы, устанавливая запрет на оплату товаров и услуг цифровой валютой.

В нашей стране нет законодательного ограничения на операции и добычу криптовалюты, что говорит о том, что каждый желающий, обладающий компьютерным оборудованием необходимой мощности и специальным программным обеспечением, может заниматься добычей криптовалюты.

В заключение отметим, что начавшая формироваться законодательная база, которая регулирует отношения с криптовалютой, требует дальнейшей доработки. По информации Министерства финансов РФ от 21.02.2022, Минфин направил в Правительство России проект федерального закона «О цифровой валюте», который должен был вступить в силу 1 января 2023 года, однако пока данный ФЗ не является элементом нормативной иерархии российского законодательства.

Рассмотрев теоретический аспект и нормативные особенности регулирования рынка криптовалюты, считаем обоснованным выявить угрозы и перспективы функционирования данного вида цифровой валюты распространения в мировом финансовом потоке данных экономических элементов.

Криптовалюты для экономического пространства имеют важное значение, так как в денежном обороте смогли бы ускорить, удешевить и значительно упростить расчеты, исключив из них традиционные финансовые институты, риски потери реальной стоимости денег, сложности конвертации валют и так далее.

Рынок криптоплатежей является самой быстрорастущей отраслью в мировой экономике. По прогнозам, с наибольшим среднегодовым темпом роста с 2019 до 2024-го рынок будет расти.

Осуществим анализ распространения криптовалюты в мировой экономике (рис. 2).

На рис. 2 зеленым цветом указаны страны, где криптовалюты являются абсолютно легальным средством платежа. Таких стран на конец 2022 г. в мире 34. Для таких стран, как США, Бразилия, Австралия и других криптовалюта является не только способом обмена, но и средством инвестирования. Более того, в ряде стран, например, Белоруссия, операции с криптовалютой освобождены от уплаты налогов вплоть до 2049 года.

Страны, отмеченные оранжевым цветом на карте мира, допускают использование криптовалюты в системе платежей, однако с определенными законодательными ограничениями. В этих странах власти активно работают над формированием правовых норм для цифровых активов, многие вопросы регулирования криптовалют все еще остаются в подвешенном состоянии.

В девяти странах мира, криптовалюта полностью запрещена законодательном уровне и не представляется возможным какие-либо операции осуществлять с использованием данного вида финансов.

Таким образом, исходя из проведенного ранее исследования очевидно, что криптовалюты являются важной частью общественной жизни и мировой экономики. Рынок криптовалют будет и дальше развиваться. Дальнейший рост капитализации и популярности виртуальных активов во многом определит политика регуляторов, деятельность влиятельных лиц, и других факторов.

¹ Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 №259-ФЗ (последняя редакция) // Информационно-правовой портал «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/

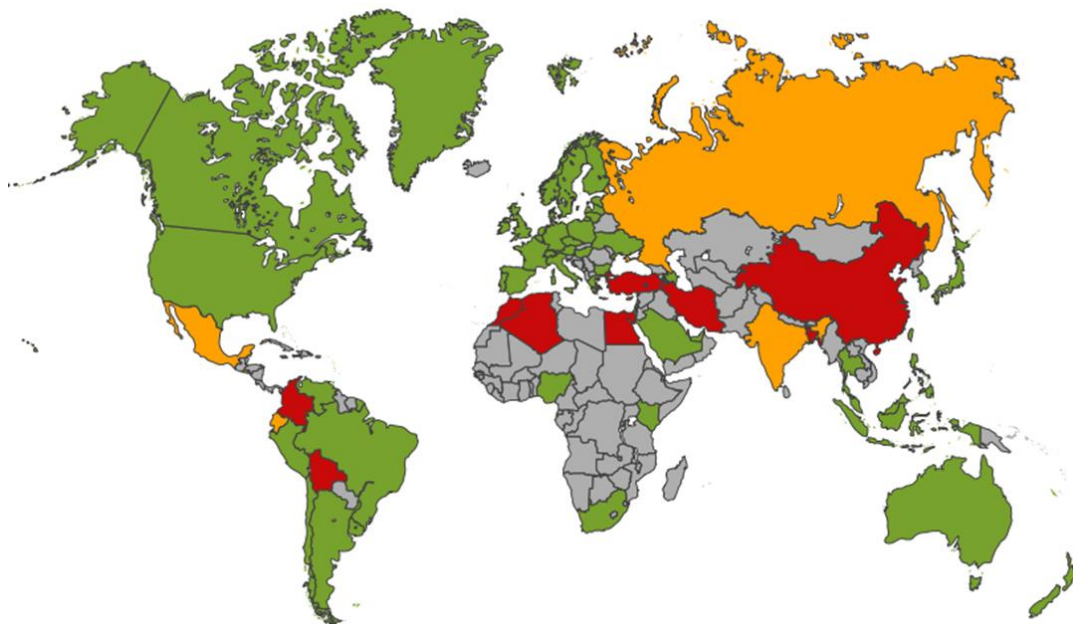

Рис. 1. Распространение криптовалюты в мире¹

Fig. 1. The spread of cryptocurrency in the world

Интерес к криптовалютам активно растет в последние несколько лет. Особенно актуальными они стали после обострения геополитической ситуации – на фоне рецессии экономики и нагнетания обстановки в финансовом секторе. Эту инициативы приема платежей в национальных криптовалютах готов поддержать и российский бизнес, который работает в рамках жестких санкционных ограничений.

В 2022 г. наступила «криптозима», когда курс биткоина снизился в 2,4 раза до своей рекордной отметки. В настоящее время тенденция его развития говорит о том, что кризис миновал и эксперты сходятся во мнении, что биткоин останется лидирующей криптовалютой в мире, и даже второй по капитализации криптовалюте, эфириуму, не удастся сместить его из-за различий в назначении.

Российский крипторынок следует за мировыми трендами, поэтому нет смысла рассматривать его в отрыве от глобального рынка. Тем не менее на фоне санкций в России, помимо основных мировых трендов, будут развиваться еще и трансграничные платежи в криптовалютах.

Санкции же разделили мировые криптобиржи для россиян на две группы: одни криптобиржи нацелены на наиболее активных и платежеспособных жителей США, Европы и достаточно развитых стран Азии вроде Сингапура и Японии, а другие криптобиржи делают ставку на низкий уровень противодействия отмыванию денег, включают в листинг сомнительные альткоины и работают за счет больших оборотов и широкой доступности.

Россиянам все труднее пользоваться услугами криптобирж первой категории и все чаще приходится рисковать и переводить средства через криптобиржи второй категории. Из-за этого в будущем в стране может даже появиться своя криптобиржа на базе Мосбиржи или под надзором ЦБ, что в настоящее время является актуальной тенденцией и вектором развития.

Рассмотрим наиболее подробно уровень и степень влияния криптовалюты на развитие российской экономики.

Цифровизация позволяет в большей степени удовлетворять потребности покупателей, сокращается время заключение контрактов и реализации сделок с партнерами и поставщиками.

Цифровизация экономики позволяет создавать стартапы, связанные с выходом на новый уровень применения информационных технологий в экономическом пространстве. На фоне этих

¹ Составлен автором на основе источника: Электронный ресурс. Режим доступа: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/skol-ko-budet-stoit-bitcoin-cherez-10-let?search=> (дата обращения 01.03.2024)

тенденций и обостряется вопрос о рисках цифровой экономики, одним из которых является функционирование криптовалют.

Создаются новые схемы мошенничества, что обуславливает растущие требования к информационной безопасности. Обостряется проблема цифрового разрыва и цифрового рабства. Цифровая технология, в частности функционирование криптовалюты, упрощает международные переводы, делая их более быстрыми и дешевыми. Блокчейн также снижает расходы бизнеса, позволяя компаниям отправлять и получать платежи с помощью смарт-контрактов. Производственные процессы выполняются автоматически и регистрируются в сети, поэтому их легко отследить. Кроме того, криптовалюта становится новой возможностью проводить сделки независимо от мировой политики.

Главным партнером в криптовалютных взаиморасчетах может стать Китай, который имеет статус международного партнера в экспортно-импортных отношениях надежного уровня. С этих позиций, криптовалюта, влияя на российский рынок, выступает способом развития экономического сотрудничества, то есть дает новые экономические возможности.

Но пробелы в российском законодательстве ставят ряд преимуществ под сомнение, формируя их в качестве рисков и угроз [7]. Так, например, наличие альтернативной платежной системы нарушает целостность национальной системы, в частности, ЦБ теряет монопольное право на эмиссию денег, а контрольно-надзорные органы теряют право и возможность контроля за денежным оборотом в стране.

Остро стоит вопрос об уровне ответственности за проводимые транзакции и платежные операции. Ведь все транзакции с криптовалютой – анонимные, а по рискам граждан, в том числе финансовым, отвечает государство.

Нельзя исключать, что ряд преимуществ криптовалюты будет активно использоваться криминальными структурами для покупки оружия, наркоторговли или работоторговли.

В завершение констатируем, что криптовалюта в совокупности своих особенностей становится весьма виртуальным объектом налогообложения, что будет негативно сказываться на бюджете страны и объемах налоговых отчислений для покрытия расходов государства [8].

Также отметим, что криптовалюта явно нестабильна, никем не регулируется, не гарантирует защиту инвестора, подвержена экстремальной волатильности и крайне привлекательна для мошенников. Перспективы виртуального заработка могут быть столь же воздушными, как и сама валюта.

Список источников

1. Старцев М. В., Сорокин Д. А. Криптовалюта: истоки, основные понятия, характеристики и процессы / В сб.: Цифровые технологии в экономической сфере: возможности и перспективы. Тамбов, 2017. С. 59–66.
2. Соколова Т. Н. Управление децентрализованными системами с помощью технологии blockchain // Компьютерные и информационные науки. 2021. №3. С. 65–69.
3. Недорезков В. В. Криптовалюты на базе технологии блокчейна: проблемы правового регулирования // Банковское право. 2020. № 4. С. 89–95.
4. Максуров А. А. Блокчейн, криптовалюта, майнинг: понятие и правовое регулирование. Монография. М., 2022.
5. Галанов В. А., Перепелица Д. Г., Челухина Н. Ф., Асяева Э. А., Марков М. А., Бадалов Л. А., Галанова А. В. Основы российского рынка криптовалют. Учебное пособие. М., 2019.
6. Корчагина К. О. Криптовалюта в России. Влияние криптовалют на экономику России // Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета. 2022. № 1(45). С. 63–66.
7. Юффа Д. А. Влияние криптовалют на экономику России // Молодой ученый. 2019. № 20 (258). С. 254–260.

References

1. Startsev M. V., Sorokin D. A. Cryptocurrency: origins, basic concepts, characteristics and processes. In: *Digital technologies in the economic sphere: opportunities and prospects*. Tambov; 2017:59-66. (In Russ.)
2. Sokolova T. N. Management of decentralized systems using blockchain technology. *Computer and Information Sciences*. 2021;(3):65-69. (In Russ.)
3. Nedorezkov V. V. Cryptocurrencies based on blockchain technology: problems of legal regulation. *Banking law*. 2020;(4):89-95. (In Russ.)
4. Maksurov A. A. *Blockchain, cryptocurrency, mining: concept and legal regulation*. Monograph. Moscow; 2022. (In Russ.)
5. Galanov V. A., Perepelitsa D. G., Chelukhina N. F., Asyaeva E. A., Markov M. A., Badalov L. A., Galanova A. V. *Fundamentals of the Russian cryptocurrency market*. Textbook. Moscow; 2019. (In Russ.)
6. Korchagina K. O. Cryptocurrency in Russia. The impact of cryptocurrencies on the Russian economy. *Bulletin of Young Scientists of the Samara State University of Economics*. 2022;1(45):63-66. (In Russ.)
7. Yuffa D. A. The impact of cryptocurrencies on the Russian economy. *Young Scientist*. 2019;20(258):254-260. (In Russ.)

Информация об авторе

К. А. Волошина – кандидат социологических наук, преподаватель 1 категории ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

K. A. Voloshina – Cand. Sci. (Sociology), teacher of the 1st category, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 7.02.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 27.02.2024.

The article was submitted 7.02.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 27.02.2024.

Риски трансформации наркоторговли с использованием криптовалют

Анна Дмитриевна Грачева¹, Игорь Александрович Лебедев²,
Надежда Валерьевна Капустина³

^{1,2,3}Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹ann.gracheva05.12@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-1516-235X>

²Ilebedev@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4859-099X>

³nvkapustina@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5991-5200>

Аннотация. В статье рассматривается риск использования криптовалют для легализации доходов, полученных от продажи наркотических веществ. В связи с активным развитием цифровых технологий, доступностью и простотой использования криптовалют, участились случаи использования крипторынков для осуществления наркоторговли. В связи с этим авторами была проведена оценка масштабов проблемы и объемов роста выручки от наркоторговли с использованием криптовалют, а также рассмотрены основные территории, характеризующиеся осуществлением такой деятельности. В заключение были предложены меры для минимизации рисков использования криптовалют для легализации доходов, полученных от наркоторговли.

Ключевые слова: наркоторговля, криптовалюта, крипторынки, цифровая преступность, криптопреступления, риски

Для цитирования: Грачева А. Д., Лебедев И. А., Капустина Н. В. Риски трансформации наркоторговли с использованием криптовалют // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 104–109. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-104-109>. EDN CHCWPH

Problems of Economics

Original article

The risks of transforming the drug trade using cryptocurrencies

Anna D. Gracheva¹, Igor A. Lebedev², Nadezhda V. Kapustina³

^{1,2,3}Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ann.gracheva05.12@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-1516-235X>

²Ilebedev@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4859-099X>

³ nvkapustina@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5991-5200>

Abstract. The article deals with the problem of using cryptocurrencies to legalize income received from the sale of narcotic substances. Due to the active development of digital technologies, the availability and ease of use of cryptocurrencies, cases of using crypto markets for drug trafficking have become more frequent. In this regard, the authors assessed the scale of the problem and the volume of proceeds from drug trafficking using cryptocurrencies, and also considered the main territories characterized by the implementation of such activities. In conclusion, measures were proposed to minimize the risks of using cryptocurrencies to legalize income from drug trafficking.

Keywords: drug trafficking, cryptocurrency, crypto markets, digital crime, crypto crimes, risks

For citation: Gracheva A. D., Lebedev I. A., Kapustina N. V. The risks of transforming the drug trade using cryptocurrencies. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):104–109. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-104-109>. EDN CHCWPH

В современном обществе активно развивается цифровизация, человек с каждым днем внедряет этот элемент все в большие сферы экономики. Цифровизация способствует упрощению и автоматизации бизнес-процессов, улучшению доступности информации и коммуникации, а также созданию новых возможностей для инноваций и развития [1]. Одним из ключевых элементов цифровизации является интернет и информационные технологии. Они позволяют обмениваться информацией, проводить онлайн-транзакции, работать удаленно, получать образование, использовать облачные сервисы и многое другое.

Но вместе с тем существует и темная сторона цифровизации, поскольку в современном мире ее используют не только с благими намерениями, но также во избежание наказания за осуществление преступной деятельности, в частности наркоторговли. Наркоторговля является одной из самых опасных и разрушительных форм криминальной экономики, которая оказывает серьезное влияние на общество. В мире существует огромный спрос на наркотики, и это создает рост власти организованных преступных групп, которые занимаются их производством и распространением. Наркоторговля имеет множество отрицательных последствий: от снижения общей безопасности и разрушения социальных структур до причинения вреда здоровью и смерти миллионов людей. В связи с этим возникает необходимость исследование этих двух тенденций, выявления их взаимосвязей и определения направлений для пресечения подобной деятельности.

Интернет является одним из величайших изобретений человечества, позволяющий наиболее эффективно находить, обрабатывать и обмениваться информацией. У Интернета нет границ, он значительно улучшил жизнь общества, но вместе с тем возникли и новые угрозы. В результате, сформировалось три уровня Интернета: прозрачная, глубокая и темная сеть¹. Особый интерес в Интернете для преступных групп представляет Даркнет, именно здесь они осуществляют свою незаконную деятельность посредством использования криптовалют, как инструмента легализации средств.

Развивающаяся природа организованной преступности стала использовать технологии блокчейна для достижения своих незаконных целей. Аналогичным образом, рынки нелегальных наркотиков постоянно меняются, и их участникам необходимо адаптироваться к меняющимся потребностям потребителей. Слияние двух вышеупомянутых изменяющихся явлений привело к тому, что преступники получили доступ к крипторынкам для незаконной торговли наркотиками. В современном мире торговля наркотиками остается одной из наиболее прибыльных и опасных форм незаконной экономики.

Наркокриптосети представляют собой сети виртуальных магазинов, доступ к которым осуществляется через темный интернет, и где торгуются наркотические вещества и связанные с ними товары. Уникальность этих сетей заключается в использовании криптовалют, таких как Bitcoin, Ethereum и Monero, для совершения транзакций [2].

Для определения трендов в этом направлении рассмотрим статистику наркоторговли с использованием криптовалют. По данным специалистов, уже в 2012 г. объем наркоторговли с использованием Bitcoin составлял около \$1 миллиона ежемесячно². С течением времени этот объем только увеличивался, и на сегодняшний день составляет сотни миллионов долларов в месяц. Очевидно, что наркоторговцы уверены в безопасности и анонимности, которую предоставляют криптовалюты [3]. На рис. 1 представлена статистика выручки преступных групп от наркоторговли в Даркнете с использованием криптовалют в период с 2012 по 2021 гг.

Из диаграммы на рис. 1 следует, что с каждым годом объем выручки растет, поскольку преступные группы все чаще прибегают к использованию криптоактивов для нелегальных расчетов. Более того, статистические данные показывают, что в последнее время наблюдалось сокращения числа наркоторговцев в Даркнете, однако этот факт не помешал достичь рекордной суммы выручки, превысившей \$2 млрд, при этом более чем \$1,8 млрд было получено именно за продажу наркотической продукции.

За последние несколько лет, а именно в период с 2017 по 2022 гг., наблюдается тренд к снижению количества зафиксированных МВД преступлений, связанных с наркоторговлей, что наглядно изображено на рис. 2.

¹ WORLD DRUG REPORT 2022. Global overview. Drug demand. Drug supply. URL: https://www.unodc.org/res/WDR-2023/WDR23_B3_CH7_darkweb.pdf

² Global Drug Survey (GDS) 2022. URL: <https://www.globaldrugsurvey.com/gds-2022/>

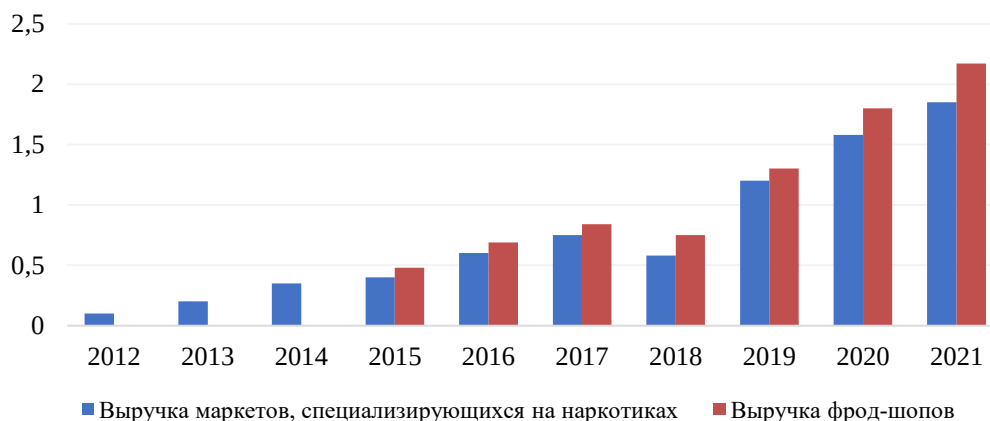

Рис. 1. Выручка даркнет-маркетов с разбивкой по специализации в период с 2012 по 2021 гг., выраженная в млрд долл. Источник: построено авторами на основе¹

Fig. 1. Revenue of darknet markets by specialization in the period from 2012 to 2021, expressed in billions of dollars

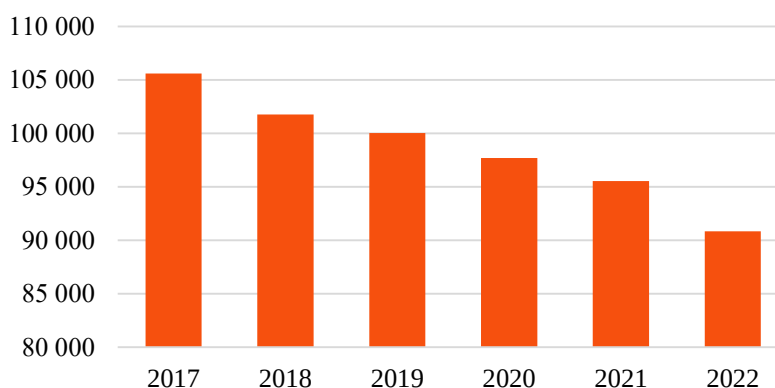

Рис. 2. Количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ. Источник: составлено авторами на основе²

Fig. 2. The number of crimes related to the illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors or analogues, potent substances, new potentially dangerous psychoactive substances

На рис. 2 видно, что до 2022 г. количество наркопреступлений сокращалось. В связи со спецификой данного вида преступлений сложно сказать, что именно послужило причиной такой статистики. Рост числа криптопреступлений склоняет к мысли о том, что именно переход на криптовалюты послужил спаду количества преступлений в области наркоторговли, поскольку данные статистики составляются на основе раскрытых уголовных дел, уместен риск погрешности. Это связано с тем, что криптовалюты являются очень сложным инструментом, позволяющим запутывать следы и анонимизировать преступников, что значительно усложняет процедуру раскрытия преступления.

Более того, новым трендом является растущее предложение так называемых химических конструкторов, позволяющих пользователю самостоятельно изготавливать наркотики. При этом оплата этих конструкторов в 100% случаев осуществляется с использованием криптовалюты, что еще раз подчеркивает, что возможностей ведения наркобизнеса становится только больше.

По данным Управления ООН по наркотикам и преступности, уровень виктимизации населения в 21 стране мира в сфере компьютерного мошенничества (фишинга) составляет от 5 до 17 %, что сравнимо с уровнем виктимизации в сфере краж со взломом, грабежей и угона автомобилей [4].

Ряд исследователей выделяет, что крипторговля наркотиками в основном осуществляется на DNMS – многопользовательских онлайн-платформах незаконной глобальной торговли,

¹ The 2023 Crypto Crime Report: Everything you need to know about cryptocurrency-based crime. Chainalysis: 2023. 109 с.

² Официальный сайт Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58158>

расположенных в «даркнете», зашифрованном разделе Интернета, недоступном из стандартных интернет-браузеров и не индексируемом поисковыми системами.

Являясь устоявшейся формой транснациональной организованной преступности, эти площадки сочетают сети анонимизации и криптовалюты с технологиями шифрования [1]. Они отличаются от независимых магазинов с одним поставщиком, которые также продают запрещенные наркотики, и от других типов мошеннических магазинов.

По данным исследования TRM Labs, в 2022 г. на упомянутые площадки было потрачено 1,49 млрд долл.¹ Причем более 80 % этой суммы было потрачено на русскоязычные DNM, на нелегальных интернет-платформах для торговли наркотиками.

Большинство из вышеупомянутых площадок поддерживали только биткоин, без возможности выбора в пользу конфиденциальных монет. Западные даркнет-маркетплейсы по большей части предлагали платежи в Monero (XMR), являющимся наиболее анонимным видом криптовалют.

Онлайн-торговля наркотиками является незаконной деятельностью во многих странах, и ее развитие происходит в основном в теневой сфере интернета. Однако, некоторые страны стали известны своей высокой активностью в этой области. Например, в Соединенных Штатах онлайн-торговля наркотиками достаточно распространена, популярные площадки такие, как Silk Road и AlphaBay, были созданы в США и предоставляли доступ к широкому ассортименту наркотиков [5]. Нидерланды не менее известны своими либеральными законами в отношении наркотиков, и они стали популярной базой для онлайн-торговли. Также известно, что некоторые из самых крупных международных площадок были созданы именно в Нидерландах. В Великобритании также развита онлайн-торговля наркотиками. Одним из примеров является площадка Silk Road 2.0, которая была создана в Великобритании и предоставляла доступ к различным наркотикам. В России тоже зафиксирована онлайн-торговля наркотиками, однако из-за строгих законов и усиления борьбы с этим явлением, многие площадки были закрыты или переехали в другие страны.

Получение статистических данных об уровне наркопреступности с использованием криптовалют является достаточно сложной задачей, поскольку не все страны раскрывают подобную информацию, более того, данный вид преступлений осуществляется в теневом секторе экономики, что значительно увеличивает погрешность в оценке масштабов преступности. Однако на основе имеющихся данных была построена тепловая карта стран, где онлайн-торговля наркотиками наиболее развита. Данные страны отбирались в зависимости от процента потребителей наркотиков, которые покупали наркотики онлайн хотя бы один раз за последние 16 месяцев относительно 2022 г. (рис. 3).

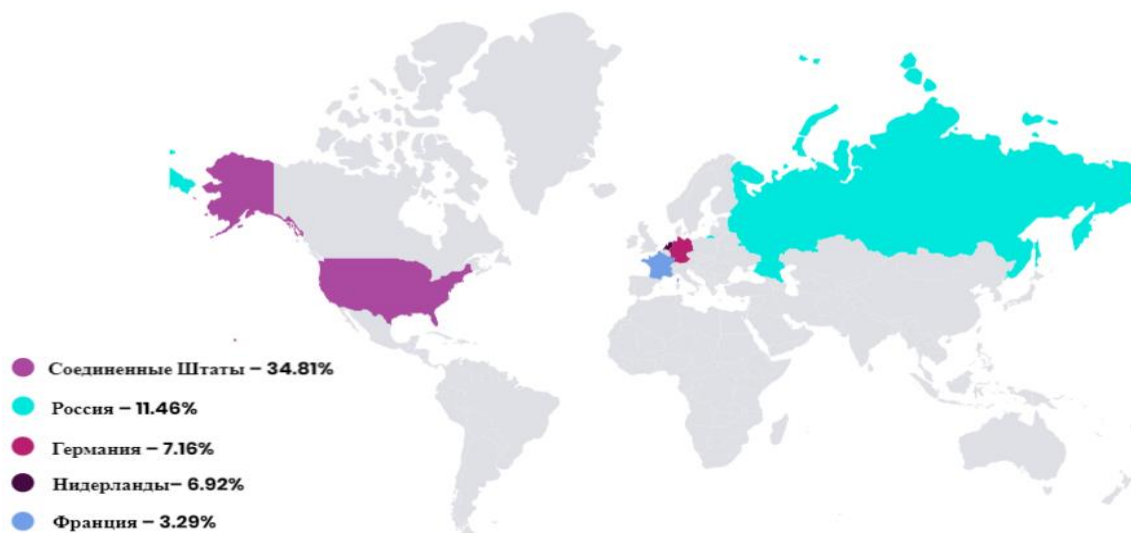

Рис. 3. Страны с наиболее развитой онлайн-торговлей наркотиками.

Источник: составлено авторами на основе²

Fig. 3. Countries with the most developed online drug trade

¹ TRM Labs Reports «Illicit Crypto Ecosystem. A Comprehensive Guide to Illicit Finance Risks in Crypto», 2023. URL: <https://www.trmlabs.com/report>

² Global Drug Survey (GDS) 2022. URL: <https://www.globaldrugsurvey.com/gds-2022/>

Подводя итоги рассмотрения вопроса об актуализации наркоторговли посредством использования криптовалют, важно подчеркнуть, что в последние годы наблюдается значительный рост использования криптовалют для совершения транзакций на наркорынке. Точные объемы наркоторговли с использованием криптовалют сложно оценить, так как большинство сделок происходят в теневой экономике и остаются незарегистрированными. Однако, отчеты и исследования предлагают различные оценки, которые варьируются от нескольких миллиардов до десятков миллиардов долларов в год.

В целом, наркоторговля с использованием криптовалют представляет серьезную проблему для мировых правоохранительных органов, и требует дальнейших усилий для борьбы с этим явлением. В связи с этим по результатам исследования авторами предлагаются конкретные этапы по минимизации рисков использования криптовалют для сокрытия и отмывания доходов, полученных от наркоторговли (рис. 4).

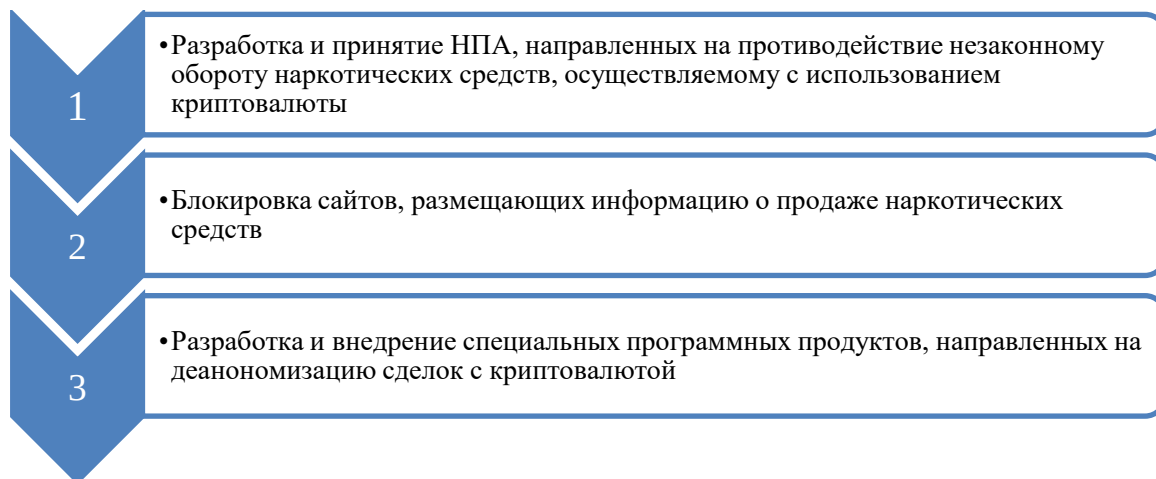

Рис. 4. Этапы минимизации рисков использования криптовалют для сокрытия и отмывания доходов, полученных от наркоторговли. Источник: составлено авторами на основе [2]

Fig. 4. The stages of minimizing the risks of using cryptocurrencies to conceal and launder income from drug trafficking

Стоит прокомментировать представленные этапы, поскольку предложение о разработке и принятии НПА, направленных на противодействие незаконному обороту наркотических средств, осуществляемому с использованием криптовалюты, в частности, может показаться противоречивым, поскольку в настоящее время в российском законодательстве имеются положения о криптовалютах, но в данных нормативных документах они носят иное название. В связи с этим авторами выделяется необходимость конкретизации и углубление имеющихся законодательных актов для минимизации количество преступлений по легализации средств через криптоактивы, а также повышению раскрываемости таких преступлений. Но здесь также стоит подчеркнуть, что нейтрализация осуществляемых преступниками операций при незаконном обороте наркотических средств с использованием различных видов криптовалют должна иметь комплексный подход, поскольку лишь нормативного регулирования недостаточно. В связи с этим нейтрализация предполагает совокупность разнообразных мер, к которым возможно отнести блокировку сайтов, размещающих информацию о продаже наркотических средств, а также разработка и внедрение специальных программных продуктов, направленных на деанонимизацию сделок с криптовалютой.

Список источников

1. Верхушев Д. С., Железов О. В. Криптовалюта как феномен современной информационный экономики: проблемы теоретического осмысления // Интернет-журнал Науковедение. 2014. № 5. С. 156.
2. Земцова С. И. Криптовалюта в незаконном обороте наркотических средств: вопросы деанонимизации и ответственности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. №1 (13).

3. Долгиева М. М. Криптовалютная наркоторговля в России и за рубежом // Вестник ВИ МВД России. 2018. № 4.
4. Иванцов С. В., Сидоренко Э. Л., Спасенников Б. А., Берёзкин Ю. М., Суходолов Я. А. Преступления, связанные с использованием криптовалюты: основные криминологические тенденции // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 1.
5. Дремлюга Р. И. Незаконный оборот наркотиков и крипторынки : угрозы и вызовы правоохранителю // Наркоконтроль. 2018. № 2. С. 33–38. <https://doi.org/10.18572/2072-4160-2018-2-33-38>. EDN XRHGHB.

References

1. Verkhushhev D. S., Zhelezov O. V. Cryptocurrency as a phenomenon of modern information economy: problems of theoretical understanding. *Online journal of Science Studies*. 2014;(5):156. (In Russ.)
2. Zemtsova S. I. Cryptocurrency in illicit drug trafficking: issues of deanonymization and responsibility. *Criminalistics: yesterday, today, tomorrow*. 2020;1(13). (In Russ.)
3. Dolgieva M. M. Cryptocurrency drug trafficking in Russia and abroad. *Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;(4). (In Russ.)
4. Ivantsov S. V., Sidorenko E. L., Spasennikov B. A., Berezkin Y. M., Sukhodolov Ya. A. Crimes related to the use of cryptocurrency: basic criminological trends. *All-Russian Journal of Criminology*. 2019;(1). (In Russ.)
5. Dremlyuga, R. I. Drug trafficking and crypto markets: threats and challenges to law enforcement. *Drug control*. 2018;(2):33–38. <https://doi.org/10.18572/2072-4160-2018-2-33-38>. EDN XRHGHB.

Информация об авторах

А. Д. Грачева – студент кафедры экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

И. А. Лебедев – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Н. В. Капустина – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Information about the authors

A. D. Gracheva – Student of the Department of Economic Security and Risk Management, Financial University under the Government of the Russian Federation.

I. A. Lebedev – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Economic Security and Risk Management, Financial University under the Government of the Russian Federation.

N. V. Kapustina – Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Economic Security and Risk Management, Financial University under the Government of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.02.2024; одобрена после рецензирования 28.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

The article was submitted 11.02.2024; approved after reviewing 28.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.

Научная статья

УДК 336

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-110-117>

EDN NZDTHP

Невзаимозаменяемые токены (NFT): технология, экосистема и рынок активов

Юлия Сергеевна Евлахова

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия,
evlahova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2561-6165>

Аннотация. В статье рассматриваются невзаимозаменяемые токены (NFT) как один из видов цифровых финансовых активов. Целью исследования является характеристика современной экосистемы NFT и анализ параметров рынка данных активов. Используются показатели, публикуемые в аналитических отчетах консалтинговой компании NFTGO, а также научные публикации по исследуемой тематике. Обобщены определения термина «невзаимозаменяемый токен», сформулирован критерий классификации NFT-объектов; рассмотрены участники рынка NFT, выделены отличительные особенности данного рынка. По результатам количественного анализа показателей рыночной капитализации и объема торгов сделаны выводы о состоянии рынка NFT в 2022 г. Охарактеризованы элементы экосистемы NFT, среди которых наиболее перспективно развитие NFT финансов.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, эфириум, трейдер, маркетплейс, рыночная капитализация, NFT финансы

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00590, <https://rscf.ru/project/23-28-00590/>.

Для цитирования: Евлахова Ю. С. Невзаимозаменяемые токены (NFT): технология, экосистема и рынок активов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 110–117. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-110-117>. EDN NZDTHP

Problems of Economics

Original article

Non-fungible tokens (NFT): the technology, the ecosystem and the asset market

Yulia S. Evlakhova

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, evlahova@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2561-6165>

Abstract. The article considers non-fungible tokens as one of the types of digital financial assets. The purpose of the article is to study the modern NFT ecosystem and analyze the parameters of the NFT market. The indicators published in the analytical reports of the NFTGO consulting company, as well as scientific publications, were used. The definitions of the term "non-fungible token" are summarized, the criterion for classifying NFT objects is formulated; the participants of the NFT market are considered, the distinctive features of this market are highlighted. Based on the results of a quantitative analysis of the indicators of market capitalization and trading volume, conclusions were drawn about the NFT market in 2022. The elements of the NFT ecosystem are characterized, among which the development of NFT finance is the most promising.

Keywords: digital financial assets, ethereum, trader, marketplace, market capitalization, NFT finance

Acknowledgments: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-00590, <https://rscf.ru/project/en/23-28-00590>.

For citation: Evlakhova Yu. S. Non-fungible tokens (NFT): the technology, the ecosystem and the asset market. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):110–117. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-110-117>. EDN NZDTHP

Введение

Цифровые финансовые активы представляют собой большой, постоянно пополняющийся класс разнородных активов, среди которых наибольшую известность в настоящее время имеют криптовалюты и невзаимозаменяемые токены (NFT).

Технология невзаимозаменяемых токенов (non-fungible token, NFT) появилась в 2017 г., она опирается на блокчейн и отличается такими характеристиками, как децентрализованность, прозрачность транзакций, недублируемость и собственно невзаимозаменяемость.

Актуальность исследования невзаимозаменяемых токенов обусловлена тем, что к настоящему времени сформировался и является привлекательным для инвесторов трансграничный рынок данных активов, капитализация которого в 2022 г. составляла около 10 млн ЕТН¹ (текущая рыночная капитализация ЕТН составляла около 147 млрд долл.)². Стоимость NFT записана в количестве монет ЕТН (преимущественно), то есть не фиксируется в фиатных валютах и зависит от курса криптовалют.

Пик интереса российских исследований к теме невзаимозаменяемых токенов пришелся на 2022 г. В результате проведенного библиографического анализа обнаружено, что первые исследования NFT по данным Национальной электронной библиотеки Elibrary.ru появились в 2021 г., и уже в следующем году их количество выросло в 8 (!) раз (рис. 1).

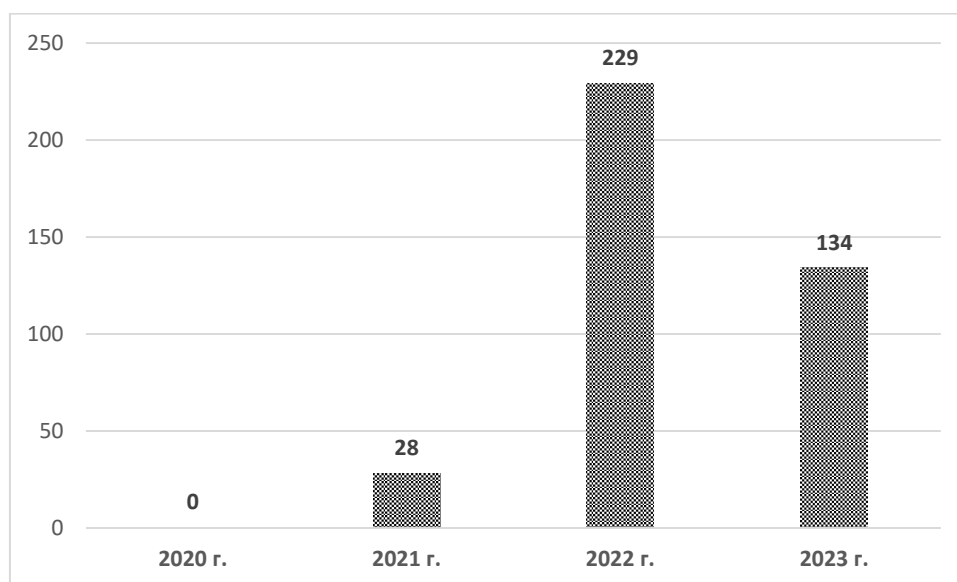

Рис. 1. Количество статей по теме NFT в Национальной электронной библиотеке Elibrary.ru, 2020–2023 гг., ед.³

Fig. 1. The number of articles on NFT in the National Electronic Library Elibrary.ru, 2020–2023, units

Среди существующих исследований по тематике NFT могут быть выделены следующие сформировавшиеся научные направления. Во-первых, это этимологический анализ термина «невзаимозаменяемый токен», его содержательная характеристика, изучение механизмов создания данного токена и его распространения среди инвесторов, взаимосвязь с технологиями блокчейна, смарт-контрактами [1–2]. Во-вторых, это исследование возможностей, проблем и перспектив применения NFT в различных отраслях и секторах экономики: финансы [3], туризм, спорт [4], гостеприимство [5] и многие другие [6]. В-третьих, отдельной областью исследования является анализ NFT как интеллектуальной собственности [7–8]. И наконец, особое внимание в научных работах уделяется потенциальному использованию NFT в незаконных операциях, таких как финансовое мошенничество и интернет-пирамиды [9], отмывание преступных доходов [10–11], наркобизнес [12], коррупционные преступления [13].

¹ Криптовалюта Ether (ETH, эфириум) - это цифровая валюта платформы Ethereum, созданная в 2015 году.

² 2023 NFT annual report. URL: <https://nftgo.io/research/reports/2023-nft-annual-report> (дата обращения: 28.01.2024)

³ Составлено автором по данным Elibrary.ru. Параметры поиска: тематика – Экономика. Экономические науки; тип публикации – статьи; поля поиска – название, аннотация, ключевые слова; поисковое слово – NFT.

Вместе с тем, относительно мало работ, посвященных анализу экосистемы невзаимозаменяемых токенов, а также характеристике современного рынка данных активов. Поэтому целью данной статьи является исследование современной экосистемы NFT и анализ основных параметров трансграничного рынка данных активов.

Материалы и методы

В статье использованы показатели, публикуемые в аналитических отчетах консалтинговой компании NFTGO, специализирующейся на исследованиях рынка NFT. Основой проведенного исследования послужили общенаучные методы познания: компаративные методы, метод аналогий, индукции и дедукции, методы табличной и графической визуализации.

Результаты

Представленные в научной литературе определения невзаимозаменяемых токенов не смотря на свое разнообразие сущностно не расходятся друг с другом. В табл. 1 дано обобщение таких определений из ряда научных работ.

Таблица 1 – Обобщение определений «невзаимозаменяемый токен»

Table 1 – Generalization of non-fungible token definitions

№ п/п	Определение
1	«специальный цифровой продукт из уже готовых произведений-носителей (фото, видео, аудио, компьютерных файлов), преобразованных с помощью блокчейн технологии в уникальные токены» [10]
2	«некий уникальный, благодаря системе криптографии, цифровой объект, который с точки зрения кодирования неповторим» [12]
3	«уникальный цифровой объект, имеющий определенную ценность, подкрепленную конкретным физическим носителем, в частности недвижимостью, изображением, к примеру, реально существующей картиной в галерее, персонажем в компьютерной игре, записями в сети Интернет, объектом интеллектуальной собственности, подтвержденными профессиональными навыками и пр.» [2]
4	«единица цифровой информации, хранящаяся в распределенном реестре (технология блокчейн) и являющаяся ... уникальной» [13]

Источник: систематизировано автором

Будучи цифровыми объектами, созданными из преобразованных носителей, невзаимозаменяемые токены могут быть классифицированы исходя из характера своего носителя. Так, в работе [3] предложена классификация NFT на: предметы коллекционирования; предметы цифрового искусства; ресурсы NFT метавселенных; утилитарные NFT. В исследовании компании NFTGO представлена несколько иная классификация: NFT в играх, NFT в музыке; предметы коллекционирования; производные NFT (NFT, похожие на другие «оригинальные» NFT) и другие.

По нашему мнению, существующие классификации NFT непротиворечивы и, что считаем наиболее важным, отражают разные сегменты сложившегося трансграничного рынка NFT.

Согласно данным NFTGo.io, к настоящему времени всего насчитывается 39 миллионов NFT. В 2022 г. было около 315 новых проектов NFT, запускаемых каждый месяц, что означает 10 новых проектов в день. Динамика появления новых NFT сохраняла ежемесячный темп роста 11,86 %¹.

Если рассматривать NFT как инвестиционные цели, то среди множества существующих невзаимозаменяемых токенов могут быть выделены:

А) так называемые «голубые фишки», то есть те невзаимозаменяемые токены, которые «имеют большую популярность, хорошую репутацию, исторически высокие продажи и/или сильные сообщества поклонников» [14]. Для сравнения голубыми фишками на рынке ценных бумаг называют акции компании, отличающиеся наибольшей ликвидностью на бирже, стабильностью экономических показателей и выплатами дивидендов.

Б) перспективные стартап-проекты (early star projects);

¹ 2023 NFT annual report. URL: <https://nftgo.io/research/reports/2023-nft-annual-report> (дата обращения: 28.01.2024)

В) проекты, соответствующие рыночным трендам, но в силу разных причин имеющие низкую цену (low-priced trending projects), такие токены приобретают с расчетом увеличения их цены в будущем.

Рассмотрим участников рынка NFT. В первую очередь, это покупатели и продавцы NFT, также встречаются названия, уточняющие рыночные позиции каждого участника, например, авторы, держатели токенов/коллекционеры, трейдеры. Для приобретения NFT существуют разные способы: создание¹ и продвижение, его покупка. Владелец NFT получает от него доход также разными способами: от роста его стоимости, за счет платежей роялти (аналогично арендной плате), за счет его продажи.

Отличительными характеристиками трансграничного рынка NFT с точки зрения его участников является поляризация, т.е. существование разрыва между крупными и мелкими держателями токенов, а также наличие трейдеров с высокой ликвидностью, способных манипулировать рынком (так называемые «киты») [14].

Во-вторых, на рынке NFT присутствуют инфраструктурные организации, а именно: маркетплейсы, используемые как площадки для покупки и продажи токенов, например: OpenSea, Rarible, Foundation, SuperRare и другие. В работе [1] описано, как стать участником таких маркетплейсов. Еще одной отличительной характеристикой трансграничного рынка NFT является отсутствие в механизме его функционирования традиционных финансовых институтов, таких как банки или инвестиционные компании и фонды. Это обусловлено рядом факторов, в том числе: применением технологии блокчейн, использованием в качестве меры стоимости криптовалюты и, конечно, отсутствием законодательного регулирования технологии NFT. При этом, поскольку рынок NFT привязан к криптовалюте, то и его регулирование может быть сформировано только после того, как будут установлены понятные и непротиворечивые правила регулирования крипторынка.

Несмотря на свои отличия от рынков традиционных активов для характеристики рынка NFT используются аналогичные показатели, а именно: рыночная капитализация и объем торгов.

Так, на рисунке 1 представлена динамика коэффициента рыночной капитализации NFT/ETH в 2022 г. На начало 2022 г. это соотношение составляло около 0,09 и с тех пор было на волатильной тенденции к росту. В июле соотношение достигло пика в 0,2. Тем не менее, число постепенно снизилось до 0,1, поскольку рынок NFT сократился и испытал сбой в объеме и ценах, в связи с отрицательной динамикой на рынке криптовалют.

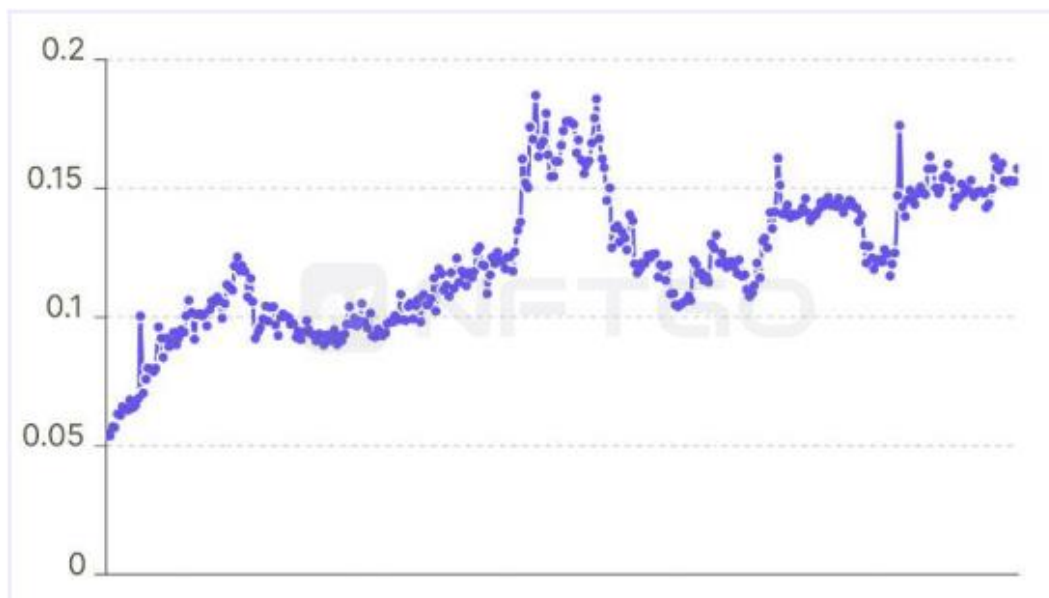

Рис. 1. Динамика коэффициента рыночной капитализации NFT/ETH в 2022 г., %

Fig. 1. The dynamics of NFT/ETH market cap ratio 2022, %

Источник: 2023 NFT annual report. URL: <https://nftgo.io/research/reports/2023-nft-annual-report> (дата обращения: 28.01.2024)

¹ Описание процесса создания, в частности, дано в работах [2], [9].

На рис. 2 представлено распределение капитализации глобального рынка NFT.

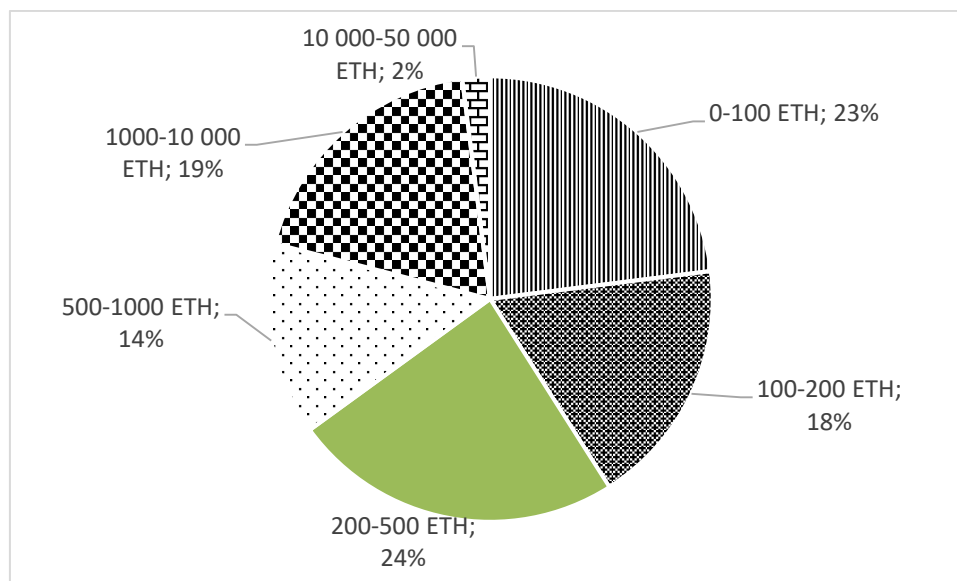

Рис. 2. Распределение рыночной капитализации глобального рынка NFT в 2022 году

Fig. 2. The distribution of NFT/ETH market cap in 2022

Источник: 2023 NFT annual report. URL: <https://nftgo.io/research/reports/2023-nft-annual-report> (дата обращения: 28.01.2024)

Анализ рис. 2 показывает, что только 21 % всех проектов стоил свыше 1000 ETH, тогда как большая их часть (42 %) характеризовалась стоимостью от 100 до 500 ETH. Соответственно, только 2 % проектов с капитализацией свыше 10 000 ETH способствуют общей высокой капитализации данного рынка.

На рис. 3 отражено распределение объемов торгов на рынке NFT в 2022 г.

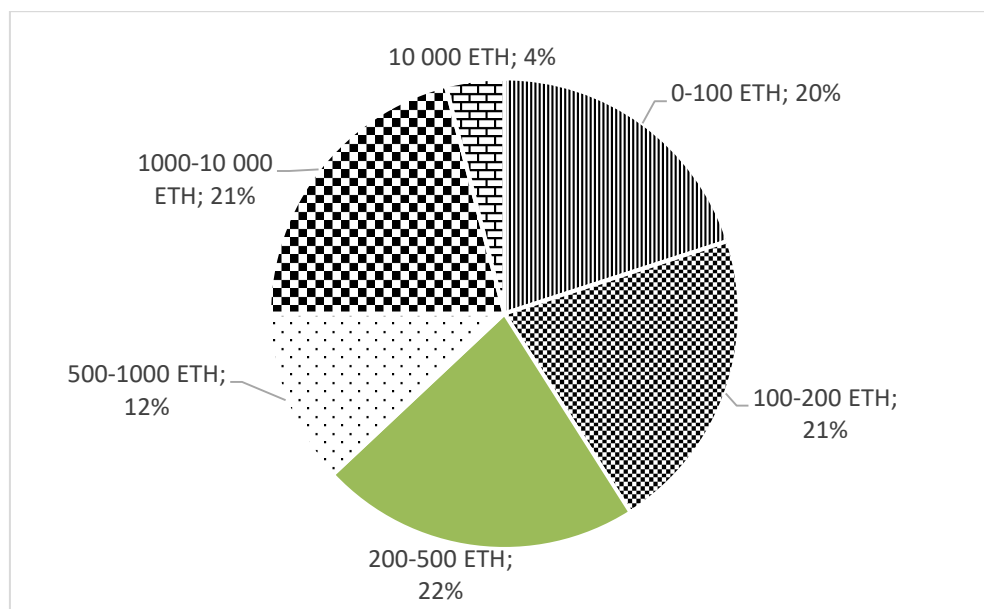

Рис. 3. Распределение объемов торгов на рынке NFT в 2022 году

Fig. 3. The distribution of NFT/ETH trading volume in 2022

Источник: 2023 NFT annual report. URL: <https://nftgo.io/research/reports/2023-nft-annual-report> (дата обращения: 28.01.2024)

Анализ данных рис.3 показывает, что большая часть торгов приходится на проекты стоимостью от 100 до 500 ETH (43%). В целом, на данном рынке проектам с невысокой стоимостью (до 100 ETH) сложно достигнуть больших торговых объемов.

Если движение стоимости на рынке NFT привязано к динамике крипторынка, то на формирование экосистемы NFT оказывают влияние сами участники рынка, расширяющие области применения данной технологии. В табл. 2 представлена современная экосистема NFT.

Таблица 2 – Обзор экосистемы NFT

Table 2 – The NFT ecosystem review

№ п/п	Элемент экосистемы	Характеристика
1	NFT проекты и их производные	Предметы коллекционирования, игры, музыка и другие
2	NFT маркетплейсы	Виртуальные торговые площадки
3	NFT билеты	Аналог виртуального браслета, доступного через телефон. Билеты NFT, «отчеканенные» на блокчейне, представляют собой цифровые пропуска на фестивали, конференции, концерты или любые другие мероприятия сообщества. Билеты NFT хранятся в криптокошельке.
4	NFT автоматические маркет-мейкеры	Автоматизированный протокол, который облегчает обмен токенов
5	NFT аренда	Процесс, в котором владелец NFT может одолжить свои цифровые активы или NFT кому-то, кто хочет их одолжить или арендовать на некоторое время. Процесс предполагает использование смарт-контрактов, которые управляют условиями договора аренды. В конце срока аренды смарт-контракт возвращает NFT его первоначальному владельцу.
6	NFT трекары	Онлайн-платформы или программное обеспечение, которые позволяют пользователям отслеживать покупки и продажи NFT на различных рынках.
7	NFT финансы	Финансирование NFT, возникшая на пересечении децентрализованных финансов (DeFi) и NFT, целый ряд действий для коллекционеров, таких как: 1. Взять кредит под NFT. 2. Аренда NFT на период социального влияния. 3. Использование для хеджирования от волатильности
8	NFT агрегатор	Платформы, которые агрегируют или собирают данные на нескольких рынках NFT
9	NFT фрагментация	Деление токена на более мелкие фрагменты (для повышения ценовой доступности)
10	NFT кредитование	Предоставление NFT как залога при кредитовании

Источник: составлено автором

Для технологии, возникшей в 2017 году, NFT к настоящему времени добились значительного успеха. В качестве трендов будущего развития невзаимозаменяемых токенов исследователи выделяют: расширение базы пользователей NFT, уточнение технических и программных механизмов, и самое важное – переход от виртуального мира к реальному (осязаемому).

Таким образом, в данной статье NFT были охарактеризованы и проанализированы в трех взаимосвязанных ракурсах:

1) NFT как технология: выявлено, что предложенные исследователями определения NFT сущностно не расходятся друг с другом; а также уточнено, что классификации NFT осуществляются по критерию «характер (физического) носителя»;

2) рынок NFT: охарактеризованы виды невзаимозаменяемых токенов как инвестиционные цели; рассмотрены участники рынка NFT; систематизированы отличительные характеристики

данного рынка, такие как поляризация держателей токенов, манипулирование рынком, отсутствие на рынке традиционных финансовых институтов и другие; проведен анализ показателей рынка NFT (рыночная капитализация и объем торгов);

3) экосистема NFT: перечислены элементы, образующие современную экосистему NFT и дана характеристика каждого элемента.

Подводя итоги отметим, что динамичное развитие трансграничного рынка невзаимозаменяемых токенов имеет все шансы продолжиться. Неопределенность в национальном регулировании криптовалют и блокчейна, на которых базируется NFT, отсутствие регулирования собственно рынка NFT, равно как и инвестиционный и художественный спрос на NFT объекты являются драйверами распространения данной технологии.

Список источников

1. Романов А. А., Сероштанова Н. Ю. NFT – арт-рынок XXI века // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2021. № 4. С. 20–28.
2. Gorodnova N. V. (2022) Tsifrovaya ekonomika: razvitie NFT-rynka i smart-kontraktov [Digital economy: NFT market and smart contracts development]. Voprosy innovatsionnoy ekonomiki. 12. (2). – 949–966. doi: 10.18334/vinec. 12.2.114328
3. Рогов Е. В. Образование нового типа биржевых фондов благодаря технологии невзаимозаменяемых токенов (NFT) // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 37. С. 220–225.
4. Lebedeva S. A., Kharchenko D. E., Dyakonov A. D., Belyakova M. Yu. (2023) Ispolzovanie tekhnologii NFT (nevzaimozamenyaemye tokeny) kak instrumenta sportivnogo i turisticheskogo marketinga [Nonfungible token technology as a tool for sports and tourism marketing]. Informatizatsiya v tsifrovoy ekonomike. 4. (2). – 167–182. doi: 10.18334/ide.4.2.117774
5. Веряскин П. Г., Комлева Н. С., Морозова Н. С., Мурзина С. А. Формирование информационной базы цифровых NFT-активов индустрии гостеприимства // Экономика и управление: проблемы и решения. 2023. № 11. Т. 2. С. 29–33; <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.11.02.004>;
6. Григорьев Е. П., Григорьева Е. Э. Воздействие технологии blockchain и NFT на бизнес-процессы алмазно-бриллиантового комплекса // Финансовый бизнес. 2023. №5 (239). С. 108–111.
7. Умаров Х. С. Реализация возможностей невзаимозаменяемых токенов (NFT) на современном рынке интеллектуальной собственности // Финансы и кредит. 2022. № 3 (819). Том 28. С. 699–728.
8. Махлина М. Г. Место невзаимозаменяемого токена (NFT-токена) в системе объектов прав интеллектуальной собственности // Право и экономика. 2022. № 10 (416). С. 48–56.
9. Кашапова Э. Р., Рыжкова М. В., Ермушко Ж. А., Латышев Н. А. Финансовые пирамиды с использованием NFT-технологии // Векторы благополучия: экономика и социум. 2022. № 4 (47). С. 12–22. DOI 10.18799/26584956/2022/4/1350;
10. Смирнов С. С. NFT-технологии в применении к отмыванию денежных средств // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 2А. С. 413–418.
11. Zheng Ya. The research of NFT money laundering risks and regulatory measures // Frontiers in business, economics and management. 2022. Vol.6, iss.3, pp.78-80;
12. Коротун А. В., Фоменко И. В. Трансформационные способы легализации денежных средств, полученных в результате распространения наркотических средств и психотропных веществ // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 8 (159). С. 103–109.
13. Кузнецов Д. Е. Невзаимозаменяемые токены (NFT) как предмет получения взятки // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 2(23). С. 31–37. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2023/06/004.pdf>. EDN: WVHZII.
14. Шалаева М. А. Перспективы развития рынка NFT // Актуальные вопросы современной экономики. 2023. № 7. С. 494–498.

References

1. Romanov A. A., Seroshtanova N. Yu. NFT – the 21st century art market. *News of higher educational institutions. The Ural region*. 2021;(4):20–28. (In Russ.)
2. Gorodnova N. V. Digital economy: NFT market and smart contracts development. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*. 2022; 12 (2): 949–966. DOI:10.18334/vinec. 12.2.114328
3. Rogov E. V. The formation of a new type of exchange-traded funds thanks to the technology of non-fungible tokens (NFT). *Innovation. Science. Education*. 2021;(37):220–225. (In Russ.)
4. Lebedeva S. A., Kharchenko D. E., Dyakonov A. D., Belyakova M. Yu. Nonfungible token technology as a tool for sports and tourism marketing. *Informatizatsiya v tsifrovoy ekonomike*. 2023;4(2):167–182. DOI: 10.18334/ide.4.2.117774
5. Veryaskin P. G., Komleva N. S., Morozova N. S., Murzina S. A. Formation of an information base of digital NFT assets of the hospitality industry. *Economics and management: problems, solutions*. 2023;2(11): 9–33. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2023.11.02.004 (In Russ.)
6. Grigor'ev E.P., Grigor'eva E.E. Impact of blockchain and NFT technology on diamond complex business processes. *Financial Business*. 2023;5(239):108–111. (In Russ.)
7. Umarov Kh. S. Implementing non-fungible token (NFT) capabilities in today's intellectual property market. *Finance and credit*. 2022;28(3):699–728. (In Russ.)
8. Makhlina M. G. Place of non-fungible token (NFT token) in the system of intellectual property rights. *Pravo i ekonomika*. 2022;10(416):48–56. (In Russ.)
9. Kashapova E. R., Ryzhkova M. V., Ermushko Zh. A., Latyshev N. A. Financial pyramids using NFT technology. *Journal of Wellbeing Technologies*. 2022;4(47):12–22. (In Russ.) DOI: 10.18799/26584956/2022/4/1350
10. Smirnov S. S. NFT- technologies applied to money laundering. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*. 2022;12(2A):413–418. (In Russ.)
11. Zheng Ya. The research of NFT money laundering risks and regulatory measures. *Frontiers in business, economics and management*. 2022;6(3):78–80.
12. Korotun A. V., Fomenko I. V. Transformational methods of legalization of funds obtained as a result of the distribution of narcotic drugs and psychotropic substances. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. 2023;8(159):103–109. (In Russ.)
13. Kuznetsov D. E. Non-fungible tokens (NFTs) as a subject of bribe-taking. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta voisk natsional'noi gvardii*. 2023;2(23):31–37. (In Russ.)
14. Shalaeva M.A. Market development prospects NFT. *Topical issues of the modern economy*. 2023;(7):494–498. (In Russ.)

Информация об авторе

Ю. С. Евлахова – доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой финансового мониторинга и финансовых рынков, главный научный сотрудник НИИ РГЭУ (РИНХ).

Information about the author

Yu. S. Evlakhova – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Financial Monitoring and Financial Markets, Chief Researcher, Rostov State University of Economics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 20.02.2024.

The article was submitted 31.01.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 20.02.2024.

Инструментарий государственной поддержки устойчивого развития малого и среднего предпринимательства РФ

Сергей Сергеевич Змияк¹, Дарья Евгеньевна Иванова²,
Вячеслав Евгеньевич Иванов³, Валерий Владиславович Шукель⁴

^{1, 2, 4}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

³Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД РФ, Волгодонск, Россия

¹sergey_zm@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3212-3649>

²d.e._ivanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4313>

³v.ivanovrussia@bk.ru

⁴vs hukel-22@edu.ranepa.ru

Аннотация. Устойчивое развитие организаций малого и среднего бизнеса – это концепция, основанная на стратегическом подходе к управлению, который направлен на сбалансированное достижение экономических, социальных и экологических целей. Научная концепция уделяет особое внимание устойчивости бизнеса в долгосрочной перспективе, минимизации негативного воздействия на окружающую среду и обеспечению долгосрочного благосостояния как для самой организации, так и для общества в целом. В статье делается акцент на роли государства в управлении устойчивым развитием организаций малого и среднего бизнеса. Представлена статистика по вовлеченности в малое и среднее предпринимательство регионов РФ, выделены актуальные меры поддержки предпринимательства в рамках реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» в туристической, аграрной сферах и сфере импорта.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, устойчивое развитие, государственная поддержка, национальный проект, льготные условия, кредитование, возмещение затрат, субсидии

Для цитирования: Змияк С. С., Иванова Д. Е., Иванов В. Е., Шукель В. В. Инструментарий государственной поддержки устойчивого развития малого и среднего предпринимательства РФ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 118–124. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-118-124>. EDN NXURNT

Problems of Economics

Original article

Tools of state support for the sustainable development of small and medium-sized enterprises of the Russian Federation

Sergey S. Zmiyak¹, Daria E. Ivanova², Vyacheslav E. Ivanov³, Valery V. Shukel⁴

^{1, 2, 4}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

³Volgodonsk branch of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgodonsk, Russia

¹sergey_zm@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3212-3649>

²d.e._ivanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4313>

³v.ivanovrussia@bk.ru

⁴vs hukel-22@edu.ranepa.ru

Abstract. Sustainable development of small and medium-sized businesses is a concept based on a strategic approach to management, which is aimed at achieving balanced economic, social and environmental goals. The scientific concept pays special attention to the sustainability of business in the long term, minimizing the negative impact on the environment and ensuring long-term well-being for both the organization itself and society as a whole. The article focuses on the role of the state in managing the sustainable development of small and medium-sized businesses. Statistics on involvement in SMEs in the regions of the Russian Federation are presented, relevant measures to support entrepreneurship within the framework of the national project "Small and medium-sized entrepreneurship and support for individual entrepreneurial initiative" in the tourism, agricultural and import sectors are highlighted.

Keywords: small and medium-sized enterprises, sustainable development, government support, national project, preferential conditions, lending, cost recovery, subsidies

For citation: Zmiyak S. S., Ivanova D. E., Ivanov V. E., Shukel V. V. Tools of state support for the sustainable development of small and medium-sized enterprises of the Russian Federation. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(1):118–124. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-118-124>. EDN NXURNT

Согласно исследованию Finexpertiza, по данным за десять месяцев 2023 г., количество граждан, работающих в малом и среднем предпринимательстве (далее МСП), ИП и оформивших самозанятость растёт с каждым месяцем и составляет 40 % от общего числа занятых по стране (см. рис. 1). Соответственно, прослеживается увеличение финансовых показателей данного сегмента [1], рост потребностей для расширения бизнеса (территории, аудитории, областей), увеличение количества объектов управления. В свою очередь это может привести к необходимости пересмотра размера и условий материальной поддержки подобных действующих или учреждаемых организаций, а также проверке соответствия законодательства и его актуальности с точки зрения достаточного количества широко дифференцированных бизнес-структур.

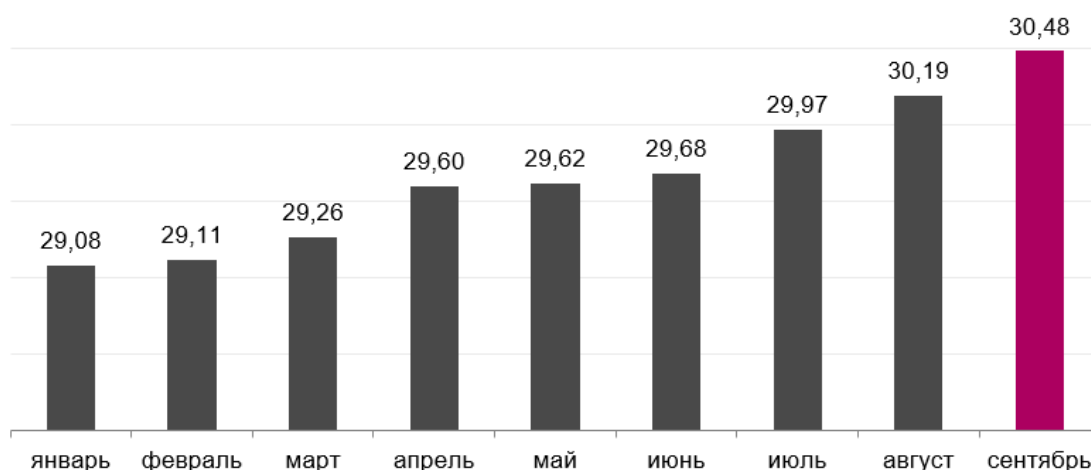

Рис. 1. График изменения количества граждан, занятых в МСП, ИП и самозанятых с января по сентябрь 2023 года по версии Finexpertiza и данным Tadviser

Fig. 1. The graph of changing of small and medium-sized enterprises', individual entrepreneurship's employees' and self-employees' number in period since January till September according to Finexpertiza and Tadviser

Согласно Федеральному закону «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»¹, к субъектам подобного рода бизнеса относятся организации, соответствующие условиям владения уставным капиталом (не более 25 % долей у государства и государственных предприятий или 49 % долей у участников хозяйственного общества/товарищества, не являющихся субъектами МСП), размера дохода (отсутствие превышения установленного предельного значения), количества работников (до 100 человек для малого предпринимательства и от 100 до 250 для бизнеса среднего размера) и т.д. Рассмотрим показатели статистики по регионам, которые наглядно демонстрируют наиболее и наименее вовлеченных в МСП субъектов РФ (см. рис. 2).

¹ Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

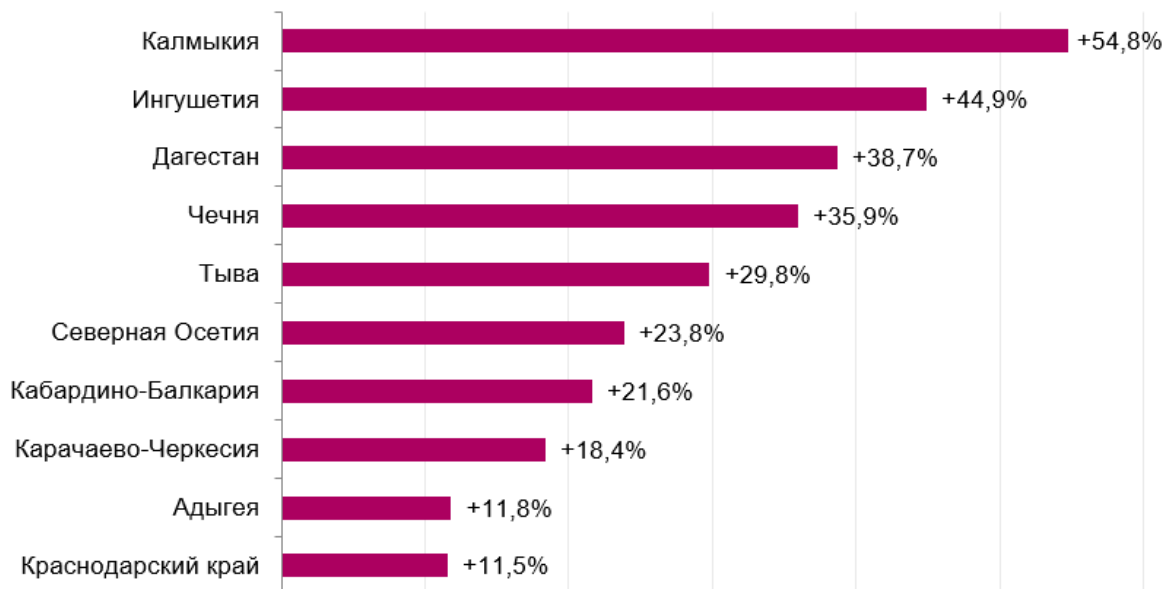

Рис. 2. Динамика изменения количества работников малого и среднего бизнеса по регионам России с января по сентябрь 2023 г. по версии исследований Finexpertiza и данным Tadviser

Fig. 2. The dynamics of changing of small and medium-sized enterprises' employees' number in Russian regions in period since January till September 2023 according to Finexpertiza and Tadviser

Регионами, не вошедшими в диаграмму и показавшими отрицательную статистику, стали Ненецкий и Чукотский автономные округа, Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области. Уменьшение вовлеченности в предприятия МСП составило долю от 0,6 % до 7,8 % ранее занятых в данных организациях. Отрицательная динамика обусловлена следующими факторами: экономические условия (низкая доходность и высокие риски ведения бизнеса); демографические изменения (региональная трудовая миграция и изменения в возрастной структуре населения); недостаток финансовых ресурсов (ограниченный доступ к кредитам и инвестициям может затруднять создание и развитие малого бизнеса).

Для повышения вовлеченности в МСП этих регионах необходимы меры по созданию благоприятной предпринимательской среды, обеспечению доступа к финансовым ресурсам, улучшению инфраструктуры, а также развитию мер поддержки со стороны государства

Правительство разрабатывает меры поддержки предпринимательства в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», действие которого предполагается до 2030 г. Согласно проекту вводятся плановые показатели по малому и среднему бизнесу в целом: увеличение выручки на 25 % с каждого работника; увеличение количества открывающихся организаций на 3 % по сравнению с прошедшим периодом; увеличение продолжительности функционирования подобных организаций до 13 лет против нынешних 2–9 лет; перемещение фокуса малого и среднего предпринимательства с области торговли на туристическую, транспортную, технологическую сферы; увеличение доли рассматриваемых организаций в ВВП страны до 32,5 %.

Выделим масштабные общие цели по управлению состоянием малого и среднего предпринимательства, имеющие положительное значение для бизнеса, которые будут реализовываться с 2024–2025 годов:

- 1) наделение ряда подобных организаций возможностью функционирования по переходному налоговому режиму;
- 2) введение на всей территории России автоматизированной упрощенной системы налогообложения;
- 3) создание схожих налоговых режимов для ИП и самозанятых граждан;
- 4) выстраивание взаимосвязей между крупным, малым и средним предпринимательством;

5) предоставление льготных условий для инвестирования со стороны малых предприятий в обрабатывающую отрасль;

6) предоставление поддержки малому и среднему бизнесу в новых регионах.

С точки зрения негативных изменений на 2024 г., отметим сокращение финансирования проекта «Малое и среднее предпринимательство» на 21 % (в денежном эквиваленте – 14 млрд руб.), а также проекта «Создание условий для легкого старта и комфортного ведения бизнеса» – на 56 % (или на 2,3 млрд руб.). Следствием послужит уменьшение количества или закрытие программ льготного кредитования по ставке 7 % и льготного лизинга, переформирование объема грантов, выдаваемых для инновационных производств и вынужденный поиск иных источников получения средств организациями малого и среднего бизнеса.

Помимо изменений и нововведений в сфере государственного управления режимом функционирования малого и среднего предпринимательства существует ряд мер, предпринятых ранее и действующих на нынешний момент. Например, цифровая платформа МСП [2–3], созданная в соответствии с Постановлением Правительства РФ «О проведении эксперимента по цифровой трансформации предоставления услуг, мер поддержки и сервисов в целях развития малого и среднего предпринимательства»¹. В её функционал входит:

- 1) постоянный онлайн-доступ к электронным информационным и образовательным ресурсам по интересующей теме с возможностью индивидуального подбора материала;
- 2) предоставление услуг на любой стадии развития организации в любом регионе;
- 3) консультирование по правовым вопросам касательно финансов, налогообложения и регистрации предприятия;
- 4) возможность выбора подходящих мер поддержки и льгот в онлайн-формате;
- 5) предоставление данных по законодательству;
- 6) онлайн-ведение статистики по бизнесу: календаря со сроками подачи отчетности и уплаты налогов и сборов.

Помимо данного ресурса с 2022 года действует электронная платформа «Знай своего клиента», которая позволяет распределить предпринимателей по степени риска (низкая, средняя и высокая категории) для банка и облегчить получение кредита бизнесменам. Более того, для субъектов, находящихся в категории с низкой степенью риска, также выделяется ряд льгот. С 2023 г. предоставляется единовременная выплата 350 тыс. руб. на открытие бизнеса при условии среднего дохода гражданина на уровне ниже регионального прожиточного минимума и при наличии согласованного с органами социальной защиты бизнес-плана. В 2024 г. данный процесс был упрощен посредством: заполнения заявки на электронной платформе Госуслуги без необходимости предварительного получения ряда справок и дополнительной информации; использования системы межведомственного взаимодействия и электронного документооборота (СМЭВ и ЭДО) для ускоренного получения требуемой информации по обратившемуся гражданину; преобразование системы расчета нуждаемости.

Далее перейдем непосредственно к государственному управлению развитием малого и среднего предпринимательства по некоторым из выделенных нами областей. Например, в сфере IT наиболее эффективными мерами являются: предоставление льгот по кредитам и лизингу, выделение грантов, искусственное повышение спроса на российскую продукцию. Однако организации обязаны соблюдать ряд условий для получения поддержки от государства: быть аккредитованной в Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, а доля выручки предприятия должна составлять не менее 70 % от дохода субъекта предпринимательской деятельности. IT-организации могут рассчитывать на нижеперечисленные льготы:

- Применение нулевой ставки при взимании налога на прибыль.
- Тариф для отчислений по заработным платам сотрудников – 7 % вместо утвержденных 15 % или 30 %.
- Запрет проведения выездных налоговых проверок по отношению к рассматриваемым предприятиям и проверок по соблюдению нормативно-правовых положений законодательства организациями.

¹ Постановление Правительства РФ от 21.12.2021 N 2371 (ред. от 14.10.2023) «О проведении эксперимента по цифровой трансформации предоставления услуг, мер поддержки и сервисов в целях развития малого и среднего предпринимательства».

- Предоставление льготной ставки при получении целевых кредитов – 3 %.
- Предоставление возможности участия в конкурсах для получения грантов в размере до 6 млрд руб.
- Упрощение и ускорение процедуры принятия в штат иностранных специалистов.
- Предоставление льгот по ипотеке для сотрудников (ставка 5 %).

Обеспечение поддержки малого и среднего предпринимательства государства в туристической, аграрной сферах и сфере импорта приведены в табл. 1.

Таблица 1. Меры государственной поддержки и целей её применения на примере нескольких видов малого и среднего предпринимательства

Table 1. The research of state support measures and purposes of its application by the example of several types of small and medium-sized enterprises

Вид бизнеса	Меры/ льготы	Цель поддержки
Импорт товаров	Выделен бюджет размером 19,5 млрд на 2024 год (по сравнению с 2023 годом произошло увеличение в 1,5 раза), средства из которого могут быть направлены на оплату предпринимателями необходимых ресурсов, услуг по проектированию и наладке, НДС за рубежом, таможенных сборов и пошлин, лизинга.	Предоставление предпринимателям-импортерам возможности получения кредитования с льготами и компенсацией разницы коммерческим банкам из федерального бюджета.
Туризм	В соответствии с планом развития до 2025-2027 годов: 1) льготные условия по освобождению от уплаты НДС до 2027 года; 2) предоставление гранта в рамках реализации национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» 3) льготы кредитования на строительство туристических объектов; 4) упразднение возврата средств при приобретении брони гостиничного номера по сниженной цене; 5) преобразование требований к процессу заселения в гостиницы; 6) приравнивание круизных лайнеров к номерам в гостиницах.	1. Создание и контроль функционирования отечественного туристского продукта. 2. Развитие туристического бизнеса на охраняемых территориях федерального значения. 3. Устранение нормативно-правовых барьеров, снижающих туристическую активность. 4. Повышения уровня дохода МСП в сфере туризма.
Аграрный бизнес	В 2024 г. будут действовать те же меры поддержки, что и ранее: субсидии, гранты, социальный контракт на 200 тыс. руб. В перечень грантов входит: 1) 5 млн руб. на приобретение оборудования для выращивания и переработки; 2) 10 млн руб. на работы по проектированию и строительству, приобретение оборудования, обустройство рекреационно-развлекательного центра для туристов; 3) 30 млн руб. для работ по производству, хранению и переработке (от 2 лет работы на с/х территории).	Снижение нагрузки с предпринимателей в аграрной сфере для расширения производства и продажи отечественной продукции.

Более того, в 2024 г. предпринимателям малого и среднего бизнеса будут предоставлены льготы и послабления в области несения ответственности за правонарушения:

- 1) исключение обязательной уплаты штрафа, если доказана вина сотрудника;
- 2) применение наказаний по видам правонарушений, а не по их количеству (в процессе проведения проверок);

3) вынесение предупреждения вместо штрафа в случае отсутствия нарушений ранее;

4) уравнивание штрафов микро- и малых предприятий и штрафов ИП / 50 % от финансовой санкции.

Помимо области правонарушений льготы предложены и в налоговой сфере, а именно продление налоговых каникул для открывающихся организаций, относящихся к МСП.

Как мы указывали ранее, каждый регион России вправе скорректировать систему льгот для предприятий МСП [4]. Рассмотрим основные направления поддержки развития малого и среднего бизнеса на примере Ленинградской области. Предполагается предоставление следующих субсидий: по возмещению части затрат на финансовую аренду (лизинг) – 45 млн руб., на уплату по кредитам – 41 млн руб., по стимулированию туристического бизнеса – 15 млн руб., по возмещению затрат на покупку оборудования – примерно 80 млн руб. (в случае если это ООО с участием граждан с ограниченными возможностями – около 6 млн руб.), на получение сертификации – 5 млн руб., на участие в выставках и ярмарках – 5 млн руб., на ведение бизнеса в сфере народных художественных промыслов – 7 млн руб., на социальное предпринимательство – 27 млн руб., на покупку автомагазинов и прицепов – 5 млн руб. Гранты выдаются также в форме субсидий организациям, созданным молодыми предпринимателями, объем выделенных средств – около 37,4 млн руб.

Наиболее распространенными и идентифицированными в качестве максимально эффективных являются следующие меры государственного регулирования развития малого и среднего предпринимательства: назначение льготных условий с точки зрения финансовых операций и законодательства, погашение субсидиями части затрат бизнесменов, обеспечение оперативности получения информации и предоставления услуг благодаря электронной платформе [5–9]. Несмотря на урезание средств федерального бюджета, в 2024 г. предполагается выделение 68 млрд руб. на развитие МСП, что при суммировании вкладов государства в малый и средний бизнес с 2019 года составит примерно 400 млрд руб. Сокращение финансовой поддержки со стороны государства, несомненно, усложнит укрупнение МСП и создание новых организаций, однако одновременно позволит отсеять недостаточно проработанные проекты и предпринимателей, представляющих риск для банковской системы [10–11]. Существует дифференциация малых и средних предприятий по областям функционирования, и каждый регион РФ имеет возможность выбирать наиболее приоритетные для бизнеса сферы и предоставлять именно по ним льготные условия.

Список источников

1. Завьялов М. М. Стратегия обеспечения финансовыми ресурсами субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях международных санкций // *Цивилист*. 2023. № 1(41). С. 48–53.
2. Бобошко Д. Ю. Цифровые экосистемы и их роль в развитии малого и среднего предпринимательства в РФ // *Экономика и управление инновациями*. 2023. № 2(25). С. 22–30. DOI 10.26730/2587-5574-2023-2-22-30
3. Николаев Ю. Н. Механизм цифровой трансформации субъектов малого и среднего предпринимательства // *Прогрессивная экономика*. 2023. № 1. С. 41–54. DOI 10.54861/27131211_2023_1_41
4. Иванова Д. Е., Павлюкова А. В., Ялов А. М. Воздействие секторальных санкций на продовольственную безопасность России // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2020. № 4. С. 91–96. DOI 10.22394/2079-1690-2020-1-4-91-96
5. Крылова Е. Б. Новые источники потенциала малого и среднего предпринимательства в современных условиях // *Вестник Национального Института Бизнеса*. 2023. № 2(50). С. 53–58.
6. Мурзин В. С. Способы государственной финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2023. № 4-2(98). С. 74–76. DOI 10.24412/2411-0450-2023-4-2-74-76
7. Буров П. Д. Современные методики оценки эффективности деятельности субъектов малого предпринимательства // *Финансы и управление*. 2020. № 1. С. 91–102.
8. Бобошко Д. Ю., Бондаренко В. С. Анализ мер государственной поддержки инновационной деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства в РФ // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2023. № 7. С. 28–32. DOI 10.18572/1813-1247-2023-7-28-32
9. Жигарев А. С., Гамулинская Н. В. Финансовая поддержка малого и среднего предпринимательства в 2022 году // *Актуальные вопросы современной экономики*. 2023. № 1. С. 200–204.
10. Парчинская М. Е. Кредитование субъектов малого и среднего предпринимательства в России // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2023. № 12-1(106). С. 222–225. DOI 10.24412/2411-0450-2023-12-1-222-225

11. Зайцев А. А., Мурова К. Э., Надежина О. С. Поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства в современных условиях как основа экономической безопасности региона // Экономические науки. 2023. № 223. С. 412–419. DOI 10.14451/1.223.412

References

1. Zavyalov M. M. Strategy for providing financial resources to small and medium-sized businesses under international sanctions. *Civilist*. 2023;1(41):48–53. (In Russ.)
2. Boboshko D. Y. Digital ecosystems and their role in the development of small and medium-sized enterprises in the Russian Federation. *Economics and innovation management*. 2023;2(25):22–30. (In Russ.). DOI 10.26730/2587-5574-2023-2-22-30
3. Nikolaev Yu. N. The mechanism of digital transformation of small and medium-sized businesses. *Progressive economics*. 2023;(1):41–54. (In Russ.). DOI 10.54861/27131211_2023_1_41
4. Ivanova D. E., Pavlyukova A. V., Yalov A. M. The impact of sectoral sanctions on Russia's food security. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2020;(4):91–96. (In Russ.). DOI 10.22394/2079-1690-2020-1-4-91-96
5. Krylova E. B. New sources of the potential of small and medium-sized enterprises in modern conditions. *Bulletin of the National Institute of Business*. 2023;2(50):53–58. (In Russ.)
6. Murzin V. S. Methods of state financial support for small and medium-sized businesses. *Economics and Business: theory and practice*. 2023;4-2(98):74–76. (In Russ.). DOI 10.24412/2411-0450-2023-4-2-74-76
7. Burov P. D. Modern methods of evaluating the effectiveness of small business entities. *Finance and management*. 2020;(1): 91–102. (In Russ.)
8. Boboshko D. Y., Bondarenko V. S. Analysis of measures of state support for innovation activities of small and medium-sized enterprises in the Russian Federation. *State power and local self-government*. 2023;(7):28–32. (In Russ.). DOI 10.18572/1813-1247-2023-7-28-32
9. Zhigarev A. S., Gamulinskaya N. V. Financial support for small and medium-sized enterprises in 2022. *Topical issues of modern economics*. 2023;(1):200–204. (In Russ.)
10. Parchinskaya M. E. Crediting of small and medium-sized businesses in Russia. *Economics and Business: theory and practice*. 2023;12-1(106): 222–225. (In Russ.). DOI 10.24412/2411-0450-2023-12-1-222-225
11. Zaitsev A. A., Murova K.E., Nadezhina O. S. Support of small and medium-sized businesses in modern conditions as the basis of economic security of the region. *Economic sciences*. 2023;(223):412–419. (In Russ.). DOI 10.14451/1.223.412

Информация об авторах

С. С. Змиак – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

Д. Е. Иванова – старший преподаватель кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

В. Е. Иванов – преподаватель кафедры огневой и физической подготовки, майор полиции, Волгодонский филиал РЮИ МВД России.

В. В. Шукель – аспирант ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

S. S. Zmiyak – Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

D. E. Ivanova – Senior Lecturer of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

V. E. Ivanov – Teacher of the Department of Fire and Physical Training, Police Major, Volgodonk branch of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

V. V. Shukel – Postgraduate Student, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.02.2024; одобрена после рецензирования 28.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

The article was submitted 04.02.2024; approved after reviewing 28.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.

EDN NEXVJF

Научная статья

УДК 332.6

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-125-133>

Методологические основы функционирования институциональной среды ипотечного жилищного кредитования

Светлана Алексеевна Литвинова

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, litvinova-s@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8786-3794>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса институциональной среды ипотечного жилищного кредитования. Рассматривается структура институциональной среды ипотечного жилищного кредитования, функции институциональной среды и влияние цифровых технологий на институциональную среду ИЖК. При этом институты существуют в тесной взаимосвязи и влияют на развитие экономики и всего общества в целом. Автор дает представление о влиянии технологических трендов на институциональную среду ипотечного жилищного кредитования и делает вывод о том, что, интенсификация применения цифровых инструментов в ИЖК, развитие экосистем позволит автоматизировать процессы ИЖК, способствует их ускорению, повышению прозрачности и доступности, что, несомненно, повлияет на эффективность функционирования институтов ИЖК и повысит качество институциональной среды в целом.

Ключевые слова: ипотечное кредитование, институциональная среда ИЖК, кредит, цифровизация ипотечного жилищного кредитования, эффективность институциональной среды ипотечного жилищного кредитования, единая информационная система жилищного строительства «Дом.РФ»

Для цитирования: Литвинова С. А. Методологические основы функционирования институциональной среды ипотечного жилищного кредитования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 125–133. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-125-133>. EDN NEXVJF

Problems of Economics

Original article

Methodological foundations of the functioning of the institutional environment of mortgage housing lending

Svetlana A. Litvinova

South Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, litvinova-s@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8786-3794>

Abstract. The article is devoted to the consideration of the issue of institutional mortgage housing lending. The structure of the institutional environment of housing mortgage lending, the functions of the institutional environment and the impact of digital technologies on the institutional environment of housing and communal services are considered. At the same time, institutions exist in close interrelationship and influence the development of the economy and society as a whole. The author gives an idea of the impact of technological trends on the institutional environment of housing mortgage lending and concludes that, in particular, the intensification of the use of digital tools in housing and communal services, the development of the ecosystem allows automating the processes of housing and communal services, contributes to their acceleration, increased transparency and accessibility, painlessness, this affects the effectiveness of the functioning of housing and communal services institutions and improves the quality of institutional the environment as a whole.

Keywords: mortgage lending, institutional environment of housing and communal services, lending, digitalization of mortgage housing lending, efficiency of the institutional environment of mortgage housing lending, unified information system for housing construction "DOM.RF"

For citation: Litvinova S. A. Methodological foundations of the functioning of the institutional environment of mortgage housing lending. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):125–133. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-125-133>. EDN NEXVJF

Введение. В современных условиях ипотечное жилищное кредитование (ИЖК) представляет собой ключевой инструмент решения проблем в области жилищного обеспечения населения. Помимо этого, система ИЖК содержит в себе большой потенциал для экономического развития государства и способна оказывать положительное влияние на стабильную и продуктивную деятельность банковской сферы.

Эффективность ИЖК находится в полной зависимости от развитости институциональной среды и отлаженного взаимодействия с ней, поэтому развитие и трансформация институциональной среды должно быть направлено на формирование адекватной конечной стоимости ипотечного кредита, повышение качества ипотечного портфеля кредитных организаций, поддержание финансовой стабильности рынка ипотечного жилищного кредитования, наращивание возможностей по обеспечению населения жильем на первичном и вторичном рынках.

В последнее время вопросами изучения институциональной среды ипотечного жилищного кредитования уделяется особое внимание, что обусловлено необходимостью эффективного управления рисками, воздействующими на развитие экономических субъектов на конкурентном рынке. Однако, в настоящее время в экономических исследованиях, несмотря на их значительное количество, отсутствует общепризнанное определение институциональной среды и подходы авторов по этому вопросу различаются. Так, одни авторы определяют институциональную среду, как совокупность институтов, а другие рассматривают ее как систему экономических отношений, мер или правил. В связи с этим представляется необходимым четкое разграничение таких дефиниций как «институт» и «институциональная среда».

Теория исследования. Интерпретации понятия «институт» можно найти в ряде работ отечественных и зарубежных исследователей, таких как Дж. Коммонс [1], Т. Веблен [2], Д. Норт [3], А. Олейник [4], А. Шаститко [5] и др.

Так, американский экономист, основатель социально-правового течения институционализма Джон Коммонс определяет «институт» как «коллективное действие по контролю, освобождению и расширению индивидуального действия». Принципиально важным, на наш взгляд, является то, что он рассматривает институты как организационные механизмы достижения коллективных целей, идентифицируя их с организациями [6].

В целом поддерживая данную точку зрения, мы считаем, что организации субъективизируют институты и обеспечивают их нормальное функционирование. При этом организации, в отличие от институтов, которые носят объективный характер, являются субъективным, осознанным выбором людей. Различие между институтом и организацией носят во многом терминологический, уточняющий характер, поэтому в состав институциональной среды включаются институты и организации.

Более глубокую интерпретацию термина «институт» дает немецкий экономист Густав Шмоллер, который рассматривает данную категорию с двух позиций. С одной стороны, он определяет институты как обычные стационарные формы хозяйствования (организации), например, такие как: предприятие, рынок, государство, с другой стороны, говорит о соглашениях и других стереотипах поведения, которые, по его мнению, надо рассматривать в специфическом контексте существующих идей, моральных норм и законов, т.е. отождествляет институты с правилами.

Мы считаем, что для более полной и всесторонней характеристики институциональной среды ипотечного жилищного кредитования целесообразно придерживаться именно такого дуалистического подхода к трактованию сущности института. Поскольку организация (стационарная форма хозяйствования) сама по себе не является институтом, как и не является институтом отдельно взятое формальное или неформальное правило. Но функции и деятельность организаций в совокупности с формальными и неформальными правилами, порождают механизм, обеспечивающий выполнение правил. Только эта триада (формальные правила, неформальные правила, деятельность организаций), а не ее компоненты по отдельности, составляет институт.

Свое экономическое и функциональное значение институты реализуют через ряд функций.

В целом, функции институтов в системе общественных отношений (политических, экономических, социальных) состоят в формировании социальной инфраструктуры поведения граждан, обеспечении стабильности имеющейся структуры взаимоотношений между агентами, снижению общественных издержек. Основные, на наш взгляд, функции институтов представлены на рис. 1.

Как уже отмечалось, институты существуют в тесной взаимосвязи и влияют на развитие экономики и всего общества в целом. Все отношения в экономике в современном мире регулируются посредством большого объема всевозможных норм и правил, контрактов, что свидетельствует о значимости исследований институциональной среды.

Рис. 1. Функции институтов¹

Fig. 1. Functions of institutions

В определениях таких авторов, как Д. Норт, Л. Девис, О. Уильямсон [7], А. Н. Олейник [8], П. Кляйн [9] институциональная среда в основном определяется как совокупность формальных и неформальных правил. Однако в определении отсутствует упоминание о механизмах и инструментах, обеспечивающих выполнение правил. В таком случае понятие институциональная среда под определенным углом рассмотрения может показаться даже более узким понятием, чем институт или совокупность институтов, что, на наш взгляд, в корне неверно.

Другая часть авторов (Е. С. Силова [10], М. В. Кондратов, Р. И. Гарипов [11]) учитывают наличие в составе институциональной среды механизма, обеспечивающего выполнения правил. В целом данные авторы определяют институциональную среду как совокупность формальных, неформальных правил и механизма, обеспечивающего их выполнения или же как совокупность институтов, что фактически является тем же самым.

Вместе с тем, определяя институциональную среду, на наш взгляд, следует исходить из самого толкования слова «среда». Так, согласно Толковому словарю Ожегова «среда» представляет собой условия, благоприятные для существования, порождения чего-нибудь².

В этой связи считаем, что институциональная среда является более широким понятием, включающим в себя соответствующий набор из нескольких институтов, а также условий, с одной стороны, поддерживающих функционирование механизма, направленного на обеспечение выполнения норм и правил и с другой – определяющих возможность развития.

Таким образом, проведенное исследование позволило выработать авторское определение, в соответствии с которым институциональная среда представляет собой совокупность формальных и неформальных правил, организаций и условий, определяющих инструменты и механизмы

¹ Составлено автором.

² Толковый словарь Ожегова – [Электронный ресурс] – режим доступа // <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30279>

реализации ограничений, регулирующих поведение экономических агентов, а также факторы своего развития.

Институциональная среда в процессе своего функционирования выполняет ряд функций. В их числе следует выделить [12]:

1. Рамочное регулирование, которое способствует уменьшению количества конфликтов в рамках институциональной среды и повышает эффективность координации институтов посредством снижения степени неопределенности;

2. Обеспечение предсказуемости и стабильности. Важнейшей задачей институтов является обеспечение предсказуемости результатов любой совокупности действий и обеспечение за счет этого институциональной устойчивости;

3. Обеспечение свободы и безопасности. Формальные институты определяют рамки свободы осуществляемой экономическими агентами деятельности, тем самым минимизируя риски применения в их отношении санкций, возникающих в силу закона. Неформальные институты формируют рамки, в пределах которых экономический агент свободен в действиях и не будет осужден в глазах общественности;

4. Содействие трансферу знаний инновационных технологий посредством обучения формальным и не формальным правилам, а также установлением формальных правил обмена продуктами интеллектуального труда между экономическими агентами;

5. Снижение трансакционных издержек, которые выступают тормозом экономического развития, поскольку их значительная величина, приходящаяся на единицу обмениваемого блага, в конечном итоге способна оказывать негативное влияние на эффективность и конкурентоспособность, как отдельных экономических субъектов, так и национальной экономики в целом (рис. 2).

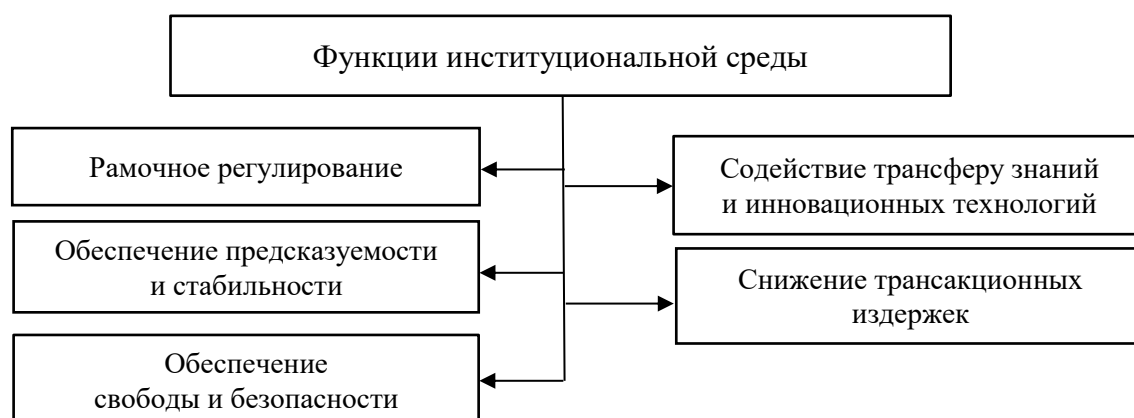

Рис. 2. Функции институциональной среды¹
Fig. 2. Functions of the institutional environment

Под воздействием постоянно трансформирующихся социально-экономических, политических отношений, как в стране, так и в мировом сообществе, институциональная среда претерпевает постоянные изменения. Это проявляется в изменении правил ведения людьми хозяйственной деятельности, возникновении современных профессий и технологий, новых форм и объектов собственности и т.д., в связи с чем возникает потребность корректировки существующих и формирования новых институциональных норм, правил и ограничений. При этом, при институциональных инкрементных изменениях (незначительных корректировках соглашений) адаптация формальных институтов к новым правилам проходит значительно медленнее, чем неформальных институтов.

При дискретных институциональных изменениях (радикальных корректировках) формальных правил, институциональная среда претерпевает радикальные изменения, возникают новые и промежуточные институты, появление которых обусловлено различной скоростью трансформации элементов институциональной среды и необходимостью сохранения взаимосвязи между трансформирующимися и новыми институтами [13].

¹ Составлено автором.

Обратим внимание, помимо выше указанных изменений, институциональная среда подвержена спонтанным, носящим стихийный характер, и целенаправленными изменениям, которые происходят в результате продуманных, запланированных действий. Соответственно, при данных институциональных изменениях, также спонтанно или целенаправленно, могут трансформироваться неформальные институты, изменение же формальных институтов может происходить только целенаправленно.

Как уже отмечалось выше, институциональные изменения проходят с разной скоростью и если процессы протекают быстро, то зачастую возникает конфликтная ситуация между формальными и неформальными институтами, а обратный процесс опасен затяжным периодом реформирования [13]. В этой связи, представляется важным отметить, что замена отдельных институтов, их совершенствование или имплантация [14] приводят к формированию новых функционирующих институтов только в том случае, если не происходит их отторжение системой, что доказывает тесную взаимосвязь всех элементов, составляющих институциональную среду.

Таким образом, исследование теоретических положений по поводу сущности и определения института и институциональной среды, позволило выработать представления о конструкции непосредственно институциональной среды ипотечного жилищного кредитования.

Институциональная среда функционирования и развития ипотечного жилищного кредитования представляет собой комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих институтов, институциональных актов, правил, соглашений и стандартов, определяющих систему общих ограничений для кредиторов и заемщиков, а также инструментов их регулирования и условий развития. Функционально институциональная среда должна способствовать стимулированию спроса и предложения кредитных вложений в жилищный сектор [15].

Структура институциональной среды ИЖК. Структура институциональной среды ИЖК отражает взаимосвязь системных элементов, где ключевая нагрузка приходится на субъектно-институциональный состав участников и каждому субъекту присущи специфические функции, которые четко регламентируются отечественным законодательством. При этом, в зависимости от своего функционального предназначения субъектно-институциональный состав участников ипотечного жилищного кредитования можно разделить на три большие группы.

К первой, основной группе участников, относятся те субъекты, которые непосредственно формируют основу ипотечных отношений как таковую и без которых в принципе не может происходить формирование институциональной среды ИЖК. Такими субъектами в настоящее время являются: кредитор (залогодержатель); заемщик (залогодатель); инвесторы-застройщики; государственные институты развития (ДОМ.РФ.); страховые организации.

Выделение в составе основной группы участников ИЖК кредиторов, заемщиков и инвесторов-застройщиков, на наш взгляд, не может вызывать никаких дискуссий. Включение государственного института развития и страховых организаций в состав данной группы обусловлено, в первую очередь, теми трансформационными процессами, которые происходят как непосредственно в сфере ипотечного жилищного кредитования, так и в стране в целом. И, в первую очередь здесь следует говорить о все более возрастающей роли государства в ипотечном жилищном кредитовании.

АО «ДОМ.РФ» является оператором «Единой информационной системы жилищного строительства», в которой содержатся актуальные сведения о рынке жилищного строительства, в рамках единого информационного пространства осуществляется взаимодействие ключевых субъектов жилищного рынка. Данная система служит важным информационным ресурсом, предоставляющим гражданам сведения о состоянии и изменении жилищных условий населения. Стоит отметить, на уровне субъектов РФ, органы государственной власти реализуют программы ипотечного жилищного кредитования через региональные институты развития, основным направлением деятельности которых является организация и развитие ипотечного жилищного кредитования на территории региона¹.

Таким образом, институт развития в лице ДОМ.РФ решает важнейшую стратегическую задачу по повышению доступности ипотечного жилищного кредитования социально-приоритетным категориям населения по ставке (с учетом субсидий, средств материнского капитала) ниже

¹ Социальная ипотека в 2021 году / Все об ипотеке. <https://vse-obipoteke.ru/>

среднерыночной, а также субсидирования первоначального взноса за счет бюджетных средств, предоставляемых на обеспечение жильем льготных категории граждан.

В этой связи мы считаем возможным включить такой государственный институт, как ДОМ.РФ в состав основных элементов институциональной среды современной системы ИЖК.

Включение страховых компаний в состав основных субъектно-институциональных участников ИЖК обусловлено тем, что в настоящее время предмет залога подлежит обязательному страхованию. Страховые компании в ИЖК также осуществляют следующие виды страхования: страхование жизни здоровья заемщика (или страхование от несчастных случаев и болезней); титульное страхование; прочие виды страхования, в т.ч. страхование ответственности заемщика, страхование финансового риска кредитора; страхование от потери работы и др.¹

В целом, следует отметить, что в последнее время происходит переосмысление роли страхования, как в экономике в целом, так и в рамках ипотечного жилищного кредитования. Сделки по ипотечному жилищному кредитованию сопряжены с рисками, как для кредиторов, так и для заемщиков. Кредитная организация рискует финансовыми ресурсами, вложенными в объект недвижимости, а у заемщика существуют риски потери недвижимости и уже оплаченных по ипотечному договору средств. В целях обеспечения страховой защиты интересов кредиторов и заемщиков реализуется ипотечное страхование, что позволяет расширить спектр предлагаемых страховых продуктов и снизить риски возможных потерь обеими сторонами в результате наступления страховых случаев. Внедрение ипотечного страхования положительно сказалось на росте объемов ипотечных кредитов и стабильности отечественного рынка ипотеки [16].

Вторую группу субъектов институциональной среды ипотечного жилищного кредитования образуют вспомогательно-организационные структуры, которые напрямую не формируют базовые отношения в процессе ипотечного жилищного кредитования, но которые принимают в нем участие и его опосредуют.

К числу таких субъектов, по нашему мнению, можно отнести: риэлтерские компании; оценочные компании; ипотечных брокеров; Бюро кредитных историй; операторов вторичного рынка ИЖК; Федеральную службу государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр).

Важнейшим участником ипотечных отношений является государство. Оно действует на ипотечном рынке через органы законодательной и исполнительной власти, которые призваны обеспечить организационно-правовые правила взаимоотношений экономических субъектов системы ИЖК, осуществлять регулирование и надзор за исполнением установленных правил, а также способствовать эффективному развитию институциональной среды и входящих в ее состав институтов.

В этой связи в третью группу субъектов институциональной среды выделены организационные структуры, обеспечивающие регулирование и контроль рынка ИЖК, а также способствующие формированию факторов его развития: Банк России, Минфин, Минэкономразвития, Федеральная антимонопольная служба, Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства, ФНС и др.

Таким образом, субъектно-институциональный состав ИЖК характеризуется достаточно большим числом участников, которые тесно взаимосвязаны между собой в процессе осуществления кредитной сделки.

Заключение. Цифровая трансформация формирует новые модели экономической деятельности, изменяет формы взаимодействия. В ускоряющемся темпе технологического развития проявляются недостатки и уязвимые места институтов, которые регламентируют социально-экономические взаимодействия в условиях развития современного общества, что способствует возникновению институциональных ловушек, провалов институциональной среды. В связи с этим, требуется активизация развития и внедрения современных технологий, создающих адекватные правила игры в условиях цифровой трансформации.

Влияние цифровых технологий на институциональную среду исследуется в работе К. А. Семякова [17] и, если принять ее за основу, можно выделить основные современные цифровые технологии, оказывающие существенное воздействие на институциональную среду и формирующие новые правила взаимоотношений экономических акторов (табл. 1).

¹ Федеральный закон "Об ипотеке (залоге недвижимости)" от 16.07.1998 № 102-ФЗ (с изменениями и дополнениями).

Таблица 1 – Влияние технологических трендов на институциональную среду ИЖК¹

Table 1 – The impact of technological trends on the institutional environment of the housing and communal services

Технология	Суть технологии	Влияние на институциональную среду
Искусственный интеллект (в т.ч. большие данные)	Аккумуляция и хранение большого объема разного рода информации в цифровом формате	Минимизация неопределенности
Блокчейн	Информационная технология хранения и учета всевозможных активов с множеством областей использования в экономической деятельности	Снижение неопределенности, укрепление надежности, увеличение уровня доверия, минимизация временных и финансовых издержек
Цифровая платформа	Интегрированная информационная система алгоритмизированных взаимовыгодных взаимодействий независимых акторов в экономической или иной сфере деятельности в единой информационной среде	Координирование акторов, минимизация неопределенности, наращивание уровня доверия, кодирование норм и правил поведения, снижение транзакционных издержек
Интернет вещей	Концепция, объединяющая множество технологий, позволяющих реализовать удаленный мониторинг, контроль и управление процессам и в реальном времени (в том числе в автоматическом режиме)	Технизація операций, усиление прозрачности принимаемых решений, повышение эффективности использования ресурсов
Экосистема	Институционально-организационная форма предпринимательской деятельности, обусловленная взаимодействием межсекторной экономической конвергенции и цифровизации	Координирование акторов, минимизация неопределенности, сокращение издержек

Безусловно, влияние цифровых технологий на институциональную среду ведет к снижению транзакционных и трансформационных издержек, способствует преодолению институциональных ловушек, возникших в следствие низкой эффективности институтов [18].

Цифровизация ипотечного жилищного кредитования предоставляет ряд преимуществ как с позиции клиентоориентированности, так и с позиции эффективности самого рынка ипотечного жилищного кредитования: минимизируются транзакционные издержки участников рынка ИЖК, сокращается процесс проведения сделки, например, за счет сокращения временного периода оформления сделки снижается средневзвешенная ставка по эскроу, что позволяет достичь экономии на проектом финансировании [19]. Цифровизация процессов ИЖК позволяет повысить качество и прозрачность предоставления информации настоящими потенциальным заемщикам.

Таким образом, система ипотечного жилищного кредитования, как любая другая социально-экономическая система функционирует в тех рамках, которые обозначены государственной политикой. Институты ИЖК служат вектором развития системы, в границах которой взаимодействуют экономические агенты, а институциональная среда формирует основу, состоящую из совокупности формальных и неформальных правил, сгруппированных в институты, рамки которых формируют векторы развития ИЖК.

¹ Составлено автором.

Список источников

1. Commons John R. "Institutional Economics" *American Economic Review*, vol. 21 (1931). 509 p.
2. Veblen T. *The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays*. New York, 1961.
3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.
4. Олейник А. Н. Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М, 2004.
5. Шаститко А. Е. Новая институциональная экономическая теория : монография; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Экономический фак. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ТЕИС; 2010. ISBN 9785721811104.
6. Коммонс Дж Р. Институциональная экономика // *Пространство экономики*. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnaya-ekonomika> (дата обращения: 18.06.2021).
7. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, "отношенническая" контрактация / науч. ред. и вступ. статья В.С. Катькало. СПб., 1996.
8. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория : учебник / под общ. ред. А. А. Аузана. М., 2006.
9. Klein, Peter G., *New Institutional Economics*. July 1998. Экономический факультет университета штата Джорджия, США.
10. Силова Е. С. Качество институциональной среды и его влияние на экономический рост : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Е.С. Силова; Челябинский государственный университет. Челябинск, 2007. 23 с.
11. Кондратов М. В., Гарипов Р. И. Институциональная среда как экономическая категория // *Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области*. 2015. № 1 (8). С. 40–43.
12. Ферару Г. С., Зернаев А. С., Усманов Д. И. Институциональная среда и ее влияние на развитие социально-экономической системы региона: монография. М.: ООО «ЭКЦ «Профессор», 2014. 188 с.
13. Боровская Л. В. Институциональная среда и особенности ее формирования в результате институциональных изменений // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2018. № 4. С. 5–12.
14. Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов // *Экономическая наука современной России*. 2001. № 3. С. 24–50.
15. Литвинова С. А. Институциональная среда рынка ипотечного кредитования // *Наука и мир*. 2013. № 4. С. 121–125.
16. Егорова А. О. Роль и место ипотечного страхования на страховом рынке России // *Вектор экономики*. 2020. № 3(45).
17. Семячков К. А. Инструментарий развития институциональной среды в условиях цифровизации // *Вестник УрФУ. Серия Экономика и управление*. 2019. Том 18. № 6. С. 766–782.
18. Исламутдинов В. Ф. Институциональные изменения в контексте цифровой экономики // *IJS*. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-izmeneniya-v-kontekste-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 08.07.2021).
19. Калакуток Б. А. Цифровизация как один из ключевых факторов развития рынка ипотечного кредитования // *Вопросы устойчивого развития общества*. 2021. № 3. С. 39–44. DOI 10.34755/IROK.2021.29.56.018

References

1. Commons John R. "Institutional Economics". *American Economic Review*. 1931;(21). 509 p.
2. Veblen T. *The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays*. New York, 1961.
3. North D. *Institutes, institutional changes and the functioning of the economy*. Moscow; 1997. (In Russ.)
4. Oleinik A. N. *Institutional economics*. Moscow: INFRA-M; 2004. (In Russ.)
5. Shastitko A. E. *New institutional economic theory : monograph*. 4th ed., reprint. and add. Moscow : TEIS, 2010. ISBN 9785721811104. (In Russ.)
6. Commons J. R. Institutional economics. *Space of Economics*. 2012;(3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnaya-ekonomika> (date of reference: 06/18/2021). (In Russ.)
7. Williamson O. I. *Economic institutions of capitalism. Firms, markets, "relational" contracting*. Scientific ed. and the introduction. article by V.S. Katkalo. St. Petersburg, 1996. (In Russ.)

8. *Institutional economics: a new institutional economic theory*: textbook. Edited by A. A. Auzan. Moscow; 2006. (In Russ.)
9. Klein Peter G. *New Institutional Economics*. July 1998. Faculty of Economics, University of Georgia, USA.
10. Silova E. S. *The quality of the institutional environment and its impact on economic growth*: abstract. ... Candidate of Economic Sciences; Chelyabinsk State University. Chelyabinsk; 2007. 23 p. (In Russ.)
11. Kondratov M. V., Garipov R. I. Institutional environment as an economic category. *Bulletin of the Council of Young Scientists and specialists of the Chelyabinsk region*. 2015;1(8):40–43. (In Russ.)
12. Feraru G. S., Zernaev A. S., Usmanov D. I. *The institutional environment and its impact on the development of the socio-economic system of the region*: monograph. Moscow: LLC "ECC "Professor"; 2014. 188 p. (In Russ.)
13. Borovskaya L. V. The institutional environment and the features of its formation as a result of institutional changes. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Economics and Management*. 2018;(4):5–12. (In Russ.)
14. Polterovich V. M. Transplantation of economic institutions. *The economic science of modern Russia*. 2001;(3):24–50. (In Russ.)
15. Litvinova S. A. The institutional environment of the mortgage lending market. *Science and World*. 2013;(4):121–125. (In Russ.)
16. Egorova A. O. The role and place of mortgage insurance in the insurance market of Russia. *Vector of Economics*. 2020;3(45). (In Russ.)
17. Semyachkov K. A. Tools for the development of the institutional environment in the context of digitalization. *Bulletin of the UrFU. Economics and Management series*. 2019;18(6):766–782. (In Russ.)
18. Islamutdinov V. F. Institutional changes in the context of the digital economy. *JIS*. 2020;(3). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-izmeneniya-v-kontekste-tsifrovoy-ekonomiki> [Accessed 8 July 2021]. (In Russ.)
19. Kalakutok B. A. Digitalization as one of the key factors in the development of the mortgage lending market. *Issues of sustainable development of society*. 2021;(3):39–44. (In Russ.). DOI 10.34755/IROK.2021.29.56.018

Информация об авторе

С. А. Литвинова – кандидат экономических наук, доцент, декан факультета управления ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

S. A. Litvinova – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Dean of the Faculty of Management, South Russian Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.02.2024; одобрена после рецензирования 29.02.2024; принята к публикации 01.03.2024.

The article was submitted 11.02.2024; approved after reviewing 29.02.2024; accepted for publication 01.03.2024.

Научная статья

УДК 338.48

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-134-142>

EDN MXPZCY

Иммерсивные технологии в туризме: потенциал и перспективы развития отраслевой экономики впечатлений

Татьяна Валентиновна Подольская¹, Денис Сергеевич Ушаков²,
Анастасия Данииловна Володина³

^{1, 2, 3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹podolskaya-tv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0337-051X>

²ushakov-ds@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6413-6116>

³vo.eco7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5867-8047>

Аннотация. Пандемия COVID-19 привела к ускорению цифровизации мировой экономики, что затронуло в том числе сектор международного туризма. Применение инструментов экономики впечатлений, чье значение в последние годы возрастает в виду эволюции подходов к ведению бизнеса, представляется чрезвычайно важным для туристического сектора, потому что основной целью приобретения туристических услуг является получение уникального опыта. В статье рассмотрены роль современных технологий для развития экономики впечатлений и эволюция иммерсивных технологий. Авторами проанализированы данные об отношении к виртуальной реальности компаний и потребителей США, Канады, Российской Федерации. Приведены аргументы в пользу внедрения AR и геймификации на туристских маршрутах, а также изучена возможность использования AR/VR («augmented reality»/«virtual reality») для принятия окончательного решения о покупке и ознакомления с правилами безопасности в поездке. Даны рекомендации для применения технологий AR/VR-реальности для повышения конкурентоспособности туров.

Ключевые слова: иммерсивные технологии, международный туризм, экономика впечатлений, виртуальные музеи, дополненная реальность, геймификация

Финансирование: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС. Тема 6.14-2024-1 «Меры государственной поддержки внедрения иммерсивных технологий как ключевого драйвера развития международного туризма в России».

Для цитирования: Подольская Т. В., Ушаков Д. С., Володина А. Д. Иммерсивные технологии в туризме: потенциал и перспективы развития отраслевой экономики впечатлений // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 134–142. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-134-142>. EDN MXPZCY

Problems of Economics

Original article

Immersive technologies in tourism: potential and prospects for the development of the industry experience economy

Tatiana V. Podolskaya¹, Denis S. Ushakov², Anastasiya D. Volodina³

^{1, 2, 3}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹podolskaya-tv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0337-051X>

²ushakov-ds@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6413-6116>

³vo.eco7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5867-8047>

Abstract. The COVID-19 pandemic has accelerated the global economy digitalization, which has also affected the international tourism sector. The importance of the experience economy has been increasing in recent years due to the evolution of approaches to doing business, and the use of its tools seems relevant for the tourism sector because the main purpose of acquiring tourist services is to gain a unique experience. This article examines the role of modern technologies in the experience economy and the evolution of immersive technologies and analyzes the attitude of companies and consumers from the USA, Canada and the Russian Federation to virtual reality. The authors provide the benefits of the AR and gamification introduction on tourist routes and explore the possibility of using AR /VR («augmented reality»/«virtual reality») to make a final purchase decision and familiarize with the safety rules on the trip. The article also provides recommendations for AR/VR-tours creation.

Keywords: immersive technologies, international tourism, experience economy, virtual museums, augmented reality, gamification

Financial Support: The article was prepared as part of the scientific research work of the RANEPА state assignment. Subject 6.14-2024-1 "Measures of state support for the introduction of immersive technologies as a key driver of the development of international tourism in Russia".

For citation: Podolskaya T. V., Ushakov D. S., Volodina A. D. Immersive technologies in tourism: potential and prospects for the development of the industry experience economy. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):134–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-134-142>. EDN MXPZCY

В современном мире развитие цифровых технологий и социальных сетей значительно расширило возможности взаимодействия компаний с потребителями, а также привело к повышению роли впечатлений при приобретении тех или иных услуг. Концепция экономики впечатлений, созданная Дж. Пайном и Дж. Гилмором, определена авторами как новая стадия мирового экономического развития [1, с. 736]. В настоящее время она приобретает особую актуальность, в том числе за счет того, что позволяет снижать уровень стресса в текущих условиях геополитической напряженности. Компаниям данная концепция позволяет усилить лояльность клиентов и узнаваемость бренда и, как следствие, увеличить свою прибыль. Маркетологи всерьез говорят о мировой смене потребительских предпочтений – от покупки вещей в сторону увеличения расходов на развлечения и получение впечатлений. Для туристской отрасли как сферы, в которой цель потребления и заключается непосредственно в получении уникального и яркого опыта, экономика впечатлений представляет особую ценность. В связи с тем, что иммерсивные технологии позволяют туристу получить максимально яркие впечатления за короткий промежуток времени на фоне тренда сокращения времени поездок, анализ возможностей их внедрения как инструмента формирования экономики впечатлений в туризме представляется перспективным направлением научных исследований.

Колодная Г. В. [2] выделяет следующие факторы, поспособствовавшие росту популярности экономики впечатлений в современных условиях: уровень развития информационного общества (повышение осведомленности и, как следствие, разборчивости потребителей в постиндустриальном обществе), эволюция потребителя (рост потребительской активности, потребитель – партнер и носитель инновационных идей для бизнеса), ужесточение конкурентной борьбы среди производителей (экономика впечатлений становится коммуникационным каналом для взаимодействия с потребителем и поддержания с ним эмоциональной связи).

В целом, роль современных технологий в экономике впечатлений можно свести к двум основным аспектам. Во-первых, они обеспечивают повышение информированности клиентов. Современные технологии позволяют увеличить количество каналов продвижения продукта и не ограничиваться сарафанным радио. Кроме того, речь идет и о многообразии отзывов на те или иные услуги, что влияет на принятие решения о покупке. Во-вторых, можно говорить об оптимизации рабочих процессов через сбор и анализ информации о предпочтениях клиентов, об оптимизации логистики, обеспечении обратной связи и постоянной технической поддержке.

Сегодня потребители стремятся получать уникальные и эмоционально насыщенные впечатления в процессе получения туристической услуги, стать непосредственными участниками процесса создания продуктов и получать товары и услуги в удобные для них место и время. Ключевыми аспектами применения концепции экономики впечатлений в туризме становится создание уникальных и запоминающихся туристических продуктов, проведение воздействующих на эмоции маркетинговых кампаний и, наконец, предложение каких-либо дополнительных

персонализированных услуг и индивидуального подхода к каждому туристу. Компании, адаптируясь к этим тенденциям, все активнее внедряют интерактивные форматы.

Так называемые «иммерсивные» (от англ. «immersion» - погружение) технологии представляют собой инструменты расширенной реальности («extended reality», XR), подвидами которой являются виртуальная («virtual reality», VR), смешанная («mixed reality», MR) и дополненная («augmented reality», AR) реальности. Данным технологиям присуще мультисенсорное воздействие, однако пока что широко применяются только аудиовизуальные и реже тактильные каналы воздействия на потребителя. Хотя уже были созданы и обонятельные дисплеи, монтируемые в VR-шлем, но они пока не получили широкого распространения.

Иммерсивность как вовлечение в процесс, использовалась ещё в античные времена, своеобразное «погружение» осуществлялось при проведении ритуалов и обрядов, в постановках в театрах. Истоки 3D-изображений можно отследить ещё в XIX веке, а первый полнометражный фильм в этом формате «Сила любви» был представлен к показу в 1922 г. Картина не имела успеха в 3D и впоследствии была переработана в привычную 2D-версию, в которой и дошла до наших дней. Уже позже в 1953 г. вышел «Дом восковых фигур», и эффект присутствия способствовал успеху этого фильма в жанре ужасов. Далее было выпущено ещё несколько картин, однако из-за невысокого качества изображения технология практически не применялась вплоть до распространения технологии IMAX в 1980-х гг.

Первые VR-гарнитуры применялись при подготовке летчиков и космонавтов, а в видеоигровой индустрии пионерами VR стали компании SEGA и Nintendo. Широко технология распространилась с появлением в 2012 г. шлема виртуальной реальности Oculus Rift, а в настоящее время драйверами развития виртуальной реальности в видеоигровой индустрии можно назвать Sony и Valve. По данным IMARC Group, объем глобального рынка расширенной реальности (XR) уже в 2022 г. достиг 64,5 млрд долл. США. Ожидается, что к 2028 г. рынок достигнет 604,3 млрд долл. США, демонстрируя темпы роста в 43,5 % в течение 2023–2028 гг.¹

Согласно опросу, организованному Mosaic и Event Marketer, в 2021 г. доля опрошенных потребителей, уже имеющих опыт посещения виртуальных концертов и фестивалей или планирующих посещение данных мероприятий в будущем, составила 78 % в 2020 г. и 73 % в 2021 г. Также за 2020–2021 гг. доля тех, кто согласен платить за посещение виртуальных концертов и фестивалей упала с 60% до 54 %².

В свою очередь, бренды, действующие в различных сферах экономики, можно условно разделить на три группы в зависимости от их отношения к тренду на организацию цифровых/виртуальных мероприятий. В начале 2021 г. число опрошенных, считающих, что поворот в сторону виртуальной реальности будет временным, снизилось на 20 % по сравнению с данными за середину 2020 г., в то же время на 9 % увеличилось число тех, кто выражает уверенность в том, что тренд будет актуален и в постпандемийный период. Тем не менее, практически треть опрошенных руководителей компаний (32 % в 2021 г., 27 % в 2020 г.) всё ещё остаются неуверенными относительно перспектив перехода на VR при организации мероприятий (рис. 1).

Приведенные выше данные получены на основании опроса около 1500 потребителей и руководителей компаний, действующих в технологической, финансовой сферах, розничной торговле, производстве напитков, медицине и фармацевтике, развлечениях и СМИ, автомобилестроении и других секторах, связанных с образом жизни, из США и Канады. Основываясь на этих результатах, можно сказать, что наблюдается постепенная смена взглядов на применение VR в рамках мероприятий в сторону осознания неизбежности технологической трансформации. Вероятно, учитывая осознание потребителями виртуальной реальности как средства обеспечения безопасности участников мероприятий, персонализации услуг и создания уникального опыта, ведущие бренды продолжают ее использование, устанавливая новые стандарты качества для всех участников рынка.

¹ Extended Reality Market: Global Industry Trends, Share, Size, Growth, Opportunity and Forecast 2023-2028 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reportlinker.com/p06246949/Extended-Reality-XR-Market-Global-Industry-Trends-Share-Size-Growth-Opportunity-and-Forecast.html> (дата обращения: 20.01.2024).

² EventTrack 2021 The Event & Experiential Marketing Industry Forecast & Best Practices Study. С. 19-20. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.accessintel.com/wp-content/uploads/2022/06/EventTrack-Report-Event-Marketer.pdf> (дата обращения: 23.01.2024).

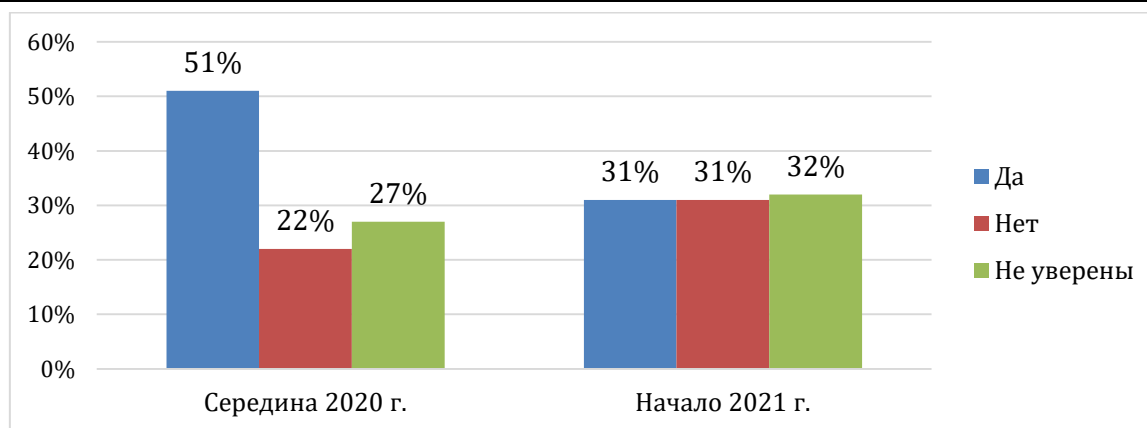

Рис. 1. «Будет ли переход к цифровым/виртуальным мероприятиям временным?», ответы в середине 2020 г. и 2021 г.¹

Fig. 1. "Will Shift to Digital/Virtual Events Be Temporary?", answers of mid2020 and 2021, %

Таблица 1 – Расходы домашних хозяйств на организацию отдыха и культурные мероприятия²

Table 1 – Household expenses for recreation and cultural events

	В процентах от потребительских расходов				В процентах от расходов на организацию отдыха и культурные мероприятия			
	2017	2018	2019	2020	2017	2018	2019	2020
Расходы на организацию отдыха и культурные мероприятия	6,9	7,7	8,4	5,8	100	100	100	100
в том числе:								
аудиовизуальное, фотографическое оборудование и оборудование для обработки информации	0,8	0,9	0,8	0,9	11,0	11,4	9,1	16,1
из них:								
телевизоры	0,3	0,4	0,4	0,4	4,2	4,8	4,2	7,3
магнитофоны, плееры	0,0	0,0	0,3	0,4	0,3	0,1	3,7	6,8
стереосистемы	0,0	0,0	0,0	0,0	0,2	0,2	0,1	0,2
персональные компьютеры	0,3	0,4	0,0	0,0	4,2	4,6	0,1	0,1
товары и оборудование для организации отдыха и культурных мероприятий	0,8	0,8	0,7	0,9	11,5	10,5	8,7	15,2
услуги по организации отдыха и культурных мероприятий	1,6	1,7	2,0	1,3	23,4	21,8	23,2	24,0
из них:								
услуги в области физической культуры и спорта	0,4	0,4	0,5	0,3	5,8	5,4	6,1	5,5
кино, театры, концерты	0,3	0,3	0,4	0,2	4,7	4,5	5,3	3,3
печатные издания, канцелярские принадлежности	0,4	0,4	0,4	0,4	6,0	4,8	4,3	7,0
из них:								
книги	0,1	0,1	0,1	0,1	1,7	1,3	1,2	2,1
газеты и периодические издания	0,1	0,1	0,1	0,1	1,4	1,1	0,9	1,1
туристско-экскурсионные услуги	2,3	2,8	3,6	1,0	33,3	36,8	42,3	17,1

¹ EventTrack 2021 The Event & Experiential Marketing Industry Forecast & Best Practices Study. С. 48. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.accessintel.com/wp-content/uploads/2022/06/EventTrack-Report-Event-Marketer.pdf> (дата обращения: 23.01.2024).

² Социальное положение и уровень жизни населения России 2021 г. [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики – Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/b21_44/IssWWW.exe/Stg/12-10.docx (дата обращения: 18.01.2024).

Изучив данные о динамике расходов домохозяйств на культуру и отдых в России (табл. 1), можно сделать вывод о стабильном росте туристско-экскурсионных услуг в 2017–2019 гг. Резкое сокращение расходов на туризм в 2020 г. может быть объяснено ограничением перемещений людей в связи с пандемией COVID-19, а потому представляется аномальным.

Неотъемлемой составляющей туристской сферы является музейно-выставочная деятельность. Изучая статистику для России, можно обратить внимание на применение виртуальной и дополненной реальности в российских музеях. Проведенный ВЦИОМ в мае 2020 г. опрос 600 россиян в возрасте от 18 лет показывает, что 19 % и 9 % впервые посещали виртуальные музеи до 2019 г. и в 2019 г. соответственно, и 78% впервые сделали это во время карантина. Среди музеев, которые граждане РФ хотели посетить виртуально, лидировали исторические (47 %), художественные (40 %) и технические (30 %) музеи¹.

Иммерсивные технологии способны активировать потенциал туризма как «мягкой силы» и распространить, в том числе и за рубежом, идею о привлекательности тех или иных российских регионов. Но для этого необходимо уделять достаточное внимание продвижению таких продуктов и сделать их тем самым более привычной частью путешествий по регионам Российской Федерации.

Перспективность использования иммерсивных технологий в России подтверждается наличием федерального проекта «Цифровая культура» в рамках национального проекта «Культура», запущенном ещё 1 января 2019 г.² Данный документ устанавливает задачу по обеспечению создания мультимедиа-гидов по экспозициям и выставочным проектам с применением AR. К 31 декабря 2023 г. планировалось создание 370 единиц, к концу 2024 года – 437 единиц. В целях исполнения данной задачи Министерством культуры РФ разработана Платформа для создания интерактивных AR-гидов «Артефакт» в рамках национального проекта «Культура». Она уже реализована в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Государственном Русском музее, Всероссийском художественном научно-реставрационном центре имени академика И. Э. Грабаря в г. Москва, Азовском музее-заповеднике, Ростовском музее изобразительных искусств, Атаманском дворце (г. Новочеркасск), Таганрогском художественном музее и Таганрогском музее-заповедник в Ростовской области и т.д. Подключение для любого учреждения культуры является бесплатным³.

Более того, туристические компании, применяющие иммерсивные технологии, закрывают многие потребности клиентов от трудностей принятия решения до временных затрат на усвоение большого объема информации и недостатка живых визуализаций [3]. Можно выделить несколько аргументов в пользу внедрения технологий дополненной реальности в рамках туристских маршрутов.

- потребителями туристских продуктов в ближайшие годы станут поколения миллениалов и Z, которые уже привыкли к новейшим технологиям и не представляют процесс потребления без применения современных технологий;
- запоминаемость и воспринимаемость визуальной информации (каналы – дополненная и виртуальная реальность) выше, чем у аудиоинформации (аудиогид);
- AR, действуя в рамках экономики впечатлений, способствуют формированию позитивного имиджа туристического направления через эффект «погружения» и чувство сопричастности. Технология произведет на туристов вау-эффект, а местные жители, которые возможно уже знакомы с достопримечательностями, смогут увидеть их с новой, интерактивной стороны;
- использование AR технологий в туризме позволяет создавать уникальные и интерактивные туристические маршруты, которые могут расширить географию туризма и привлечь внимание к малым городам, создать новые центры притяжения туристов;

¹ ВЦИОМ День музеев онлайн [Электронный ресурс] / ВЦИОМ. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-muzeev-onlajn> (дата обращения: 15.01.2024).

² Паспорт федерального проекта «Цифровизация услуг и формирование информационного пространства в сфере культуры» («Цифровая культура») [Электронный ресурс] / Министерство культуры Российской Федерации. – Режим доступа: <https://culture.gov.ru/upload/mkrf/mkdocs2023/ФП%20Цифровая%20культура.pdf> (дата обращения: 17.01.2024).

³ Артефакт – гид по музеям России [Электронный ресурс] / ARTEFACT. – Режим доступа: <https://ar.culture.ru/> (дата обращения: 15.01.2024).

- AR технологии могут помочь в решении проблемы сезонности туризма, позволяя предлагать туристические продукты круглый год, независимо от погодных и климатических условий;
- дополненная реальность не требует докупать оборудование наподобие VR-гарнитур, достаточно иметь современный смартфон или планшет с камерой и доступ к интернету.

Уникальная маркетинговая стратегия и эмоциональное воздействие побуждают аудиторию к шерингу опыта. Нельзя не отметить, что AR позволяет вовлекать клиентов на разных этапах прохождения CJM, так что постоянная поддержка приложений и своевременное добавление новых функций, облегчающих процесс принятия решения, способствуют значительному повышению уровня лояльности клиентов [4]. Скоромец Е. К. [5] также указывает на эффективность сочетания VR с чат-ботами и управляемыми ИИ, особенно когда речь идёт об ответах на часто задаваемые вопросы перед покупкой, так как технологии позволят снизить уровень загруженности сотрудников службы поддержки клиентов.

Все описанные выше преимущества позволяют говорить о том, что иммерсивные технологии вероятнее всего продолжат использоваться в туризме. Рост их применения в России поспособствуют популяризации отечественных туристских направлений и культуры, что в перспективе приведет к увеличению въездного потока в РФ.

Сарафанова А. Г. и Сарафанов А. А. [6] выдвигают идею о том, что использование VR может поспособствовать созданию новой, более устойчивой модели туризма за счет снижения перемещений туристов и снижения выбросов CO₂. И хотя большая часть научного сообщества не рассматривает иммерсивные технологии в туризме в качестве полноценной замены традиционному туризму, исследователи признают, что с развитием XR оба вида туризма смогут успешно сосуществовать, повышая ценность туристских брендов и создавая уникальные туристические впечатления.

В то же время, существует ряд вопросов, решение которых позволило бы раскрыть потенциал иммерсивных технологий в качестве инструмента привлечения иностранных туристов в Россию в современных условиях. AR/VR-приложения могут обладать уязвимостями к раскрытию персональных данных, в виду чего при их разработке особое внимание следует уделять обеспечению кибербезопасности. Кроме того, VR-устройства всё ещё имеют высокий психологический порог вхождения (особенно ярко тенденция использования VR/AR-технологий проявляется у молодёжи как у наиболее активных пользователей сети Интернет [7]), а качество изображения в рамках интерактивного виртуального тура может не передавать все аспекты настоящей обстановки в туристском направлении. Однако каждый из этих недостатков может быть устранён при тщательном подходе к разработке продукта иммерсивного туризма.

В туристской отрасли главная задача актора – заставить потребителя ощутить сопричастность и подарить ему уникальные впечатления. Добиться чувства сплочённости возможно при помощи создания сообщества вокруг идеи или бренда и внедрение элементов геймификации и социальной сети. Более того, репрезентации национальной истории могут поспособствовать и метавселенные [8], в которых возможно создать имитацию исторических событий. В зависимости от выбранного подхода наблюдатель даже может стать непосредственным участником каких-либо исторических сражений при помощи цифрового аватара. Всё это значительным образом поспособствует привлечению молодого поколения и даже зарубежной аудитории, а также созданию позитивного исторического образа государства.

В качестве примеров интерактивных элементов в туризме можно привести квесты с использованием AR, где туристы при помощи технологий будут искать какие-либо достопримечательности или решать головоломки. Цели игры могут включать, например, фото или отметку о местоположении какого-либо объекта историко-культурного наследия, переход по QR-коду с исторической справкой, расположенному у достопримечательности. За достижение тех или иных целей можно начислять баллы, которые в последствии могли бы применяться в качестве внутриигровой валюты. Представляется возможным и введение соревновательного аспекта через создание рейтингов пользователей в приложении в зависимости от процента освоения информации в рамках туристического маршрута. Так или иначе, геймификация выступит для туриста мотивационным фактором для изучения туристского направления, независимо от того, идёт речь о физическом присутствии потребителя (игры дополненной реальности) или виртуальном (также позволяющем получить определенные туристские впечатления).

Можно смело сказать, что виртуализация памятников культурного наследия способствует не только повышению их узнаваемости в Интернете, но и сохранности, так как виртуальный турист взаимодействует с цифровой копией, а не реальным объектом, а значит, не может причинить ему ущерб. 3D-моделирование представляет технические возможности для воссоздания утраченных памятников культурного наследия (Пальмира, Нотр-Дам-де-Пари) [9].

Концепции экономики впечатлений отвечает применение технологий расширенной реальности для замены реальных исполнителей виртуальными (например, в случае гибели певца (Майкл Джексон) или при уходе со сцены (группа ABBA)). Событийный туризм с применением VR/AR открывает широкие возможности для формирования ярких эмоций [10].

В то же время, несмотря на распространенное мнение, что AR/VR в туризме может применяться исключительно в развлекательных и образовательных целях, это не так. Иммерсивные технологии позволяют туристу просчитать заранее возможные риски путешествия и определить способы борьбы с ними. Представляется возможным применять VR/AR в целях повышения осведомленности потенциального туриста по поводу правил безопасности и любых других правил (например, дресс-код в арабских странах), действующих в туристическом направлении, что повысит уверенность потребителей в благополучном исходе поездки и положительно повлияет на решение о покупке. В частности, в целях борьбы с аэрофобией туристическими направлениями совместно с местными авиакомпаниями могли бы создавать видео в формате виртуальной реальности, предлагающее туристам возможность ознакомиться с процессом полёта и техникой безопасности на борту.

В целях повышения эффективности применения инструментов дополненной реальности, стоит обеспечить низкий порог вхождения для приложения прежде всего через обучение и дружелюбный пользовательский интерфейс. Что же касается рекомендаций для создания VR-туров, можно выделить следующие [11]:

- для того, чтобы вызвать чувство погружения, важно создать достоверную атмосферу;
- необходимо подробно прописать взаимодействия с интерактивной средой для предотвращения когнитивного диссонанса;
- элементы пользовательского интерфейса должны адекватно вписываться в окружение и, предпочтительно, быть спрятаны в отдельно вызываемое меню;
- звук оказывает большее воздействие на впечатления пользователя, а потому в VR требуется высокое качество аудиодорожки;
- стоит учитывать, что в виртуальной среде усиливаются фобии перед высотой, замкнутыми пространствами и т.д. В зависимости от целей и антуража тура можно корректировать настроение пользователя через данные элементы.

Шаймиева Э. Ш. и Гумерова Г. И. [12] делают вывод о возможности более интенсивного развития стартапов в направлении иммерсивного туризма в области креативных индустрий через продвижение опыта акселерационных программ. Однако всё ещё требуют решения дискуссионные вопросы, касающиеся уточнения понятия «стартапа в области туризма» и развития перечня креативных индустрий в регионах, которые могли бы рассматривать в качестве перспективного направления иммерсивный туризм.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать несколько выводов:

- в последние годы наблюдается рост востребованности концепции экономики впечатлений как нового подхода к ведению бизнеса, основанному на создании уникального потребительского опыта;
- иммерсивные технологии как инструмент экономики впечатлений приобрели особую популярность в период коронавирусных ограничений 2020 г. и создали возможности для виртуального присутствия на мероприятиях и посещения музеев. Перспективность AR-туров признаётся на уровне государства: в РФ действует федеральный проект «Цифровая культура»;
- за счёт своих преимуществ, инструменты расширенной реальности будут применяться в дополнение к обычному туризму уже в ближайшем будущем, способствуя популяризации туристских направлений и увеличению объемов въездного туризма;
- элементы геймификации в туристских приложениях расширенной реальности могут выступить дополнительным мотивационным фактором для туристов к посещению туристских направлений;

– иммерсивные технологии могут быть задействованы не только в развлекательных целях, но и для предварительного планирования поездок и ознакомления с правилами безопасности при осуществлении путешествия.

Таким образом, можно сделать вывод, что применение иммерсивных технологий как часть экономики впечатлений способно значительно улучшить туристский опыт и является перспективным трендом развития международного туризма.

Список источников

1. Лебедева С. А. Экономика впечатлений и туризм: постковидная перезагрузка в контексте социально-экономической безопасности страны // *Экономическая безопасность*. 2023. Т. 6. № 2. С. 729–748. doi: 10.18334/ecsec.6.2.117661
2. Колодняя Г. В. Экономика впечатлений: потенциал развития в условиях информационного общества // *Экономика. Налоги. Право*. 2022. Т. 15. № 2. С. 17–24. DOI 10.26794/1999-849X-2022-15-2-17-24
3. Аснович Н. Г., Семашко Ю. В. Современные тренды digital-маркетинга в сфере туризма // *Мир спорта*. 2023. № 4(93). С. 95–98.
4. Хапов У. А., Шомахова А. И. Виртуальный туризм как новый инновационный вид туризма // *Инновационный дискурс развития современной науки и технологий : сборник статей VII Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 24 января 2023 года*. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.). 2023. С. 30–35.
5. Скоромец Е. К. Применение технологий виртуальной реальности в индустрии гостеприимства // *Глобальный научный потенциал*. 2023. № 2(143). С. 185–187.
6. Сарафанова А. Г., Сарафанов А. А. Туристская отрасль и пандемия COVID-19: влияние и последствия // *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2021. № 7(201). С. 49–60. DOI 10.46554/1993-0453-2021-7-201-49-60
7. Сонич К. Н. Потребительский портрет современного молодого туриста: новые возможности или риски? // *Современная молодежь и общество*. 2023. № 11. С. 47–50.
8. Баранова Е. А. Метавселенные как пространство репрезентации национальной истории: подходы к теоретическому осмыслению и прикладному использованию // *Актуальные вопросы преподавания истории и исторического просвещения в России : материалы всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 07 июня 2023 года*. Ростов-на-Дону; Таганрог: Южный федеральный университет. 2023. С. 123–126.
9. Норманский Н. С. Механики геймификации как факторы популяризации культурного туризма // *МедиаВектор*. 2021. № 1. С. 45–49.
10. Христофорова И. В., Черникова Л. И., Эльканова Е. А. Экономика впечатлений в России: тенденции развития, методологические основы и инструменты поддержки // *Сервис в России и за рубежом*. 2023. Т. 17. № 3(105). С. 31–47. DOI 10.5281/zenodo.8105978
11. Podolskaya T., Volodina A. The use of immersive technologies in international tourism. *The EurASEANs: Journal on Global Socio-Economic Dynamics*. 2023. 2(39). С. 118–127. [https://doi.org/10.35678/2539-5645.2\(39\).2023.118-127](https://doi.org/10.35678/2539-5645.2(39).2023.118-127)
12. Шаймиева Э. Ш., Гумерова Г. И. Стартапы в области туризма: взаимодействие с креативными индустриями. Иммерсивный туризм // *Туризм и гостеприимство: новые концепции, возможности и инструменты развития : Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Белгород, 20 апреля 2023 года*. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2023. С. 280–285.

References

1. Lebedeva S. A. The experience economy and tourism: post-covid reboot in the context of the country's socio-economic security. *Economic security*. 2023;6(2);729–748. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/ecsec.6.2.117661>
2. Kolodnyaya G. V. The economy of impressions: The potential for development in the information society. *Economics, taxes & law*. 2022;15(2);17–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2022-15-2-17-24>
3. Asnovich N., Semashko J. Modern trends in digital marketing in tourism. *World of sport*. 2023;4(93);95–98. (In Russ.).

4. Hapov U. A., Shomahova A. I. Virtual tourism as a new innovative type of tourism. *Innovative discourse of the development of modern science and technology : Articles of the VII International scientific and practical conference*, Petrozavodsk, January 24, 2023. Petrozavodsk; 2023:30–35. (In Russ.).
5. Skoromets E.K. Application of virtual reality technologies in the hospitality industry. *Global scientific potential*. 2023;2(143);185–187. (In Russ.).
6. Sarafanova A. G., Sarafanov A. A. Tourism industry and the COVID-19 pandemic: impact and consequences. *Bulletin of Samara State Economic University*. 2021;7(201);49-60. (In Russ.). DOI 10.46554/1993-0453-2021-7-201-49-60
7. Sonich K. N. Consumer portrait of today's young tourist: new opportunities or risks? *Modern youth and society*. 2023;11;47-50. (In Russ.).
8. Baranova E. A. Metaverse as a space for representing national history: approaches to theoretical comprehension and application. *Current issues of history teaching and historical education in Russia : All-Russian scientific and practical conference materials*, Rostov-on-Don, June 07, 2023. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University. 2023;123-126. (In Russ.).
9. Normansky N. S. Gamification mechanics as factors of popularization of cultural tourism. *MediaVector*. 2021;1;45-49. (In Russ.).
10. Khristoforova I. V., Chernikova L. I., Elkanova E. A. Experience economy in Russia: development trends, methodological foundations and support tools. *Service in Russia and abroad*. 2023;17;3(105);31-47. (In Russ.). DOI 10.5281/zenodo.8105978.
11. Podolskaya, T., & Volodina, A. The use of immersive technologies in international tourism. *The EUR-ASEANs: Journal on Global Socio-Economic Dynamics*. 2023;2(39);118-127. [https://doi.org/10.35678/2539-5645.2\(39\).2023.118-127](https://doi.org/10.35678/2539-5645.2(39).2023.118-127)
12. Shaymiyeva E. Sh., Gumerova G. I. Startups in the field of tourism: interaction with creative industries. Immersive tourism. *Tourism and hospitality: new concepts, opportunities and development tools : Articles of the International Scientific and Practical Conference Materials*, Belgorod, 20 April 2023. Belgorod: Belgorod State National Research University. 2023;280-285. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. В. Подольская – кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой международных экономических отношений ЮРИУ РАНХиГС;
Д. С. Ушаков – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры международных экономических отношений ЮРИУ РАНХиГС;
А. Д. Володина – магистрант факультета экономики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

T. V. Podolskaya – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of Department of International Economic Relations, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.
D. S. Ushakov – Dr. Sci. (Econ.), Professor of Department of International Economic Relations, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.
A. D. Volodina – Master of the Faculty of Economics, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.01.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 20.02.2024.

The article was submitted 24.01.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 20.02.2024.

EDN MPEQPF

Научная статья

УДК 331+316

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-143-149>

Человеческие ресурсы в условиях цифровой экономики

Александр Васильевич Попов¹, Дмитрий Валерьевич Кротов²,
Сергей Иванович Самыгин³

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, alvpopov@sfedu.ru

^{2,3}Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

²serq1952@mail.ru

³d537798@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается изменение человеческих ресурсов, обусловленное цифровизацией экономики. Выделены эффекты цифровизации рынка труда, которые трансформируют подход к пониманию человеческих ресурсов. Рассмотрен подход, в рамках которого цифровая экономика и экономика знаний связываются в одну систему, поскольку именно знания и цифровые компетенции играют ключевую роль для сотрудника в условиях современного рынка труда. Отмечено, что меняются не только запросы к сотруднику, но и к самой организации со стороны сотрудника или соискателя. Выделены основные принципы развития человеческих ресурсов. Рассмотрено понятие гиг-экономики, развивающейся в результате цифровизации, а также некоторые из рисков для организаций и сотрудников, возникающие в результате развития новых форматов взаимодействия сотрудников и работодателей.

Ключевые слова: человеческие ресурсы, цифровая экономика, цифровизация, развитие человеческих ресурсов, гиг-экономика, экономика знаний, рынок труда

Для цитирования: Попов А. В., Кротов Д. В., Самыгин С. И. Человеческие ресурсы в условиях цифровой экономики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 143–149. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-143-149>. EDN MPEQPF

Problems of Economics

Original article

Human resources in the digital economy

Alexander V. Popov¹, Dmitry V. Krotov², Sergey I. Samygin³

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, alvpopov@sfedu.ru

^{2,3}Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

²serq1952@mail.ru

³d537798@gmail.com

Abstract. The article examines the change in human resources caused by the digitalization of the economy. The effects of digitalization of the labor market are highlighted, which transform the approach to understanding human resources. An approach is considered in which the digital economy and the knowledge economy are linked into one system, since it is knowledge and digital competencies that play a key role for an employee in the conditions of the modern labor market. It is noted that not only requests to the employee are changing, but also to the organization itself from the employee or the applicant. The basic principles of human resource development are highlighted. The concept of a gig economy developing as a result of digitalization is considered, as well as some of the risks for organizations and employees arising from the development of new formats of interaction between employees and employers.

Keywords: human resources, digital economy, digitalization, human resource development, gig economy, knowledge economy, labor market

For citation: Popov A. V., Krotov D. V., Samygin S. I. Human resources in the digital economy. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):143–149. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-143-149>. EDN MPEQPF

Введение. Цифровые трансформации технологической сферы влекут за собой изменения во всех остальных сферах, в том числе, в социальной и экономической, что меняет содержание понятия «человеческие ресурсы» и их роль в экономике, перешедшей на цифровой уровень. Человеческие ресурсы (далее – ЧР) и инновации становятся центральными источниками цифровизации экономики. Изменение места и роли человека в экономической системе приводит к необходимости исследования изменений требований к работникам и, как следствие, вопросов управления, преобразований в системе образования и профессиональной подготовки [1]. Цифровая экономика отличается тем, что ее особым ресурсом становятся знания, осваиваемые и генерируемые человеком, а конкурентные преимущества становятся нематериальными. Эти факторы определяют важность развития ЧР.

Если раскрыть влияние цифровизации на рынок труда, то можно выделить следующие эффекты, которые идут друг за другом словно по цепочке:

- снижение количества рабочих мест за счет автоматизации и роботизации;
- потребность в меньшей рабочей силе для создания одной единицы ценности;
- в новых отраслях рабочие места так же создаются медленнее;
- снижение ценности ручного труда;
- повышение привлекательности и доходности творческих и умственных профессий;
- изменение системы профессиональных навыков и компетенций, актуальных на рынке труда;

- развитие гиг-экономики [2].

Это определяет актуальность исследований трансформации ЧР, подходов к их развитию и управлению в условиях цифровой экономики.

Теоретико-методологическое обоснование. Для понимания содержания цифровой экономики, обратимся к стратегии развития информационного общества РФ 2017–2030 гг., в рамках которой цифровая экономика определяется как: «деятельность, в которой ключевыми факторами производства являются данные, представленные в цифровом виде, а их обработка и использование в больших объемах, в том числе непосредственно в момент их образования, позволяют по сравнению с традиционными формами хозяйствования существенно повысить эффективность, качество и производительность в различных видах производства, при хранении, продаже, доставке и потреблении товаров и услуг»¹.

Как уже было отмечено выше, цифровая экономика тесно связана со знаниями, что помещает в одну систему цифровую экономику и экономику знаниевую. Существует подход, в рамках которого экономика знаний рассматривается в качестве постиндустриальной, цифровой, инновационной и глобальной сетевой экономики, находясь на этапе конвергенции экономики знаний и цифровой экономики [3].

Результаты исследования. В условиях цифровой экономики развитие ЧР связано с развитием знаний и цифровых компетенций, повышение уровня которых напрямую влияет на инновационное развитие организации [4, 5].

В условиях цифровой экономики большее значение приобретают не количественные характеристики человеческих ресурсов, а качественные – например, способность к адаптации, гибкость, креативность, восприимчивость к инновациям, коммуникативность и инициативность, высокие адаптационные ресурсы [6].

Таким образом, в инновационной среде конкурентоспособность организаций достигается через рациональное формирование, использование и развитие творческих, интеллектуальных, трудовых способностей, социокультурных характеристик и личностно-психологических свойств человека как субъекта трудовых отношений, т.е. ЧР [7].

Как цифровизация трансформирует актуальный компетентностный профиль сотрудника, так и его цифровые навыки, компетенции и квалификации формируют цифровую идентичность организации. Однако при этом возникают риски, связанные со стрессами, угрозами и цифровыми срывами, что ставит перед организацией новые адаптационные задачи. При этом адаптация

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>

должна быть взаимной для организации, а также для ее сотрудников. Этому сопутствуют задачи по получению и развитию цифровых компетенций, интеграции сотрудников в организационную динамику и созданию управленческих возможностей [8].

Но в погоне за технологическим развитием организации, важно не забывать про развитие креативного потенциала, для чего с очевидной необходимостью требуется соблюдать баланс во взаимодействии сотрудника и технологий [9].

Очевидно, что в современных условиях организации заинтересованы в высококвалифицированных кадрах, особенно высокотехнологичные компании. Однако заметим, что это амбивалентная тенденция: сотрудники и соискатели предъявляют более высокие требования к работодателям, связанные с условиями труда и карьерными ожиданиями [10].

В этой связи также возрастает и значение эффективного развития человеческих ресурсов. Развитие ЧР организации можно рассматривать как стратегию по комплексной реализации мер, направленных на обучение и переподготовку сотрудников, что приводит к возрастанию их квалификационного уровня и позволяет осуществлять карьерное планирование; подготовку к выполнению новых должностных обязанностей и инновационных видов деятельности; развитие организационной культуры; адаптацию к профессиональной деятельности; оценку результатов труда. Кроме того, эти меры имеют и прогностическую функцию, поскольку необходим прогноз нужды в сотрудниках, а также их профессиональном росте [11].

Главными принципами развития ЧР являются следующие:

- 1) Человек – центральное звено и фундамент организационной культуры, он выступает детерминантой организационных изменений.
- 2) Критерием успеха организации выступает команда.
- 3) Критерием эффективности выступает качество, включая личное качество, качество команды, качество продукта, качество сервиса и качество организации в целом.
- 4) Одна из задач – привлечение сотрудников к управлению, создание эффективных команд специалистов и управленческих команд.
- 5) Обучение – ключевой фактор развития и эффективного управления процессами изменений.
- 6) Эффективному развитию ЧР способствует формирование благоприятного морально-психологического организационного климата [12].

В целом можно сказать, что развитие ЧР в условиях цифровизации направлено на решение долговременных, принципиально новых задач.

Изменение ЧР в условиях цифровой экономики обусловлено рядом следующих тенденций:

- изменение структуры требований работодателей и спроса на рынке труда;
- изменение содержания работы;
- усиление значения «мягких» и надпрофессиональных навыков;
- трансформация формата занятости сотрудников [13].

Последнее связано с «гиг-экономикой» – форматом взаимодействия сотрудника и работодателя не на постоянной основе и через посредника с помощью сайтов или приложений, что предполагает работу формата «фриланс», как для выполнения сдельной работы, так и для участия в долгосрочных проектах [13].

Подобный формат взаимодействия, с одной стороны, может быть выгоден для работодателя, т.к. несет в себе снижение затрат и позволяет быстрее реагировать и адаптироваться к изменениям, поскольку можно не переучивать имеющихся сотрудников, а быстро найти новых, обладающих необходимыми компетенциями. С другой же стороны, с этим связаны и определенные риски, т.к. подобные сотрудники проявляют гораздо более низкую лояльность организации. Однако сотрудник-фрилансер также несет риски, среди которых мы подчеркнем два:

- саморазвитие становится вопросом исключительно самого сотрудника;
- отсутствие льгот от компании [14].

Однако эти риски для сотрудника могут стать возможностями для минимизации рисков для организации: так, можно повысить лояльность гиг-сотрудников с помощью предоставления им обучения, что связано с развитием человеческих ресурсов, и корпоративных льгот.

При этом интерес в обучении от работодателя достаточно высок среди сотрудников, независимо от типа их взаимодействия. Так, например, в опросе Исследовательского центра портала

Superjob.ru¹ о том, какой бы компенсационный пакет хотели иметь сотрудники российских компаний, 35% респондентов говорили об обучении за счет работодателя. Это второй по популярности ответ после полиса ДМС (37%). Женщины хотят получить обучение чаще мужчин – 37% и 33%, соответственно. Прослеживается зависимость от уровня ежемесячного дохода – самый высокий показатель в группе с самым низким доходом (до 49999 рублей). Есть различия и по возрастным группам: респонденты, старше 45 лет, реже проявили заинтересованность в оплаченном обучении – 31% против 37% в среднем у более молодых групп. В зависимости от профессиональной группы частота выбора этой опции компенсационного пакета варьируется от 21% до 56%: чаще всего ее выбирали дизайнеры (56%), PR-менеджеры (48%), маркетологи и операторы call-центра (по 47%). Полное распределение в зависимости от профессиональной группы представлено в табл. 1. Еще один опрос этого же Исследовательского центра² показал, среди профессиональных целей россиян на 2024 год на первом месте стоит пройти обучение или повышение квалификации – так ответили 23% опрошенных. По сравнению с предыдущим годом этот показатель вырос на 9 процентных пунктов.

Таблица 1 – Заинтересованность в обучении за счет работодателя в зависимости от профессиональной группы респондентов.

Составлено авторами на основе опроса Исследовательского центра портала Superjob.ru³

Table 1 – Interest in training at the expense of the employer, depending on the professional group of respondents. Compiled by the authors based on a survey by the portal's Research Center Superjob.ru

Профессиональная группа	% респондентов, выбравших обучение за счет работодателя	Профессиональная группа	% респондентов, выбравших обучение за счет работодателя
Дизайнер	56	Кладовщик	33
PR-менеджер	48	Бухгалтер	32
Маркетолог	47	HR-менеджер	31
Оператор call-центра	47	Квалифицированный рабочий	31
Врач	45	Менеджер по логистике	31
Менеджер по закупкам	45	Менеджер по работе с клиентами	30
Программист	45	Учитель	29
Секретарь	43	Менеджер по продажам	28
Системный администратор	43	Экономист	28
Администратор	41	Офис-менеджер	26
Аналитик	41	Продавец	26
Медицинская сестра	38	Юрист	26
Главный бухгалтер	35	Водитель	22
ИТР	35	Охранник	19

Россияне стали уделять внимание развитию soft skills почти наравне с развитием профессиональных навыков⁴: 46% развивают оба типа навыков в равной степени, 12% отдают предпочтение мягким навыкам, 28% сосредоточены на профессиональных навыках. При этом наибольшее

¹ Молодежи в компенсационных пакетах больше всего нужно обучение, старшему поколению — ДМС. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.superjob.ru/research/articles/114377/molodezhi-v-kompensacionnyh-paketah-bolshe-vsego-nuzhno-obuchenie/>

² Пройти обучение, повысить доход и получить повышение: россияне рассказали о профессиональных целях на 2024 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.superjob.ru/research/articles/114367/projti-obuchenie/>

³ Молодежи в компенсационных пакетах больше всего нужно обучение, старшему поколению — ДМС. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.superjob.ru/research/articles/114377/molodezhi-v-kompensacionnyh-paketah-bolshe-vsego-nuzhno-obuchenie/>

⁴ Россияне все больше внимания уделяют развитию профессиональных навыков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.superjob.ru/research/articles/114343/rossiyane-vse-bolshe-vnimaniya-udelyayut-razvitiyu-professionalnyh-navykov/>

внимание отдается развитию эмоциональной стабильности и стрессоустойчивости – этот навык важен для 37% респондентов. В большей степени он важен для респондентов в возрасте до 34 лет (40%), а также имеющих средний месячный доход более 80000 рублей (41%). Другие социальные навыки, важные для опрошенных, приведены на рис. 1.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Над какими личными качествами и навыками социального взаимодействия, важными для карьеры, вас в первую очередь заставил работать 2023 год?» (у респондентов была возможность выбрать не более 3 вариантов ответа).

Составлено авторами на основе опроса Исследовательского центра портала Superjob.ru¹

Fig. 1. Distribution of answers to the question "What personal qualities and social interaction skills, important for your career, did the year 2023 make you work in the first place?" (respondents had the opportunity to choose no more than 3 answer options). Compiled by the authors based on a survey by the portal's Research Center Superjob.ru

Эти данные демонстрируют, что в целом, по сравнению с предыдущими годами, россияне стали более заинтересованы в профессиональном развитии: они занимаются развитием своих навыков самостоятельно, но при этом хотели бы, чтобы и работодатели принимали участие в этом процессе, оплачивая обучение.

Таким образом, развитие ЧР для организаций является важным компонентом развития собственного. Меры по развитию человеческого ресурса включают в себя три основных направления:

- адаптацию – развитие способности приспосабливаться к организационным изменениям, способности менять модели поведения в соответствии с организационными целями;
- карьеру – взаимовыгодное сотрудничество работника и организации, итог развития ожиданий работника и удовлетворения его профессиональных нужд, мера мотивации и метод применения способностей работника;
- обучение – мероприятия по увеличению знаний и развитию навыков и компетенций сотрудников.

Эти меры являются взаимосвязанными и лишь комплексная их реализация будет залогом успешной деятельности организации.

Заключение. В эпоху цифровизации роль и место человеческих ресурсов в экономической системе проходят переосмысление. ЧР теперь являются центральным звеном, поскольку знания и инновации ложатся в основу успешности и конкурентоспособности организаций. Драйверами цифровой экономики можно рассматривать такие ключевые компетенции сотрудников, как креативность, цифровая грамотность, коммуникативные (в том числе осуществляемые посредством

¹ Россияне все больше внимания уделяют развитию профессиональных навыков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.superjob.ru/research/articles/114343/rossiyane-vse-bolshe-vnimaniya-udelyayut-razvitiyu-professionalnyh-navykov/>

цифровых технологий) навыки и многокомандность, гибридные компетенции (сочетание «мягких», «жестких» навыков, гибкости и устойчивости), цифровая грамотность и технологическая подкованность, многозадачность и качественное мышление. Поэтому для эффективного функционирования организациям необходимо уделять достаточно внимания развитию ЧР и обеспечить все возможности для успешной взаимной адаптации сотрудников и организации; развитию компетенций и повышению квалификации сотрудников; возможностей для профессионального и карьерного роста. Это поможет организациям не только развить свой потенциал, но и стать более привлекательными в качестве работодателя.

Список источников

1. Голышев А. О. Развитие человеческих ресурсов в условиях цифровизации экономики // Молодой ученый. 2019. № 17. С. 140–142.
2. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2016. 138 с.
3. Дробышевская Л.Н., Попова Е.Д. Развитие экономики знаний России в эпоху цифровых трансформаций // Креативная экономика. 2018. Том 12. № 4. С. 429–446.
4. Bircan I., Gencler F. Analysis of Innovation-Based Human Resources for Sustainable Development // Procedia Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 195. P. 1348–1354.
5. Kesti M. Organization Human Resources Development Connection to Business Performance // Procedia Economics and Finance. 2012. Vol. 2. P. 257–264.
6. Гафиатулина Н. Х. Социальное здоровье студенческой молодежи с позиций концепции адаптации и адаптационных ресурсов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 8. С. 30–33.
7. Николаев Н. А. «Человеческие ресурсы» в системе понятий менеджмента и экономики труда // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2019. № 2. С. 7–14.
8. Никитаева А. Ю., Михалкина Д. А. Развитие человеческих ресурсов в условиях цифровой экономики: стратегическая перспектива // Вестник ВолГУ. Экономика. 2019. №4. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-chelovecheskih-resursov-v-usloviyah-tsifrovoy-](https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-chelovecheskih-resursov-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki) (дата обращения: 03.02.2024).
9. Holford W. D. The Future of Human Creative Knowledge Work Within the Digital Economy // Futures. 2019. Vol. 105. P. 143–154.
10. Джигоева О. О., Танделова О. М. Человеческие ресурсы в условиях цифровой экономики // НАУ. 2020. № 52-1 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskie-resursy-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 04.02.2024).
11. Афанасьева Л. А. Роль и место человеческих ресурсов в условиях цифровой трансформации экономики // Основы экономики, управления и права. 2022. № 4 (35). С. 16–20.
12. Саликов Ю. А., Логунова И. В., Каблашова И. В. Тенденции изменений в управлении человеческими ресурсами предприятия в условиях цифровой экономики // Вестник ВГУИТ. 2019. Т. 81. № 2. С. 393–399.
13. Логинова Е. В., Злотников М. С. ГИГ-экономика и ее влияние на человеческий капитал // Московский экономический журнал. 2022. № 10. URL: <https://qje.su/ekonomicheskaya-teoriya/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-10-2022-43/>
14. Чуланова О. Л., Луганская Я. К. Исследования возможности применения джоб-шеринга в условиях дефицита компетенций на рынке труда // Вестник НГУЭУ. 2022. № 2. С. 50–63.

References

1. Golyshev A. O. Development of human resources in the context of digitalization of the economy. *A young scientist*. 2019; 17: 140–142. (In Russ.)
2. Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. Moscow; 2016. 138 p. (In Russ.)
3. Drobyshevskaya L. N., Popova E. D. Development of Russian knowledge economy in the era of digital transformations. *Kreativnaya ekonomika*. 2018;12(4):429–446. (In Russ.)
4. Bircan I. Analysis of Innovation-Based Human Resources for Sustainable Development. *Procedia Social and Behavioral Sciences*. 2015;(195):1348–1354.
5. Kesti M., Gencler F. Organization Human Resources Development Connection to Business Performance. *Procedia Economics and Finance*. 2012;(2):257–264.

6. Gafiatulina N. Kh. Social health of student youth from the perspective of the concept of adaptation and adaptation resources. *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2019;(8):30–33. (In Russ.)
7. Nikolaev N. A. "Human resources" in the system of concepts of management and labor economics. *Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics*. 2019;(2):7–14. (In Russ.)
8. Nikitaeva A. Yu., Mikhalkina D. A. Human resource development in the digital economy: a strategic perspective. *Bulletin of the Volga. Economy*. 2019;(4). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/> [Accessed 14 December 2023]. (In Russ.)
9. Holford, W. D. The Future of Human Creative Knowledge Work Within the Digital Economy. *Futures*. 2019;(105):143–154. (In Russ.)
10. Dzhoieva O. O., Tandelova O. M. Human resources in the digital economy. *NAU*. 2020;52-1(52). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskie-resursy-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki> [Accessed 03 February 2024]. (In Russ.)
11. Afanasyeva L. A. The role and place of human resources in the context of digital transformation of economies. *Economy, governance and lave basis*. 2022;4(35):16–20. (In Russ.)
12. Salikov Yu. A., Logunova I. V., Kablashova I. V. Trends in human resource management in the digital economy. *Proceedings of VSUET*. 2019;(2):393–399. (In Russ.)
13. Loginova E. V., Zlotnikov M. S. GIG-economics and its impact on human capital. *Moscow Economic Journal*. 2022;(10). Available from: <https://qje.su/ekonomicheskaya-teoriya/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-10-2022-43/> [Accessed 14 December 2024] (In Russ.)
14. Chulanova O. L., Luganskaya Ya. K. Research on the possibility of applying job sharing in conditions of competence deficiency on the labor market. *Bulletin of the NGUEU*. 2022;(2):50–63. (In Russ.)

Информация об авторах

А. В. Попов – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой регионалистики и евразийских исследований Института социологии и регионоведения ЮФУ.
Д. В. Кротов – доктор социологических наук, профессор кафедры финансового и HR менеджмента РГЭУ (РИНХ).
С. И. Самыгин – доктор социологических наук, профессор кафедры финансового и HR менеджмента РГЭУ (РИНХ).

Information about the authors

A. V. Popov – Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Department of Regionalism and Eurasian Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.
D. V. Krotov – Dr. Sci. (Sociol.), Professor of the Department of Financial and HR Management, Rostov State University of Economics.
S. I. Samygin – Dr. Sci. (Sociol.), Professor of the Department of Financial and HR Management, Rostov State University of Economics.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.02.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 27.02.2024.

The article was submitted 04.02.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 27.02.2024.

Государственное регулирование развития малого бизнеса в социальной сфере

Людмила Ивановна Проняева¹, Игорь Геннадьевич Давыдкин²

^{1, 2}Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Орёл, Россия

¹pli.dom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4311-2892>

²idavydkin3@mvd.ru

Аннотация. Социальное предпринимательство как особый вид бизнеса нацелен на снижение социальной напряженности в обществе, обеспечивая занятость населения, доступность и разнообразие социальных услуг. Большая часть социальных предпринимателей в России относятся к категории малого бизнеса. Совершенствование государственного регулирования развития малого социального предпринимательства способствует снижению остроты социальных проблем, усилению взаимодействия в данном вопросе государства и бизнеса. Целью статьи является оценка тенденций в развитии малого социального предпринимательства в стране, действующих мер его государственного регулирования и разработка предложений по их совершенствованию. В ходе исследования выявлены тенденции в развитии малого бизнеса в социальной сфере в России, отражающие высокие темпы роста количества субъектов малого социального предпринимательства, распространения его на различные сферы деятельности с преобладанием в сферах образования, социальных услуг и спорта и досуга. Рост числа социальных предпринимателей в большей части отмечается в крупных конгломерациях. Однако сохраняющаяся низкая доля социальных предприятий в общем количестве субъектов малого бизнеса в стране, анализ реализуемых мер их государственной поддержки не позволяют сделать вывод о достаточности сформированных в стране условий поддержки и продвижения социального предпринимательства. Государственное регулирование развития малого социального предпринимательства предлагается осуществлять в направлении совершенствования институциональной среды, расширения круга субъектов, обеспечивающих развитие и продвижение малого бизнеса в социальной сфере.

Ключевые слова: предпринимательство, социальная сфера, управление, социальные проблемы, тенденции развития малого бизнеса, меры поддержки предпринимательства

Для цитирования: Проняева Л. И., Давыдкин И. Г. Государственное регулирование развития малого бизнеса в социальной сфере // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 150–158. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-150-158>. EDN MAPWMN

Problems of Economics

Original article

State regulation of small business development in the social sphere

Lyudmila I. Pronyaeva¹, Igor G. Davydkin²

^{1, 2}Central Russian Institute of Management – branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Orel, Russia

¹pli.dom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4311-2892>

²idavydkin3@mvd.ru

Abstract. Social entrepreneurship as a special type of business is aimed at reducing social tension in society, ensuring employment, accessibility and variety of social services. Most social entrepreneurs in Russia belong to the category of small businesses. Improving state regulation of the development of small social entrepreneurship helps to reduce the severity of social problems and strengthen interaction between the state and business on this issue. The purpose of the article is to assess trends in the development of small social

entrepreneurship in the country, current measures of state regulation and develop proposals for their improvement. The study revealed trends in the development of small businesses in the social sphere in Russia, reflecting high growth rates in the number of small social entrepreneurship entities, its spread to various areas of activity with a predominance in the areas of education, social services and sports and leisure. The growth in the number of social entrepreneurs is mostly observed in large conglomerations. However, the continuing low share of social enterprises in the total number of small businesses in the country, the analysis of the implemented measures of state support for them, does not allow us to draw a conclusion about the sufficiency of the conditions created in the country for the support and promotion of social entrepreneurship. State regulation of the development of small social entrepreneurship is proposed to be carried out in the direction of improving the institutional environment, expanding the range of entities that ensure the development and promotion of small businesses in the social sphere.

Keywords: entrepreneurship, social sphere, management, social problems, trends in the development of small businesses, measures to support entrepreneurship

For citation: Pronyaeva L. I., Davydkin I. G. State regulation of small business development in the social sphere. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):150–158. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-150-158>. EDN MAPWMN

Любое социально ориентированное государство стремится к решению проблем, связанных с удовлетворением возникающих социальных потребностей своих граждан. Нарастание в гражданском обществе таких тенденций, как снижение уровня доходов населения, его занятости, качества и доступности медицинских и патронажных услуг, несформированность инклюзивной среды и др. не способствует стабилизации социальной ситуации и сказывается на темпах экономического роста в стране.

Снижение остроты данных проблем может находиться в плоскости развития предпринимательской деятельности в социальной сфере, что обеспечивает усиление взаимодействия государства и бизнеса для решения социальных задач. Поэтому в современных условиях круг субъектов, функционирующих в социальной сфере (государственные структуры, некоммерческие организации, общественные объединения, фонды) расширяется за счет предпринимательского сектора, осуществляющего свою деятельность в области производства социально значимых продуктов, предоставления социальных услуг или обеспечивающего занятость уязвимых и мало защищенных слоев населения. Данные тенденции наблюдаются в большей части в сфере малого предпринимательства, который занимает те ниши, где государство не в полной мере способно обеспечивать имеющиеся социальные потребности.

Предпринимательский сектор способен привнести в социальную сферу новые подходы инновационного характера, позволяющие успешно решать социальные проблемы, модернизировать социальную инфраструктуру и значительно расширить спектр социальных услуг, которые традиционно предоставляются государством [1; 2]. Целый ряд отечественных и зарубежных ученых характеризуют возможности социального предпринимательства как ключевого источника качественных социальных изменений в обществе [3–5]. При этом отмечается, что социальное предпринимательство является уникальным феноменом предпринимательского сектора, генерирующим социальные изменения в силу установленного приоритета в продвижении социальных ценностей над получением экономической выгоды [6]. Еще одной особенностью предпринимательства в социальной сфере, отмеченной исследователями, является его позитивное воздействие на изменения в обществе посредством своих инноваций, творческих и нетрадиционных подходов, без наличия которых данный вид бизнеса теряет смысл [7; 8].

Исследователи отмечают дуальность роли предпринимательского сектора в социальной сфере. С одной стороны он нацелен на решение социальных задач, а с другой на получения прибыли. При этом успешно реализуются бизнес-навыки и управленческие компетенции предпринимателей, обеспечивающие эффективность социального бизнеса, что в свою очередь способствует его популяризации в обществе [9; 10].

Следовательно, создание условий в обществе для развития социального предпринимательства способствует качественным социальным изменениям, лучшему обеспечению социальных потребностей, что реализуется посредством трансляции накопленного бизнес-опыта, применения инновационных подходов к созданию экономической ценности в социальной сфере.

В отличие от развитых зарубежных стран социальное предпринимательство как специфический вид бизнеса в России получило свое развитие в недавнее время. Институциональная среда социального предпринимательства начала формироваться только с началом XXI века. С постепенным выходом из «кризисных» 90-х годов, началом экономического подъема в стране, внимание стали привлекать социальные проблемы, решение которых способствовало бы снижению напряжения в обществе [11]. Соответственно, наблюдается отсутствие накопленной статистической базы для анализа тенденций в развитии отечественных социальных предпринимателей. В качестве доступных данных в распоряжении имеются статистические материалы обследования малого предпринимательства, данные ресурса ФНС России о реестре социальных предприятий, отчеты и доклады Минэкономразвития РФ, отдельные материалы на порталах региональных ЦИССов, общественных организаций и фондов.

В исследовании рассматривается сфера малого бизнеса, в которой преимущественно функционируют созданные субъекты социального предпринимательства. Малое предпринимательство представлено довольно большим количеством организаций, которые функционируя в экономико-социальной сфере, способны легко приспосабливаться к изменяющим условиям среды, успешно используя имеющийся ресурсный потенциал [12].

Динамика количества предприятий малого бизнеса в России за последние 5 лет демонстрирует разноплановые тенденции (рис. 1)¹.

Рис. 1. Динамика количества субъектов малого бизнеса в РФ, тыс. ед.

Fig. 1. Dynamics of the number of small businesses in the Russian Federation, thousand units

Данные рисунка показывают, что в сфере малого бизнеса в стране произошли негативные изменения в количестве действующих организаций, которые пришлось на пандемийный период, их количество сократилось в 2020 г. в сравнении с 2018 г. почти на 357 тыс.ед., что составило 6,3 %. Но затем в период выхода из кризиса количество малых бизнесменов в стране стало увеличиваться, однако допандемийного уровня достигнуть пока не удалось. В то же время, динамика количества зарегистрированных социальных предприятий показывает устойчивую тенденцию роста (табл. 1)².

Таблица 1 - Динамика организаций малого бизнеса в социальной сфере в России

Table 1 – Dynamics of small business organizations in the social sphere in Russia

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022	Темп роста, %
Количество субъектов малого бизнеса, имеющих статус социального предприятия	5083	6154	6897	7932	8768	172,5
В т.ч.:						
Микропредприятие	4691	5746	6475	7358	8341	177,8
Малое предприятие	392	408	422	574	427	108,9
Доля социальных предпринимателей в общем количестве предприятий малого бизнеса в стране, %	0,08	0,10	0,12	0,14	0,15	X

¹ Малое и среднее предпринимательство в России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13223>

² Там же.

Так, на конец 2022 г. количество официально зарегистрированных социальных предпринимателей в стране достигло 8768 ед. Темп роста их количества составил за последние 5 лет 72,5 %. Преобладающее большинство из этих предпринимателей находятся в статусе микропредприятий (штатная численность персонала менее 15 чел. и доход менее 120 млн руб.). Причем, если в 2018 г. доля микропредприятий была 92,3 %, то к 2022 г. она увеличилась и составила уже 95,1 %.

Несмотря на высокие темпы роста количества зарегистрированных социальных предпринимателей в стране, их доля в общем количестве субъектов малого бизнеса остается довольно низкой (0,15 % по данным за 2022 год). В качестве положительной тенденции следует отметить ее рост за 5 лет почти в два раза, что позволяет сделать вывод о наличии потенциала для развития предпринимательства в социальной сфере. При этом положительная динамика изменения числа занятых в малом социальном бизнесе дает основания прогнозировать, что в среднесрочной перспективе его роль заметно возрастет.

Статус социального предприятия определяется его нацеленностью на решение таких задач как обеспечение социальных потребностей наиболее уязвимых слоев населения, в том числе их потребностей в занятости, популяризация положительного практического опыта в социальном предпринимательстве, умении рационально использовать имеющиеся ресурсы и успешно направлять их на социальную сферу, активизация социально-направленной деятельности в различных сферах экономики [13].

Если рассматривать распространение социального предпринимательства по сферам экономической деятельности, то следует заключить, что они в большей части функционируют в сферах оказания услуг (образование, здравоохранение, спорт, творческая деятельность и др.) (табл. 2)¹.

Таблица 2 – Динамика субъектов социального предпринимательства по сферам экономической деятельности в России

Table 2 – Dynamics of social entrepreneurship entities by areas of economic activity in Russia

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022		Темп роста, %
					кол-во, ед.	доля, %	
Количество субъектов малого бизнеса, имеющих статус социального предприятия	5083	6154	6897	7932	8768	100,0	172,5
В т.ч. по направлениям деятельности:							
образование	1577	1937	2175	2527	2841	32,4	180,2
здравоохранение	541	593	647	684	710	8,1	131,2
деятельность по уходу с обеспечением проживания	67	97	101	117	131	1,5	195,5
предоставление социальных услуг по дневному уходу за детьми, инвалидами и престарелыми	917	1125	1277	1493	1633	18,6	178,1
деятельность в области спорта, организации отдыха и развлечений	691	897	1013	1188	1320	15,1	191,0
социально-бытовые услуги, ремонт бытовой техники и изделий	380	445	505	590	659	7,5	173,4
торговля розничная	315	349	382	472	491	5,6	155,9
творческая деятельность в области искусства и организации развлечений	254	332	363	413	457	5,2	180,0
деятельность гостиниц и мест проживания	73	78	94	106	106	1,2	145,2
прочие виды деятельности	268	301	340	342	420	4,8	156,7

¹ Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://ofd.nalog.ru/statistics.html>

Темпы роста социальных предприятий в таких сферах деятельности как уход с обеспечением проживания составляют 95,5 %, деятельность в области спорта, организации отдыха и развлечений – 91,1 %, образование и творческая деятельность в области искусства и организации развлечений по 80 % соответственно, предоставление социальных услуг по дневному уходу за детьми, инвалидами и престарелыми – 78,1 %, что превышает сложившийся средний темп роста количества социальных предпринимателей.

Оценивая структуру социального предпринимательства по сферам экономической деятельности в России, то в ней заметно преобладают организации малого социального бизнеса, функционирующего в сфере образования – 32 %. Вторую строку по популярности сфер деятельности занимает предоставление социальных услуг по дневному уходу за детьми, инвалидами и престарелыми с долей в 19 %, на третьем месте деятельность в области спорта, организации отдыха и развлечений – 15 %. Вместе в этих сферах деятельности занято 66 % социальных предпринимателей.

Если сравнивать структуру распространения социального предпринимательства по сферам экономической деятельности в России с зарубежными странами, то по данным ресурса Global Entrepreneurship Monitor¹, в первую тройку лидеров также входят деятельность по предоставлению социальных услуг (15 % от количества всех социальных предприятий) и деятельность в области спорта и отдыха – 18 %, которая является лидером. На третьем месте находится деятельность в сферах искусства и культуры (12 %). На долю сферы образования приходится в отличие от России только 10 % социальных предпринимателей.

Оценка состояния развития малого социального предпринимательства в субъектах РФ проведена нами исходя из динамики количества созданных и зарегистрированных в статусе социального предприятия субъектов (табл. 3)².

Таблица 3 – Динамика количества социальных предприятий, функционирующих в субъектах РФ

Table 3 – Dynamics of the number of social enterprises operating in the constituent entities of the Russian Federation

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022	Темп роста, %
Количество субъектов малого бизнеса, имеющих статус социального предприятия	5083	6154	6897	7932	8768	172,5
В т.ч. по субъектам Федерации:						
Московская область	521	628	706	799	873	167,6
Башкортостан	232	293	352	408	465	в 2 р.
Нижегородская область	195	233	270	309	349	179,0
Ленинградская область	178	222	250	311	344	193,3
Ханты-Мансийский АО	226	263	281	314	333	147,3
Приморский край	190	223	251	279	305	160,5
Москва	126	160	183	210	229	181,7
Санкт-Петербург	121	144	152	179	194	160,3
Самарская область	106	121	132	164	178	168,0
Свердловская область	98	119	127	161	176	179,6

В таблице представлены данные по 10 регионам-лидерам по числу субъектов социального предпринимательства. За последние 5 лет по темпам роста предпринимателей в социальной сфере лидируют Республика Башкортостан (рост в 2 раза), Ленинградская область (93,3 %), Москва (81,7 %). Следует отметить, что Московская область в течение всего анализируемого периода по количеству социальных предпринимателей превышает ближайшего конкурента (Республика Башкортостан) почти в 2 раза.

¹ Global Entrepreneurship Monitor: <https://www.gemconsortium.org/report/gem-2019-2020-global-report>

² Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://ofd.nalog.ru/statistics.html>

Изменения, которые произошли в рейтинге регионов России по количеству социальных предприятий, демонстрируют, что Московская область и Республика Башкортостан сохраняют свои лидерские позиции (табл. 4).

Таблица 4 – Динамика количества социальных предприятий, функционирующих в субъектах РФ

Table 4 – Changes in the ranking of Russian regions by the number of small social entrepreneurship entities

Показатель	2018	2022	Позиция рейтинга
Московская область	1	1	
Башкортостан	2	2	
Нижегородская область	4	3	+1
Ленинградская область	6	4	+2
Ханты-Мансийский АО	3	5	-2
Приморский край	5	6	-1
Москва	7	7	
Санкт-Петербург	8	8	
Самарская область	9	9	
Свердловская область	10	10	

Третье место в рейтинге заняла Нижегородская область в 2022 г., сместив с него Ханты-Мансийский автономный округ (3 место в 2018 г.), который уступил также и Ленинградской области.

Таким образом, выявленные тенденции в развитии малого предпринимательства в социальной сфере в России позволяют установить высокие темпы роста их количества, распространения на различные сферы деятельности с преобладанием в сферах образования, социальных услуг и спорта и досуга. Рост социальных предпринимателей в большей части отмечается в крупных конгломерациях в стране (столицах, Московской, Ленинградской областях). Однако сохраняющаяся низкая доля социальных предприятий в общем количестве субъектов малого бизнеса в стране, не позволяет сделать вывод о достаточности сформированных в стране условий поддержки и продвижения социального предпринимательства.

Поддержку малого предпринимательства в социальной сфере осуществляют специально созданные в стране структуры – Центры инноваций в социальной сфере (ЦИСС). Они функционируют на уровне субъектов Федерации за счет средств федерального бюджета и являются структурными подразделениями центров «Мой бизнес». Функциональными задачами ЦИСС являются консультирование, обучение и помощь в организации бизнеса в социальной сфере, услуги по разработке франшиз для социального предпринимательства, обеспечение взаимодействия с органами власти для обсуждения и решения возникающих проблем, тиражирование практик лучших социальных проектов, популяризация и продвижение социального предпринимательства и др.

Социальным предприятиям оказывается имущественная, информационная и финансовая поддержка. К формам имущественной поддержки относятся возможность получения в аренду помещений (из государственной и муниципальной собственности) по льготной арендной плате или рабочего места в созданных коворкинг-центрах, а также возможность выкупа арендованных объектов по льготной стоимости. К формам информационной поддержки относится возможность использования бесплатных онлайн-сервисов, созданных на порталах Цифровой платформы МСП и Бизнес-навигатора МСП. Данные сервисы помогают в составлении бизнес-планов по социальному предпринимательству, на них можно ознакомиться с созданными социальными франшизами, поучаствовать в обучающих онлайн-программах, пройти комплексные обучающие акселерационные программы.

Финансовая поддержка социальным предпринимателям осуществляется:

- в форме грантов (до 500 тыс. руб.) на конкурсной основе, которыми можно профинансировать до 75 % социального проекта;
- в форме микрозаймов на льготных условиях (до 5 млн руб.), по которым устанавливается процентная ставка в размерах действующей ставки рефинансирования, которая может быть снижена наполовину;

- в форме кредитов с льготными ставками (от 500 тыс. руб. под проценты по ставке до 10,75 %), по которым предоставляются государственные гарантии и поручительства;
- в форме лизинга оборудования с льготными лизинговыми платежами (6-8% от стоимости оборудования, которое может быть получено в лизинг по стоимости от 500 тыс. руб. до 50 млн руб.);
- в форме предоставления возможности участия в закупках у крупных компаний -заказчиков с государственным участие в капитале;
- в форме налоговых льгот и преференций (0 % по налогу на прибыль для отдельных видов предпринимательства в социальной сфере, освобождение от уплаты НДС по перечню товаров и услуг, связанных с обеспечением инвалидов, престарелых граждан, детей дошкольного возраста, граждан, нуждающихся в социальном обслуживании или профессиональной переподготовке безработных), предоставлении налоговых каникул в первые два года начала социального предпринимательства, предоставлении региональных налоговых льгот по специальным налоговым режимам.

Кроме перечисленных видов и форм поддержки социальные предприниматели получают помощь в популяризации и продвижении своей деятельности от государства и различных общественных объединений. Так, ежегодно проводится всероссийский конкурс «Лучший социальный проект года», Российским союзом промышленников и предпринимателей распространяется информация о компаниях, которые занимаются поддержкой и развитием социального предпринимательства, лучшие практики бизнеса в социальной сфере обобщены на порталах общественной организации «Опора России», Фонда региональных социальных программ «Наше будущее», АНО «Агентство стратегических инициатив» и др. В тоже время, по нашему мнению, общественные организации и фонды, обеспечивая поддержку социальным предприятиям, должны расширять линейку ее возможных инструментов.

Оценивая комплекс сформированных в стране мер поддержки социального предпринимательства, следует отметить, что они не должны ограничиваться государственной поддержкой и поддержкой общественных структур. Необходимо стимулировать возможности крупного бизнеса, что является чрезвычайно важным фактором. С этой целью необходимо создание условий для осуществления прямых инвестиций в социальное предпринимательство и совершенствование нормативно-правовой базы (например, в части принятия отдельного законодательного акта о социальных предприятиях с закреплением его институциональных основ и применения возможных инструментов поддержки).

Немаловажное значение в развитии малого предпринимательства в социальной сфере имеет деятельность местного самоуправления в части мониторинга социальной среды территориальных образований с целью выявления наиболее насущных социальных проблем, к решению которых могут быть подключены социальные предприниматели. Формирование профессиональных сообществ социальных предпринимателей в формате ассоциаций, саморегулируемых организаций также будет способствовать регулированию их развития и продвижению.

Таким образом, проведенный анализ функционирования малого предпринимательства в социальной сфере страны позволил выявить определенные тенденции в его развитии, которые связаны с наличием высоких темпов роста количества социальных предпринимателей, распространением их деятельности на различные сферы с преобладанием в образовании, оказании социальных услуг, в спорте и организации досуга и сосредоточенностью в крупных конгломерациях страны. В то же время, анализ продемонстрировал сохраняющуюся низкую долю социальных предприятий в общем количестве субъектов малого бизнеса в стране, что позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего развития условий поддержки и продвижения социального предпринимательства. Совершенствование институциональной среды социального предпринимательства должно законодательно закрепить не только статус социального предприятия и перечень мер его поддержки, но и определить круг субъектов, их функционал в отношении развития социального предпринимательства и порядок взаимодействия, состав и меры по развитию инфраструктуры поддержки, организацию статистического наблюдения за результатами деятельности социальных предприятий. Расширение круга субъектов, обеспечивающих развитие социального предпринимательства, будет способствовать росту ресурсного потенциала государственного и предпринимательского сектора в социальной сфере и усилению их взаимодействия.

Список источников

1. Добрынина М. В., Андреева А. А. Социальное предпринимательство как уникальное социально-экономическое явление // *Russian Economic Bulletin*. 2023. Т. 6. № 1. С. 185–192.
2. Кадол Н. Ф. Социальное предпринимательство как инструмент ESG-трансформации в контексте устойчивого развития // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2022. № 4. С. 203–207.
3. Baker M. J. Editorial – Why. Social Business? *Social Business*, 2011; 1(1): 1.15. DOI: 10.1362/204440811X570536
4. Curtis, Tim & Szyszkowiak, Adrianna. (2023). Evaluation of social enterprises' claims. 07.09.2023 // https://www.researchgate.net/publication/373756308Evaluation_of_social_enterprises'_claims
5. Арай Ю. Н., Бурмистрова Т. А. Специфика бизнес-моделей в социальном предпринимательстве // *Российский журнал менеджмента*. 2014. Т. 12. № 4. С. 55–78.
6. Mair Johanna & Marti Lanuza, Ignasi. (2006). Social Entrepreneurship Research: A Source of Explanation, Prediction, and Delight. *Journal of World Business*. 41. 36-44.
7. Janssen Frank & Alain, Fayolle & Wuillaume, Amélie. (2018). Researching bricolage in social entrepreneurship. *Entrepreneurship & Regional Development*. 30. 450-470.
8. Hong Jacky & Snell, Robin. (2022). Locally initiated and designed innovation and potential reverse transfer through selective bricolage at three MNC subsidiaries in China. *R&D Management*. 53. 10.1111/radm.12568.
9. Ростовская Т. К., Шимановская Я. В. Социальное предпринимательство как форма оказания социальных услуг населению // *Фотинские чтения*. 2017. № 2(8). С. 275–282.
10. Морошкина М. В., Мурашкина Л. В. Социальное предпринимательство – форма экономической активности // *Социум и власть*. 2019. № 3(77). С. 63–75.
11. Шаманина Э. А. Социальное предпринимательство и инклюзивный бизнес: социальное направление развития частного сектора // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2019. Т. 2. № 4. С. 11–21.
12. Проняева Л. И., Федотенкова О. А. Управление развитием малого предпринимательства в регионе // *Региональная экономика: теория и практика*. 2019. Т. 17. № 6(465). С. 1082–1104.
13. Климашин А. Г., Каранчукова В. В. Социальное предпринимательство как современная форма предпринимательской деятельности: правовой аспект // *Актуальные проблемы гражданского права*. 2022. № 2(20). С. 30–40.

References

1. Dobrynina M. V., Andreeva A. A. Social entrepreneurship as a unique socio-economic phenomenon. *Russian Economic Bulletin*. 2023;6(1):185–192. (In Russ.)
2. Kadol N. F. Social entrepreneurship as a tool for ESG transformation in the context of sustainable development. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(4):203–207. (In Russ.)
3. Baker M. J. Editorial - Why. Social Business? *Social Business*, 2011; 1(1): 1.15. DOI: 10.1362/204440811X570536
4. Curtis, Tim & Szyszkowiak, Adrianna. (2023). Evaluation of social enterprises' claims. 09/07/2023 // https://www.researchgate.net/publication/373756308Evaluation_of_social_enterprises'_claims
5. Arai Yu. N., Burmistrova T.A. Specifics of business models in social entrepreneurship. *Rossiiskij zhurnal menedzhmenta*. 2014;12(4):55–78. (In Russ.)
6. Mair Johanna & Marti Lanuza, Ignasi. (2006). Social Entrepreneurship Research: A Source of Explanation, Prediction, and Delight. *Journal of World Business*. 41. 36-44.
7. Janssen Frank & Alain, Fayolle & Wuillaume, Amélie. (2018). Researching bricolage in social entrepreneurship. *Entrepreneurship & Regional Development*. 30. 450-470.
8. Hong Jacky & Snell, Robin. (2022). Locally initiated and designed innovation and potential reverse transfer through selective bricolage at three MNC subsidiaries in China. *R&D Management*. 53.10.1111/radm.12568.

9. Rostovskaya T. K., Shimanovskaya Y. V. Social entrepreneurship as a form of providing social services to the population. *Fotinskie chteniya*. 2017;2(8):275–282. (In Russ.)
10. Moroshkina M. V., Murashkina L. V. Social entrepreneurship is a form of economic activity. *Socium i vlast'*. 2019;3(77):63–75. (In Russ.)
11. Shamanina E. A. Social entrepreneurship and inclusive business: social direction of development of the private sector. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 2019;2(4):11–21 (In Russ.)
12. Pronyaeva L. I., Fedotenkova O. A. Management of small business development in the region. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. 2019;17(6(465)):1082–1104. (In Russ.)
13. Klimashin A. G., Karanchukova V. V. Social entrepreneurship as a modern form of entrepreneurial activity: legal aspect. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava*. 2022;2(20):30–40. (In Russ.)

Информация об авторах

Л. И. Проняева – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика и экономическая безопасность» Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС.
И. Г. Давыдкин – аспирант кафедры «Экономика и экономическая безопасность» Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС.

Information about the authors

L. I. Pronyaeva – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Economics and Economic Security at the Central Russian Institute of Management – branch of RANEPA.
I. G. Davydkin – Postgraduate at the Department of Economics and Economic Security of Central Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.01.2024; одобрена после рецензирования 09.02.2024; принята к публикации 10.02.2024.

The article was submitted 16.01.2024; approved after reviewing 09.02.2024; accepted for publication 10.02.2024.

Научная статья

УДК 336.02

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-159-167>

EDN BEWKQW

Механизм финансирования инновационной деятельности российских предприятий

Лариса Анатольевна Стрельникова

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, Санкт-Петербург, Россия, larochkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9472-6133>

Аннотация. В современных чрезвычайно сложных экономических условиях, сложившихся в нашей стране, необходимо формирование научно-методологических основ проблемы исследования механизма финансового обеспечения инновационных проектов, что предполагает создание рациональной системы финансирования для развития инновационной деятельности российских предприятий. Только в этом случае могут быть созданы условия для обеспечения инновационных проектов необходимыми финансовыми средствами и возможность их концентрации на ключевых направлениях инновационной политики, что является важнейшим фактором социально-экономического развития различных интегрированных структур и государства в целом, в том числе в сфере обеспечения экономической безопасности. Автором проведено всестороннее исследование основных источников финансирования, которые могут быть использованы в инновационной деятельности предприятий, определены базовые элементы финансового механизма обеспечения реализации инновационных проектов, а также предложены концептуальные подходы с инвестиционной позиции к финансированию инновационных проектов на различных стадиях.

Ключевые слова: инновационная деятельность, инновационный проект, система финансирования инновационной деятельности, государственные средства, инвестиционные средства

Для цитирования: Стрельникова Л. А. Механизм финансирования инновационной деятельности российских предприятий // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 159–167. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-159-167>. EDN BEWKQW

Problems of Economics

Original article

The mechanism of financing innovative activities of Russian enterprises

Larisa A. Strelnikova

Saint-Petersburg State Marine Technical University, Saint-Petersburg, Russia, larochkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9472-6133>

Abstract. The current extremely difficult economic circumstances in our country require the establishment of scientific and methodological foundations for the investigation of the mechanism of financial support for innovative projects, which requires the establishment of a rational financing mechanism for the advancement of innovative endeavors by Russian enterprises. Only in this case, conditions can be created to provide innovative projects with the necessary financial resources and the possibility of their concentration on key areas of innovation policy. This is the most important factor in the social and economic development of various integrated structures and the state as a whole, including in the field of ensuring economic security. The author has carried out a comprehensive study of the main sources of financing that can be used in the innovative activities of enterprises, identified the basic elements of the financial mechanism for ensuring the implementation of innovative projects, and also proposed conceptual approaches from an investment position to the financing of innovative projects at various stages.

Keywords: innovative activity, innovative project, innovation financial system, government funds, investment funds

For citation: Strelnikova L. A. The mechanism of financing innovative activities of Russian enterprises. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):159–167. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-159-167>. EDN BEWKQW

Для развития экономики, основополагающим звеном которой являются инновации, необходимо использовать эффективную систему их финансирования, которая обеспечивает привлечение инвестиций для осуществления наиболее перспективных высокотехнологичных проектов, а также их высокую доступность для всех субъектов инновационной деятельности [1]. В свою очередь, финансовая поддержка должна опираться на множественность источников, способствовать быстрой и эффективной реализации инноваций с их коммерциализацией. На сегодняшний момент в России в сфере обеспечения экономической безопасности стратегическими целями государственной политики являются: обеспечение всех условий для создания и внедрения инновационных технологий, активное развитие инновационного сектора экономики, а также совершенствование соответствующей нормативно-правовой базы¹.

Понятие системы финансирования инновационной деятельности определяет комплекс взаимодействующих элементов, обеспечивающих необходимыми финансовыми ресурсами инновационные проекты, которые представляют собой план мероприятий, направленных на достижение экономического эффекта от внедрения инноваций, в том числе по коммерциализации научных и научно-технических результатов [2]. Безусловно, успех реализации инновационных проектов во многом зависит от выбранных форм и способов финансирования. Один из основных принципов планирования графика финансирования инновационных проектов заключается в ориентации на несколько источников одновременно, что позволяет снизить риски потери финансовых средств, а также быстрее и эффективнее вывести инновацию на рынок. Для более полного и глубоко раскрытия сущности механизма финансирования инновационной деятельности первоначально необходимо выявить, решение каких основных задач от него зависит. К ним относятся [3]:

- обеспечение каждой стадии развития инновационных разработок достаточным уровнем финансирования;
- в целях достижения нужных результатов – преобразование финансовых ресурсов из используемых источников финансирования в источники объектов, а именно инновационных предприятий и проектов;
- равномерное распределение финансов между объектами финансирования;
- обеспечение на всех стадиях развития проекта взаимодополнения форм и методов финансирования, которые им соответствуют.

Система финансирования инновационной деятельности состоит из следующих взаимосвязанных элементов:

- определение источников накоплений финансовых ресурсов, а также их инвестирование в перспективные инновационные проекты;
- механизм управления инвестиционными ресурсами для успешной реализации инновационных проектов и возвратности средств [4].

Источники финансирования инновационной деятельности можно разделить по трем основным формам, представленным на рис. 1 [5].

Собственные средства. К ним могут относиться уставной капитал, средства учредителей, нематериальные активы, в том числе интеллектуальный капитал предприятия, его временно свободные основные и оборотные средства, нераспределенную прибыль и амортизационные отчисления. Поскольку использование собственных средств происходит на всех этапах развития инновационной компании, соответственно, такой механизм самофинансирования является многостадийным. С одной стороны, его можно назвать возвратным, так как он направлен на получение дохода, а с другой – механизмом прямого финансирования, так как осуществляется на средства предприятия [6].

¹ Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Портал Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921>

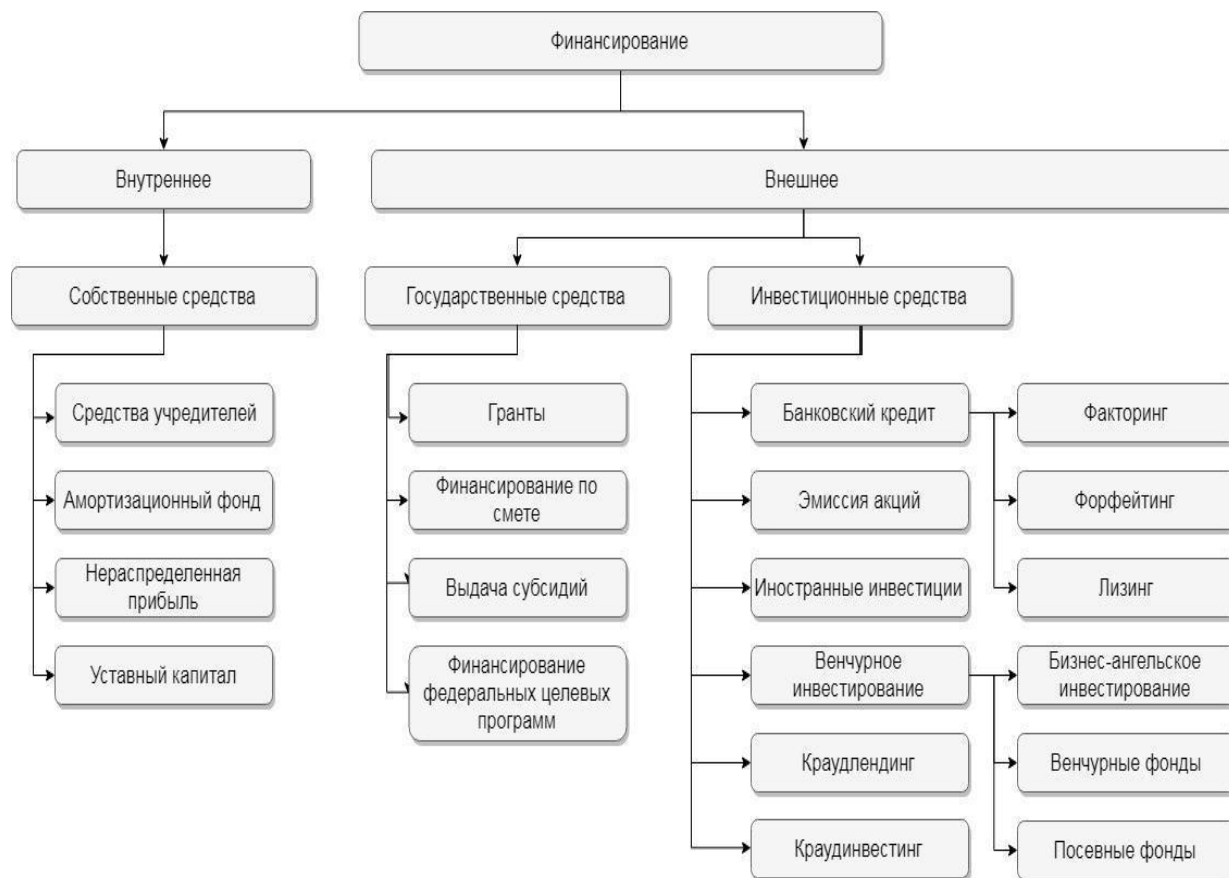

Рис. 1. Виды источников финансирования инновационной деятельности

Fig. 1. Types of sources of financing for innovation activities

Государственные средства. Государственные организации, правительство, муниципалитеты время от времени могут оказывать поддержку инновационным компаниям для реализации проектов по производству инновационной наукоемкой продукции и технологий на ранних стадиях жизненного цикла [7]. В роли государственных ресурсов выступают: бюджетные средства, средства внебюджетных фондов, государственные кредиты и гранты. Бюджетные средства являются основополагающим способом финансирования различных форм инновационной деятельности. Финансирование инноваций бюджетными средствами помогает государству реализовывать целевые программы, приоритетные государственные проекты. С помощью бюджетного механизма происходит преобразование ресурсов бюджетов разного уровня: федеральных, региональных и муниципальных, а также их перераспределение среди предприятий и инновационных проектов. Данный механизм обеспечивает инновационным компаниям налоговые льготы, скидки и преференции на осуществление их деятельности. В этом случае бюджетные средства разного уровня выступают источником финансирования. Статья 78 Бюджетного кодекса Российской Федерации¹ регламентирует предоставление государственных грантов и субсидий как эффективной формы финансирования исследований и разработок.

При этом необходимо учесть, что функции государственных закупок, как одного из возможных механизмов финансирования инновационных проектов, в своем применении обычно сопровождаются решением ряда достаточно серьезных проблем [8]. В первую очередь, они связаны с существующими ограничениями в рамках Федерального закона № 44-ФЗ от 5 апреля 2013 г. «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»², а также Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ

¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации. URL: <https://budkod.ru/>

² Федеральный закон № 44-ФЗ от 5 апреля 2013 г. «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Минтруд России. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/laws/116>

«О защите конкуренции»¹. Сложность заключается в том, что уникальность практически любой инновации, как правило, не отражается в техническом задании, поскольку оно, по требованиям закона о государственных закупках, направлено на группы товаров, а не на конкретные оборудования или услуги. Также в условиях отсутствия комплексной информационной базы происходит разрыв коммуникаций между заказчиками, которые не осведомлены об инновациях на рынках, и производителями, имеющими весьма поверхностное представление о нуждах заказчиков.

Инвестиционные средства – финансирование, получаемое компанией со стороны за долю в уставном капитале. В таком случае за риски потери финансовых средств ответственны обе стороны: компания и инвестор.

Бизнес-ангелы (англ. *business angels*) – это физические и юридические лица, которые вкладывают собственные средства в инновационные проекты на начальных стадиях их развития. Такие финансовые вложения имеют очень высокую степень риска. Для его снижения необходимо делать ставку не на одну компанию, а на несколько сразу, при этом обязательным условием является тщательное изучение каждого из проектов.

Венчурное инвестирование (англ. *venture* – рискованное предприятие) – это инвестиции на долгий период (обычно от 3 до 7 лет), обусловленные перспективой получения прибыли от повышения стоимости инвестиций, но также, как в предыдущем случае, имеющие высокий уровень риска.

Посевной фонд осуществляет инвестиции в инновационные проекты, которые существуют на начальной стадии своего развития, когда компания определяет концепцию своего бизнеса и создает прототипы продуктов или технологий. Соответственно, посевными инвестициями обычно могут быть затраты, рассчитанные на реализацию какой-либо идеи.

Краудинвестинг (или акционерный краудфандинг) является финансовым инструментом для привлечения капитала. Инвесторы вносят определенные доли денежных средств для реализации инновационного проекта, в перспективе рассчитывая получить от него прибыль, которая делится согласно договору, где четко обозначены пропорции. В 2020 г. начал действовать Федеральный закон № 259-ФЗ² о привлечении инвестиций через краудинвестинговые платформы, основными задачами которых является проверка достоверности информации о проекте и заключение договора об оказании услуг с обеими сторонами. Контролирует работу данных платформ Банк России.

Краудлендинг (или P2P-кредитование) – это одна из форм краудфандинга. Возможность финансирования от кредиторов под определенный процент доступно как физическим лицам, так и компаниям. Причем получить денежные средства от кредиторов компаний и физических кредиторов можно на существенно более выгодных условиях, чем в тех же банках. Именно поэтому в последнее время такая схема кредитования получает все большее распространение.

Банковский кредит является наиболее распространенным методом кредитования на завершающих этапах инновационного проекта. На определенных условиях банки предоставляют компаниям нужную сумму на фиксированный срок. К видам банковского кредитования относятся [9]:

- беззалоговый кредит – вид кредита, который оформляется с целью пополнения оборотных средств компании, а также для возможности закупать необходимые товары или оборудование;
- залоговое кредитование – финансовая услуга, которая подразумевает предоставление заемных средств под залог жилой или коммерческой недвижимости, транспортных средств, земли, имущественных прав на депозит;
- овердрафт (англ. *overdraft* – перерасход) – предоставление заемщику денежных средств, путем кредитования банком с целью оплаты его расчетных документов;
- возобновляемая кредитная линия – схема кредитования, позволяющая после погашения долга снова взять заем, для чего устанавливается лимит задолженности, то есть максимальная сумма долга; также допускается снять все деньги сразу или получать их частями.

¹ Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102164547>

² Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ. «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Портал Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45766>

Факторинг подразумевает финансовое соглашение между фактором (финансовым учреждением) и клиентом (предприятием), при котором он получает аванс от фактора в обмен на дебиторскую задолженность. Владелец прав на получение финансовых средств является факторинговая компания. При таком формате деньги поступают поставщику гораздо быстрее, чем по договору поставки от покупателя. Факторинг особенно пригодится компании при возникновении какого-либо форс-мажора, поскольку повысить оборотный капитал можно гораздо дешевле, чем при использовании краткосрочных кредитов.

Форфейтинг – форма инвестирования, заключающаяся в возникновении между инвестором и продавцом финансовых отношений, основой которых являются выписки и комплект векселей, обналичиваемых в банке и передаваемых продавцу за проданный товар [10]. Всеми правами по взысканию долга при этом обладает банк. Активы, которые покупатель закладывает в банк, в этом случае обеспечивают его платежеспособность. Уровень кредитного риска влияет на величину дисконтной ставки, по которой банком учитывается долг. Такой способ кредитования является довольно дорогим для инвестора.

Лизинг представляет собой вид инвестиционной деятельности, когда физическое или юридическое лицо на основании договора лизинга за установленную плату получает имущество на зафиксированный срок и на четко прописанных условиях. В дальнейшем у лизингополучателя есть право выкупа данного имущества.

Эмиссия акций является широко применяемым методом получения финансирования, закрепленным на законодательном уровне, подразумевающим выпуск и размещение на рынке новых акций предприятия. Данный способ дает возможность привлечь финансирование в достаточно крупных объемах, когда есть необходимость в расширении производства или нужны средства для ведения текущей деятельности компании. Положительной стороной эмиссии является то, что не нужно постоянно выплачивать по займу, как при кредите. Отрицательной – то, что часть собственности компании передается акционерам, и они имеют возможность участвовать в деятельности компании.

Совершенно очевидно, что предоставление предприятиям заемных финансовых ресурсов происходит с учетом возвратности. Данный механизм удобно использовать, когда инновационному проекту деньги необходимы в срочном порядке. Действие этого механизма обуславливают такие финансовые инструменты как кредит, договор лизинга, облигационные займы, форфейтинг и факторинг. Данные отношения регламентируются нормативно-правовыми актами Российской Федерации. Использование механизма заемного финансирования характерно для поздней стадии развития инновационной компании.

Инновационные проекты на разных этапах в связи с дифференциацией сочетания влияния риска и неопределенности нуждаются в различных источниках инвестирования. Чтобы разобраться, каким образом на практике осуществляется механизм финансирования, для начала нужно четко определить стадии развития проекта с инвестиционной точки зрения (рис. 2).

Рис. 2. Стадии инновационного проекта с инвестиционной позиции

Источник: составлено автором

Fig. 2. Stages of an innovation project from an investment position

Source: compiled by the author

Предпосевная стадия (Pre-See) включает в себя период, начинающийся зарождением идеи и заканчивающийся запуском стартапа. На данном этапе создается команда единомышленников, уверенных в перспективности своей инновационной идеи, формируется приблизительный план реализации инновационной идеи, изучаются варианты поиска источников финансирования и определяются потребители будущего продукта инновационной идеи. Найти инвестора на этой стадии является чрезвычайно сложной задачей, поскольку у проекта пока отсутствуют какие-либо реальные достижения, опираясь на которые можно говорить о его эффективности. Поэтому в большинстве случаев на данном этапе ограничиваются личными средствами разработчиков, их семей, друзей или знакомых, либо обращаются к бизнес-ангелам.

Посевная стадия (Seed). Если идея пригодна для дальнейшего развития и инвестирования, инновационный процесс переходит к следующему этапу. На данной стадии идет всестороннее изучение рынка, претворяются в жизнь раннее составленные технические задания, создается бизнес-план и происходит тестирование прототипа. У проекта уже есть не только рабочая модель, слаженная команда и продукт, но и прибыльные каналы продаж. Риски постепенно снижаются, но неопределенность пока еще весьма значительна. На данной стадии перед командой стоит задача отладки системы продвижения продукта и нахождения источников финансирования, необходимых на более серьезном уровне, поскольку осуществляются значительные затраты, в частности, аренда помещений, зарплаты сотрудникам, накладные расходы и т.п. Основная проблема, затрудняющая поиск денежных средств для финансирования инновационного проекта, состоит в отсутствии прибыли. В этом случае наиболее оптимальным вариантом является нахождение бизнес-ангела. Альтернативным источником финансирования может быть краудфандинг.

Стартап (Start-up). На данном этапе инновационная идея уже преобразована в конкретный продукт посредством его запуска в производство. Основной задачей на данном этапе является окончательное формирование продукта, услуги или технологии, доведение их до идеального состояния. Соответственно, составляется детальный бизнес-план с определением методов снижения рисков и финансовых потерь для достижения точки безубыточности. На основе полученных результатов маркетинговых исследований осуществляется попытка закрепления определенной ниши на рынке. Также необходимо составить реалистичный прогноз инвестиций, необходимых для продвижения стартапа на следующую стадию. Что касается источников финансирования, то оптимальным решением будет подключение инвестиционных венчурных фондов и краудинвестиционных платформ. Риск потери инвестиций снижается, поскольку характер любой неопределенности становится более ясным.

Ранний рост (Early Growth). Здесь достигается точка безубыточности, поскольку компания начинает реализацию готового продукта, наблюдается планомерное повышение количества потребителей, но стабильной прибыли пока еще нет. Происходит постоянный поиск финансовых средств, необходимых для развития компании, а также в ее штат осуществляется найм новых сотрудников. Уменьшается риск потери инвестиций, потому что компания полагается на свой доход от продаж новых товаров, технологий или реализации услуг. Рентабельность вложений пока не столь высока, но весьма привлекательна, соответственно, растет количество потенциальных инвесторов инновационного проекта и среди них появляются стратегические инвесторы, целью которых является получение определенного контроля над компанией. С точки зрения механизма финансирования, наиболее оптимальным вариантом на данном этапе являются фонды прямых инвестиций и банковские кредиты.

Расширение (Expansion). На данной стадии инновационную компанию уже можно назвать прибыльной, поскольку на первичном целевом рынке она практически достигла своих запланированных показателей. Маркетинговая стратегия успешно реализуется, и есть все предпосылки к планомерному масштабированию, то есть увеличению объемов продаж, распространению в смежных сферах деятельности или привлечению массового круга потребителей. Как и в предыдущем случае, наиболее предпочтительными источниками финансирования являются фонды прямых инвестиций и банковские кредиты.

Выход (Exit). На этом этапе, полностью либо частично, уходят бизнес-ангелы и венчурные инвесторы, которые принимали непосредственное участие в финансировании инновационного проекта. Хотелось бы обратить внимание, что венчурные фонды обычно вкладывают финансовые средства в перспективные инновационные компании, показывающие на стадии роста резкий

скачок в своем развитии, а на стадии выхода динамика роста довольно сильно снижается, если сравнивать показатели на предыдущих стадиях. При этом очевидно, что уровень стабильности бизнеса становится на порядок выше, поэтому продажа на этапе «выход», как правило, идет по ценам, значительно выше первоначальных вложений, что дает возможность инвесторам получить весьма существенную прибыль. Существует несколько вариантов выхода [11]:

– выведение компании на IPO (от англ. *Initial Public Offering* – первая публичная продажа) – процедура по размещению акций компании, до данного момента не бывшей публичной, на открытом рынке;

– продажа доли компании другим стратегическим инвесторам;

– частичная продажа акции компании фондам, занимающимися прямыми инвестициями.

В табл. 1 автором обобщена информация по возможным источникам финансирования на различных этапах инновационного проекта.

Таблица 1 – Источники инвестиций на этапах инновационного проекта

Table 1 – Sources of investment at the stages of an innovation project

Предпосевная стадия <i>Pre-See</i>	Посевная стадия <i>Seed</i>	Стартап <i>Start-up</i>	Ранний рост <i>Early growth</i>	Расширение <i>Expansion</i>
Бизнес-ангелы	Бизнес-ангелы	Бизнес-ангелы	Венчурные фонды	Венчурные фонды
Краудинвестинг	Краудинвестинг	Краудинвестинг	Краудлендинг	Краудлендинг
Конвертируемый заем	Конвертируемый заем	Конвертируемый заем	Кредитные организации	Кредитные организации
	Посевные фонды	Венчурные фонды	Эмиссия ценных бумаг	Эмиссия ценных бумаг
	Венчурные фонды	Краудлендинг	Факторинг	Факторинг
		Кредитные организации	Лизинг	Лизинг
		Эмиссия ценных бумаг	Фонды прямых инвестиций	Фонды прямых инвестиций

Источник: составлено автором

Source: compiled by the author

На основе проведенного исследования нами сделан вывод о том, что на начальном этапе поиск финансовых средств будет самым сложным вопросом, стоящим перед командой инновационного проекта, поскольку существует наиболее неблагоприятное соотношение риска и потенциальной эффективности. На стадии фундаментальных и прикладных научных исследований финансирование осуществляется преимущественно за счет собственных и бюджетных источников.

Как только компания получает свою первую прибыль, она имеет право взять инвестиционный налоговый кредит. На законодательном уровне, а если быть точнее, в статье 66 Налогового кодекса Российской Федерации¹, компании могут взять инвестиционный налоговый кредит в следующих случаях:

– если компания ведет научно-исследовательские работы или идет техническая модернизация собственного производства;

– если компания ведет внедренческую либо инновационную деятельности, куда входит и сотворение новых либо существенное улучшение применяемых технологий и создание новейших видов сырья или материалов.

Проблема поиска источников финансирования для инновационного проекта, начиная со стадии внедрения, начинает стоять все менее остро. Основные затраты уже сделаны, а прибыльность производства все идет вверх и компенсирует большую часть текущих расходов. Как уже упоминалось, в связи с этим финансирование за счет средств бизнес-ангелов и венчурных фондов прекращается. На этапе внедрения появляется возможность взять банковский кредит, приобрести

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации. Федеральная налоговая служба URL: <https://nalog.garant.ru/fns/nk/>

оборудование в лизинг, имеет право на венчурное финансирование и выпуск облигаций. Однако использовать эти источники лучше всего только при условии высокой эффективности проекта. Доходы от проекта должны быть выше затрат на привлечение средств, а эти источники отнюдь не дешевы. Если уровень риска мал, а эффективность проекта на данном этапе высока, имеет смысл получить средства, выпустив дополнительное количество акций.

Таким образом, механизм финансирования инновационной деятельности представляет собой аккумуляцию и перераспределение средств от одних источников к другим в целях достижения определенного результата, выраженного в создании и внедрении новейших технологий, получении прибыли, повышении эффективности деятельности российских предприятий и целых отраслей. Применение механизмов финансирования должно проходить с учетом особенностей процесса финансирования инноваций, таких как сфера деятельности инновационной компании, этапы реализации инновационного проекта, а также необходимый объем финансирования.

Список источников

1. Смирнов А. Ю. Финансирование инновационной деятельности в России: современное состояние и перспективы // *BENEFICIUM*. 2022. № 3(44). С. 27–32.
2. Шестак В. П. Стимулирующее финансирование инновационной деятельности // *Финансы: теория и практика*. 2017. № 21(5). С. 40–49.
3. Мочалов В. Д., Мочалова Я. В. Проблемы финансирования инновационной деятельности предприятий в России // *Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова*. 2016. № 4. С. 229–231.
4. Якушев А. А., Максимова Т. В., Лысенко Ю. В. и др. Современные финансовые механизмы и инструментарии развития хозяйствующих субъектов: монография. Челябинский филиал Финуниверситета. Челябинск, 2016. 127 с.
5. Балашова Е. С., Стрельникова Л. А., Счисляева Е. Р. Зарубежный и российский опыт управления инновациями: учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГМУ, 2021. 300 с.
6. Кельчевская Н. Р., Пелымская И. С., Макаров Л. М. Инвестиционное проектирование: учебное пособие [под общ. ред. Н.Р. Кельчевской]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 140 с.
7. Траченко М. Б., Кожанова А. В. Специфика структуры финансирования стартапов на разных стадиях жизненного цикла // *Финансовый журнал*. 2019. № 5. С.90–103.
8. Деменко О. Г., Маркина А. К. Проблемы финансирования инновационной деятельности в России на современном этапе // *Вестник университета*. 2019. № 1. С. 47–50.
9. Черных С. И., Фролова Н. Д. Финансово-кредитные механизмы для развития инновационных предприятий // *Инновации*. 2018. № 3 (233). С. 14–21.
10. Берг Т. И. Способы финансирования инноваций торгового бизнеса // *Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова*. 2020. Т. 17. № 5 (113). С. 182–195.
11. Панфилова О. В., Анисов А. А. Особенности финансирования инновационной деятельности корпораций на различных этапах // *Проблемы современной экономики*. 2023. № 2 (86). С. 112–114.

References

1. Smirnov A. Yu. Financing of innovation activity in Russia: current state and prospects. *BENEFICIUM*. 2022;3(44):27–32. (In Russ.)
2. Shestak V. P. Stimulating financing of innovative activity-news. *Finance: theory and practice*. 2017;21(5):40–49. (In Russ.)
3. Mochalov V. D., Mochalova Ya. V. Problems of financing innovative activities of enterprises in Russia. *Bulletin of the Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov*. 2016;(4):229–231. (In Russ.)
4. Yakushev A. A., Maksimova T. V., Lysenko Yu. V., et al. *Modern financial mechanisms and tools for the development of economic entities*: a monograph. Chelyabinsk branch of the Financial University. Chelyabinsk; 2016. 127 p. (In Russ.)
5. Balashova E. S., Strelnikova L. A., Schislyayeva E. R. *Foreign and Russian experience in innovation management*: a textbook. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State Technical University, 2021. 300 p. (In Russ.)

6. Kelchevskaya N. R., Pelymskaya I. S., Makarov L. M. *Investment design: a textbook* [edited by N.R. Kelchevskaya]. Yekaterinburg: Publishing house of the Ural University; 2020. 140 p. (In Russ.)
7. Trachenko M. B., Kozhanova A. V. Specifics of the financing structure of startups at different stages of the life cycle. *Financial magazine*. 2019;(5):90–103. (In Russ.)
8. Demenko O. G., Markina A. K. Problems of financing innovation activity in Russia at the present stage. *Bulletin of the University*. 2019;(1):47–50. (In Russ.)
9. Chernykh S. I., Frolova N. D. Financial and credit mechanisms for the development of innovative enterprises. *Innovation*. 2018;3(233):14–21. (In Russ.)
10. Berg T. I. Ways of financing trade business innovations. *Bulletin of Plekhanov Russian University of Economics*. 2020;17(5(113)):182–195. (In Russ.)
11. Panfilova O. V., Anisov A. A. Features of financing innovative activities of corporations at various stages. *Problems of the modern economy*. 2023;2(86):112–114. (In Russ.)

Информация об авторе

Л. А. Стрельникова – кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений Санкт-Петербургского государственного морского технического университета.

Information about the author

L. A. Strelnikova – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of International Economic Relations of St. Petersburg State Marine Technical University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.01.2024; одобрена после рецензирования 15.02.2024; принята к публикации 16.02.2024.

The article was submitted 25.01.2024; approved after reviewing 15.02.2024; accepted for publication 16.02.2024.

Механизмы обратной связи органов государственной власти и граждан: некоторые социальные и политические смыслы

Майя Арташесовна Аствацатурова¹, Сергей Таймуразович Мильдзихов²

¹Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия, maya.astv@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-9220-2504>

²Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия,
stmildzihov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается обратная связь между органами власти и управления и гражданами в общей системе политики и управления при выявлении не только социального, но и политического смысла таковой. Политико-смысловая наполненность обратной связи усматривается авторами в том, что только при стабилизации общего социального фона и при решении социальных проблем населения возможно сохранение и упрочение политической стабильности государства, его национального суверенитета. Обратная связь исследуется через такой ее популярный механизм как обращения граждан, которые в рамках политического анализа трактуются как ресурс: включенности граждан в управленческие процессы; формирования социальной и политической культуры граждан; усиления сплоченности людей на локальных территориях; повышения уровня доверия граждан государству как важнейший политический ресурс. Авторами предлагаются целесообразные направления наращивания релевантности обратной связи государства и граждан с учетом современных вызовов и рисков, а также внутривнутриполитических этапных событий.

Ключевые слова: система обратной связи, доверие как политический капитал, обращения граждан, электронное социальное и политическое участие, релевантность обратной связи, пресс-конференция, выборы

Для цитирования: Аствацатурова М. А., Мильдзихов С. Т. Механизмы обратной связи органов государственной власти и граждан: некоторые социальные и политические смыслы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 168–174. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-168-174>. EDN BCFLIS

Politology and Ethnopolitics

Original article

Feedback mechanisms of public authorities and citizens: some social and political meanings

Maya A. Astvatsaturova¹, Sergey T. Mildzikhov²

¹Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, maya.astv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9220-2504>

²K.L. Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia, stmildzihov@mail.ru

Abstract. The article examines the feedback between authorities and management and citizens in the general system of politics and management while identifying not only the social, but also the political meaning of it. The political and semantic content of the feedback is seen by the authors in the fact that only by stabilizing the general social background and solving the social problems of the population is it possible to preserve and strengthen the political stability of the state and its national sovereignty. Feedback is studied through such

a popular mechanism as citizen requests, which, within the framework of political analysis, are interpreted as a resource: the involvement of citizens in management processes; formation of social and political culture of citizens; strengthening the cohesion of people in local areas; increasing the level of citizens' trust in the state as the most important political resource. The authors propose expedient directions for increasing the relevance of feedback from the state and citizens, taking into account modern challenges and risks, as well as internal political milestones.

Keywords: feedback system, trust as political capital, citizen appeals, electronic social and political participation, relevance of feedback, press conference, elections

For citation: Astvatsaturova M. A., Mildzikhov S. T. Feedback mechanisms of public authorities and citizens: some social and political meanings. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):168–174. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-168-174>. EDN BCFLIS

Отношения государства и общества являются важной сферой интереса политологов, социологов, всех экспертов, которые изучают общественные, политические отношения, а также субъектно-объектные отношения институтов государства и общества [1, с. 24-32]. От качества отношений власти и граждан зависят все главные параметры состояния общества и государства, такие как национальный и государственный суверенитет, гражданское единство, политическая стабильность, культурная целостность. Проблема взаимного интереса, взаимного уважения, а также и взаимной ответственности государства и общества актуализируется в рамках обратной связи органов власти и управления с гражданами, без которой построение и функционирование гражданского общества не представляется возможным [2, с. 10-36].

Принципы, инструменты и механизмы обратной связи наиболее полно, хотя и не без проблем и противоречий, реализуются в демократическом государстве, где сама природа организации политики и власти направлена на максимально открытые отношения органов власти и общественных организаций [3, с. 59-62]. Этому способствуют такие важные принципы, как гарантирование прав человека и гражданина, возможность участия граждан в разработке политических решений (опосредованно и непосредственно), легитимность объединения граждан в общественные организации – неправительственные и некоммерческие акторы «третьего сектора», отсутствие обязательной государственной идеологии, что предусматривает разнообразие идей, мировоззрений и мнений в легитимном формате.

Трактуя обратную связь в рамках политического анализа, отметим, что при должном нормативно-правовом обеспечении и при высоком уровне организационного и технологического оформления обратная связь способствует:

- формированию стабильного политико-правового пространства и осуществлению целесообразной политики и управления;
- распространению интегративных сюжетов общественно-политического дискурса;
- устройству достоверного и оперативного информационно-коммуникационного поля [4];
- профилактике «эксцессов руководителя» и «эксцессов исполнителя», а также и противоречий между ветвями власти;
- стимулированию гражданской активности и упрочению институтов гражданского общества при становлении общественных активистов как резерва будущих политиков и управленцев;
- реагированию на болевые точки не только власти, но самого общества для решения проблем как управления, так и самоуправления, а также и самоорганизации общественности;
- приданию легальных и конструктивных форм критике и даже неприятию гражданами властных и политических решений;
- созданию органам власти и управления возможностей для самокритики и для само-аудита деятельности.

Подчеркнем, что обратная связь приобретает особое значение в неординарных ситуациях, когда государство и общество решают сложные задачи. Такими ситуациями в глобальном плане являются распады государств и формирование новых суверенных государств и наций, международные конфликты и войны, а также угрозы и акты терроризма и экстремизма. Также такими ситуациями являются реформы, политические транзиты, смены политических систем и режимов, а также смены элит, выборы. Также это экономические кризисы, падение уровня жизни, инфляция, девальвация национальных валют и иные ситуации, которые повышают (или, напротив, понижают)

включенность граждан во все процессы. В любой неординарной ситуации в прямой зависимости от действий политиков и управленцев, обратная связь либо активизируется, либо «загоняется» в рамки, определенные властью, которая не всегда заинтересована в активности «снизу», в «народной правде», в «гласе народа». Этот голос далеко не всегда лоялен и патриотичен к власти и к персоналиям власти, которые разоблачили себя превышением служебных полномочий, взяточничеством, безответственностью, аморальными поступками и др. Поэтому в интересах власти, которая действительно отвечает своему классическому назначению – т.е. оптимизации жизни общества и ее организации в лучших моделях – не препятствовать обратной связи с гражданами, а, напротив, выстраивать ее на принципе равного и взаимовыгодного партнерства с высоким взаимным интересом.

Одним из самых популярных и признанных успешных механизмов обратной связи являются **обращения граждан**.

С одной стороны, данный механизм не имеет непосредственно инновационного характера, так как он традиционно давно используется в системе политического и социального управления. Граждане всегда охотно стремятся огласить свои проблемы, ожидания, пожелания, а также и прямую критику органам власти и непосредственно руководителям – губернаторам, главам субъектов и административно-территориальных единиц государства, мэрам городов, главам муниципальных образований и даже самим главам государств.

С другой стороны, обратная связь через обращения не может рассматриваться в упрощенном порядке, т.е. только как стремление граждан выразить недовольство властью и обратить внимание на горячие и горящие проблемы жизни. Далеко не всегда гражданами руководят примитивные или негативные мотивы. Граждане, общественные активисты, лидеры общественного мнения часто озабочены серьезными проблемами, которые могут иметь и социальный, и политический смыслы.

Обратная связь через обращения граждан, если ее понимать в расширительном плане, имеет большой общественно-политический резонанс в силу того, что она является механизмом, который проявляет узкие места власти. К сожалению, в частых случаях власть далека от своего «нанимателя», от граждан, которые платят налоги и должны получать качественные услуги и сервисы на государственном, региональном и местном уровнях. Обратная связь обеспечивает такую политико-наполненную категорию властно-общественных отношений, как **доверие граждан органам власти и управления**, которое часто находится далеко от желаемых высот. В то же время обратная связь в случае ее законности, организованности, технологичности способна повысить индекс взаимного доверия государства и общества как политического капитала и власти, и общества.

Механизм обращений граждан в органы власти и управления выражается в документах или устных обращениях, в которых изложены личные или общественно значимые мотивы, озабоченности, ожидания. Это могут быть изложенные в письменной или в устной форме, а также в виде электронного документа: а) жалоба; б) заявление; в) предложение; д) запрос.

Обращения граждан имеют своей целью: а) обратить внимание власти на острые и хронические проблемы населения, которые не решены и которым управленцы и политики не уделяют внимания; б) принять участие в обсуждении сложных ситуаций, которые непосредственно создаются в сфере жизнеобеспечения и которые требуют разработки политико-управленческого решения; в) конкретизировать для политиков и управленцев, как исполняются принятые решения и достигают ли они того эффекта, на который рассчитаны.

Особо выделим значимость обращений граждан в связи с конфликтными ситуациями общественных отношений (терроризм, экстремизм, этнические конфликты, военно-политические столкновения, гибридные войны и др.), природно-климатическими и экологическими катастрофами, а также в связи с чрезвычайными ситуациями, например, пандемии, нехватка продовольствия, ухудшение экологических параметров, отсутствие жизненно важных лекарств. Также обращения граждан имеют большую значимость, когда они касаются интересов разных групп социально незащищенных граждан, а также граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации или касающиеся здоровья, благополучия детей и молодежи.

Конституция РФ гарантирует всем гражданам законную возможность обращения в органы власти и собственно обязывает таковые реагировать на такие обращения¹. Кроме того, регламенты

¹ Конституция Российской Федерации // Российская газета № 4831. 21.01.2009. Ст. 33.

реагирования (сроки, формы документов, режим и др.) прописаны в соответствующих нормативных, исполнительных распорядительных документах органов власти и местного самоуправления. 2 мая 2006 г. принят ФЗ № 59-ФЗ «**О порядке рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации**», который ввел процесс обращения граждан в органы власти и управления в легитимное поле. ФЗ трактует смысл обращения как «улучшение порядка организации и деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности, общественных объединений»¹. Также ФЗ трактует обращения граждан как технологию, направленную на «совершенствование правовой основы государственной и общественной жизни». Кроме того, обращения граждан могут быть посвящены решению «вопросов экономической, политической, социально-культурной и других сфер деятельности государства и общества»². Поэтому среди видов обращений большую эффективность имеют не только жалоба (или критика), просьба, а именно предложения, в которых граждане излагают свое видение проблем и свои идеи по их решению. Далее принят ФЗ от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «**Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления**», который закономерно соотнес процесс обращения граждан в органы власти и управления с правом граждан быть допущенными к соответствующей информации. Это прежде всего доступ к целевым документам, которые в будущем становятся важными государственными или муниципальными доктринами, стратегиями, концепциями, стратегиями, а также и национальными проектами и федеральными, региональными и муниципальными программами. Проекты важных государственных документов вывешиваются на сайтах соответствующих органов власти и управления для их обсуждения, экспертизы, а также и для антикоррупционных оценок.

Рассматривая обращения граждан как важный механизм обратной связи, укажем, что в соответствии с современными технологическими реалиями, с IT-технологиями обращения граждан также приобретают новые формы. В связи с этим самостоятельного внимания требует распространение электронных форм обратной связи в рамках реализации концепций электронной демократии, открытого и электронного правительства [5, с. 31-33]. Поэтому в современных политологических исследованиях все большее внимание посвящается «**электронному участию граждан**», которое они осуществляют в интернет-пространстве. Многие исследователи подчеркивают, что электронное участие – это то же общественное и гражданское участие, та же общественная и гражданская активность, облеченная в электронную форму [6, с. 40-43]. С начала 2010-х гг. в РФ стали внедряться многие электронные платформы, касающиеся, прежде всего, благоустройства муниципальных образований, доступности услуг ЖКХ («Наш город», «Умный город», «Наш Санкт-Петербург», «Московская поликлиника», «Одно окно» и др.), на которых граждане принимают непосредственное участие в электронном режиме.

Закономерно, что все органы власти и управления имеют сайты, на которых граждане могут обратиться в виде именно электронного обращения. При этом каждый орган власти и управления предоставляет гражданам возможность обратиться по профильным проблемам данного органа власти или МСУ, а также и по общим проблемам: благоустройство («не заасфальтирована улица, не горит фонарь»), коррупция, превышение служебных полномочий и использование их в корыстных целях.

Обратная связь в таком ее механизме как обращения граждан эффективна, прежде всего, тем, что они имеют непосредственное и мотивированное содержание, прямо отражающее состояние, самочувствие, а также и ожидания граждан. Также данный механизм гармонично увязан с другими механизмами обратной связи, прежде всего, с такими, как общественный контроль, «горячие телефонные линии», информационные дни (в том числе и в электронной форме) и др. Механизм обращений важен тем, что он повышает уровень: во-первых, включенности граждан в решение проблем и в управленческие процессы; во-вторых, социальной и политической культуры граждан в общем плане; в-третьих, сплоченности людей на локальных территориях (соседские и территориальные общины, ТОСы и т.д.). В ходе подготовки обращений люди приобретают опыт совместного выявления проблем и обсуждения возможностей их решения путем привлечения внимания

¹ Федеральный закон от 2.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822. С. 4.

² Там же.

власти. Обращения граждан инициируют распространение в обществе таких форм активности, как общественный контроль, аутсорсинг, краудсорсинг, социально ответственный бизнес и др. [7, с. 21-28; 8, с. 20-26].

Отметим еще одну важную деталь. В формировании общей позиции по разным вопросам и в подготовке обращений люди, принадлежащие к разным социально-демографическим группам, к разным этническим и религиозным группам, к разным поколениям, объединяются и создают деятельностные сообщества, способные к самоорганизации. Подготовка коллективных обращений граждан к органам власти и управления в связи с актуальными проблемами экономического, социального плана, проблемами жилищно-коммунального комплекса может быть определена как **платформа гражданской самоорганизации**. Разработка обращений во власть и отслеживание реакции власти – продуктивный механизм формирования сетевых точек гражданской активности, а также известный практик превращения равнодушия людей в содержательный и организационный ресурс сближения интересов государства и общества. Таким образом, равнодушие людей становится организованным мотивом социальной и даже политической культуры, так как своевременное и эффективное решение проблем, которые акцентируются в обращениях граждан, упрочивают и придают динамизм всей системе обратной связи, т.е. отношениями между государством и гражданами (**G2C – government-to-citizen**).

Отслеживая систему обратной связи в современной РФ, отметим, что за период становления, упрочения и обновления взаимодействия государства и общества эта система прошла несколько этапов, которые, прежде всего, датируются принятием целевого законодательства.

Первым этапом являются 90-е гг. XX в., в которые были приняты Конституция РФ, а также основные федеральные законы в сфере прав человека и самоорганизации граждан в негосударственных и некоммерческих общественных объединениях – экологических, женских, ветеранских, экологических, профессиональных, просвещенческих, национально-культурных, религиозных и многих других.

Вторым этапом являются 2000-е гг., когда были приняты новые федеральные законы, создающие правовую базу для вовлечения граждан в обратную связь через создание порядка рассмотрения обращений граждан РФ, формирование системы общественного контроля, антикоррупционной экспертизы, а также информационно-коммуникационной среды в самом широком ее выражении – электронные ресурсы, сети, блоги. Были созданы федеральные и, соответственно, региональные общественно-консультативные советы, общественные палаты, вертикальная система уполномоченных по правам человека, советы экспертов и старейшин, которые сами по себе являются площадками социальной и публичной политики, непосредственного сотрудничества власти и общественных активистов. Были созданы представительства Президента РФ в федеральных округах РФ, **Открытое Правительство, Электронное правительство, Общероссийский народный фронт**, советы при Президенте РФ по правам человека и развитию гражданского общества, по межнациональным отношениям, по взаимодействию с религиозными организациями, по вопросам казачества, а также и многие иные.

Третий этап – 2015 г. – продолжается в настоящем времени – включает обновление гражданских организаций, формирование **«суверенного гражданского общества 2.0»**. Происходит создание новых площадок и ресурсов гражданской активности в разных направлениях – историко-культурном, гражданско-патриотическом, этнокультурном, религиозном, гуманитарном, просвещенческом и др. Также на этом этапе приняты важнейшие документы стратегического планирования и долгосрочного развития в сфере национальной безопасности и суверенитета РФ, борьбы с терроризмом и экстремизмом, миграции, межнациональных отношений, гражданского единства и сохранения традиционных ценностей российского общества (указы Президента РФ, национальные проекты, федеральные и региональные программы и др.)

На данном этапе в качестве эффективной формы обратной связи выделим прямые линии и пресс-конференции руководителей с «живыми вопросами» от населения, причем, чем выше уровень управленца или политика, тем значимее прямой, очный диалог власти и граждан. Как нельзя более эффектной иллюстрацией такого диалога являются прямые линии и пресс-конференции Президента РФ В.В. Путина с гражданами, которые стали неотъемлемой преференцией пространства российской публичной политики.

На каждом из этих этапов есть кейсы, которые характеризуются большими социальными и политическими вызовами и рисками разного происхождения – от терроризма и открытых конфликтов до пандемии COVID-19 и др. В 2022–2024 гг. очевидные риски геополитической природы, резкое ухудшение отношений РФ со странами коллективного Запада и США, а также ведение РФ специальной военной операции на Украине с целью ее демилитаризации и денацификации и защиты русского населения актуализировали качество обратной связи государства и общества. Именно поэтому в современных сложных условиях платформы обратной связи в РФ продолжают интенсивно расширяться и привлекать новых участников¹.

Необходимость расширения и обновления технологий обратной связи между властью и гражданами именно в ее политической смысловой интерпретации обусловлена началом избирательной кампании по выборам Президента РФ в марте 2024 г.² Первичные активности большинства граждан РФ по поддержке действующего Президента РФ В.В. Путина как безальтернативного кандидата осуществляются и будут осуществляться в режиме обратной связи в ее расширительных проекциях.

Обобщающие тезисы

В качестве обобщения отметим, что стремления граждан быть субъектами обратной связи с органами власти и управления состоят не только в том, в том, что они хотят обратить внимание на ту или иную проблему, но и стремятся побудить и подтолкнуть органы власти и управления к ее решению, предложив свое видение такового. В случае успешности совместных усилий граждане становятся в хорошем смысле соучастниками – партнерами органов власти в достижении позитивного результата, что придает обратной связи очевидный социальный и политический смысл.

Обратная связь воплощена во многих механизмах, среди которых выделяются обращения граждан. Они представляются самым простым и даже в какой-то степени примитивным механизмом обратной связи. Однако именно обращения граждан часто являются самой доступной и самой понятной для граждан возможностью воздействовать на власть. В организационно-технологическом обеспечении обратной связи между органами власти и управления и гражданами обращения граждан как распространённый и признанный механизм имеют не только социальный, но и политический смысл, так как они в субъектно-объектных отношениях власти и общества формируют такой важный политический капитал как взаимное доверие.

В современных сложных условиях очевидна необходимость повышения уровня доверия и взаимной ответственности власти и граждан, что, в том числе, реализуется в системе обратной связи. Для достижения нового уровня ее релевантности важны следующие направляющие:

- совпадение позиций власти и граждан по поводу магистральных вопросов развития Российского государства и российского общества;
- включение граждан в актуальную повестку, не только местного, но также и регионального и федерального уровней, а также уровня геополитических отношений, которые существенно и часто негативно влияют на общественно-политическую ситуацию в стране;
- профилирование недоверия власти к обществу, неприятия властью критики со стороны граждан и бюрократического цинизма в отношении проблем населения;
- повышение общей социальной культуры, финансовой и правовой грамотности общественных активистов, лидеров общественного мнения, лидеров политических партий, населения в целом;
- внедрении в систему обратной связи морально-нравственных начал и ценностных ориентиров, которые традиционно присущи российскому обществу, российской гражданской нации.

Список источников

1. Патрушев С. В. Гражданская активность: институциональный подход. Перспективы исследования // Полис. Политические исследования. 2009. № 6. С. 24–32.
2. Ионин Л. Г. Теоретические вопросы гражданского общества // Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством. М.: Вершины, 2008. С. 10–36.

¹ Платформа обратной связи (ПОС). URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1058/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwwww.google.com%2f (дата обращения: 3 октября 2023).

² Панюшкин К. Владимир Путин объявил, что будет участвовать в президентских выборах в 2024 году // Первый канал. Новости. Политика. 8 декабря 2023 г. URL: <https://www.1tv.ru/news/2023-12-08/466672-vladimir-putin-ob-yavil-chto-budet-uchastvovat-v-prezidentskih-vyborah-v-2024-godu> (дата обращения: 13 декабря 2023).

3. Чугунов А. В. Взаимодействие граждан с властью как канал обратной связи в институциональной среде электронного участия // *Власть*. 2017. № 10. С. 59–62.
4. Воробьев Ю. Л. Управленческое партнерство общества и власти: Концептуальные и прогнозные модели коммуникативного диалога: Научная монография. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. 108 с.
5. Видясова Л. А., Михайлова Е. В. Инструменты электронного участия: барьеры на пути развития в России // *Информационные ресурсы России*. 2016. № 6. С. 31–33.
6. Бершадская Л. А. Акторно-сетевая модель электронного правительства в Российской Федерации // *Власть*. 2013. № 3. С. 40–43.
7. Казакова Н. Д., Денисова Ж. А. Технология краудсорсинга в государственном региональном управлении (на примере краудсорсинг-проектов города Москвы) // *Власть*. 2016. № 4. С. 21–28.
8. Фельдман П. Я. Политический краудсорсинг как институт электронной демократии: проблемы становления и развития // *Власть*. 2014. № 6. С. 21–26.

References

1. Patrushev S. V. Civic engagement: an institutional approach. Prospects of research. *Polis. Political research*. 2009;(6):24–32. (In Russ.)
2. Ionin L. G. Theoretical issues of civil society. In: *Factors of development of civil society and mechanisms of its interaction with the state*. Moscow: Vershki; 2008:10–36. (In Russ.)
3. Chugunov A. V. Interaction of citizens with government as a feedback channel in the institutional environment of electronic participation. *Vlast'*. 2017;(10):59–62. (In Russ.)
4. Vorobyov Yu. L. *Managerial partnership of society and government: Conceptual and predictive models of communicative dialogue*: Scientific monograph. Moscow; 2007. 108 p. (In Russ.)
5. Vidyasova L. A., Mikhailova E. V. Electronic participation tools: barriers to development in Russia. *Information Resources of Russia*. 2016;(6):31–33. (In Russ.)
6. Bershadskaya L. A. Actor-network model of electronic government in the Russian Federation. *Vlast'*. 2013;(3):40–43. (In Russ.)
7. Kazakova N. D., Denisova J. A. Crowdsourcing technology in the state regional administration (on the example of crowdsourcing projects of the city of Moscow). *Vlast'*. 2016;(4):21–28. (In Russ.)
8. Feldman P. Ya. Political crowdsourcing as an institution of electronic democracy: problems of formation and development. *Vlast'*. 2014;(6):21–26. (In Russ.)

Информация об авторах

М. А. Аствацатурова – доктор политических наук, профессор, директор Научно-образовательного центра Пятигорского государственного университета.

С. Т. Мильдзиков – аспирант кафедры философии и политологии Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова.

Information about the authors

M. A. Astvatsaturova – Dr. Sci. (Polit.), Professor, Director of the Scientific and Educational Center of Pyatigorsk State University.

S. T. Mildzikhov – Postgraduate Student at the Department of Philosophy and Political Science of the K. L. Khetaurov North Ossetian State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.01.2024; одобрена после рецензирования 14.02.2024; принята к публикации 15.02.2024.

The article was submitted 25.01.2024; approved after reviewing 14.02.2024; accepted for publication 15.02.2024.

Трансформация политической идентичности в информационном обществе: пределы и противоречия

Давид Кромвелович Григорян¹, Артур Ашотович Ханджян²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

¹Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Давид Кромвелович Григорян, davo-davo23@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-9411-8418>

Аннотация. В статье рассматривается трансформация политической идентичности и элитарного сознания в современном мире. Проблематизируется динамика процессов политической идентификации в условиях развития информационного обмена сетевого типа. Цель исследования – изучение особенностей процесса политической идентификации в условиях влияния новейших форм и практик цифровой коммуникации. Ее достижение связано с решением двух основных задач: 1) экспозиция современного политического процесса и его ключевых составляющих (идентичности политического правящего «класса», его элитного самосознания) в контексте развития информационного общества, кратно возросшей интенсивности урбанизационных процессов; 2) изучение трансформации процесса политического самоопределения в условиях вовлечения политических субъектов и структуры в информационное взаимодействие сетевого типа, доминирующее на современном этапе цивилизационного развития. Изменение практики политического мышления и политической легитимации элит рассматривается в контексте процессов урбанизации и развития соответствующего типа сетевого городского «хронотопа».

Ключевые слова: элитарное сознание, политическая идентичность, легитимация, урбанизация, сетевое общество, информационная культура

Для цитирования: Григорян Д. К., Ханджян А. А. Трансформация политической идентичности в информационном обществе: пределы и противоречия // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 175–180. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-175-180>. EDN ALBGRD

Politology and Ethnopolitics

Original article

Transformation of political identity in the information society: limits and contradictions

David K. Grigoryan¹, Artur A. Khandjyan²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: David K. Grigoryan, davo-davo23@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9411-8418>

Abstract. The article deals with the transformation of political identity and elite consciousness in the modern world. The dynamics of political identification processes in the conditions of development of information exchange of network type is problematized. The aim of the research is to study the peculiarities of the political identification process under the influence of the newest forms and practices of digital communication. Its achievement is connected with the solution of two main tasks: 1) exposition of the modern political process and its key components (identity of the political ruling “class”, its elite self-consciousness) in the context of the development of information society, multiply increased intensity of urbanization processes; 2) study of

the transformation of the process of political self-determination in the conditions of involvement of political subjects and structure in the information interaction of network type, dominating at the current stage of civilizational development. The change in the practice of political thinking and political legitimization of elites is considered in the context of urbanization processes and the development of the corresponding type of network urban "chronotope".

Keywords: elite consciousness, political identity, legitimization, urbanization, network society, information culture

For citation: Grigoryan D. K., Khandjyan A. A. Transformation of political identity in the information society: limits and contradictions. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):175–180. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-175-180>. EDN ALBGRD

Введение. Обозначенная на официальном уровне руководством страны стратегия на достижение устойчивого развития государства, социально-экономической сферы, возрождение духовно-нравственной основы культуры и национальной традиции, а также реализация намеченных проектов на международной арене, вряд ли может быть осуществлена в полной мере без учета влияния специфики информационного пространства на политическое мышление, политические ценности и политическое поведение. Политика как часть общественной жизни сегодня подвержена влиянию технологического прогресса как никогда ранее. Цифровые технологии уже произвели настоящую революцию в коммуникативном пространстве. Глубинная трансформация публичного общения (в том числе посредством традиционных СМИ) меняет акценты в роли сетевого взаимодействия; оно становится мощным фактором формирования политической идентичности, элитарного сознания. И, соответственно, фактором, определяющим структуру взаимодействия общества и власти, публичных и не публичных организаций, институтов и сообществ. Глобальное коммуникативное пространство сегодня благодаря научно-технологическому прогрессу обрело транснациональные и трансграничные черты.

Исходной теоретической базой исследования является развиваемая на уровне современного социально-гуманитарного знания концепция информационного обмена сетевого типа (виртуальная коммуникация, широкий фронт гибких общественных структур публичного типа и т. д.). Политическая теория, несомненно, является частью этого общего тренда развития обществоведческого знания в современном мире. В том числе в нашей стране. Игнорирование таких факторов как технологический прогресс в изучении политической идентичности, сущности элитогенеза, политической легитимации и др. может привести к существенному снижению не только эвристического потенциала разрабатываемых концепций и предлагаемых гипотез, но и практическому обесцениванию изучения политических процессов. Таким образом, исследование изменения процесса идентификации политических элит в условиях развития информационного общества должно опираться на накопленный массив знания в области изучения урбанизации, цифровой реальности и сетевой коммуникации, постмодернистского изменения ценностного измерения политики, без которого трудно представить стратегическое проектирование на уровне государства и ключевых институтов.

Теоретическое обоснование. Постиндустриальный этап эволюции общества привел к установлению господства информационных технологий и экономики, опирающейся на конвертацию знания. Все основные формы и структуры современного общества носят технологически обусловленный характер. Разумеется, информационное общество – это общество прежде всего с принципиально новым типом коммуникации и организации публичного политического пространства. Изменение самого производства, рост доли «экономики услуг», «экономики знаний» (причем, знаний далеко не только научных; речь вообще идет о повышении «стоимости» любого вида знания, если оно может приносить практическую пользу), приводит к самым существенным подвижкам в структуре политической реальности, влияет на изменение элитарного слоя общества, его морфологии и общей функциональности.

Сегодня в нашей стране получает юридическое закрепление идентификация пользователя электронных госуслуг, что, фактически, может смело рассматриваться как вид *сетевой идентичности* субъекта, которая конструируется по прямой инициативе властных структур и поэтому выступает свидетельством позитивных трендов в трансформации элитарного сознания. Исходя из обозначившейся в отечественной политологии двойственной традиции толкования сетевой идентичности, специально оговорим, что рассматриваем данный политологический концепт как выражение процесса селекции и аккумуляции приемлемого для личности в рамках цифровой среды (коммуникативной

среды). Так, в частности, Л. А. Фадеева рассматривает сетевую идентичность как: 1) идентичность в интернет-пространстве и как 2) соотношение пользователя с тем или иным коммуникативным сообществом или сетевой моделью поведения [1, с. 67–69].

На наш взгляд, более приемлемым для решения задач исследования особенностей политической идентификации в современном цифровом универсуме является определение новейшего типа коммуникативной реальности Е. В. Летова: «Сетевая идентичность как результат сложного когнитивно-эмоционального процесса позволяет личности отождествлять себя с “людьми сети”, имеющими достаточно высокий уровень владения компьютерной техникой и технологиями, стилизованными и языковыми особенностями коммуникации» [2, с. 63]. В таком определении важна следующая деталь: для гражданина участие в сети есть способ определения себя в *отношении* не просто к определенной общности, но к самому способу формирования такой общности. То есть, другими словами, так понятая сетевая идентичность есть некий фильтр, селекционирующий элитные слои социума, связанного с использованием цифровых структур. Именно по этой причине элитологический дискурс цифрового общества, виртуалистики, интеракционизма сетевого типа неотделимы от дискурса политологического. Такой вид идентичности граждан – важный элемент политической легитимации. «Граждане-аватары» в качестве активных участников создаваемых государством сетей (а экосистемы есть вариация таких сетей), и создают одну из ключевых опор власти в современном обществе. Такая подвижность делает *социальную адресацию* власти более осязаемой, более близкой простому человеку. Соответственно, со стороны пользователей (рядовых граждан) формируется качественно новое восприятие власти и государства, опирающееся на ценности *диалога*, возможность быть услышанным.

Огромную роль играет становление урбанизированного образа жизни в качестве доминирующей формы социально-культурного развития и консолидации точек роста, самой психологии и энергии обновления. Именно крупные города в наши дни выступают средоточием политической жизни, центром производства, обмена товарами, услугами, перемещения капиталов. Современная Россия – яркое тому подтверждение, если охарактеризовать актуальную роль Москвы и Санкт-Петербурга, столиц Федеральных округов в жизни страны в целом и регионов в отдельности.

Современный город – это локация, внутри которой идентичность политической элиты обретает самые высшие формы своего политического воплощения и значения, но точно также современный город способен уничтожить элитное сознание, низложив его до уровня группового пароля. Особенность современного политического процесса в том, что его локализация и концентрация не являются основанием его самосовершенствования, селекции и мобилизации. Между концентрацией и мобилизацией политической коммуникации нет знака равенства, нет прямо пропорционального отношения. – Одна из характерных особенностей современного этапа эволюции общества, в отличие от эпохи промышленных и буржуазных революций.

Город нашего времени немыслим без особой цифровой эстетики и без тех каналов связи людей, которые основываются на технологических «картах» и маршрутах. В ином случае теряет смысл само такое прогрессивно растущее пространство. Прогрессивно и, добавим, агрессивно. Без увеличения скоростей его освоения/присвоения, без сокращения временных дистанций и пр. огромный город становится формой подавления личности. Актуальным и востребованным понятием для современного социально-политического знания является концепт «*умный город*».

Все новейшие принципы публичной интеракции реализуются именно в *smart*-пространстве умных городов. Статистические показатели за последние годы свидетельствуют о том, что крупнейшие российские города (Москва и Санкт-Петербург) уверенно занимают самые первые строчки в мировых рейтингах, отражающих не только уровень экономического развития, но и общее состояние урбанизированной среды в качестве жизненной почвы для миллионов горожан, в качестве показательных примеров цифровизации общества и открытости власти. Москва, например, уступает первое высшее место только Лондону. Впрочем, не следует забывать о том, что эти ранги прямо или косвенно составляются западными профильными аналитическими кругами (во всяком случае с опорой на западные методологические и методические приемы и рекомендации).

Данный рейтинг, если судить по данным аналитического отчета, представленного *ICT-Moscow*, включает целый спектр оценочных параметров: «Умное городское управление», «Умный образ жизни», «Умный транспорт», «Умный бизнес и занятость», «Устойчивое развитие»¹. Причем, особо

¹ Kept - Рейтинг умных городов стран СНГ и Закавказья. – URL: <https://ict.moscow/research/reiting-umnykh-gorodov-stran-sng-i-zakavkazia/> (дата обращения 30.11.2023).

подчёркивается, что по качеству городского управления Москва занимает первое место (лидер), а Лондон – третье. Между ними расположился Сингапур. Эти и другие многочисленные статистические данные опираются на обработку огромного потока информации, проводимые опросы, математические модели и т. п. Все это в совокупности и образует те новейшие и динамично развивающиеся условия, в которых трансформация элитарного сознания протекает совершенно в непривычных каналах, формах и структурах. Успех политической элиты прямо зависит теперь от того, в какой мере ее самоидентификация будет внутренне связана с цифровым пространством.

Политическая роль элиты в современном городском публичном пространстве качественно отличается от периода развития крупной тяжелой промышленности и господства идеологических методов легитимации. Главная причина заключается в том, что само урбанизированное пространство по своей морфологии, особенной инфраструктуре, является сетевым опытом, в котором как раз отмеченный выше политический перформанс проявляется максимально полно. Первичная ситуация простого физического, пространственного со-присутствия, со-участия граждан наделена огромным ресурсом влияния именно в городской черте. Город – это то место, в котором *хронотоп* оказывается мощным фактором политического процесса. «Город – без границ» [3] грозит отменить не только пространственно-географические дистанции, но и внутриобщественные. И этот урбанистический ландшафт самым непосредственным образом связан с прогрессом технологий, с ростом той социальной прослойки граждан, которые заняты в специфических сферах деятельности, имеющих смысл и статус исключительно внутри городского сообщества.

Это последнее обстоятельство прямо влияет на их политический выбор и на возможность выстраивания диалога власти и населения, следовательно, не может не приниматься в расчет в элитологической рефлексии государственной стратегии страны. Конечно, не следует и в данном случае забывать о том, что данные тенденции российского общества – отражение общей глобальной повестки, той, что формируется не в кадре или ленте официальных СМИ, а за кадром, определяют содержание и объективную логику общего цивилизационного развития человечества. Отношение между политическими элитами и не-элитами в случае с городским креативным классом, занятым в сетевых производственных, торговых, коммуникативных и иных структурах, не может оставаться неизменным.

Термин «хронотоп», в соответствии традицией применения в социально-политическом знании XX века, означает единство пространственных и временных параметров человеческого существования, имеющих внешнее выражение в опыте общения и деятельности [4–8]. Темпорально-топологические аспекты политических процессов особенно важны именно в нынешней ситуации бурного прогресса информационных технологий и цифровых виртуальных форм и способов коммуникации. Цифровая сетевая реальность качественно меняет локации политических событий и публичной политической деятельности. Как известно, сам термин «хронотоп» впервые стал активно использоваться в гуманитарном знании русским мыслителем М. М. Бахтиным [9, с. 234–407].

В контексте современной политической теории концепт «хронотоп» используется в связи с раскрытием сущности дистанции между элитами и массами. Таково, например, определение политического хронотопа, которое дает Е. В. Третьякова: «Политический хронотоп – не пространственно-временная локализация, а особый способ бытия времени в пространстве и пространства во времени. Специфика этого бытия в политике определяется принципиальной иерархичностью и сакральным статусом центрального места. Каждый сегмент политики формирует индивидуальные комбинации агентов, их взаимодействий, ценностей и ориентаций» [10, с. 71].

Политическое время и политическое пространство как две ключевые координаты в условиях информатизации, глобализации и информатизации качественно меняются в направлении обретения более гибких «текучих» форм [11]. В таком постсовременном контексте меняется качество элитной политической идентификации властных группировок или отдельных лидеров: модные прогрессивные элиты становятся «экстерриториальными», что вполне отражает специфику *digital*-среды, не требующей привязки к какому-то *одному месту*, а также общему духу постиндустриального высокоурбанизированного общества, рассчитанного на огромные скорости и минимальные дистанции.

Такой хронотоп цифровой сети накладывает существенный отпечаток на элитарное сознание: принципы самоидентификации элиты с определенными моделями поведения все более исходят из необходимости *наращивания дистанции* между данными ценностно-поведенческими коммуникативными моделями и собственным самосознанием, идентичностью. Эта новая «малочисленная элита жителей киберпространства, процветающих на неопределенности и неустойчивости всех земных вещей» [11, с. 167]; «могущество мировой элиты опирается на ее способность избегать местных обязательств, и глобализация предполагает именно уход от такой необходимости, разделение задач и функций таким образом, чтобы возложить на местные власти, и только на них, роль защитников закона и (местного) порядка» [11, с. 202].

Следует согласиться с выводом Баумана о том, что такие политические группы в современном мире не нуждаются в самом обществе как субъекте национальной или этнокультурной идентичности: «В новых условиях едва ли можно что-то получить от тесных связей нации с государством» [11, с. 198]. Классический хронотоп политической идентификации в традиционном обществе (напр., сословно-монархическом) был жестко привязан к определенным местам. Постмодерн же и тотальный захват «цифрой» всего антропологического ландшафта привели к делокализации и политики и самого политического мышления и элитарного сознания [12].

Выводы. У науки и технологий нет государственных границ (иногда их пытаются установить искусственно и потому безуспешно). Основания идентичности политических элит находятся нередко в зоне деструктивного влияния со стороны глобального информационного общества и его локальных фронтов. Для его минимизации требуется: 1) кардинальный пересмотр отношения элит к собственной ресурсной базе, к своей идентификации по основанию этой базы и по основанию своего самосознания себя в качестве элиты (принадлежность моделям поведения); 2) активное использование неявных ресурсов цифровой коммуникативной среды и сетевого взаимодействия с целью прежде всего совершенствования, креативного преобразования механизмов селекции и мобилизации элитных групп.

Сам прогресс информационного общества столь стремителен, что привычное для XX века политическое проектирование и прогнозирование в современных условиях явно отстает от скоростей развития самой объективной реальности экономического производства и технологического трека. По отношению к текущему моменту, ситуационно, можно уверенно говорить лишь о доминировании одной глобальной тенденции политической практики, которая не только сохранится в ближайшем будущем, но и в более длительной среднесрочной перспективе. А именно: тенденция утраты нормативной базой общества своей конституирующей роли, то есть, другими словами, вырисовывается перспектива сохранения только одной нормы (общего правила) – отказа от всяких норм в пользу вероятностных закономерностей. Принцип сетевой организации социально-политического пространства и основан на взаимном самоподдержании участников сети. В современном российском обществе сетевое взаимодействие само по себе выступает фактором, снижающим уровень общественной безопасности. Прозрачность цифровой среды в нашей стране должна быть не только выражением уровня доступности информации, но и степени идентификации участников, пользователей. Речь идет не только о киберпреступности, но и о создании в сетевом пространстве сообществ, деятельность которых направлена на подрыв устоев государственного и общественного порядка.

Список источников

1. Фадеева Л. А. Сетевая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / Ред. И.С. Семененко, В.В. Лапкин, Л.А. Фадеева. М.: РОССПЭН. 2011. Т. 1. С. 67–69.
2. Летов Е. В. Сетевая идентичность в культуре современного информационного общества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. 2013. № 4 (54). С. 62–65.
3. Глазычев В. Л. Город без границ. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. 400 с.
4. Сунгуров А. Ю. Время и политика: введение в хронополитику. СПб.: Алетейя, 2016. 183 с.
5. Чихарев И. А. Хронополитические исследования: опыт синтеза // Полис. 2003. № 6. С. 50–61.
6. Чихарев И. А. Хронополитика: развитие исследовательской программы // Полис. 2005. № 3. С. 21–33.
7. Чихарев И. А. Проблематика политического пространства и времени в современной политологии и международных исследованиях // Политическая наука. 2009. № 1. С. 7–31.

8. Русакова О. Ф., Фатихов С. П. Концептуальные модели хронотопа в гуманитарных и политических исследованиях // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». № 30 (247). 2011. С. 122–127.
9. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Сб. М.: Худ. лит., 1975. С. 234–407.
10. Третьякова Т. Е. Пространство и время политического хронотопа // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Томск, 2010. Вып. 8. С. 65–73.
11. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ., под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
12. Григорян Д. К., Яцкина И. А. IT-преступность как обратная сторона цифровизации общества // Научное обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Материалы Всероссийской научно-практической практической конференции к юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Александра Алексеевича Протасевича. Иркутск, 2023. С. 30–35.

References

1. Fadeeva L. A. Network Identity. *Political Identity and Identity Politics*. 2011;(1):67–69. (In Russ.)
2. Letov E. V. Network identity in the culture of modern information society. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Art*. 2013;(4-54):62–65. (In Russ.)
3. Glazychev V. L. *City without borders*. Moscow: 2011. 400 p. (In Russ.)
4. Sungurov A. Yu. *Time and Politics: Introduction to Chronopolitics*. Saint-Petersburg; 2016. 183 p. (In Russ.)
5. Chikharev I. A. Chronopolitical research: the experience of synthesis. *Polis*. 2003;(6):50–61. (In Russ.)
6. Chikharev I. A. Chronopolitics: development of the research program. *Polis*. 2005;(3):21–33. (In Russ.)
7. Chikharev I. A. Problematics of political space and time in modern political science and international studies. *Political Science*. 2009;(1):7–31. (In Russ.)
8. Rusakova O. F., Fatikhov S. P. Conceptual models of chronotope in humanitarian and political studies. *Bulletin of SUSU, Series "Social and Humanities"*. 2011;30(247):122–127. (In Russ.)
9. Bakhtin M. M. Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics. In: *Issues of Literature and Aesthetics*. 1975: 234–407. (In Russ.)
10. Tretyakova T.E. Space and time of political chronotope. *Totalitarianism and totalitarian consciousness*. 2010;(8):65–73. (In Russ.)
11. Bauman Z. *Current Modernity*. Saint-Petersburg; 2008. 240 p. (In Russ.)
12. Grigoryan D. K., Yatskina I. A. IT-crime as the reverse side of digitalization of society. In: *Scientific support of detection, investigation and prevention of crime. Materials of the All-Russian scientific-practical practical conference to the anniversary of Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation Alexander A. Protasevich*. Irkutsk; 2023:30–35. (In Russ.)

Информация об авторах

Д. К. Григорян – кандидат политических наук, профессор кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС; доцент кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

А. А. Ханджян – аспирант кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

D. K. Grigoryan – Cand. Sci. (Polit.), Professor at the Department of Political Science and Ethnopolitics of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA; Associate Professor at the Department of Criminalistics and Investigative Activities of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

A. A. Khandjyan – Postgraduate student, Department of Political Science and Ethnopolitics of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 10.02.2024; одобрена после рецензирования 28.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

The article was submitted 10.02.2024; approved after reviewing 28.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.

Научная статья

УДК 32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-181-186>

EDN AGSRJC

Российская модернизация в контексте социокультурного дискурса

Олег Юрьевич Керимов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Решение задач модернизации России включает в себя не только трансформацию базовых экономических, социальных, политических институтов, но и глубинные изменения социокультурной сферы общества, формирование адекватного современности ценностно-нормативного комплекса. Этот срез модернизационной тематики является предметом социокультурного дискурса, анализу методологической специфики которого посвящена настоящая статья. Автор фокусирует внимание на различиях версий социокультурной модернизации России в сравнении с концепцией «множественного модерна», показывая ее методологический потенциал в решении проблем модернизации незападных обществ.

Ключевые слова: модернизация, социокультурный подход, социокультурная модернизация, вестернизация, универсализм, цивилизация, архетипический символизм, западноцентрическая конвергенция

Для цитирования: Керимов О. Ю. Российская модернизация в контексте социокультурного дискурса // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 181–186. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-181-186>. EDN AGSRJC

Politology and Ethnopolitics

Original article

Russian modernization in the context of socio-cultural discourse

Oleg Yu. Kerimov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. Solving the problems of modernization of Russia includes not only the transformation of basic economic, social, and political institutions, but also profound changes in the socio-cultural sphere of society, the formation of a value-normative complex adequate to modernity. This section of the modernization theme is the subject of socio-cultural discourse, the analysis of the methodological specifics of which is devoted to this article. The author focuses on the differences between the versions of socio-cultural modernization of Russia in comparison with the concept of "multiple modernity", showing its methodological potential in solving the problems of modernization of non-Western societies.

Keywords: modernization, socio-cultural approach, socio-cultural modernization, Westernization, universalism, civilization, archetypal symbolism, West-centric convergence

For citation: Kerimov O. Yu. Russian modernization in the context of socio-cultural discourse. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):181–186. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-181-186>. EDN AGSRJC

Введение. Последние десятилетия общественного и политического развития России прошли под знаком трансформации общества и системы политических институтов, направленной прежде всего на цели модернизации. При этом социально-политическая модернизация не только российского, но и других постсоветских обществ мыслилась либеральными идеологами преобразований как максимально возможное приближение институциональных конфигураций, социальных

и политических практик, ценностных ориентаций, гражданской и политической культуры к моделям, сформировавшимся в западном цивилизационном пространстве на протяжении длительного исторического периода. Желаемым результатом либерального модернизационного проекта должна была стать политическая, социально-экономическая и культурная интеграция России в западный мир и систему международного разделения труда в качестве одной из западноориентированных стран глобальной периферии.

Ассоциированный с этими идеями ценностно-нормативный комплекс рассматривался как способный полностью заменить собой всё многообразие локальных культур и цивилизаций, наложившись на сформированные ими культурные идентичности. Культура в целом рассматривалась как значимая, но вторичная сфера, которая на протяжении некоторых сроков радикально изменится под влиянием осуществившихся социально-экономических и структурно-институциональных изменений.

Однако процессы модернизации не исчерпываются экономико-технологическими ее компонентами, поскольку другие стороны жизни общества, даже если рассматривать их как производные от состояния экономического базиса, хотя это и было бы редукционизмом, неотделимы от состояния экономики и, со своей стороны, могут тормозить ее развитие или способствовать ему, создавая оптимальную для него среду. Более того, эффективность модернизации экономики и политической сферы может испытывать критически значимое влияние системы социетальных ценностей, культурной среды и ментальности, которые обладают значительно большей инертностью в сравнении с социальными институтами. Поэтому многие исследователи фиксируют свое внимание именно на социокультурных компонентах модернизации, утверждая необходимость социокультурного исследования модернизационных процессов.

Среди таких исследователей необходимо назвать Н. И. Лапина, Н. Е. Тихонову, Л. А. Беляеву, И. П. Скворцова и др., сформировавших особое направление в изучении модернизации – социокультурный дискурс.

Социокультурный дискурс о модернизации: основные проблемы. Центральной темой социокультурного дискурса в связи с модернизацией является влияние долговременных социокультурных факторов на развитие или торможение модернизационных процессов. Так, согласно И. П. Скворцову, социокультурные факторы имеют принципиальное значение, поскольку именно они определяют выбор осуществляющей модернизацию элитой механизмов и технологий реализации социальной и культурной политики [1, с. 22].

В то же время в центре социокультурного дискурса о модернизации российского общества – вопрос, сформулированный со всей четкостью Н.И. Лапиным: «Что тормозит модернизацию России и что надо сделать, чтобы в условиях жесткой конкуренции сохранить и повысить модернизационный статус России и ее конкурентоспособность в мире?» [2]. Отвечая на этот вопрос, Лапин подчеркивает, что главная причина торможения и незавершенности модернизационных процессов в России заключается в том, что не завершена социетальная трансформация, под которой подразумевается преобразование общества в его целостности, а не только экономических институтов. На эту незавершенность указывают также Т. И. Заславская, В. Ф. Ядов и другие исследователи. По мнению Н. И. Лапина, поскольку процесс российской модернизации был инициирован, но не обрел завершения, в результате незавершенных преобразований возникло «промежуточное транзитное состояние российского общества – симбиоз структур раннего капитализма с современной глобализацией: олигархо-бюрократический капитализм с компрадорской доминантой, которая подчиняет создаваемый в России капитал интересам транснационального бизнеса» [2].

Социокультурная сфера значима для реализации модернизационных программ также и потому, что в ней происходит формирование и межпоколенческая трансляция социальных ценностей и норм, лежащих в основании индивидуальных и коллективных поведенческих мотиваций. Так, переход к рыночной экономике в России был связан с ломкой привычных коллективистских ценностей и нормативно-ценностного комплекса, сложившегося под воздействием коммунистической идеологии, а также с вторжением и утверждением ценностей индивидуализма и достижительности, сформировавшихся в западном социокультурном пространстве. Этот процесс был и остается длительным, сложным и болезненным, приводя общество к конфликту ценностей и ставя его на грань социокультурного раскола.

Для России эти процессы особенно сложны из-за поликультурного, полиэтнического и поликонфессионального характера российского общества, из которого следует неравномерность социокультурного развития регионов, сильного влияния локальной культурной и религиозной специфики.

Еще одна причина значимости социокультурных факторов модернизации заключается в том, что именно социокультурная сфера ответственна за качество человеческого потенциала общества, наличие условий для формирования креативных качеств, мотиваций к социальной и экономической активности. Многообразие, неравномерность социально-экономического и социокультурного развития регионов России добавляет сложности в осуществление и завершение модернизационных преобразований. При этом без социокультурной модернизации этот процесс так и останется незавершенным. Как пишет Н. И. Лапин, «материалы социокультурных портретов регионов, опирающиеся на социологические опросы населения, свидетельствуют о низкой человеческой эффективности процессов модернизации регионов, хотя статистически фиксируется инерционный рост ее социоэкономических индексов. Налицо социокультурно не сбалансированная квазимодернизация» [2].

В конечном счете успех или неуспех модернизации зависит от людей, а люди – продукт воспитавшей их социокультурной среды. Как пишут А. А. Шабунова и М. А. Ласточкина, модернизация в российском обществе прежде всего должна стать процессом «улучшения человеческого потенциала и повышения социокультурной компоненты развития общества» [3].

Однако именно проблематика социокультурной модернизации является предметом практически непреодолимых разногласий, благодаря которым социокультурный дискурс о модернизации полон противоречий и полемики. Значительная часть авторов, пишущих о социокультурной модернизации современной России, изначально стояли на либеральных позициях, полагая, что в процессе ее осуществления российское общество и его социокультурное пространство будет максимально приближено к западному социокультурному миру по многим параметрам, включая развитость гражданского активизма, толерантность, гласность, отказ от культурных установок и стереотипов, сформированных традиционным обществом.

Процессы, происходящие при этом с культурной идентичностью россиян и объединяющими их ценностями, могут быть неоднозначными» [4]. По мнению Н.Е. Тихоновой, социокультурная динамика современного российского общества наиболее исчерпывающим образом объясняется с позиций теории модернизации. При этом исследовательница подчеркивает: «Модернизацию я понимаю в ее неомодернизационной трактовке – как протекающий в разнообразных формах с учетом особенностей национальных культур и исторического опыта народов процесс, благодаря которому традиционные общества достигают состояния модерна посредством экономической, политической, социальной, культурной, демографической и социокультурной модернизации. Под последней я подразумеваю формирование новых нормативно-ценностных систем и смыслов, поведенческих паттернов, а также рационального типа мышления и внутреннего локус-контроля, что и создает базу для формирования и успешного функционирования новых социальных институтов» [4].

В. Р. Браславский, критически анализируя подход Н. Е. Тихоновой, относит его к категории попыток совмещения «линейно-модернизационной» парадигмы с «локально-цивилизационной» на основе разработки «теории «социокультурной», или «многокультурной», модернизации, призванной учесть вариативность путей и способов модернизации» [5]. Такой подход, по его мнению, направлен на соединение необходимых с точки зрения классических и современных теорий модернизации структурно-институциональных преобразований и усложнения социальной системы с поддержанием культурно-цивилизационной преемственности.

Незавершенность социокультурной модернизации, по мнению Тихоновой и других представителей социокультурного дискурса, является определяющим барьером для успешного развития России. Эта незавершенность определяется исторически сложившейся в России спецификой культурно-нормативной системы, отражающей сращенность власти и собственности при определяющей роли власти [4].

Выступая как препятствие для завершения во всей полноте модернизационных процессов, эта фундаментальная особенность оценивается исследователями с двух различных позиций. Одна из них, разделяемая Тихоновой и ее единомышленниками, заключается в том, что модернизация – и социально-экономическая, и социокультурная – в России необходима и возможна, лишь остается

незавершенной в силу социокультурных особенностей, которые принципиально преодолимы, хотя и создают барьер на пути преобразований. Главная из таких особенностей – ценностно-нормативный комплекс, сохраняющий и транслирующий ценности традиционного типа, вступающие в противоречие с современными ценностями индивидуализма и достижительности.

Необходимо подчеркнуть, что ценностно-нормативным комплексом не исчерпывается своеобразие социума и культуры. Корни своеобразия скрываются глубже, в цивилизационной специфике, которая определяется сакральными символическими структурами культурно-цивилизационного ядра. Об этом пишет известный исследователь модернизационных процессов Ш. Эйзенштадт.

Согласно Эйзенштадту, развитие цивилизации прежде всего возможно там, где имеется потенциал обогащения и обновления с сохранением прежней культурной идентичности и символизма культуры. В концепции Эйзенштадта именно архетипика культуры является основанием развития и освоения новых форм жизнедеятельности, формирования новых, адекватных современности коллективных представлений. Реальный потенциал развития кроется именно в культуре, а не в технологиях и экономике, поскольку поведенческие мотивации основываются на смысловых ценностях, определяющих духовный мир членов сообщества.

Альтернативная социокультурному подходу позиция, представленная наиболее ярко О.И. Шкаратаном, состоит в том, что Россия из-за своих цивилизационных особенностей, сближающих ее с азиатскими обществами, имеет собственный путь социального бытования, на котором происходящие изменения цикличны и социокультурная модернизация на основе ценностно-нормативных конструкций, восходящих к западной культуре, здесь в принципе невозможна [6]. Ценностно-нормативной основой социетальной системы этакратических обществ является коллективистский ценностно-нормативный комплекс, не ориентирующий на приоритетную ценность прав и интересов индивидов. Интересы макрообщности, репрезентированные государством, и само государство как инструмент воплощения в реальность коллективных интересов посредством подавления индивидуальных, доминируют в нормативно-ценностной системе, и это препятствует формированию ценностных ориентаций, характерных для развитого общества современного типа (для такого общества нормой является ситуация, когда государство как инструмент служит поддержке прав и интересов входящих в это общество индивидов).

Традиционалистский нормативно-ценностный комплекс, согласно представителям этакратической версии, определяется цивилизационной спецификой России. И если Н. Е. Тихонова считает, что он является преодолемым в эволюционные сроки, то по мнению О. И. Шкаратана и его единомышленников, он органично вписан в культурно-цивилизационный код России. Как отдельная цивилизация, не принадлежащая цивилизационному пространству Европы, полагает он, Россия не может ориентироваться в своих социокультурных изменениях на западные общества, для которых модернизация – естественное продолжение эндогенного цивилизационного развития. Согласно Шкаратану, «этакратизм – самостоятельная ступень и параллельная ветвь исторического развития современного общества со своими собственными законами функционирования и развития. С утверждением этакратизма историческое развитие как бы закладывает виток гигантской спирали, на котором вновь формируются общества властного типа» [7, с. 51]. Таким образом, если для Тихоновой социокультурные отличия России глубоко укоренены, но всё же переходящи, а ценности и образцы европейской модерности неотделимы от всякого модернизирующего развития, то для Шкаратана корни незавершенности российской модернизации лежат глубже, они – в принципиально ином паттерне исторического развития, цивилизационно обусловленном. Указывая на цивилизационный неизоморфизм России и западного мира, исследователи не только в специфике институциональной среды, но и в социокультурной сфере находят те глубокие различия, через которые проявляются цивилизационные отличия.

Судьба российской модернизации в этом смысле – частный случай проблемы глобального масштаба. Социокультурный дискурс о модернизации в целом направлен на выяснение вопроса, существуют ли преграды для успешного завершения модернизационных процессов в незападных обществах с иной социокультурной базой. Классические теории модернизации опирались на представление о социокультурном и цивилизационном изоморфизме и предполагали, что одни и те же институциональные и технологические изменения в различных социокультурных мирах вызовут одинаковые результаты.

Критическое переосмысление теорий модернизации первых поколений привело к отказу от вестернизирующего универсализма и признанию того факта, что не только типов модернизирующих изменений, но и самих модернов может быть множество.

Так, теория множественных модернов, предложенная Ш. Эйзенштадтом, утверждает, что модернизация по типу вестернизирующей не является универсально пригодным проектом преобразования незападных обществ. Причиной тому являются именно социокультурные и структурно-символические различия между локальными культурными традициями. Исходя из плюрализма культурно-цивилизационных форм в их онтологических истоках – базовом архетипическом символизме, Эйзенштадт полагает, что имеет место определенная автономность и специфичность процессов развития культурно-символических структур, определяющих характер цивилизации.

При этом именно социокультурная динамика цивилизации, согласно Эйзенштадту, является определяющим эндогенным фактором цивилизационного развития, в том числе и перехода к современной социальной организации от традиционной. Эйзенштадт полагает, что достижение современного состояния определяется в первую очередь «принципиально новым уровнем социокультурной динамики и интенсификацией развития» [8], связанным с более эффективным, чем ранее, сочетанием институциональных конфигураций и ценностных структур. Такие сочетания возможны потому, что, согласно парадигме символического структурализма структура институтов выстраивается в соответствии с архетипическими паттернами, имеющими духовную и символическую природу.

Концепция Эйзенштадта позволила высветить то, что оставалось непроясненным в более ранних теориях модернизации. А. В. Иванов в этой связи отмечает: «Сравнительные исследования цивилизаций Эйзенштадта продемонстрировали глубинную роль онтологических контекстов и конфликтную природу модерна, направив дальнейшее развитие исторической социологии, социологии религии и постколониальных исследований в социокультурное русло» [8]. Фактически именно Эйзенштадт стал основоположником уже не столько социокультурного, сколько цивилизационного дискурса, возникшего вокруг понятий модернизации и модерна: его смысловым стержнем стало новое представление о возможности понимать модерн вне однозначности и структурно-функционального подхода, присущих классическим теориям модернизации. Как отмечает В. Г. Федотова, качественное отличие теории Эйзенштадта в том, что она вносит в социокультурный дискурс о модерне и модернизации новую для него цивилизационную парадигму, которая вошла в теорию модернизации как ее существенный компонент [9].

Выводы. Стержнем социокультурного дискурса о модернизации является дискуссия между представителями различных подходов к пониманию модернизационного процесса. Один из них акцентирует макроисторическую тенденцию к расширению и интенсификации межкультурного и межцивилизационного взаимодействия в глобальном масштабе и порождаемой им западноцентричной конвергенции цивилизаций на основе заимствования незападными культурами ценностно-нормативного комплекса и институциональных конфигураций западного типа модерна. Этот подход представлен как классическими теориями модернизации, так и теориями более позднего поколения.

Второй подход подчеркивает и акцентирует устойчивость и нередуцируемость исторически сложившейся социокультурной специфики, обуславливающей хроническую незавершенность российской модернизации.

Нам представляется, что теория множественного модерна более реалистична в понимании возможностей, границ и перспектив модернизации незападных обществ. В целом теория множественного модерна дает концептуальные основания рассматривать социокультурную модернизацию незападных обществ, цивилизационно отличающихся от западного мира, как путь развития, отвечающий их социокультурной специфике, но при этом генерирующий и развивающий смыслы и ценности модерна.

Список источников

1. Скворцов И. П. О социокультурных аспектах модернизации современной России // Теория и практика общественного развития. 2011. № 4. С. 20–24.
2. Лапин Н. И. О стратегии интегрированной модернизации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 1 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-strategii-integrirovannoy-modernizatsii> (дата обращения: 19.02.2023).

3. Шабунова А. А., Ласточкина М. А. Преодоление социального неравенства как импульс к социокультурной модернизации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 3 (33). С. 69–83.
4. Тихонова Н. Е. Динамика социокультурной модернизации в России // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 1. С. 24–34.
5. Браславский Р. Г. Цивилизационная перспектива в социологическом анализе современных обществ // URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2012_6/Braslavsky_2012_6.pdf
6. Шкаратан О. И. Этакратизм и российская социетальная система // Общественные науки и современность. 2004. № 9. URL: <https://publications.hse.ru/articles/71639210>
7. Шкаратан О. И. Информационная экономика и пути развития России // Мир России. 2002. Т. 11. № 3. С. 44–61.
8. Иванов А. В. «Множественные современности»: диалектика единства и разнообразия в эпоху глобализации // Фундаментальные исследования. 2014. № 6. Часть 3. Философские науки. С. 654–659. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34220>
9. Федотова В. Г. Социокультурные образы модернизации конца XX - начала XXI века: россия и мир // Знание. Понимание. Умение. 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-obrazy-modernizatsii-kontsa-hh-nachala-xxi-veka-rossiya-i-mir>

Reference

1. Skvortsov I. P. On the socio-cultural aspects of modernizing modern Russia. *Theory and practice of social development*. 2011;(4):20–24. (In Russ.)
2. Lapin N. I. On the strategy of integrated modernization. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2014;1(31). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-strategii-integrirovannoy-modernizatsii> [Accessed 19 February 2023]. (In Russ.)
3. Shabunova A. A., Lastochkina M. A. Overcoming social inequality as an impulse to socio-cultural modernization. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2014;3(33);69–83. (In Russ.)
4. Tikhonova N. E. Dynamics of socio-cultural modernization in Russia. *Sociological science and social practice*. 2013;(1):24–34. (In Russ.)
5. Braslavsky R. G. (2012) *Civilizational perspective in the sociological analysis of modern societies*. Available from: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2012_6/Braslavsky_2012_6.pdf. (In Russ.)
6. Shkaratan O. I. Etakratism and the Russian societal system. *Social sciences and modernity*. 2004;(9). Available from: <https://publications.hse.ru/articles/71639210>. (In Russ.)
7. Shkaratan O. I. Information economy and ways of development of Russia. *The world of Russia*. 2002;11(3):44–61. (In Russ.)
8. Ivanov A. V. "Multiple modernities": dialectics of unity and diversity in the era of globalization. *Fundamental Research*. 2014;(6). Part 3. Philosophical Sciences. Pp. 654–659. Available from: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34220>. (In Russ.)
9. Fedotova V. G. Socio-cultural images of modernization of the late XX – early XXI century: Russia and the world. *Knowledge. Understanding. Ability*. 2018;(2). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-obrazy-modernizatsii-kontsa-hh-nachala-xxi-veka-rossiya-i-mir>. (In Russ.)

Информация об авторе

О. Ю. Керимов – соискатель ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

O. Yu. Kerimov – Candidate for an Academic Degree, South-Russia Institute of Management – branch of RANEP.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.01.2024; одобрена после рецензирования 15.02.2024; принята к публикации 16.02.2024.

The article was submitted 25.01.2024; approved after reviewing 15.02.2024; accepted for publication 16.02.2024.

Научная статья

УДК 32.019.57

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-187-193>

EDN ZATOBM

Формирование теоретических подходов к анализу экстремизма и терроризма в киберпространстве

Евгения Николаевна Кондратенко¹, Давид Кромвелович Григорян²,
Никита Сергеевич Делов³

^{1, 2, 3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

^{2, 3}Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

¹zen2710@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0286-5131>

²davo-davo23@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9411-8418>

³delo50@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3871-6299>

Аннотация. В статье раскрываются основы экстремизма и терроризма в киберпространстве. Учитывая развитие сети Интернет, среди экстремистских групп и террористических организаций растет интерес к использованию киберпространства, в результате кибертерроризм и киберэкстремизм стали потенциальной угрозой во всем мире. Выявлено, что информация, необходимая людям для обучения, развития, создания новых идей, может использоваться террористами и экстремистами как средство совершения преступления. Несмотря на комплекс мероприятий, направленных на борьбу с данной категорией деструктивных явлений, по итогам 2023 года зафиксирован почти 30-процентный рост киберпреступлений по сравнению 2022 годом. В этой связи важно понимать, что предупреждение столь общественно опасной категории преступлений гораздо более действенная мера, чем борьба с ними.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, киберпространство, национальная безопасность, общественно-опасные явления, киберпреступления, борьба с киберэкстремизмом и кибертерроризмом

Для цитирования: Кондратенко Е. Н., Григорян Д. К., Делов Н. С. Формирование теоретических подходов к анализу экстремизма и терроризма в киберпространстве // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 187–193. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-187-193>. EDN ZATOBM

Politology and Ethnopolitics

Original article

Formation of theoretical approaches to the analysis of extremism and terrorism in cyberspace

Evgenia N. Kondratenko¹, David K. Grigoryan², Nikita S. Delov³

^{1, 2, 3}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

^{2, 3}Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

¹zen2710@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0286-5131>

²davo-davo23@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9411-8418>

³delo50@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3871-6299>

Abstract. The article reveals the basics of extremism and terrorism in cyberspace. Given the development of the Internet, there is a growing interest among extremist groups and terrorist organizations in using cyberspace, as a result, cyberterrorism and cyber extremism have become a potential threat worldwide. It has been revealed that information necessary for people to learn, develop, and create new ideas can be used by terrorists and extremists as a means of committing a crime. Despite the complex of measures

aimed at combating this category of destructive phenomena, by the end of 2023, an almost 30 percent increase in cybercrimes was recorded compared to 2022. In this regard, it is important to understand that preventing such a socially dangerous category of crimes is a much more effective measure than combating them.

Keywords: extremism, terrorism, cyberspace, national security, socially dangerous phenomena, cybercrimes, the fight against cyber extremism and cyberterrorism

For citation: Kondratenko E. N., Grigoryan D. K., Delov N. S. Formation of theoretical approaches to the analysis of extremism and terrorism in cyberspace. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):187–193. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-187-193>. EDN ZATOBM

Учитывая современную внешнеполитическую ситуацию для России, решение террористической и экстремистской проблемы кроется в организации постоянного контроля и эффективных действий по искоренению представленных деструктивных явлений, в первую очередь, при помощи такого механизма, как средства массовой коммуникации. Велика вероятность того, что в связи с последними событиями, связанными с проведением Специальной военной операции, учащаются случаи экстремистских и террористических акций со стороны враждебных России государств и курируемых ими организаций. Именно данное обстоятельство позволяет говорить об актуализации анализа вопроса основ экстремизма и терроризма в киберпространстве.

Борьба с терроризмом и экстремизмом занимает крайне важное место в истории России. Учитывая масштабы территории, этнокультурные различия и конфессиональное разнообразие народов, очень сложно реализовывать одинаково эффективную государственную политику по борьбе с данными деструктивными явлениями.

Следует отметить, что идеологии терроризма и экстремизма представляют серьезную угрозу для безопасности любого государства и мира в целом. Их распространение приводит к расцвету насилия, локальным и международным конфликтам, а также представляют угрозу жизни и здоровью людей. Исходя из этого, опасность идеологий терроризма и экстремизма заключается в том, что для достижения поставленных целей, радикально настроенные группы террористов и экстремистов не гнушаются применением общественно-опасных способов, таких как захват заложников, нападения на объекты военной и гражданской критической инфраструктуры, покушения на жизнь политических лидеров, публичные призывы к осуществлению противоправной деятельности, организация несанкционированных акций против органов государственной и муниципальной власти и многие другие формы деструктивного поведения. Это приводит к большому количеству жертв и разрушений, которые ощущаются в течение длительного времени.

Кроме того, идеологии терроризма и экстремизма могут привести к распространению ненависти и дискриминации по национальному, религиозному или политическому признакам. И, как следствие, может возникнуть разделение общества и усиление социальных конфликтов [1, с. 303]. Терроризм и экстремизм также могут оказать негативное влияние на международные отношения, поскольку они приводят к конфликтам между государствами и ухудшению дипломатических отношений. Именно поэтому возникает потребность борьбы с распространением данной идеологии и предотвращения радикальных действий, которые могут привести к насилию и разрушениям.

На сегодняшний день виды и формы террористической деятельности обрели вполне ясные очертания, структуру, а также конкретное определение. Но этимология данного слова относит данное явление на несколько веков назад, когда терроризм как систематическое явление только зарождался совместно с зарождением основ современной государственности как таковой.

По своей сути, терроризм как явление может проявляться в нескольких формах. Существует две основные формы [2, с. 145]:

- физическое уничтожение объектов военной или гражданской инфраструктуры (школы, воинские части, администрации муниципалитетов, правительственные здания, производственные объекты и т.д.);

- захват заложников (политические похищения, захват объектов гражданской или военной инфраструктуры (школы, больницы, театры, воинские части, правительственные здания, захват морских и воздушных судов и т.д.).

В Российской Федерации понятия «терроризм» и «террористическая деятельность» четко определены в статье 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». В данном законодательном акте терроризм понимается как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»¹. Террористическая деятельность в себя организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта; подстрекательство к террористическому акту; организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; пропаганду идей терроризма [3, с. 66].

Объектами террористической деятельности выступают физические лица, их группы или организации, а также материальные объекты, к которым можно отнести различные учреждения: больницы, школы, сады, заводы и станции. Субъектами террористической деятельности могут быть также физические лица, организации, религиозные и общественные объединения и государство.

Следует отметить, что терроризм имеет ряд причин, по которым происходит данное разрушительное явление, среди них [4, с. 15]:

- социально-экономическая (низкий уровень жизни населения в государстве);
- политическая (проведение ошибочной, как внутренней, так и внешней политики государства, недостаточное обеспечение национальной безопасности);
- идеологическая (проведение политики искажения нравственных ценностей населения страны).

Исходя из причин проявления терроризма и понимания, что данный феномен тесно связан со сферами жизнедеятельности общества, можно определить следующие три вида терроризма в зависимости от целей:

- политический терроризм – такой вид терроризма, который ставит перед собой задачу изменений в политической, социальной и экономической жизни внутри государства, а также подрыва межгосударственных отношений;
- националистический терроризм – его главными целями являются сепаратистские и национально-освободительные мотивы;
- религиозный терроризм. Данный вид терроризма появился в конце XX века и сейчас является самым распространенным видом. Данный вид террора характеризуется тем, что определенные группировки, исповедующие одну религию, ведут борьбу с государством, в котором основная религия является другой.

Сегодня одной из самых опасных форм проявления организованной преступности является международный терроризм, который можно охарактеризовать как террористический акт, совершаемый группой людей одного государства или же группой людей из разных государств, преследующих цели изменения конституционного строя определенного государства или же подрыва международных отношений, международного правопорядка.

Международный терроризм также имеет свои собственные причины, основными из которых выступают [5, с. 57]:

- проблема «богатых и бедных» – неравномерное распределение ресурсов и доходов как внутри государства, так и между несколькими странами, и, как следствие, образование социального неравенства;
- проблема прогрессирующего роста бедности населения промышленных и развитых стран;
- демографическая проблема – опасность перенаселения мира и деградации городов;
- проблема поддержки терроризма в явной или скрытой формах некоторыми государствами и религиозными объединениями;
- проблема конфликтности между определенными социально-культурными слоями.

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 06.03.2006 (ред. от 26.05.2021) № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 11. Ст.1146 – 13.03.2006.

Разобравшись в фундаментальных аспектах терроризма, для более рационального и объективного анализа данного феномена, необходимо более подробно изучить особенности понятия «экстремизм».

Как известно, понятия «экстремизм» и «терроризм» зачастую употребляют в тождественном определении, хотя это довольно самостоятельные явления, имеющие индивидуальные особенности и специфику. Данные категории соотносятся как целое и часть, так как одной из форм экстремизма является терроризм. Существует следующее утверждение: «Все террористы – это экстремисты, но не все экстремисты – это террористы». Резюмируя данное выражение, необходимо сказать, что оно является крайне верным, в силу того, что действительно главное отличие экстремизма от терроризма заключается в том, что носители экстремистских идей имеют определенные убеждения и доносят их до общественности разными методами, необязательно экстремальными. Что касается террористов, они видят реализацию своих планов исключительно путём насилия, убийств и разрушений.

Стоит отметить, что данное явление представляется как крайность, которая проявляется в резком отступлении от принятых норм и ценностей общества в пользу радикальных идеологий и методов действий. Это могут быть политические, религиозные, националистические и другие взгляды, призывающие к насилию, дискриминации, оскорблению, угрозам и т.д. Экстремизм может привести к эскалации конфликтной ситуации и угрожать безопасности общества.

Интернет-пространство, имея неограниченные возможности, позволило людям транслировать любую информацию, без каких-либо рамок. Данное обстоятельство стирает границы безнаказанности и люди понимают, что совершать преступления в киберпространстве возможно без каких-либо последствий для них (наказания и ответственность). Ввиду этого происходит трансформация цифровой реальности, ведь не просто так Интернет называют «всемирной паутиной» [6, с. 31]. Среди экстремистских групп и террористических организаций растет интерес к использованию киберпространства, в результате кибертерроризм стал потенциальной угрозой во всем мире.

Кибертерроризм – это особая форма терроризма, направленная на достижение определенных идеологических, социальных и политических целей путем создания путаницы и страха среди целевой аудитории [7, с. 120]. Страх перед кибертерроризмом растет с каждым днем, террористическими группами ведется поиск новой информации в своих интересах с помощью цифровых технологий, таких как социальные сети, для распространения радикальных посланий в массы. Одновременно, использование Интернета и вербовка набирает известность среди террористов, что приводит к кибертеррористическим атакам в нескольких странах одновременно.

Политическая ситуация в стране определяет уровень доверия граждан к правительству и законодательным органам. Политические позиции являются критическими факторами, формирующими восприятие и интерпретации людьми оценок угроз национальной безопасности и других эмоциональных реакций. Власть играет важную роль в защите граждан от террористических атак, кибератак и кибертерроризма. Эта роль в дальнейшем зависит от политической ситуации в стране. Если правительства политически стабильны, они хорошо организованы для разработки правил борьбы с такой террористической и экстремистской деятельностью.

Исследования также показывают, что раскрытие личности кибератакующего является важным предиктором реакции общественности. Общественность требует защиту, основанную на властных постановлениях, решительных действиях и повышенном уровне наблюдения в стране для борьбы с террористическими группами.

Ежедневно киберпространство наполняется новыми сайтами и платформами. Контент, который на них размещается может выступать и как средство информирования, и как инструмент манипулирования общественным сознанием. Информация, необходимая людям для обучения, развития, создания новых идей, может использоваться террористами и экстремистами как средство совершения преступления. В очередной раз следует заметить, что для современного общества вопросы кибербезопасности стоят очень остро и от этого зависят судьбы многих людей и государств.

Для решения каждой общественной проблемы требуется оперативное реагирование, что позволяет с меньшими потерями найти выход из ситуации [8, с. 171]. В контексте проблем, связанных с киберэкстремизмом и кибертерроризмом, все обстоит немного сложнее, т.к. информационный контент очень сложно регулировать.

Сам факт существования киберпространства демонстрирует мировому сообществу то, что современный период ориентирован на индустриализацию интернета.

Основную работу по противодействию всех видов терроризма и экстремизма в нашей стране ведет Федеральная служба безопасности РФ во взаимодействии с Министерством внутренних дел, Росгвардией, Следственным комитетом России и другими органами [9, с. 115]. Координирующую роль по противодействию преступности осуществляет Генеральная прокуратура РФ.

Посредством персональных компьютеров и мобильных телефонов киберэкстремистами проводится завуалированная и открытая Интернет-пропаганда, в социальных сетях (SMM, таргетированная реклама, «лайкеры», и т.д.), через почтовую рассылку и мобильные приложения и прочие. Данный контент отслеживается вышеперечисленными органами и предпринимаются соответствующие меры. Так, например, в 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана экстремистской и запрещена их на территории России. Генпрокуратура объяснила свое ходатайство тем, что Meta причастна к распространению призывов к совершению насильственных действий (убийств) в отношении россиян, в том числе военных, и к участию в массовых беспорядках, сопровождающихся насилием.

Согласно последнему отчету компании «РТК-Солар», во втором квартале 2023 г. было выявлено 325 тыс. инцидентов в области информационной безопасности. Это на 12 % больше, чем в первом квартале и на 38% превышало показатель аналогичного периода 2022 г. Тенденция на увеличение числа инцидентов не только сохранилась, но и усилилась. Количество подтвержденных угроз из всего объема выявленных событий составило 8850 случаев. Прирост составил 24 % по сравнению с первым кварталом 2023 г. (диаграмма 1).

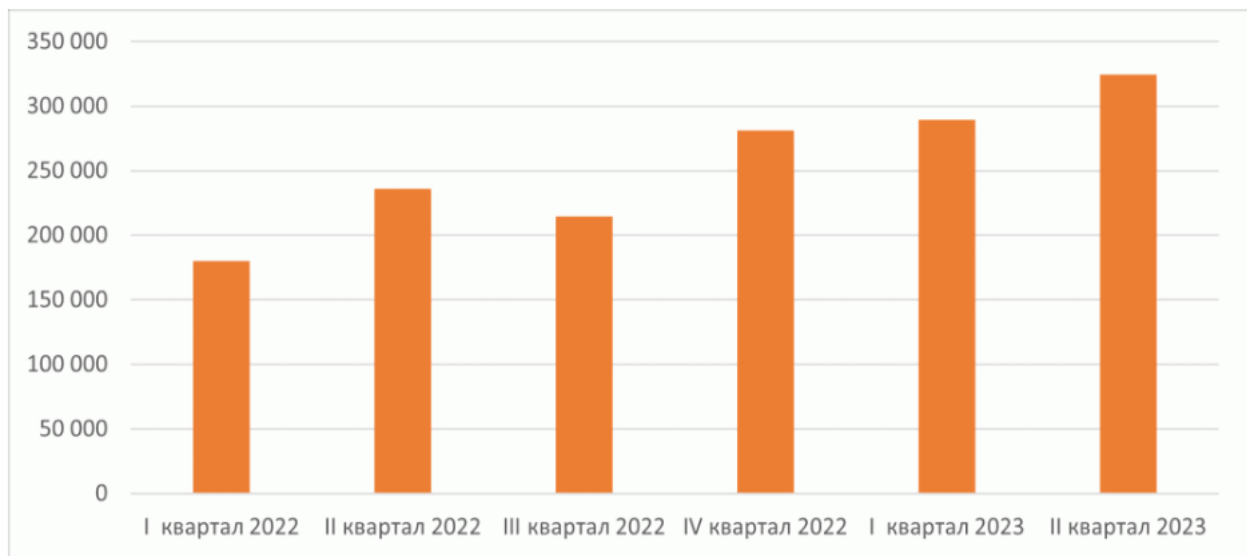

Диаграмма 1. Динамика инцидентов в области информационной безопасности за 2022–2023 гг.¹

Fig. 1. Dynamics of information security incidents in 2022–2023

Таким образом, в МВД России по итогам 2023 г. зафиксировали почти 30-процентный рост киберпреступлений по сравнению с 2022 г.² Можно резюмировать, что сегодня с использованием информационно-телекоммуникационных технологий совершается каждое третье преступление, в том числе экстремистского характера. В этой связи важно понимать, что предупреждение столь

¹ Российская газета. Количество кибератак на российские организации в 2023 году заметно выросло. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rg.ru/2023/07/27/kolichestvo-kiberatak-na-rossijskie-organizacii-v-2023-godu-zametno-vyroslo.html> (Дата обращения – 25.01.24).

² Каждое третье преступление в 2023 году совершается в сфере ИТ. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/927661> (Дата обращения – 25.01.24).

общественно опасной категории преступлений гораздо более действенная мера, чем борьба с ними, при этом следует:

- усилить пропагандистскую деятельность в путем проведения мероприятий, касающихся вопросов борьбы с киберэкстремизмом и кибертерроризмом;
- транслировать негативные образы глав экстремистских формирований и принципов их идеологии (данное направление представляется нам наиболее эффективным, поскольку население, особенно молодежь, подсознательно реагирует на формирование массового сознания, охотно и быстро переключается на новое направление развития общественной мысли) [10, с. 37];
- обучать поведению в ситуациях проявления экстремизма и терроризма.

Активная работа ведомственных органов, комплексная реализация различного рода профилактических мероприятий, а также следование вышеизложенным рекомендациям позволит значительно сократить риск формирования экстремистских настроений. Экстремистская и террористическая деятельность всегда выступала угрозой национальной безопасности стран. Но с появлением сети Интернет данные угрозы получили широкое распространение, стерлись границы между государствами, площадь охвата аудитории и направление деструктивного контента стали неограниченными. Инструменты информационного воздействия стали доступны любому пользователю сети. Необходимо осознавать, что сегодня государства должны объединиться в вопросах противостояния с кибертерроризмом и киберэкстремизмом, самостоятельно противодействовать этой силе просто невозможно. Только сплоченность стран и комплекс эффективных мер смогут решить данную проблему.

Список источников

1. Макоева Е. Р. Понятие и идеология экстремизма в современных условиях // Образование и право. 2022. №3. С. 303–305.
2. Курбанова М. М. Терроризм: понятие и формы проявления // Закон и право. 2021. № 10. С. 144–146.
3. Качалов В. В. Терроризм как наиболее опасная форма экстремизма // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 4(39). С. 66–69.
4. Магомедова Э.А. Современный терроризм: сущность, причины, формы // Право и государство: теория и практика. 2018. №8. С. 12–20.
5. Пинчук А. Ю. Международный терроризм в динамике современного миропорядка: монография. Казань. Издательство: Общество с ограниченной ответственностью «Бук», 2018. 136 с.
6. Григорян Д. К., Яцкина И. А. IT-преступность как обратная сторона цифрового общества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции к юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации А. А. Протасевича. Иркутск, 2023. С. 30–35.
7. Хачидогов Р. А. Экстремизм и терроризм в киберпространстве: проблемы выявления и предупреждения // Журнал прикладных исследований. 2023. № 8. С. 119–122.
8. Косовский В. Б., Мартынюк С. Н. Противодействие экстремизму и терроризму как одна из приоритетных задач в деятельности правоохранительных органов // Ученые записки Крымского государственного университета имени В.И. Вернадского. 2022. Т. 8 (74). № 1. С. 170–175.
9. Абдулагатов З. М. Современный экстремизм и терроризм: состояние и проблемы противодействия: монография. Махачкала: Алеф, 2019. 351 с.
10. Суслов Ю. Е. Информационно-психологическое противодействие экстремизму в киберпространстве // Юридическая психология. 2022. № 4. С. 36–38.

References

1. Makoeva E. R. The concept and ideology of extremism in modern conditions. *Education and law*. 2022;(3):303–305. (In Russ.)
2. Kurbanova M. M. Terrorism: the concept and forms of manifestation. *Law and law*. 2021;(10):144–146. (In Russ.)
3. Kachalov V. V. Terrorism as the most dangerous form of extremism. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016;4(39):66–69. (In Russ.)

4. Magomedova E. A. Modern terrorism: essence, causes, forms. *Law and the State: theory and practice*. 2018;(8):12–20. (In Russ.)
5. Pinchuk A. Y. *International terrorism in the dynamics of the modern world order*: monograph. Kazan; 2018. 136 p. (In Russ.)
6. Grigoryan D. K., Yatskina I. A. IT crime as the reverse side of a digital society. In: *Materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the anniversary of Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation A.A. Protasevich*. Irkutsk; 2023:30–35. (In Russ.)
7. Khachidogov R. A. Extremism and terrorism in cyberspace: problems of detection and prevention. *Journal of Applied Research*. 2023;(8):119–122. (In Russ.)
8. Kosovsky V. B., Martynyuk S. N. Countering extremism and terrorism as one of the priorities in the activities of law enforcement agencies. *Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean State University*. 2022;(8(74)1):170–175. (In Russ.)
9. Abdulagatov Z. M. *Modern extremism and terrorism: the state and problems of counteraction*: monograph. Makhachkala: Alef; 2019. 351 p. (In Russ.)
10. Suslov Yu. E. Information and psychological counteraction to extremism in cyberspace. *Legal psychology*. 2022;(4):36–38. (In Russ.)

Информация об авторах

Е.Н. Кондратенко – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Д. К. Григорян – кандидат политических наук, профессор кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС; доцент кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Н. С. Делов – кандидат юридических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС; старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Information about the authors

E. N. Kondratenko – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor at the Department of Political Science and Ethnopolitics of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

D. K. Grigoryan – Cand. Sci. (Polit.), Professor at the Department of Political Science and Ethnopolitics of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA; Associate Professor at the Department of Criminalistics and Investigative Activities of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

N. S. Delov – Cand. Sci. (Law), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Department of Political Science and Ethnopolitics of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA; Senior lecturer of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 01.02.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2023; принята к публикации 20.02.2024.

The article was submitted 01.02.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 20.02.2024.

Научная статья

УДК 327.8

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-194-200>

EDN FSISYM

Китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество на фоне стратегии «Поворот на Восток»

Линь Лэй

Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия, 772472532@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-9611-9230>

Аннотация. Настоящая статья посвящена китайско-российскому торгово-экономическому сотрудничеству в рамках стратегии «Поворот на Восток». Рассматриваются тенденции в объеме торговли между Китаем и Россией, объем импорта и экспорта между Китаем и Россией, а также описывается китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество в области инвестиций, крупных проектов, сельского хозяйства и других областях. Выявлено, что в настоящее время китайско-российские отношения находятся на самом высоком уровне за всю историю их развития, а торгово-экономическое сотрудничество между Китаем и Россией имеет широкие перспективы.

Ключевые слова: Россия, Китай, торгово-экономическое сотрудничество, поворот России на Восток, развитие, будущие перспективы

Для цитирования: Линь Лэй. Китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество на фоне стратегии «Поворот на Восток» // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 194–200. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-194-200>. EDN FSISYM

Politology and Ethnopolitics

Original article

Sino-Russian trade and economic cooperation against the backdrop of the "Eastern Pivot" strategy

Lin Lei

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, 772472532@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-9611-9230>

Abstract. This article is devoted to the Sino-Russian trade and economic cooperation within the framework of the "Turn to the East" strategy. The trends in the volume of trade between China and Russia, the volume of imports and exports between China and Russia are considered, and the Sino-Russian trade and economic cooperation in the field of investments, large-scale projects, agriculture and other areas is described. It has been revealed that currently Sino-Russian relations are at the highest level in the entire history of their development, and trade and economic cooperation between China and Russia has broad prospects.

Keywords: Russia, China, trade and economic co-operation, the "Eastern Pivot" strategy, development, future prospects

For citation: Lin Lei. Sino-Russian trade and economic cooperation against the backdrop of the "Eastern Pivot" strategy. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(1):194–200. (In Russ.).* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-194-200>. EDN FSISYM

После начала российско-украинского конфликта Европейский союз и США ввели против России несколько раундов жестких экономических санкций, охватывающих широкий спектр областей, таких как энергетика, сельскохозяйственная продукция, экономика и военная сфера. Это оказало негативное влияние на экономику и национальную безопасность России. В результате отношения между Россией, США и Европейским союзом продолжают ухудшаться. Политическая изоляция и экономические санкции, введенные против России Западом, заставили ее сместить центр тяжести национального развития на Восток [1, с. 33]. В ответ на экономические санкции Москва скорректировала свою экономическую и дипломатическую стратегию, реализовав стратегии «Поворот на Восток» в отношении Азиатско-Тихоокеанского региона, особенно Восточной Азии, и активно укрепляя торгово-экономические отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Китай, Японию и Южную Корею, чтобы снизить чрезмерную зависимость России от европейского рынка. Следует отметить, что реализация стратегии «Поворот на Восток» не означает полного разрыва отношений России с Западом, особенно экономических связей с Евросоюзом, а постепенно перенесет фокус национального экономического сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Одна из главных целей поворота России на Восток – повышение статуса и престижа на международной арене [2, с. 89]. В условиях активного экономического развития Азиатско-Тихоокеанского региона России необходимо интегрироваться в процесс Азиатско-Тихоокеанской экономической интеграции, чтобы способствовать своему экономическому развитию и модернизации. Россия стремится к объединению АТР, укреплению общих интересов, формированию направлений сотрудничества и расширению рынков сбыта, использованию своих ресурсов и геоэкономических преимуществ для поиска геополитического влияния в регионе и выхода из изоляции России со стороны США и Запада.

В настоящее время КНР является самой быстрорастущей экономикой Азиатско-Тихоокеанского региона, а его совокупный ВВП находится на втором месте в мире. Согласно прогнозам Министерства торговли КНР, в 2023 г. общий объем ВВП Китая достигнет 20 трлн долл., а в 2024 г. – 23 трлн долл. Эти цифры свидетельствуют о том, что китайская экономика продолжает двигаться вперед, в более широкое будущее. В последние годы китайско-российское всеобъемлющее стратегическое партнерство новой эры достигло рекордного уровня и продолжает двигаться вперед. Китайско-российские отношения играют все более важную роль в мировой политике, в XXI веке две страны продолжают углублять свое сотрудничество [3, с. 142]. Китай является крупнейшим торговым партнером России уже 13 лет подряд [4, с. 106]. В 2022 г. объем двусторонней торговли между Китаем и Россией достиг рекордных 190,271 млрд долл. США, увеличившись на 29,3 % по сравнению с предыдущим годом. Минэкономразвития ожидает роста взаимной торговли РФ и Китая в 2023 г. до \$200 млрд. По мере того, как Россия ускоряет реализацию стратегии «Поворот на Восток», китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество неуклонно развивается, достигнуты новые результаты в таких сферах, как энергетика, инвестиции, финансы, инфраструктура и т.д.

Российскую стратегию «Поворот на Восток» можно проследить с 2012 г. В то время президент России Владимир Путин предложил стратегию «Поворот на Восток», направленную на смещение экономического развития России из Европы в Азию и начало поиска новых экономических партнеров и рынков. Российскому правительству необходимо поднимать экономический уровень восточных регионов России, которые находятся в относительно отсталом состоянии, чтобы стимулировать подъем российской экономики в целом. Российская стратегия «Поворот на Восток» способствовала развитию Дальневосточного региона, что открыло неограниченный потенциал для сотрудничества и возможности развития для обеих сторон.

В настоящее время китайско-российские отношения достигли беспрецедентно высокого уровня. На протяжении длительного времени Китай и Россию связывают глубокая дружба и долгосрочное торгово-экономическое сотрудничество. С 2012 г. по настоящее время Китай стал крупнейшим торговым партнером России. В последние годы китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество значительно активизировалось, были достигнуты исторические прорывы

как на стратегическом уровне, так и на уровне торгово-экономической практики. Стабильно продвигаются и осуществляются разные крупные стратегические проекты, постоянно углубляется уровень сотрудничества в разных сферах торговли и экономики между КНР и РФ.

Российско-китайский товарооборот в январе-октябре вырос на 27,7 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составил 196,48 млрд долл. Общий объем торговли за первые десять месяцев 2023 г. превысил объем торговли между Китаем и Россией за весь 2022 г., что стало рекордным показателем за всю историю торговых отношений между Китаем и Россией. Эти данные подтверждают широкие перспективы экономического сотрудничества между Китаем и Россией и свидетельствуют о дальнейшем углублении и укреплении экономического сотрудничества между двумя странами.

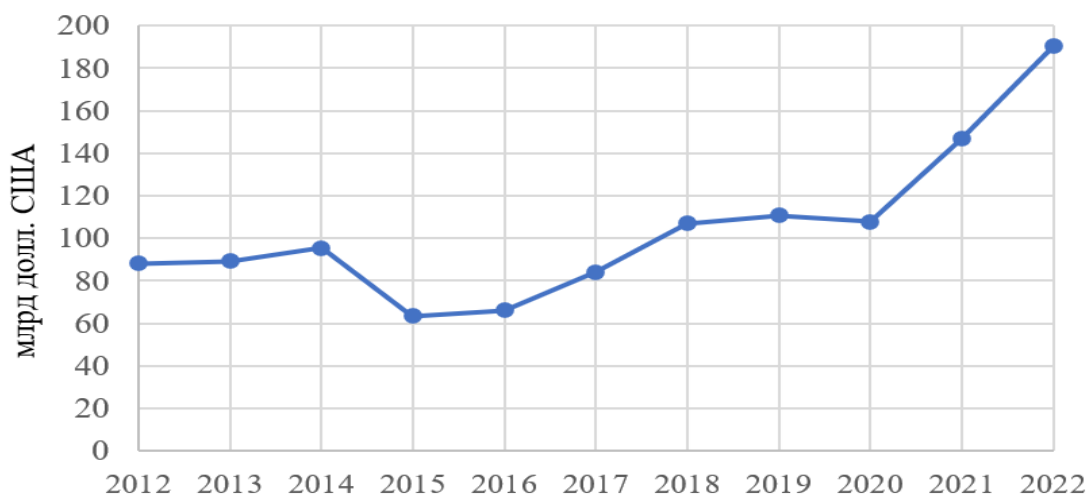

Рис. 1. Объем торговли между Россией и Китаем в 2012–2022 гг. (млрд долл. США)

Fig. 1. Trade volume between Russia and China in 2012-2022 (USD billion)

Согласно рис. 1 наблюдается тенденция к увеличению объема товарооборота между Китаем и Россией в целом. Мы можем разделить тенденцию изменения объема товарооборота между Китаем и Россией на четыре фазы: фаза начального роста с 2012 по 2014 г., фаза резкого спада с 2014 по 2015 г., стабильная медленная фаза с 2015 по 2020 г. и быстрого роста с 2020 по 2022 г.

Стоит отметить, что объем двусторонней торговли между Китаем и Российской Федерацией резко сократился только в период 2014–2015 гг. Снижение объемов торговли между Китаем и Российской Федерацией было обусловлено внешними факторами, такими как недостаточный спрос на международном рынке и снижение цен на сырую нефть и другие товары. В 2020 г. торговля между двумя странами сократилась из-за общемировой изоляции, вызванной пандемией COVID-19. Товарооборот России и Китая по итогам 2020 г. сократился в годовом выражении на 2,9 % и составил \$107,76 млрд.

Несмотря на особый характер китайско-российских политических отношений [5 с. 52], Россия занимает лишь 16-е место среди стран китайского экспорта (2,14 % его общего объема в 2022 г.), а 7е – импорта (4,22 %). По данным Главного таможенного управления КНР, в 2022 г. экспорт из Китая в РФ увеличился на 12,8 % и составил 76,12 млрд долл. Импорт из России в КНР за это время возрос на 43,4 %, до \$114,15 млрд. Согласно статистике, с января по октябрь 2023 г. Китай экспортировал в Россию 90,077 млрд долл., что на 52,2 % больше, а импортировал из России 106,405 млрд долл., что на 12,4 % больше. Динамика российского экспорта в Китай и импорта из Китая представлена на рис. 2.

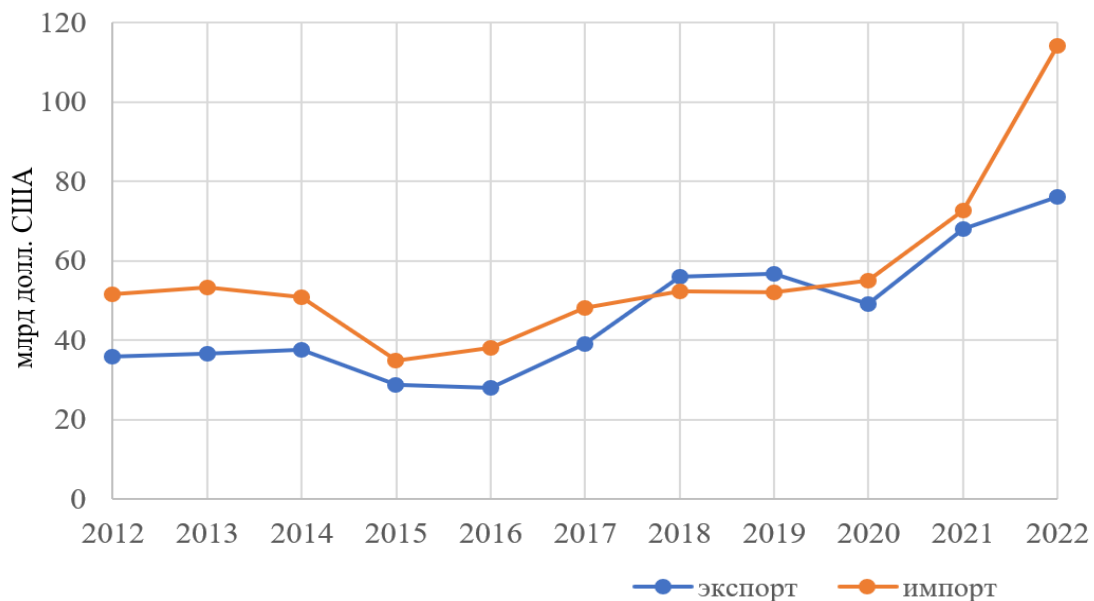

Рис. 2. Торговля России с Китаем в 2012 – 2022 гг. (млрд долл. США)

Fig. 2. Russia's trade with China in 2012-2022 (USD billion)

На рис. 2 показана устойчивая тенденция роста российского экспорта в Китай и импорта из Китая, за исключением периода пандемии COVID-19 в 2020 г. Следует отметить, что сальдо торгового баланса между Россией и Китаем в основном было отрицательным. Это говорит о том, что Китай экспортирует в Россию значительно больше товаров, чем Россия в Китай. Только в 2018 и 2019 гг. было положительное сальдо торгового баланса между Россией и Китаем.

В то время как объем торговли между Китаем и Россией продолжает расти, сотрудничество между двумя странами в области торгово-экономического сотрудничества постепенно перешло от торговли сырьевыми товарами к инвестиционному сотрудничеству. В последнее десятилетие прямые китайские инвестиции в Россию имеют общую тенденцию к росту, в то же время расширяется разнообразие отраслей и секторов инвестирования [6, с. 200]. В 2012 г. Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) и Китайская инвестиционная корпорация (КИК) совместно создали Российско-китайский инвестиционный фонд (РКИФ). РКИФ в первую очередь направлен на поддержку проектов в сфере энергетики, транспортной инфраструктуры, логистики и сельского хозяйства. Кроме того, он охватывает проекты в рамках Евразийского экономического союза и инициативы «Пояс и путь», направленные на сотрудничество между северо-восточными провинциями Китая и дальневосточными регионами России. С момента создания РКИФ инвестировал в около 20 проектов в России и Китае, охватывающих сферы железнодорожного и автомобильного транспорта, горнодобывающей, сельскохозяйственной и туристической отраслей.

Между Китаем и Россией также были созданы местные фонды сотрудничества. В 2012 г. Китайская инвестиционная корпорация (CIC) совместно с Российским фондом прямых инвестиций (РФПИ) и Suiyong Holding Company Limited создали компанию по управлению фондами, которая инициировала создание местного фонда сотрудничества объемом 1 млрд долл. США. Местный фонд вкладывает средства в инвестиционные проекты в провинции Хэйлунцзян и на Дальнем Востоке России.

На Дальнем Востоке России есть все необходимое для привлечения китайских инвестиций: географическая близость, накопленный опыт сотрудничества, различия в экономическом развитии и взаимодополняющие факторы [7, с. 109]. С ускорением реализации стратегии «Поворот на Восток» китайские компании постоянно инвестируют в российский Дальний Восток. По итогам 2022 г. объем китайских инвестиций на Дальнем Востоке России превысил 13 млрд долл. В настоящее время китайские предприятия участвуют в около 60 58 строительных проектах в ТОР и СПВ с общим объемом инвестиций около 11,6 млрд долл. Подрядные организации и компании из Китая

участвуют в крупных проектах с общим объемом инвестиций более 1,2 трлн руб. В зонах опережающего развития и Свободном порту Владивосток китайские инвестиции участвуют в 49 проектах с общим объемом инвестиций более 812 млрд руб. Что касается инвестиционной ситуации на Дальнем Востоке, то под влиянием стратегии «Поворот на Восток» Китай и Россия продолжают инвестировать в эти сферы: инфраструктуру, приграничную торговлю, туризм и гуманитарные обмены.

Одним из направлений стратегии «Поворот на Восток» является ускоренное развитие Сибири и Дальнего Востока, а ключом к развитию региона является практическое сотрудничество с соседними странами Азиатско-Тихоокеанского региона. При этом Россия скорректировала свой подход к региональному развитию, содействуя открытости Дальнего Востока и Сибири, а также облегчая взаимодействие между странами Восточной Азии в развитии Дальнего Востока. Стоит отметить, что как ключевая страна в Азиатско-Тихоокеанском регионе Китай играет незаменимую роль в национальной стратегии развития России.

На VIII Восточном экономическом форуме, состоявшемся в сентябре 2023 г., президент России Владимир Путин пригласил Китай принять участие в форуме для обсуждения сотрудничества в целях развития на Дальнем Востоке. На форуме Китай и Россия также подписали ряд соглашений о сотрудничестве в области энергетики, инфраструктуры, сельского и лесного хозяйства, туризма и других сферах. Эти соглашения о сотрудничестве принесут большую экономическую и социальную пользу Дальнему Востоку, а также создадут новые возможности и пространство для торговли и инвестиций между Китаем и Россией.

За последние десять лет в рамках политики «Поворот на Восток» Китай и Россия наладили торгово-экономическое сотрудничество и реализовали ряд крупных стратегических проектов на Дальнем Востоке. Например: Долгосрочное соглашение по поставкам нефти в Китай, Соглашение по поставкам газа по восточному маршруту в Китай, Автомобильный мост через реку Амур между Благовещенском и Хэйхэ, Российско-китайский фонд агропромышленного развития, Международный транспортный коридор «Приморье-1», Международный транспортный коридор «Приморье-2», Канатная дорога Благовещенск – Хэйхэ, Автомобильный мост между Полтавкой и Дуннино и т.д. [8 с. 153]. Судя по всему, основные крупные проекты, разрабатываемые в рамках межправительственных соглашений, касаются таких сфер, как транспортная инфраструктура, нефтегазовый сектор, агропромышленный комплекс и т.д. Инвестиции в эти проекты и их успешная реализация служат мощной поддержкой для повышения уровня практического сотрудничества между Россией и Китаем.

В настоящее время сельское хозяйство также является основным направлением торгово-экономического сотрудничества между Россией и Китаем. В ходе 23-й регулярной встречи глав правительств России и КНР был подписан план развития сельского хозяйства на российском Дальнем Востоке и в Байкальском регионе, а также на Северо-Востоке Китая. Согласно плану, в последние годы Китай и Россия осуществляют практическое сотрудничество в таких областях сельского хозяйства, как выращивание сои, переработка сельскохозяйственной и побочной продукции, а также логистика и складское хранение. Провинция Хэйлунцзян (КНР) первой начала осуществлять сотрудничество с Россией в области сельского хозяйства. Сотрудничество между провинцией Хэйлунцзян (КНР) и Россией в области сельского хозяйства развивалось на протяжении многих лет и достигло значительных результатов, включая диверсификацию хозяйствующих субъектов и форм сотрудничества, а также расширение сфер взаимодействия.

Корпорация COFCO зарегистрировала и учредила представительство во Владивостоке. Корпорация COFCO представляет собой крупнейший производитель и продавец продуктов питания в Китае и одну из компаний, входящих в список Fortune 500 по версии делового журнала. Компания ведет сельскохозяйственный бизнес преимущественно на Дальнем Востоке и в Сибири, специализируясь на торговле зерном, сотрудничестве в области складирования и логистики, импорте продовольствия и переработке агропродукции, а также стремится к расширению российско-китайского сотрудничества в области сельского хозяйства. Кроме того, корпорация COFCO планирует наладить более систематическое хранение и логистику зерна в России, улучшить условия хранения зерна на местах и сократить потери при хранении, тем самым еще больше укрепив

китайско-российское зерновое сотрудничество. На практике компания участвует в развитии сельского хозяйства Сибири и Дальнего Востока. Благодаря совместным усилиям правительств Китая и России она играет образцовую и ведущую роль в китайско-российском сельскохозяйственном сотрудничестве и играет конструктивную роль в развитии экономического и торгового сотрудничества между двумя странами.

Стоит отметить, что в настоящее время российско-китайские отношения находятся на самом высоком уровне за всю историю их развития. При этом в условиях стратегии «Поворот на Восток» китайско-российские отношения характеризуются стабильной динамикой развития, широкой организационной структурой двустороннего взаимодействия, а также активным внешне-экономическим сотрудничеством и контактами на различных уровнях. Китай активно строит новую модель развития, а китайско-российские торгово-экономические отношения находятся на переломном этапе дальнейшего развития. Развитие торгово-экономического сотрудничества и обменов между Китаем и Россией имеет огромное значение для экономического процветания двух стран и регионов. Являясь важной мировой экономикой и стратегическим партнером, Китай и Россия углубляют свои экономические и торговые отношения, открывая широкие возможности для развития обеих сторон.

Благодаря ускорению реализации стратегии «Поворот на Восток» две страны достигли значительных результатов в инвестиционном сотрудничестве, продвижении и реализации стратегических проектов на Дальнем Востоке и региональной сельскохозяйственной кооперации. Это не только способствует развитию Дальнего Востока и приносит пользу местному населению, но и экономическому развитию Китая и России. В будущем китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество имеет широкие перспективы развития. В условиях экономической глобализации для России является очень мудрым стратегическим выбором активное осуществление стратегии «Поворот на Восток» и поиск экономического и торгового сотрудничества с Китаем. В будущем обе стороны должны продолжать расширять сферы торгово-экономического сотрудничества и повышать уровень взаимодействия и обменов путем развития инфраструктурного строительства, углубления сельскохозяйственного сотрудничества и продовольственной безопасности, укрепления гуманитарных обменов, чтобы внести вклад в развитие китайско-российских отношений.

Список источников

1. Инь Сымэн. Российско-китайские двусторонние отношения на фоне перехода от стратегии «Поворот на Восток» к концепции «Большая Евразия» // Общество: политика, экономика, право. 2023. №5 (118). С. 32–37.
2. Давыборец Е. Н., Павловская И. В., Радиков И. В. российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество в рамках политики поворота России на Восток: проблемы, тенденции // Вестник ЗабГУ. 2022. № 1. С. 88–98.
3. Чжан Лэй. Роль китайско-российских дипломатических отношений в мировой политике в XXI веке // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 3. С. 142–144.
4. Ван Вэнь. Экономическое будущее Китая и Российско-китайское сотрудничество // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. №3. С. 104–109.
5. Ревенко Н. С. Российско-китайская торговля: состояние, тенденции, перспективы // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. №2. С. 47–61.
6. Цзоу Сютин. Китайские инвестиции в Россию: состояние дел и перспективы // Современная научная мысль. 2021. №5. С. 199–205.
7. Чжао Чжихуа, Гордячкова О. В. Прямые инвестиции Китая в экономику Дальнего Востока России // Российско-китайские исследования. 2021. Том 5. № 2. С. 101–109.
8. Цинь Дун. Китайские инвестиции на российском Дальнем Востоке: состояние и проблемы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. №2 (45). С. 151–160.

References

1. Yin Simen. Russian-Chinese bilateral relations against the background of the transition from the "Turn to the East" strategy to the concept of "Greater Eurasia". *Society: Politics, Economics, Law*. 2023;5(118):32–37. (In Russ.)
2. Davyborets E. N., Pavlovskaya I.V., Radikov I. V. Russian-Chinese trade and economic cooperation within the framework of Russia's policy of turning to the East: problems, trends. *Bulletin of ZabGU*. 2022;(1);88–98. (In Russ.)
3. Zhang Lei. The role of Chinese-Russian diplomatic relations in world politics in the XXI century. *Socio-humanitarian knowledge*. 2023;(3):142–144. (In Russ.)
4. Wang Wen. The Economic future of China and Russian-Chinese cooperation. *Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2023;(3):104–109. (In Russ.)
5. Revenko N. S. Russian-Chinese trade: state, trends, prospects. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2023;(2):47–61. (In Russ.)
6. Zou Xiuting. Chinese investments in Russia: state of affairs and prospects. *Modern scientific thought*. 2021;(5);199–205. (In Russ.)
7. Zhao Zhihua, Gordyachkova O. V. China's direct investments in the economy of the Russian Far East. *Russian-Chinese studies*. 2021;5(2):101–109. (In Russ.)
8. Qin Dong. Chinese investments in the Russian Far East: the state and problems. *Oikumena. Regional studies*. 2018;2(45):151–160. (In Russ.)

Информация об авторе

Линь Лэй – аспирант Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

Information about the author

Lin Lei – Postgraduate student, Linguistics University of Nizhny Novgorod.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 23.01.2024; принята к публикации 24.01.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 23.01.2024; accepted for publication 24.01.2024.

Научная статья

УДК 329.18

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-201-208>

EDN ECCQSW

Русская политическая мифология: бессознательные истоки и основное содержание

Владислав Алексеевич Лихотинский

Многофункциональный учебный центр «Evoland», Ростов-на-Дону, Россия,
lva1000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0211-2674>

Аннотация. В статье исследуется русская политическая мифология – феномен, имеющий глубокие этнопсихологические и этнокультурные корни. Цель статьи – выявить психологические, культурно-исторические и религиозно-символические основы, а также базовое содержание политической мифологии русского этноса. Опираясь на подходы К. Юнга, М. Элиаде, Б. Малиновского и А. Лосева, а также используя исторический материал, автор рассматривает психологические истоки и содержание русской политической мифологии как культурно-исторического и политико-антропологического явления. Подчеркивается важность актуализации политико-культурного наследия в деле сохранения и развития российской государственности.

Ключевые слова: коллективное бессознательное, архетип, политический миф, русский этнос, харизматический вождь, царь, патриарх, Святая Русь

Для цитирования: Лихотинский В. А. Русская политическая мифология: бессознательные истоки и основное содержание // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 201–208. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-201-208>. EDN ECCQSW

Politology and Ethnopolitics

Original article

Russian political mythology: unconscious origins and main content

Vladislav A. Likhotinsky

Multifunctional educational Center "Evoland", Rostov-on-Don, Russia,
lva1000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0211-2674>

Abstract. The article examines Russian political mythology, a phenomenon with deep ethnopsychological and ethnocultural roots. The purpose of the article is to identify the psychological, cultural-historical, religious-symbolic foundations, as well as the basic content of the political mythology of the Russian ethnic group. Based on the approaches of K. Jung, M. Eliade, B. Malinovsky and A. Losev, as well as using historical material, the author examines the psychological origins and content of Russian political mythology as a cultural-historical and political-anthropological phenomenon. The importance of updating the political and cultural heritage in the preservation and development of Russian statehood is emphasized.

Keywords: collective unconscious, archetype, political myth, Russian ethnos, charismatic leader, tsar, patriarch, Holy Russia

For citation: Likhotinsky V. A. Russian political mythology: unconscious origins and main content. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(1):201–208. (In Russ.).* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-201-208>. EDN ECCQSW

Введение. В последние годы во всём мире можно наблюдать переоценку западных стандартов политики и постепенный отход от признания их как универсальных ценностей. Всё более актуальным становится, на наш взгляд, поиск идеалов, норм, ценностей и целей политической жизни, соответствующих культурно-историческому опыту отдельных наций и государств. В этой связи, представляется особенно важным изучение политической культуры русского этноса как государствообразующего народа России. Цель данной статьи – выявить психологические, культурно-исторические и религиозно-символические основы, а также базовое содержание политической мифологии русского этноса.

Теория коллективного бессознательного. Согласно мнению основателя аналитической психологии К.Г. Юнга, помимо индивидуального бессознательного, исследованием которого занимался З. Фрейд, существует и другая психическая система. Она коллективна по своему характеру. Коллективное бессознательное индивиды получают по наследству и оно включает в себя три уровня: этнический, расовый, общечеловеческий. Коллективное бессознательное носит всеобщий характер и состоит из идентичных всем людям содержаний, так называемых «архетипов». По мнению Юнга, архетип – это образ, который многократно повторяется в ходе истории. Если подвергнуть эти образы основательному исследованию, то выяснится, они выработались в процессе жизни многих поколений предков, т.е. являются психическими отпечатками их опыта. Архетипы обеспечивают стабильность культур, помогают им воспроизводить своё содержание. Согласно Юнгу, архетипы возвращают народы к истокам, придают смысл современности [1, с. 37].

В кризисные периоды истории, когда рациональный подход к действительности оказывается бесполезным в деле преодоления возникших социальных проблем, начинают действовать мощные силы, которые содержатся в архетипе. Существование большого количества архетипов вызвано разнообразием жизненных ситуаций. Повторение на протяжении истории человечества запечатлело этот опыт в человеческой психике. В случае, когда происходит нечто соответствующее архетипу, он начинает действовать. Архетипы проявляют себя по-разному. Их можно выявить в фантазиях, не основанных на личном опыте человека [2, с. 294].

Юнг в своих исследованиях выделял разновидность архетипов, которую обозначил как *persona*. Этот термин взят из древнеримского театра, где он обозначал социальную маску. Через неё мы взаимодействуем с внешним миром [3, с. 63–65]. Эта разновидность архетипов есть совокупность человеческих ролей в обществе, в том числе ролей политических. Нас она интересует более всего, так как является центральным элементом политической мифологии. Основополагающую роль в русской политической мифологии, на наш взгляд, играли проявления архетипа вождя (царя) и архетипа пророка (священника). Веками политическое сознание русского этноса было сознанием монархическим. Даже после политического краха династии Романовых и формирования советского государства, власть продолжала сохранять индивидуализированный характер, связанный с культом харизматических вождей. Кроме того, религиозная власть обладала огромным авторитетом. В Смутное время патриарх Гермоген, став инициатором создания и духовным вождём русского ополчения, сыграл важнейшую роль в изгнании польско-шведских интервентов [4]. Предводитель крестьянского восстания Степан Разин, для сплочения вокруг себя максимального количества соратников, использовал символы патриарха и царя. Во время Великой Отечественной Войны, Сталин понимая духовную значимость церкви в деле усиления патриотизма и мобилизации всех сил народа, восстановил патриаршество. Это лишь некоторые факты, свидетельствующие о значимости рассматриваемых архетипов для политической жизни нашей страны.

Архетипические образы являются психическим фундаментом мифологии. В процессе мифотворчества стихийно осуществлялась обработка нечётких первообразов пришедших из глубин коллективного бессознательного. В мифе эти существа превращались в эстетически притягательные символы. В результате, архаическое общество претерпело отделение сознания от сферы бессознательного. Сознание восстанавливало целостность психического посредством усвоения мифа, ритуала, магии. В конечном счёте процесс адаптации к архетипам привёл к созданию развитых религиозных систем [5, с. 20].

Теории мифа. Крупный вклад в исследование природы мифа сделал немецкий философ Э. Кассирер. В рамках теории мифа, созданной этим исследователем, миф рассматривается как промежуточный символический мир, который человек выстраивает, взаимодействуя с объективной реальностью. По сути мир культуры – это мир символов. Миф, в свою очередь, представляет собой часть символического универсума. Человек, таким образом, живёт в законченной символической системе, которую создал сам. Особой чертой мифологического восприятия мира является то, что оно может обобщать только посредством символов. Поэтому отдельные предметы могут быть взаимозаменяемы. Мифологическое сознание представляет собой нечто вроде кода, к которому можно найти ключ [6].

Существует ещё один подход, который с нашей точки зрения точнее всего отражает характер важнейших для общества политических мифов. Суть такого подхода заключается в том, что миф – это культурный фактор, представляющий собой сакральное предание о реальных событиях прошлого [7]. Такую точку зрения принято называть исторической. Наиболее яркими представителями соответствующей школы являются, на наш взгляд, Б. Малиновский, М. Элиаде и А. Лосев.

В своём труде «Магия, наука и религия» Малиновский писал о том, что история неизбежно должна была наложить отпечаток на мифологию. Подходить к рассмотрению мифологии как простой летописи также неверно, как и видеть в ней примитивные натурфилософские фантазии. Мифология, как священное предание народа, выступает в качестве мощного средства, соединяющего элементы его идентичности. Миф теснейшим образом связан с моральными нормами, религиозными ритуалами и политическими установлениями. Миф, в среде примитивного народа, является не просто пересказываемой, а именно переживаемой реальностью. Здесь он – реальность, которая существовала в далёком прошлом и по сию пору продолжает влиять на людей и судьбу мира. Представитель традиционного общества относится к мифу как своего рода руководству к действию. В таком обществе обряды, ритуалы и даже политические институты считаются чем-то производным от мифических событий прошлого [8, с. 125–127].

М. Элиаде в одной из своих работ охарактеризовал миф как сакральную историю о «начале времён». Такая история объясняет каким образом сверхъестественная, физическая или политическая реальность, в следствие деяний героических и сверхъестественных существ, приобрела свой нынешний вид. Миф – это всегда история «творения», в мифе мы всегда находимся в момент возникновения чего-либо. Как правило, герои мифа – это сверхъестественные существа. Поэтому миф описывает значимые проявления сверхъестественного в мире. Эти проявления сделали мир таким, каким мы знаем его сегодня. Поскольку миф повествует о делах сверхъестественных, высших по отношению к человеку существ, он становится образцом для подражания, либо оправданием человеческих поступков и дел [9, с. 11–12].

Схожим образом объяснял природу мифа выдающийся российский философ А. Лосев. Он подчёркивал историчность мифа, писал о том, что миф всегда фактичен и историчен. Согласно Лосеву, миф есть историзация личностного бытия. Миф динамичен, он повествует о рождающихся и умирающих событиях. Центральным элементом мифа обязательно является личность [10, с. 193–195].

Архаический и политический мифы. Важно отметить, что между архаичным и политическим мифами есть отличия. Архаичному мифу присуща нерасчленённость объекта и субъекта, идеи и образа, абстрактного и конкретного. Миф политический же имеет более рациональную форму. Если архаическая мифология, как правило отражает космологическую модель мира, то мифология политическая – социальную модель. Архетип – это глубинный элемент психики определяющий образ мышления. Сюжет мифа, опирающийся на архетипы, является продуктом долгой истории развития человечества и потому не доступен для сознательного конструирования. Исторические и этнические особенности конкретной общности определяют своеобразие мифов. Несмотря на это, часто мифологические сюжеты разных народов довольно точно друг друга повторяют. Миф, будучи обусловлен природой коллективной психики, является социально значимым фактором.

Можно сказать, что миф – это коллективный человеческий опыт, выраженный в образно-символической форме, легко доступной для массового восприятия и переживаемый как нечто реальное. Политический миф, существуя в политическом сознании, базируется на архетипическом мифосюжете. Обусловленность архетипом свидетельствует о произвольности мифотворчества. В тоже время политический миф на сегодняшний день с одной стороны выступает в качестве политического инструмента – средства манипулирования обществом, а с другой стороны – средства преодоления мировоззренческих проблем коллективного свойства. Правдивость архаического мифа для представителя традиционного общества абсолютна. Политический же миф также считается правдой, но уже не столь бесспорной как миф архаический. Политический миф всегда является искусственной конструкцией. Он всегда кем-то создан и только потом воспринят в качестве бесспорной реальности [11, с.44–46].

Политическим мифам присущи следующие черты:

- 1) они не возникают стихийно, а конструируются преднамеренно и с определённой целью;
- 2) их фундамент представляет собой совокупность эксплуатируемых политиками коллективных ожиданий, свойственных массовому сознанию;
- 3) политические мифы невозможно разрушить рациональными средствами;
- 4) политические мифы возникают позже архаических, что связано с возникновением политики как сферы жизни сложноорганизованного общества.

Коллективность «переживания» мифа позволяет политическим лидерам преднамеренно «извлекать» архетип из толщи коллективного бессознательного народа через его демонстрацию в наглядном виде т.е. в виде политических ритуалов и символов. Активизированный в массовом сознании архетип легитимизирует цели и задачи власти, а также её конкретные действия. Политический лидер, в этой ситуации, может уверенно говорить от имени народа.

В ситуации, когда содержание политической рекламы не вступает в «резонанс» с коллективным бессознательным, народ может отвергнуть как предложенный миф, так и лидера, попытавшегося на него опереться [12, с. 195].

Русская политическая мифология. Комплекс исторически сложившейся русской политической мифологии, на наш взгляд, включает в себя следующие базовые элементы:

1) миф о пространстве абсолютного добра и правды, трансцендентном, высшем «царстве» во главе которого находится Творец. Такое царство является прототипом земной родины, выступает как «небесное отечество»;

2) миф о «добром царе» – защитнике земного отечества и хранителе Правды;

3) миф о Святой Руси;

Следы мифа об иной, высшей реальности видны в русских народных сказках, которые являются отголосками древних представлений. основополагающей чертой «иногo царства» является абсолютная справедливость. В нём с помощью молодильных яблок можно вернуть ушедшую молодость, а с помощью мёртвой и живой воды воскресить убитого. В «ином царстве» нет старости, бедности, голода, несправедливости. Добро здесь достигается магическим путём и поэтому торжествует как Божья Правда.

В русской политической культуре центральное место, на наш взгляд, занимает миф о добром царе – исполнителе воли Бога [13]. Здесь царь выступает как носитель идеала Правды, т.е. божественной истины, объединяющей народ и являющейся этической основой его существования. Монарх выступает в качестве такого же элемента мироздания как силы природы («светится одно солнце на небе, а царь на русской земле»). Царь, будучи сакральной фигурой, имеет особую связь с историей, являясь продолжателем миссии эпических героев прошлого. Эту миссию символизирует особая атрибутика (шапка Мономаха, держава, скипетр).

Политическая мифология русского народа испытала на себе значительное влияние библейской мифологии, согласно которой миром управляет Божественный Промысел, а потому ничего случайного не существует. Согласно провидению, власть возникает в человеческом обществе как божественное установление, которому необходимо повиноваться. Об этом говорит апостольское учение, которое противление власти расценивает как следствие нравственной

развращённости человека, приводящей к неминуемому наказанию. Вера в священность власти здесь настолько сильна, что христианство не стремится отмене рабства. Только необходимость служения Богу очерчивает пределы подчинения кесарю. Покорность власти объясняется тем, что власть существует ради борьбы со злом. Творящим добро носители власти не страшны. Обладание властью не есть социальное преимущество, но трудный долг служения высшей силе. В то же время власть осуществляется ради общественного блага. Совесть как голос духовной природы человека также призывает к признанию власти и уплате податей. Молитва за власть рассматривается как религиозный долг, а само её существование в конечном счёте делает возможным обеспечение условий для духовного совершенствования христиан и беспрепятственного их служения Богу. Противление власти есть неверное использование дара свободной воли. Вера в сакральность власти как таковой формирует здесь принципиально уважительное отношение к ней.

С момента возникновения христианских государств развитие политической мифологии получило новый импульс. Стали возникать национальные версии христианской политической мифологии. Средневековый эпос народов Европы несёт в себе множество сюжетов о святых королях, князьях, императорах. Русская политическая мифология лишь одна из версий такого рода мифологий. В их контексте средневековые монархи ставятся в один ряд с библейскими царями и патриархами. Власть здесь оценивается как священное и страшное дело. Несение власти государем всегда является религиозным подвигом. Осуществление власти расценивается как реализация божественной Правды в её политическом преломлении.

Бытие небесное и земное в рамках русских народно-мифологических верований представляется как единое целое, а потому царская власть выступает в народных представлениях как инструмент реализации воли Бога. Причём царь является орудием божественного промысла вне зависимости от личных качеств. Осуществление царской власти основывается на совести царя, которая является более надёжной основой для принятия верных решений нежели писанный закон. По этой причине воля царя выше закона, так как царь имеет особую мистическую связь с Богом. Кроме этого, опора на закон и игнорирование требований совести порождает зло.

Народная мифология нравственное ставит выше юридического, так как совесть любого человека, а тем более царя имеет сверхъестественное основание. Аристократия расценивается здесь не как нечто имеющее самостоятельную ценность, а лишь как средство осуществления царской власти, имеющее склонность к паразитированию на народе. Царь является органической частью народа и ходатайствует за него перед Богом. Связь царя с народом настолько неразрывна, что народ даже может быть наказан за царские грехи. Царь обладает недоступным простым смертным пониманием политической жизни, видением горизонтов исторического развития страны. Он прекрасно знает и понимает нужды народа, благо которого всецело зависит от него. Как без воли Бога невозможно существование мира, так без фигуры царя невозможно существование государства и народа. Его воля не подлежит обсуждению. Благодаря царскому правлению народ движется путём предначертанным свыше и тем самым выполняет свою миссию в истории. Здесь большую значимость приобретает безусловная преданность народа государю, его способность быть надёжной опорой для монарха. Царская воля считается святой, так как она есть продолжение божественной воли.

Народные политико-мифологические представления о природе и назначении царской власти нашли отражение в идеях некоторых представителей самой этой власти. В частности, Иван Грозный стремление своих политических оппонентов отделить земное от небесного назвал манихейской ересью. По его мнению, власть Бога носит всеобщий характер. Часть этой власти делегируется земным царям. Необходимость подчинения царской власти здесь обосновывается её сверхъестественным происхождением. Власть царя божественна по природе, но не безгрешна. Подчинение такой власти со стороны подданных есть одно из проявлений христианской праведности. Если власть становится жестокой, то это не освобождает простолюдинов от обязанности подчиняться ей. Божественный дар власти может находиться только в одних руках – руках государя. Передача хотя бы части её боярам или иным лицам недопустима. В этом заключается преимущество русского царства перед другими государствами Европы. Этим же объясняется

радикальное неприятие демократического начала в политике, начала которое Грозный считал чем-то «безбожным». Первым монархом, получившим власть от самого Христа, стал византийский император Константин. На Руси таким Монархом был Владимир Креститель. Царь не сосредоточивший в руках всю полноту власти на деле, по мнению Грозного, царём не является. Власть царя существует для поощрения добрых и наказания злых. Сам же царь наказывается только Богом. Перед лицом царя не существует привилегированных слоёв общества. Для него все «холопы». Ограничение царской власти боярами неизбежно ведёт к разрушительным последствиям. Это может быть казнокрадство, грабёж и притеснение крестьян и других сословий. Единственным случаем, когда Грозный признаёт за подданными право на неповиновение является преступление царя против веры. Царь несёт нравственную ответственность перед Богом, причём не только за личные грехи, но и за грехи своего народа.

Согласно крестьянским верованиям, добрый царь должен стоять на страже покоя жителей государства. Вмешательство власти в народную жизнь должно быть минимальным, чтобы эта жизнь была максимально близка к докрепостному состоянию [14].

Царь должен самостоятельно принимать политические решения, так как «царь добрый, да слуги злые». Участие в этом деле бояр только ухудшит качество принимаемых решений и ослабит царскую власть. Народ считал, что свита царя виновна во всех бедах государства. Отсюда следует вывод: посредников между монархом и народными массами не должно быть. Лучше всего будет, если царь, следуя примеру Ивана Грозного, будет обращаться к народу с лобного места напрямую.

Важная политическая функция царя – быть над всеми сословиями верховным судьёй. Только так можно обеспечить справедливость в государстве. Царская справедливость в мифологических представлениях народа была довольно своеобразна. Это хорошо показывает «Сказание о Дракуле-воеводе». Данный памятник древнерусской литературы отражает своеобразное явление «жестокой справедливости», которая рассматривается как пример достойный подражания. В румынских преданиях Дракула носит прозвище «Цепеш», что значит «Сажатель на кол». Так правителя стали именовать за его излюбленный метод защиты справедливости. Здесь невозможно выявить грань между истовой борьбой за Правду и бессмысленной жестокостью. По всей видимости, Правда понималась Дракулой как постоянное умерщвление кого-либо.

Ещё одним весомым для русской политической культуры мифом является миф о «христианском мире». Этот миф возник не в России и национальной версии превратился в миф о «Святой Руси». Рассмотрение этого мифа лучше начать с его византийского прототипа. Византия на протяжении долгого времени была наиболее развитым государством Европы. Его исключительность по мнению самих византийцев была вызвана следующими обстоятельствами:

- 1) Византия опирается на православно исповедуемое христианство;
- 2) опирается на цивилизованный (римский) стиль политики;
- 3) является легитимным наследником христианского Рима

В христианских представлениях об историческом процессе изначально важное место занимал Рим. Римская империя – ойкумена поздней античности. Только в её границах могла протекать священная история и только она могла противостоять царству антихриста. Шагом имевшим принципиальное значение в этой связи стало принятие христианства императором Константином. Имело место стечение обстоятельств, сыгравшее огромную роль не только в европейской, но и в мировой истории: границы античной цивилизации и ареал распространения христианства совпали.

Весь остальной мир рассматривался как языческий, незаконный и варварский, т.е. как «тьма внешняя» упоминаемая в Евангелии. Здесь важно иметь в виду, что картина мира, существовавшая в сознании средневековых людей, основывалась на мифологической модели противостояния космоса и хаоса. Универсальный мир как нечто единое существовал до 359 года н.э. когда Римская империя распалась на Западную и Восточную. Рим и Константинополь сделались столицами новообразованных государств. Западная империя просуществовала до 476 года, а восточная на тысячу лет больше, при этом византийцы называли себя ромеями, т.е. римлянами. Согласно средневековым христианским верованиям христиане – божий народ. В Новом завете сказано, что народ этот собран «от всякого колена, языка и племени», т.е. в нем собраны представители разных родов и этносов. Кроме этого, народ божий является «единым стадом с единым пастырем».

В России бытовало похожее понятие «христианского мира», которое именовалось «Святая Русь» [15]. С самого начала это понятие не имело этнического и географического смысла. Характерно, что в духовных стихах, рассказывающих о Святой Руси, упоминается река Иордан, при том что там нет упоминаний русских рек [5, с. 32–74]. В дальнейшем этот миф был отражен в текстах старца Филофея. Здесь он был преобразован в политическую идею Москвы как Третьего Рима. Эта идея послужила весьма эффективным средством легитимации власти московских князей [16].

Резюмируем сказанное выше. Коллективное бессознательное выступает в качестве мощного фундамента культурных оснований жизни любого этноса. Оно является источником архетипов, формирующих мифологию, которая в свою очередь определяет характер этнической культуры. Таким образом, в традиционном обществе религиозный миф становится основой политической традиции, выполняя функцию её политико-идеологического обоснования. В традиционном обществе религиозный миф определяет действия, не только связанные с отправлением культа, но и с другими сферами общественной жизни, в том числе с политикой.

Основными политическими мифами русского этноса, определившими политико-культурное своеобразие России, являются миф о «небесном отечестве», миф о «добром царе» и миф о «Святой Руси». Политический суверенитет напрямую связан с существованием народной политической мифологии. Такая мифология является «природной» основой идеологии государства и таким образом играет роль одного из государствообразующих факторов.

В последние годы в российском обществе ведутся дискуссии о необходимости выработки государственной идеологии для успешного развития страны. Без опоры на политико-культурное наследие прошлого создание жизнеспособной идеологии, на наш взгляд, невозможно.

Список источников

1. Современный философский словарь. Под ред. Кемеров В. М.: Одиссей, 1996. 608 с.
2. Юнг К. Г. Бог и бессознательное. М.: Олимп, 1998. 546 с.
3. Самуэлс Э. Юнг и постъюнгианцы. Курс юнгианского психоанализа. М.: ЧеРо, 1997. 416 с.
4. Петрович И., Блашков Ю. Русская православная церковь в смутное время: жизнь и деятельность патриарха Гермогена. <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-pravoslavnaya-tserkov-v-smutnoe-vremya-zhizn-i-deyatelnost-patriarha-germogena/viewer>
5. Щербинина Н. Г. Политический миф России. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. 98 с.
6. Кассирер Э. Техника современных политических мифов. <http://read.virmk.ru/k/Kassirer.htm>
7. Корн М. Российские политические мифы как мифологизация прошлого <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-politicheskie-mify-kak-mifologizatsiya-proshlogo/viewer>
8. Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: «Рефл-бук», 2022. 312 с.
9. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический Проект, 2000. 222 с.
10. Лосев А. Диалектика мифа. М.: АСТ, 2023. 448 с.
11. Кэмпбэл Дж. Тысячелетний герой. М.: «Ваклер», «Рефл бук», 1997. 280 с.
12. Полосин В. С. Миф, религия, государство. М., 1998. 236 с.
13. Ландерова А. Архетипы российской политической культуры: истоки формирования <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipy-rossiyskoy-politicheskoy-kultury-istoki-formirovaniya/viewer>
14. Ионов И. Н. Мифы в политической истории России // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 1999. № 1. С. 12–20.
15. Гайда Ф. Что значит Святая Русь? <https://pravoslavie.ru/63409.html?ysclid=lsm0s4isc7140734135>
16. Бурба Е. Политические мифы в современной России. <https://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2018/RM18/pages/Articles/74502-.pdf>

References

1. *Modern philosophical dictionary*. Kemarov V. (ed.). Moscow: Odyssey; 1996. 608 p. (In Russ.)
2. Jung K. G. *God and the unconscious*. Moscow: Olympus; 1998. 546 p. (In Russ.)
3. Samuels E. *Jung and post-Jungians. The course of Jungian psychoanalysis*. Moscow; 1997. 416 p. (In Russ.)

4. Petrovich I., Blashkov Yu. *The Russian Orthodox Church in the Time of Troubles: the life and work of Patriarch Hermogenes*. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-pravoslavnyaya-tserkov-v-smutnoe-vremya-zhizni-i-deyatelnost-patriarha-hermogena/viewer> (In Russ.)
5. Shcherbinina N. G. *The political myth of Russia*. Tomsk: Publishing house of Tomsk University; 2002. 98 p. (In Russ.)
6. Kassirer E. *Technique of modern political myths*. Available from: <http://read.virmk.ru/k/Kassirer.htm> (In Russ.)
7. Korn M. *Russian political myths as a mythologization of the past*. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-politicheskie-mify-kak-mifologizatsiya-proshlogo/viewer>. (In Russ.)
8. Malinovsky B. *Magic, science and religion*. Moscow: Refl-book; 2022. 312 p. (In Russ.)
9. Eliade M. *Aspects of myth*. Moscow: Academic Project; 2000. 222 p. (In Russ.)
10. Losev A. *Dialectics of myth*. Moscow: AST; 2023. 448 p. (In Russ.)
11. Campbell J. *The Millennial hero*. Moscow: "Wackler", "Refl book"; 1997. 280 p. (In Russ.)
12. Polosin B. C. *Myth, religion, state*. Moscow; 1998. 236 p. (In Russ.)
13. Landerova A. *Archetypes of Russian political culture: the origins of formation*. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipy-rossiyskoy-politicheskoy-kultury-istoki-formirovaniya/viewer>
14. Ionov I. N. Myths in the political history of Russia. *Polity. Analysis. The chronicle. Forecast*. 1999;(1):12–20. (In Russ.)
15. Haida F. *What does Holy Russia mean?* Available from: <https://pravoslavie.ru/63409.html?ysclid=lsm0s4isc7140734135> (In Russ.)
16. Burba E. *Political myths in modern Russia*. Available from: <https://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2018/RM18/pages/Articles/74502-.pdf> (In Russ.)

Информация об авторе

В. А. Лихотинский – кандидат политических наук, преподаватель, Многофункциональный учебный центр «Evoland».

Information about the author

V. A. Likhotinsky – Cand. Sci. (Polit.), lecturer, Multifunctional educational Center "Evoland".

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 21.01.2024; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 21.01.2024; accepted for publication 22.02.2024.

Научная статья

УДК 32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-209-216>

EDN EWCFAH

Цивилизационно-элитологический подход: актуальная смена исследовательской оптики

Андрей Владимирович Панков

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье обосновывается, что цивилизационно-элитологический подход развивает цивилизационный подход в направлении анализа механизмов и необходимых предпосылок эволюции, расцвета и упадка цивилизаций на культурно-ценностной основе и актуализирует проблему качества элит. Он востребует многовариантное и плюралистическое понимание мировой истории, адекватное современному этапу развития гуманитарные наук, которое позволяет отойти от западного понимания цивилизации и его императивной универсальности. В современных социальных и политических науках это позволяет использовать концепты «цивилизационной матрицы», «культурно-цивилизационного кода», «социокультурного ландшафта», «государства-цивилизации» для обозначения культурно-цивилизационного своеобразия и уникальности страны и национального государства, обладающего собственной ценностью и фундамирующего устойчивое успешное социально-экономическое и политическое развитие конкретного региона.

Ключевые слова: цивилизация, цивилизационный подход, цивилизационно-элитологический подход, элитология, государство-цивилизация, универсалистско-западный подход, традиционные ценности, новый мировой порядок

Для цитирования: Панков А. В. Цивилизационно-элитологический подход: актуальная смена исследовательской оптики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 209–216. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-209-216>. EDN EWCFAH

Politology and Ethnopolitics

Original article

The civilizational-elitist approach: the actual change of research optics

Andrey V. Pankov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article substantiates that the civilizational-elitist approach develops a civilizational approach in the direction of analyzing the mechanisms and necessary prerequisites for the evolution, flourishing and decline of civilizations on a cultural and value basis and actualizes the problem of the quality of elites. He demands a multivariate and pluralistic understanding of world history, adequate to the modern stage of the development of the humanities, which allows us to move away from the Western understanding of civilization and its imperative universality. In modern social and political sciences, this makes it possible to use the concepts of the "civilizational matrix", "cultural and civilizational code", "socio-cultural landscape", "state-civilization" to denote the cultural and civilizational originality and uniqueness of a country and a national state that has its own value and foundations the sustainable successful socio-economic and political development of a particular region.

Keywords: civilization, civilizational approach, civilizational-elitist approach, elitology, state-civilization, universalist-Western approach, traditional values, the new world order

For citation: Pankov A. V. The civilizational-elitist approach: the actual change of research optics. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):209–216. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-209-216>. EDN EWCFAH

Теоретико-методологический генезис цивилизационного подхода в гуманитарных науках связан с выявлением и развитием диалектического противоречия между уникальностью и универсальностью, включающего противоречия между уникальностью культуры и универсальностью цивилизации, между локальностью и глобальностью, традиционализмом и модернизмом, Востоком и Западом, которые на новом уровне осознания и развития актуализировались в современную эпоху.

С одной стороны, в связи с процессами глобальной социально-экономической, технологической и информационной интеграции, актуализацией глобальных проблем, в XXI веке интенсивно развивается парадигма глобализма, которая вынуждает национальные государства приспосабливаться к объективным процессам универсализации и нивелирования национальных особенностей отдельных стран в целях международной интеграции и транснационального сотрудничества. А, с другой стороны, в виду, столь же объективных процессов современного государствообразования и суверенизации, очевидной невозможности свести культуру к экономике, влияния факторов культурно-цивилизационной идентичности на трансфер и рецепцию инноваций, социально-политические негативные последствия навязывания всему миру единой модели управления и развития и т.д., активно развивается парадигма глокализма, принимающая во внимание культурно-цивилизационные матрицы и исторически сформировавшиеся в отдельных странах и регионах паттерны поведения, особенности менталитета, архетипы мышления и сознания.

«Число работ, посвящённых феномену глобализации и его различным аспектам, достаточно велико. К исследователям, уделившим внимание пониманию феномена глобализации в различных его аспектах можно отнести таких зарубежных учёных, как З. Бауман, У. Бек, П. Бергер, Э. Гидденс, С. Хантингтон, Х. Шуман. Активный интерес к обозначенным проблемам проявили российские исследователи Ю. В. Арутюнян, М. Н. Губогло, М. Г. Делягин, В. Л. Иноземцев, В. И. Максименко, М. А. Чешков и др.» [1, с. 111].

Вместе с тем, растёт число работ, посвящённых глокализации, которая, с одной стороны, выступает откликом со стороны незападных стран и регионов, национальных государств-цивилизаций и национальных элит и ответом на процесс глобализации. А, с другой стороны, – отражает процессы выстраивания нового «мирового порядка», который приходит на смену однополярной гегемонии Запада, в направлении многополярности и возможно, новых параметров и принципов глобальности.

Современные исследователи определяют новый порядок не только как многополярный, который сменяет биполярный и однополярный порядки в мировом масштабе, но и как постиндустриальный. Постиндустриальный мировой порядок в политике и других социально значимых сферах развития человечества должен быть основан на принципах международного сотрудничества и повышении координационной роли международных межгосударственных организаций, а не только балансе полюсов и полярностей многополярного мира. «Исследовательский вопрос состоит в том, что может послужить институциональной основой постиндустриального миропорядка, базовыми элементами которого становятся не вертикально интегрированные политические блоки государств, а непосредственно сами государства во всём их современном многообразии» [2, с. 92].

Таким образом, в русле дискуссий о новом мировом порядке, инициированных современными геополитическими трансформациями, актуализируется цивилизационный подход. При том, что «перспективы международной многосторонности, скорее всего, будут определяться в большей степени гибкими «проектными» коалициями»¹.

¹ БРИКС: между расширением и углублением - Совет по внешней и оборонной политике.: [сайт]. – URL: <https://svop.ru/main/48749/> (дата обращения: 17.02.2024).

Следует отметить, что исследования культурно-исторической школы, работы Н. Данилевского, А. Тойнби, О. Шпенглера, С. Хантингтона [3] и др. существенно повлияли на понимание цивилизации не только в целе-рациональном техно-центристском ключе, но и с учетом ее ценностно-рациональной и нерациональной составляющей, детерминированной культурными паттернами, архетипами, национальным характером, «душой культуры» (Шпенглер), религией и т.д., обладающей самоценностью, собственными циклами и вариантами развития. «В зарубежной науке цивилизационная парадигма представлена многочисленными концепциями и прежде всего цивилизационными концепциями О. Шпенглера, А. Тойнби, Г. Маркузе, Р. Осборна, Ф. Фукуямы, П. Дж. Бьюкенена, С. Хантингтона» [4, с. 76].

Вместе с тем, существенное влияние на социально-политическую мысль продолжают оказывать концепции, вестернизирующие мировую историю и предрекающие ее конец в качестве единого пространства западной цивилизации. В. С. Нейпол, Ф. Фукуяма [5] и др. считают, что по мере социально-экономической и политической модернизации, западные ценности либеральной демократии будут распространяться в глобальном масштабе, вытесняя альтернативные формы социокультурной и политической идентификации.

С теоретико-методологических позиций следует отметить современный плюрализм теоретико-методологических подходов к изучению цивилизаций, который позволяет группировать их по нескольким основаниям.

«А. Универсалистские: общенаучный эволюционизм: концепция коэволюции общества и природы (Н. Н. Моисеев, В. С. Степин); формационный подход (К. Маркс, Ф. Энгельс); синергический подход (С. П. Капица, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий); системный подход, кризис техногенной цивилизации (Е. В. Лепский); типология цивилизационного развития как целого – традиционные и техногенная цивилизация (В. С. Степин); мировая цивилизация и варварство (Н. В. Мотрошилова); цивилизация как исторический процесс становления универсальной цивилизации (В. В. Межуев); цивилизация и модернизация (Чуаньци Хэ, КНР); цивилизация как обеспечение способности и права человека связно «мыслить своим умом» (М. К. Мамардашвили); антропосоциокультурный (АСК) подход (Н. И. Лапин).

Б. Культуро-цивилизационные: культуро-типологические (Н. Я. Данилевский, А. Шпенглер, А. С. Ахиезер, Б. С. Ерасов и др.); логико-смысловой подход (А. В. Смирнов); культуро-цивилизационный плюрализм (Ф. Бродель: более 100 определений; П. С. Гуревич, Э. М. Спирова); межкультурный подход (М. Т. Степанянц);

В. Общественно-цивилизационные: общественно-цивилизационный неисторицизм (Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец); константно-матричные и иные подходы (С. Кирдина, С. А. Никольский, В. Н. Шевченко и др.);

Г. Антрополого-идентификационные: текуче-идентификационные (Н. М. Смирнова, И. С. Семеновко); индивидуально-проектные (Ю. М. Резник)» [6].

Чтобы избежать методологической и понятийной путаницы, следует отметить, что широко исследованная в рамках философских и культурологических наук оппозиция культуры и цивилизации, ориентирует на восприятие культуры как уникального, а цивилизации как универсального [7]; культуры как ценностно-идеологического, мировоззренческого, а цивилизации как технико-технологического фундамента человеческого общества. Вместе с тем, нормативный и универсальный характер цивилизации в качестве некоторого нормативного образца развитого социального устройства отвечает его прозападному пониманию. В этом случае присутствует линейное толкование мировой истории, согласно которой цивилизация западного образца является этапом развития человечества, приходящем на смену варварству и дикости, несущим нормативные образцы и эталоны прогресса следующего этапа. Соответственно в политической проекции на идейно-теоретическом уровне легитимируются вмешательства в развитие преמודерных, нецивилизованных по западному образцу стран и народов, понимание их как требующих опеки и неспособных на самостоятельное прогрессивное развитие.

Вместе с тем, многовариантное и плюралистическое понимание мировой истории, адекватное современному этапу развития гуманитарных наук, позволяет отойти от западного понимания цивилизации и его императивной универсальности. В современных социальных и политических науках это позволяет использовать концепты «цивилизационной матрицы», «культурно-цивилизационного кода», «социокультурного ландшафта», «государства-цивилизации» для обозначения

культурно-цивилизационного своеобразия и уникальности страны и национального государства, обладающих собственной ценностью и фундамирующих устойчивое успешное социально-экономическое и политическое развитие конкретного региона. То есть, цивилизация интерпретируется не столько как универсальность и прогресс на линейной оси развития, сколько как глубинное основание устойчивости и уникальности многовариантного нелинейного развития национальных государств.

Согласимся, что «С середины 90-х годов происходит напряженный поиск, пересмотр установок и оснований цивилизационных исследований» [8, с. 13], становление цивилизационного подхода как междисциплинарного направления, которое в настоящее время интенсивно развивается в виду необходимости осмысления трансформаций актуального мирового порядка, сущности и роли в данном процессе национальных элит [9].

С понятийной политологической точки зрения, следует также выделить концепт «государство-цивилизация», который отражает в научном и политическом дискурсе определённый аксиологический поворот в интерпретации социально-политического развития, а также маркер процесса усиления роли национальных государств-локальных цивилизаций, отхода от западного универсализма и его эрзац-образцов, формирования нового многополярного мира. С теоретико-методологической точки зрения это означает, что на смену оппозиции «культура – цивилизация» и «цивилизация – варварство» приходит понимание единства национальной культуры, национального суверенитета, национальных интересов, национальной безопасности в рамках концепта «государство-цивилизация» и единства государства и граждан на основе общих традиционных культурно-цивилизационных ценностей.

«Словосочетание «государство-цивилизация» как новую политико-философскую категорию особенно активно начали обсуждать на Западе после появления книги британского историка и журналиста Мартина Жака «Когда Китай правит миром: конец Западного Мира и рождение Нового мирового порядка», изданной почти одновременно в двух странах – США и Великобритании» [10, с. 109]. На примере Китая и других незападных стран можно убедиться, что, с одной стороны, в государствах-цивилизациях государство играет немаловажную системообразующую роль, выступает гарантом стабильности, стратегическим субъектом политического управления и развития. А, с другой стороны, поскольку государство опирается на традиционные цивилизационные устои и ценности, оно само приобретает специфические, заданные цивилизационной матрицей уникальные черты. Своеобразный симбиоз государства и цивилизации открывает народам дополнительные возможности выбора и поиска своего особого пути, придает инновациям самостоятельный характер и отличную от западной модели специфику.

Таким образом, в современном гуманитарном знании и его политологической проекции существует необходимость дальнейшей разработки как теоретико-методологических моделей понимания, поиска вариантов разрешения противоречия между уникальным и универсальным, так и выработки практических рекомендаций для корректировки геополитических процессов становления многополярного мира, мультикультурализма, стратегий и моделей социально-политического управления отдельных стран и регионов.

С одной стороны, это инициирует новый поиск оснований универсальности в целях глобальной интеграции и сотрудничества. А, с другой стороны, – актуализирует, теоретические и практические поиски странами и народами собственного уникального, адекватного национальным интересам пути развития. Примером последнего можно считать успешный опыт Индии, Китая, Японии, «азиатских тигров», которые совершили инновационный прорыв в экономике, не столько перенимая западные образцы управления и развития, сколько эмпирически синтезируя инновации на базе уникальных национальных особенностей.

Таким образом, ключевыми концептами в рамках цивилизационно-элитологического подхода, помимо понятия «элита», выступают концепт «локальная цивилизация» и концепт «государство-локальная цивилизация».

Локальная цивилизация – это территориально и историко-культурно объединённое пространство, национального и метанационального уровня, поскольку его народы объединены параметрами общей культурно-религиозной и социально-политической идентичности.

Поскольку локальные цивилизации диалектически развиваются и имеют общие источники культурно-исторического генезиса, определить четкие границы локальных цивилизаций не всегда возможно. «Возникающие изменения оказывают влияние на смену «культурных» парадигм и образование новых признаков, очертаний и особенностей локальных цивилизаций и даже самих локальных цивилизаций» [11].

Если сравнивать цивилизационный подход и западнцентристский универсализм, то в политической проекции они отличаются, прежде всего, тем, что:

- западнцентристский универсализм считает основным стратегическим субъектом государство и квазигосударственные структуры, а цивилизационный подход – государство-цивилизацию.
- западнцентристский универсализм придерживается линейного толкования развития и истории по универсальному западному образцу либеральной демократии, в то время как цивилизационный подход допускает многовариантное вариативное развитие на базе традиционных для каждого отдельного региона и государства ценностей.
- западнцентристский универсализм абсолютизирует экономические и технологические детерминанты социального развития. А цивилизационный подход опирается на социоприродный коэволюционизм, учитывающий детерминирующее влияние средовых факторов.
- западнцентристский универсализм основным механизмом социально-политического развития считает конкурентные персоналистические начала в экономических, политических, духовных сферах. Цивилизационный подход основывает представления об основных механизмах социально-политического развития на балансе конкурентных и солидарных начал с преобладанием общественно-солидарных начал.
- западнцентристский универсализм считает, что центры социально-политического управления – это лидеры и лидерские группы в рамках конкурентно-представительских систем. Цивилизационный подход – центрами социально-политического управления выступают циклически сменяемые элитные группы, деятельность которых обусловлена цивилизационными ценностно-культурными матрицами [12].

В политологической и политической проекции позиционирование России как государства-цивилизации в рамках цивилизационного подхода акцентирует смыслополагающую и системообразующую роль российского государства, а также учет параметров российской культурно-цивилизационной матрицы, особенностей национального менталитета, которые фундируют на уровне архетипов и глубинных структур политическое восприятие и политическое поведение, отношение к власти и политическим лидерам, задают возможности трансфера и рецепции инноваций, воспроизводятся в качестве инварианта модели политической культуры и политического действия.

Соответственно в политических науках и политическом дискурсе актуализируются проблемы национальной идентичности, национальной идеи, традиционных ценностей в контексте проблем национальной безопасности и обеспечения полноты суверенитета, единства истории и сохранения исторической памяти, национального единства, консолидации народа и власти на основании традиционных ценностей и проекта стратегического развития России, формирования национально ориентированных патриотичных элит и выдвижения во власть трансформационных лидеров. Вместе с тем, это становится полем политической и идейной конкуренции, которая выводит на новый уровень исторический спор и аргументацию «западников» и «славянофилов» о судьбе, предназначении, миссии и пути России [13]. Россия, таким образом, выступает в качестве субъекта исторического творчества, как локальная цивилизация, преодолевающая дихотомию модернизма и традиционализма, традиции и новации.

Немаловажно, что цивилизационный подход создает новую исследовательскую оптику, систему координат, в которой ценностно-цивилизационные факторы являются определяющими, и которая отходит от принципа и логики оценки политической власти, национальных элит и политических лидеров посредством сопоставления с неким нормативным образцом, в качестве которого принималась западная либеральная демократия и ее индивидуалистические капиталистические ценности.

В целом согласимся, что существуют как минимум два основания для интерпретации развития современных социально-политических систем: на основании исторической системы и мир-системного подхода, согласно которому основным субъектом социальной эволюции является

историческая система, с присущей ей внутренней логикой развития, автономностью территориальных и временных границ [14] и на основании локальной цивилизации, цивилизационная общность которой обеспечивается преимущественно факторами ценностного, культурного характера, прежде всего религии, исторически сложившегося менталитета, традиционными ценностями и т.д. [15]

Следует отметить, что, несмотря на различие в интерпретации понятия цивилизация, общим является понимание, что цивилизация представляет собой некое целое, причем обладающее некой имманентной внутренней логикой развития. Внешние факторы могут способствовать или препятствовать реализации внутренней логики и цивилизационной миссии того или иного народа, но не способны радикально изменить ее. Особая роль при этом отводится творческому меньшинству, элите, лидерам, которые обладают пассионарной творческой энергией, визионерством, а в политической проекции – еще и властью, политическим символическим и материальным ресурсом и капиталом, трансформационным влиянием и стратегическим видением для продвижения цивилизационного проекта в актуальной действительности. Таким образом, цивилизационный подход предполагает лидерско-элитную составляющую, которая учитывает цивилизационные детерминанты в качестве факторов, определяющих качество национальных элит и особенности социально-политического развития конкретного государства-цивилизации.

А. Тойнби, как известно, интегрировал в своей концепции культурно-исторического развития идеи Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Бергсона и др. о том, что творцами культуры-цивилизации выступает не все человечество, а его наиболее творческая часть – элитарное меньшинство. Творческая энергия элиты выступает основанием развития цивилизации. Соответственно, когда творческая энергия элиты иссякает, она вырождается и становится реакционной, - вырождается и цивилизация, происходит ее надлом. «Надлом означает исчезновение с исторической арены творческого меньшинства, вызывавшего доверие и добровольное желание подражать ему, следовать за ним. Постепенно ему на смену приходит правящее меньшинство, которое пытается узурпировать наследство, ему не принадлежащее. Доверие к себе оно пытается сохранить с помощью силы, все еще находящейся в его распоряжении» [16, с. 305]. Немаловажно, что энергия элиты вызывает подражание среди не элитных слоев общества и распространяется даже за пределы отдельных цивилизаций, иницируя развитие на других территориях. То есть именно элитное творческое меньшинство в конечном итоге становится источником и механизмом эволюции и развития цивилизаций в мировом масштабе.

Подобная логика прослеживается и в цивилизационно-элитном подходе П. Сорокина и Л. Гумилёва. У Сорокина социальная стратификация общества, которая способствует развитию и процветанию цивилизации предполагает, что у власти находится творческая энергичная элита, разделяющая цивилизационные ценности. Как только элита становится самозамкнутой, исключающей приток новых молодых талантливых членов, она неизбежно вырождается, а вместе с ней происходит и закат цивилизации.

Л. Н. Гумилев связывает расцвет цивилизации с пассионарностью управляющих элит [17]. Здесь важно отметить своеобразную двустороннюю связь между качеством элиты и процветанием цивилизации. С одной стороны, пассионарная элита выступает основанием и предпосылкой процветания социума. А, с другой стороны, именно в периоды наибольшей пассионарности социума в элиту выдвигаются наиболее адекватные, талантливые, выдающиеся личности, настоящие пассионарии – носители «вируса пассионарности». Когда пассионарная энергия социума снижается, то вместе с ней снижается и качество элит, поскольку к власти приходят «ничтожные люди».

Итак, цивилизационно-элитологический подход развивает цивилизационный подход в направлении анализа механизмов и необходимых предпосылок эволюции, расцвета и упадка цивилизаций на культурно-ценностной основе и актуализирует проблему качества элит. Он востребует многовариантное и плюралистическое понимание мировой истории, адекватное современному этапу развития гуманитарных наук, которое позволяет отойти от западного понимания цивилизации и его императивной универсальности. В современных социальных и политических науках это позволяет использовать концепты «цивилизационной матрицы», «культурно-цивилизационного кода», «социокультурного ландшафта», «государства-цивилизации» для обозначения культурно-цивилизационного своеобразия и уникальности страны и национального государства, обладающего собственной ценностью и фундаментирующего устойчивое успешное социально-экономическое и политическое развитие конкретного региона. То есть, цивилизация интерпретируется

не столько как универсальность и прогресс на линейной оси развития, сколько как глубинное основание устойчивости и уникальности многовариантного нелинейного развития национальных государств. При этом концепт «государство-цивилизация» отражает в научном и политическом дискурсе определённый аксиологический поворот в интерпретации социально-политического развития, выступает как маркер процесса усиления роли национальных государств на основании их культурно-цивилизационной идентичности, а не технико-технологического фундамента, процесса отхода от западного универсализма и его эрзац-образцов, формирования нового многополярного мира в результате мультикультурного диалога локальных цивилизаций.

С теоретико-методологической точки зрения это означает, что на смену оппозиции «культура – цивилизация» и «цивилизация – варварство» приходит понимание единства национальной культуры, национального суверенитета, национальных интересов, национальной безопасности в рамках концепта «государство-цивилизация» и единства государства и граждан на основе общих традиционных культурно-цивилизационных ценностей.

Список источников

1. Васильева В. В. Историография глобализации в отечественной и зарубежной науке // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2021. № 1.
2. Нисневич Ю. А. Институциональная основа формирования постиндустриального миропорядка // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 2.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. 571 с.
4. Старостин А. М., Жуковский Д. А. Цивилизационная парадигма в политической науке: многовариантность моделей в контексте цивилизационной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2015. №3.
5. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–155.
6. Лапин Н.И. «Российский проект цивилизационного развития» и антропосоциокультурный подход. Проблемы цивилизационного развития. – URL: <https://civstudies.ru/article/view/6206> (дата обращения 12.02.2024)
7. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2014.
8. Костяев А. И., Максимова Н. Ю. Современная российская цивилизациология: Подходы, проблемы, понятия. Изд. 3, стереотип. М.: URSS, 2019. 328 с. ISBN 978-5-9710-6786-3. С. 13.
9. Старостин А. М. Элитообразование и элитное стратегирование в условиях развертывания глобальных инноваций // Вопросы элитологии. 2022. № 2.
10. Спиридонова В. И. Рецензия: Россия как цивилизация будущего // Вопросы социальной теории: научный альманах. Т. XII / под ред. Ю.М. Резника. М.: Изд-во независимого института гражданского общества, 2020. 288 с. // Проблемы цивилизационного развития. 2020. Т. 2. № 2. С. 107–124.
11. Евсеев А. С., Петрова С. В., Антоновская Е. А. Становление России как локальной цивилизации в современных условиях // Фундаментальные исследования. 2020. № 10. С. 56-60; URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42855> (дата обращения: 15.02.2024).
12. Старостин А. М. Исследовательская философия в системном и инструментальном измерении. Монография. Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018. 704 с.
13. Мchedлова М. М., Букин О. А. Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 445–454. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-445-454>.
14. Валлерстайн И. Исторические системы как сложные системы // Философские перипетии. Вестник Харьковского государственного университета. № 409'98. Серия: философия. ХГУ, 1998. С. 198–203.
15. Горюнов А. В. Современная модель социальных изменений. Опыт экспликации // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 3–11.
16. Тойнби А. Дж. Постижение истории: сборник: перевод с английского / А. Дж. Тойнби; составитель: д. философ. н. Огурцов А. П.; вступительная статья д. и. н. Уколовой В. И.; заключительная статья к. и. н. Рашковского Е. Б. М.: Издательство Прогресс, 1991. 730, [1] с.
17. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2001. 560 с.

References

1. Vasilyeva V. V. Historiography of globalization in domestic and foreign science. *Bulletin of the Udmurt University. The series "History and Philology"*. 2021;(1). (In Russ.)
2. Nisnevich Yu. A. The institutional basis for the formation of the post-industrial world order. *Questions of theoretical economics*. 2021;(2). (In Russ.)
3. Huntington S. *The Clash of Civilizations*. Moscow: AST: AST MOSCOW; 2006. 571 p. (In Russ.)
4. Starostin A. M., Zhukovsky D. A. The civilizational paradigm in political science: the multivariance of models in the context of civilizational security. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2015;(3). (In Russ.)
5. Fukuyama F. The end of the story? *Questions of philosophy*. 1990;(3):134–155. (In Russ.)
6. Lapin N. I. "The Russian project of civilizational development" and the anthroposociocultural approach. *Problems of civilizational development*. Available from: <https://civstudies.ru/article/view/6206> [Accessed 12 February 2024]. (In Russ.)
7. Braudel F. *Grammar of civilizations*. Moscow; 2014. (In Russ.)
8. Kostyaev A. I., Maksimova N. Yu. *Modern Russian civilizationology: Approaches, problems, concepts*. Ed. 3, stereotype. Moscow: URSS; 2019. 328 p. ISBN 978-5-9710-6786-3. (In Russ.)
9. Starostin A.M. Elite education and elite strategizing in the context of the deployment of global innovations. *Questions of elitism*. 2022;(2). (In Russ.)
10. Spiridonova V. I. Review: Russia as a civilization of the future // Questions of social theory: scientific almanac. Vol. XII / edited by Yu.M. Reznik. M.: Publishing House of the Independent Institute civil society, 2020. 288 p. *Problems of civilizational development*. 2020;2(2):107–124. (In Russ.)
11. Evseev A. S., Petrova S. V., Antonovskaya E. A. The formation of Russia as a local civilization in modern conditions. *Fundamental research*. 2020;(10):56–60; Available from: URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42855> [Accessed 15 February 2024]. (In Russ.)
12. Starostin A. M. *Research philosophy in the systemic and instrumental dimension*. Monograph. Rostov-on-Don: Publishing House of the Russian State University of Economics (RINH); 2018. 704 p. (In Russ.)
13. Mchedlova M. M., Bukin O. A. Russian civilization: a civilizational approach in political theory. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2023;25(2):445–454. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-445-454>
14. Wallerstein I. Historical systems as complex systems. *Philosophical vicissitudes. Bulletin of Kharkiv State University*. № 409'98. Series: philosophy. Pp. 198-203. (In Russ.)
15. Goryunov A. V. Modern model of social change. Explication experience. *Sociological research*. 2011;(2):3–11. (In Russ.)
16. Toynbee A. J. *Comprehension of history*: collection: translated from English / A. J. Toynbee; compiler: D. philosopher. N. Ogurtsov A. P.; introductory article by D. I. N. Ukolova V. I.; final article by K. I. N. Rashkovsky E. B. Moscow: Progress Publishing House, 1991. 730 p. (In Russ.)
17. Gumilev L. N. *Ethnogenesis and the biosphere of the Earth*. Moscow; 2001. 560 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Панков – аспирант ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

A. V. Pankov – Postgraduate of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPa.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 14.02.2024; одобрена после рецензирования 29.02.2024; принята к публикации 01.03.2024.

The article was submitted 14.02.2024; approved after reviewing 29.02.2024; accepted for publication 01.03.2024.

Научная статья

УДК 32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-217-223>

EDN AQVACO

Инструменты контрпропаганды в условиях гибридного внешнеполитического противоборства

Элина Бексолтановна Уртаева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал, Одинцово, Россия,
elina.urtaeva1@gmail.com

Аннотация. В статье представлены и проанализированы инструменты контрпропаганды в условиях гибридного внешнеполитического противоборства, аспекты и проблемы политических коммуникаций в ходе гибридной войны, в которую оказалась вовлечена Российская Федерация в противостоянии с недружественными и деструктивными силами стран коллективного Запада, а также их прокси. Описаны ключевые направления антироссийских политических коммуникаций в условиях гибридной войны, показаны аспекты их реализации противника, особое внимание уделено проблематике противодействия специальным информационно-психологическим операциям. Аргументирована значимость контрпропаганды в результативном ведении информационного противостояния, ориентированном как на внешнюю, так и на внутреннюю аудиторию. Представлен и описан набор перспективного инструментария успешной организации контрпропаганды в текущих условиях гибридного военно-политического противоборства России с коллективным Западом.

Ключевые слова: гибридная война, политические коммуникации, манипулирование, дезинформация, контрпропаганда, цифровые коммуникации

Для цитирования: Уртаева Э. Б. Инструменты контрпропаганды в условиях гибридного внешнеполитического противоборства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 217–223. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-217-223>. EDN AQVACO

Politology and Ethnopolitics

Original article

Tools of counterpropaganda in the context of hybrid foreign policy confrontation

Elina B. Urtaeva

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Odintsovo branch, Odintsovo, Moscow region, Russia, elina.urtaeva1@gmail.com

Abstract. The article presents and analyses the tools of counterpropaganda in the context of a hybrid foreign policy confrontation. The aspects and problems of political communications are presented during the hybrid war in which the Russian Federation was involved in confrontation with the unfriendly and destructive forces of the countries of the collective West, as well as their proxies. The key directions of anti-Russian political communications in the conditions of a hybrid war are described, aspects of their implementation by the enemy are shown, special attention is paid to the problems of countering special information and psychological operations. The importance of counterpropaganda in the effective conduct of information confrontation, aimed at both external and internal audiences, is argued. A set of promising tools for successfully organizing counterpropaganda in the current conditions of the hybrid military-political confrontation between Russia and the collective West is presented and described.

Keywords: hybrid war, political communications, manipulation, disinformation, counterpropaganda, digital communications

For citation: Urtaeva E. B. Tools of counterpropaganda in the context of hybrid foreign policy confrontation. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):217–223. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-217-223>. EDN AQVACO

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем обстоятельством, что в современном мире эскалация внешнеполитического противоборства все чаще происходит в гибридном поле, с активным захватом информационного пространства и ведением в нем так называемых гибридных войн, в которых исключительно важная роль отводится специальным информационно-психологическим операциям, иным актам информационно-коммуникационного воздействия, сбору аналитики в сетевом пространстве, контролю и блокировке приоритетных цифровых каналов коммуникаций [1–3].

В последнее десятилетие, и, в особенности, с 2022 г., ключевым международным пространством гибридного политического противостояния становится обострившийся конфликт между Россией и так называемым коллективным Западом, представленным, прежде всего, странами англосаксонского мира, стремящимися сохранить столь устраивавшую их однополярность в мироустройстве, которая, однако, систематически наносит непоправимый вред международным отношениям и хронически подрывает продуктивность архитектуры глобальной безопасности.

Для современной России исключительную важность приобретает обеспечение результативной практической деятельности по преодолению информационных атак со стороны недружественных государств как в пространстве внутренних политических и иных коммуникаций, так и во внешней среде, в том числе при выстраивании и поддержании положительного образа Российского государства на международной арене. В качестве некоторого минимума в реагировании на информационно-коммуникационные акты гибридной войны, развязанной недружественными государствами против России, может рассматриваться контрпропаганда, которая призвана включать в себя элементы ретроспективности и проактивности, обеспечивая, тем самым, результативный ответ на негативные внешние информационные воздействия [4–5].

С учетом известной новизны планирования и организации политических коммуникаций в условиях гибридной войны, пространство которой все чаще связано с цифровыми каналами и инструментами генерирования и распространения информации, представляется важным оказывать комплексное научное содействие в разработке и применения перспективного инструментария контрпропаганды.

Цель и задачи. Целью настоящей публикации выступает идентификация спектра перспективных инструментов контрпропаганды при организации политических коммуникаций внутри и за пределами России в условиях гибридного внешнеполитического противоборства. Задачами публикации выступили: рассмотрение специфики современных гибридных войн и ее отражения в политических коммуникациях; раскрытие основ организации контрпропаганды в условиях гибридных войн, ориентированной на внутреннюю и внешнюю аудиторию; разработка перечня и уточнение специфики применения инструментов контрпропаганды в политических коммуникациях в Российской Федерации.

Материалы и методы. Публикация опирается на материалы релевантных исследований, предлагающих элементы концептуального анализа политических коммуникаций и возможностей контрпропаганды в условиях ведения гибридного военно-политического противоборства. При подготовке исследования использованы системно-структурный, сравнительный, исторический, аналитический и прогностический методы и подходы в изучении политических коммуникаций.

Результаты. Представляется возможным предложить следующее научное определение гибридной войны: форма военно-политического противоборства, в которой используются не только традиционные военные методы, но и невооруженные инструменты и приемы практической деятельности, такие как информационная война, кибератаки, финансовые санкции и иные меры экономического и политического давления. Главной целью гибридной войны является достижение политических целей путем использования различных инструментов в разных сферах.

Многие авторы, например [6–8], утверждают о том, что политические коммуникации стали ключевой, определяющей сферой ведения современных гибридных войн, в том числе того военно-политического противоборства с коллективным Западом, в которое оказалась вовлечена современная Российская Федерация. С помощью политических коммуникаций реализуется потенциал формирования и управления общественным мнением, расширяются возможности по созданию определенной атмосферы социальной деятельности и дискредитации оппонентов, включая, например, очернение имиджа конкретных политиков, политических партий и вовсе государств. Использование социальных сетей, масс-медиа и других каналов связи позволяет управлять информационным пространством и повлиять на мнение широкой аудитории.

На сегодня политические коммуникации стали неотъемлемой частью гибридной войны и играют ключевую роль в ее успехе или неудаче. При этом могут быть выделены три основных направления внешнего коммуникативного воздействия на Российскую Федерацию в ходе обострения противостояния с коллективным Западом, начиная с февраля 2022 года:

1) попытки сформировать в сознании граждан иностранных государств образа России как государства-преступника, вместе с созданием устойчивых практик общественного порицания всего русского, культуры массового отказа и уничтожения русского языка, культуры, экономики за рубежом, с созданием у России, россиян и политических лидеров нашей страны образа идеального и непримиримого врага, якобы угрожающего всему человечеству. Помимо существенного очернения имиджа России и распространения культуры «отмены русского», важным инструментом активности в гибридной войне по данному направлению выступает манипуляция в международных политических коммуникациях так называемым «ядерным нарративом»: необоснованными обвинениями России в готовности произвольного применения ядерного оружия с одновременным убеждением международной общественности не только в готовности, но и в якобы существующем непреодолимым желанием непременно совершить акт ядерного безумства в ответ на придуманную Западом неспособность России достичь целей и задач Специальной военной операции на Украине и обеспечить приоритетные национальные интересы военным и/или дипломатическим путем. В частности, мифы о ядерном шантаже России получили широкое распространение не только в средствах массовой информации, но и, например, в академической среде на Западе [9];

2) попытки оказания информационного воздействия на внутреннюю политику в России, в том числе сформировать межнациональную или политическую рознь, стимулировать фрагментацию гражданского общества и др. В соответствующих действиях значительная роль отводится разного рода прокси в информационной политике Запада: иноСМИ, иностранным агентам в России, и прочим релокантам или представителям так называемой «пятой колонны», остающимся в России и по причинам, прежде всего, технико-юридического характера, все еще не получившим статус иноагентов;

3) ситуативные спланированные и контролируемые акции по дезинформации и политическим манипуляциям, направленным избирательно на российскую, украинскую или западную аудиторию, учитывающие психологические особенности восприятия политической информации, которые принято также называть информационно-психологическими специальными операциями (ИПСО). ИПСО стали важнейшим инструментом в противостоянии России и Запада в украинском конфликте, при этом специализированные службы на Украине, по всей видимости, создавались ведущими специалистами по гибридной информационно-психологической борьбе, прежде всего, из США и Великобритании, и до настоящего времени управляются и координируются из этих стран, в том числе с опорой на предоставляемые ими ресурсы [10–11].

Характер гибридного военно-политического противоборства современного этапа заключается в том, что от вовлечения в гибридные войны заведомо проигрывает большинство или все их активные участники [12–13], поэтому при наличии соответствующих возможностей, таких противоборств следует избегать или всеми силами предотвращать их разрастание в полноценный конфликт, что и делалось активно российскими политическими акторами накануне февраля 2022 г.

Однако поскольку все же избежать эскалации не удалось, важно всесторонне укреплять позиции, обеспечивающие национальные интересы Российской Федерации в системе политических

коммуникаций в условиях гибридного военно-политического противоборства. В этой связи особый интерес представляют инструменты контрпропаганды, которые активно использовались в информационных конфликтах времен холодной войны, однако соответствующий опыт с годами утрачивался, и, кроме того, может рассматриваться как, по крайней мере, частично нерелевантным с учетом прогресса в методах и технологиях политических коммуникаций, в особенности с наступлением цифровой эпохи.

Под контрпропагандой в комплексе политических коммуникаций в условиях ведения гибридных войн представляется целесообразным понимать систему информационно-коммуникационных мероприятий, направленных на противодействие негативному воздействию пропаганды на общественное мнение и формирование альтернативного взгляда на события и процессы, происходящие в стране и за ее пределами.

В контексте гибридных войн контрпропаганда является одним из инструментов борьбы за информационное превосходство и включает в себя использование различных каналов связи, в том числе социальных сетей, масс-медиа, блогов и других онлайн-платформ. С учетом особенностей ведения гибридного противостояния России и коллективного Запада на фронтах на Украине важное значение приобретает противостояние специальным информационно-психологическим операциям.

Контрпропаганда также может включать в себя использование экспертов, общественных деятелей и других влиятельных личностей для формирования позиции, противостоящей агрессивной пропаганде. Основная цель контрпропаганды – предотвратить манипуляции общественным мнением и сохранить информационную независимость и свободу.

Для успешной организации контрпропаганды в текущих условиях гибридного военно-политического противоборства России с коллективным Западом представляется целесообразным в приоритетном порядке развивать практику применения следующего перспективного инструментария:

1. Мониторинг и анализ информационного пространства. Для контрпропаганды в условиях гибридного внешнеполитического противоборства необходимо постоянно отслеживать и анализировать информационные потоки, чтобы быстро реагировать на негативные новости и дезинформацию. Для этого целесообразно использовать специализированные программы для мониторинга и анализа социальных сетей и СМИ, уделяя особое внимание цифровым технологиям новейшего периода, в том числе нейросетям (искусственному интеллекту) и машинному обучению.

2. Создание качественного контента. Важно создавать контент, который будет информативным, достоверным и интересным для аудитории, с учетом ее специфики, в том числе национальной принадлежности. Это может быть как текстовый материал, так и видео, фотографии или аудио. Контент должен быть ориентирован на решение конкретных задач, например, развенчание мифов или предоставление фактов, опровергающих дезинформацию. Вместе с инновационным, которое в России, порой, превышает по своей эффективности вещание, нацеленную на внутреннюю аудиторию, важно развивать контент, нацеленный на определенные группы получателей информации, выделяемые по национальной и религиозной принадлежности, дружественности к России (применительно к иностранным аудиториям), политической ангажированности и подкованности, возрасту и роду деятельности и иным социально-демографическим аспектам (применительно как ко внутренней, так и к зарубежной аудитории).

3. Работа с блогерами и экспертами. Необходимо развивать сотрудничество с блогерами и экспертами, которые будут публиковать качественный контент и давать свои экспертные оценки. Блогеры и эксперты могут помочь в распространении контента и повышении его достоверности. Важно не утрачивая контроль над российской блогосферой, формировать пул добровольных участников информационной политики мерами позитивной мотивации. В зоне особого интереса – блогеры из иностранных государств, и прежде всего та часть сетевых лидеров общественного мнения (ЛОМов), которые не утратили навыки аналитического мышления и способны трезво оценить реальные интересы и позиции Российской Федерации в гибридном конфликте – в отличие от Запада, России попросту нет необходимости заниматься сочинительством, выдумывая нарративы,

оправдывающие безосновательные и безответственные поступки, подрывающие международную безопасность. Однако донести это до зарубежной аудитории, в особенности в наиболее «зашоренном» западной пропаганде сегментом, результативно смогут, прежде всего, такие же сограждане, которые сумели выйти за рамки обыденного и готовы открыться правдивой информации, перекрываемой потоками дезинформации и политической манипуляции. Уважение или вовсе любовь таких ЛОМов к русской культуре, приверженность традиционным ценностям и другие подобные аспекты могут стать источником более продуктивного взаимодействия, но с учетом специфики осуществления контрпропаганды в гибридном конфликте, вовсе не должны рассматриваться в качестве императивных требований, наличие которых лишь ограничит и без того не самый широкий круг потенциальных партнеров.

4. Продвижение в социальных сетях. Социальные сети являются одним из самых эффективных каналов распространения информации. Необходимо активно продвигать свой контент в социальных сетях, чтобы он быстро достигал целевой аудитории, для этого можно использовать рекламные инструменты социальных сетей, в особенности с учетом их трансграничного характера, позволяющего обеспечивать активности как в России, так и за рубежом. Продвижение образа России в социальных сетях за рубежом – задача особой сложности, поскольку она связана с технологическими мерами противодействия информационным фильтрам, установленным недружественными сторонами. Наличие таких фильтров в наиболее популярных у иностранных аудиторий социальных сетях, прежде всего, контролируемых вашингтонским и брюссельским обкомами может в значительной мере нивелировать информационные активности, включая привлечение к контрпропаганде зарубежных ЛОМов. Борьба с фильтрами и иным просеиванием политической информации должна осуществляться сведущими специалистами с надлежащим технологическим обеспечением и вестись преимущественно через инструменты искусственного интеллекта и машинного обучения, применение которых способно обеспечить наиболее высокие ожидаемые уровни показателей по качеству и результативности обхода фильтров информации и прочих информационных блокировок.

5. Организация собственных ИПСО встречного характера, с высоким профессионализмом, однако ответственным поведением, в том числе перед теми сторонами противника, которые склонны соблюдать базисные этические принципы негласного ведения информационных войн, а также перед той частью международного сообщества, которое, не будучи вовлеченным напрямую в гибридные войны, может от них пострадать. Ответный, зеркальный характер соответствующих мер поспособствует их позитивному восприятию в дружественном зарубежье, пониманию необходимости с последующим повышением уровня одобрения позиций Российской Федерации в гибридном внешнеполитическом противоборстве в глобальном масштабе.

6. Профилактическая и просветительская работа с населением. Заключительный инструмент из предлагаемого перечня относится преимущественно к внутренней аудитории, с которой возможно осуществлять систематическое и планомерное взаимодействие. Необходимо проводить обучающие мероприятия, на которых будет рассказываться о способах распознавания дезинформации и манипуляций в информационном пространстве. Обучение может проводиться как в формате онлайн-курсов, так и офлайн-семинаров, а некоторые элементы могут быть реализованы в массовом режиме всеобща.

Выводы. В современном мире дезинформация и манипуляции являются распространенными методами ведения политической борьбы, и контрпропаганда позволяет бороться с этими явлениями, будучи направленной на создание качественного контента, распространение достоверной информации, а также на обучение населения способам распознавания дезинформации и манипуляций в информационном пространстве. Контрпропаганда помогает обеспечить национальную безопасность, защитить интересы страны и ее граждан, а также сохранить стабильность в обществе, поддерживая, восстанавливая и укрепляя позитивный имидж страны за рубежом, прежде всего, в дружественных государствах.

Представленный в настоящей публикации перечень инструментария контрпропаганды в условиях гибридной войны безусловно не носит исчерпывающего характера, а прежде всего

призван ориентировать теорию и практику политических коммуникаций, которые сталкиваются с затруднениями в развитии соответствующих инструментариев в новейшей ситуации, не будучи подкрепленными релевантным многолетним опытом работы. При разработке и реализации инструментов контрпропаганды особо важно учитывать потенциал и риски цифровизации, одновременно стремясь опережать противника, относясь к его деятельности со всей серьезностью, и пытаясь спрогнозировать и предсказать новые действия, которые при ближайшем приближении не образуют непреодолимых задач в информационно-коммуникационной работе.

Список источников

1. Cullen P., Wegge N. Hybrid warfare. *Intelligence Analysis in the Digital Age*. 2021 Aug 5.
2. Qureshi W.A. The rise of hybrid warfare. *Notre Dame J. Int'l Comp. L.* 2020;10:173. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://scholarship.law.nd.edu/ndjicl/vol10/iss2/5>. дата обращения: 15.01.2024.
3. Weissmann M., Nilsson N., Palmertz B., Thunholm P. Hybrid warfare: Security and asymmetric conflict in international relations. Bloomsbury Academic; 2021. <https://doi.org/10.5040/9781788317795>.
4. Aslam S., Hayat N., Ali A. Hybrid warfare and social media: need and scope of digital literacy. *Indian Journal of Science and Technology*. 2020 Feb 5;13(12):1293-9. <https://doi.org/10.17485/IJST/v13i12.43>.
5. Sokolov S., Nyrkov A., Knysh T., Shvets A. Countering Cyberattacks During Information Operations. In *International Scientific Conference on Architecture and Construction 2020 Sep 22* (pp. 84-100). Singapore: Springer Nature Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-33-6208-6_9.
6. Грачёв С. И., Чикальдина В. С. К вопросу о многогранности содержания военно-политической сферы: современный подход // *KANT: Social science & Humanities*. 2023(2 (14)):20-4. <https://doi.org/10.24923/2305-8757.2023-14-4>.
7. Комлева Н. А. Геополитическая безопасность современной России: сущность, структура, основы мониторинга // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2022(4):102-16. <https://doi.org/10.5922/sikbfu-2022-4-9>.
8. Stojanović G. Hybrid Wars in the 21st Century: Study on the Russia-Ukraine Conflict. In *Fighting for Empowerment in an Age of Violence 2022* (pp. 238-248). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-6684-4964-6.ch014>.
9. Brusylovskaya O. Russia's Nuclear Blackmail as a Threat to the Global Nuclear Order. In *Russia's War on Ukraine: The Implications for the Global Nuclear Order 2023 Sep 2* (pp. 39-52). Cham: Springer Nature Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-031-32221-1_4.
10. Козин М. Н., Родионов А. В. Методы и инструменты ведения информационной войны: новые угрозы подрыва социально-экономической и политической стабильности государства // *Человек: преступление и наказание*. 2022. № 30(3). С. 326-335. [https://doi.org/10.33463/2687-1238.2022.30\(1-4\).3.326-335](https://doi.org/10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.326-335).
11. Минаева Л. В. Стратегическая коммуникация и информационная война // *Российская школа связей с общественностью*. 2022. № 26. С. 59-82.
12. Caliskan M., Liégeois M. The concept of 'hybrid warfare' undermines NATO's strategic thinking: insights from interviews with NATO officials. *Small wars & insurgencies*. 2021 Feb 17;32(2):295-319. <https://doi.org/10.1080/09592318.2020.1860374>.
13. Najzer B. The hybrid age: International security in the era of hybrid warfare. Bloomsbury Publishing; 2022. ISBN: HB: 978-0-7556-0251-3.

References

1. Cullen P., Wegge N. Hybrid warfare. *Intelligence Analysis in the Digital Age*. 2021 Aug 5.
2. Qureshi W.A. The rise of hybrid warfare. *Notre Dame J. Int'l Comp. L.* 2020;10:173. [Electronic resource]. Available from: <https://scholarship.law.nd.edu/ndjicl/vol10/iss2/5> [Accessed 15 January 2024].
3. Weissmann M., Nilsson N., Palmertz B., Thunholm P. *Hybrid warfare: Security and asymmetric conflict in international relations*. Bloomsbury Academic; 2021. <https://doi.org/10.5040/9781788317795>.
4. Aslam S., Hayat N., Ali A. Hybrid warfare and social media: need and scope of digital literacy. *Indian Journal of Science and Technology*. 2020. Feb 5;13(12):1293-9. <https://doi.org/10.17485/IJST/v13i12.43>.

5. Sokolov S., Nyrkov A., Knysh T., Shvets A. Countering Cyberattacks During Information Operations. In *International Scientific Conference on Architecture and Construction 2020 Sep 22* (pp. 84-100). Singapore: Springer Nature Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-33-6208-6_9.
6. Grachev S.I., Chikaldina V.S. On the issue of the versatility of the content of the military-political sphere: a modern approach. *KANT: Social science & Humanities*. 2023;(2(14)):20-4. <https://doi.org/10.24923/2305-8757.2023-14-4>. (In Russ.)
7. Komleva N. A. Geopolitical security of modern Russia: essence, structure, fundamentals of monitoring. *Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Humanities and social sciences*. 2022(4):102-16. <https://doi.org/10.5922/sikbfu-2022-4-9>. (In Russ.)
8. Stojanović G. Hybrid Wars in the 21st Century: Study on the Russia-Ukraine Conflict. In *Fighting for Empowerment in an Age of Violence 2022* (pp. 238-248). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-6684-4964-6.ch014>.
9. Brusylovska O. Russia's Nuclear Blackmail as a Threat to the Global Nuclear Order. In *Russia's War on Ukraine: The Implications for the Global Nuclear Order 2023 Sep 2* (pp. 39-52). Cham: Springer Nature Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-031-32221-1_4.
10. Kozin M. N., Rodionov A. V. Methods and tools of information warfare: new threats to undermine the socio-economic and political stability of the state. *Man: crime and punishment*. 2022;30(3):326-35. [https://doi.org/10.33463/2687-1238.2022.30\(1-4\).3.326-335](https://doi.org/10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.326-335) (In Russ.)
11. Minaeva L.V. Strategic communication and information warfare. *Russian School of Public Relations*. 2022(26):59-82. (In Russ.)
12. Caliskan M., Liégeois M. The concept of 'hybrid warfare' undermines NATO's strategic thinking: insights from interviews with NATO officials. *Small wars & insurgencies*. 2021 Feb 17;32(2):295-319. <https://doi.org/10.1080/09592318.2020.1860374>.
13. Najžer B. *The hybrid age: International security in the era of hybrid warfare*. Bloomsbury Publishing; 2022. ISBN: HB: 978-0-7556-0251-3.

Информация об авторе

Э. Б. Уртаева – кандидат политических наук, доцент кафедры регионального управления и национальной политики факультета управления и политики МГИМО МИД России (Одинцовский филиал).

Information about the author

E. B. Urtaeva – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of the Department of Regional Governance and National Politics of the Faculty of Governance and Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo branch.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 12.01.2024; одобрена после рецензирования 08.02.2024; принята к публикации 09.02.2024.

The article was submitted 12.01.2024; approved after reviewing 08.02.2024; accepted for publication 09.02.2024.

Перспективы сотрудничества Российской Федерации и стран Средней Азии в сфере безопасности

Галина Васильевна Ярошенко¹, Вячеслав Викторович Комерцов²,
Станислав Сергеевич Шестаков³

^{1,3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

²Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

¹yaroshenko-gv@ranepa.ru

²komercov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7313-1095>

³sshestakov-20@edu.ranepa.ru

Аннотация. Средняя Азия в настоящее время играет важную геополитическую роль в сохранении баланса сил в Евразии. Роль России в развитии ситуации в регионе эволюционирует, но остается одной из ведущих. Развитие современных мировых геополитических процессов диктует необходимость для Российской Федерации поиска территориальных направлений укрепления своего влияния в целях повышения уровня защищенности от внешних вызовов и угроз. Стратегически важным в данном отношении выступает выстраивание конструктивного взаимодействия нашей страны с государствами Средней Азии, направленного на обеспечение комплексной безопасности всех сторон. Охарактеризованы особенности сотрудничества Российской Федерации и стран Средней Азии в сфере безопасности, его направления и формы. Рассмотрены ключевые угрозы в сфере безопасности и сформированные институциональные механизмы противодействия данным угрозам.

Ключевые слова: безопасность, Средняя Азия, терроризм, наркотрафик, СНГ, ШОС, ОДКБ

Для цитирования: Ярошенко Г. В., Комерцов В. В., Шестаков С. С. Перспективы сотрудничества Российской Федерации и стран Средней Азии в сфере безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 224–230. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-224-230>. EDN AJEKLQ

Politology and Ethnopolitics

Original article

Prospects for cooperation between the Russian Federation and Central Asian countries in the field of security

Galina V. Yaroshenko¹, Vyacheslav V. Komertsov², Stanislav S. Shestakov³

^{1,3}South Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

¹yaroshenko-gv@ranepa.ru

²komercov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7313-1095>

³sshestakov-20@edu.ranepa.ru

Abstract. Central Asia currently plays an important geopolitical role in maintaining the balance of power in Eurasia. Russia's role in the development of the situation in the region is evolving, but remains one of the leading ones. The development of modern global geopolitical processes dictates the need for the Russian Federation to search for territorial areas to strengthen its influence in order to increase the level of protection from external challenges and threats. Strategically important in this regard is the building of constructive cooperation between our country and the states of Central Asia, aimed at ensuring the comprehensive security of all parties. The features of cooperation between the Russian Federation and the countries of Central Asia in the field of security, its directions and forms are described. The key threats in the field of security and the institutional mechanisms formed to counter these threats are considered.

Keywords: security, Central Asia, terrorism, drug trafficking

For citation: Yaroshenko G. V., Komertsov V. V., Shestakov S. S. Prospects for cooperation between the Russian Federation and Central Asian countries in the field of security. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):224–230. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-224-230>. EDN AJEKLQ

Развитие современных мировых геополитических процессов диктует необходимость для Российской Федерации поиска территориальных направлений укрепления своего влияния в целях повышения уровня защищенности от внешних вызовов и угроз. Стратегически важным в данном отношении выступает выстраивание конструктивного взаимодействия нашей страны с государствами Средней Азии, направленного на обеспечение комплексной безопасности всех сторон.

Учитывая неоднозначность конкретизации в научной среде перечня территорий Средней Азии, а также отсутствие явной демаркации Средней и Центральной Азии, в рамках настоящей статьи будем рассматривать направления сотрудничества Российской Федерации с такими среднеазиатскими странами, как Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан и Таджикистан.

Средняя Азия является одним из макроекографических центров притяжения, местом пересечения интересов и объектом воздействия не только нашей страны, но и иных региональных и глобальных игроков на политической арене. Ключевыми причинами данного феномена выступают значительная по размерам территория, богатый рекреационный потенциал, совокупный ВВП объемом более 300 млрд долл. и население численностью 75 млн чел. [1]. Кроме того, центральное положение среднеазиатских стран в Евразии (географическое и геополитическое) обуславливает возможность управления транзитом углеводородов и других видов стратегического сырья.

Для России Средняя Азия – зона исторически обусловленных интересов, важный партнер по привилегированному сотрудничеству в военно-политической, торгово-экономической и культурно-гуманитарной сферах, а также в деле обеспечения общей безопасности государств Евразии с южного направления.

Именно вопросы безопасности выступают значимым аспектом взаимодействия России и стран Средней Азии. Ключевые вопросы совместной работы в данном отношении связаны с необходимостью противодействия внешним угрозам и проблемам.

Основной вектор сопряжения сил Российской Федерации и среднеазиатских стран ориентирован на нейтрализацию террористической угрозы, поскольку Средняя Азия выступает одним из очагов активной деятельности террористических организаций, отраженных на рис. 1.

Рис. 1. Регионы и организации, представляющие террористическую угрозу национальной безопасности России и стран Средней Азии [2]

Fig. 1. Regions and organizations posing a terrorist threat to the national security of Russia and Central Asian countries

Среднеазиатский регион является своего рода перевалочным пунктом международного терроризма, продуцируемого в пакистано-афганской зоне и транслирующего идеи радикального исламизма как непосредственно на государства Средней Азии (преимущественно Казахстан и Кыргызстан), так и на все постсоветское пространство.

С террористической угрозой неразрывно связана проблема интенсификации наркотрафика. Среднеазиатские страны являются частью так называемого «северного маршрута», по которому транспортируется порядка 30% производимых в Афганистане наркотических веществ в Европу и Россию. Являясь подконтрольным экстремистским силам, наркотрафик выступает значительным источником финансирования террористической деятельности в регионе.

Отдельно следует выделить угрозы безопасности сетевого характера. В условиях возрастающая роль всемирной информационной сети происходит перенос деятельности как традиционных, так и нетрадиционных акторов в киберпространство, что является основой возникновения таких угроз безопасности, как кибертерроризм, киберэкстремизм и др. Основной проблемной областью среднеазиатских стран выступает техническая составляющая, то есть отсутствие или неэффективность служб реагирования на компьютерные инциденты на государственном уровне.

Со всеми государствами Средней Азии у России сложились отношения стратегического партнерства, а с большинством из них – союзничества, что предполагает взаимопомощь в случае агрессии или иных существенных угроз безопасности друг друга.

Основой взаимодействия Российской Федерации и среднеазиатских стран в сфере безопасности являются различного рода соглашения и интеграционные объединения.

Так, одним из первых документов о сотрудничестве в сфере безопасности между нашей страной и странами Средней Азии был Меморандум о сотрудничестве по охране внешних государственных границ от 24.12.1993. Указанное соглашение появилось как реакция на сложившуюся в то время беспокойную обстановку на таджикско-афганском направлении.

Дальнейшая консолидация усилий в области коллективной безопасности происходила посредством как двусторонних, так и многосторонних интеграционных взаимодействий.

Двусторонние формы сотрудничества России со странами Средней Азии в сфере безопасности реализуются следующим образом:

- финансовая поддержка Российской Федерации отдельных направлений обеспечения безопасности в среднеазиатском регионе. Так, к примеру, участвуя в проекте Управления ООН по наркотикам и преступности, Россией в текущем году выделены 500 тыс. долл. США и ведется подготовка «антинаркотических» кадров. Ранее Правительством Российской Федерации было принято решение о выделении Таджикистану более 3,5 млн долл. США на борьбу с наркоугрозой в 2019-2021 гг.;

- размещение военного контингента в целях обеспечения национальной безопасности страны дислоцирования, а также поддержания мира и стабильности в среднеазиатском регионе в целом, являясь значительным сдерживающим фактором для экстремистских исламских группировок Афганистана. В настоящее время различные формирования и объекты Вооруженных сил Российской Федерации расположены в Казахстане, Таджикистане и Кыргызстане (рис. 2);

- поддержка в рамках дипломатического поля, подтверждением чему являются действия стран Средней Азии (преимущественно Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана) в рамках голосований в отношении принятия резолюций ООН по Украине. Указанные страны не голосуют «за», а систематически воздерживаются от голосования;

- консультационная поддержка. Например, в рамках противодействия проблемам предотвращения киберпреступлений можно отметить, что страны Средней Азии активно развивают региональные инициативы по вопросам обеспечения кибербезопасности и пресечения террористической деятельности в киберсреде, однако данные форматы взаимодействия слабо институционализированы и преимущественно представлены дискуссионными площадками. В данных условиях российская сторона оказывает консультационную поддержку среднеазиатским странам в рамках различных форумов и встреч [3].

Рис. 2. Российские военные объекты в Средней Азии
Fig. 2. Russian military installations in Central Asia

Интеграционные объединения, имеющие в рамках своих целей те или иные аспекты безопасности России и стран Средней Азии достаточно обширны (рис. 3).

Страны Центральной Азии	СНГ	ОДКБ (Организация договора о коллективной безопасности)	ШОС (Шанхайская организация сотрудничества)	ЕАЭС
Казахстан	+	+	+	+
Киргизия	+	+	+	+
Узбекистан	+	+	+	
Таджикистан	+	+	+	
Туркменистан	На правах ассоциированного членства			
	Россия	+	+	+
	Армения	+		+
	Беларусь	+	Беларусь – наблюдатель при ШОС	+
	Азербайджан		Индия	
	Молдова		Китай	
			Пакистан	

Рис. 3. Институциональные формы сотрудничества Российской Федерации и стран Средней Азии [4]

Fig. 3. Institutional forms of cooperation between the Russian Federation and the countries of Central Asia

Безальтернативное значение в области в сфере безопасности сохраняет сотрудничество Российской Федерации и стран Средней Азии в ОДКБ, СНГ и ШОС [5].

В частности, в рамках ОДКБ, членами которого в настоящее время являются Россия, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. ключевые фокусы внимания всех сторон сосредоточены на противодействии терроризму, наркотрафику и нелегальной миграции, исходящим из северных районов Афганистана в Среднюю Азию.

Деятельность ОДКБ показывает свою эффективность, что было подтверждено в январе 2022 г. коллективные силы ОДКБ были задействованы в связи с возникновением на территории Казахстана угрозы безопасности, стабильности и суверенитету страны, вызванной в том числе вмешательством извне. Результатом реализации потенциала ОДКБ стала стабилизации обстановки в стране и возвращение ее в правовое поле.

Как интеграционный институт ОДКБ планомерно реструктуризируется и преобразуется от военно-политического блока, ориентированного исключительно на оборонную функцию, до многофункциональной организации, обладающей действенным инструментарием обеспечения политической, экономической, информационной, экологической и др. безопасности всех заинтересованных сторон и способной своевременно и эффективно реагировать на любые вызовы и угрозы.

Несмотря на наличие сформированных институтов сотрудничества, следует отметить наличие определенных сложностей во взаимодействии Российской Федерации и стран Средней Азии в сфере безопасности, обусловленных реализуемой политикой западных стран.

Во-первых, имеют место стремления уменьшения значимости и влияния России в регионе. Основной инструмент – санкционная политика. Инициированные США и поддержанные их сателлитами экономические санкции осложнили взаимодействие между нашей стороной и государствами Средней Азии, увеличив риск подпадания последних под вторичные санкции. «При этом среди постсоветских стран Центральной Азии и Закавказья в антироссийской санкционной политике после начала СВО по-настоящему не участвует ни одна из стран региона» [6]. Для изменения сложившейся ситуации представители США проводят работу по изменению в среднеазиатских странах подходов к санкционной политике против России в угоду интересам США. В этом контексте выявление возможностей создания геополитической стратегии, реализации системного подхода к сотрудничеству со Средней Азией в условиях санкционного давления является важной задачей.

Во-вторых, актуализируются устремления западных государств к установлению собственного контроля над среднеазиатским регионом.

Так, к примеру постоянно видоизменяющаяся активная политика США в Среднеазиатском регионе предусматривает поступательную реализацию следующих агрегированных задач [7]:

- «демократическая трансформация» государств Средней Азии с целью их включения в западную модель демократических ценностей [8];
- снижение зависимости среднеазиатских стран от России посредством обеспечения их экономического суверенитета;
- поддержка проведения войны в Афганистане [9];
- установление политического и экономического господства США в регионе.

Учитывая сложившиеся геополитические условия, считаем целесообразным дальнейшее развитие взаимоотношений Российской Федерации и Средней Азии в области безопасности. Перспективными в данном отношении считаем следующие меры: вовлечение Туркменистана в деятельность сложившихся интеграционных объединений для обеспечения принципа целостности; осуществление системного мониторинга ситуации на афганском направлении в целях своевременного реагирования на возникающие вызовы и угрозы; реализация превентивной политики по ослаблению роли западных стран в среднеазиатском регионе.

Список источников

1. Зиядуллаев Н. С, Бахриддинова Х. А., Омарова З. К. Стратегический вектор развития стран ЕАЭС и Центральной Азии в рамках приоритетов обеспечения экономической безопасности // Экономика Центральной Азии. 2023. Том 7 (№ 1): 16. doi: 10.18334/asia.7.1.116969.
2. Рахманов Н. В. Террористические организации как негосударственный субъект системы международных отношений: диссертация ... канд.полит.наук. Нижний Новгород, 2022. С. 129.
3. Галицына А. Э., Кембель О. В., Потапова Д. Д. Региональное сотрудничество стран Центральной Азии в борьбе с кибертерроризмом // Постсоветские исследования. 2023. № 6(6). С. 626–638. DOI 10.54220/finis.1991-0525.2023.78.1.013.
4. Шепель Т. С., Ходоченко А. В. Национальные экономические интересы России в странах Центральной Азии в условиях трансформации мирового геоэкономического пространства // Финансовые исследования. 2023. № 1 (78). DOI 10.54220/finis.1991-0525.2023.78.1.013.
5. Мармونتова Т. В., Тажибаев А. Т., Шамсиева И. М., Махмутходжаева Л. С., Кожирова С. Б. Центральная Азия – Россия: возможности и ограничения при построении совместного будущего (опыт форсайт-анализа) // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 1(7): 66-77. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1\(7\)-66-77](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1(7)-66-77).
6. Абрамов С. В. СВО и трансформация отношений России с постсоветскими государствами на примере Центральной Азии, Закавказья и Белоруссии // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Культурология. Политология. 2023. Т. 9 (№ 3).
7. Усенов А. Эволюция политики России и Соединенных Штатов Америки в отношении стран Центральной Азии // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2023; №. 3: 52-58. DOI:10.26104/NNTIK.2023.21.78.010.
8. Гарбузарова Е. Г. Политика США в Центральной Азии: фазы активности // Проблемы постсоветского пространства. 2023. № 10(1). С. 26–36. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-1-26-36>.
9. Джоробекова А. Э., Троицкий Е. Ф., Юн С. М., Тимошенко А. Г. Региональная безопасность в Центральной Азии в условиях возвращения талибов к власти: вызовы и угрозы, сценарии развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28 (№ 3). С. 187-196. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.17>.

References

1. Ziyadullaev N. S., Bakhriddinova Kh. A., Omarova Z. K. Strategic vector of development of the countries of the EAEU and Central Asia within the framework of priorities for ensuring economic security. *Economy of Central Asia*. 2023;7(1). (In Russ.). doi: 10.18334/asia.7.1.116969
2. Rakhmanov N. V. *Terrorist organizations as a non-state subject of the system of international relations*: dissertation ... candidate of political sciences. Nizhny Novgorod, 2022. (In Russ.)
3. Galitsyna A. E., Kembel O. V., Potapova D. D. Regional cooperation of Central Asian countries in the fight against cyber terrorism. *Post-Soviet studies*. 2023;6(6):626–638. (In Russ.). DOI 10.54220/finis.1991-0525.2023.78.1.013
4. Shepel T. S., Khodochenko A. V. National economic interests of Russia in the countries of Central Asia in the context of transformation of the global geo-economic space. *Financial research*. 2023;1(78). (In Russ.). DOI 10.54220/finis.1991-0525.2023.78.1.013.
5. Marmontova T. V., Tazhibaev A. T., Shamsieva I. M., Makhmutkhodzhaeva L. S., Kozhirova S. B. Central Asia – Russia: opportunities and limitations in building a common future (foresight analysis experience). *Russia and the world: scientific dialogue*. 2023;1(7):66-77. (In Russ.). [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1\(7\)-66-77](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1(7)-66-77).
6. Abramov S. V. Special military operation and the transformation of Russia's relations with post-Soviet states using the example of Central Asia, Transcaucasia and Belarus. *Scientific notes of the Crimean Federal University named after. Vernadsky. Philosophy. Culturology. Political science*. 2023;9(3). (In Russ.).

7. Usenov A. The evolution of the policy of Russia and the United States of America towards the countries of Central Asia. *Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan*. 2023;(3):52–58. (In Russ.). DOI:10.26104/NNTIK.2023.21.78.010.

8. Garbuzarova E. G. US policy in Central Asia: phases of activity. *Problems of the post-Soviet space*. 2023;10(1):26–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-1-26-36>.

9. Jorobekova A. E., Troitsky E. F., Yun S. M., Timoshenko A. G. Regional security in Central Asia in the context of the Taliban's return to power: challenges and threats, development scenarios. *Bulletin of Volgograd State University. Episode 4, History. Regional studies. International relationships*. 2023;28(3):187–196. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.17>.

Информация об авторах

Г. В. Ярошенко – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

В. В. Комерцов – преподаватель кафедры информационного обеспечения ОВД РЮИ МВД России.

С. С. Шестаков – студент факультета политологии ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

G. V. Yaroshenko – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

V. V. Komertsov – Lecturer of the Department of Information Support of Internal Affairs Bodies, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

S. S. Shestakov – Student of the Faculty of Political Science, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 01.02.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2023; принята к публикации 20.02.2024.

The article was submitted 01.02.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 20.02.2024.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 231–236
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(1):231–236

Проблемы социологии

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-231-236>

EDN ABUSEC

Биометрические технологии: отношение населения и преодоление рисков

**Яна Викторовна Артамонова¹, Сергей Сергеевич Барсуков²,
Анна Андреевна Суханова³**

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
janaserduchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9618-0960>

²Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия,
barsukov1982@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6043-4124>

³Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
elagin1982@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-4262-9020>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению биометрических систем идентификации населения, используемых сегодня большим количеством информационных платформ. В настоящее время биометрические системы идентификации используются в различных сервисах, вытесняя системы, использующие в качестве идентификаторов логин и пароль человека. Авторы работы в рамках статьи обращаются к рассмотрению социальных и технологических аспектов биометрии. В статье приведена характеристика основных видов биометрических систем, использующих как статические, так и динамические методы. Также авторы выделяют основные причины скепсиса со стороны пользователей среди российского населения, куда можно отнести недоверие граждан к надежности хранения личной информации, что может привести к утечке данных. В статье рассмотрены актуальные в настоящий момент проблемы использования биометрических систем идентификации и варианты их решения.

Ключевые слова: биометрия, идентификация, аутентификация, вены, радужная оболочка, сетчатка, геометрия лица, клавиатурный почерк, сосудистый рисунок, биометрический шаблон

Для цитирования: Артамонова Я. В., Барсуков С. С., Суханова А. А. Биометрические технологии: отношение населения и преодоление рисков // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 231–236. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-231-236>. EDN ABUSEC

Sociology Problems

Original article

Biometric technologies: the attitude of the population and overcoming risks

Yana V. Artamonova¹, Sergey S. Barsukov², Anna A. Sukhanova³

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
janaserduchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9618-0960>

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia,
barsukov1982@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6043-4124>

³St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia,
elagin1982@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-4262-9020>

Abstract. The article is devoted to biometric identification systems. Currently, biometric identification systems are used in various services, replacing systems that use a person's username and password as identifiers. The authors of the work address the social and technological aspects of biometrics in the framework of the article. The article describes the main types of biometric systems using both static and dynamic methods. The authors also identify the main reasons for skepticism on the part of users among the Russian population, which include citizens' distrust of the reliability of storing personal information, which can lead to data leakage. The article discusses the current problems of using biometric identification systems and their solutions.

Keywords: biometrics, identification, authentication, veins, facial geometry, iris, retina, keyboard handwriting, vascular pattern, biometric template

For citation: Artamonova Ya. V., Barsukov S. S., Sukhanova A. A. Biometric technologies: the attitude of the population and overcoming risks. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):231–236. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-231-236>. EDN ABUSEC

В настоящий момент во всем мире в различных сферах крайне востребованы системы безопасности с высокой степенью надежности. Еще недавно единственным возможным способом установления личности человека являлась проверка документов. Распространение электронного банковского обслуживания, строгие требования по обеспечению безопасности на рабочих местах, а также многие другие изменения жизни человека в современном мире послужили толчком для начала создания электронных учетных записей с использованием логина (имени пользователя) и пароля (случайной последовательности символов, созданной пользователем) для регистрации и последующей аутентификации в компьютерной системе. Данное событие стало значительным прорывом в направлении защиты информации от несанкционированного доступа.

В связи с непрерывным ростом количества компьютерных систем пользователю необходимо на постоянной основе использовать несколько разных паролей, запоминать их либо записывать в бумажной или электронной форме. Для упрощения запоминания зачастую используются свои же имена или имена близких, даты рождения, номера телефонов, адреса проживания – то, что легче запоминается и фиксируется. Такие логины и пароли ведут к утечке информации либо позволяют путем подбора или использования специальных программ осуществить несанкционированную аутентификацию пользователя, что влечет за собой получение доступа к личной (персональной) информации лица, в то время как подмена личности и мошенничество является значительной проблемой в современном деловом мире [1].

Появление и активное распространение систем, направленных на идентификацию личности на основе биометрии, позволяют совершенствовать многие сферы работы и жизнедеятельности человека, влияют не только на скорость работы, но и на точность процедур.

Активное внедрение данной технологии помимо позитивного влияния на работу различных служб, безусловно, требует особых методов при сборе, хранении, использовании и обработки биометрических данных. В связи с активным использованием данных технологий исследователи обращаются к рассмотрению вопросов о работе биометрических технологий в различных сферах деятельности [2]. Например, исследовательский коллектив из Новосибирского государственного университета экономики и управления касаются изучения пользы от биометрических технологий для банковской, указывают на их защищенность, удобство, стоимость и другие характеристики [2]. Поскольку вопрос применения биометрии тесно связан с использованием персональных данных гражданина, то исследователи не могут обойти стороной вопросы возникновения правовых проблем, связанных с данными технологиями [3]. Помимо этого, ученые обращаются к изучению биометрических технологий с точки зрения использования данных методик в рамках правоохранительной деятельности [4].

Поскольку информационно-коммуникационные технологии в последние годы стали занимать одну из лидирующих позиций в различных сферах деятельности, то это вызывает неподдельный интерес со стороны научного сообщества.

В рамках данной работы рассматривается роль биометрии в жизни населения России, а также их отношения к внедрению и использованию данных технологий.

«Биометрия – наука, основанная на описании и измерении физиологических и поведенческих характеристик организмов живых существ. В применении к системам автоматической идентификации биометрическими являются системы и способы, основанные на использовании для верификации и идентификации уникальных характеристик организма» [5].

Верификацией называется сравнение нового биометрического образца с ранее сохраненным образцом. Выполнив сравнение двух образцов, система может вынести решение, является ли данный человек действительно тем, за кого себя выдает, то есть произвести аутентификацию – проверку подлинности.

Идентификация – сравнение измеренного параметра со всеми имеющимися записями из базы данных. Таким образом, особенностью биометрической идентификации является большой размер биометрической базы данных.

Идентификация состоит из четырех стадий. Первая стадия – запись, во время которой система запоминает физический или поведенческий образец. Вторая стадия – выделение, составляется биометрический образец на основе записанной уникальной информации. Далее осуществляется сравнение, образец сравнивается с представленными в базе. Завершающий этап – определение совпадения или несовпадения.

Системы по типу используемых биометрических параметров разделяются на две группы. Статический метод позволяет осуществить распознавание физических параметров человека. Динамический метод дает возможность проанализировать особенности поведения в момент выполнения какого-либо повседневного действия.

При помощи биометрии современные компьютеры и различные мобильные устройства, а также банковские и другие приложения имеют возможность осуществить аутентификацию пользователя, а организации имеют возможность разграничить доступ работников в зависимости от должности, помимо этого ограничивают доступ к секретным объектам. Несмотря на удобство использования биометрии, многие предпочитают использовать старые методы.

Среди основных причин, которые активно препятствуют внедрению биометрических технологий, можно выделить следующие: слабая информированность населения, риск осуществления несанкционированного доступа к биометрическим параметрам, возможность изменения характеристик с течением времени или из-за болезней, высокая стоимость аппаратного обеспечения, отсутствие надежного способа обеспечения взаимодействия между работой системы и защиты используемых биометрических показателей [6].

Действительно, уникальные возможности биометрической идентификации ценятся не только пользователями за удобство, но и мошенниками – киберпреступниками. При этом несомненным является тот факт, что скомпрометированные пароли можно всегда сменить на новые, а изменить собственные биометрические данные не представляется возможным. Также следует отметить, что некоторые системы биометрической идентификации подтверждают личность с вероятностью, близкой, но не равной 100%, следовательно, допускается возможность, что человек может незначительно отличаться от своей биометрической модели, которая была сохранена в базе.

Для лучшего понимания достоинств и недостатков биометрии остановимся на некоторых наиболее популярных в настоящее время системах.

К основным видам статистического метода относится идентификация по папиллярному узору, радужной оболочке, сетчатке, геометрии и термографии лица, расположению вен на кистях (васкулярная идентификация).

Дактилоскопия – наиболее популярная технология, которая основана на сканировании и распознавании папиллярных узоров, которые формируются в сосочковом слое дермы под эпидермисом. Данный метод легок в использовании, надежен универсальностью данных и активно используются правоохранительными органами для наполнения учетов электронными образцами. Используемые сканеры имеют небольшой размер и относительно небольшую стоимость.

Папиллярные узоры обладают уникальностью, восстанавливаемостью и устойчивостью, что позволяет использовать данный метод в криминалистике, финансовой сфере и в быту: последнее время производится множество устройств (ноутбуков, смартфонов, клавиатур и пр.) со встроенным сканером папиллярных узоров. Однако в данном случае можно говорить лишь об относительной восстанавливаемости и устойчивости. В случае глубоких повреждений, захватывающих дерму, образуются шрамы. А вследствие поверхностных порезов, особенностей выполнения работ

у людей некоторых профессий (аграрное производство, строительство), сезонных температурных изменений папиллярные узоры могут временно становиться непригодными для идентификации. В связи с использованием сложных алгоритмов распознавания мельчайших папиллярных линий, система требует полный контакт пальца со сканером. Кроме того, систему можно обмануть с помощью качественного муляжа.

Аутентификация по геометрии лица подразделяется на двухмерное и трехмерное распознавание. В процессе сканирования построение шаблона происходит на основании неизменных характеристик головы (форма черепа, надбровных дуг, высота и ширина скул и т.д.).

Аутентификация по радужной оболочке. Рисунок радужки является относительно устойчивым в течение всей жизни, дополнительной надежности способствует различие рисунков радужки левого и правого глаза [7–8]. Устройства, считывающие изображение радужки, являются не сканерами, а специализированными камерами, выполняющими определенное количество снимков в секунду. При этом считывающая камера может находиться на расстоянии до 1 метра, что увеличивает комфорт пользователя. Однако возможность дистанционного снятия изображения радужки увеличивает вероятность кражи биометрического параметра злоумышленниками. Поэтому использовать данный метод, как и аутентификацию по геометрии лица, необходимо одновременно с дополнительными программами защиты от подделок – например с системой, определяющей реакцию зрачка на поток света.

Надежность аутентификации по сетчатке гораздо выше, чем по папиллярным узорам, геометрии лица и радужной оболочке, так как в данном случае в качестве ключа используется биометрический параметр, расположенный внутри глаза. В отличие от радужки, уникальное изображение глазного дна, то есть неповторимое для каждого человека расположение кровеносных сосудов, невозможно снять дистанционно. Сканирование предусматривает направление к главному дну через зрачок инфракрасного излучения низкой интенсивности или мягкого лазера для выявления уникального сосудистого рисунка. Сканеры данного вида имеют высокую стоимость. Для прохождения аутентификации пользователю необходимо максимально приблизить лицо к устройству и направить взгляд на определенную метку на дисплее, находясь в одном положении некоторое время. Данный метод обладает невысоким уровнем комфорта, также не представляется возможным им воспользоваться в случаях, когда необходимо провести аутентификацию большого количества людей за короткое время (например, на проходных) в связи с относительно долгим сканированием.

Схожая методика используется при аутентификации по васкулярному рисунку кистей рук, когда в качестве идентификатора используется уникальное расположение поверхностных вен [9]. Васкулярный рисунок устойчив во времени, подвержен изменению лишь в случае некоторых заболеваний (например, при артрите). Метод также является высоко надежным (ключ расположен внутри тела), при этом стоимость данных систем значительно ниже тех, что работают с сетчаткой.

Основными на всемирном рынке биометрической защиты долгое время являлись системы, использующие статистический метод. Динамическая аутентификация и комбинированные системы занимали лишь незначительную долю рынка. Однако в последние годы наблюдается активное развитие именно динамических методов. Среди них наиболее распространены следующие: идентификация по голосу, подписи и клавиатурному почерку.

Формирование персонального шаблона при идентификации по голосу происходит по нескольким характеристикам: тональности, модуляции, интонации, отличительным особенностям произношения определенных звуков.

Клавиатурный почерк – биометрическая совокупная характеристика скорости ввода, время зажатия клавиш, частоты произведенных ошибок при вводе, степени аритмии при наборе символов, продолжительности интервалов между нажатиями и т.д.

Точную верификацию подписи обеспечивает специальное оборудование: световые перья и сенсорные экраны. При этом, биометрический метод аутентификации может использовать анализ, как визуальных характеристик подписи, так и динамических, учитывающих статистические и периодические характеристики написания.

Серьезными недостатками динамических методов является зависимость характеристик от текущего психоэмоционального и физиологического состояния пользователя в момент сдачи биометрии. Усталость, возрастные изменения и заболевания могут значительно изменять биометрические показатели, что приводит к ошибкам аутентификации. К тому же данные методы используют идентификаторы, которые нельзя назвать скрытыми, что сказывается на их надежности.

Как мы видим, существуют различные биометрические методы со своими плюсами и недостатками. Но также мы можем обратить внимание и на то, что из результатов опросов населения видно, многие люди до сих пор предпочитают старые методы аутентификации (использование логина и пароля) вместо использования биометрии.

На наш взгляд, для популяризации данных технологий среди российского населения, а также основным стимулом для сдачи биометрических данных должно быть четкое понимание пользователем того, для чего эти данные будут использоваться, и гарантия их надежной защиты.

То есть гражданам в доступной форме необходимо объяснять, что отличительной особенностью биометрических систем является хранение в их базах наборов цифр, характеризующих контрольные точки, по которым определяются индивидуальные характеристики биометрической модели. Так, в базе Единой биометрической системы персональные данные хранятся в обезличенном и зашифрованном виде, по которому восстановить фотографию или голос невозможно, можно лишь сравнить поступающие в систему запросы с данными моделями. Для идентификации пользователя система строит биометрическую модель и сравнивает ее с хранящимся в базе образцом. Обмануть систему с помощью похищенных из нее данных невозможно.

В целях увеличения надежности защищенности данных также следует отдавать предпочтение тем системам, которые используют скрытые идентификаторы, то есть располагающиеся внутри организма, например, идентификации по сетчатке или васкулярному рисунку кистей. В настоящее время обязательным требованием является и многофакторность аутентификации, но в данном случае необходимо решить, какие именно системы должны быть задействованы в данном процессе.

Разработчикам и законодательным органам следует на основе новейших исследований уязвимостей данных систем оперативно доработать решения по самой идентификации, например, сконцентрироваться на поиске совместимости биометрических данных и протоколов с нулевым разглашением, так и нормативные акты, регулирующие их работу.

На наш взгляд, если будут проведены дополнительные разъяснения населению о принципах работы биометрии, о возможностях ее использования, например, посредством рекламных роликов, а со стороны разработчиков системы будут проработаны надежные механизмы защиты данных, то пользователи с большей уверенностью будут прибегать к использованию данных методик.

Список источников

1. Глинская Е. В. Биометрическая технология васкулярной идентификации личности // Инженерный вестник. 2013. № 5.
2. Биометрия. Как работает и какие риски несет? / Я. В. Жуков, Р. Ю. Лысенко, Н. Г. Протас, Г. М. Тарасова // Modern Economy Success. 2020. № 3. С. 13-19.
3. Рассолов И. М., Чубукова С. Г., Микурова И. В. Биометрия в контексте персональных данных и генетической информации: правовые проблемы // Lex Russica. 2019. №1 (146). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biometriya-v-kontekste-personalnyh-dannyh-i-geneticheskoy-informatsii-pravovye-problemy> (дата обращения: 14.12.2023).
4. Дивольд В. Е. Предпосылки создания национальной системы биометрической идентификации личности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27. № 2(81). С. 139–143. DOI 10.24412/1999-625X-2021-2-139-143.
5. Болл Р., Коннел Д., Панканти Ш., Ратха Н., Сеньор Э. Руководство по биометрии. М.: Техносфера, 2007. 368 с.
6. Макшанова А. О., Зимнуров М. Ф., Астраханцева И. А., Астраханцев Р. Г. Анализ рисков и перспективы использования биометрических технологий в цифровой экономике // Проблемы экономики, финансов и управления производством. 2021. № 48. С. 101–104.
7. Барсуков С. С. Криминалистическая идентификация по радужной оболочке и сетчатке глаза: современные возможности и проблемы применения // Юрист-Правоведъ. 2021. №1 (96). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-identifikatsiya-po-raduzhnoy-obolochke-i-setchatke-glaza-sovremennyye-vozmozhnosti-i-problemy-primeneniya> (дата обращения: 17.12.2023).
8. Гришенкова Н. П., Лавров Д. Н. Обзор методов идентификации человека по радужной оболочке глаза // Математические структуры и моделирование. 2014. № 1 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-metodov-identifikatsii-cheloveka-po-raduzhnoy-obolochke-glaza> (дата обращения: 17.12.2023).

9. Баранов С. О., Абрамов Д. Б. Технология биометрической аутентификации пользователя по венозному рисунку кистей рук // Вестник Вестник Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии. 2017. №2 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-biometricheskoy-autentifikatsii-polzovatelya-po-venoznomu-risunku-kistey-ruk> (дата обращения: 17.12.2023).

References

1. Glinskaya E.V. Biometric technology of vascular identity identification. *Engineering Bulletin*. 2013;(5). (In Russ.)
2. Zhukov Ya. V., Lysenko R.Y., Protas N. G., Tarasova G. M. Biometrics. How does it work and what risks does it carry? *Modern Economy Success*. 2020;(3):13–19. (In Russ.)
3. Rassolov I. M., Chubukova S. G., Mikurova I. V. Biometrics in the context of personal data and genetic information: legal problems. *Lex Russica*. 2019;1(146). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/biometriya-v-kontekste-personalnyh-dannyh-i-geneticheskoy-informatsii-pravovye-problemy> [Accessed 14 December 2023]. (In Russ.)
4. Divold V. E. Prerequisites for the creation of a national biometric identification system. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;2(81):139–143. DOI 10.24412/1999-625X-2021-2-139-143. (In Russ.)
5. Ball R., Connell D., Pankanti Sh., Ratha N., Senior E. *Guide to biometrics*. Moscow: Technosphere; 2007. 368 p. (In Russ.)
6. Makshanova A. O., Zimnurov M. F., Astrakhantseva I. A., Astrakhantsev R. G. Risk analysis and prospects for the use of biometric technologies in the digital economy. *Problems of economics, finance and production management*. 2021;(48):101–104 (In Russ.)
7. Barsukov S. S. Criminalistic identification by the iris and retina of the eye: modern possibilities and problems of application. *Jurist-Pravoved*. 2021;1(96). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-identifikatsiya-po-raduzhnoy-obolochke-i-setchatke-glaza-sovremennye-vozmozhnosti-i-problemy-primeneniya> [Accessed 17 December 2023] (In Russ.)
8. Grishenkova N. P., Lavrov D. N. Review of methods for identifying a person by the iris of the eye. *Mathematical structures and modeling*. 2014;1(29). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-metodov-identifikatsii-cheloveka-po-raduzhnoy-obolochke-glaza> [Accessed 14 December 2023] (In Russ.)
9. Baranov S. O., Abramov D. B. Technology of biometric authentication of the user by the venous pattern of the hands. *Bulletin of the Siberian State Automobile and Road Academy*. 2017;2(54). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-biometricheskoy-autentifikatsii-polzovatelya-po-venoznomu-risunku-kistey-ruk> [Accessed 17 December 2023] (In Russ.)

Информация об авторах

Я. В. Артамонова – кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии и регионоведения ЮФУ.

С. С. Барсуков – старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности, подполковник полиции, РЮИ МВД России.

А. А. Суханова – старший преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях, подполковник полиции, Санкт-Петербургский университет МВД России.

Information about the authors

Ya. V. Artamonova – Cand. Sci. (Sociol.), Lecturer, Southern Federal University, Institute of Sociology and Regional Studies.

S. S. Barsukov – Senior Lecturer, Police Lieutenant Colonel, Department of Criminalistics and Operational-Investigative Activities, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

A. A. Sukhanova – Senior Lecturer, Police Lieutenant Colonel, Department of Internal Affairs in Special Conditions, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 26.01.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 26.01.2024.

Media as an innovative fourth institution of power in the era of mass media development

Ivan M. Vakula¹, Natalya Kh. Gafiatulina², Natalya S. Pichko³

¹Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia, imvakula@mail.ru

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, gafiatulina@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7548-1350>

³Branch of Ukhta State Technical University in Usinsk, Usinsk, Russia, natpichko@yandex.ru

Abstract: In modern social knowledge, the idea of the role of the media in the self-regulation of society is urgent. There are various paradigms for considering the social significance of the media, within which they are viewed as an instrument of purposeful power influence on the social worldview, as an independent civil institution focused on the social cognition of society members, and, finally, as a mechanism for representing stable sociocultural concepts in the system of social communication. All of these approaches are united by consideration of the fundamental importance of the sphere of information relations as a factor in building social interaction. The article examines the social significance of key mass media, as well as the nature of their functioning in the context of modern technological development of communication media. The ratio of “natural” processes in the media space and the practice of targeted impact on public consciousness through key mass media is analyzed. The phenomenon of network media is investigated in the context of the general trend of shifting communication processes towards network interaction.

Keywords: society, mass-media, self-regulation of society, power, fourth institution of power, social worldview, information relations, information processes

For citation: Vakula I. M., Gafiatulina N. Kh., Pichko N. S. Media as an innovative fourth institution of power in the era of mass media development. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(1):237–243. (In Russ.).* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-237-243>. EDN ZUDBVF

Проблемы социологии

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-237-243>

EDN ZUDBVF

СМИ как инновационный четвертый институт власти в эпоху развития масс-медиа

Иван Михайлович Вакула¹, Наталья Халиловна Гафиатулина²,
Наталья Сергеевна Пичко³

¹Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия, imvakula@mail.ru

²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, gafiatulina@yandex.ru,
<https://orcid.org/orcid 0000-0002-7548-1350>

³ Филиал Ухтинского государственного технического университета в г. Усинске, Усинск, Россия, natpichko@yandex.ru

Аннотация. В современном социальном знании активное отражение получает идея роли средств массовой информации в саморегуляции общества. Существуют различные парадигмы рассмотрения социального значения СМИ, в рамках которых они рассматриваются как инструмент целенаправленного властного воздействия на социальное мировоззрение, как самостоятельный гражданский институт, ориентированный на социальное познание членов общества и, наконец, как механизм репрезентации устойчивых социокультурных концептов в системе социальной коммуникации.

Все перечисленные подходы объединяет рассмотрение фундаментального значения сферы информационных отношений как фактора выстраивания социального взаимодействия. В статье рассматривается социальное значение ключевых медиа, а также характер их функционирования в условиях современного технологического развития средств коммуникации. Анализируется соотношение «естественных» процессов в медиaprостранстве и практик целенаправленного воздействия на общественное сознание посредством ключевых масс-медиа. Исследуется феномен сетевых медиа в контексте общей тенденции смещения коммуникативных процессов в сторону сетевого взаимодействия.

Ключевые слова: общество, масс-медиа, средства массовой информации, саморегуляция общества, власть, четвертый институт власти, социальное мировоззрение, информационные отношения, информационные процессы

Для цитирования: Вакула И. М., Гафиатулина Н. Х., Пичко Н. С. СМИ как инновационный четвертый институт власти в эпоху развития масс-медиа // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 237–243. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-237-243>. EDN ZUDBVF

Introduction. In addition to the three basic branches of government - judicial, executive and legislative, researchers often speak of the "fourth power", meaning the impact of media on society. The concept of the decisive importance of information processes, placing various media on the same level with key government institutions, has a long history dating back to works devoted to the influence of worldview factors on the life of society. Back in the first half of the 20th century, a number of studies were formed on the importance of the worldview as a factor of social activity having an alternative character in relation to the main spectrum of regulatory institutions influencing the social subject from the outside.

The motives of the acting subject, his value orientations, the way of perceiving the surrounding reality, target attitudes that are summed up in a life strategy, the means and ways of achieving the set goals acceptable from the point of view of the subject were subjected to serious analysis and, in particular, determined the ideological content of a number of sociological theories. It is quite natural that the statement of the social significance of the worldview factors was followed by an analysis of the sources of the formation of the worldview. As a result, the value of the general cultural context (as a relatively stable set of ideas, perceptions, value orientations, etc.) and the high importance of information relations continuously flowing in society, having increased dynamics and contributing to active filling and, including transformation of social worldview, were determined. This is where the study of the social significance of media processes begins, which determines at a deep level the formation (and, in particular, the transformation) of the worldview of society members.

With the development of information technologies, there is a gradual change in ideas about the nature of information relations and their significance in the life of society [1, 2]. The formation of numerous theories of post-industrial society contains, among other things, a stable tendency to consider the increasing social significance of knowledge, the production and consumption of which researchers pay significant attention to. Moreover, despite the fact that many long-term forecasts of theorists of post-industrial society came true, it should be noted that the intensive development of communication technologies was not fully predicted, which determines the need to fix the current trends in the development of the modern sphere of information relations and, in particular, to determine the social significance of those processes and trends that are taking place at the moment.

The point is that in modern social knowledge the problem of intensifying the influence of information processes on the life and social well-being of society is becoming increasingly important [3]. In this context, on the one hand, the question arises whether the modern sphere of mass media is one of the varieties of power institutions that exert a governing influence on the field of public relations, in other words, is it possible to consider modern media as a "fourth power". On the other hand, we should consider in detail the question of what form modern information processes take and, therefore, whether in this case we are talking about a controlling influence on the mass consciousness, or there are mechanisms for the representation of social reality, within the framework of which information relations act as one of the mechanisms of self-regulation.

The subject of serious debate in this case is whether modern media are one of the tools for purposeful impact on mass consciousness within a specific state system, or is it an independent area of relations, within which natural processes of social regulation are implemented, based on already existing worldview attitudes of society members. Depending on the choice of position, the authors interpret the very idea of the media as a "fourth power" [4], and defend the idea of spontaneity or, on the contrary, the purposeful nature of the implementation of information processes in the public environment.

In our opinion, the presented discussion is based on the not entirely correct premise of considering media processes as a kind of homogeneous phenomenon about which one can form general judgments, while in practice there are media processes that are different in their social nature, corresponding to both theoretical approaches presented above. In this case, it is not the question of whether the field of media communication is an instrument of centralized power (and other social actors interested in influencing society, including representatives of the interests of foreign states), or whether it is an independent, "natural" development of information services arising in reliance on information needs and taste preferences of the audience. The idea of the heterogeneity of the media sphere allows for the possibility of considering subjects of media activity that are different in their institutional determination and target orientation.

The relevance of research in this area is fully determined by the significance of the subject being studied and, which is natural given the continuous development of the information sphere, its insufficient knowledge. It is also important that the area of information relations is one of the key factors that determine the state of society.

Theoretical and methodological justification. The study of the transformation of the social representation of the key media in the context of the development of modern communication technologies is multifaceted due to the fact that we are talking about a complex phenomenon related to the subject area of research in various humanitarian disciplines. On the one hand, we are talking about social processes, which presupposes an appeal to the theoretical foundations of sociological discourse. In this case, developments in the field of theoretical sociology can help clarify a number of aspects of the problem under study, which include: ideological foundations of the social behavior of the acting subject; conditionality of key public institutions by information factors; internal structure and functional orientation of the main mass media (their institutional aspect); external institutional factors for the implementation of information activities; social factors of demand for media resources.

Taking into account the fact that the main aspect of the social significance of information processes is associated with their formative influence on the field of social worldview, it is expedient to consistently develop the question of the essence and specifics of the social worldview, as well as the question of its dynamic factors. In this context, on the one hand, general theoretical studies devoted to the structure and dynamics of the worldview are of interest, on the other, works that reveal the features of the process of social cognition. These include research in the field of social phenomenology, as well as the theory of social constructivism.

Another important area that needs to be touched upon in the research process is the general specificity of socio-communicative processes and, in particular, their institutional, cultural and technological conditioning. This determines the advisability of referring to the developments in communication science, within which this range of issues is being developed.

The theoretical and methodological basis of the research includes classical methods of scientific cognition (analysis, abstraction, comparison, deduction, generalization), structural-functionalist, socio-phenomenological, historical and systems approaches.

The main sources used in the study are divided into several groups. The first group includes classical studies in the field of theoretical sociology, presented in the works of such authors as T. Parsons, R. Merton [5, 6]. Within their framework, a general understanding of social action, social structure and processes unfolding at various levels of social organization is set. It is also important to comprehend the socio-cultural factors of social activity, realized in the framework of the works of these authors. The second group of works on which this study is based is the research of such authors as A. Schutz [7], O.A. Sychev [8], S.P. Myakinnikov [9].

In addition to studies that reveal the structural and dynamic aspects of the social worldview, as well as its importance for society, works devoted to the topic of the functionality of the media, as well as the change in their social meaning as new media emerge, are of no small importance. The third group of works on which this research is based includes the works of such authors as M. McLuhan [10], E.A. Zueva [11], E.A. Baranova [12].

Research results and their discussion. The mass media are one of the key instruments of social cognition of society members, which determines their important role as an element of the social mechanism of self-regulation of society, based on the interaction of the population and political power. Knowledge about the state of society is one of the key factors for the formation of citizenship. In addition, at the level of the mass media, the formation of value attitudes is carried out, through various media, value attitudes are instilled and behavioral models are formed. All this together determines the high degree of importance of the media and, in particular, the legitimacy of the point of view that considers the media as one of the key factors in the existence of society. Hence, the idea of the role of the media as a "fourth power" arises, at the level of which several significant social functions are realized at once:

- control over various areas of public life through their public coverage;
- impact on key goals and patterns of behavior of members of society;
- coordination and redirection of vectors of social activity of members of society (implemented within the framework of ideological influence, as well as within the framework of updating certain problems and issues in the information and communication space).

The implementation of these social functions can be both purposeful and a concomitant result of the activities of the subjects of media activity, determined by their professional interests. In other words, informational activity can have an independent character, in which information itself takes place, or can act as a tool for a certain targeted impact. In the first case, information activity is subject to the general institutional factors of the functioning of the media, in the second, individual factors of media activity can be ignored. In particular, we are talking about the economic factor of recoupment of information activities by the audience in the presence of a certain "political order" for the publication of specific information products, within which the priority point is not so much the payback of information activities, but its ultimate impact on the audience.

It should be noted that the opposition of the instrumental nature of media activity to the natural functioning of media organizations does not at all mean that media developing independently and, accordingly, being subject to the mechanisms of competition and, in general, self-regulation of the information and communication environment, cannot be politically engaged. However, in this case, the presence of a certain position among the authors of media products is a concomitant factor, and not an initial target setting that determines the direction of information activity.

As noted above, there are two fundamentally different approaches to considering the social meaning of media – as an independent institution that implements the information functions inherent in it, or as an instrument of influencing public consciousness, which always presupposes the presence of a subject external to media institutions (in the role of which both an individual person and an institutional structure not directly related to the field of information activity can act).

In the first case, consideration of the social-regulatory significance of the media is associated with the moment of informing the population and, therefore, giving publicity to certain facts, events and phenomena. In this sense, the media act as one of the controlling bodies that actualize social problems and make possible a dialogue between the population and the state. It should be emphasized that this kind of independent media realizes in this case, foremost the interests of the "lower classes" associated with obtaining comprehensive information about the state of the social system and the most significant processes taking place in it. One way or another, the mass media, focused on fulfilling their main institutionally defined function, are one of the key aspects of building adequate relations between society and political power. The social function of the press in this case is extremely useful for the state, while the main media can exist separately from the political sphere, which is guaranteed at the constitutional level of a number of states.

The existence of media as an instrument of social, political, economic and cultural influence, presupposes the subject of socio-cultural interests, as well as the presence of a certain centralized system within which they are realized at the macro level. In other words, it is of great importance in this case that an attempt to purposefully influence the mass consciousness presupposes the presence of a certain ramified social structure, which can be centrally influenced. It is no coincidence that media giants with a developed structure, but characterized by the controlled nature of all information processes occurring at their level, are considered as one of the key mechanisms of information (including ideological) processing.

Thus, we come to the understanding that the media can realize multidirectional social interests, acting as a mediator of one of the parties in the dialogue between the population and the government. At the same time, in a number of cases it can be judged about the discrepancy and even contradiction of approaches based on these two attitudes (on the observance of the audience's information requests and on the observance of the interests of certain social structures and institutions), which, as a result, leads to contradictions in the assessment of the social role and the significance of a number of media processes in society.

One of the key factors that determine the specifics of the influence of mass media on the field of public relations is the technological basis on which the process of capturing, replicating and disseminating information is based. Improving the mechanisms for storing, replicating and transmitting information determines the emergence of new communication channels, which, in turn, have a specific (largely determined by the format of the transmitted product) nature of the impact on society. It is no coincidence that M. McLuhan argued that the emergence of each subsequent communication channel has a revolutionary significance for society. In this context, the technological development of communication means is, foremost, a qualitative transformation of the media system as a whole. Moreover, in this case, two points are important - the format of the information product being created and the internal institutional factors of information activity. The first does not require any serious explanation, since we are talking about what kind of information is to be disseminated, while the second moment needs to be analyzed to understand what social determinants define the content and nature of information activity.

The development of digital technologies has determined a significant reduction in the cost of mechanisms for creating and distributing information products, which has reached a qualitatively new level within the framework of the extensive spread of Internet communication.

With regard to the field of Internet communication, due to the colossal number of subjects of information activity, most of them are unknown to the mass audience. At the same time, the criterion of the influence of a particular information source, in many respects, is how many people learn about its existence. Under these conditions, a self-regulation mechanism was formed in the information environment that implements the principle of user assessment of perceived information products and the formation of information products published in the network space based on the ratings obtained. As a result, the most demanded content is being promoted by users.

This mechanism is a self-regulation of information relations based on the moment of user approval according to the formal criterion of the number of positive ratings. It demonstrates a significant share of efficiency as a means of promoting promising information products, however, culturally, the implementation of a mechanistic quantitative assessment of the quality of information by the number of "likes" contributes to the consolidation of mainstream trends (with all the social risks associated with them) and, in general, serves more as a representation and consolidation of existing socio-cultural attitudes, rather than changing them, due to the fact that the greatest promotion is received by those products that were initially demanded by the masses.

One of the controversial issues related to the problem in question is the understanding of the media as a "fourth power". In the research environment, there are different ways of interpreting the concept of "power", in connection with which the question of the correctness of considering the mass media as one of the forms of power is controversial. Critics of this approach emphasize that one of the key aspects of power is coercion (violence), while there is no coercive aspect of influence at the mass media level. Another argument against considering the media sphere as one of the institutions of power is that it acts as a means of influencing the worldview of members of society, while the subjects of power, taken by themselves,

have the ability to make decisions, the results of which affect society. In contrast to this position, supporters of considering the media as a form of power note a high level of regulatory influence of information, the presence of the phenomenon of "informational violence", as well as the subordination of the main forms of power (judicial, legislative, executive), as well as the media to the so-called conceptual power, reflecting the paradigm of building social relations, present at the level of local society.

Another controversial issue is the nature of modern media and their determination. In this case, points of view differ from considering the media as an independent institution aimed to inform members of society about the state of key spheres of public life, to a "weak-willed instrument" of existing power structures focused on information and ideological processing of the population. Special attention should be paid to the position according to which the moment of "social order" from consumers of information products acquires dominant importance in modern information processes, within which the moment of demand for information agencies is largely determined by the correspondence of the content and form of published information to the initial attitudes of the audience's worldview and their needs. Proceeding from this point of view, any purposeful influence on the worldview of members of society [13] through the mass media is limited, since it depends on what information members of society are ready to perceive, and what, on the contrary, they tend to reject.

Conclusion. The development of Internet technologies has determined a radical change in the nature of modern media, which is associated with the involvement of ordinary users in information activities [13]. The introduction of this kind of self-regulation mechanisms has determined the predominant importance of social approval in the digital environment as a key indicator of the success and relevance of information products. This leads to the conclusion that modern information processes, implemented within the framework of automated self-regulation mechanisms, are associated with the consolidation and representation of already existing sociocultural trends, since the taste and information needs of the majority are of decisive importance in this case. This, in turn, determines the fact that within the framework of natural processes of self-regulation in the information environment, based on the institutionalization of social approval, the prerequisites for a serious change in the cultural situation are poorly expressed. At the same time, the potential for changing the socio-cultural environment is possessed by just the target mechanisms of information impact, implemented at the level of large organizations participating in the modern media process.

References

1. Taganmyradov K., Dovletnazarov M. Modern computer technologies in 2023. *Bulletin of Science*. 2023; 4 (61): 231–234. (In Russ.).
2. Gafiatulina N., Shishova N., Volkova D., Topchiy I. Applying of information and communication technologies in the education process. «E3S Web of Conferences. 13th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, Interagromash 2020». 2020. P. 15031.
3. Karapetyan E.A., et al. Cyber socialization as a factor of influence on the social health of student youth in a modern educational environment under the development of a global information society. *Revista Gênero e Direito*. 2020;9(4):830–845.
4. Mrochko L.V., Pirogov A.I. Media in modern society: «fourth estate» or servant of power? *Economic and social-humanitarian research*. 2020;2 (26):165–174. (In Russ.).
5. Parsons T. *About the structure of social action*. Moscow; 2000. 880 p. (In Russ.).
6. Merton R. K. *Social structure and anomie. Sociology of crime (Modern bourgeois theories)*. Moscow: Progress; 1966:299–313. (In Russ.).
7. Schutz A. *Semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology*. Comp. A. Ya. Alkhasov. Translated from English A. Ya. Alkhasov, N. Ya. Mazlumyanova. Moscow; 2003. 336 p. (In Russ.).
8. Sychev O. A. Social worldview and its structure: an overview of research. *Bulletin of the Kostroma State University. Sociokinetics*. 2018;(4):102–106. (In Russ.).

9. Myakinnikov S.P. Main aspects of the architectonics of the worldview as a social phenomenon. *Bulletin of ChelGU*. 2013;33(324):7–15. (In Russ.)
10. McLuhan M. *Understanding media: external extensions of the person*. Moscow; 2003. (In Russ.)
11. Zueva E. A. *Transformation of the social institution of the press in the context of the development of interactive mass media*: dis ... Cand. Sociol. Sciences. Rostov-on-Don; 2004. 135 p. (In Russ.)
12. Baranova E. A. *Media convergence as a system-forming factor in the transformation of the institution of mass media*. dis ... Dr. Philological Sciences. Moscow; 2019. 382 p. (In Russ.)
13. Vlasova V. N. Information society as a factor of influence on the social health of Russian youth. *Humanitarian of the South of Russia*. 2022;11(3):43–52. (In Russ.)

Информация об авторах

И. М. Вакула – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Ростовский юридический институт МВД России.

Н. Х. Гафиатулина – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной конфликтологии и медиации Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет.

Н. С. Пичко – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных, естественно-научных и общепрофессиональных дисциплин, филиал Ухтинского государственного технического университета в г. Усинске.

Information about the authors

I. M. Vakula – Dr. Sci. (Philos.), Professor of the Department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

N. Kh. Gafiatulina – Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor of the Department of Applied Conflictology and Mediation, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

N. S. Pichko – Dr. Sci. (Philos.), Associate Professor, Head of the Department of Humanities, Natural Sciences and General Professional Disciplines, Branch of Ukhta State Technical University in Usinsk.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 27.02.2024.

The article was submitted 09.02.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 27.02.2024.

Репрезентация культурной идентичности студентов в рамках дисциплины «Межкультурная коммуникация»

Нина Сергеевна Котова¹, Людмила Аврамовна Томашевская²,
Нина Анатольевна Колесникова³

^{1, 2, 3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹ninakotova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5715-3495>

²tomashevskaya-la@ranepa.ru

³kolesnikova-na@ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматривается репрезентация культурной идентичности студентов в рамках дисциплины «Межкультурная коммуникация» в нескольких аспектах («Я» – «Другой», групповая культура, дискурс и прагматика). В статье подчеркивается необходимость переосмысления таких концептов, как «групповая культура», «идентичность», «политический дискурс» «межкультурная компетентность» для развития культурной идентичности и формирования межкультурной коммуникативной компетенции будущих политологов в соответствии с современными реалиями. В статье рассматривается, как письменный текст (эссе) репрезентует культурную идентичность студентов в ситуациях межкультурного взаимодействия, какие маркеры активируют культурную идентичность в межкультурной коммуникации, насколько межкультурное общение собеседников зависит под влиянием их культурной идентичности. Данные исследования были собраны у 25 студентов направления подготовки «Политология», обучающихся в ЮРИУ РАНХиГС в 2023–2024 уч. г. Хотя результаты исследования не являются окончательными, они показывают, что культурная идентичность преобладает в этноцентрических взглядах студентов и что стереотипы продолжают влиять на согласование идентичностей в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: культурная идентичность, межкультурная коммуникация, межкультурное общение, деловое общение, профессиональная идентичность

Для цитирования: Котова Н. С., Томашевская Л. А., Колесникова Н. А. Репрезентация культурной идентичности студентов в рамках дисциплины «Межкультурная коммуникация» // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 244–250. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-244-250>. EDN WTZMEX

Sociology Problems

Original article

Representation of students' cultural identity within the framework of the discipline "Intercultural Communication"

Nina S. Kotova¹, Lyudmila A. Tomashevskaya², Nina A. Kolesnikova³

^{1, 2, 3}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹ninakotova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5715-3495>

²tomashevskaya-la@ranepa.ru

³kolesnikova-na@ranepa.ru

Abstract. This article examines the representation of the cultural identity of political science students within the discipline "Intercultural Communication" in several aspects ("I" - "Other", group culture, discourse and pragmatics). The article emphasizes the need to rethink such concepts as "group culture", "identity", "political discourse" and "intercultural competence" for the development of cultural identity and the formation of intercultural communicative competence of future political scientists in accordance with modern realities. The article examines how a written text (essay) represents the cultural identity of students in situations of intercultural interaction, what markers activate cultural identity in intercultural communication, and determines the extent to which the intercultural communication of interlocutors depends on the influence of their cultural identity. The research data were collected from 25 students of the Political Science major studying in 2023–2024. Although the results of the study are not conclusive, they indicate that cultural identity dominates students' ethnocentric views and that stereotypes continue to influence the negotiation of identities in intercultural communication.

Keywords: cultural identity, intercultural communication, business communication, professional identity

For citation: Kotova N. S., Tomashevskaya L. A., Kolesnikova N. A. Representation of students' cultural identity within the framework of the discipline "Intercultural Communication". *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):244–250. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-244-250>. EDN WTMEX

В обучении студентов гуманитарных дисциплин (к которым относится и политология) давно отмечается взаимосвязь языка и культуры. Изучение таких дисциплин как «Иностранный язык», «Межкультурная коммуникация» с использованием комбинации методов когнитивного и коммуникативного, грамматического перевода способствует не только формированию коммуникативной компетенции, но и развивает навыки понимания об образе жизни и культуре стран и народов. В отличие от ранних прямых и ситуационных методов, обращающихся к материальной культуре в повседневных контекстах, когнитивный метод способствует развитию языковой и культурной осведомленности, а коммуникативный подход, в свою очередь, способствует внедрению в образовательный процесс разнообразия аспектов культуры. Однако данный процесс вызывает трудности, с которыми сталкиваются преподаватели и разработчики учебных программ, например, при принятии таких решений, как методологический подход к культуре, соответствующий аспект, тема или категория культуры, способы преодоления национальных стереотипов в межкультурной коммуникации, выбор подхода к культурной самобытности обучаемого и «другого» и т.д. [1] Разработка учебных программ и учебно-методических материалов, с одной стороны, страдает от отсутствия точных определений этих понятий, а с другой, востребованности нового перехода к представлению о межкультурной коммуникации как о комплексном явлении, основанном на:

- 1) осознании идентичности как многоаспектной характеристике представителей разных культур;
- 2) с понятием культуры и ее переменными, изучаемыми в области социологии, социальной и культурной антропологии, психологии, этнографии и этнологии, политических наук и лингвистике;
- 3) выбор приоритета методологических подходов в разработке тематики и контента дисциплин и курсов.

Сегодня широкий спектр теорий и моделей обучению межкультурной коммуникации предоставляет преподавателям разнообразные подходы к пониманию и исследованию как самого явления, так и процессу формирования межкультурной компетенции. Однако такой богатый выбор одновременно и усложняет задачу сообщать о связанных идеях систематическим и последовательно интерпретируемым образом. Все это требует от преподавателя межкультурной коммуникации для направления подготовки политология необходимости дифференцировать понятия «групповая культура», «идентичность», «политический дискурс» «межкультурная компетентность» и «межкультурная коммуникативная компетенция» повседневного и делового общения с представителями других стран и культур с помощью языка-посредника, в том числе на изучаемом иностранном языке-посреднике. В свою очередь, это поможет студентам, обучающимся по направлению политология, стать более компетентными в плане знаний о разных культурах и эффективных способах взаимодействия, развивать соответствующие навыки.

Однако необходимо дать оценку содержания в доступных материалах стереотипов и устаревших подходов с целью информирования, понимания и восприятия различных культурных практик: студентам необходимо дать возможность не только осознать разнообразие мира, но и объяснить источники межкультурных конфликтов, избегая при этом недоразумений, ориентировать их на важность межкультурной компетенции для будущих политологов в рамках национальной и многоуровневой идентичности в диалоге культур.

Для современного политолога межкультурная коммуникация определяется как важнейший профессиональный навык, а межкультурная компетентность – как способность эффективно общаться и взаимодействовать в межкультурных ситуациях, основываясь на собственной идентичности гражданина Российской Федерации и на формируемых в рамках изучаемых дисциплин межкультурных знаниях, навыках и установках в соответствии с тенденциями современных геополитических реалий. В данных условиях участников межкультурной коммуникации следует рассматривать не только как представителей разных культур (таких как британцы, американцы, китайцы, турки и т.д.), но определять различия, которые просматриваются в их коммуникативном поведении, которые можно объяснить их принадлежностью к той или иной культурной группе (концепция культуры группы определяется тем, что входящие в нее люди разделяют единые или схожие черты, основанные на их мировоззрении, ценностях, значениях и опыте, которые помогают нам понять то, чем они отличаются от других людей или похожи на них [2].

Вместе с тем, отмечается, что участники межкультурной коммуникации не должны ограничивать свое восприятие стереотипами, то есть руководствоваться постулатом, что групповые характеристики справедливы для каждого отдельного члена группы; необходимо также учитывать уникальность каждого человека, которая может не соответствовать заранее определенным категориям или культурным группам [3]. Таким образом, предвзятость в межкультурной коммуникации может быть преодолена признанием того факта, что культурная идентичность участника не всегда вытекает из его принадлежности к культуре, но может обуславливаться его личностной идентичностью, уникальными чертами профессиональной идентичностью и т.д.

В современной межкультурной коммуникации самооценка участников основывается на их принадлежности к культурным группам. Речь идет не о их личной идентичности, а о культурной идентичности, которая определяет и влияет на контекст межкультурного общения. Кроме того, в межкультурной коммуникации политологов добавляется профессиональная и идеологическая составляющие идентичности, которые также влияют на формирование представлений и убеждений участников о мире, ценностях, моделях мышления и т.д. [4]

Позиционирование идентичности как реалии современного политического дискурса становится целенаправленным явлением. Для граждан Российской Федерации уважение к единой нации было и остается ключевым компонентом идентичности, что согласуется с теорией групповой морали, наполненное общенациональными ценностями и патриотизмом, как ключевой черты всех народностей, проживающих в РФ. Риторическое позиционирование идентичности для российской культуры не только дань традиционным ценностям, но и рациональное поддержание естественной для данного народа антропологии жизни [5]. Это позволяет народу чувствовать себя единым, нарративным участником всех процессов, происходящих в обществе. С другой стороны, современный политолог должен демонстрировать наднациональный уровень взаимодействия и коммуникации, умения правильно прочесть и интерпретировать политический дискурс, избегать случайного бессознательного толкования.

Язык, культура, коммуникация и политика, как правило, являются эмоционально и идеологически нагруженными аспектами. Поэтому для формирования межкультурной компетенции важно попытаться включить контрастивную межкультурную прагматику при обучении будущих политологов. Этот подход позволит в межкультурной коммуникации собеседнику релятивизировать как свою собственную точку зрения (идентичность), так и точку зрения (идентичность) партнера по коммуникации. Следовательно межкультурная прагматика в отношении межкультурной коммуникации политологов включает тот факт, что традиционно английский язык и межкультурная коммуникация в политическом дискурсе взаимосвязаны. Дискурс в данном контексте служит «живым языком», «находящимся в процессе применения». Английскому языку, до сих пор являющемуся *lingua franca* в межкультурном общении, присуща динамическая природа, которая позволяет ему адаптироваться и мгновенно реагировать на изменение политического, экономического

и лингвокультурного пространства, социальной и информационной среды в соответствии с коммуникативными потребностями межкультурного общения, выражения иноязычной лексики, а также модифицироваться к новой политической и языковой картине мира.

В межкультурной коммуникации дискурс носит культурный характер. Например, при лично-ориентированном общении на понимание получателем значения знака влияет не только его форма, но личная, идентичная, культурная и концептуальная основы: личность – идентичность – культурные традиции (+ стереотипы, порождаемые обществом и культурой) (на основе концепции Е. И. Шейгал) [6]. Данная триада демонстрирует, как культурные правила и их элементы играют решающую роль в развитии дискурса. Следовательно, дискурс с точки зрения коммуникации представляет собой авторское произведение в реальном времени, отражающее мировоззрение, присущее конкретной культуре.

Трансформирующаяся геополитическая ситуация требует комплексного подхода к изучению вопросов межкультурной коммуникации в современном политическом дискурсе, его языковых особенностей [7], так как политическая коммуникация сегодня развивается в двух направлениях, западной идентичности, на которую российское высшее образование ориентировалось в рамках Болонской системы образования и идентичности в рамках российской культуры. При этом политологи, философы и лингвисты трактуют термин «политический дискурс» по-разному. Однако несмотря на разницу определений, политический дискурс реализуется через язык (в международной / межкультурной / интернациональной коммуникации, как правило, английский), который позволяет транслировать коллективный опыт и культуру вместе с политическим (иногда идеологическим) смыслом [8]. Следовательно, с помощью языка (в межкультурном общении это может быть русский, английский или иной язык-посредник) «политик излагает свою точку зрения, демонстрирует свои интересы, но организует и оформляет ее в зависимости от участников, целей, собственных норм и культурных особенностей, а также традиций межкультурного диалога». [9] Способность языковых единиц английского языка генерировать новые коннотативные и ассоциативные значения особенно актуальна для политической риторики сегодня [10].

В связи с этим, целесообразно рассмотреть формирование и развитие межкультурной компетенции выпускников вузов (в том числе по направлению подготовки политология), с точки зрения критериев, подходов, терминологии, содержания и т. д. Так, критерии должны включать:

- понимание себя и «другого», признание того, что культура влияет на восприятие человека, его самосознание, идентичность [11];
- взаимопонимание и поиск общих смыслов на когнитивном и эмоциональном уровнях;
- понимание своей ответственности перед другими, что предполагает поиск компромисса.

В части терминологии, необходимо провести различие между конструктами, входящими в структуру межкультурной компетенции, и их коррелятами. Например, такие конструкты, как глобальное мышление, широта взглядов, космополитизм и глобальная идентичность значительно различаются в разных культурах, их толкование может отражать субфактор межкультурной компетенции. С другой стороны, отмечается присутствие конструкций, которые демонстрируют значительное совпадение с межкультурной компетенцией, включая конструкцию глобального лидерства, которой в последнее время уделяется большое внимание.

Программа дисциплины межкультурная коммуникация должна быть ориентирована как на повседневную, так и на профессиональную сферу, выходить за рамки интеграции предметных знаний, развивать надпредметные навыки (гибкость, стремление к сотрудничеству и т.д.), ориентироваться на преодоление «неверного перевода/понимания» и т.д. В центре изучения должны быть не только концепты и вокабуляр, распределенный по темам. Контент тем должен включать рассмотрение специально разработанных текстов, конкретных речевых актов, анализа естественной речи, использование метода интервью и дискуссии с последующей транскрипцией разговора и анализом прагматических неудач в конкретной ситуации.

Традиционно преподаватели иностранных языков и межкультурной коммуникации уделяют больше внимания лексике и грамматике, упуская прагматический аспект. Задача преподавателей межкультурной коммуникации в разработке конкретных заданий, которые моделируют разговор представителей разной культурной идентичности, чтобы дать возможность изучающим дисциплину развивать межкультурную компетентность с учетом прагматического аспекта, управлять взаимодействием лексики, грамматики и прагматики, компенсации или заполнения лакун

при переводе (важно научить студентов максимально близко к значению переводить на английский язык реалии российской жизни, культуры, обосновывать свои речевые намерения выбором «правильной» языковой единицы), использовать жанровые задания для того, чтобы студенты развили прагматическую компетентность в иронической, одобряющей или обличающей интенции в коммуникации.

В ЮРИУ РАНХиГС было проведено исследование целенаправленной выборки, которая позволила определить, как группа студентов направления подготовки политология репрезентует свою идентичность в рамках дисциплины межкультурная коммуникация. Данные исследования были получены в ходе контент-анализа 150 коротких эссе, представленных студентами 2 курса бакалавриата в 2023–2024 учебном году: каждый студент должен был написать шесть коротких эссе в течение семестра. Метод качественного контент-анализа (подробнее об этом методе см. [12]) был применен для определения в текстах эссе выражений значимости идентичности студентов. Эссе представляли собой размышления студентов на следующие темы: влияние идентичности на межкультурное общение, влияние этноцентризма на межкультурное общение, влияние культурных стереотипов на межкультурное общение; особенности невербального общения в межкультурной коммуникации [13]. Перед написанием эссе студенты изучали в аудитории учебные тексты, ситуационные задачи, дискуссии и ролевые игры об особенностях проявления культурной идентичности, обстоятельства, которые приводят к проявлению идентичности, что влияет на высокий или низкий уровень проявления культурной идентичности и т.д. 80% студентов отметили, что высокая выраженность культурной идентичности наблюдалась в ситуациях, когда они воспринимали различия в стилях общения с представителями других культур. Также невербальный язык разных культур был отмечен ими как высокорепрезентативный. К ним отнесли: пространство между партнерами по коммуникации, приветствие и прощание, зрительный контакт, тактильность, прямота и открытость в общении.

Около 30 % студентов связали выраженность своей культурной идентичности с этноцентрическими взглядами, то есть воспринимали других с позиций собственной культуры, сравнивали свою культуру с культурой «другого»: холодная, сдержанная, открытая, приветливая культура, вкусная/невкусная еда и стиль питания, уважение к старшим, ценность свободы и уверенности в себе, скромность и т.д. (табл. 1).

Таблица 1 – Степень и характер использования языковых единиц-маркеров культурной идентичности

Table 1 – The degree and nature of the use of linguistic units-markers of cultural identity

Эссе	Количество языковых единиц-маркеров культурной идентичности (КИ)	Коэффициент употребления языковых единиц в одном эссе	Прямое заявление культурной идентичности через языковые единицы	Непрямое заявление культурной идентичности через языковые единицы	Заявление собственной КИ (этноцентризм)	Восприятие КИ «другого», основанное на стереотипе
150	1207	8	845 (70 %)	362 (30 %)	567 (47 %)	640 (53 %)

К ограничениям исследования относится то, что ситуации межкультурного общения были предполагаемыми или искусственно смоделированными в аудитории, поэтому невозможно достоверно определить уровень выражения студентами своей культурой идентичности. Это повлияло на то, что фактор интенсивности выражения культурной идентичности студентами не был исследован.

Результаты исследования контент-анализа эссе студентов:

- 1) Культурная идентичность значительно влияет на межкультурное общение студентов. 70 % студентов описали собственные ощущения культурной идентичности в ситуациях из-за разницы в стилях общения, своих этноцентрических взглядов, культурных стереотипов.
- 2) Студенты (N=25) отметили влияние их культурной идентичности в межкультурном общении при явных культурных различиях в коммуникативном поведении (70 % студентов), проявили этноцентризм (30 %) и стереотипов (53 %). Данные результаты должны учитываться в преподавании межкультурной коммуникации, так как осознание собственной культуры и культуры «другого», культурная осведомленность влияет на эффективность межкультурного общения, развивает межкультурную компетентность: собеседники в межкультурном общении активизируют свою идентичность, но осознают степень влияния своей культуры на межкультурное общение (придание значений сообщениям, преодоление стереотипов, признание другой идентичности, необходимость успешного согласовывания взаимоприемлемых идентичностей).

Список источников

1. Винокурова М. А., Васильева Н. П. Роль межкультурной коммуникации в системе высшего образования // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. № 4. <https://sfk-mn.ru/PDF/43KLSK419.pdf>
2. Scollon R., and Scollon S.W., 2001, *Intercultural communication: A discourse approach*, 2nd ed., Blackwell Publishers.
3. Якимович А. К. «Свой-чужой» в системах культуры // Вопросы философии. 2003. № 4. С. 48–60.
4. Миллер А. И. Нация как рамка политической жизни // Pro et Contra. 2007. Т. 11. № 3(37). С. 6–20.
5. Межуев В. М. Идея национального государства в исторической перспективе [Электронный ресурс] // Гражданское общество в России: Научная электронная библиотека. URL: <https://www.civisbook.ru/files/File/1992-5-6-2-Mezhuev.pdf>
6. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград: Перемена, 2000. 367 с.
7. Yapparova V., Miftakhova A. (2018). Development of communicative competence at the lessons of Russian as a foreign language in pre-school children. INTED2018 Proceedings, pp. 6927-6932.
8. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / В кн.: Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров М., 2000. С. 7–25.
9. Генералова С. Н. Понятие «политический дискурс» в лингвокультурологической парадигме // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 5. № 1. С. 95–101.
10. Гизатуллина А. Р., Гумерова М. И. Способы выражения оценочности в идеологемах постперестроечного периода (на материале газеты «Известия») // Филология и культура. 2016. № 2 (44). С. 63–68.
11. Gudykunst, W. B. Anxiety/uncertainty management (AUM) theory: Current status. In: R. L. Wiseman (Ed.), *Intercultural communication theory* (pp. 8-58). Thousand Oaks, CA: Sage.
12. Чернобровкина Е. П. Контент-анализ в лингвистических исследованиях // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. 2011. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontent-analiz-v-lingvisticheskikh-issledovaniyah> (дата обращения: 22.01.2024).
13. Диагностика идентичности: «Тест двадцати высказываний» (ТДВ): учебное пособие / А. А. Гудзовская, М. С. Мышкина. Самара: Издательство Самарского университета; 2023. 148 с.

References

1. Vinokurova M. A., Vasilyeva N. P. The role of intercultural communication in the higher education system. *The world of science. Sociology, philology, cultural studies*. 2019;(4). Available from: <https://sfk-mn.ru/PDF/43KLSK419.pdf>. (In Russ.)
2. Scollon R., and Scollon S.W. *Intercultural communication: A discourse approach*. 2001. 2nd ed., Blackwell Publishers.

3. Yakimovich A. K. "Friend-foe" in cultural systems. *Questions of philosophy*. 2003;(4):48–60. (In Russ.)
4. Miller A. I. Nation as a framework of political life. *Pro et Contra*. 2007;11(3(37)):6–20. (In Russ.)
5. Mezhuyev V. M. The idea of a national state in a historical perspective [Electronic resource]. In: *Civil society in Russia: Scientific electronic library*. Available from: <https://www.civisbook.ru/files/File/1992-5-6-2-Mezhuev.pdf>. (In Russ.)
6. Sheigal E. I. *Semiotics of political discourse*. Moscow; Volgograd: Peremena; 2000. 367 p. (In Russ.)
7. Yapparova V., Miftakhova A. Development of communicative competence at the lessons of russian as a foreign language in preschool children. *INTED2018 Proceedings*. 2018:6927–6932.
8. Kubryakova E. S. On the concepts of discourse and discursive analysis in modern linguistics. In: *Discourse, speech, speech activity: functional and structural aspects*: Collection of reviews. Moscow; 2000:7–25. (In Russ.)
9. Generalova S. N. The concept of "political discourse" in the linguistic and cultural paradigm. *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*. 2010;5(1):95–101. (In Russ.)
10. Gizatullina A. R., Gumerova M. I. Ways of expressing evaluativeness in the ideologems of the post-Perestroika period (based on the material of the Izvestia newspaper). *Philology and Culture*. 2016;2(44):63–68. (In Russ.)
11. Gudykunst, W. B. Anxiety/uncertainty management (AUM) theory: Current status. In: R. L. Wiseman (Ed.), *Intercultural communication theory* (pp. 8–58). Thousand Oaks, CA: Sage.
12. Chernobrovkina E. P. Content analysis in linguistic research. *Bulletin of the BSU. Language, literature, culture*. 2011;(11). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontent-analiz-v-lingvisticheskikh-issledovaniyah> [Accessed 22 January 2024]. (In Russ.)
13. Gudkovskaya A. A., Myshkina M. S. *Identity diagnostics: "The test of twenty statements"* (TDV): a textbook. Samara: Samara University Press; 2023. 148 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Н. С. Котова – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков и речевых коммуникаций ЮРИУ РАНХиГС.

Л. А. Томашевская – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и речевых коммуникаций ЮРИУ РАНХиГС.

Н. А. Колесникова – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и речевых коммуникаций ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

N. S. Kotova – Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Speech Communications, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

L. A. Tomashevskaya – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Speech Communications, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

N. A. Kolesnikova – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Speech Communications, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии интересов.

Authors' contribution: All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare a lack of interests.

Статья поступила в редакцию 13.01.2024; одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 02.02.2024.

The article was submitted 13.01.2024; approved after reviewing 01.02.2024; accepted for publication 02.02.2024.

Научная статья
УДК 316.75+316.77
<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-251-256>

EDN WPF0VG

Социокультурная регуляция гражданской позиции молодежи в цифровой среде

Надежда Николаевна Покровская¹, Элина Борисовна Авакова²,
Артем Александрович Кузнецов³

¹Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

^{1,2}Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

³Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна,
Санкт-Петербург, Россия

¹nnp@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0795-8102>

²elina_avakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5305-5748>

³artsmith@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0995-8405>

Аннотация. Статья посвящена вопросам, связанным с проблемой формирования и развития гражданской позиции молодежи в цифровой среде. Авторы рассматривают традиционные и цифровые механизмы социокультурной регуляции гражданского позиционирования молодежи. В статье обосновывается необходимость поиска методов социально-психологического подкрепления в процессе формирования конструктивной гражданской позиции молодежи. Авторы указывают, что цифровые технологии создают посреднические каналы, которые, с одной стороны, позволяют включить в коммуникацию тех участников, которые без цифровой среды не смогли бы взаимодействовать, но с другой, снижают качество и ослабляют такой эффект, как прямое заражение и копирование. В этой связи важным вопросом для современного цифрового общества является задача обеспечения трансфера знаний и умений, передачи навыков с посредничеством цифровых телекоммуникационных технологий в удаленной работе, учебе и в онлайн-взаимодействии.

Ключевые слова: гражданская позиция, молодежь, социокультурная регуляция, цифровая среда, социальные коммуникации

Для цитирования: Покровская Н. Н., Авакова Э. Б., Кузнецов А. А. Социокультурная регуляция гражданской позиции молодежи в цифровой среде // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 251–256. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-251-256>. EDN WPF0VG

Sociology Problems

Original article

Socio-cultural regulation of youth civic consciousness in the digital environment

Nadejda N. Pokrovskaja¹, Elina B. Avakova², Artem A. Kuznetsov³

¹Saint Petersburg Electro-technical University "LETI", Saint Petersburg, Russia

^{1,2}Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

³Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Saint Petersburg, Russia

¹nnp@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0795-8102>

²elina_avakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5305-5748>

³artsmith@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0995-8405>

Abstract. The article is devoted to issues related to the problem of the formation and evolution of the civic position of youth in the digital environment. The authors consider traditional and digital mechanisms of socio-cultural regulation of youth civic positioning. The article substantiates the need to search for methods of socio-psychological reinforcement in the process of forming a constructive civic position of young people. The authors

point out that digital technologies create intermediary channels that, on the one hand, allow you to include in communication those participants who would not be able to interact without a digital environment, but on the other hand, reduce quality and weaken such effects as direct infection and copying. In this regard, an important issue for the modern digital society is the task of ensuring the transfer of knowledge and skills, the transfer of skills through the mediation of digital telecommunications technologies in remote work, study and online interaction.

Keywords: civic consciousness, youth, socio-cultural regulation, digital environment, social communications

For citation: Pokrovskaja N. N., Avakova E. B., Kuznetsov A. A. Socio-cultural regulation of youth civic consciousness in the digital environment. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):251–256. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-251-256>. EDN WPF0VG

Социокультурная регуляция опирается на набор представлений о мире (пространство действия), оценок желаемого и избегаемого состояния (система ориентирования) и карты приемлемых каналов удовлетворения потребностей и достижения ценностных состояний (модели поведения) [1].

Структура социокультурной регуляции отражает трехкомпонентную структуру социальных установок, аттитюдов, которая включает когнитивный, аффективный и конативный компоненты: познание мира, придание ему личных оценочных суждений (интенциональная оценка возможных результатов взаимодействия с миром – насколько возможно воплотить свои намерения, и насколько внешняя для человека среда может быть агрессивной или благоприятной) и выбор модели действия или бездействия.

Картина мира отражается в языке, идеологии, религии и других формах, которые определяют, какова окружающая среда для человека. Ключевые знания о мире человек получает в раннем возрасте одновременно с усвоением языка. Понятия Отчизны, Отечества, Родины усваиваются в таком же раннем возрасте исходя из того, в каком контексте и с каким смыслом использует эти слова малая группа (чаще всего, семья и значимые взрослые).

В целом, картина мира существует в форме, которая окрашивается личностными деталями на досознательном уровне: когда человек слышит слово «государство», он сначала воспринимает это слово так, как он усвоил его через восприятие окружающих его людей, лишь затем он начинает «нанизывать» дополнительные значения, добавлять свой собственный опыт взаимодействия с государственными органами, дополнять усвоенный образ теми аспектами, о которых прочел в книгах сам или услышал от учителей и воспитателей в образовательных учреждениях. Если у человека возникают вопросы, он может обратиться к правовым документам, из которых, например, может получить информацию о своих правах и обязанностях.

Ключевым документом, в котором отражена картина мира, является основной документ, «устанавливающий» (constituting) государство – Конституция. Хотя Конституцию Российской Федерации изучают в школе, но лишь немногие всерьез читали этот документ и вникали в то, какие права граждане РФ имеют, а главное, каким образом эти права в действительности осуществляются.

Как правило, многими нормативно-правовые акты воспринимаются как скучные и длинные тексты, не понятные для обычного человека, не адаптированные к восприятию, а также, содержащие не «картину мира» или цели и ценности, а исключительно нормы и правила, процедуры, которым необходимо следовать для достижения неких целей, где-то в другом месте возникающих и зафиксированных. В целом, федеральные законы и кодексы, действительно, указывают на пути достижения целей, но при этом в Преамбулах или Общих положениях, а также в первых статьях кодексов и законов практически всегда указаны и определения, описывающие реальность (например, в Законе об Образовании в РФ¹ во второй статье даны определения понятий образование, обучение и воспитание), и цели (например, в Трудовом кодексе РФ², первая статья описывает цели: «установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, создание благоприятных условий труда, защита прав и интересов работников и работодателей»).

¹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 15.01.2024).

² Трудовой кодекс Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 15.01.2024).

В Законе об Образовании в РФ указано, что образование включает в себя воспитание и обучение, и образовательной организацией может являться только некоммерческая организация (п. 18 ст. 2). Для обучения может создаваться «организация, осуществляющая обучение» (п. 19 ст. 2). Аналогичным образом, первый пункт первой статьи Гражданского кодекса¹ утверждает «самоочевидные» вещи, которые как раз и отражают ту действительность, в которой российские граждане могут и должны жить и действовать, учитывая интересы других участников и последствия своих действий: признание «равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты». П. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ утверждают, что «участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно», и при этом «никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения».

Таким образом, хотя нередко звучат в публицистике дискуссии о том, что в России нет идеологии, это утверждение не вполне верно [2]. Достаточно внимательно заглянуть хотя бы в основные правовые документы страны, чтобы обнаружить закрепление и утверждение в них тех базовых принципов, которых население страны должно придерживаться при принятии решений.

Социокультурная регуляция нередко рассматривается как ориентация в пространстве ценностей и смыслов. Если само пространство задано всем наследием художественного и интеллектуального творчества, например, образцы мировоззрения присутствуют в литературе, живописи, музыкальных произведениях, то ориентация в этом пространстве предполагает закрепление желательных, привлекательных, целевых состояний.

Нередко в качестве ключевого идеологического документа в России называют Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»². Можно отметить, что его содержание опирается на Конституцию РФ³, а также на законы и концепции в сфере стратегического планирования в стране, национальной и информационной безопасности, противодействия экстремизму, государственной культурной политики, Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы⁴, указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»⁵ и от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»⁶.

В названном указе определены традиционные ценности как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» (п. 4) ради сбережения народа России и развития человеческого потенциала (п. 7), сохраняя общероссийскую гражданскую идентичность (п.8), и дан исчерпывающий перечень традиционных ценностей (п. 5):

- жизнь, достоинство, права и свободы человека;
- патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу;

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 15.01.2024).

² Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 20.12.2023).

³ Конституция Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 23.12.2023).

⁴ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 20.12.2023).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 20.09.2023).

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 20.09.2023).

- высокие нравственные идеалы;
- крепкая семья;
- созидательный труд;
- приоритет духовного над материальным;
- гуманизм, милосердие;
- справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение;
- историческая память и преемственность поколений;
- единство народов России.

При этом отмечено, что «христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию» (п. 6).

В Указе также перечислены те основные инструменты социокультурной регуляции и формы взаимодействия, которые позволят помочь молодежи формировать свою гражданскую идентичность (ст. 19, 21 и 23).

В заключительных статьях обозначена необходимость «способствовать сбережению и приумножению народа России, сохранению общероссийской гражданской идентичности, развитию человеческого потенциала, поддержанию гражданского мира и согласия в стране, укреплению законности и правопорядка, формированию безопасного информационного пространства, защите российского общества от распространения деструктивной идеологии, достижению национальных целей развития, повышению конкурентоспособности и международного престижа Российской Федерации» (ст. 31).

Таким образом, нельзя утверждать, что в России нет государственной идеологии и целеполагания, скорее, можно отметить вновь ту же ситуацию, которую В.М. Живов отмечал [3, с. 217–235], описывая наличие в русском языке двух слов, «горожанин» и «гражданин», имеющих общее происхождение, но различающихся по сфере употребления: бытовой или духовно-культурной.

Для выработки механизмов реализации [4] перечисленных целей и задач в обществе присутствуют формальные и неформальные нормы [5]. Формальные правила и процедуры отражаются в системе правовых документов, неформальные обычаи и правила поведения воспринимаются и копируются в непосредственном общении, при спонтанном повторении и имитации тех действий, которые выполняют другие участники взаимодействия. В этом смысле, цифровые технологии создают посреднические каналы, которые, с одной стороны, позволяют включить в коммуникацию тех участников, которые без цифровой среды не смогли бы взаимодействовать, но с другой, снижают качество и ослабляют такой эффект, как прямое заражение и копирование. В этой связи важным вопросом для современного цифрового общества является задача обеспечения трансфера знаний и умений, передачи навыков с посредничеством цифровых телекоммуникационных технологий в удаленной работе, учебе и в онлайн-взаимодействии.

Так, в физической реальности молодежь заражается желанием поехать на совместные проекты, например, строительство БАМа, и затем испытывает гордость и делится этим опытом достижения и создания своей собственной сети друзей, т.е. формирует свой социальный капитал, репутацию и разделяет гражданскую позицию тех, с кем находится в непосредственном контакте. В цифровой среде в сообществах и чатах формируются свои «разрешения и запреты» [6], которые действуют в режиме информационного пузыря, в котором молодые люди просто не получают той информации, которая бы не соответствовала их допустимым моделям и контенту.

Гражданское позиционирование в цифровой среде в целом опирается на те же механизмы, которые используются и в традиционном обществе:

- демонстрация интервала общественного порицания-похвалы (в сообществах продвигаются и поддерживаются лайками и репостами те модели поведения, или точнее, самовыражения и заявленного поведения, которые в сообществе воспринимаются как желательные);
- предоставление дополнительного высокого статуса лидерам, наиболее ярко и заметно декларирующим принятые ценности, при этом показательно связываются статус в группе, сообществе с доступом к ресурсам (технологии, премиум-профили, права модерации и т.п., ИТ-преимущества, а также премии и призы в физической реальности [7]);

– исключение тех участников, которые не демонстрируют желаемого поведения, из информационных потоков (вплоть до бана, остракизма и полного исключения из сообществ).

Учитывая необходимость для молодежи завоевать не только знания и компетенции (возможности), но и позицию в своем сообществе, молодые люди заинтересованы в поддержке как доступа к ИТ-ресурсам и сервисам, так и сохранения своего постоянного присутствия в информационных каналах, поскольку невозможность получить своевременную информацию может лишить их дальнейшего карьерного и профессионального роста и искомой социальной позиции.

В этой связи, гражданская позиция формируется не только в рамках копирования чужого поведения, но и в режиме постоянных попыток «превысить» требования, показать еще более глубокую приверженность ценностям и смыслам, принятым в группе. Это сопряжено с риском экстремизма. Молодым людям может показаться, что их вознаграждение за «правильное» поведение недостаточно, что их подвиги и самопожертвование не замечаются, т.е. они занижают оценку положительного подкрепления, а условная анонимность сети интернет создает иллюзорное чувство вседозволенности и безнаказанности, которое приводит их к совершению уже в физической действительности тех действий, которые не будут приняты обществом, например, приведут к вмешательству государственных силовых ведомств.

Указанная проблема смещения реальности в информационном «пузыре», иллюзорной допустимости и одобрения тех моделей поведения, которые в физической реальности выходят за рамки допустимых, ставит специфическую проблему формирования и эволюции гражданской позиции молодых людей, присутствующих в сети интернет.

Социальная коммуникация опирается на алгоритмы отбора информации, ограничивая человека в получении адекватной картины мира, что отметил еще Дж. Гербнер в своей теории культивации [8]. На исследованиях эффекта избыточного просмотра телевизионных передач Дж. Гербнер показал, что в условиях, когда массовая коммуникация ориентирована на просмотры и реакции, предлагаемый пользователю контент всегда будет смещен в сторону негативных эмоций, что упрощает эмоциональную раскачку и получение реагирования пользователя. Современные СМИ, включая блогеров и инфлюэнсеров (лидеров мнений) в социальных сетях, пользуются этим же правилом: эмоциональная реакция в несколько раз легче [9] и достигается за счет отрицательной информации, а ее правдоподобность не имеет принципиального значения, поскольку важно количество просмотров, а не подтверждение истинности.

Конструктивная гражданская позиция, направленная на постепенное выстраивание и развитие своего места и статусно-ролевого роста на основе достижений, сталкивается с простотой и дешевизной деструктивной позиции, которая требует значительно меньше усилий для монетизации лайков и репостов, реакций и вызванных у пользователей эмоций.

Соответственно, необходимо выстраивать такие режимы социально-психологического подкрепления, которые будут существенно сильнее и эффективнее прежде всего с точки зрения эмоционального воздействия. Ощущение сплоченности и групповой солидарности для молодежи в цифровой среде не менее важно, чем в физической.

Список источников

1. Покровская Н. Н. Нормативная и ценностная регуляция экономического поведения российских работников // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11. № 3. С. 100–110.
2. Гончаренко Л. Н., Авакова Э. Б. К вопросу о государственной идеологии современной России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2020. Т. 31. С. 6–20. DOI 10.26516/2073-3380.2020.31.6.
3. Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Яз. славян. культуры, 2002. 752 с.
4. Медведев Д. А. Гражданский кодекс России – его роль в развитии рыночной экономики и создании правового государства // Вестник гражданского права. 2007. Т. 7. № 2. С. 6–17.
5. Покровская Н. Н. Социальные нормы как предмет социологического анализа: должное и действительное // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. № 1. С. 190–198.
6. Покровская Н. Н., Тюлин А. В. Психологические вопросы формирования регулятивных механизмов в цифровой среде // Технологии в инфосфере. 2021. Т. 2. № 2(3). С. 106–125. DOI 10.48417/technolang.2021.02.11.

7. Pokrovskaya N. N. Tax, financial and social regulatory mechanisms within the knowledge-driven economy. Blockchain algorithms and fog computing for the efficient regulation // Proceedings of 2017 XX IEEE International Conference on Soft Computing and Measurements (SCM), Saint-Petersburg, 24–26 мая 2017 года. Saint-Petersburg: Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2017. P. 709-712. DOI 10.1109/SCM.2017.7970698.)
8. Gerbner G., Gross, L. Living with television: The violence profile // Journal of Communication. 1972. 26 (2). Pp. 173–199. doi:10.1111/j.1460-2466.1976.tb01397.x
9. Tversky A., Kahneman D. Advances in prospect theory: Cumulative representation of uncertainty // Journal of Risk and Uncertainty. 1992. Vol. 5, iss. 4. P. 297–323. doi:10.1007/BF00122574.

References

1. Pokrovskaya N.N. Normative and value regulation of economic behavior of Russian workers. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2008;11(3):100-110. (In Russ.)
2. Goncharenko L.N., Avakova E.B. On the question of the state ideology of modern Russia *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Irkutsk state University. Series: Political Science. Religious studies*. 2020(31):6-20. DOI 10.26516/2073-3380.2020.31.6. (In Russ.)
3. Zhivov V.M. *Research in the field of history and prehistory of Russian culture*. Moscow: Yaz. Slavyan. culture, 2002. 752 p. (In Russ.)
4. Medvedev D.A. The Civil Code of Russia – its role in the development of a market economy and the creation of a rule of law. *Bulletin of Civil Law*. 2007;7(2):6-17. (In Russ.)
5. Pokrovskaya N.N. Social norms as a subject of sociological analysis: due and valid. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2007;10(1):190-198. (In Russ.)
6. Pokrovskaya N.N., Tyulin.V. Psychological issues of the formation of regulatory mechanisms in the digital environment. *Technologies in the infosphere*. 2021;2(2(3)):106-125. Doi 10.48417/technolang.2021.02.11. (In Russ.)
7. Pokrovskaya N.N. Tax, financial and social regulatory mechanisms within the knowledge-based economy. *Blockchain Algorithms and foggy computing for Effective Regulation / Proceedings of the XX IEEE International Conference on Software Computing and Measurement (SCM) 2017, St. Petersburg, May 24-26, 2017. St. Petersburg: Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2017. pp. 709-712. DOI 10.1109/SCM.2017.7970698.)*
8. Gerbner G., Gross L. Life with television: a profile of violence. *Journal of Communication*. 1972;26(2):173-199. doi:10.1111/j.1460-2466.1976.tb01397.x
9. Tversky A., Kahneman D. Achievements in the theory of prospects: cumulative representation of uncertainty. *Journal of Risk and Uncertainty*. 1992;5(4):297-323. doi: 10.1007/BF00122574.

Информация об авторах

Н. Н. Покровская – докт. соц. наук, проф. кафедры инновационного менеджмента, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина); профессор Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Э. Б. Авакова – канд. соц. наук, доц. Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

А. А. Кузнецов – преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна.

Information about the authors

N. N. Pokrovskaya – Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Department of Innovation Management, Saint Petersburg Electro-technical University "LETI"; Professor at the Graduate School of Media Communications and Public Relations, Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University.

E. B. Avakova – Cand. Sci. (Sociology) Sciences, Associate Professor at the Graduate School of Media Communications and Public Relations, Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University.

A. A. Kuznetsov – Lecturer at the Department of Advertising and Public Relations, Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 21.02.2024.

The article was submitted 30.01.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 21.02.2024.

Научная статья

УДК 316.347(470.62)

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-257-263>

EDN VLKYBN

Прозелитизм и прозелитская деятельность: оценка и восприятие в общественном сознании дагестанской молодежи

Мадина Магомедкамиловна Шахбанова

Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала,
Россия, madina2405@mail.ru

Аннотация. Религиозная сфера является одной из сложнейших и положение в ней оказывает заметное воздействие на иные социальные сферы. Как известно, доминирующей идеологией в советском обществе был атеизм, но ситуация в конфессиональной области кардинально изменилась с провозглашением в конце 80-х гг. прошлого столетия принципов гласности и демократии, либеральных ценностей, которые, как показывает современное положение России, имели больше негативных последствий, чем позитивных. Из одной крайности – запрета религии и провозглашения атеистической идеологии – перешли к другой – полному игнорированию происходивших в религиозной сфере процессов. Закономерно это привело к быстрому заполнению образовавшегося вакуума религиозной идеологией, более того, можно утверждать, что конфессиональная сфера начала свое «автономное» функционирование, не подчиняясь светским законам. В статье рассматривается прозелитизм и отношение к нему: авторская гипотеза предполагает, что прозелитская деятельность способствует формированию в массовом сознании принципов религиозной интолерантности. Эмпирический материал свидетельствует о существовании в общественном сознании подавляющей части молодого поколения дагестанцев позитивного отношения к совместному проживанию с последователями иного вероучения, при этом по совокупности позиций доминирует переход в другое вероучение. Кроме того, преобладает положительное восприятие прозелитизма с существенной аргументацией о необходимости ее осуществления без давления и агрессивной политики.

Ключевые слова: веротерпимость, дагестанская молодежь, прозелитизм, прозелитская деятельность, ислам, религиозные установки, религия, религиозное поведение, религиозная толерантность, религиозная нетерпимость

Для цитирования: Шахбанова М. М. Прозелитизм и прозелитская деятельность: оценка и восприятие в общественном сознании дагестанской молодежи // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 257–263. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-257-263>. EDN VLKYBN

Sociology Problems

Original article

Proselytism and proselytizing activities: assessment and perception in the public consciousness of Dagestan youth

Madina M. Shakhbanova

Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia,
madina2405@mail.ru

Abstract. The religious sphere is one of the most difficult and the situation in it has a noticeable impact on other social spheres. As you know, atheism was the dominant ideology in Soviet society, but the situation in the confessional field changed dramatically with the proclamation in the late 80s of the last century of the principles of glasnost and democracy, liberal values, which, as the current situation in Russia shows, had more negative consequences than positive ones. From one extreme – the prohibition of religion and the proclamation

of atheistic ideology – they moved to the other – the complete disregard of the processes taking place in the religious sphere. Naturally, this led to the rapid filling of the resulting vacuum with religious ideology, moreover, it can be argued that the confessional sphere began its "autonomous" functioning, not obeying secular laws. The article examines proselytism and attitudes towards it: the author's hypothesis suggests that proselytizing activities contribute to the formation of principles of religious tolerance in the mass consciousness. Empirical material testifies to the existence in the public consciousness of the overwhelming majority of the younger generation of Dagestanis of a positive attitude towards cohabitation with followers of another creed, while the transition to another creed dominates in terms of the totality of positions. In addition, a positive perception of proselytism prevails, with substantial arguments about the need to implement it without pressure and aggressive policies.

Keywords: religious tolerance, Dagestan youth, proselytism, proselytizing activities, Islam, religious attitudes, religion, religious behavior, religious intolerance

For citation: Shakhbanova M. M. Proselytism and proselytizing activities: assessment and perception in the public consciousness of Dagestan youth. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):257–263. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-257-263>. EDN VLKYBN

Введение. Распространение вероучения за пределами его канонической территории, следовательно, увеличение числа последователей является ключевым в религиозной деятельности священнослужителей и история разных религий показывает стремление религиозной верхушки расширять пространство функционирования конкретно взятого вероисповедания.

Этнографические материалы и археологические раскопки констатируют об активной деятельности миссионеров по распространению религиозного учения, последователями которого они были, например, христианства, далеко за ареалами его изначального возникновения. Целью политики расширения религиозного учения среди носителей иных вероисповеданий были, во-первых, получение власти над большой территорией, во-вторых, материальные интересы, возможность пополнять казну христианского духовенства, в данном случае, папскую казну. Кроме того, проживание в разных государствах единоверцев имело большое значение и для укрепления межгосударственных взаимоотношений, формирования особой экономической модели, обеспечения благополучия и т.д. Поэтому политика прозелитизма никогда не теряла своей актуальности, ибо выступала «мягкой силой» способной влиять на определенные сферы социального контакта. Таким образом, прозелитизм имеет длительную историю, разумеется, осуществлялся как мирными, так агрессивными методами в ходе военных действий и навязывания, особенно в предыдущие исторические периоды при абсолютной религиозной власти: римская церковь принимала активное участие в политической жизни стран, население которых исповедовало христианское учение, папа римский мог отлучить от церкви любого правителя христианского государства.

Распад Советского Союза с господствовавшей в нем атеистической идеологией, естественно, сопровождался мощными преобразованиями во всех социальных сферах, изменением мировоззрения и здесь свою нишу очень быстро заняла религия и деятельность духовных лиц ориентированных на укрепление позиций вероисповедания в российском социуме. Прошедший период показывает появление возможности свободно соблюдать культовую практику, в стране открылись религиозные учебные заведения, постепенно влияние религиозного духовенства на светскую власть начало усиливаться. Иными словами, из одной крайности запрета религии и провозглашения атеистической идеологии перешли к другой – полному игнорированию происходивших в религиозной сфере процессов. Закономерно это привело к быстрому заполнению образовавшегося вакуума религиозной идеологией, более того, можно утверждать, что конфессиональная сфера начала свое «автономное» функционирование, не подчиняясь светским законам. Все это сопровождалось борьбой внутри религиозной верхушки, примером является раскол Духовного управления мусульман [1, с. 56], отсутствием государственного контроля над религией и религиозными центрами, осуществляемой духовными лицами религиозной деятельностью и политикой.

В результате пренебрежения и отсутствия внимания со стороны государства к такой сложной области, как конфессиональная, на территории Российского государства появился религиозный экстремизм, власть столкнулась с радикальными течениями, которые угрожали его национальной безопасности. Кроме того, в российских регионах активно начали работать миссионеры

(причем из западных стран) и непонятные «проповедники», провозгласившие себя «Богом» (например, «Бог Кузя»), то есть «начался взрывной рост конфессиональных новообразований... В страну хлынул неуправляемый поток миссионеров и проповедников... значительная часть миссионеров и миссий действовали без всякого учета и регистрации, и с их стороны отмечалось немалое число нарушений российских законов. В ряде субъектов Российской Федерации наметился процесс насильственного изменения традиционной конфессиональной картины, рост конфронтационных настроений среди последователей различных религий, размежевание граждан по принципу отношения к "традиционным" и "нетрадиционным" религиям. Обострилась проблема прозелитизма...» [2, с. 46].

Проблема корреляции прозелитизма и миссионерства активно исследуется С. К. Кимпаевым и С. И. Измайловой [3], А. В. Логиновым [4], А. Е. Митько [5], Н. Н. Поташинской [6], Е. А. Тарапановой [7], Ю. Хабермасом [8] и др.

Есть основание для констатации в прозелитизме 2-х противоположных векторов существования: с одной стороны, расширение приверженцев определенного вероисповедания, с другой, как деструктивный элемент – неприятие миссионерской деятельности на канонической территории иного вероучения, что является базой появления в общественном сознании межрелигиозной интолерантности, открытых столкновений и агрессии: «исторически можно выделить 2 типа прозелитизма: добровольное присоединение... и насильственное обращение... В случае добровольного присоединения субъектом прозелитизма является сам обращающийся, в случае насильственного присоединения субъектом выступают лица и институты, осуществляющие обращение. Что объединяет два типа прозелитизма в контексте их негативной оценки? Как правило, ни одна из религий не оценивает свою миссионерскую деятельность как прозелитскую. Понятие прозелитизма применяется при оценке деятельности других религиозных институтов. Таким образом, прозелитизм как оценочное понятие с негативной коннотацией применяется в отношении несовершенства мотивов или поступков другого и крайне редко в отношении себя» [9, с. 179].

Прежде чем охарактеризовать существующее в массовом сознании отношение к прозелитизму, представляется необходимым изложить сущность данного феномена. А. В. Логинов определяет прозелитизм как «деятельность по переманиванию последователей одной христианской конфессии в другую, но более полно этим понятием охватываются практикуемые рядом деноминаций попытки изменить религиозный выбор человека посредством целенаправленной пропаганды, далеко не всегда правдивой, нередко с использованием средств нерелигиозного характера (угроз, обещаний материальных благ и т.п.)» [10, с. 55].

К возникновению межрелигиозной нетерпимости может привести оскорбление чувств верующего, ценностно-символической религиозной системы, ущемление прав по признаку вероисповедания, запрет на ритуальную практику, отсутствие культовых зданий, вернее, отказ на их строительство. Примером последнего являются протесты против строительства мечети в Подмосковье и православного храма в Махачкале¹.

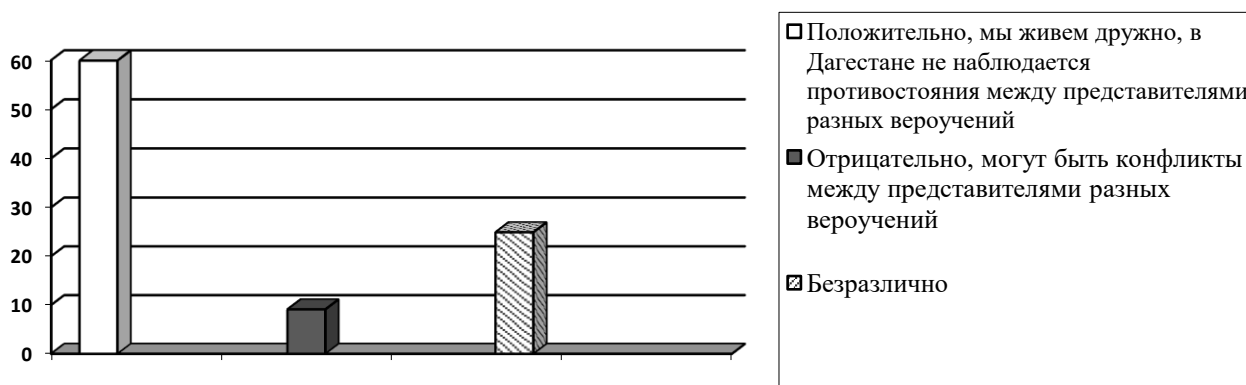
По мнению автора, причины нежелания строительства культового здания на канонической территории иного вероисповедания намного глубже. Хотя очень осторожно, но звучат голоса тех, кто выступает против миграции в Россию трудовых мигрантов и существование такой позиции имеет объективную основу: во-первых, поведение мигрантов и их пренебрежительное отношение к принимающему обществу, нежелание адаптироваться в инонациональной и инорелигиозной среде; во-вторых, этническая преступность; в-третьих, пассивное поведение, порой и безразличие правоохранительных органов по защите пострадавших от преступных деяний внешних мигрантов; в-четвертых, активное вмешательство диаспоры в решение возникающих проблем. Местная власть привлекает лидеров диаспоры к обсуждению конфликтной ситуации и правонарушений попадающих под уголовную статью, что вообще недопустимо. Еще одним нареканием, причем

¹ Магомедова А. Администрация Махачкалы пресекла строительство православного собора в парке Ак-Гель // URL: <https://chernovik.net/news/administraciya-makhachkaly-presekla-stroitelstvo-pravoslavnogo-sobora-v-parke-ak-gyol> (Дата обращения: 03.01.2024); The HRC saw extremism in the scandal with the construction of a mosque in Moscow. URL: <https://lenta.ru/news/2023/04/03/mechet/> (Date of application: 03.01.2024); Sobyaniin decided to move the construction site mosques from the Holy Lake. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/04/2023/642d8c8e9a7947e5a2252cb7> (Date of application: 04.01.2024).

очень важным, к строительству мечети было появление вокруг культового сооружения социальной инфраструктуры (магазины, культурные центры, кафе и т.д.), что вполне способно привести к анклавному проживанию мигрантов, причем уже получивших российское гражданство. На таких территориях, как правило, формируется характерная мигрантам модель поведения и взаимоотношений, в последнее время часто в СМИ приводят факты проявления агрессии, причем со стороны взрослых, в отношении детей (когда мигранты выгоняют детей со спортивных площадок, применяют к ним физическое и сексуальное насилие и т.д.).

Результаты исследования. По мнению автора, прозелитизм представляет собой сложное социальное явление, соответственно, он не может быть однозначно рассмотрен, впрочем, как и вопрос веротерпимости: в основе появления межрелигиозной нетерпимости могут быть вполне объективные причины, когда соблюдение прав одних могут ущемлять права других.

В рамках исследования религиозности и религиозного поведения дагестанской молодежи была затронута поликонфессиональность республики и ее оценка опрошенными (см. гист. № 1).

Гистограмма 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к тому, что в Дагестане проживают носители немусульманского вероучения (христиане, иудеи, буддисты)?» (%)

Histogram 1. Distribution of answers to the question "How do you feel about the fact that non-Muslim speakers (Christians, Jews, Buddhists) live in Dagestan?" (%)

В массовом сознании дагестанской молодежи доминирует позитивная оценка поликонфессиональности Дагестана с доводом отсутствия межрелигиозного конфликта и мирного сосуществования. С возрастом и образованием опрошенных увеличивается доля положительно характеризующих наличие в республике последователей разных вероучений с 53,2 % в интервале 15–17 лет до 75,4 % 26–35 лет, с 54,6 % имеющих базовое среднее образование до 69,6 % с высшим образованием.

Эмпирический материал в разрезе отношения к религии показывает, что подавляющая часть респондентов почти во всех подмассивах положительно рассматривает поликонфессиональность Дагестана, за исключением подгруппы убежденно неверующих, которые безразличны к функционированию на территории республики разных вероучений (66,7 %). Далее, 9,1 % респондентов по всему массиву отрицательно оценивает полирелигиозность Дагестана с мотивацией потенциала для возможного межрелигиозного конфликта. Такая позиция ближе подмассиву неверующих (16,7 %), самому молодому возрастному слою 15–17 лет (11,9 %), убежденно верующим (12,8 %), кумыкам (одна восьмая часть) и аварцам (каждый девятый). Вместе с тем, 24,9 % опрошенной дагестанской молодежи безразлична конфессиональная структура Дагестана, таковых больше в возрастных интервалах 25 лет включительно, имеющих базовое среднее (27,9 %) и среднее образование (27,8 %); по этнической принадлежности процентные параметры больше в чеченской (45,0 %) и лезгинской (37,2 %) подгруппах.

Полученный материал показывает характерное молодому поколению дагестанцев толерантное восприятие полирелигиозности Дагестана и данное обстоятельство является важнейшим для сохранения стабильности и позитивного взаимодействия между носителями разных религиозных верований.

Ранее было отмечено, что прозелитизм, вернее методы его осуществления («мягкие» или агрессивные), является причиной возможного ухудшения отношений между последователями разных религий, и данный вопрос нашел свое отражение в рамках изучения религиозности и культовой практики дагестанской молодежи.

Результаты ответов на вопрос «Как Вы отнесетесь к тому, что кто-то из Ваших родственников, друзей или знакомых отошел бы от ислама и перешел в другую религию?» показывают, что в общественном сознании респондентов личное отношение к переходу в другое вероучение человека из близкого окружения выглядит несколько размыто в том плане, что почти равные доли опрошенных придерживаются противоположных суждений: по всему массиву с небольшим преимуществом превалирует положительный вариант ответа с аргументом о свободе выбора вероисповедания (25,6 %).

Анализ по гендерной принадлежности показывает, что в сравнении с мужчинами (19,9 %), женщины (25,6 %) более толерантны в выборе человеком другого вероисповедания. Вместе с тем наблюдается влияние возраста и образовательного статуса опрошенных на снижение процентных показателей – в каждой подгруппе с повышением возраста и образования уменьшается доля позитивно относящихся к переходу членов ближнего круга взаимодействия в лоно другого вероучения: с 25,2 % в разрезе 15–17 лет до 14,0 % в когорте 26–35 лет. В разрезе отношения к религии закономерно положительное восприятие такого решения подгруппами колеблющихся (44,4 %), неверующих (58,3 %), убежденно неверующих (33,3 %), однако существование такой установки в общественном сознании убежденно верующих (15,3 %) и верующих (23,5 %) неожиданно, ибо получается, что последние готовы смириться с уменьшением числа последователей единого с ними вероучения, проповедью иного религиозного учения среди единоверцев.

По национальной принадлежности о необходимости уважения решения каждого человека и его выбора иметь близкое ему мировосприятие, в сравнении, больше среди лакцев, даргинцев и лезгин (одна треть) и меньше в чеченской подгруппе (каждый седьмой). С небольшой разницей второе ранговое место занимает отрицательное отношение к смене человеком собственной религиозной принадлежности, ибо опрошенные считают такой поступок «нехорошим» и они постарались бы «отговорить от такого решения» (23,6 % по всему массиву). Эта позиция ближе 29,4 % респондентов в возрастной категории 18–25 лет, имеющих среднее и среднее специальное образование, а также подмассиву убежденно верующих – 34,8 %, 35,4 %, 37,8 %, соответственно. Вместе с тем, одна пятая часть респондентов по всему массиву, оценивая такое решение негативно, при этом не стали бы предпринимать какие-то действия. По гендерной принадлежности придерживающихся такой модели поведения больше в подмассиве женщин (20,7 %), в мужской подгруппе их в 2 раза меньше (9,4 %); непонятным выглядит позиция убежденно верующих (13,3 %) и верующих (15,3 %), которые критично оценивая прозелитское поведение близких родственников и друзей, не готовы предпринимать действия по его недопущению. Далее, 11,8 % опрошенных по всему массиву придерживаются точки зрения о недопустимости перехода в иное вероисповедание с мотивацией необходимости «оставаться в той религии, которой ты принадлежишь по рождению»; анализ по социально-демографическому срезу показывает, что это суждение ближе возрастной когорте 15–17 лет (16,5 %) и имеющим базовое среднее образование (14,8 %).

Неприемлемость выхода из вероисповедания, которому принадлежишь по рождению, подчеркнута 14,3 % убежденно верующих, 13,1 % верующих и 11,1 % колеблющихся. Затруднился выразить свою позицию каждый девятый по всему массиву, внутригрупповое сравнение показывает существование отличий: так, выделяются респонденты в разрезе 18–25 лет, имеющие высокий образовательный статус (каждый пятый), 16,8 % самоидентифицирующихся как верующие. Почти равные части опрошенных по всему массиву отмечают противоположные варианты «положительно, если человеку ближе другое вероучение, его ценности, обряды, ритуалы, праздники» (5,4 %) и «отрицательно, я перестал(-а) бы уважать и общаться с таким человеком» (5,9 %); первое суждение ближе колеблющимся, неверующим и убежденно неверующим, второе – имеющим среднее образование, возрастному интервалу 15–17 лет и убежденно верующим (каждый десятый респондент). Если посмотреть средний показатель отношения дагестанской молодежи к прозелитизму, то превалирует его отрицательная оценка (37,4 %), хотя 28,3 % опрошенных подчеркивают право свободного выбора вероисповедания.

В исследовании был задан «контрольный вопрос» «Как Вы относитесь к тому, чтобы распространять мусульманскую веру среди людей, не исповедующих ислам?», призванный показать степень религиозной толерантности, хотя, по мнению автора, необходимо очень осторожно подходить к прозелитской деятельности, особенно на канонических территориях с доминированием заметного количества последователей конкретного вероисповедания. Не менее важным является и эмоциональный настрой паствы, ибо религиозным сообществом не всегда позитивно может быть воспринято распространение и вовлечение населения в другое вероисповедание.

Эмпирический материал показывает положительное восприятие опрошенной дагестанской молодежи прозелитизма, важности осуществления прозелитской деятельности «мирными методами», недопустимости политики навязывания мусульманского мировоззрения иноверцам (70,0 %). Если посмотреть результаты опроса под разным углом среза, то наблюдается увеличение выступающих за распространение исламского учения среди носителей иного вероисповедания: с 64,4 % в возрасте 15–17 лет до 77,2 % в интервале 26–35 лет; с 68,3 % имеющих базовое среднее образование до 77,2 % со средним специальным образованием.

Среди убежденно верующих и верующих почти равные части позитивно оценивают прозелитскую деятельность исламских миссионеров (больше половины опрошенных), впрочем, как и колеблющиеся (чуть больше половины опрошенных). Второе ранговое место с большим отрывом занимает еще одно положительное суждение с обоснованием необходимости предоставления всем вероисповеданиям «свободы проповедовать среди представителей другой религии» (13,5 % по всему массиву); по социально-демографическим подгруппам таковых больше в возрастном интервале 15–17 лет (16,5 %), в в подмассиве с низким уровнем образования (18,0 %) и среди убежденно верующих (19,4). При этом суждения «распространение других религий несет угрозу конфликтов представителей разных религиозных учений» и «каждая религия должна проповедоваться только там, где она больше всего распространена (каноническая территория) и больше всего ее последователей» отмечены статистически небольшой долей молодого поколения дагестанцев – 3,5 % и 2,2 %, соответственно.

Негативная оценка распространения мусульманства среди представителей других религий больше выражена в общественном сознании неверующих (16,7 %) и убежденно неверующих (33,3 %). В когорте безразлично настроенных к прозелитизму также выделяются подмассивы неверующих (каждый четвертый) и убежденно неверующих (одна треть). Таким образом, аналитика констатирует позитивную оценку прозелитской деятельности исламского духовенства, но здесь респонденты подчеркивают недопустимость агрессии, давления и принуждения; процентные показатели по суждениям отрицательно настроенных к прозелитизму малозначимы, иными словами, можно констатировать превалирование в общественном сознании опрошенных ориентации на привлечение носителей иного вероисповедания в лоно мусульманства.

Заключение. Исламское возрождение имело не только позитивные, но и негативные последствия в развитии современного Дагестана, с одной стороны, свобода демонстрации личной религиозности, возможность получения религиозного образования, с другой – радикализация сознания, террористические акты под лозунгами сохранения «чистоты ислама», появление идеологии насилия в отношении не разделяющих идеологию ваххабизма и т.д.

Можно утверждать, что религиозное возрождение сопровождается противоречивыми процессами, с одной стороны, появление возможности для свободного осуществления религиозной практики, с другой, появление деструктивных факторов угрожающих национальной безопасности Российского государства. Наряду с позитивным вектором в религиозной области (свобода вероисповедания, возможности соблюдать предписания исповедуемого вероучения и т.д.) появляется и негативная сторона выражающееся в росте числа конфессиональных организаций, отсутствии контроля за книжной продукцией, которая издается и распространяется, активизации прозелитской деятельности, ориентации населения разных возрастных групп на получение религиозного обучения, активизация паломничества и т.д. Все это в совокупности способствовало появлению и стремительному распространению нетрадиционных для Дагестана религиозных течений и сект, которые в дальнейшем, как показали реалии, в определенной степени спровоцировали ухудшение межрелигиозных и внутриконфессиональных отношений.

Список источников

1. Абдуллаев А. Г. К истории КДУМД // КНКО. Вести. 2000. С. 56–61.
2. Одинцов М. И. Двадцатый век в российской истории: государство и религиозные организации // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе. М.: Российское отделение МАРС, 2000. С. 46–57.
3. Кимпаев С. К., Измайлова С. И. Прозелитизм в исламе // Исламоведение. 2013. № 1. С. 75–84.
4. Логинов А. В. Этико-правовые основы свободы совести как предпосылки свободной самоидентификации личности // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М.П. Мchedlov. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 34–56.
5. Митько А. Е. Миссионерство и прозелитизм // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2017. № 10(259). Вып. 40. С. 177–184.
6. Поташинская Н. Н. Насилие и терроризм в современной социальной доктрине католической церкви // Религии мира. История и современность. М., 2003. С. 9–18.
7. Тарапанова Е. А. Проблема взаимоотношений религий в цивилизационном развитии народов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 5. С. 139–142.
8. Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видения мира, ценностей и теорий // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 45–53.
9. Митько А. Е. Миссионерство и прозелитизм // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2017. № 10 (259). Вып. 40. С. 177–184.
10. Логинов А. В. Этико-правовые основы свободы совести как предпосылки свободной самоидентификации личности // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М.П. Мchedlov. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 34–56.

References

1. Abdullaev A. G. On the history of the KDUMD. *KNKO. Lead.* 2000;56–61. (In Russ.)
2. Odintsovo M. I. The twentieth century in Russian history: the state and religious organizations. *Entering the third millennium: religious freedom in a pluralistic society.* Moscow; 2000:46–57. (In Russ.)
3. Kimpaev S.K., Izmailova S.I. Proselytism in Islam. *Islamic Studies.* 2013;(1):75-84. (In Russ.)
4. Loginov A.V. Ethical and legal foundations of freedom of conscience as prerequisites for free self-identification of a person. *Religion in the self-consciousness of the people (religious factor in identification processes)* / Ed. M.P. Mchedlov. M.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2008;34-56. (In Russ.)
5. Mitko A. E. Missionary work and proselytism. *Scientific bulletin. Philosophy series. Sociology. Right.* 2017;10(259)(40):177–184. (In Russ.)
6. Potashinskaya N. N. Violence and terrorism in the modern social doctrine of the Catholic Church. *Religions of the world. History and modernity.* M., 2003:9–18. (In Russ.)
7. Tarapanova E. A. The problem of interrelationships of religions in the civilizational development of peoples. *Historical and socio-educational thought.* 2011;(5):139–142. (In Russ.)
8. Habermas Yu. When should we be tolerant? On the competition of world vision, values and theories. *Sociological Research.* 2006;(1):45–53. (In Russ.)
9. Mitko A. E. Missionary work and proselytism. *Scientific bulletin. Philosophy series. Sociology. Right.* 2017;10(259)(40):177–184. (In Russ.)
10. Loginov A. V. Ethical and legal foundations of freedom of conscience as prerequisites for free self-identification of a person. *Religion in the self-consciousness of the people (religious factor in identification processes)* / Ed. M. P. Mchedlov. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2008:34–56. (In Russ.)

Информация об авторе

М. М. Шахбанова – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Отделение кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу.

Information about the author

M. M. Shakhbanova – Dr. Sci. (Sociology), Leading Researcher, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Division of the UNESCO Chair for Comparative Studies of Spiritual Traditions, the Specificity of Their Cultures and Interreligious Dialogue in the North Caucasus.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 16.01.2024; одобрена после рецензирования 08.02.2024; принята к публикации 09.02.2024.

The article was submitted 16.01.2024; approved after reviewing 08.02.2024; accepted for publication 09.02.2024.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 264–270
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(1):264–270

Слово молодым ученым

Научная статья

УДК 339.96+327.81

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-264-270>

EDN UVOGNY

Программы Европейского союза в сфере содействия международному развитию: территориальное распределение помощи

Сергей Владимирович Багликов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия,
baglikovsv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7277-4927>

Аннотация. В статье исследуется территориальное распределение помощи Европейского союза в целях содействия развитию в контексте его региональных приоритетов. Исходя из географического принципа, приоритетов программ помощи и интересов ЕС в странах-получателях помощи, реципиенты могут быть разделены на три укрупненные категории: страны Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (АКТ), участники Восточного и Средиземноморского партнерств и потенциальные члены. В странах АКТ, в состав которых входят наименее развитые страны, ЕС заинтересован в расширении своего экономического и политического влияния через содействие институциональному строительству по западному образцу. При содействии участникам Восточного и Средиземноморского партнерств ключевая цель – обеспечение ЕС собственной безопасности через поддержку дружественной системы управления и надежных поставок продуктов для внутреннего рынка ЕС. Для потенциальных членов основная задача – экономическое, политическое и правовое выравнивание с Европейским союзом.

Ключевые слова: международная помощь, развитие, Европейский союз, торговые соглашения, расширение ЕС, Восточное партнерство, Средиземноморское партнерство

Для цитирования: Багликов С. В. Программы Европейского союза в сфере содействия международному развитию: территориальное распределение помощи // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 264–270. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-264-270>. EDN UVOGNY

Young scientists

Original article

European Union development assistance programmes: territorial aid allocation

Sergei V. Baglikov

Moscow State University of International Relations, Moscow, Russia,
baglikovsv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7277-4927>

Abstract. The article deals with EU's development aid allocation. For the sake of its own interests EU adjusts aid programs, that preserve though regional features. Based on geographic criteria, aid programs' priorities and EU's interests, recipients are classified into three groups: ACP countries, pre-accession countries and participants of Eastern and Mediterranean Partnerships. In ACP countries, that include least-developed countries, EU aims at economic and politic expansion by facilitation to institutional building according to the western pattern. While providing assistance to participants of Eastern and Mediterranean Partnerships EU seeks to sustain its own security by support of friendly governments and safe key-products imports. What concerns pre-accession countries, the main target is alignment in political, economic and legal spheres.

Keywords: Foreign aid, development, European Union, trade agreements, EU's enlargement, Western Partnership, Euro-Mediterranean Partnership

For citation: Baglikov S. V. European Union development assistance programmes: territorial aid allocation. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):264–270. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-264-270>. EDN UVOGNY

Европейский союз традиционно выступает как один из наиболее активных акторов в развивающемся мире. Однако, текущие международные процессы оказывают значительное влияние на трансформацию Европейского союза, обуславливая все больший выход его за рамки чисто экономического объединения при солидизации политик государств-членов, что накладывает свой отпечаток и на его взаимоотношения с развивающимися странами.

Развивающиеся страны находятся в фокусе общей европейской внешней политики [1, с. 59]. Одним из самых эффективных инструментов реализации целей ЕС является помощь развитию, формат которой изменяется в зависимости от приоритетов в стране-реципиенте, которые в свое время можно подразделить на три основные категории.

Бывшие колонии

Взаимодействие с развивающимися странами исторически занимает важное место во внешнеполитической деятельности Европейского союза, начиная с европейских сообществ – многие страны до процесса деколонизации в 1960-1970-е годы были крупными метрополиями. В соответствии с Римским договором был создан Европейский фонд развития, и установлены особые условия торговых взаимоотношений колониальных держав-членов и зависимых от них территорий. Лишившись политического контроля над бывшими колониями страны сообществ были приняты меры, направленные на обеспечение своего экономического присутствия и влияния. Инструментом для решения этой задачи, было установление между странами ЕЭС режимов преференциальной торговли и предоставления экономической, финансовой и технической помощи.

В 1963 г. была подписана сроком на 5 лет первая Яундская конвенция об ассоциации между Европейским экономическим сообществом и бывшими французскими и бельгийскими колониями. Заключение договора на уровне сообществ обусловлено необходимостью согласованного внешне-торгового режима участников таможенного союза. В 1969 г. была заключена вторая Яундская конвенция на тех же условиях. Данные договоры открывали рынки развитых стран для развивающихся, путем снижения пошлин на их основные экспортные товары [2], способствуя закреплению в этих странах сырьевой экономики и ставя их в зависимость от бывших метрополий. Содействие развитию осуществлялось через два основных канала: программы содействия развитию Европейского фонда развития, бюджет которого формировался из непосредственных вкладов государств-членов в (основная часть средств вносилась Францией и Германией [3, с. 10]) и инвестиционные проекты, поддерживаемые финансовыми средствами и экспертным анализом Европейского инвестиционного банка, чьи средства формировались по средствам выпуска низкопроцентных облигаций.

На смену Яундским конвенциям в 1975 г. пришли Ломейские, заключенные большим количеством членов расширившегося в 1973 г. ЕЭС и постколониальных государств Африки, Карибского бассейна и Тихого океана, солидаризировавшихся к тому времени и подписавших Джорджтаунское соглашение в том же 1975 г. Это позволило развивающимся странам, действуя совместно и находясь в более стабильном экономическом положении, добиться более выгодных условий: меньшие экономические уступки развитым государствам и большие гарантии помощи. Пошлины на основные товары для экспорта развивающихся стран стали нулевыми, а преференции странам ЕЭС были значительно сокращены, к тому же, к содействию имеющимся каналам помощи были добавлены еще два механизма для сглаживания доходов развивающихся стран от экспорта сельскохозяйственных и минеральных ресурсов, дисбалансируемых мировой конъюнктурой: Stabex и Sysmin, завязывая торговлю этих стран на ЕС.

Эти соглашения периодически продлялись с небольшими изменениями, пока им на смену не пришел новый формат, определенный в 2000 г. новым соглашением, заключенным в Котону, отличающимся более широким охватом сфер взаимодействия. Сотрудничество в целях развития не ограничивалось сотрудничеством на уровне правительств, охватывая местное самоуправление

и гражданское общество, предметно затрагиваются вопросы прав человека и безопасности в развивающихся странах, задавая рамки сотрудничества в этой области. Договор содержит отсылки к целям развития тысячелетия, рамочным конвенциям по климату, что отражает стремление стран Европы перенести новообразованные в рамках ООН концепции и взгляды на отношения с развивающимися странами. Также договором вводятся две новеллы: «надлежащее управление» (обязательства реципиентов соответствовать представлениям стран ЕС о демократических процедурах, обществе без коррупции) и «программный характер помощи» (объемы помощи определяются результатами реципиентов в области развития и эффективностью вложения в них средств). В сфере торговли, предполагалась либерализация объемов пошлин и инвестиций со стороны развивающихся стран странам ЕС [4]. Таким образом, страны ЕС смогли добиться больших уступок от развивающихся стран, что связано с интеграционной консолидацией Союза, а также исчезновением СССР как альтернативного полюса притяжения для освободившихся от колониальной зависимости стран.

Соглашение Котону является действующим на данный момент, и представляет эталонный для ЕС формат сотрудничества с развивающимися странами (критерии и подходы помощи перенеслись на все инструменты и фонды ЕС), который переносится им на сотрудничество с другими странами [5].

Также подписано три отдельных протокола по каждому региону, где специфицируются наиболее насущные потребности каждого из них: для стран Африки – устойчивый и инклюзивный экономический рост, человеческое и социальное развитие, окружающая среда и рациональное природопользование; для стран Карибского бассейна – противодействие климатическим изменениям; диверсификация экономик; для стран тихоокеанского региона: защита океанов и морей, построение демократических сообществ. В то же время наблюдается последствие пессимизма помощи 90-х гг. – убежденность в невозможности придать импульсов к росту развивающихся стран экономическими программами. Очевидно, стремление ЕС содействовать развитию опосредованно.

С 2007 г. Европейским союзом активно продвигается инициатива «aid for trade». Как утверждается, либерализация торговли усиливает конкуренцию внутреннему производителю, а помощь повышает его конкурентоспособность. В то же время, данная инициатива частично возмещает Европейскому союзу издержки от реализации программ помощи за счет снятия барьеров для экспорта европейских товаров в развивающиеся страны, нанося ущерба промышленности [6]. Таким образом, помощь на экономические проекты лишь компенсируют издержки развивающимся странам от вытеснения их производителей европейскими компаниями. Не все развивающиеся страны готовы идти на данные уступки, поэтому соглашения по данной инициативе принимаются ЕС с развивающимися странами в основном на двусторонней основе.

В настоящее время разработан проект посткотонского соглашения. Помимо ставшего для ЕС традиционным, отхода от непосредственного содействия экономическому развитию на позиции содействия в: строительстве институтов (развитие демократии и надлежащего управления); развития прав человека; обеспечение безопасности; установлении экологической устойчивости и противодействии изменению климата и его последствиям; человеческому и социальному развитию, при инкорпорации идей устойчивого развития в программы помощи. Выполнение целей устойчивого развития используется ЕС для формирования и улучшения своего имиджа на международной арене [7].

Данные подходы являются явно политизированными и нацелены на формирование образа ЕС для внешнего мира вместе с установлением политического влияния в государствах-реципиентах, а попытки переноса европейских реалий и институтов на развивающиеся страны способны нести явно деструктивный заряд для экономических и политических укладов в странах-реципиентах наряду с попытками отражения в соглашениях принципа «aid for trade». По этим причинам данное соглашение, несмотря на готовый проект, так и не подписано сторонами [8]. Параллельно ЕС ищет новые форматы сотрудничества с этими странами в связи с появлением новой силы в регионе – Китая [9, с. 42].

Страны-участники Восточного и Средиземноморского партнерств

С 2004 г. в рамках Европейского союза был сформирован новый подход во взаимоотношении с соседними государствами, выразившийся в Европейской политике соседства, предназначенного для интенсификации сотрудничества со средиземноморскими и восточными государствами-соседями ЕС. В южное измерение входят Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Ливия, Марокко,

Палестина, Сирия, Тунис. Данное измерение базируется на сформированном в 1995 г. евро-средиземноморском партнерстве и международной организацией, образованной в 2008 г. – Союзе для Средиземноморья. Восточное измерение было формализовано в 2009 г. с подписанием соглашения о Восточном Партнерстве с Арменией, Азербайджаном, Белоруссией, Грузией и Украиной.

За время существования политики соседства ЕС помощь государствам соседям осуществлялась через два инструмента: Инструмент Европейского партнерства и соседства, и функционировавшего с 2014 по 2020 гг. Европейского инструмента соседства, в ходе реализации которого было выделено 15.4 миллиарда евро на реализацию проектов в ключевых областях: права человека, правосудие, верховенство закона и гражданское общество; создание условий для потребления продукции стран-партнеров внутренним рынком ЕС; усиление мобильности; экономическое развитие; меры по развитию доверия. Новшеством является гибкая система распределения, основанная на результатах, достигнутых государствами-соседями¹. Помощь предоставляется как на двусторонней основе, так и через проекты, покрывающие сразу несколько государств партнеров.

Для Восточного партнерства основным приоритетом является усиление экономического сотрудничества, с целью использования экономического потенциала партнеров, в этом контексте особое место занимали Азербайджан и Украина², и поддержка установления сходного с ЕС политического режима, наряду с сотрудничеством в области безопасности. Решить основную задачу – обеспечение стабильности на границах ЕС в интересах его безопасности, не удалось [10, с.35]. Для Южного соседства основные вопросы – искоренение бедности и проблема беженцев³. Арабская весна усилила внимание ЕС к региону в контексте обеспечения собственной безопасности [11].

В данный момент в связи с тенденцией к укрупнению Инструмент Европейского партнерства не функционирует, помощь этим странам осуществляется через новый инструмент Глобальная Европа: соседство, развитие и международное партнерство. С начала 2022 г. наблюдается рост объемов помощи и количества программ в постсоветских странах [12, с. 80] при все большей ориентации помощи Европейского союза на вопросы безопасности [13, с. 89].

Потенциальные члены ЕС

Помощь в отношении потенциальных членов (кандидаты в члены и возможные кандидаты в члены) существует как отдельная категория бюджета и консолидированный инструмент с 2007 г., заменив разрозненные программы для кандидатов, такие как: программа ФАРЕ, содействовавшая в основном странам Центральной Европы в реструктурировании экономик; КАРДС (программа содействию экономическим изменениям на Балканах, но в отличие от ФАРЕ только один реципиент помощи в рамках программы, Хорватия, стал членом ЕС); САПАРД (содействие сельскохозяйственной перестройке); ИСПА (поддержка инфраструктурных проектов с основным акцентом на транспорт и экологию).

На данный момент действует уже третья вариация данного инструмента на период 2021–2027 гг., что соответствует горизонту многолетних бюджетных планов ЕС [14]. Получателями помощи в его рамках являются Албания, Босния и Герцеговина, Косово, Черногория, Северная Македония, Сербия и Турция. Бюджет и список стран-реципиентов формировался ещё до получения статуса кандидата Украиной, Молдавией и Боснией и Герцеговиной, поэтому Украина и Молдавия помощь в рамках этого инструмента не получают, а Босния и Герцеговина, как и Косово, изначально были получателями помощи без статуса кандидата. Основной целью инструмента декларируется содействие осуществлению политических и экономических реформ в государствах-получателях и их подготовка к принятию на себя обязательств, вытекающих из членства в ЕС. Более детально список задач излагает в делегированном акте Комиссии [15], где основными целями названы: установление и развития необходимых институтов для верховенства закона и демократии; усиление устойчивости

¹ The European Neighbourhood Instrument (ENI). – EU Neighbourhood south : официальный сайт. – Брюссель. – URL: <https://south.euneighbours.eu/the-european-neighbourhood-instrument-eni/> (дата обращения: 19.02.2024). – Текст : электронный.

² Eastern Partnership. – European Commission : официальный сайт. – Брюссель. – URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/european-neighbourhood-policy/eastern-partnership_en (дата обращения: 19.02.2024). – Текст : электронный.

³ Southern Neighbourhood. – European Commission : официальный сайт. – Брюссель. – URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/european-neighbourhood-policy/southern-neighbourhood_en (дата обращения: 19.02.2024). – Текст : электронный.

к миграционным рискам; развитие средств массовых информационных по стандартам ЕС. По сравнению с двумя предыдущими программами 2007–2013 и 2014–2020 наблюдается незначительный рост средств, расходуемых в рамках инструмента: 11.5, 12.8 и 14.162 миллиардов евро соответственно.

Распределение средств происходит в пяти окнах: зеленая повестка (42,25 %); развитие конкуренции и инклюзивный рост (22,31 %); надлежащее управление и выравнивание с *Acquis communautaire* (16,59 %), верховенство права, поддержка демократии и основных прав (15,13 %); территориальное и трансграничное сотрудничество (3,51 %)¹. Основными получателями помощи: Турция (как основное место расположения беженцев и наиболее старый кандидат) и Сербия. Значительная часть должна будет распределиться по каналам, деятельность которых осуществляется вне пределов одной национальной юрисдикции. Незначительность средств, расходуемых в данном направлении, подтверждает отсутствие у Европейского союза планов по расширению [16, с. 20]. С введением нового инструмента «Глобальная Европа» стоит ожидать, что направления и цели помощи потенциальным членам еще больше сблизятся с целями в рамках политик соседства.

Подводя итог, на протяжении своей истории и развития Европейский союз имел различные интересы в отношениях с развивающимися странами, которые оно реализовало во многом через политику помощи и содействия развитию. Различные интересы ЕС и разные обстоятельства, присущие самим развивающимся странам, во многом обуславливают различные инструменты помощи, а также различное секторальное распределение помощи. Если для развивающихся стран Африки, Азии, Латинской Америки основные средства расходуются на институциональное строительство для установления там влияния стран ЕС в регионе, то для кандидатов членов экономические вопросы и подготовки стран к вступлению в ЕС, для стран участников партнерств – безопасность Европейского союза при сближении целей, задач и инструментариев в рамках последних направлений.

Список источников

1. European Union. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. – Brussels, 2016. – p. 59. Текст : электронный. – URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf
2. Sakr R. L. FROM COLONIALISM TO REGIONALISM: THE YAOUNDE CONVENTIONS (1963–1974 // *International & Comparative Law Quarterly*. 2021. Vol. 70, issue 2. Pp.449-489.
3. European community information service, Partnership in Africa: the Yaounde Association. – Brussels : Edwin Snell & Sons, 1966. P. 10.
4. ACP-EU partnership. – European Comission : официальный сайт. – Брюссель. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_19_3432 (дата обращения: 19.02.2024).
5. Summaries of EU legislation. Development. – European Parliament: официальный сайт. Страсбург. – URL: https://eur-lex.europa.eu/content/summaries/summary-11-expanded-content.html#arrow_1107 (дата обращения: 19.02.2024).
6. Govender M., Aid-for-trade (AfT) and global justice: The European Union (EU) in Africa/ Megan Govender and Pundy Pillay Текст : электронный// *Journal of Public Administration and Policy Research*. 2023. Vol. 15(1). P. 1–13. DOI: 10.5897/JAPR2020.0479/.
7. OECD, European Union Mid-term Review. – Paris : OECD Publishing, 2021. – 5 p. – . Текст : электронный. – URL: <https://www.oecd.org/dac/development-cooperation-report/#profiles> (дата обращения 19.02.2024).
8. Post-Cotonou negotiations on new EU/Africa-Caribbean-Pacific Partnership Agreement concluded. – European Comission: официальный сайт. – Брюссель. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_21_1552 (дата обращения: 19.02.2024).
9. Биссон Л. С. Новая стратегия ЕС для Африки: в поисках подлинного партнёрства // *Современная Европа*. 2020. № 3. С. 39–50. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320203950>

¹ Overview - Instrument for Pre-accession Assistance. – European Comission : официальный сайт. – Брюссель. – URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/enlargement-policy/overview-instrument-pre-accession-assistance_en (дата обращения: 19.02.2024). – Текст : электронный.

10. Сергеев Е. А., Габарта А. А., Воротников В. В. Политика "Восточного партнерства" Европейского союза: экономика versus политика // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. № 12. С. 27–37. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-12-27-37>.
11. Латкина В. А. Политика Европейского Союза в Средиземноморье в контексте "Арабской весны" // *Вестник МГИМО-Университета*. 2014. № 2. С. 139–149. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-139-149>
12. Квашнин Ю. Д. Европейский союз и постсоветские страны: новые тенденции в помощи развитию // *Россия и новые государства Евразии*. 2022. № IV (LVII). С. 78–88. DOI: [10.20542/2073-4786-2022-4-78-88](https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-4-78-88) (дата обращения 02.04.2023).
13. Багликов С. В. Секьюритизация международной помощи Европейского союза // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2023. № 4 (45). С. 84–88. DOI: [10.57145/27128482_2023_12_04_16](https://doi.org/10.57145/27128482_2023_12_04_16).
14. Regulation (EU) No 2021/1529 of the European Parliament and of the Council of 15 September 2021 establishing the Instrument for Pre-Accession assistance (IPA III) [Электронный ресурс] // *Official Journal of the European Union*. 2021. L 330. P. 1–26. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32021R1529&from=EN> (дата обращения 19.02.2024).
15. Commission delegated Regulation (EU) 2021/2128 of 1 October 2021 supplementing Regulation (EU) 2021/1529 of the European Parliament and of the Council, as regards setting out certain specific objectives and thematic priorities for assistance under the Instrument for Pre-Accession Assistance (IPA III) // *Official Journal of the European Union*. 2021. L 432. P. 8–12. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32021R2128&from=EN> (дата обращения 19.02.2024).
16. Европейский Союз на перепутье: нерешенные проблемы и новые вызовы (политические аспекты) / Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 234 с. DOI: [10.20542/978-5-9535-0482-9](https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0482-9).

References

1. *The European Union. Common vision, joint actions: A Stronger Europe is the European Union's Global Foreign and Security Policy Strategy*. Brussels, 2016. P. 59. Text : electronic. Available from: URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf
2. Sakr R. L. From COLONIALISM TO REGIONALISM: YAOUNDE CONVENTIONS (1963-1974). *International and Comparative law quarterly*. 2021;70(2):449–489.
3. *European Community Information Service, Partnership in Africa: Yaounde Association*. Brussels : Edwin Snell & Sons, 1966. P. 10.
4. *ACP-EU Partnership*. – *European Commission : official website*. Brussels. Available from: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail / ru/ip_19_3432 [Accessed 19 February 2024].
5. *Summary of EU legislation. Development*. – *European Parliament: official website*. Strasbourg. – Available from: https://eur-lex.europa.eu/content/summaries/summary-11-expanded-content.html#arrow_1107 [Accessed 19 February 2024].
6. Govender M., Aid for Trade (AfT) and global justice: The European Union (EU) in Africa/ Megan Govender and Pandi Pillay. *Journal of Public Administration and Political Studies*. 2023;15(1):1-13. DOI: [10.5897/JAPR2020.0479/](https://doi.org/10.5897/JAPR2020.0479/).
7. *Mid-term review of the OECD, the European Union*. – Paris : OECD Publishing House, 2021. – 5 p. – Text : lectionary. Available from: URL: <https://www.oecd.org/dac/development-cooperation-report/#profiles>. [Accessed 19 February 2024].
8. *Negotiations have been completed after Cotonou on a new EU/Africa, Caribbean and Pacific Partnership agreement*. – *European Commission: official website*. – Bratsel. Available from: URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_21_1552 [Accessed 19 February 2024].
9. Bisson L. S. The new EU Strategy for Africa: in search of a genuine partnership. *Modern Europe*. 2020;(3):39-50. (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320203950>
10. Sergeev E. A., Gabarta A. A., Vorotnikov V. V. The policy of the Eastern Partnership The European Union: Politics versus politics. *World politics and international relations*. 2022;(12):27-37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-12-27-37>
11. Latkina V. A. The policy of the European Union in the context of globalization in the context of the "Arab Spring". *Bulletin of MGIMO University*. 2014;(2):139-149. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-139-149>

12. Kvashnin Yu. D. The European Union and post-Soviet countries: new trends in development assistance. *Russia and the new states of Eurasia*. 2022;IV (LVII):78-88. (In Russ.). DOI: 10.20542/2073-4786-2022-4-78-88

13. Baglikov S. V. Securitization of international assistance from the European Union. *Azimuth scientific Research: economics and Management*. 2023;4(45):84–88. (In Russ.). DOI: 10.57145/27128482_2023_12_04_16.

14. Regulation (EC) No. 2021/1529 of the European Parliament and of the Council of September 15, 2021, establishing the Instrument of Assistance before Accession (IPA III) [Electronic resource]. *Official Journal of the European Union*. 2013;(330):1-26. Available from: URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32021R1529&from=EN> [Accessed 19 February 2024].

15. The Commission delegated Regulation (EU) 2021/2128 of October 1, 2021, supplementing Regulation (EU) 2021/1529 of the European Parliament and of the Council, regarding the definition of certain specific goals and thematic priorities for assistance under the Pre-Accession Assistance Instrument (IPA III). *Official Journal of the European Union*. 2022;(432):8-12. Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32021R2128&from=EN> [Accessed 19 February 2024].

16. *The European Union at the crossroads: unresolved problems and new challenges (political aspects)*. N.K. Arbatova, A.M. Kokeeva (eds.). Moscow; 2016. 234 p. (In Russ.). DOI: 10.20542/978-5-9535-0482-9.

Информация об авторе

С. В. Багликов – магистрант, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Information about the author

S. V. Baglikov – Master's Student, Moscow State University of International Relations.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 21.02.2024.

The article was submitted 31.01.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 21.02.2024.

Финансовое обеспечение инвестиционных проектов предприятий в контексте экосистемы замкнутого цикла

Константин Александрович Власенко

Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия,
vlasenk0konstantin@yandex.ru

Аннотация. Механизм реализации инвестиционных проектов в экономике замкнутого цикла определяет структуру источников финансирования компании, большая часть из которых носит долгосрочный характер, так как ресурсы должны быть направлены на решение стратегических задач: технологическое обеспечение предприятия, проектную деятельность в области научно-технологических разработок, подготовку соответствующей информационной базы с адаптированными цифровыми решениями, внедрение организационно-административных инноваций. В статье автором рассматривается специфика формирования источников финансового обеспечения системы экономики замкнутого цикла предприятия, а также разрабатывается механизм инвестиционного проектирования формирования системы циркулярной экономики.

Ключевые слова: циркулярная экономика, финансовое обеспечение, инвестиционные проекты, проектная деятельность, инвестиционный процесс

Для цитирования: Власенко К. А. Финансовое обеспечение инвестиционных проектов предприятий в контексте экосистемы замкнутого цикла // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 271–277. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-271-277>. EDN UIXBUE

Young scientists

Original article

Financial support for investment projects of enterprises in the context of a closed-loop ecosystem

Konstantin A. Vlasenko

North Ossetia State University after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia, vlasenk0konstantin@yandex.ru

Abstract. The mechanism for implementing investment projects within a closed-loop economy determines the structure of a company's sources of funding, most of which are of a long-term nature, as resources should be directed towards solving strategic tasks such as technological support for the enterprise, project activities related to scientific and technological development, and the preparation of an adequate information base with tailored digital solutions. In this article, the author explores the specifics of forming sources of financial support within an enterprise's closed-cycle economic system and also proposes a mechanism for designing investments to establish a circular economy.

Keywords: circular economy, financial support, investment projects, project activity, investment process

For citation: Vlasenko K. A. Financial support for investment projects of enterprises in the context of a closed-loop ecosystem. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):271–277. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-271-277>. EDN UIXBUE

Переход предприятия на функционирование согласно принципам экономики замкнутого цикла может рассматриваться как масштабный комплексный инвестиционный проект, направленный на реорганизацию производства и внедрение передовых технологий на основе реализации связанных между собой локальных инвестиционных проектов [1, с. 106]. В связи с этим процедура инвестиционного проектирования предполагает возможность использования тех же традиционных методик отбора, что и для стандартных инвестиционных проектов: чистого приведенного дохода (NPV); дисконтированного срока окупаемости (DPP); внутренней нормы рентабельности (IRR).

Финансовое обеспечение инвестиционного проектирования системы экономики замкнутого цикла предприятия отличается рядом особенностей:

- финансовые ресурсы практически всегда являются инвестиционными ввиду долгосрочного характера их привлечения, а их формирование является базовым условием осуществления инвестиционного процесса, связанного с внедрением технологий циркулярной экономики. Вне зависимости от того нужна ли предприятию глобальная перестройка его технологических процессов или требуется внедрение одной «зеленой» технологии, определенный объем инвестиционных ресурсов необходим в любом случае;

- процесс формирования финансовых ресурсов связан с процессом накопления капитала на этапе принятия решений относительно распределения чистой прибыли. Например, компания на определенном этапе своего функционирования может отказаться от выплаты дивидендов, направив все ресурсы на инвестирование в циркулярные технологии, однако для того, чтобы это не обернулось падением стоимости акций и недовольством инвесторов, их основная часть должна поддерживать идеи циркулярной экономики;

- основой формирования финансового обеспечения экономики замкнутого цикла является капитал, предназначенный к реинвестированию. Особенно в текущих экономических условиях, компаниям важно поддерживать темпы оборота и приемлемый уровень платежеспособности, поэтому очевидно, что финансовые решения будут в приоритете над инвестиционными. Соответственно, направление ресурсов на построение экономики замкнутого цикла возможно только в той ситуации, когда у предприятия есть свободные денежные средства после финансирования операционной деятельности;

- финансовые ресурсы обеспечивают все стадии жизненного цикла предприятия, и точно так же они необходимы в рамках замкнутого цикла производства, – но движутся они теперь по другой схеме, когда результатом производства становится конечная продукция и отходы. И то, и другое может быть реализовано и стать вторичным сырьем, что обеспечивает их последующее превращение в финансовые ресурсы, которые также начинают двигаться по замкнутому кругу циклического производства;

- формирование и использование финансовых ресурсов происходит на всех этапах инвестиционного процесса, – на первых этапах внедрения новых технологий и реорганизации производства требуется привлечение финансового обеспечения из самого широкого спектра источников, которыми могут стать кредитные средства, финансирование в рамках ГЧП или специализированных «зеленых» программ финансирования, но суть экономики замкнутого цикла заключается в том, чтобы производимые ресурсы сами становились источниками финансового обеспечения или значительно минимизировали необходимость в привлечении новых объемов ресурсов, поэтому при грамотной постановке системы циклического производства с каждым новым производственным циклом дополнительного финансирования требуется все меньше и меньше;

- формирование системы финансового обеспечения в условиях циркулярной экономики представляет собой непрерывный процесс, характеризующийся детерминированным и регулируемым характером;

- процесс финансового обеспечения экономики замкнутого цикла находится на пересечении двух стратегий компании – инвестиционной стратегии и стратегии устойчивого развития. Не стоит забывать, что кроме финансирования циркулярных технологий, у компании могут быть и другие инвестиционные проекты не меньшей приоритетности, поэтому необходимо находить баланс не только между целями краткосрочного и долгосрочного финансирования, но также и между разными направлениями инвестирования;

- темпы формирования инвестиционных ресурсов, связанных с постановкой экономики замкнутого цикла, существенно зависят не только от финансово-экономического состояния предприятия, но и от макроэкономической ситуации, так как при неблагоприятных условиях внешней среды компания может принять решения о дезинвестициях, что существенно затормозит переход на принципы циркулярности. Как показывает опыт российских компаний, в 2022–2023 гг., даже несмотря на введенные санкции и нарушение логистических цепочек, крупным компаниям удалось сохранять прежние темпы инвестирования в «зеленые» технологии и циркулярные технологии, в частности, однако это доступно только корпорациям, которые до этого накопили значительные инвестиционные ресурсы и, кроме того, обладают высоким уровнем финансовой устойчивости;

- оптимизация структуры капитала является важным условием эффективности финансового обеспечения системы экономики замкнутого цикла. Выбор источников финансирования с точки зрения минимизации стоимости их привлечения и устойчивости финансирования чрезвычайно важен при наличии любых кризисных явлений в национальной экономике. Компания не должна отказываться от использования заемного капитала в случае, если ее рентабельность превышает проценты выплат по кредиту, однако заемные источники должны быть привлечены только в том объеме, при котором у компании сохраняется запас финансовой прочности. Также следует обратить внимание на то, что многие потенциально доступные источники финансирования – «зеленые» облигации, «зеленое» кредитование, продажа квот на CO₂ на практике подавляющему количеству компаний пока не доступны и могут стать значимыми источниками финансирования лишь в перспективе, так как необходимая институциональная среда для их полноценного применения еще не создана.

Основной целью финансового обеспечения инвестиционного проектирования экономики замкнутого цикла предприятия является удовлетворение потребности компании в привлечении необходимых инвестиционных активов и оптимизации их структуры в целях внедрения циркулярных методов производства и формирования на предприятии системы экономики замкнутого цикла, способствующей превращению ряда материальных ресурсов компании, в т.ч. вторсырья, в инвестиционные ресурсы.

В ходе реализации инвестиционного проектирования экономики замкнутого цикла предприятия должны достигаться цели, которые одновременно способствуют сужению потоков новых ресурсов, в том числе и финансовых, но при этом увеличение оборачиваемости способствует расширению инвестиционных возможностей предприятия за счет высвобождения финансовых ресурсов, ранее задействованных в операционной деятельности предприятия (уменьшение себестоимости, сокращение управленческих и коммерческих расходов). В табл. 1 приведены основные механизмы, способствующие формированию экономики замкнутого цикла и для каждого из них определен приоритетный источник финансового обеспечения.

Таблица 1 – Источники финансового обеспечения инвестиционных проектов компании, связанных с формированием экономики замкнутого цикла

Table 1 – Sources of financial support for the company's investment projects related to the formation of a closed-cycle economy

Направления инвестирования	Цель инвестиционного проекта	Цель, соответствующая принципам циркулярности	Источник инвестиционных ресурсов
Расширение возможностей повторного использования, ремонта и восстановления объектов основного капитала	Сокращение вновь привлекаемых внешних финансовых ресурсов	Сокращение спроса на новые товары, снижение необходимости в покупке сырья у сторонних поставщиков	Амортизационные отчисления Нераспределенная часть чистой прибыли Лизинг Совместная аренда
Применение технологий рециклинга и вовлечение в производственный процесс вторичного сырья	Внедрение новых производственных технологий	Замыкание потоков материальных и финансовых ресурсов	Нераспределенная часть чистой прибыли Акционерный капитал Финансирование в рамках ГЧП Бюджетное субсидирование «Зеленые» облигации Краудфандинг
Улучшение сервисного обслуживания, создание отдельных подразделений по восстановлению и ремонту продукции – расширение направлений деятельности компании и диверсификация	Расширение возможностей долгосрочного использования товаров, а также повторного использования и ремонта	Замедление потока материальных ресурсов	Собственные источники финансирования Банковские кредиты (в отдельных случаях может быть достаточно привлечения краткосрочных кредитных продуктов)
Снижение ресурсо- и энергоемкости производства, внедрение технологий рационального природопользования	Становление системы экономики совместного использования и экономики услуг	Сужение потоков ресурсов	Финансирование в рамках ГЧП Бюджетное субсидирование «Зеленые» облигации Краудфандинг

Как мы видим в результате анализа табл. 1, особенности экономики замкнутого цикла определяют с течением времени тенденцию сокращения инвестиционных потоков, что объясняется:

- использованием источников возобновляемой энергетики, что требует первоначально крупных капиталовложений, но затем вложенные средства окупаются за счет наличия объектов собственной генерации, а также возможности реализовывать излишки электроэнергии, получая дополнительный доход;

- отсутствием накоплений отходов за счет использования моделей с закрытым производственным циклом, что с одной стороны позволяет компании экономить на экологических платежах, также как и на услугах по вывозу и размещению ТКО на полигонах, а с другой стороны дает возможность превращать это сырье в полезный ресурс – материальный (повторно использовать в производственном процессе), финансовый (реализовывать для целей вторичной переработки) и даже энергетический (энергетическая утилизация отходов – EfW);

- увеличением срока эксплуатации продуктов за счет сервисного обслуживания, ремонта, модернизации, повторного использования, что, конечно, может с одной стороны приводить к падению продаж продуктов компании, но с другой стороны диверсифицировать ее деятельность за счет появления отдельного сервисного направления деятельности и получения за счет него дополнительных доходов.

Таким образом, инвестиционное проектирование экономики замкнутого цикла связано с внедрением на предприятии циркулярных бизнес-моделей, в основе которых лежат идеи уменьшения количества используемых в производстве ресурсов, увеличения службы товаров за счет ремонта, а также извлечения выгоды из остаточной стоимости товаров при завершении жизненного цикла продуктов и их перемещения в категорию отходов.

Структурный каркас новой циклической бизнес-модели в обязательном порядке включает анализ инвестиционных потоков, то есть структуру доходов и структуру затрат, которые связаны с финансированием ключевых специальных мероприятий – оптимизации производства на основе циркулярных технологий, изменении продуктового дизайна, восстановления и рециклинга, технологического обмена.

Особо следует обратить внимание на то, что направления инвестирования в экономику жизненного цикла расширяются за счет того, что в привычной цепочке создания стоимости появляются новые этапы, которые также требуют дополнительных финансовых ресурсов:

(1) приобретение сырья, материалов → (2) **проектирование продукта (экодизайн)** → (3) производство и реализация → (4) использование → (5) завершение жизненного цикла → (6) **ремонт и восстановление или вторичная переработка**

Таким образом, стадии жизненного цикла продукта расширяются, а некоторые – трансформируются – например, производство и реализация в системе циклической экономики уже осуществляются с применением новых технологий, каналов сбыта, отлаживаются устойчивые цепочки поставок – и все это также требует привлечения инвестиционного капитала.

Анализ особенностей инвестиционного проектирования, свойственных процессам перехода от традиционного линейного производства к циркулярному, позволил нам структурировать основные этапы проектной деятельности предприятия в данном направлении и предложить механизм реализации инвестиционного процесса, связанного с построением системы циркулярной экономики на предприятии (рис. 1). Особенностью данного механизма является отсутствие традиционной для обычных инвестиционных проектов ликвидационной фазы, так как системы циркулярной экономики для того и внедряются на предприятии, чтобы впредь компания работала именно по принципам циркулярности, а финансовое обеспечение циркулярных процессов будет требоваться в течение всего времени существования предприятия. Соответственно, и сам инвестиционный проект реализуется по принципам циркулярности в течение всего жизненного цикла самого предприятия.

Рис. 1. Механизм инвестиционного проектирования формирования системы циркулярной экономики на предприятии

Fig. 1. The mechanism of investment design for the formation of a circular economy system in an enterprise

Второй особенностью механизма является расширенный структурный состав каждой инвестиционной фазы. Например, на предынвестиционной фазе компании необходимо осуществлять не только анализ финансового состояния и готовить ТЭО, но и реализовывать новые стадии проектирования, к которым относится разработка эко-дизайна продукта с учетом необходимости создания такого продукта, каждый элемент которого соответствовал бы требованиям рециклинга, а также анализ всех способов утилизации или переработки продукции.

Также расширяется и инвестиционная фаза, в рамках которой предприятию недостаточно заключить контракты, осуществить строительство необходимых объектов и начать реализацию продукции, – теперь каждый из этих этапов должен проходить под контролем управленческого экологического анализа. Перед заключением контрактов компания должна разработать эффективную цепочку устойчивых поставок [2, с. 127], которая позволит не только уменьшить негативное экологическое воздействие и обеспечить социальную защищенность своих сотрудников, но и снизить внешнее воздействие негативных факторов на производительность и повысить скорость восстановления операционных процессов в случае технологических или экономических сбоев. Сюда же можно отнести и перспективы предприятия относительно формирования цифровых цепочек поставок [3, с. 96], которые способствуют повышению эффективности внедрения системы циркулярной экономики предприятия.

Важнейшим этапом второй фазы инвестиционного проектирования в контексте циркулярной экономики является формирование системы эффективной логистики возвратов, без работы которой является невозможным результативное применение циркулярных методов. Несмотря на то, что теоретические основы построения возвратной логистики в отечественной научной литературе уже достаточно давно изучаются [4, с. 119], с точки зрения практики процесс, посредством которого компания собирает свои использованные, поврежденные и просроченные продукты и/или упаковки у конечных пользователей, у российских компаний практически не налажен. Соответственно, в рамках второй фазы компании необходимо весьма большое финансовое обеспечение, которое будет распределяться сразу по трем направлениям инвестирования: технологическая модернизация, реорганизация цепочки поставок и создание системы возвратной логистики [5, с. 167].

Эксплуатационная фаза сопровождается классическими процедурами эксплуатации созданного объекта – в данном конкретном случае это будут производственные мощности, модернизированные в соответствии с потребностями экономики замкнутого цикла, а также мониторинга показателей эффективности, которые будут расширяться за счет контроля эколого-экономических показателей и специфических индикаторов – доли обработанных отходов производства и доли отходов, предназначенных для экологичной утилизации, доли отходов, переданных региональным операторам для переработки и т.д. Особо следует отметить, что в рамках эксплуатационной фазы производится создание центров сервисного обслуживания, которые позволяют компании не только осуществлять ремонт и восстановление продукции, но и через эти центры наладить сдачу уже использованного товара, то есть формировать возвратную логистику.

В заключение отметим, что предложенный нами механизм инвестиционного проектирования формирования системы циркулярной экономики на предприятии в обязательном порядке предполагает применение системы анализа и контроллинга эффективности внедрения элементов системы экономики замкнутого цикла или полноценного перехода производства на принципы циркулярности. Это актуализирует задачу формирования системы целевых индикаторов, позволяющих оценить результативность финансового обеспечения циркулярных технологий.

Список источников

1. Кокшаров В. А. Концептуальный подход к модели оценки эффективности экономики замкнутого цикла промышленного предприятия // Инновации и инвестиции. 2020. № 6. С. 105–109.
2. Суворова С. Д., Куликова О. М. Формирование устойчивой цепочки поставок // Журнал прикладных исследований. 2022. № 1. С. 125–129.
3. Завгородний А. Ф., Горохов А. Д. Цифровая трансформация современных цепочек поставок и их переход к единой цифровой экосистеме // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 3-1. С. 95–99.

4. Карх Д. А., Потапова С. В. Некоторые теоретические и прикладные аспекты возвратной логистики // *Journal of new economy*. 2012. №2 (40). С. 118–122.
5. Ду Исюэ. Формирование стратегического подхода к управлению реверсивной логистикой // *Известия СПбГЭУ*. 2023. № 5 (143). С. 166–169.

References

1. Koksharov V. A. Conceptual approach to the model of evaluating the efficiency of the closed-cycle economy of an industrial enterprise. *Innovation and investment*. 2020;(6):105–109. (In Russ.)
2. Suvorova S. D., Kulikova O. M. Formation of a sustainable supply chain. *Journal of Applied Research*. 2022;(1):125–129. (In Russ.)
3. Zavgorodny A. F., Gorokhov A. D. Digital transformation of modern supply chains and their transition to a single digital ecosystem. *Economics and business: theory and practice*. 2022;(3-1):95–99. (In Russ.)
4. Karkh D. A., Potapova S. V. Some theoretical and applied aspects of return logistics. *Journal of new economy*. 2012;2(40):118–122. (In Russ.)
5. Du Isue. Formation of a strategic approach to reverse logistics management. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo ekonomicheskogo universiteta*. 2023;5(143):166–169. (In Russ.)

Информация об авторе

К. А. Власенко – аспирант Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова.

Information about the author

K. A. Vlasenko – Postgraduate student, North Ossetia State University after K.L. Khetagurov.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.01.2024; одобрена после рецензирования 04.02.2024; принята к публикации 07.02.2024.

The article was submitted 15.01.2024; approved after reviewing 04.02.2024; accepted for publication 07.02.2024.

Экологическая безопасность как приоритет внутренней политики РФ

Албег Маратович Газданов

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия,
albeggazdanov@mail.ru

Аннотация. В настоящей работе рассмотрена актуальная тема обеспечения экологической безопасности. Автором рассматриваются процессуальные проблемы обеспечения должной экологической безопасности в Республике Северная Осетия-Алания, так как для республики актуальность улучшения экологической обстановки связана с нарастанием социально-экологической напряженности, увеличением заболеваний, естественной убылью населения. Автором отмечает, что обеспечение экологической безопасности является основным механизмом функционирования правового государства, которое выступает гарантом сохранения окружающей среды.

Ключевые слова: экологическая безопасность, экология, политико-правовые аспекты, внутренняя политика, глобальная проблема

Для цитирования: Газданов А. М. Экологическая безопасность как приоритет внутренней политики РФ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 278–282. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-278-282>. EDN TVXHDE

Young scientists

Original article

Environmental safety as a priority of the internal policy of the Russian Federation

Albeg M. Gazdanov

North Ossetia State University after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia, albeggazdanov@mail.ru

Abstract. The current topic of ensuring environmental safety is considered in this paper. The authors consider the procedural problems of ensuring proper environmental safety in the Republic of North Ossetia-Alania, since the relevance of improving the environmental situation for the republic is associated with the increase in socio-ecological tension, an increase in diseases, and the natural decline of the population. The author notes that ensuring environmental safety is the main mechanism of functioning of the rule of law, which acts as a guarantor of environmental conservation.

Keywords: environmental safety, ecology, political and legal aspects, domestic policy, global problem

For citation: Gazdanov A. M.. Environmental safety as a priority of the internal policy of the Russian Federation. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(1):278–282. (In Russ.).* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-278-282>. EDN TVXHDE

В настоящее время, не только наша страна, но и вся планета находится на пороге глобальных угроз человечеству.

Угрозой, нависшей над всем человечеством, является опасность начала третьей мировой войны, которая может вспыхнуть между мусульманским и христианским миром. Демографический спад, которому способствует ухудшение экономической ситуации. Наравне с угрозой мировой войны, стоит и экологическая катастрофа, возникшая в результате человеческого вмешательства в экосистему.

Производственная деятельность человека привела к глобальным экологическим проблемам. Каждый год усилиями человека из недр извлекается более 210 млрд т. горных пород. Условного топлива сжигается 10 млрд т. 6 млрд т. пестицидов и других ядовитых веществ, используемые для уничтожения вредителей и возбудителей болезней растений рассеиваются на полях. И это лишь малая доля проблем, которые накопились со времени появления человека на земле.

Данные проблемы к сожалению, не решаются, наоборот, с каждым новым днем, эти проблемы усиливаются. И однозначных путей решения этих проблем не существует.

Именно поэтому в своем выступлении на форуме в Валдае Владимир Путин подчеркнул, что несмотря на то, что происходящие в мире политические события вышли на первый план, вопросы касавшиеся экологических проблем не исчезли, а наоборот, они с каждым днем становятся более актуальными¹. Такое заявление президента подчеркивает важность экологической проблемы, и она не должна теряться на фоне политических событий.

Всё перечисленное лишний раз подтверждает, что в процессе обеспечения экологической безопасности, роль государства в разы повышается. Именно государство выбирает приоритетные направления в деле обеспечения экологической безопасности, принимает законы, позволяющие осуществлять деятельность – не причиняя вред природе. Также государство обеспечивает финансирование мероприятий, направленных на сохранение окружающей среды. Все эти функции являются обязанностью государства и прописаны в статье 42 Конституции РФ, согласно которой каждый гражданин имеет право жить в благоприятной окружающей среде.

Несмотря на прописанные в Конституции РФ истины, существуют проблемы в виде экологических угроз, которые препятствуют созданию механизма, способствующего обеспечению экологической безопасности, которое является главной составляющей устойчивого развития. Чтобы обеспечить функционирование такого механизма, государство должно снизить техногенную нагрузку на природу путем применения новых, природоохранных технологий.

В системе международных отношений внешняя политика всех государств придерживается принципов устойчивого экологически безопасного развития. Это касается вопросов отношений в области национальной, региональной и глобальной безопасности [1].

Чтобы добиться устойчивого экономико-политического развития нужно координировать три главных фактора:

- первый фактор – экономический рост;
- второй фактор – социальная интеграция;
- третий фактор – охрана окружающей среды.

Наше государство занимает ведущие позиции в политике экологической безопасности в системе международных отношений и это несмотря на то, что большинство глав субъектов РФ, не придерживаются в своей работе принципов экологически безопасного развития. Для решения этой проблемы, главы регионов должны контролировать работу ведомств, ответственных за экологическую безопасность. За невыполнение своих должностных обязанностей соответствующие лица должны нести правовую ответственность.

На сегодняшний день большинство ученых пришли к выводу, что говорить о самовосстановлении биосферы нет смысла, а степень воздействия человека на природу с каждым днем возрастает, что приведет к необратимым процессам.

Обеспечение экологической безопасности в интересах будущего нашей страны является основной задачей внутренней и внешней политики нашего государства. Основными задачами, стоящими перед государством для соблюдения экологической безопасности, являются:

- усовершенствование законодательной системы в области природоохраны;
- процесс построения экологической политики согласно международным нормам и принципам.

Все вышесказанное подчеркивает актуальность правового обеспечения экологической безопасности [2].

¹ Пленарная сессия заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». 05.10. 2023 // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444>

Понятие «экологическая безопасность» дано в Федеральном законе Российской Федерации «Об охране окружающей среды», в соответствии с которым это «... состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и их последствий»¹.

Несмотря на различное толкование данного определения среди ученых-цивилистов нет единого мнения. Большинство исследователей склоняются к мнению, что на практике это определение не оказывает юридической поддержки. Многие авторы акцентируют внимание на ошибках исследователей, объясняя их тем, что нельзя конкретизировать такие правовые термины как: «защищенность природной среды», «жизненно важные интересы человека», «негативное воздействие хозяйственной и иной деятельности» [2]. Исходя из этого, можно сказать, что в современной научной литературе нет единого мнения, связанного с определением термина «экологическая безопасность».

Проанализировав различные подходы ученых к данному понятию, можно сделать вывод о том, что к такому термину, как «экологическая безопасность» существует много подходов, но в большинстве случаев это понятие употребляется учеными при взаимодействии человека с окружающей средой.

Исходя из Указа Президента РФ «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года», можно смело сказать, что это единственный документ, из которого ясно видно, что экологическая безопасность РФ является составной частью национальной безопасности².

На протяжении нескольких десятилетий ученые отмечают глобальные климатические изменения, происходящие не только в нашей стране, но и в мире. Это таяние ледников не только в Арктике, но и в Северной Осетии (Геналдонское ущелье); уменьшение на пахотных угодьях плодородной почвы; сокращение лесов и т.д.

Несмотря на все катаклизмы, люди не всегда осознают возникшие экологические угрозы и по-прежнему относятся к природе как потребители. И все это происходит в стране, где больше 25 % территорий не соответствуют экологическим стандартам.

В таком субъекте, как Республика Северная Осетия-Алания, вопросы, касающиеся улучшения экологической обстановки, стоят на первом месте, так как это напрямую связано с нарастанием социально-экологической напряженности, увеличением заболеваний, естественной убылью населения.

При регулярном мониторинге окружающей среды выявлены экологические проблемы, характерные многим субъектам. К таким проблемам можно отнести: нерешенные вопросы утилизации отходов производства и потребления, загрязнение атмосферного воздуха, особенно в крупных населенных пунктах, загрязнение водных объектов неочищенными и недостаточно очищенными сточными водами, рост антропогенного воздействия на биоразнообразие, высокая заболеваемость и естественная убыль населения.

Наличие в пределах населенных пунктов несанкционированных свалок является также одной из важных экологических проблем. Поэтому на уровне правительства вынесено решение к 2026 г. ликвидировать их большую часть, площадь которых составляет более 160 гектаров³.

В связи с этим участились экологические катастрофы не только мирового, но и регионального масштаба, что заставило задуматься о сохранении заповедных участков на своих территориях.

На территории Северной Осетии тоже имеется несколько заповедников. Заповедник «Цейский», расположен в Алагирском районе, заповедником признан в 1958 г. В 1968 г. признан Северо-Осетинский государственный природный заповедник в том же Алагирском районе, а уже в 1998 г. создан национальный парк «Алания».

¹ Федеральный закон от 21.07.2014 N 219-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об охране окружающей среды" и отдельные законодательные акты Российской Федерации». (дата опубликования: 22.07.2014). [Электронный ресурс].

² URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165823/3d0cac60971a5.

³ Стратегия экологической безопасности Российской Федерации до 2025 года Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 176.11280cbba229d9b6329c07731f7/.

Территории, признанные заповедными, призваны сохранить в естественных условиях биологическое разнообразие. С помощью этих заповедных зон можно поддерживать экологическое равновесие биосферы. В некоторых случаях заповедники служат пристанищем для редких биологических видов, которые, кстати, помогают сохранить экосистему.

На сегодняшний день правительство РСО-Алании также предпринимает все усилия для выявления проблем особо охраняемых природных территорий. Принят ряд мер, способствующих эффективному развитию данных территорий.

Еще одной важной экологической проблемой Северной Осетии является Унальское хвостохранилище в виде озера, дно и берега которого являются отходами металлургического комбината, расположенного в поселке Мизур.

Металлургический комбинат в поселке Мизур был построен бельгийцами во второй половине XIX в. Предназначен он был для переработки цинка и свинца, а для отходов на берегу реки Ардон было построено специальное хранилище, куда до 1990-х гг. сбрасывали отходы клинкера. За все время своего существования Унальское хвостохранилище разрослось. На сегодня площадь отходов составляет около 25 гектаров, а вес более четырех миллионов тонн ядовитого вещества [3].

Как вспоминают местные жители, раньше это была курортная зона, куда приезжали больные астмой. На сегодняшний день на берегу озера стоит едкий химический запах. По мнению специалистов, в озере содержится вся таблица Менделеева, а свинец, цинк, кадмий и олово преобладают в составе. Существует вероятность того, что отходы из озера могут попасть в артезианские воды, что может привести к экологической катастрофе.

Больше всего от этого хвостохранилища страдают близлежащие села, люди после ветра чувствуют першение в горле, у детей начинается кашель. а ведь когда-то здесь росли известные на всю страну унальские груши. Большинство фруктовых деревьев теперь стоят голыми, а министерство природных ресурсов и комитет по охране экологии не исключают, что эти процессы взаимосвязаны.

Большинство жителей покинули свои села и переехали в другие районы, поэтому можно сказать, что загрязнение окружающей среды влияет на миграцию населения. Поэтому решение проблем касающихся экологической безопасности нашей республики, нельзя решить без урегулирования внутренних проблем регионов касавшего обеспечения экологической безопасности.

В Северной Осетии-Алании также остро стоит демографическая проблема, так как отчетливо прослеживается тенденция к снижению численности населения, это связано не только с естественной убылью населения, но и за счет того, что молодежь уезжает из республики в связи с нехваткой рабочих мест. Еще одну экологическую опасность представляет собой Бесланский маисовый комбинат (БМК), когда-то считался одним из самых больших предприятий не только в СССР, но и в Европе. Опасность заключается в том, что на территории обанкротившегося предприятия располагаются огромные запасы соляной кислоты, которая в случае утечки или разлива может нанести существенный ущерб окружающей среде.

Высокий уровень жизни, а также здоровье населения являются показателями прочного, фундаментального экономического развития страны. А без сохранения природной среды и поддержания естественной окружающей среды все это не представляется возможным [4]. Лучшая экологическая обстановка не только в нашей республике, стране, но и в мире будет достигнута тогда, когда не только правительство, но и народ придут к пониманию того, что природу надо беречь и только во взаимодействии можно достичь экологического благополучия.

Чтобы снизить отходы перерабатывающих производств, влияющих на окружающую среду, необходимо совершенствовать современные технологии, от которых зависит уровень воздействия на окружающую среду.

Актуальность улучшения экологической обстановки в РСО-Алании, состоит в том, что нарастает социально-экологическая напряженность, увеличивается рост онкологических заболеваний, растет естественная убыль населения.

Для решения сложившихся проблем следует снизить нагрузку агропромышленного, топливно-энергетического комплекса и других отраслей экономики на окружающую среду и здоровье населения. Эти все проблемы должны решаться совместно, также должны применяться различные технологии, способствующие сохранению окружающей среды.

Для этого необходимо формировать и последовательно реализовывать единую политику в области экологии, направленную на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов.

В заключение хотелось бы отметить, что вопросы, касающиеся природоохраны и природосохранности, являются приоритетными в проводимой главой государства политике, так как они обеспечивают переход страны к взятому правительством устойчивому развитию. Поэтому обеспечение экологической безопасности является основным механизмом функционирования правового государства, которое выступает гарантом сохранения окружающей среды. Чем раньше люди поймут, что от их взаимодействия с окружающей средой зависит будущей нашей страны, тем раньше наступит гармония в отношениях человека с природой.

Список источников

1. Глушко О. А. Понятие и содержание концепции экологической безопасности Российской Федерации // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 109. С. 887–900.
2. Мустафина С. А., Панова Е., Романченко Н. Проблемы создания экологического кодекса // Концепции устойчивого развития науки в современных условиях: сб. ст. по итогам Междун. науч.-практ. конф. 2017 (Казань, 14.12.2017 г.). Уфа: ООО «Агентство международных исследований», 2017. С. 152–156.
3. Доклад об экологической ситуации в Республике Северная Осетия-Алания в 2022 году. Владикавказ, 2023.
4. Рыбаков М. А. Правовое расширение института экологической безопасности в свете укрепления национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2021. № 9(201). С. 71–73.

References

1. Glushko O.A. The concept and content of the concept of environmental safety of the Russian Federation. *Scientific journal KubGAU*. 2015;(109):887–900. (In Russ.)
2. Mustafina S. A., Panova E., Romanchenko N. Problems of creating an ecological code. In: *Concepts of sustainable development of science in modern conditions: collection of articles on the results of the International Scientific and Practical Conference, 2017*. (In Russ.)
3. *Report on the environmental situation in the Republic of North Ossetia-Alania in 2022*. Vladikavkaz; 2023. (In Russ.)
4. Rybakov M.A. Legal expansion of the Institute of Environmental Safety in the light of strengthening national security. *Law and the State: theory and practice*. 2021;9(201):71–73. (In Russ.)

Информация об авторе

А. М. Газданов – аспирант кафедры философии и общественных наук СОГУ им. К.Л. Хетагурова.

Information about the author

A. M. Gazdanov – Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Social Sciences, North Ossetia State University after K.L. Khetagurov.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 28.01.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 28.01.2024.

Научная статья

УДК 323

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-283-288>

EDN TTFCNZ

Традиционализм как фактор политической стабильности в современном российском обществе

Александр Валерьевич Глазков

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье традиционализм рассматривается как позитивный фактор, способствующий достижению политической стабильности в российском обществе в современном сложном контексте усугубления внешних угроз. Объект исследования – политическая стабильность как единство факторов и следствий в современном обществе. Предмет исследования – традиционализм как фактор политической стабилизации и реинтеграции российского общества в современном контексте. Изучение традиционализма проводится в единстве культурно-исторических и современных социально-политических аспектов, в силу которых данный феномен является ведущим фактором политической стабильности в обществе и государстве, провозглашающем традиционные ценности основными. В основе исследования традиционализма как фактора политического процесса в нашей стране лежит представление о единстве социально-исторического и политологического знания, образующего единое дискурсивное пространство. Традиция как многоплановый феномен народной жизни, синтетически выражает повседневные представления, влияющие на политический климат в обществе. Отношение традиции и инновации в контексте развития цифровых технологий как основы коммуникативного процесса должно выйти на новый уровень и стать частью практики политической легитимации.

Ключевые слова: традиция, традиционализм, модернизм, либерализм, политическая стабильность, ценность политического сознания, информационное общество

Для цитирования: Глазков А. В. Традиционализм как фактор политической стабильности в современном российском обществе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 283–288. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-283-288>. EDN TTFCNZ

Young scientists

Original article

Traditionalism as a factor of political stability in modern Russian society

Alexander V. Glazkov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article considers traditionalism as a positive factor contributing to the achievement of political stability in Russian society in the modern complex context of aggravating external threats. The object of the study is political stability as a unity of factors and consequences in modern society. Subject of the study – traditionalism as a factor of political stabilization and reintegration of Russian society in the modern context. The study of traditionalism is conducted in the unity of cultural-historical and modern socio-political aspects, due to which this phenomenon is a leading factor of political stability in society and the state, which proclaims traditional values as basic. The study of traditionalism as a factor of the political process in our country is based on the idea of the unity of socio-historical and political science knowledge, forming a single discursive space. Tradition as a multidimensional phenomenon of folk life, synthetically expresses everyday perceptions that influence the political climate in society. The relationship between tradition and innovation in the context of the development of digital technologies as the basis of the communicative process should reach a new level and become part of the practice of political legitimization.

Keywords: tradition, traditionalism, modernism, liberalism, political stability, value of political consciousness, information society

For citation: Glazkov A. V. Traditionalism as a factor of political stability in modern Russian society. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):283–288. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-283-288>. EDN TTFCNZ

Введение. Актуальность темы исследования связана с необходимостью всестороннего осмысления факторов политического процесса в современном мире и в нашей стране. Традиционализм как тип политического сознания и общественного мировоззрения веками являлся одним из мощных доминант общественного развития. Политическая история и политический опыт нашей страны свидетельствует о том, что опора на традиционное мировоззрение и его ценности является наиболее оптимальным условием функционирования политических институтов, равно как и всей публичной коммуникативной сферы. Сегодня, в условиях возросшей нестабильности, роль традиции и «почвенного» сознания также изменилась. Её изучение крайне востребовано именно в рамках политологического дискурса, так как все еще остается значительная лакуна в области раскрытия механизмов обеспечения устойчивого развития российского государства. В современном мире понятия «традиция» и «традиционализм» как на Западе, так и у нас в России наиболее часто употребляются в контексте рассмотрения нравственно-этнических трансформаций, которые вместе с глобализационными тенденциями и попытками различных международных политических сил установить доминирование, образуют очень сложный глубокий противоречий.

Другим важнейшим аспектом политологического изучения традиции является анализ взаимосвязи традиции и модернизации как двух ведущих тенденций социально-исторической эволюции общества и государства. В предлагаемой статье будем исходить в соответствии с актуальной на сегодняшний день публичной политической повесткой из общепринятого в отечественной политической и гуманитарной науке понимания традиции как основы поступательного развития социума. Понимая при этом, что само противопоставление традиции и модернизации отражает общее состояние современной культуры и политики. Большинство политических проектов минувшего столетия строились на отрицании силы и ценности традиции. Поэтому для «реабилитации» традиционного содержания коллективного опыта необходимо также пересмотреть основания политического мышления, принятые в первую очередь в рамках действующих на Западе парадигм. В этом случае противопоставление ценности свободы и ценности традиции будет преодолено. «Без традиции не может быть цивилизации; без разрушения традиций не может быть никакого прогресса. Трудность заключается в том, – отмечал Г. Лебон, – чтобы отыскать равновесие между постоянством и изменчивостью». [1, с. 205] Очевидно, что корневая дилемма современного политического мышления и практического действия власти и элит в нашей стране вращается вокруг именно данной дихотомии.

Как известно, по решению Президента РФ В. В. Путина текущий 2024 год объявлен в нашей стране Годом семьи. Семья и ценности семейной жизни – неотъемлемая часть традиционного образа жизни, традиционной основы государственного устоя и общественного развития. «Многодетность, большая семья должны стать нормой, образом жизни для всех народов России. А семья – это не просто основа государства и общества, это духовное явление, источник нравственности. Поддержка семьи, материнства, детства должна охватывать работу всех без исключения сфер государственного управления, нашу экономическую, социальную, инфраструктурную политику, просвещение и образование, здравоохранение, конечно»¹. В этих словах Главы государства получила четкое концептуальное оформление ключевая политическая стратегия всего российского общества в ближайшей и среднесрочной перспективе – укрепление политической стабильности, устойчивости страны возможно только на пути восстановления исконных (исторически почвенных) основ суверенного социально-культурного развития. Традиция в целом представлена как важнейший элемент политической архитектуры, основа ее единства и жизнеспособности. Что особенно значимо в условиях роста внешнего давления на страну и широкой фронтальной экспансии

¹ Путин В. В. Выступление на Пленарном заседании Всемирного русского народного собора. 28 ноября 2023 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863> (дата обращения 10.01.2024).

прозападных неолиберальных псевдоценностей, подрывающих основы независимости той или иной цивилизационной общности. Очевидно, что в современном мире данная проблематика относится далеко не только к нашей стране. Формирование многополярного политического универсума во многом и есть на глубинном ментальном и структурном уровне конфликт *Традиции* и неолиберального понимания задач публичной коммуникативной сферы.

Теоретическое обоснование. Для текущей политической ситуации на международной арене в целом характерно наложение процессов национальной идентификации, самоопределения в политическом, культурном, экономическом отношениях и процессов реидеологизации, основанных именно на силе традиции. В публичном коммуникативном пространстве Европе и США, а также ряда стран Ближнего Востока, всячески акцентируется деструктивная негативная роль традиционного мировоззрения как фактора политического поведения и мышления. С одной стороны, это укладывается в логику «глобалистского» дискурса, направленную на разрушение локальных очагов политической жизни в мире. С другой же, реализуется попытка отождествить традиционный образ жизни с контрпрогрессивными тенденциями, с нарушением «прав личности» и иными распространенными штампами, используемыми современными западными элитами. Задача научного политологического изучения традиции как фактора политического процесса и стабилизации посткризисной государственности как раз и заключается в том, чтобы очистить содержание и форму традиционной социально-политической и культурной практик в том или ином обществе от насаждаемых в медийном и сетевом пространстве негативных образов и оценок.

Следует иметь в виду, что в нынешних условиях внешних вызовов и угроз российской государственности, исторический традиционализм приобрел и совершенно неизвестные ранее свойства [2–4]. А именно: как способ национального или даже группового (социального) самоопределения и обретения суверенной платформы культурно-исторического развития традиционализм является фактором, способствующим достижению политической стабильности в обществе. Ключевая причина заключается в том, что именно традиционно ориентированное сознание способно противостоять натиску деструктивных идеалов виртуальной сетевой коммуникации и массовой культуры. Именно на уровне традиционного сознания для подавляющего большинства населения становятся более понятными многие аргументы в текущей политической жизни страны (например, необходимость консолидации, ресурсной мобилизации, определенного социального подвижничества и т. п.). Традиция как основа политической стратегии и есть безальтернативная основа преодоления т. н. внутреннего «колониального» мышления и чувства, которые стали определяющими в поведении элитных слоев общества в постсоветское время. Без восстановления ценности и структурно-функциональной значимости традиции преодолеть подобный «колониализм» будет практически невозможно. Сегодня официальная позиция российского государства выражает глубокое понимание этой взаимосвязи и готовность к ее практической реализации.

Важнейшей особенностью традиционализма является также доминирование линейного толкования не только моральных норм в обществе, но и способов легитимации действующего политического режима. Данный моноцентризм и линейность традиционного типа общественного сознания составляют основу консервативного политического порядка. В ситуации современной массовой культуры и глобализованного социокультурного порядка традиционализм получает несколько искаженное выражение и представление в сознании широких народных слоев. Обеспечение политической стабильности в обществе в современном глобальном контексте связано с восстановлением ценностного уровня общественного сознания, который в свою очередь связан на массовом уровне именно с традицией. Сама политическая стабильность в массовом сознании россиян связана со стабильностью всех основных сфер жизни общества и как таковая сама является ценностью. В том числе ценностью значимой на уровне публичной политической коммуникации [5].

Традиционализм следует рассматривать в единстве с этим практическим аспектом. И чем более зрелая форма политического сознания, чем глубже социальные институты укоренены в символическую сакрализованную плотность культуры, тем сильнее влияние традиционного мировоззрения. Традиционное мировоззрение иерархично, как и сама социальная и политическая структура традиционного патриархального общества. Радикальные деформации данной структуры в современном мире соответственно приводят к обострению религиозных чувств, стремлению к селекции и очищению от чуждых примесей (последствий влияния других стран или культур).

Для социально-политической динамики традиционного формообразования коллективного сознания важнейшим измерением является постепенное закрепление особой социальной прослойки причастных к охранению и трансляции системообразующего и символического стержня мировоззренческой платформы политического режима. Понимание сущности роли традиционализма в политической жизни российского общества сегодня очевидно невозможно без учета этого обстоятельства. Традиционализм это не просто комплекс идей, но прежде всего это процесс культурного, политического повседневного функционирования данных идей. Это форма существования критически значимой картины реальности (мира, природы, общества и человека) в условиях социального многоголосья, включающего языковые, конфессиональные и этнические различия. Следует проводить различие между современными публицистическими коннотациями термина «традиционализм» и его исторически необходимой формой существования. Идейные конфронтации на протяжении практически всей истории отражали сложнейшие противоречия этнического и политического характера. Это было и в глубокой древности в эпоху господства мифологических картин мира и во времена зарождения крупнейших религий мира (иудаизм, буддизм, христианство и ислам), и в эпоху становления научно-технической цивилизации индустриального и затем постиндустриального типа [5].

Определенные социальные и личные чувства непосредственно питают почву традиционализма. Заметим, что ни в литературе, ни в политических кругах практически никогда не шла речь о научном традиционализме в таком же масштабе и объеме как в отношении, например, традиционализма религиозного, хотя формально оснований для этого более чем достаточно. Характерной особенностью проявлений политического традиционализма как определенной практики является его радикализация [6].

Традиционализм как некая программа социально ориентированной деятельности включает в себя определенные практики манипуляции массовым сознанием. Многочисленные примеры традиционализма в наши дни в глобальном мультикультурном пространстве как раз и свидетельствуют о том, что именно широкие слои населения как главный носитель современного политического сознания и современной культуры является также и основным «потребителем» такого весьма специфического и вместе с тем легко усваиваемого населением продукта как традиционные ценности, сосуществующие с политическим модернизмом и либерализмом.

Отличие российской политической действительности заключается прежде всего в том, что традиционализм отнюдь не противопоставляется ценностному аспекту классического либерализма. В частности, сила традиции как основа нравственного здоровья личности и общества в целом способствует укреплению внутренней свободы индивида как субъекта принятия в том числе и взвешенного политического решения (например, как элемента электорального поведения). В традиционных политических системах прошлого ценности общественного сознания включали в себя стратегию личностного самосознания. Именно на ней основывался классический идеал гражданского общества и либерального политического порядка, представленный в целом ряде концепций XIX в. (в качестве примера следует привести «Философию права» Гегеля [7]). Традиционные ценности, в частности, в политическом бытии российского государства, не противоречили идеалам свободы, понимаемой конструктивно. Политическая устойчивость и стабильность общества и государства возможно не вопреки свободе личности, а благодаря ей. Глубинные основы такой свободы связаны именно с традицией. Связь традиции и продуктивной политической коммуникации является абсолютно востребованной сегодня. Особенно в связи с ростом количества представителей «сетевого поколения» (молодежи, активно пользующейся интернет-технологиями и цифровыми ресурсами) [8, с. 362-367].

Задача же политической стабилизации общества и государственных институций требует для своего решения таких инструментов, которые способны интегрировать общество, мобилизовать определенные социальные группы в ситуации отсутствия каких-то иных (например, солидных финансовых или коммуникативных) стимулов. Зрелое самосознание и рефлексия сама по себе уже предполагает вытеснение чувственно-эмоциональной составляющей, которая играет ключевую роль в функционировании политической и социальной программы постмодернистского общества, манипулируемого с помощью новейших коммуникативных стратегий и цифровых технологий.

Для используемых манипулятивных образов и техник важными являются атрибуты и смыслы, акцентирующие те стороны человеческой жизни и деятельности, которые вызывают

действие самых сильных эмоций, ибо именно они наиболее эффективны в разрушении мировоззренческого статус-кво и для внедрения (распространения) нового типа мировоззрения. Однако традиционализм в своем, так сказать, функциональном выражении, не ограничивается только благодатной почвой массовой эмоционально окрашенной чувственной стихии «рецепторики».

Традиционализм можно рассматривать как форму активной *целеобразующей* адаптации мировоззрения индивидов к социально-политической ситуации. В этом заключается вполне определенный политический смысл: народное чувство и сознание способно быть почвой элитоориентированного сознания политического класса, его идентичности и, одновременно, платформой, объединяющей под началом данного класса (правлящей верхушки общества) само общество, нацию и т. д.

Современная политическая реальность есть противоречивый симбиоз факторов традиционных и инновационных. К числу последних относится огромная роль коммуникативного взаимодействия и информационного обмена нового сетевого типа. В первую очередь, это обусловлено технологическим прогрессом и распространением цифровых способов обмена данными. Любая политическая программа современности в своей претензии на универсальность и эффективность не может не учитывать влияние фактора сетевой коммуникации.

Мы живем в обществе, в котором средства массовой коммуникации и распространения информации являются практически ведущим каналом установления общественно значимых ценностей, норм жизни, идеалов и политически значимых паттернов (идей). Говоря о той роли, которую играют современные СМИ в религиозной жизни общества в нашей стране (да и в мире в целом) сегодня, нельзя не отметить их возрастающую регуляторную функцию. То есть СМИ вырабатывают своего рода призму, посредством которой рядовой гражданин («зритель», «читатель», «пользователь» и т. д.) не только получает доступ к актуальной для него информации, связанной с деятельностью, например, конфессиональных организаций, но и формирует целостную картину мира [9–10]. В ней уже в готовом виде могут быть расставлены аксиологические и телеологические акценты, некая иерархия, ранг и пр.

Общество рубежа XX – XXI столетий часто диагностируется как общество «постмодернистское», общество, в котором господствуют «экономика знаний», информационные технологии, позволяющие манипулировать общественным сознанием, и постхристианские псевдоценности. Роль традиционных ценностей в жизни людей существенно корректируется именно под влиянием интернета и СМИ. С одной стороны, человечество вступило в новое тысячелетие, вооружившись нешуточным научно-техническим потенциалом, позволяющим ныне сосуществовать в «стекловолокне» совершенно разным типам культуры, мировоззрения и даже религий, строить прогнозы и сценарии будущего общества, ценить институционализированные в праве и рынке практики свободы. Информационное общество актуализировало совершенно новый пласт социально-антропологического опыта – *виртуальную реальность*. Современный индивид окутан плотным коконом сведений, знаний, новостных потоков, зрелищных впечатлений и просто хаотически растекающейся и сбегаящейся информации, которая магически притягивает к себе человека, создавая иллюзию отрыва от гнетущей повседневности. Казалось бы, никакие достижения прошлых исторических эпох не идут в сравнение с открывшейся ныне возможностью современных каналов информации, средств массового вещания создавать для простого человека ощущение причастности к наследию поколений, к дальним и укромным уголкам цивилизации и самой планеты. Сегодня как никогда ранее очевидны естественные лимиты человеческого сознания по способности объятия мироздания, разворачивающегося мириадами видеокартинок.

Выводы. Традиция и традиционализм как фактор политического процесса в современном обществе (и не только российском), способствует стабилизации публичного политического и институционального пространства, государственности, идеологии, политико-правового сознания и всеобще значимых ценностей. Сегодня складывается особый коммуникативный тренд, в пределах которого апелляция к знакам и символам, имеющим традиционное происхождение, становится единственным фактором достижения общественного консенсуса, политической стабильности и, что самое главное, политической легитимации действующего режима. Большую роль в укреплении традиционных ценностей играют СМИ и коммуникативные сети в интернет-пространстве. СМИ синтезируют определенную картину реальности на основе медийного (экранного, печатного, виртуального и т. д.) потока информации.

Список источников

1. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 311 с.
2. Свистунов А. В. Формы существования традиции в современном российском обществе // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 11. С. 203–211.
3. Гаджиев К. С. Фундаментализм в поле пересечения западных и исламских ценностей // Власть. 2015. № 3. С. 5–13.
4. Левин З. И. Фундаментализм / Институт востоковедения РАН. М.: Крафт+, 2003. 264 с.
5. Челищев В. И. Особенности фундаменталистского мировоззрения // Феномен фундаментализма в современном мире: истоки, сущность и формы. М.: ИСПИ РАН, 2006. С. 4–56.
6. Ханджян А. А., Григорян Д. К. Патриотический дискурс и перспективы формирования нового элитарного сознания в современной России // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 1 (89). С. 105–116.
7. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
8. Лалу Ф. Открывая организации будущего / Пер. с англ. В. Кулябиной. 3-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 422 с.
9. Григорян Д. К., Кондратенко Е. Н., Ларкин А. Н. Проблема влияния интернет-технологий на политическое сознание молодежи в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 164–168. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-164-168>.
10. Григорян Д. К., Делов Н. С., Ганжа М. В. Национализация интернета как инструмент власти по контролю за цифровым пространством // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 2 (141). С. 140–145.

References

1. Lebon G. *Psychology of Peoples and Masses*. Saint-Petersburg: Maket; 1995. 311 p. (In Russ.)
2. Svistunov A. V. Forms of existence of tradition in modern Russian society *Socio-humanitarian knowledge*. 2018;(11):203–211. (In Russ.)
3. Gadzhiev K. C. Fundamentalism in the field of intersection of Western and Islamic values. *Vlast'*. 2015;(3):5–13. (In Russ.)
4. Levin Z. I. *Fundamentalism*. Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. 2003. 264 p. (In Russ.)
5. Chelishchev V. I. Features of the fundamentalist worldview. In: *The phenomenon of fundamentalism in the modern world: origins, essence and forms*. 2006. P. 4–56. (In Russ.)
6. Khanjyan A. A., Grigoryan D. K. Patriotic discourse and prospects for the formation of a new elite consciousness in modern Russia. *Voprosy politologii*. 2023;13.1(89):105–116. (In Russ.)
7. Hegel G. V. F. *Philosophy of Law*. Moscow: Mysl; 1990. (In Russ.)
8. Laloux F. *Discovering organizations of the future*. 3rd ed. Moscow: Mann, Ivanov & Ferber; 2018. (In Russ.)
9. Grigoryan D. K., Kondratenko E. N., Larkin A. N. The problem of the influence of Internet technologies on the political consciousness of young people in modern Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):164–168. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-164-168>.
10. Grigoryan D. K., Delov N. S., Ganja M. V. Nationalization of the Internet as an instrument of power to control the digital space. *Science and Education: economy and economy; entrepreneurship; law and management*. 2022;2(141):140–145. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Глазков – аспирант кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

A. V. Glazkov – Postgraduate Student at the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 13.01.2024; одобрена после рецензирования 05.02.2024; принята к публикации 07.02.2024.

The article was submitted 13.01.2024; approved after reviewing 05.02.2024; accepted for publication 07.02.2024.

Научная статья

УДК 32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-289-294>

EDN SXRBMQ

Власть: развитие и элиминация

Зураб Бесарионович Джинджолия

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Волгоград, Россия,
me@jinjoliya.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5398-9542>

Аннотация. В статье исследуется проблема развития и элиминации власти. Эта проблема осознается теоретически в трудах ученых и исследователей и требует согласования с нашим представлением о ней, что означает необходимость рассмотрения и анализа развития и элиминации власти. Используемые методы индукции и дедукции позволяют понять характер процессов развития и элиминации власти в системе социальных взаимосвязей и выявить сущность данных процессов, происходящих в государстве. Исследование ведется от частного к общему, то есть особенности развития и элиминации власти в государстве берутся как частное, а затем каждый выявленный пример позволяет выстроить целостную картину данной проблемы, что позволяет избежать подмены понятий и обрести истинное знание по данному вопросу.

Ключевые слова: власть, развитие, элиминация, политика, государство, система социальных взаимосвязей, векторы развития

Для цитирования: Джинджолия З. Б. Власть: развитие и элиминация // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 289–294. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-289-294>. EDN SXRBMQ

Young scientists

Original article

Power: development and elimination

Zurab B. Dzhindzholiya

Volgograd Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia,
me@jinjoliya.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5398-9542>

Abstract. The article studies the problem of development and elimination of power. This problem is realized theoretically in the works of scientists and researchers and requires coordination with our understanding of it, which means the need to consider and analyze the development and elimination of power. The used methods of induction and deduction allow us to understand the nature of the processes of development and elimination of power in the system of social interrelations and to identify the essence of these processes occurring in the state. The study is conducted from the private to the general, that is, the peculiarities of the development and elimination of power in the state are taken as a private, and then each identified example allows to build a complete picture of the problem, which allows to avoid substitution of concepts and gain true knowledge on this issue.

Keywords: power, development, elimination, politics, the state, the system of social interrelations, vectors of development

For citation: Dzhindzholiya Z. B. Power: development and elimination. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(1):289–294. (In Russ.)*. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-289-294>. EDN SXRBMQ

В политической науке существует бесконечное количество вопросов. Наиболее интересным является власть. Одним из важных аспектов этого вопроса является развитие власти и ее элиминация.

Вопросами в области властного процесса занимались многие исследователи, однако вопросы развития и элиминации власти ими не были рассмотрены. Осмысление понятий «власть», «властные отношения» и др. можно встретить в работах Т. Парсонса, М. Вебера и других.

На мой взгляд, основополагающим в данной области является определение, выявленное в статье О. В. Павловой и составленное в свое время М. Вебером: власть – это любая возможность проводить собственную волю даже вопреки сопротивлению [1]. Видимо, в этом и заключается магия власти: делать все, несмотря ни на что. Ключевой фигурой властных отношений всегда считается субъект (властвующее лицо), тогда как объект (подчиненный) по умолчанию выступает безвольной аморфной субстанцией.

Существует аспект власти, который затрагивает векторы ее развития и элиминации. Процессы развития и элиминации власти оказывают влияние на интересы всех социальных групп, слоёв и классов. Власть оказывает своё влияние на общество в целом, является механизмом взаимодействия видимой (официальной) и невидимой (реально) властей. Власть использует в этих целях специально созданный общественно-партийно-государственный аппарат.

В данной статье автор пытается понять, что такое власть в контексте векторов ее развития и элиминации.

При анализе властно-политических компонентов в проекции развития современного общества в отечественной исследовательской литературе уделяется достаточно большое внимание проблемам генезиса власти, но слабо отражается и скорее отсутствует общая точка зрения исследователей на данную проблему в контексте векторов развития и элиминации власти.

Размышляя над феноменом власти, исследователь А. И. Калиниченко в своей статье “К вопросу о происхождении и легитимации политической власти” выдвигает тезис о том, что “политическая власть может быть действительно эффективной лишь при согласии с ней тех, в отношении кого она осуществляется” [2, с. 37]. В качестве аргумента к своему тезису автор приводит позицию Ханна Арентс, для которой вопрос выживания власти непосредственно связан со степенью одобрения власти со стороны общества. Исследователь отмечает, что власть никогда не может быть объектом индивидуальной собственности и всегда принадлежит группе лиц. Автор развивает это суждение, говоря о том, что власть существует пока существует эта группа лиц, ей владеющая. Калиниченко А.И., однозначен в своем утверждении о том, что “сущностная основа политической власти заключается в подчинении и конформизме членов группы, в отношении которой действует такая власть” [2, с. 37]. Исследователь утверждает, что “таким образом, власть формируется как моральное превосходство, от долговечности которого во многом зависит ее легитимность” [2, с. 37].

Продолжая анализ феномена власти, исследователи З. М. Алиева и М. Б. Гусейнов выдвигают суждение о том, что «государство – это универсальная политическая организация, осуществляющая суверенную власть в интересах проживающих в пределах определенной территории людей и регулирования их взаимодействия на основе права с помощью специального аппарата» [3].

С данными утверждениями можно согласиться, однако здесь наличествуют достаточно важные нюансы. Авторитарный характер власти в любом случае подразумевает более прямой и жесткий характер управления государством по сравнению с другими видами политической власти, который скорее всего вызовет более ожесточенную (пусть и часто скрытую, не публичную) критику со стороны достаточно большого количества граждан. В истории достаточно примеров действительно эффективной политической власти, имеющей авторитарную сущность. Например, Сингапур при Ли Куан Ю, или современный Китай [4]. Под эффективностью в данном контексте выступают важные социально-экономические показатели, которые свидетельствуют о развитии государства. Данные показатели находятся в открытом доступе и объективно отражают эффективность проводимой политики со стороны авторитарной власти. Здесь важно отметить, что общество, регулируемое авторитарией, не является однородным, и даже при условии наличия небольшого количества граждан, несогласных с проводимой в государстве политикой и выражающих это недовольство не публично, тезис, приведенный А. И. Калиниченко, не будет иметь объективный характер.

В данном случае можно утверждать, что происходит процесс развития власти, который затем порождает элиминацию формы власти. Это можно объяснить тем, что раз власть удерживается, значит она проходит процессы развития. Данные процессы, видимо, подразумевают адаптацию власти к динамически меняющейся политической и социальной обстановке. Однако, в этом случае, ввиду авторитарного характера управления происходит элиминация формы власти из-за отчужденности определенной части общества, несогласной с проводимой политикой. Несогласные находятся вне властных отношений, пытаются оттуда выйти, не подчиняться.

Хотел бы обратить внимание на аргумент, который приводит исследователь для обоснования своей позиции, а именно суждение Ханны Арендт, согласно которому вопрос выживания власти непосредственно связан со степенью одобрения власти со стороны общества. С данным суждением можно не согласиться, опираясь в качестве аргументов на такие рекордные по своей выживаемости режимы: Поль Бийя (Камерун, 42 года у власти), Теодоро Обианг Нгема Мбасого (Экваториальная Гвинея, 38 лет), Эдуарду душ Сантуш (Ангола, 38 лет)¹, Роберт Мугабе (Зимбабве, 38 лет)², Йовери Мусевени (Уганда, 32 года)³. Причинами такого длительного существования режимов являются такие факторы, как клановость субъектов власти, традиционализм и патернализм. Но нельзя забывать, что процессы свержения власти в Африке никогда не останавливались.

В данном случае, можно отметить, что замечен процесс развития власти в совокупности с элиминацией ее формы. Форма власти, которой присущ клановый характер управления исчерпалась, однако, предпосылки для развития самой власти не утрачены. Можно также привести пример таких государств как Габон и Нигер [5–6]. Процессы, произошедшие в них, подразумевают возможность развития власти в различных направлениях – социализм с элементами капитализма, капитализм, социализм и др.

Другая сторона этого вопроса состоит в том, что особое возражение вызывает суждение о том, что власть никогда не может быть объектом индивидуальной собственности и всегда принадлежит группе лиц. В этой связи, хотел бы отметить, что ранее приведенные мной примеры режимов подразумевают исключительный характер обладания властью на основе различных принципов – харизмы, силы, и др. у отдельно взятого правителя, который хоть и опирался на подчиненных ему лиц, но все же только он сам имел возможность отдавать приказы, которые затем исполнялись и обладать абсолютной властью. Хочу отметить, что только в случае ухода такого правителя, власть на какое-то время может стать инструментом подлинной группы лиц. Например, хотя бы для того, чтобы избрать нового правителя, подобного предыдущему, которому можно было бы довериться и избежать неразберихи и хаоса, которых обычно боится окружение подобных лидеров.

Стоит отметить, что в данном случае происходит развитие власти с возможностью элиминации ее формы. Могут исчерпаться такие формы власти, как клановость, монархизм, однако не сама власть.

Касательно тезиса, который приводит А. И. Калинин по вопросу подчинения власти, на мой взгляд, более целостной выглядит позиция исследователя М. В. Фадейкова, утверждающего, что “существование субъекта и самого его права на осуществление власти должно признаваться объектом как соответствующее его социальным интересам, ожиданиям, потребностям и ценностям” [7, с. 13].

Считаю важным отметить свое согласие с позицией М. В. Фадейкова. Таким образом, речь идет об общественном согласии.

В этом случае происходит развитие власти, поскольку существует консенсус общества и государства. Данный консенсус находит свое выражение в развитии власти через возможную модернизацию процессов управления со стороны государства. Эта модернизация может проводиться в целях удержания власти, а также удовлетворения запросов общества.

¹ Биография экс-президента Республики Ангола Жозе Эдуарду душ Сантуша. URL: <https://tass.ru/info/15168099> (дата обращения: 20.09.2023).

² Биография бывшего президента Зимбабве Роберта Мугабе. URL: <https://tass.ru/info/6852537> (дата обращения: 20.09.2023).

³ Мусевени Йовери Кагута. URL: <https://tass.ru/encyclopedia/person/museveni-yoveri-kaguta> (дата обращения: 20.09.2023).

Суждение об устойчивости государства и политической системы высказывает исследователь М.М. Мадалиев. Автор выдвигает утверждение о том, что устойчивость государства, политической системы в большинстве случаев определяется культурой, духовностью народа. По мнению автора, эти факторы занимают определяющее значение. В качестве аргумента для своего суждения он приводит в пример цитату Н. Гоголя: «Ум идет вперед, когда идут все нравственные силы в человеке и стоит без движения и даже идет назад, когда не возвышаются нравственные силы» [8, с. 3].

Хочу отметить, что в целом можно согласиться с исследователем М.М. Мадалиевым в том, что духовность народа и его культура определяют стабильность политической системы и государства. Однако, в данной позиции есть достаточно важный нюанс. Принимая во внимание предыдущие мысли и аргументацию других авторов, на мой взгляд, главным фактором устойчивости государства и политической власти будут выступать две формы общественного согласия, а именно – компромисс (как форма взаимных уступок) и консенсус. По поводу этого суждения выражает свое несогласие ранее упомянутый исследователь М. В. Фадейков, который утверждал, что компромисс и консенсус как социальные явления обладают общими чертами [7]. В свете поставленной проблемы властных отношений важно отметить, что: а) участниками компромисса и консенсуса являются как минимум два самостоятельных, суверенных субъекта (индивиды, группы, государства и т.д.); б) субъекты разделяют некоторые общие ценности и/или цели, установки, идеологии; в) субъекты в своих действиях руководствуются общими правилами и процедурами (мораль, законы, договоры).

По моему мнению, более подходящим способом анализа понятий развития и элиминации власти будет анализ данных явлений через призму устройства политической системы, которая выступает неотъемлемым и основным фундаментом функционирования субъектов власти.

Одним из выдающихся исследователей в данной области выступает Т. Парсонс. В этом конкретном случае политическая система рассматривается как часть общей социальной системы, поскольку Парсонс считал, что политическая система должна быть исследована не обособлено, а комплексно [9]. Будет важным дополнить, что Парсонс также разработал всеобщую теорию систем действия, в которой содержится четыре компонента – целедостиженческий, адаптивный, интегративный и компонент сохранения существующей модели общественного устройства [9].

Политическая система, согласно Парсонсу, характеризуется как вариант системы действия и социальной системы и также содержит в себе четыре компонента. Целедостиженческим компонентом выступает подсистема руководства, которая представляет собой выборные должности трех ветвей власти. Административная подсистема являет собой исполнительную власть за исключением руководящих должностей. Законодательная и судебная власти представляют собой интегративную подсистему. И, наконец, компонент сохранения существующей модели общественного устройства характеризуется всеми нормативными актами государства [9].

Прежде чем перейти непосредственно к итоговому осмыслению развития и элиминации власти через призму политической системы, считаю нужным привести пример совместного функционирования данных компонентов. Высшее руководство, представляющее собой подсистему достижения целей [9], получает функцию превращения данных общих целей общества в конкретные задачи, в свою очередь административная подсистема данные задачи выполняет. Интегративная подсистема, состоящая из законодательной и судебной власти, благодаря представительской функции оказывает поддержку и осуществляет легитимацию действий руководства. В свою очередь нормативная подсистема занимается сохранением и поддержанием существующей формы государства.

Эти компоненты на определенном этапе развития общества являются основаниями модернизации формы власти, но затем становятся факторами ее консервации или элиминации. Исходя из вышеизложенного, считаю возможным составить следующее осмысление развития и элиминации власти. Для этого определимся с понятием власти. Можно согласиться с А. И. Бардаковым в том, что «власть – это отношение господства одной социальной группы над другой, обусловленное владением собственностью или обладанием функцией распоряжения государственной собственностью» [10, с. 16]. Развитие власти следует понимать как модернизацию политической системы согласно постоянно меняющимся целям государства в условиях непрерывных динамических процессов, происходящих в обществе, направленную в том числе на повышение социально-

экономического благополучия общества. Элиминация – это исключение, уничтожение, ограничение¹. В нашем случае это исчезновение условий где возможно господство. Изменились отношения людей – существуют взаимосвязи между людьми, где господство невозможно.

Таким образом, удалось установить, что власть – это, в первую очередь, возможность иметь волю, осуществлять свои желания и опосредованно, навязать свою волю другим людям, даже вопреки их сопротивлению. Власть основывается на авторитете и насилии, правде и лжи, законе и криминале и так далее и тому подобное. Видимо, она необходима для цивилизационного развития общества, которое требует подчинения всех его членов единой воле, а также для регулирования любых социальных взаимоотношений между людьми в обществе, но в межличностных, культурных взаимосвязях власть бессильна – там наступает элиминация.

Список источников

1. Павлова О.В. Феномен власти в контексте философско-культурологической рефлексии // *НОМОТНЕТІКА. Філософія. Соціологія. Право*. 2012. № 20 (139). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-vlasti-v-kontekste-filosofsko-kulturologicheskoy-refleksii> (дата обращения: 20.09.2023).
2. Калиниченко А.И. К вопросу о происхождении и легитимации политической власти // *Вестник академии следственного комитета Российской Федерации*. 2019. № 1 (19). С. 36–38.
3. Гусейнов М.Б. Государство как институт политической власти / М.Б. Гусейнов, З.М. Алиева // *Наука XXI века: открытия, инновации, технологии : Сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции, Смоленск, 13 января 2020 года*. – Смоленск: МНИЦ "Наукосфера", 2020. – С. 40-44
4. Горячева О.С. Сингапур – экономическое чудо в пределах одного города // *Бюджет*. 2018. № 12 (192). С. 88-91.
5. Ндакисса О.Ф.К. Генезис независимости: основы осуществления внешней политики Габона // *Проблемы современной науки и образования*. 2015. № 1 (31). С. 123-124.
6. Орошану В.В. Неоколониальная политика Франции в Нигере // *Панорама*. 2015. Т. 20. С. 76-81.
7. Фадейков М.В. Власть как отношения консенсуса и компромисса: природа, формы и ресурсы // *Вестник Пермского университета. Серии: история и политология*. 2009. № 3. С. 13–15.
8. Мадалиев М.М. Политика и власть // *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история*. 2016. № 11-12 (60). С. 64–70.
9. Галактионов В.И. Теория политической системы Толкотта Парсонса // *Вестник университета*. 2014. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterskayadeyatelnost-kak-sredstvo-formirovaniya-professionalno-znachimyh-kompetentsiy-studentov-vuza> (дата обращения: 20.09.2023).
10. Бардаков А.И. Народ и власть: парадигма взаимосвязи по Франсуа Фейе // *Парадигмы управления, экономики и права*. 2020. № 1 (1). С. 11–19.

References

1. Pavlova O.V. The Phenomenon of Power in the Context of Philosophical and Cultural Reflection. *NOMOTNETIKA. Philosophy. Sociology. Law*. 2012; 20 (139). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-vlasti-v-kontekste-filosofsko-kulturologicheskoy-refleksii> [Accessed 20 September 2023]. (In Russ.)
2. Kalinichenko A. I. On the origin and legitimization of political power. *Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*. 2019;1(19):36–38. (In Russ.)
3. Guseynov M. B., Alieva Z. M. The state as an institution of political power. In: *Science of XXI century: discoveries, innovations, technologies : Collection of scientific papers on the materials of VIII International Scientific and Practical Conference*, Smolensk, January 13, 2020. Smolensk: MNIC "Naukosfera"; 2020:40-44. (In Russ.)

¹ Словарь иностранных слов русского языка. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/646/ЭЛИМИНАЦИЯ (дата обращения: 20.09.2023).

4. Goryacheva O. S. Singapore - an economic miracle within a single city. *Budget*. 2018;12(192): 88–91. (In Russ.)
5. Ndakissa O. F. K. The genesis of independence: the foundations for the implementation of Gabon's foreign policy. *Problems of modern science and education*. 2015;1(31):123-124. (In Russ.)
6. Oroshanu V. V. France's neocolonial policy in Niger. *Panorama*. 2015;(20):76–81. (In Russ.)
7. Fadejkov M. V. Power as a relationship of consensus and compromise: nature, forms and resources. *Bulletin of Perm University. Series: History and Political Science*. 2009(3):13–15. (In Russ.)
8. Madaliev M. M. Politics and power. *Topical issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history*. 2016;11-12(60):64–70. (In Russ.)
9. Galaktionov V. I. Tolcott Parsons' theory of political system. *Bulletin of the University*. 2014;(7). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterskayadeyatelnost-kak-sredstvo-formirovaniya-professionalno-znachimyh-kompetentsiy-studentov-vuza> [Accessed 20 September 2023]. (In Russ.)
10. Bardakov A. I. People and Power: A Paradigm of Interconnectedness by Fransua Fedie. *Paradigms of governance, economics and law*. 2020;1(1):11–19. (In Russ.)

Информация об авторе

З. Б. Джинджолия – аспирант ВИУ РАНХиГС.

Information about the author

Z. B. Dzhindzholiya – Postgraduate Student of Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 16.01.2024; одобрена после рецензирования 12.02.2024; принята к публикации 14.02.2024.

The article was submitted 16.01.2024; approved after reviewing 12.02.2024; accepted for publication 14.02.2024.

Партнерская модель взаимодействия властных элит и гражданского общества и проблемы ее становления в современной России

Никита Юрьевич Дмитриев

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия,
nikitagod02@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования партнерской модели взаимодействия властных элит и гражданского общества и проблем ее становления в современной России обусловлена тем обстоятельством, что эффективное взаимодействие между государством и институтами гражданского общества способно принести пользу обоим рассматриваемым субъектам, содействовать поступательному развитию страны в целом. В работе делается вывод, в соответствии с которым оптимальная модель взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества предполагает равенство рассматриваемых акторов: здесь сильное государство существует наряду с сильным гражданским обществом, а отношения между ними развиваются по типу партнерства. Автор подчеркивает, что партнерская модель как особый тип взаимодействия между государством и гражданским обществом предполагает, что органы государственной власти не стремятся к управлению неправительственными организациями как базовыми структурами гражданского общества, а, напротив, ориентированы на диалог с НКО, широкое использование различных «переговорных площадок» и других форм гражданского диалога. В соответствии с авторским выводом, существенным препятствием на пути формирования партнерских взаимоотношений между государством и гражданским обществом, базирующихся на равноправном диалоге между властью и общественностью, является низкий уровень престижа так называемой общественной деятельности в глазах подавляющего большинства населения страны. Организации эффективного взаимодействия между органами государственной власти и структурами гражданского общества в нашей стране препятствует общая установка правящей политической элиты в отношении общественных объединений, которая характеризуется стремлением власти к осуществлению контроля над любыми инициативами, исходящими от граждан и их организаций.

Ключевые слова: общество, государство, государственная власть, партнерство, общественная организация, некоммерческая организация, неправительственная организация, гражданское общество, гражданская ассоциация, гражданский диалог, политическая элита, политическая партия, бюрократия, политическая система

Для цитирования: Дмитриев Н. Ю. Партнерская модель взаимодействия властных элит и гражданского общества и проблемы ее становления в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 295–299. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-295-299>. EDN SNXFRG

Young scientists

Original article

The partnership model of interaction between power elites and civil society and the problems of its formation in modern Russia

Nikita Yu. Dmitriev

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, nikitagod02@mail.ru

Abstract. The relevance of the study of the partnership model of interaction between government elites and civil society and the problems of its formation in modern Russia is due to the fact that effective interaction between the state and civil society institutions can benefit both subjects under consideration and contribute to the progressive development of the country as a whole. The paper concludes that the optimal model of

interaction between public authorities and civil society institutions presupposes equality of the actors under consideration: here a strong state exists along with a strong civil society, and relations between them develop according to the type of partnership. The author emphasizes that the partnership model as a special type of interaction between the state and civil society assumes that public authorities do not seek to manage non-governmental organizations as basic structures of civil society, but, on the contrary, are focused on dialogue with NGOs, the widespread use of various "negotiation platforms" and other forms of civil dialogue.

A significant obstacle to the formation of partnerships between the state and civil society, based on an equal dialogue between the government and the public, is the low level of prestige of the so-called public activity in the eyes of the vast majority of the country's population. The organization of effective interaction between public authorities and civil society structures in our country is hampered by the general attitude of the ruling political elite towards public associations, which is characterized by the desire of the authorities to exercise control over any initiatives emanating from citizens and their organizations.

Keywords: society, state, state power, partnership, public organization, non-profit organization, non-governmental organization, civil society, civil association, civil dialogue, political elite, political party, bureaucracy, political system

For citation: Dmitriev N. Yu. The partnership model of interaction between power elites and civil society and the problems of its formation in modern Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):295–299. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-295-299>. EDN SNXFRG

В ряде специальных исследований подчеркивается, что наиболее оптимальная модель взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества предполагает равенство рассматриваемых акторов: здесь сильное государство существует наряду с сильным гражданским обществом, а отношения между ними развиваются по типу партнерства. Так, отечественный исследователь А. Ю. Сунгуров характеризует указанную партнерскую модель как особый тип взаимодействия между государством и гражданским обществом, при которой органы государственной власти не стремятся к управлению неправительственными организациями как базовыми структурами гражданского общества, а, напротив, ориентированы на диалог с НКО, широкое использование различных «переговорных площадок» и других форм гражданского диалога. Помимо этого, партнерское взаимодействие может, с точки зрения А. Ю. Сунгурова, реализовываться в рамках модели поддержки развития некоммерческих организаций или модели «садовника». В последнем случае органы государственной власти различных уровней разрабатывают нормативно-правовые акты, направленные на формирование независимых гражданских структур, проводят различные мероприятия, способствующие эффективному развитию общественных организаций [1].

Как отмечает Н. С. Меньшикова, партнерские взаимоотношения между государством и гражданским обществом базируются на принципах равенства партнеров, взаимном доверии сторон, их самоорганизации, добровольном характере участия в партнерских взаимодействиях, взаимовыгодном характере этих отношений, публичной и открытой деятельности рассматриваемых субъектов [2, с. 84–93]. В развитых западных демократиях партнерство предстает в первую очередь в качестве формы участия граждан и их организации в общественной жизни. Так называемое общественное участие применяется здесь в качестве механизма для вовлечения представителей различных групп населения в сотрудничество с государственными органами власти. В странах Запада участие граждан в общественной жизни традиционно рассматривается как реализация базовых гражданских потребностей и основополагающих прав человека. В актах международного права и национального законодательства зарубежных стран партнерство рассматривается в качестве значимого средства для решения задач социально-экономического характера, участие в которых принимают представители различных социальных групп и слоев. Помимо этого, партнерская модель взаимодействия государства и гражданского общества предстает здесь как значимое средство поощрения участия субъектов гражданского общества в разработке и практической реализации различных государственных программ на долгосрочную перспективу; подобное участие также является важным средством сглаживания противоречий и минимизации конфликтов между различными социальными группами, что благоприятно отражается на развитии общества в целом, обеспечивает его стабильность и поступательное развитие.

Необходимо отметить, что партнерство между органами государственной власти и институтами гражданского общества в развитых демократических государствах Запада рассматривается не просто как механизм обеспечения участия граждан в различных акциях публичного

характера, а как способ объединить государственные и частные ресурсы в целях эффективной реализации государственных программ развития страны. В таких партнерских взаимодействиях, как правило, участвует государство в лице органов исполнительной власти и разнообразные гражданские объединения и ассоциации. Партнерство, как указывает Н. С. Меньшикова, выступает как механизм, призванный обеспечивать «взаимодополняемость ресурсов» между органами государственной власти и структурами гражданского общества [2, с. 85]. Практическая реализация указанной партнерской модели имеет следствием участие граждан и их организаций в решении тех вопросов, которые непосредственно касаются населения конкретной страны. Конечно, несмотря на то, что политические элиты современных западных государств стремятся обеспечить максимальное участие граждан в реализации тех программ, которые затрагивают их интересы, в реальности принимают участие в этих программах далеко не все, и рассматриваемая партнерская модель далеко не всех случаях демонстрирует высокую эффективность, способствуя социальной интеграции. В то же время, существует множество примеров успешной реализации партнерской модели взаимодействия государства и гражданского общества, когда удается на практике решить те или иные проблемы социально-экономического характера, удовлетворяя потребности общества в целом и отдельных социальных групп, вовлекая представителей различных слоев населения в решение значимых задач общественного развития. Как уже отмечалось выше, партнерство способно сглаживать противоречия между различными социальными субъектами, сводя к минимуму конфликты, которые возникают вследствие расхождения во взглядах, что в целом способствует стабилизации обстановки в обществе, обеспечивая его поступательное развитие.

В специальных исследованиях отмечается, что в рамках организации партнерских взаимодействий между государственной властью и структурами гражданского общества активно привлекаются некоммерческие организации (НКО), что предусматривает использование специальных механизмов, включающих субсидии от государства, поддержку посредством выделения специальных грантов, предоставление ссуд активным представителям общественности на переподготовку и переобучение, различные государственные дотации, налоговые льготы и т.д. [3, с. 115–116]. Некоммерческий сектор в настоящее время активно привлекается в целях решения различных социально-экономических проблем: именно на НКО в рамках рассматриваемой партнерской модели возлагается ключевая роль в процессе организации эффективного взаимодействия между государством и гражданским обществом. Деятельность некоммерческих организаций в ряде зарубежных государств оказывает существенное воздействие на процесс предоставления населению различных социальных услуг, причем именно рассматриваемое общественно-государственное партнерство, как подчеркивают Т. М. Рябова и Н. В. Медведева, в настоящее время рассматривается в указанных странах в качестве главного механизма, призванного обеспечить рост качества данных услуг. При этом финансирование НКО в значительной степени осуществляется из средств государственного бюджета: в странах Западной Европы, к примеру, доля государственного финансирования превышает половину (54 %) всех доходов некоммерческих организаций [3, с. 117].

В странах, входящих в Европейский Союз, а также в Соединенных Штатах Америки в целях государственной поддержки НКО используются разнообразные механизмы, в том числе, контракты, гранты, государственные кредиты, ваучеры, операционные субсидии, налоговые льготы и т.д. Проблемой здесь является фактическое влияние государства на деятельность некоммерческих организаций, поскольку данные структуры в значительной степени зависят от получения необходимого для их работы государственного финансирования. В качестве варианта решения этой проблемы предлагается создание независимых органов совещательного или наблюдательного характера, осуществляющих функцию контроля за тем, как распределяются государственные субсидии или принимаются решения об их выделении конкретным НКО. В США с целью содействия деятельности некоммерческих организаций активно применяется практика льготного налогообложения, что рассматривается как мера государственной поддержки: те НКО, которые реализуют общественно значимые функции в образовательной, научной, религиозной сферах, в области борьбы с бедностью и т.д., приобретают правовой статус благотворительных организаций с соответствующими налоговыми льготами.

Что касается нашей страны, то в постсоветский период в России была создана нормативно-институциональная основа функционирования гражданского общества, сформирована база для взаимодействия гражданских структур с органами государственной власти, приняты соответствующие нормативно-правовые акты, разработаны механизмы для указанного взаимодействия,

используются современные информационно-коммуникационные технологии, в том числе, Интернет-площадки для эффективной коммуникации властных структур с общественностью. В то же время, как справедливо отмечает О.А. Бутенко, то участие, которое существующие в стране гражданские структуры принимают во взаимодействии с органами государственной власти, как правило, является эпизодическим, отличаясь «несистемным, ситуативным характером» [4, с. 206]. Такое взаимодействие, по мнению данного исследователя, чаще всего направлено на решение узкоутилитарных задач, связанных с конкретными социальными проблемами, касающимися отдельных областей жизнедеятельности общества. При этом наблюдается практически полное отсутствие какого-либо «системного, созидательного участия» граждан и их объединений в решении вопросов, связанных с развитием страны; эмпирические данные, в частности, свидетельствуют о том, что в России имеется крайне незначительное число тех или иных гражданских инициатив, которые касались бы долгосрочного развития как отдельных регионов, так и страны в целом [4, с. 207].

Гражданское общество в России в принципе является значительно менее развитым в сравнении с аналогичными институтами в западных демократических государствах. Анализ статистических данных свидетельствует даже о сокращении числа некоммерческих организаций (НКО), которые традиционно рассматриваются как основа гражданского общества: если в 2009 г., к примеру, численность НКО составляла 669 тыс., то уже к 2020 г. их осталось всего 213 тыс., причем подавляющее большинство этих организаций (198 тыс.) находилось под контролем со стороны государственных органов власти. Как отмечается в специальных исследованиях, большая часть рассматриваемых организаций функционируют исключительно формально («на бумаге»), а более или менее реальную деятельность осуществляют лишь чуть более трети (38%) таких структур [5, с. 9]. Еще одной особенностью функционирования гражданского общества в России является высокий уровень концентрации объединений граждан на уровне городских поселений или регионов, в то время как некоммерческие организации федерального масштаба составляют меньшинство функционирующих в стране НКО (при этом отмечаются сложности с регистрацией таких организаций, рост всевозможных барьеров и т.д.). Как уже отмечалось, доверие к некоммерческим организациям в России находится на достаточно низком уровне: результаты новейших эмпирических исследований, в частности, свидетельствуют о том, что НКО в нашей стране доверяют не более четверти граждан (интересно, что значительная часть респондентов не смогла четко определить свое отношение к данным организациям, что может являться следствием низкого уровня информированности людей о деятельности организаций некоммерческого сектора, основных целях их деятельности и конкретной пользы от нее) [6, с. 59].

Несмотря на то, что политическая элита страны декларирует высокую значимость некоммерческих организаций в решении актуальных социально-экономических проблем развития российского общества, в последнем, как отмечает И.Ю. Южакова, преобладает отношение к ним как к «кружкам по интересам», которые не вызывает при этом высокого доверия со стороны населения. С точки зрения данной исследовательницы, рассматриваемое недоверие обусловлено непрозрачным характером деятельности многих НКО, низким уровнем доверия к любым организациям в принципе, а также недобросовестностью руководства некоторых из таких организаций (речь идет об известных фактах присваивания денежных средств) [7, с. 181]. Доверие вообще традиционно рассматривается как важная предпосылка установления эффективного взаимодействия между государством и гражданским обществом, фактор роста уровня гражданской активности. Это важнейший фактор, который в принципе способствует гражданской деятельности и сотрудничеству с общественными объединениями и органами государственной власти, влияет на возможность организации совместных действий, партнерства с целью решения актуальных социально-экономических проблем. Результаты социологических опросов показывают, что низкий уровень населения к некоммерческим организациям и динамика изменения этого доверия в целом совпадают с аналогичными рейтингами других общественных и государственных институтов. Иными словами, падение уровня доверия к государству и его институтам происходит параллельно со снижением доверия и к организациям некоммерческого сектора (такая же корреляция имеет место и в случае роста показателей доверия). По мнению Д. Д. Ковалевской, данное обстоятельство является следствием неспособности рассматриваемых организаций заручиться широкой поддержкой со стороны общественности и аккумулировать существующую гражданскую активность [5, с. 10].

Несмотря на то, что государство оказывает существующим структурам гражданского общества определенную финансовую поддержку, необходимую для их деятельности, эта поддержка зачастую носит избирательный характер, поскольку поддерживаются преимущественно лояльные к власти организации. В то же время несправедливо возлагать ответственность за недостаточно эффективное взаимодействие между органами государства и институтами гражданского общества исключительно на властные структуры, поскольку зачастую представители различных общественных объединений сами не стремятся к установлению действенных взаимоотношений с властью. Существует немало примеров того, как в отдельных субъектах Российской Федерации выстраивается система взаимовыгодных контактов между региональными элитами и функционирующим гражданским обществом, когда власть проявляет заинтересованность во взаимодействии с теми некоммерческими организациями, деятельность которых может способствовать эффективному социально-экономическому развитию регионов. Однако далеко не все представители гражданских структур стремятся взаимодействовать с властью, следовать установленным ей правилам. Таким образом, в современной России имеются как внутренние, так и внешние препятствия на пути установления партнерских взаимодействий между властными элитами и гражданским обществом.

Список источников

1. Сунгуров А.Ю. Модели взаимодействия структур гражданского общества и органов власти: российский опыт [Электронный ресурс]. URL: http://civisbook.ru/files/File/Sungurov_modeli.pdf (дата обращения 21.01.2024).
2. Меньшикова Н. С. Партнерство государства и институтов гражданского общества как предмет анализа в современном зарубежном обществоведении // *BENEFICIUM*. 2019. № 4(33). С. 84–93.
3. Рябова Т. М., Медведева Н. В. Зарубежные практики организации партнерства власти и общества: тенденции и проблемы // *Социодинамика*. 2017. № 4.
4. Бутенко О. А. Диалог в институциональной среде взаимодействия государства и гражданского общества: поиск решений // *NovaInfo*. 2017. № 58. С. 206–210.
5. Ковалевская Д. Д. Уровень доверия граждан к институтам государственной власти как фактор устойчивости политического режима в России // *Бизнес. Общество. Власть*. Октябрь 2021. № 4 (42). С. 7–24.
6. Ижик А. В. Недоверие к НКО как фактор неучастия в волонтерской деятельности // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2023. № 1. С. 58–63.
7. Южакова И. Ю. Стандартизация – эффективный инструмент повышения доверия к деятельности НКО // *Менеджмент качества*. 2016. № 3. С. 180–188.

References

1. Sungurov A. Y. *Models of interaction between civil society structures and authorities: Russian experience*. Available from: http://civisbook.ru/files/File/Sungurov_modeli.pdf [Accessed 21 January 2024]. (In Russ.)
2. Menshikova N.S. Partnership of the state and civil society institutions as a subject of analysis in modern foreign social science. *BENEFICIUM*. 2019;4(33):84–93. (In Russ.)
3. Ryabova T. M., Medvedeva N. V. Foreign practices of organizing partnerships between government and society: trends and problems. *Sociodynamics*. 2017;(4). (In Russ.)
4. Butenko O. A. Dialogue in the institutional environment of interaction between the state and civil society: the search for solutions. *NovaInfo*. 2017;(58):206–210. (In Russ.)
5. Kovalevskaya D. D. The level of trust of citizens in institutions of state power as a factor of stability of the political regime in Russia. *Business. Society. Power*. October 2021;№4(42):7–24. (In Russ.)
6. Izhik A. V. Distrust of NGOs as a factor of non-participation in volunteer activities. *Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2023;(1). (In Russ.)
7. Yuzhakova I. Y. Standardization is an effective tool for increasing confidence in the activities of NGOs. *Quality Management*. 2016;(3). (In Russ.)

Информация об авторе

Н. Ю. Дмитриев – аспирант кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

N. Yu. Dmitriev – Postgraduate at the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russia Institute of Management – branch of RANEP.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 23.01.2024; одобрена после рецензирования 13.02.2024; принята к публикации 14.02.2024. The article was submitted 23.01.2024; approved after reviewing 13.02.2024; accepted for publication 14.02.2024.

Научная статья

УДК 332

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-300-306>

EDN RTVEQT

Концептуальные основы кластеризации региональной экономики в целях обеспечения ее устойчивого развития и роста инвестиционной привлекательности

Бимболат Хазбиевич Дреев

Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия
bimbolat.dreev@yandex.ru

Аннотация. В статье обосновано, что на сегодняшний день региональный кластер становится значимым инструментом пространственного развития, обладающим таким уникальным набором характеристик, как адаптивность к изменениям внешней и внутренней среды (уровень развития кластера определяет скорость такой адаптации), инновационность происходящих в нем процессов и нацеленность на непрерывное развитие, а также большие возможности по формированию замкнутого производственного цикла и перехода к функционированию на принципах циркулярной экономики, что является важнейшей целью стратегии устойчивого развития не только отдельного хозяйствующего субъекта, но и всего региона. В своем исследовании автор анализирует весь спектр эффектов, которые оказывает кластер на развитие региона и региональных предприятий, схематизирует процесс взаимодействия между ключевыми блоками регионального кластера, а также разрабатывает алгоритм формирования и развития региональных кластеров в целях активизации инвестиционной деятельности в регионе.

Ключевые слова: региональная экономика, устойчивое пространственное развитие, региональные кластеры, инвестиционная деятельность, производственный цикл

Для цитирования: Дреев Б. Х. Концептуальные основы кластеризации региональной экономики в целях обеспечения ее устойчивого развития и роста инвестиционной привлекательности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 300–306. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-300-306>. EDN RTVEQT

Young scientists

Original article

Conceptual foundations of clustering of the regional economy in order to ensure its sustainable development and growth of investment attractiveness

Bimbolat Kh. Dreev

North Ossetia State University after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia, bimbolat.dreev@yandex.ru

Abstract. The article substantiates that today the regional cluster is becoming an important tool for spatial development, possessing such a unique set of characteristics as adaptability to changes in the external and internal environment (the level of cluster development determines the speed of such adaptation), the innovativeness of the processes taking place in it and the focus on continuous development, as well as great opportunities for the formation of a closed production cycle and the transition to functioning on the principles of a circular economy. This is the most important goal of the sustainable development strategy not only for an individual business entity, but also for the entire region. In his research, the author analyzes the full range of effects that the cluster has on the development of the region and regional enterprises, schematizes the process of interaction between the key blocks of the regional cluster, and also develops an algorithm for the formation and development of regional clusters in order to enhance investment activity in the region.

Keywords: regional economy, sustainable spatial development, regional clusters, investment activity, production cycle

For citation: Dreev B. Kh. Conceptual foundations of clustering of the regional economy in order to ensure its sustainable development and growth of investment attractiveness. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):300–306. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-300-306>. EDN RTVEQT

Получение синергетического эффекта, как правило, подразумевает появление у участников кластера большого количества преимуществ, положительно сказывающихся не только на их непосредственной деятельности, но и значительно укрепляющих конкурентоспособность региона. Большое количество полезных эффектов, которые приносит объединение предприятий внутри регионального кластера, делает применение кластерного подхода при управлении региональной экономической системой одним из самых результативных инструментов обеспечения региону конкурентоспособности и устойчивости функционирования [1, с. 71]. Кроме того, создание кластеров является самым популярным методом поддержки инновационного предпринимательства в регионе, так как в этом случае механизмы, формы и характер государственной поддержки таких предприятий обретают целевой «адресный» характер.

Функциональная роль кластерных структур в региональной социально-экономической политике может быть представлена с помощью процессного подхода или своеобразного бизнес-процесса, который позволяет установить взаимосвязь между важнейшими элементами кластера, а также объектами и субъектами реализации кластерной концепции внутри региона. На рис. 1 представлено авторское видение процесса такого взаимодействия, подразумевающее выделение нескольких ключевых блоков кластерного взаимодействия:

- организационный блок (1), представленный отдельными субъектами кластера – предприятиями, управляющей компанией кластера, научными и образовательными организациями, финансовыми структурами, а также органами власти, осуществляющими контроль реализации кластерной политики и координирующими деятельность кластера;
- инфраструктурный блок (2), представленный необходимой для создания и успешной работы кластера промышленной и технологической инфраструктурой;
- продуктовый блок (3) – представленный совокупностью производимой участниками кластера продукцией, обладающей необходимыми характеристиками конкурентоспособности;
- финансовый блок (4), представленный необходимыми финансовыми ресурсами для обеспечения деятельности регионального кластера, а также получаемыми экономическими эффектами для региона;
- социальный блок (5), представленный получаемыми для региона социальными эффектами;
- оценочный блок (6), позволяющий проанализировать эффективность работы кластера в рамках каждого осуществляемого «внутри» него процесса.

Как видно из представленного рисунка, результат взаимодействия участников кластера с инфраструктурой приводит к созданию конкурентоспособной продукции. Среди всех участников кластера на схеме отдельно выделены предприятия кластера, собственно и создающие сам продукт, а также ядро кластера, представленное наиболее сильными и крупными предприятиями, выступающими в кластере в качестве «драйверов» роста и основных товаропроизводителей. Участники кластера, а также государство в лице отдельных министерств и ведомств формируют совокупность финансовых ресурсов, которые приобретают вид частных инвестиций, субсидий или дотаций из федерального или регионального бюджета, покрытия части процентной ставки по заемным ресурсам, «зеленых» облигаций и других форм финансирования, направляемых на развитие кластера.

Выпуск конкурентоспособной продукции способствует как росту показателей валового регионального продукта, так и доли экспорта в ВРП региона, что благоприятно сказывается на развитии региональной экономики, обеспечивая ей дополнительные доходы и конкурентные преимущества [2, с. 284]. Кроме того, такая ситуация благоприятно сказывается и на социальных показателях – успешное развитие экономической подсистемы региона, формирование новых рыночных ниш и увеличивающийся спрос на продукцию региона стимулирует рост занятости населения и повышение его доходов. Совместный рост экономических и социальных показателей приводят к повышению качества жизни населения, что и является основной целью регионального развития.

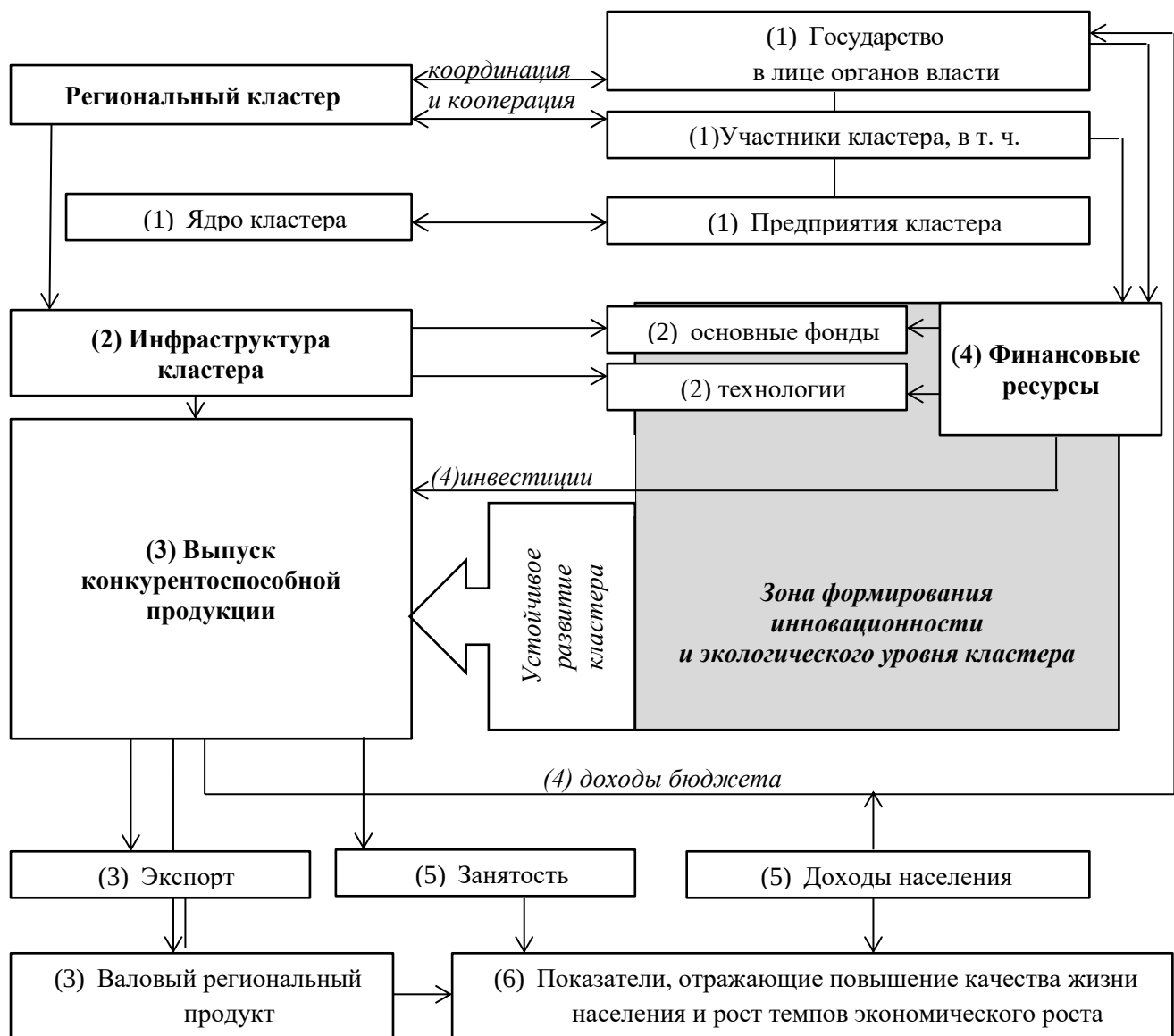

Рис. 1. Процесс взаимодействия между ключевыми блоками регионального кластера

Fig. 1. The process of interaction between the key blocks of the regional cluster

Сама идея кластера заключается в их естественном, эволюционно обусловленном образовании, например, из группы региональных предприятий смежных отраслей, которые сотрудничают уже долгое время и в какое-то время решают формализовать свои партнерские отношения через процедуру создания кластера, например, для использования больших возможностей государственной поддержки. С этим связана и точка зрения Хазина М.Л. и Голубковой Л.Г., указывающих на то, что кластер не может быть создан, а может быть лишь обнаружен [3]. Фактически, это говорит о низкой эффективности таких кластерных образований, которые создаются «с нуля» и основным инициатором которых являются региональные органы власти, а предприятия региона не мотивированы на работу в рамках кластера.

Для России свойственно использование дирижистской модели кластерной политики. В существующих экономических условиях характерные черты данной модели в нашей стране, скорее всего, будут проявляться еще четче, так как сейчас остро стоят задачи по импортозамещению отдельных категорий товаров, комплектующих оборудования, а также вопросы обеспечения технологического суверенитета. Поэтому сложившиеся макроэкономические и геополитические условия на сегодняшний день полностью определяют необходимость применения именно данного типа модели при формировании кластерных структур.

Кроме того, реализация дирижистской модели кластерной политики предполагает необходимость совершенствования институциональной среды и в разрезе каждого региона [4, с. 23] – учета его институциональной специфики, в том числе обусловленной изменением социально-экономического положения вследствие введенных санкций (особенно для регионов с большой долей экспортируемой продукции в валовом региональном продукте). При игнорировании этих особенностей может усиливаться асимметричность регионального развития, повышаться дивергенция территорий и углубляться межрегиональная дифференциация [5, с. 215], что приведет к падению темпов экономического роста, и возможно даже и спаду в региональной экономике, снижению доходов и качества уровня жизни населения.

Вне зависимости от того, какая модель кластерной политики используется регионом, состав ее элементов во всех случаях будет одинаковым, а различаться будет лишь характер и глубина взаимосвязей между компонентами системы. С учетом этого нами был разработан авторский алгоритм формирования и развития региональных кластеров для привлечения инвестиций в экономику регионов (рис. 2).

Рис. 2. Алгоритм формирования и развития региональных кластеров в целях активизации инвестиционной деятельности в регионе

Fig. 2. Algorithm for the formation and development of regional clusters in order to enhance investment activity in the region

Как мы видим из представленного алгоритма, основным элементом управления кластерным региональным развитием является идентификация в регионе работающих де-факто кластеров, не имеющих статуса де-юре, - в этом случае их официальная регистрация позволит им успешнее позиционировать свою продукцию на рынках, используя имидж кластера и региона, а также привлекать частное и бюджетное финансирование. Если в регионе обнаруживаются такие латентные кластеры, то в рамках управления их развитием может быть применена либеральная модель кластерной политики – в этом случае, особенно если предприятия будущего кластера функционируют достаточно успешно, функции государства будут ограничены организационными – закрепить за кластером официальный статус, оказывать методическую и информационную помощь, например, при создании цифровой платформы кластера, продвижении бренда кластера на инвестиционных площадках и т.д.

В том же случае, если в регионе обнаружены лишь предпосылки для формирования кластера, без серьезной роли государства здесь не обойтись, хотя и в этом случае можно использовать модели кластерной политики наподобие североамериканской, то есть при участии только региональных органов власти, задачей которых становится максимальная поддержка формирования кластера, в том числе и финансовая, и достаточно высокий уровень вовлеченности государства в деятельность кластера на первых этапах его функционирования.

Стоит отметить, что в принципе, целью любого кластера должна стать самостоятельность в принятии хозяйственных решений и независимость от бюджетного финансирования, – в этом случае можно будет говорить о действительно высокой эффективности работы кластера. Высокую инвестиционную активность и возрастающие финансовые потоки от частных инвесторов можно с уверенностью назвать важнейшей компонентой становления кластера с высоким уровнем развития [6, с. 72]. Кластеры такого рода становятся «опорой» региональной экономики и драйверами развития практически всех ее отраслей.

Идентификация кластеров в экономике региона или установление предпосылок к их формированию выступает в качестве второго, базового этапа представленного алгоритма, которому предшествует организационный этап, связанный с формированием координационного центра или органа управления созданием и развитием кластера, в роли которого могут выступать самые разные организации (НКО, управляющая компания, отраслевые операторы и т.д.).

Третий этап модели управления кластерной политикой в регионе представлен процедурой разработки мероприятий по ее реализации в регионе. При этом особое внимание должно быть уделено разработке критериев оценки эффективности работы кластера и предприятий-участников, а в случае, если кластерная политика уже имеет свое документальное оформление в виде отдельного постановления, стратегии, законодательного или нормативного акта, необходимой становится актуализация этих документов под текущие реалии.

Модель управления кластерным развитием предполагает и этап непосредственной реализации мероприятий, связанных с формированием и поддержкой развития кластеров. Этот этап как раз и будет характеризовать применяемую модель кластерной политики – в случае либеральной модели участие государства будет минимизировано и не будет требовать реализации контрольных мероприятий, так как в этом случае кластер будет выступать самоорганизующейся структурой, финансово независимой от бюджетных ресурсов. Если же применяется дирижистская модель, то следующим этапом будет обязательная оценка эффективности деятельности кластера, в ходе которой показатели его развития будут сравниваться с установленными ранее целевыми индикаторами.

Оценочный этап в зависимости от полученных результатов анализа предполагает либо корректировку действующей в регионе кластерной политики, либо продолжение мониторинга эффективности деятельности кластера. Оценка может производиться как на уровне государства для оценки эффективности реализуемых мер поддержки, так и самими участниками кластера для определения целесообразности ведения деятельности в рамках созданной кластерной структуры. Сложность этого этапа заключается в том, что многие показатели эффективности, так же как и интегральный синергетический эффект могут быть оценены только экспертным путем, что подразумевает определенную субъективность оценок [7, с. 935].

В существующих экономических условиях модель кластерной политики должна выстраиваться с учетом необходимости эффективного взаимодействия между региональными и федеральными органами власти, а сами регионы должны активнее продвигать свои идеи на федеральном уровне [8]. Необходимость выполнения поставленных перед национальной экономикой задач по достижению технологического суверенитета и импортозамещению может быть реализована только в том случае, если кластеры станут ключевыми инструментами выявления и продвижения точек инвестиционного и инновационного роста в российских регионах [9–10].

Список источников

1. Миролюбова Т. В., Кощеев Д. А. Системно-пространственная методика оценки влияния промышленного кластера на социально-экономическое развитие региона // *Journal of new economy*. 2022. № 4. С. 69–86.
2. Соболева Д. В., Гагарина С. Н. Кластерный вектор регионального развития // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2023. №2. С. 281–286.
3. Хазин М. Л., Голубкова Л. Г. Организационные механизмы формирования инновационных территориальных кластеров [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fr.slideserve.com/maile-greene/5855166> Дата обращения: 12.01.2024
4. Шильченко Т. Н. Обзор основных моделей кластерной политики государства // *Вестник Таганрогского института управления и экономики*. 2020. № 1. С. 22–29.
5. Бурук А. Ф., Убоженко Е. В., Шадрина Л. Ю. Анализ либеральной и дирижистской моделей кластерной политики // *Интерэкспо Гео-Сибирь*. 2019. № 1. С. 213–230.
6. Бритикова Е. А., Полякова И. И. Разработка решений по формированию инвестиционной привлекательности региона // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2023. №5-1. С. 71–76.
7. Клепикова Н. И. Оценка эффективности создания отраслевого кластера // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 4. С. 934–939.
8. Kosenko O. Y., Ignatova T. V., Mikryukova M. Y., Ivanova D. E. Assessment by Econometric Modeling of the Innovative Potential of Regional Socio-economic Systems. In: Popkova E.G., Sergi B.S. (eds) *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap*. ISC 2019. // *Lecture Notes in Networks and Systems*, vol 198. Springer, Cham. 2021, pp. 909–915. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_159.
9. Игнатова Т. В., Глущенко А. В. Особенности регулирующего воздействия на развитие инновационной деятельности в России // *Естественно-гуманитарные исследования*. 2020. № 26 (4). С. 54–59.
10. Игнатова Т. В., Кюрджиев С. П., Уварова Г. Г. Факторный подход к оценке условий развития конкурентной среды на региональном уровне // *Естественно-гуманитарные исследования*. 2019. № 25 (3). С. 81–86.

References

1. Mirolyubova T. V., Kosheev D. A. System-spatial methodology for assessing the impact of an industrial cluster on the socio-economic development of a region. *Journal of new economy*. 2022;(4):69–86. (In Russ.)
2. Soboleva D. V., Gagarina S. N. Cluster vector of regional development. *Economics and Business: theory and practice*. 2023;(2):281–286. (In Russ.)
3. Khazin M. L., Golubkova L. G. *Organizational mechanisms for the formation of innovative territorial clusters*. Available from: <https://fr.slideserve.com/maile-greene/5855166>. [Accessed 12 January 2024]. (In Russ.)
4. Shilchenko T. N. Overview of the main models of cluster policy of the state. *Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics*. 2020;(1):22–29. (In Russ.)
5. Buruk A. F., Ubozhenko E. V., Shadrina L. Y. Analysis of liberal and dirigiste models of cluster policy. *Interexpo Geo-Siberia*. 2019;(1):213–230. (In Russ.)
6. Britikova E. A., Polyakova I. I. Development of solutions for the formation of investment attractiveness of the region. *Economics and Business: theory and practice*. 2023;(5-1):71–76. (In Russ.)

7. Klepikova N. I. Evaluation of the effectiveness of creating an industry cluster. *Fundamental research*. 2013;(4):934–939. (In Russ.)

8. Kosenko O. Y., Ignatova T. V., Mikryukova M. Y., Ivanova D. E. Assessment by Econometric Modeling of the Innovative Potential of Regional Socio-economic Systems. In: *Popkova E.G., Sergi B.S. (eds) Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. ISC 2019. Lecture Notes in Networks and Systems*, vol 198. Springer, Cham. 2021, pp. 909-915. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_159

9. Ignatova T. V., Glushchenko A.V. Features of the regulatory impact on the development of innovation in Russia. *Natural-Humanitarian Studies*. 2020;26(4):54–59. (In Russ.)

10. Ignatova T. V., Kurdjiev S. P., Uvarova G. G. Factorial approach to assessing the conditions for the development of a competitive environment at the regional level. *Natural-Humanitarian Studies*. 2019;25(3):81–86. (In Russ.)

Информация об авторах

Б. Х. Дреев – аспирант кафедры бухгалтерского учета и налогообложения, Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова.

Information about the authors

B. Kh. Dreev – Postgraduate student of the Department of Accounting and Taxation, North Ossetia State University after K.L. Khetagurov.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 29.01.2024; одобрена после рецензирования 18.02.2024; принята к публикации 19.02.2024.

The article was submitted 29.01.2024; approved after reviewing 18.02.2024; accepted for publication 19.02.2024.

Научная статья

УДК 32+504.03

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-307-312>

EDN QLZUHH

Экологическое образование и культура в контексте цифровой модернизации

Владислав Витальевич Карагачев

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье проведен анализ интеграции экологического образования и культуры в процесс цифровой модернизации общества. Автор исследует как современные инновационные технологии, такие как искусственный интеллект, большие данные, которые могут способствовать более глубокому пониманию и вовлечению в процесс решения экологических проблем общественности. Рассматриваются различные подходы к обучению и приобщению населения к нормам и принципам экологической культуры. В статье отмечается, что использование прорывных достижений в области информационно-коммуникационных технологий позволяет сделать экологическое образование более доступным, интерактивным и эффективным, а также способствует развитию более глубокого и осмысленного понимания экологических вопросов среди обучающихся разных возрастных групп.

Ключевые слова: культура, экология, цифровизация, эколого-правовая культура, информационно-коммуникационные технологии, экологическое образование, экологическая политика

Для цитирования: Карагачев В. В. Экологическое образование и культура в контексте цифровой модернизации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 307–312. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-307-312>. EDN QLZUHH

Young scientists

Original article

Environmental education and culture in the context of digital modernization

Vladislav V. Karagachev

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article analyzes the integration of environmental education and culture into the process of digital modernization of society. The author explores how modern innovative technologies, such as artificial intelligence, big data, which can contribute to a deeper understanding and involvement of the public in the process of solving environmental problems. Various approaches to education and familiarization of the population with the norms and principles of ecological culture are considered. The article notes that the use of breakthrough achievements in the field of information and communication technologies makes environmental education more accessible, interactive and effective, and also contributes to the development of a deeper and more meaningful understanding of environmental issues among students of different age groups.

Keywords: culture, ecology, digitalization, ecological and legal culture, information and communication technologies, environmental education, environmental policy

For citation: Karagachev V. V. Environmental education and culture in the context of digital modernization. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(1):307–312. (In Russ.).* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-307-312>. EDN QLZUHH

Сегодня все глобальное сообщество находится на стадии неопределенности. Большинство государств мира переживают различного рода кризисы: экономические, политические, социальные и др. Процесс сотрудничества и коммуникация между регионами мира носит конфронтационный и даже агрессивный характер. В настоящее время между государствами на разных континентах продолжается острая стадия военно-политического конфликта (арабо-израильский конфликт, специальная военная операция на Украине). Все это свидетельствует о необходимости консолидации внутри страны, выработки единой государственной антикризисной политики по минимизации последствий международного кризиса (спад производства, санкции, отсутствие логистики и т.д.). Одной из важных особенностей жизнедеятельности населения является экологическая устойчивость, угрозой для которых является кризис международных отношений.

Экологическое регулирование в рамках государственной политики носит комплексный характер, учитывает конъюнктуру и внутри страны, и возникающие в переходный глобализационный период риски и угрозы.

Регулятивный процесс экологической политики может быть инициирован до возникновения проблем в экосистеме (опережающее регулирование), либо на стадии возникновения природной техногенной аварии. И в одном, и в другом случае необходимо учитывать, что разрушающим экосистему источником является именно антропогенный фактор, а не естественный. На человека-потребителя как угрозу баланса в экосреде, необходимо воздействовать в рамках создания единой системы экологической безопасности. Как в Российской Федерации, так и в международной сфере в целом, существует множество обязывающих и носящих рекомендательный характер правовых актов, в которых урегулирован процесс организации и унификации воздействия человека на окружающую среду. Но в рамках данного исследования мы рассмотрим вопрос создания морально-нравственных принципов, регулирующих процесс воздействия человека на мировую экосистему. Побуждающей основой к любому действию человека являются моральные нормы, которым он следует.

Экологическая культура, как некий ценз в практике взаимодействия «человек-природа», представляет собой комплекс знаний, ценностей, убеждений, направленных на формирование ответственного и осознанного отношения к природе. Эта дефиниция включает в себя понимание взаимосвязей между человеком и экосредой, осознание важности сохранения природных ресурсов и биоразнообразия.

Экологическая культура проявляется в ежедневных действиях человека, направленных на минимизацию негативного воздействия на окружающую среду, в том числе через организацию рационального использования природных ресурсов, рециклинг отходов (возвращение отходов в процессы техногенеза), поддержку экологически чистых технологий в экономике, промышленности и продуктах питания, а также участие в экологических инициативах и движениях. Экологическая культура предполагает налаживание процесса непрерывного образования и просвещения в области природоохраны и сбережения, что способствует распространению экологических знаний и практик среди населения.

Остановимся подробнее на процессе формирования экологической культуры, который зависит от множества факторов, влияющих на восприятие людьми значимости баланса в экосистеме и осознания своей роли в ее сохранении. Рассмотрим некоторые из ключевых факторов.

В первую очередь, базисом современной экологической культуры являются культурные традиции, обычаи, религиозные и философские убеждения. В разных обществах существуют различные представления о природе и человеческой роли в ее сохранении. Еще в древнейших религиозных и культурных представлениях о взаимодействии человека с природой указывалось на необходимость гармоничной взаимосвязи в рамках такого симбиоза, что выражалось в мифологических образах.

Взаимоотношения русского человека с окружающей средой в древности основывалась на особенностях традиционного менталитета. Верующий человек обладает навыками интерпретации примет, знает тонкости ведения сельского хозяйства. Природа видится русскому человеку в образе языческого и православного божества или родственника. Такое особое отношение к природе как к чему-то невероятно ценному, жизненно необходимому сменяется противопоставлением человека и природы в период капиталистической формации. Такие изменения в восприятии

природы постепенно приводят к доминирующей роли человека и, как следствие, к агрессивным действиям, развитию нерационального потребительского отношения к экосреде [1].

Следующий фактор - государственная политика и законодательные акты, направленные на охрану окружающей среды, также влияют на формирование экологической культуры. Эффективные законы по защите окружающей среды, стандарты и нормы способствуют повышению экологической ответственности населения. При анализе данного фактора можно использовать категорию «эколого-правовая культура», которая представляет собой социальную деятельность людей и организаций, направленную на регулирование природоохранных отношений, связанных с предупреждением правонарушений в экологической сфере и включает в себя освоение эколого-правового законодательства [2]. Формирование интегрированной эколого-правовой культуры основывается на комплексном знании теории права, регулирующей охрану окружающей среды. Основой такой культуры является воспитание личности, которая осознает высокий уровень ответственности перед природой, способна наслаждаться гармонией и природной красотой, обладает определенным уровнем эколого-правовой грамотности.

Современные средства коммуникации играют ключевую роль в формировании экологической культуры, распространяя информацию о экологических проблемах и их возможных решениях, а также позволяя обмениваться опытом и знаниями. Особую коммуникационную роль в системе формирования экологической культуры играет Интернет. В этой социальной системе распространены различные виды взаимодействия между людьми, открывается доступ к глобальным информационным ресурсам. С помощью Интернета человек может мгновенно получать информацию о различных проблемах экологии, об изменении нормативно-правового регулирования природопользования или о новых пунктах приема и утилизации отходов, ознакомиться с информацией о проведении экоориентированных программ, мероприятий и др.

Экологическое сознание индивида и, как следствие, формирование экологического поведения связаны с личным опытом взаимодействия с природой и экологическими проблемами. Непосредственное взаимодействие с природой, как правило, способствует развитию более глубокого понимания и уважения к окружающей среде [3].

Следующий фактор, влияющий на формирование экологической культуры – уровень активности экологических организаций и общественных движений, воздействующие на общественность через проведение различных экологических кампаний, акций и образовательных мероприятий.

Общественное экологическое движение – это объединение организаций, общественных институтов, политических партий, главная цель которых улучшение экологической ситуации. Экологические движения – уникальный политический и социальный феномен, который возник в процессе нерационального использования человеком природных ресурсов, основная цель этих движений – сохранение природы для будущего поколения.

Существуют четыре вида общественных экологических движений [4]:

1. Алармистское общественное движение - это объединение и организация людей, деятельность которых направлена на привлечение общественного внимания к экологическим проблемам.

2. Просветительское общественное движение – это объединения и организации, цель которых направлена на распространение экологической культуры, формирование массового экологического сознания.

3. Конструктивное общественное движение – организации относящиеся к данному виду экологических общественных движений нацелены на поиск решений конкретных экологических проблем.

4. Общественно-политическое общественное движение и партии экологической направленности ставят перед собой цель участие в деятельности государственных административных структур и, как следствие, принятие решений по наиболее острым и важным экологическим вопросам.

Эти факторы, действуя в комплексе, формируют экологическую культуру в обществе, способствуя развитию более устойчивых отношений между человеком и природой.

Экологическое образование и экологическая культура тесно взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом, образуя важные компоненты устойчивого развития общества.

Экологическое образование является фундаментом для формирования экологической культуры. Оно предоставляет общественности необходимые знания о природе, экосистемах, человеческом воздействии на окружающую среду, а также методы и практики устойчивого взаимодействия с природой. Через экологическое образование люди учатся ценить природу и понимать важность ее сохранения. Это влияет на формирование экологических ценностей и установок, которые являются ключевыми компонентами экологической культуры. Образование способствует развитию экологически ответственного поведения. Осведомленность об экологических проблемах и понимание способов их решения ведут к изменению поведенческих паттернов и практик, соответствующих принципам экологической культуры.

В рамках формирования экологической культуры подразумевается непрерывное образование и адаптация в ответ на новые экологические вызовы и научные открытия. Экологическое образование поддерживает этот процесс, обеспечивая актуальные знания и информацию.

В целом, экологическое образование и экологическая культура взаимодополняют друг друга, создавая синергию, которая способствует более глубокому осознанию и ответственному отношению к окружающей природной среде.

Дефиниция экологического образования означает процесс приобретения знаний, навыков, ценностей и понимания, необходимых для защиты и улучшения окружающей среды. Оно включает в себя изучение экологических процессов и проблем, а также осознание своего влияния на окружающую среду и способы её защиты и устойчивого использования. Целью экологического образования является формирование экологической грамотности и ответственного отношения к природе у людей всех возрастных групп.

Формирование экологического образования в субъектах Российской Федерации происходит в нескольких ключевых направлениях, которые учитывают региональные особенности и потребности. Примеры таких направлений, включая указание на конкретный субъект:

1. С целью развития экологической культуры в систему школьного образования включены элементы экологического образования. Разрабатываются учебные программы, с учетом необходимости формирования экологического сознания у школьников. Например, в Московской области школьная программа может включать специализированные курсы по экологии, а также проектные и исследовательские работы по местным экологическим проблемам.

2. В Иркутской области в региональном законе 2008 г. № 101 «Об организации и развитии системы экологического образования и формирования экологической культуры на территории Иркутской области» экологическое образование основано на системе ценностных ориентаций, этических норм поведения, сознании, а также получении специальных знаний для организации охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

3. Организация экологических мероприятий и фестивалей практически во всех регионах страны. Целью является формирования у граждан определенной культуры экологического поведения и экологического сознания, направленные на повышение экологической осведомленности среди населения.

4. Развитие экологического туризма и образовательных программ для развития бережного отношения к природе с учетом особенности региона. Например, в Краснодарском крае активно развиваются программы экологического туризма, включающие обучающие экскурсии в национальные парки и заповедники.

5. В Республике Саха (Якутия) реализуются государственные и региональные программы по экологии, которые разработаны с учетом специфики территории и направлены на изучение и сохранение уникальных природных условий и биоразнообразия региона.

6. В Новосибирской области активно применяются цифровые технологии в экологическом образовании, в рамках которого внедрены инновационные образовательные платформы и приложения для обучения экологии, включая дистанционные курсы и интерактивные образовательные игры.

Эти направления отражают общий тренд к интеграции экологического образования в различные аспекты жизни общества, а также стремление использовать инновационные подходы

и технологии для повышения экологической осведомленности населения, устойчивого развития регионов.

Развитие общества не стоит на месте, человечество использует ежедневно достижения науки и техники. За последние десятилетия мы можем наблюдать резкий скачок в развитии информационно-коммуникационных технологий, в частности, искусственного интеллекта. Экологическое образование с применением искусственного интеллекта открывает ряд перспективных возможностей, которые могут значительно повысить эффективность процесса обучения и увеличить уровень осведомленности граждан о важности экологии. В Сахалинской области летом 2020 г. в детском лагере был реализован пилотный проект программы преподавания искусственного интеллекта в контексте проекта «экологическая нейронная сеть», основа программы – применение методов искусственного интеллекта в экологической системе Сахалинской области. Деятельность участников проекта заключалась в выполнении проекта по распознаванию элементов природы (флоры и фауны) на территории лагеря. Участники проекта использовали цифровую платформу Kaggle и сервис хранения данных Google – Colaboratory. Эффективность итогов реализации пилотного проекта заключалась не только в получении знаний, но и их непосредственным применением для решения практических экологических задач – классификации данных на своем наборе изображений [5].

Цифровая культура является одним из ключевых факторов успеха цифровой трансформации [6]. Рассмотрим перспективные направления использования инновационно-информационных технологий в процессе формирования экологической культуры и образования.

Искусственный интеллект может быть использован для разработки интерактивных образовательных платформ, где обучаемые могут участвовать в виртуальных экспериментах, моделировать экологические процессы и видеть последствия различных экологических действий в реальном времени. Первые образовательные проекты с использованием искусственного интеллекта в рамках экологического воспитания и образования были реализованы в некоторых регионах России. Искусственный интеллект способен создавать образовательные игры, которые учат основам бережного взаимодействия с объектами природы через задания, квесты и симуляции, делая процесс обучения более интересным и динамичным.

Еще одним неоспоримым преимуществом применения искусственного интеллекта является возможность анализа больших объемов экологических данных, помогая учащимся лучше понять сложные экологические процессы и прогнозировать будущие экологические тенденции.

Использовать технологии искусственного интеллекта возможно также для создания чат-ботов, которые могут отвечать на вопросы учащихся, предоставлять информацию по различным экологическим темам, облегчая доступ к информационным ресурсам.

Виртуальная и дополненная реальность подразумевают применение искусственного интеллекта в сочетании с VR (виртуальной реальностью) и AR (дополненной реальностью) для создания погружающих образовательных опытов, где обучающиеся могут виртуально посещать различные экосистемы и изучать их в деталях.

Использование прорывных достижений в области информационно-коммуникационных технологий позволяет сделать экологическое образование более доступным, интерактивным и эффективным, а также способствует развитию более глубокого и осмысленного понимания экологических вопросов среди обучающихся разных возрастных групп.

Список источников

1. Абрамян А. К. Традиции, обычаи, религия природопользования народов России // Вестник Таганрогского государственного педагогического института имени А. П. Чехова. 2008. № 2. С. 3–7.
2. Чадова Д. С. Дефекты экологического законодательства России как фактор ее экологической деградации // Молодежь в науке и образовании: проблемы и перспективы развития: тез. IX Междунар. Науч.-практ. конф. – Екатеринбург: Урал.гос.пед.ун-т, 2014. С. 215-216.
3. Логачева А. В. Современное формирование экологической культуры // Научный вестник МГТУ ГА. 2009. № 150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-formirovanie-ekologicheskoy-kultury> (дата обращения: 15.11.2023).

4. Гудаев Т. Х. Экологическая политика и экологическое движение в современном мире // Молодой ученый. 2014. № 20. С. 81–83.
5. Афанасьева Ж. С., Афанасьев А. Д. Опыт реализации проекта по изучению искусственного интеллекта в детском экологическом лагере. Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация. Электронный ресурс. Режим доступа <https://ojs.irkups.ru/index.php/education/article/view/384> (дата обращения: 17.11.2023).
6. Уварова Г. Г. Тренды цифровой трансформации деятельности органов государственного управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 60–64. DOI 10.22394/2079-1690-2021-1-4-60-64. EDN NNRCWS.

References

1. Abrahamyan A. K. Traditions, customs, religion of the peoples of Russia. *Bulletin of the Taganrog State Pedagogical Institute named after A. P. Chekhov*. 2008;(2):3–7. (In Russ.)
2. Chadova D. S. Defects of the environmental legislation of Russia as a factor of environmental degradation. In: *Youth in science and education: problems and prospects of development: tez. IX International. Scientific and practical conference*. Yekaterinburg: State Pedagogical University; 2014:215–216. (In Russ.)
3. Logacheva. A. V. Modern formation of ecological culture. *Civil Aviation High Technologies (Nauchnyi Vestnik MGTU GA)*. 2009;(150). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-formirovanie-ekologicheskoy-kultury>. [Accessed 15 November 2023]. (In Russ.)
4. Gudaev T. H. Environmental policy and the environmental movement in the modern world. *Young scientist*. 2014;(20):81–83. (In Russ.)
5. Afanasyeva Zh. S., Afanasyev A. D. *The experience of implementing a project to study artificial intelligence in a children's environmental camp*. Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Irkutsk, Russian Federation. An electronic resource. Available from: <https://ojs.irkups.ru/index.php/education/article/view/384> [Accessed 17 November 2023]. (In Russ.)
6. Uvarova. G. G. Trends in the digital transformation of public administration activities. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):60–64. DOI 10.22394/2079-1690-2021-1-4-60-64. EDN NNRCWS.

Информация об авторе

В. В. Карагачев – аспирант кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

V. V. Karagachev – Postgraduate Student at the Department of Political Science and Ethnopolitics, South Russian Institute of Management – branch of RANEPa.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.01.2024; одобрена после рецензирования 28.01.2024; принята к публикации 29.01.2024.

The article was submitted 11.01.2024; approved after reviewing 28.01.2024; accepted for publication 29.01.2024.

Взаимодополнительный характер статусно-альтиметрических, диспозициональных и десизионных характеристик в исследовании военных элит

Олег Олегович Керимов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия,

Аннотация. В статье осуществлен комплексный анализ взаимодействия статусно-альтиметрических, диспозициональных и десизионных характеристик в контексте исследования военных элит. Статусно-альтиметрические характеристики рассматриваются с точки зрения официального положения и иерархии в вооруженных силах, подчеркивая их влияние на авторитет и возможности влияния на военную политику. Диспозициональные характеристики описываются через призму личностных качеств, таких как характер, ценности и убеждения, и их влияние на стиль лидерства и межличностные отношения. Десизионные характеристики анализируются в контексте процесса принятия решений, стратегического мышления и управления рисками. В статье делается акцент на взаимодополняемость этих характеристик, подчеркивая, как они совместно формируют уникальный стиль лидерства, способствующий эффективному управлению и принятию решений в военной сфере.

Ключевые слова: элита, военная элита, лидерство, государство, статусно-альтиметрические параметры, диспозициональные и десизионные характеристики, власть

Для цитирования: Керимов О. О. Взаимодополнительный характер статусно-альтиметрических, диспозициональных и десизионных характеристик в исследовании военных элит // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 313–318. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-313-318>. EDN QLZDZV

Young scientists

Original article

The complementary nature of status-altimetric, dispositional and divisional characteristics in the study of military elites

Oleg O. Kerimov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. This scientific article provides a comprehensive analysis of the interaction of status-altimetric, dispositional and divisional characteristics in the context of the study of military elites. Status-altimetric characteristics are considered from the point of view of the official position and hierarchy in the armed forces, emphasizing their influence on authority and the possibility of influencing military policy. Dispositional characteristics are described through the prism of personal qualities such as character, values and beliefs, and their influence on leadership style and interpersonal relationships. The divisional characteristics are analyzed in the context of the decision-making process, strategic thinking and risk management. The article focuses on the complementarity of these characteristics, emphasizing how they jointly form a unique leadership style that promotes effective.

Keywords: elite, military elite, leadership, state, status-altimetric parameters, dispositional and divisional characteristics, power

For citation: Kerimov O. O. The complementary nature of status-altimetric, dispositional and divisional characteristics in the study of military elites. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(1):313–318. (In Russ.).* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-313-318>. EDN QLZDZV

Устройство современного мира и новая эпоха глобализации характеризуются глубокими качественными переменами и трансформациями, которые затрагивают все государства. В полной мере эти изменения коснулись и Российской Федерации. Новые условия миропорядка вынуждают пересмотреть оценку эффективности функционирования власти и управленческих структур, сформировать новые демократические ориентиры в зависимости от сложившейся внутренней и внешней конъюнктуры, остается важным вопрос об авторитете высших должностных лиц и руководителей публичной власти исходя из базовых гуманистических идеалов. В связи с этим вполне объективен и интерес современного общества, а также ученых-исследователей к проблеме лидерства, оценки личности представителей элитарных групп, их роли в общественном развитии; важным также является анализ закономерностей и особенностей развития социальных групп, участвующих в разработке и реализации государственных управленческих решений, которые способны влиять на большие группы людей и государство в целом [1–2].

Остается актуальным тезис общегосударственного развития: «История политики – это история элит. Характер общества, будь то общество справедливое или несправедливое, динамичное или стагнирующее, миролюбивое или милитаризованное, определяется характером элиты. Цели общества определяются элитой и достигаются под ее руководством» [3].

Современная теория элит предполагает, что в историко-мировоззренческом ракурсе элиты определяют векторы хода истории, главным ориентиром развития общества является та или иная группа элит, задающая общую динамику исторических событий. Классическая теория элит В. Парето ярко описывает этот тезис: «история – это кладбище аристократий» [4–5]. При этом роль народа, общественных масс в истории остается второстепенной или значительно преуменьшается. Общие вехи истории представляются как результат сменяющихся в результате борьбы и конкуренции различных типов элит. Элиты представляются компасом истории – главенствующий тип элит можно определить по особенностям той или иной эпохи – это и есть универсальный закон истории в рамках теории элит [2; 6].

В качестве базовых моделей элит можно выделить следующее:

1. Поведенческая модель – сформировалась на основе анализа различных направлений критического поведения.
2. Социально-культурная модель - в ее основе лежат определенного рода ценностные ориентиры, которые основываются на особенностях цивилизационного развития.
3. Структурно-функциональная модель элит – ее основа - это реалии социального и экономического развития общества, которые и определяют признаки элит исходя из общественного анализа.
4. Социально-конфронтационная модель – в ее основе лежит построение общества исходя из представления о главенствующей роли социальной конфронтации в историческом контексте [6].

Вышеперечисленные модели коррелируются с основополагающими характеристиками элит (статусно-альтиметрической, диспозиционной и десизионной).

В современной науке элитологии выделяют два основных критерия выделения элит: меритократический или ценностный и альтиметрический. Меритократический подход основан на этиологии категории «элита», которая определяется как «лучшее». При меритократическом подходе индивид, входящий в элитарную группу, обладает высоким уровнем интеллекта, талантом, уникальными способностями, компетентностью. Приверженцы данного подхода определяют основной критерий элитности – превосходство, в первую очередь, интеллектуальное, моральное и т.д. При таком подходе властью обладают достойные и заслуженные, а властное объяснение роли элит в политико-административной сфере делится на структурную и функциональную.

При структурном подходе элита представляет собой группу людей, которые занимают высшие руководящие должности в институтах публичной власти. Функционалисты рассматривают элиту как круг людей, которые обладают не просто номинальной, а в большей степени реальной властью, то есть, именно они задают вектор общественного развития и принимают управленческие решения или влияют на их принятие независимо от своего места в иерархии власти.

Особенностью статусно-альтиметрического подхода (позиционного, властного) является наличие реальной власти у индивида без обязательной привязки к высокому интеллекту и морально-этическим качествам. В рамках данного подхода, который наиболее активно применяется

в социологии, происходит отождествление с правящим классом (истеблишментом). Родоначальником этого подхода можно назвать Г. Моска [4]. Данный методологический подход определяет основной критерий принадлежности к элите – власть, посредством которой индивид обладает возможностью управлять, реализовывать властные полномочия через принятие управленческих решений. Иными словами, элитой будет та группа людей, которая обладает властными полномочиями, через назначение на ключевые руководящие должности в государственном аппарате, имея привилегированное положение.

Критика статусно-альтиметрического подхода основывается на высокой формализации, когда неважны личностные характеристики представителя элиты, а ключевой показатель элитарности – это статус и должность. Но несмотря на это статусно-альтиметрический подход весьма популярен среди ученых и исследователей социологии и элитологии, так как позволяет точно и эффективно определить объект анализа: например, в рамках Конституции РФ достаточно точно можно определить границы эмпирического исследования элиты – которая представляет собой структуру органов публичного управления [1].

Термин «диспозициональный параметр» (от англ. disposition – предрасположенность) относится к фундаментальным, устойчивым характеристикам или чертам личности, поведения или мышления человека, группы. В контексте психологии и социальных наук, это понятие используется для описания склонностей или предрасположенностей, которые влияют на то, как человек воспринимает мир вокруг себя, реагирует на различные ситуации и взаимодействует с другими людьми. Диспозиционные характеристики индивида — это личностные его особенности, отличительные черты. В первую очередь это касается определенной степени самосознания личности. Здесь прослеживается следующая закономерность - высоко развитое самосознание индивида приводит к четкой связи между его поведением и установками. Социологи Л. Миллер и Д. Граш в своих научных трудах описывают как установки влияют на поведение людей, указывая, что при условии высокого уровня осознания человеком своих собственных установок происходит уменьшение влияния на него чужих установок.

Диспозициональные параметры (характеристики) могут включать в себя темперамент: (естественные, врожденные аспекты личности, такие как склонность к эмоциональности, активности); черты характера (относительно стабильные черты личности, такие как доброжелательность, сознательность); ценностные ориентации (глубоко укоренившиеся убеждения и ценности, которые влияют на выбор и поведение); определенный когнитивный стиль (способы обработки информации, решения проблем и принятия решений); эмоциональная реактивность (способность реагировать на эмоциональные стимулы и раздражители определенным образом); мотивационные тенденции (склонности к определенным видам мотивации, таким как достижения, власть или принадлежность).

Диспозициональная характеристика элиты – это набор черт, склонностей и предрасположенностей, которые обычно ассоциируются с элитными группами или индивидуумами в обществе. Во-первых, к диспозициональным характеристикам элиты относится высокий уровень образования и компетенции. Как правило, представители той или иной элитарной группы обладают высоким уровнем образования и профессиональной квалификации, что позволяет им занимать высокие руководящие посты.

Также элита часто отличается способностью к долгосрочному и стратегическому планированию, а также умением видеть общую картину. Элитные группы обычно имеют обширные социальные и профессиональные связи, которые они используют для продвижения своих интересов и целей. Часто элиты обладают значительными материальными ресурсами, которые усиливают их социальное и экономическое влияние. Элита может играть ключевую роль в определении культурных норм, что проявляется в искусстве, музыке, моде и других аспектах.

Еще один диспозициональный параметр элиты – этические и моральные стандарты. Эта характеристика подвижна и может меняться, элитные группы часто поддерживают определенные этические и моральные стандарты, которые могут влиять на их решения и действия. Такие моральные стандарты могут определяться на основе как легитимных инструментов (на основе нормативно-правовой базы), так и рестриктивных (внутригрупповая договоренность).

Эти характеристики могут проявляться по-разному в зависимости от культурного, социального и экономического контекста. Также стоит отметить, что существует множество различных теорий и подходов к изучению элит, и диспозиционные характеристики могут интерпретироваться по-разному.

Термин «десизионные характеристики» относится к особенностям или атрибутам, связанным с процессом принятия решений. В контексте изучения поведения представителей элитарных групп это может включать в себя анализ того, каким образом элиты принимают решения, какие факторы они учитывают, какие стратегии и методы они используют, и какие у них предпочтения или склонности при принятии управленческих решений.

Структура элиты плюралистична по составу и может быть классифицирована по различным основаниям. Одной из самых распространенных классификаций элиты является ее деление по профессиональному критерию: экономическая, политическая, военная, научная и другие. Особое место в такой иерархии занимает военная элита, специфика которой определяется социальной базой, выступающей источником ее формирования, в первую очередь, речь идет об офицерском корпусе.

Для объективного анализа военной элиты необходимо определить ее социальную природу, которая заключается в осуществлении своей деятельности военнослужащими, представителями социально-профессионального слоя, из которого происходит отбор высокопрофессиональных, компетентных граждан, составляющих военную элиту.

Военная элита – конкретный круг военных руководителей, которые обладают высоким уровнем профессиональных и интеллектуальных качеств, а также имеющие легитимную возможность влиять на деятельность представителей политической власти в рамках обеспечения государственного суверенитета и национальной безопасности. Кадры военной элиты – это руководители, обладающий высокими интеллектуальными и морально-волевыми качествами, имеющие высокий индекс в сфере своей профессиональной деятельности [7].

Анализ военной элиты целесообразно разделить на два основных направления. Во-первых, необходимо рассмотреть роль военной элиты в общей военной системе государства, что позволяет детально определить особенности стратегии обороны государства, направленность гражданско-военных отношений и развитие военного сознания. В рамках второго направления необходимо выделить основные внутренние тенденции развития в военной сфере.

Исследование военных элит требует комплексного подхода, объединяющего статусно-альтиметрические, диспозиционные и десизионные характеристики. Эти аспекты взаимодополняют друг друга, и дают глубокое понимание военного лидерства.

В контексте статусно-альтиметрических параметров представители военной элиты характеризуются исходя из официального положения, звания и авторитета, роли и места в иерархии военных сил. Диспозиционные характеристики включают в себя личностные качества, такие как характер, ценности, убеждения и этические нормы военной элиты. Данный параметр формирует подход к лидерству и стили управления, влияя на межличностные взаимодействия и моральный климат в вооруженных силах. Десизионные характеристики военной элиты отражают особенности процесса и методов принятия решений, стратегического мышления и управления рисками. Особо отметим важность данного параметра в контексте оценки способности к адаптации в меняющихся условиях, критическому анализу ситуаций и эффективному решению проблем.

Рассмотрим взаимодополняемость вышеописанных характеристик. Статусно-альтиметрические характеристики определяют формальное положение и влияние, в то время как диспозиционные и десизионные характеристики формируют подход к исполнению этих ролей через принятие управленческих решений. Диспозиционные качества, такие как ценности и убеждения, взаимодействуют с десизионными способностями, обеспечивая наиболее профессиональный и нравственно осознанный подход к решениям, которые соответствуют статусу и роли лидера. Комбинация адаптивности и гибкости позволяет военным лидерам адаптироваться к различным ситуациям, используя свои личные качества и официальное положение для эффективного управления и принятия решений. Сочетание диспозиционных и десизионных характеристик со статусом позволяет военным лидерам развивать стратегии, которые не только эффективны, но и соответствуют высоким моральным и этическим стандартам. Взаимодополнительный характер статусно-альтиметрических, диспозиционных и десизионных характеристик является ключевым для глубокого понимания функционирования военных элит и оценки их эффективности.

Исходя из вышеописанных параметров (характеристик) типология военных элит может быть представлена виде двух направлений. Основой этой типологии выступает в первую очередь, набор качеств представителей военной элиты, которые в общем необходимы, чтобы с честью представлять эту элитарную группу при любых обстоятельствах (основные качества), и качества, который необходимы военному служащему при выполнении определенных обязанностей и в мирное, и в военное время (вытекающие, специальные качества).

Карьерный (исполнительский) тип, представители которого обладают набором основных качеств, представляет собой кадровый состав, обладающий в первую очередь, статусно-альтиметрическими параметрами с акцентом на следующие особенности военнослужащего: высокий уровень знаний нормативно-правовой базы, исполнительский тип личности, соблюдение субординации, дисциплины. Основывается данный тип на трех основных воинских добродетелях описанных А. А. Керсановским – дисциплина, призвание и прямота [8].

Второй тип – сформировался в контексте менеджизации военной элиты, когда условия и обстоятельства осуществления своих полномочий представителями военной элиты, требуют принятия инновационных (креативных), эффективных управленческих решений, что требует от индивида специальных качеств (адаптивность, гибкость мышления, высокий уровень интеллекта, инновационность). Второй тип военной элиты более актуален в период военно-политических конфликтов как внутренних, так и внешних. Представители этого типа военной элиты способны оказывать влияние на процесс принятия управленческих решений не только в военной сфере, но также в политической, экономической, от уровня их индекса профессионализма зависит национальная безопасность и сохранение целостности государства.

И еще одно значимое замечание, относящееся к общему процессу развития стратегического управления в экономике и в политике, который обозначился еще в 40-е – 50-е годы XX в. Речь идет о разделении сфер влияния при принятии крупных решений и в последующей фазе их реализации или то, что называется менеджизацией.

В связи с менеджизацией современной военно-управленческой деятельности и развитием военного профессионализма наблюдается определенное «расщепление» спецификации военных элит по диспозициональным и десизионным признакам. Что можно обозначить как «военно-командная» субкультура. Соответственно, это накладывает свой отпечаток на подбор, подготовку (обучение), продвижение элитных кандидатов. С одной стороны, страта диспозиционального выделенного и продвигаемого сегмента больше ориентирована на командные, лидерско-организационные качества. А десизионная страта востребует когнитивно-аналитические и проектно-конструктивистские качества, способность к рефлексивному управлению в процессе подготовки и обоснования решения [9–10].

Разумеется, роль скоро именно на военные элиты возложен высокий удельный вес военно-стратегического управления, в этих рамках идет быстрое развитие и специализация и других видов организационно-управленческих функций (военно-техническая, военно-культурная и др.), которые концентрируются вокруг базовых функций (военно-командной и военно-штабной) и представлены соответствующими военно-элитными группами.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в элитологии (классической и современной) при выявлении и анализе элит в качестве ведущих методов используются статусно-альтиметрический (в соответствии с занимаемым местом во властной иерархии), диспозициональный (по набору черт и качеств элитного уровня) и десизионный (роль в принятии главных политических решений). В этом плане два первых метода наиболее важны при общем описании властного элитного ансамбля (политики, бизнесмены, военные, руководители спецслужб, идеологи и т.д.). Что касается третьей характеристики, то она важна не только в анализе властных ролей той или иной элитной подгруппы, но и в анализе особенностей реализации и качества реализации принятых политических решений. В этом плане военные элиты, как правило, выступают в качестве базового инструмента вооружено-насильственных методов в процессе исполнения политических решений. Но качество эффективности исполнения этих решений почти абсолютно зависит от качества военных элит, их военно-стратегического и тактического мышления, организованности и дисциплины, профессионализма и самоотдачи (мужество, храбрость, самоотверженность).

Список источников

1. Аксенов П. В. Методологические проблемы исследования интеллектуальной элиты: культурологический ракурс // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 18.
2. Чуб Л. И., Трутнев И. А. Элементы властвующей элиты современного общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4-2 (30). С. 196–201.
3. Prewitt K., Stone A. *The Ruling Elites: Elite Theory, Power, and American Democracy*. New York; London: Harper & Row Publishers, 1973.
4. Володин К. С. Гаэтано Моска и Вильфредо Парето: обзор теории // Pro nunc. 2012. №1 (11).
5. Социология Вильфредо Парето / Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии: учебное пособие. 9-е изд. М.: КДУ, 2008. 240 с.
6. Бельков О. А. Военная элита: социологический анализ / В сборнике: Элитология России: современное состояние и перспективы развития. Материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. Ростов н/Д., 2013. С. 363–384.
7. Бродкин И. А. Военная элита российского общества: теория и методология исследования // Вестник Военного университета. 2007. № 1 (9). С. 34–42.
8. Снесарев А. Е., Керсновский А. А. *Философия войны*. М., 2018. 336 с.
9. Старостин А. М., Понеделков А. В. Очерки политической элитологии. Ростов н/Д., 2023. С. 170–178.
10. Тюшкевич С. А. О законах войны. Вопросы военной теории и методологии. М., 2023. С. 134–140.

References

1. Aksenov P. V. Methodological problems of intellectual elite research: a cultural perspective. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2012;(18). (In Russ.)
2. Chub L. I., Trutnev I. A. Elements of the ruling elite of modern society. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. 2013;4-2 (30):196–201. (In Russ.)
3. Prewitt K., Stone A. *The Ruling Elites: Elite Theory, Power, and American Democracy*. New York; London: Harper & Row Publishers; 1973.
4. Volodin K. S. Gaetano Mosca and Wilfredo Pareto: a review of the theory. *Pro nunc*. 2012;1(11). (In Russ.)
5. Sociology of Wilfredo Pareto. In: *Hoffman A. B. Seven lectures on the history of sociology: a textbook*. 9th ed. Moscow: KDU; 2008. 240 p. (In Russ.)
6. Belkov O. A. Military elite: a sociological analysis. In: *The Elitology of Russia: the current state and prospects of development*. Materials of the First All-Russian Elite Congress with international participation. 2013:363–384. (In Russ.)
7. Brodskin I. A. The military elite of Russian society: theory and methodology of research. *Bulletin of the Military University*. 2007;1(9):34–42. (In Russ.)
8. Snesarev A. E., Kersnovsky A. A. *Philosophy of war*. Moscow; 2018. 336 p. (In Russ.)
9. Starostin A. M., Ponedelkov A. V. *Essays on political elitism*. Rostov-on-Don. 2023:170–178. (In Russ.)
10. Tyushkevich S. A. About the laws of war. *Questions of military theory and methodology*. Moscow; 2023:134–140. (In Russ.)

Информация об авторе

О. О. Керимов – аспирант кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

O. O. Kerimov – Postgraduate Student at the Department of Political Science and Ethnopolitics, South Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.01.2024; одобрена после рецензирования 28.01.2024; принята к публикации 29.01.2024.

The article was submitted 11.01.2024; approved after reviewing 28.01.2024; accepted for publication 29.01.2024.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы управления, экономики, политологии, социологии.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07-21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем научной статьи должен быть от 10 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе/Information about the author»;

- аннотация (до 250 слов);

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15). Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержание.

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: *Гончаров В.И.* Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: *Змияк С.С., Игнатова Т.В., Хашева И.А.* Реализация активных мер государственной политики занятости на рынке труда Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2016. № 4. С. 30–40).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

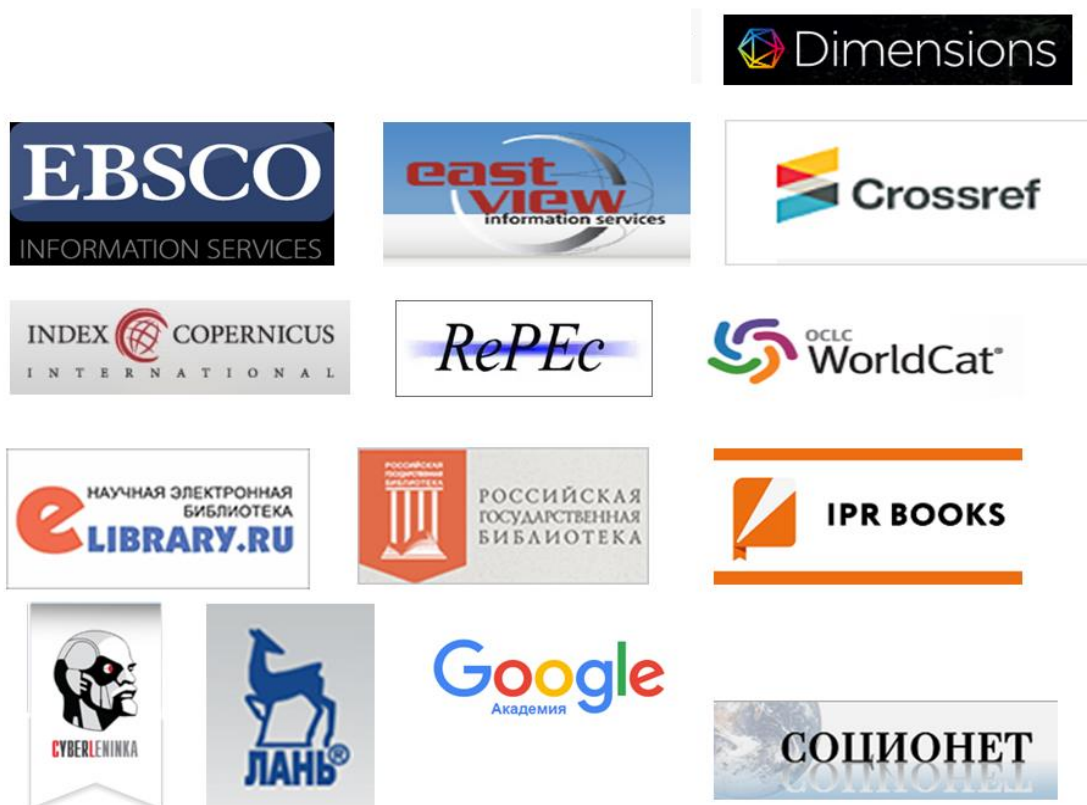
Научные статьи предоставляются по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки».

Тел. 8(863) 203-63-89; e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru; <http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1. 2024

Выход в свет 29.03.2024. Гарнитура Cambria. Формат 60x84 1/8.
Офсетная печать. Бумага офсетная. Объем 20 п.л. Тираж 100 экз. Заказ 1411-24

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru